



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



**This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.**

Тихомирову, М. С.

ЛѢТОПИСИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И

ДРЕВНОСТИ,

ИЗДАЕМЫИ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОПРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРАТЧЕВА И КОМЪ.

1859.

*Летопись
Тихомирову
М. С.*

Digitized by Google

PG 3200

T 5444

v. 2

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРАМЗИНА, КАКЪ ПРАКТИЧЕСКАГО ФИЛОСОФА.

Еще далеко не опредѣлено значеніе, которое имѣлъ для насъ Карамзинъ своею мыслью, какъ литераторъ, какъ ученый и какъ гражданинъ. Скажемъ болѣе: изданныхъ матеріаловъ для подробной его оцѣнки еще такъ мало, что нѣтъ и возможности произнести о немъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ окончательнаго сужденія. Извѣстно нѣсколько весьма важныхъ его статей, еще ненапечатанныхъ безъ пропусковъ: сколько же, быть можетъ, сохранилось о немъ интересныхъ данныхъ, о существованіи которыхъ мы и не подозреваемъ? Такъ еще недавно удалось мнѣ первому ознакомиться съ его Альбомомъ, который вслѣдъ за тѣмъ былъ напечатанъ во второй книжкѣ «Лѣтописей русской литературы и древности.»

Альбомъ этотъ даетъ возможность объяснить себѣ подробнѣе философскіе взгляды Карамзина, отъ которыхъ конечно не могли не быть въ тѣсной зависимости всѣ отрасли его дѣятельности. Отрывочность отдельныхъ статей Альбома, не мѣшающая впрочемъ замѣтить главной идеи, которою руководился Карамзинъ при ихъ выборѣ, и отсутствіе прямого указанія на эту идею — наводятъ на мысль, что последнее было сдѣлано въ разговорѣ, при чемъ конечно и уяснилось многое, недосказанное на бумагѣ. Уже поэтому, мы считаемъ не лишнимъ представить нѣкоторыя данныя для разбора Альбома, въ надеждѣ, что другіе опредѣлятъ точнѣе все его значеніе. Въ то же время, мы постараемся сообщить

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 31 дня 1859 года.

Цензоръ А. Драшусовъ.

І.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

нѣсколько указаній на отношеніе образа мыслей, выраженнаго въ немъ, къ нѣкоторымъ явленіямъ въ ученой дѣятельности нашего исторіографа.

Нельзя не остановить вниманія на сходствѣ убѣжденій Карамзина, высказанныхъ словами Руссо и другихъ писателей, со взглядами Канта относительно добродѣтели, дружбы, монархическаго правленія. «Способность и рѣшимость сопротивляться сильному, но несправедливому врагу, ищетъ Кантъ, и называется мужествомъ, а относительно врага въ насъ самихъ — добродѣтелью, которая есть нравственная сила въ исполненіи обязанностей ¹⁾». «Имя добродѣтели», читаемъ въ Альбомѣ, «и пронесодитъ отъ силы: человекъ добродѣтельный находится постоянно въ военномъ положеніи и долженъ безпрестанно вступать въ бой съ самимъ собою». Вслѣдъ за статью о добродѣтели, Карамзинъ помѣщаетъ статьи о супружествѣ и дружбѣ. Въ основаніе супружества Карамзинъ кладетъ добродѣтель и дружбу. «Я когда то думалъ», пишетъ онъ, «что любовь необходима для того, чтобы быть счастливымъ въ супружествѣ; но это ошибка: достаточно благородства (l'honnêteté), добродѣтели, извѣстныхъ причинъ. . . . Молодые супруги! вамъ грозитъ опасность, если вы другъ для друга ничто другое, какъ любовники: заключите заранѣе между собою дружбу, чтобы сохранить ее навсегда. Довѣріе, которое важнѣе любви, замѣрять ее». — «Заключаютъ супружескій союзъ», сказано тамъ же не для того, чтобы любить другъ друга, а чтобы взаимно нести обязанности». И такъ супружество, а равно и дружба, по Карамзину есть обязанность, которую беретъ на себя человекъ и самая добродѣтель возлагаетъ ее на насъ. Что я не ошибаюсь, толкуя такъ связь мыслей Карамзина о добродѣтели, супружествѣ и дружбѣ, свидѣтельствуесть также самая послѣдовательность статей Альбома.

Весьма сходная съ этимъ убѣжденія встрѣчаемъ мы относительно дружбы у Канта. О ней есть цѣлый отдѣлъ въ его Tugendlehre, гдѣ она причисляется къ обязанностямъ челове-

¹⁾ См. Канта. Tugendlehre, Einleitung. I. Kants Werke. Leipzig. 1838. Fünftler Band, S. 203.

ка¹⁾. Наконецъ самыя идеи Канта объ апатіи или отсутствіи аффектовъ, какъ условіи добродѣтельнаго образа дѣяствій, мы встрѣчаемъ въ Альбомѣ, гдѣ высшими добродѣтелями считаются добродѣтели отрицательныя (*vertus négatives*). Совершивъ переворотъ въ философіи, Кантъ самъ не могъ не впасть въ крайность. Вотъ почему, возставъ на эмпиризмъ въ наукѣ о добродѣтели, онъ дошелъ до убѣжденія, что во имя homo пошменон мы должны жертвовать homo phaenomenon²⁾. Человѣкъ, по Канту, существо, созданное для осуществленія отвлеченныхъ идей добродѣтели и долга. Въмѣсто добродѣтельнаго образа дѣяствій, при которомъ цѣль — самое дѣйствіе, жизнь, а добродѣтель — качество, человѣку предписывается какое то самозакланіе во имя ея. Но послѣдуемъ за Кантомъ. «Осуществлять идеи правды и добродѣтели, нишетъ онъ, не въ состояніи тотъ, кто не достигъ свободы духовной или автономіи. Государство основали люди для того, чтобы устранить для каждаго индивидуума препятствія къ пріобрѣтенію этой автономіи. Последнія заключаются въ безпорядкахъ и дикой необузданности общества; и потому правительство создано для уничтоженія тѣхъ и другой»³⁾. И такъ чѣмъ правительство успѣшнѣе дѣйствуетъ, имѣя въ виду эту цѣль, или чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ оно лучше. Самое же малосложное

¹⁾ Nach Freundschaft, als einem Maximum der guten Gesinnung gegen einander, zu streben... ist eine Pflicht. Ethische Elementarlehre. II. B. II. Hstck. § 46, B. V, S. 309.

²⁾ Стр. 246: Der Mensch betrachtet sich im Bewusstsein seiner Pflicht gegen sich selbst, als Subject derselben, in zwiefacher Qualität: erstlich als Sinnenwesen (homo phaenomenon), dann aber auch als Vernunftwesen (homo noumenon) u. s. w. Вся обязанности чловѣка относительно homo phaenomenon ограничиваются у Канта самохраненіемъ. Развитие же въ самомъ тѣлѣ силы и красоты, которое нельзя не считать обязанностію, онъ совершенно упускаетъ изъ виду. Въ этомъ отношеніи въ Альбомѣ мы можемъ указать на весьма удачное дополненіе идеи Канта, на выписку изъ Мильтона.

³⁾ Das Staatsrecht, § 44. Man muss aus dem Naturzustande, in welchem jeder seinem eigenen Kopfe folgt, herausgehen, um sich einem öffentlich gesetzlichen, äusseren Zwange zu unterwerfen. Въ Rechtslehre, § D, Einleitung, Кантъ пишетъ: wenn ein gewisser Gebrauch der Freiheit selbst ein Hinderniss der Freiheit nach allgemeinen Gesetzen (d. i. unrecht) ist, so ist der Zwang, der diesem entgegengesetzt wird, recht и потому Кантъ говоритъ дальше: das strikte Recht kann auch als die Möglichkeit eines mit Jedermanns Freiheit nach allgemeinen Gesetzen zusammenstimmenden wechselseitigen Zwanges vorgestellt werden.

и сильною есть автократическое и потому оно лучшее; такъ же называемая ограниченная форма правленія прикрываетъ только видомъ законности поступки, основанныя на своекорыстїи и ведетъ къ непрерывнымъ междуособїямъ. Конечно «автократія легко переходитъ въ деспотизмъ; но какъ скоро она учредилась въ какой либо странѣ, то монархъ не можетъ самовольно замѣнить ее другою формою правленія, а долженъ лишь стремиться къ тому, чтобы древняя эмпирическая форма правленія, служившая для того, чтобы создать подданныхъ, перешла въ примитивную или рациональную».

Итакъ есть два лучшихъ образа правленія: одинъ по простотѣ и малосложности, другой по примитивности. Первый называется самодержавнымъ, второй чистою республикою ¹⁾ Нельзя не замѣтить, какъ много сходства во всемъ этомъ съ убѣжденїями Карамзина. Записка о древней и новой Россїи написана съ цѣлю доказать, что установившіяся у насъ государственныя формы коренятся въ исторїи и потому насильственное ихъ измѣненіе даже со стороны самой власти ничѣмъ бы не оправдывалось; въ Альбомѣ выставляются преимущества самодержавія передъ конституціоннымъ правленіемъ и въ то же время первому противопоставляется недостижимая впрочемъ форма правленія, въ которой бы законъ стоялъ выше челоуѣка. Итакъ Кантъ и Карамзинъ требовали отъ правительства во первыхъ уваженія къ тому, что развилось исторически и во вторыхъ рѣшимости ограничить кругъ своей дѣятельности строгою бдительностью за тѣмъ, чтобы насиліе и самовластіе, съ чьей бы стороны ни было, не препятствовали частнымъ лицамъ совершенствоваться нравственно.

Понятенъ этотъ образъ мыслей обоихъ, если припомнить, что передовые люди 19-го вѣка къ тому лишь одному и стремились, чтобы въ основанїи государства легла идея справедливости. Сочувствуя свободному развитію народа, при бди-

¹⁾ Staatsrecht, § 51, 52. Die Staatsformen mögen also bleiben, so lange sie durch alte und lange Gewohnheit (гражданскіе навьки у Карамзина) für notwendig gehalten werden... Aber die constituirende Gewalt hat die Verbindlichkeit die Regierungsart allmählig und continuirlich dahin zu verändern, dass sie mit der einzig rechtmässigen Verfassung, nämlich der einer reinen Republik ihrer Wirkung nach zusammenfalle u. s. w.

тельномъ лишь правительствѣ, Карамзинъ не скрывалъ своего удивленія къ Екатеринѣ и нѣкотораго нерасположенія къ Петру. Впрочемъ ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что Карамзинъ обрекалъ правителей на какую то пассивность. Нѣтъ, онъ возлагалъ на нихъ обязанность: не плѣняться ни блескомъ силы военной, ни однимъ матеріальнымъ развитіемъ націи, а любить ее. — Какъ же понималъ Карамзинъ последнее, объ этомъ дадутъ понятіе слѣдующія слова Канта: «любовь, какъ долгъ относительно человѣчества — не есть эстетическое чувство, заставляющее насъ радоваться при видѣ совершенства другихъ людей: она есть максима доброжелательности, влекущая за собою добрыя дѣла»¹⁾

Не стану распространяться далѣе о сходствѣ идей Карамзина съ идеями Канта; замѣчу только, что оно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Карамзинъ слѣдилъ за современнымъ ему развитіемъ философіи на западѣ и издавна знакомый съ сочиненіями Руссо, онъ не могъ не остановить вниманія на ученіи мыслителя, значеніе котораго, какъ практическаго философа, заключается именно въ томъ, что онъ формулировалъ идеи Руссо, конечно отчасти видоизмѣнивъ ихъ. Впрочемъ вліаніе мыслей Руссо не ограничилось Кантомъ и Карамзиннымъ, а распространилось и на другихъ замѣчательныхъ мыслителей послѣдней четверти 18-го и первой 19-го столѣтія. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Фихте, окончательное развитіе практической философіи котораго вертится около того же года, въ которомъ написанъ Альбомъ Карамзина²⁾.

Фихте, заслуги котораго такъ велики, вмѣстѣ съ Карамзиннымъ гордился тѣмъ, что воспитался на Руссо и прекрасно опредѣлилъ значеніе послѣдняго въ исторіи развитія человѣчества. «Пробужденный Руссо, духъ человѣческой совершилъ великій подвигъ: онъ измѣрилъ самъ себя» пишетъ Фихте, и далѣе: «молодые люди, полные силъ, почувавъ на себѣ вліаніе

¹⁾ Die Liebe wird hier nicht als Gefühl (ästhetisch) d. i. als Lust an der Vollkommenheit anderer Menschen... genommen, sondern muss als Maxime des Wohlwollens (praktisch) gedacht werden, welches das Wohlthun zur Folge hat.

²⁾ Das System der Rechtslehre in Vorlesungen 1812; das System der Sittenlehre 1812. Die Staatslehre oder über das Verhältniss des Urstaates zum Vervunftreiche 1813. Politische Fragmente 1807.

духа Руссо, произвести въ мышленіи переворотъ, который будетъ находится въ связи съ этимъ подвигомъ ¹⁾

Къ числу молодыхъ людей, о которыхъ говоритъ Фихте, слѣдовало бы причислить и Карамзина: духъ Руссо подѣйствовалъ также на него и онъ приступилъ къ изученію русской исторіи, благоговѣя передъ мыслью лучшихъ современныхъ ему философовъ. Впрочемъ Карамзинъ не былъ слѣпымъ послѣдователемъ ни Руссо, ни Канта. Такъ первый нигдѣ не восхваляетъ самодержавія, приверженцемъ котораго является Карамзинъ, сходствуя въ этомъ съ Кантомъ; такъ мы не встречаемъ у послѣдняго убѣжденія, что правительство, чувствующее свою силу, не уподобится Церонамъ и Тиверіямъ, а мысль эта, какъ намъ кажется, вѣрна, если только, какъ часто бываетъ, не смѣшивать съ сознаніемъ силы величавую трусость.

Чтобы объяснить, какъ вѣрны приведенныя выше слова Руссо и что литературною дѣятельностью послѣдняго обозначена грань между двумя эпохами мышленія, замѣтимъ, что и въ Англіи, въ послѣдней четверти 18-го столѣтія произошелъ переворотъ въ изученіи философіи. Виповинкомъ его былъ Ридъ, идеи котораго представляютъ много сходства съ идеями Канта. Ридъ менѣе заимствовалъ у Руссо, но послѣдній самъ былъ тѣсно связанъ съ предшественниками Рида въ Англіи, теорія котораго была вызвана въ видѣ противодѣйствія трудами ихъ.

«Люди, обладающіе хоть небольшою долею таланта», сказано въ Альбомѣ, «читаютъ только два рода книгъ: такія, которыя заставляютъ думать и такія, которыя содержатъ факты». Спрашивается: углубившись въ лѣтописи, пересталъ-ли Карамзинъ читать книги перваго рода, забылъ ли онъ, приступивъ, къ собранію данныхъ для описанія прошедшаго Россіи, то, что почерпалъ въ Руссо и другихъ сочинителяхъ? Альбомъ свидѣтельствуетъ, что нѣтъ: притомъ не подвержено сомнѣ-

¹⁾ Durch Rousseau geweckt, hat der menschliche Geist ein Werk vollendet... er hat sich selbst ausgemessen (Фихте подразумеваетъ трансцендентальную философію Канта) и далѣе: durch jenen Geist geweckt werden junge kraftvolle Männer die gänzliche, neue Schöpfung der menschlichen Denkungsart, die dieses Werk bewirken muss, hervorbringen.

нію, что, приступивъ къ своему послѣдному и главному труду, Карамзинъ не намѣревался пожертвовать дѣятельности въ чисто ученой сферѣ даже своимъ литературнымъ вліяніемъ на современниковъ. Рассказывая исторію Россіи, онъ постоянно имѣлъ въ виду настоящее и потому трудно предположить, чтобы его философскія идеи, выработавшіяся въ то время, когда онъ трудился надъ собираніемъ фактовъ для исторіи Россіи, не отразились на послѣдней. Не имѣя времени подвергнуть ее обстоятельному разбору съ цѣлью опредѣлить подробно, гдѣ и какъ проявляется въ Исторіи Государства Россійскаго мысль Карамзина, какъ практическаго философа, ограничусь на время указаніемъ того вліянія, которое оказали на него идеи Руссо, при составленіи имъ Записки о древней и новой Россіи. Читая ее, нельзя не замѣтить, что отвлеченныя понятія, которыя руководили имъ, когда онъ писалъ ее, заставили его утратить нѣсколько смысла къ пониманію дѣйствительности, такъ что многое въ ней освѣщено не вѣрно, согласно съ буквою, но не съ духомъ лѣтописцевъ. Такъ, говоря о норманскомъ періодѣ, Карамзинъ пишетъ, что князья тогда оживляла пылкая романтическая страсть къ завосваніямъ; монархи казались народу полубогами: въ счастливомъ отдохновеніи мира государь пировалъ съ зельможами и народомъ, какъ отецъ среди своего семейства многочисленнаго. Невольно припоминаешь при чтеніи этихъ строкъ возгласы Руссо о доблестяхъ людей, неспорченныхъ ложнымъ образованіемъ, его сочувствіе Катонамъ и всему древнему міру, когда законодатели облакались въ глазахъ народа *божескимъ* авторитетомъ. Согласно съ послѣднимъ, Карамзинъ отозвался и о Екатеринѣ: «она ласкала такъ называемыхъ философовъ, но хотѣла повелѣвать, какъ земной *Богъ* и повелѣвала. Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было одно изъ счастливейшихъ для Россіи, едва ли не каждый изъ насъ пожелалъ бы жить тогда». Самое мнѣніе Карамзина о Петрѣ вполне согласовалось со взглядами Руссо на этого монарха. Признавая въ Петрѣ замѣчательнаго воина и гениальнаго правителя, Карамзинъ ставитъ ему въ вину цѣль его, которая состояла въ присвоеніи *обычаевъ европейскиихъ* и жестокія мѣры, къ

которымъ не нужно было прибѣгать Екатерину, «ибо она не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ». Какъ сказано выше, совершенно того же мнѣнія былъ о Петрѣ Руссо. Приведемъ слова послѣдняго: «Pierre avait le génie imitatif... Il a d'abord voulu faire des Allemands, des Anglois, quand il fallait commencer par faire des Russes.»¹⁾ Иногда въ Запискѣ о древней и новой Россіи буквально приводятся слова, которыя встрѣчаются и въ Альбомѣ; такъ въ первой приведены, также съ цѣлью доказать ихъ ошибочность, слова: «надобно только поставить законъ еще выше государя». Въ Альбомѣ Карамзинъ ставитъ Катона, какъ идеаль патріота, выше космополита Сократа; въ Запискѣ намъ ставится въ вину, что послѣ Петра мы съ приобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили много гражданскихъ. Останавливая вниманіе на нѣкоторыхъ частностяхъ въ статьѣ о древней и новой Россіи, я надѣялся доказать, что даже въ нѣмъ замѣтно вліяніе Руссо. Гораздо конечно важнѣе то, что самыя главныя идеи въ этой статьѣ тѣже, которыя мы встрѣчаемъ въ Альбомѣ. Вѣра, любовь къ отечеству и самодержавіе вотъ главныя начала, о которыхъ говоритъ Карамзинъ въ статьяхъ послѣдняго, писанныхъ передъ самымъ нашествіемъ Наполеона. Въ то же время говорилъ онъ въ Запискѣ о древней и новой Россіи: «вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ и ненависть къ чужеземной власти повели въ 1612 году къ освобожденію Москвы» и далѣе: «вслѣдъ за тѣмъ граждане и аристократы, воспламененные любовью къ отечеству, зывали: Богъ и Государь».

Мы старались доказать выше, что въ идеяхъ Карамзина, выраженныхъ въ Альбомѣ, много сходства съ идеями Канта. Записка о древней и новой Россіи вся основана на мысли, въ то время развитой послѣднимъ съ рѣдкою ясностью. «Монархъ», пишетъ Кантъ, «обязанъ стремиться не устранять существующій порядокъ, а измѣнять его постепенно, смягчая его и содѣйствуя тому, чтобы древнія эмпирическія формы постепенно перешли въ рациональныя». Главное дѣло Екате-

¹⁾ Contrat Social; du peuple, livre II, chap. VIII.

рины II, по Карамзину, заключалось въ томъ, что ея смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей. Съ рѣдкою опредѣлительностью, согласно Канту, объявляетъ себя Карамзинъ противъ двудержавія и олигархіи, которая помышляетъ лишь о себѣ.

Быть можетъ, спросить: велико ли достоинство идей Карамзина, вѣрно-ли судилъ онъ о современныхъ нуждахъ, не былъ ли взглядъ его отсталымъ? Стоитъ прочесть сочиненія Канта, Фихте и другихъ лучшихъ писателей того времени, чтобы убѣдиться, какъ современенъ былъ взглядъ Карамзина. Усиленіе олигарховъ, которое могло приходить въ голову своекорыстнымъ или нѣкоторымъ незрѣлымъ людямъ, замедлило бы безъ сомнѣнія ходъ развитія государства. Рядъ статей, недавно напечатанныхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, которыя прочтены конечно всѣми и выходки людей высшей породы убѣждаютъ насъ, что и теперь еще взглядъ Карамзина во многомъ не утратилъ своего значенія. Вообще Записка и Альбомъ, по духу, въ которомъ онѣ написаны, вѣчно будутъ свидѣтельствовать о ясности ума Карамзина и о благородномъ, смѣломъ его сочувствіи всему полезному для Россіи. —

Лучшимъ доказательствомъ тому, что Карамзинъ не приписывалъ себѣ одному истинъ, которыя высказалъ въ Запискѣ о др. и н. Р. служатъ его же слова: » Какое имѣю право судить о настоящемъ? Любовь къ Отечеству, Монарху, нѣкоторыя, можетъ быть, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра и *въ бѣсѣдахъ съ мужами великими*, т. е. въ ихъ твореніяхъ. » — Альбомъ былъ составленъ имъ вѣроятно съ цѣлью представить философскія доказательства въ пользу начала, которыя въ Запискѣ онъ выводилъ изъ наблюденія давно прошедшихъ и недавно минувшихъ судебъ Россіи. Опредѣливъ съ точностью, какого рода были эти начала, мы поймемъ доносы людей высшей породы, подобные тому, который недавно напечатанъ въ одной изъ книжекъ «Чтеній московскаго Общества исторіи и древностей».

Чтобы судить объ отношеніи, въ которомъ находился Карамзинъ къ Руссо при составленіи Альбома, надо уяснить себѣ, какъ онъ составленъ. Часто одна статья состоитъ изъ

нѣсколькихъ отрывковъ, почерпнутыхъ въ совершенно различныхъ сочиненіяхъ Руссо и отрывки эти расположены такъ, что въ связи представляютъ нѣчто цѣлое. Иногда у Руссо они въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ ведутъ къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ тѣ, для которыхъ воспользовался ими Карамзинъ. Иногда важно знать, что именно выпустилъ онъ. Съ цѣлью облегчить трудъ при сличеніи Альбома Карамзина съ сочиненіями, изъ которыхъ почерпнуты заключающіяся въ немъ выписки, укажу на страницы, гдѣ стоятъ главнѣйшія изъ нихъ или значительнѣйшія по величинѣ ¹⁾. При ссылкахъ относительно отрывковъ, почерпнутыхъ изъ Руссо, я пользовался изданіемъ Петитена, которое важно уже по нѣкоторымъ комментаріямъ и историческимъ заключеніямъ. Такъ, мнѣ кажется, не лишено интереса то обстоятельство, что, выставя преимущества монархическаго образа правленія, Руссо отчасти имѣлъ въ виду правленіе Шуазеля. Взгляды Руссо зависѣли часто отъ внѣшнихъ условій; знаніе послѣднихъ опредѣляетъ иногда большее или меньшее достоинство первыхъ и тѣмъ даетъ возможность судить отчасти и о вѣрности самыхъ убѣжденій Карамзина.

Н. ЛЫЖИНЪ.

¹⁾ Сообщаю ссылки, о которыхъ упоминаю:

Христіанская политика, 2 отрывка изъ *Discours sur l'histoire universelle de Bossuet. Troisième partie, chapitre huitième. Oeuvres etc. Liège, chez les Libraires Associés Tome IX* p. 363 и 365. О любви къ отечеству изъ Руссо III отрывка: а) *Economie Politique, Tome premier* p. 233 b и c) *Emile* p. 581. Стихотворецъ философъ изъ *Poëme Essay on Man. O Богъ* изъ Руссо, 7 отрывковъ: 2 изъ *Emile* p. 329; 4 *ibidem* p. 321—324; одинъ изъ *Lettre à M. de Beaufort T. III.* p. 677. Монархія и Самодержавіе, 9 отрывковъ: 4 первыхъ изъ *Contrat Social* p. 351, 366, 368, взятый изъ *Gouvernement de Pologne* p. 429. О добродѣтели 6 отрывковъ изъ Руссо: два первыхъ изъ *Emile, livre V* p. 542 и 543. О Супружествѣ изъ Руссо, 3 отрывка: первый изъ *Nouvelle Heloise lettre XX.*

СМОЛЕНСКАЯ ЛЕГЕНДА О СВ. МЕРКУРИИ.

Смоленская легенда о св. Меркурии принадлежит къ важнѣйшимъ произведеніямъ древне-русской литературы. Какъ народныя пѣсни заставляють князя Владиміра воевать съ Татарами, такъ и эта легенда соединяеть въ одно поэтическое цѣлое древнѣйшія преданія народнаго эпоса съ характеристикою нравственнаго и религіознаго движенія русской жизни во времена татарщины. Это произведеніе принадлежитъ столько же письменной литературѣ, какъ и безыскусственной народной поэзіи, и хотя дошло до насъ по преданію письменному, но во всей ясности обнаруживаетъ свое древнѣйшее чисто народное происхожденіе. Если собственно историческія, точныя свѣдѣнія въ житіяхъ русскихъ святыхъ и въ другихъ духовныхъ повѣствованіяхъ предлагаютъ историку Россіи драгоцѣнныя данныя для разработки народнаго быта; то *legends*, то есть, такія повѣствованія, въ которыхъ историческая истина, проходя черезъ таинственную область творческой фантазіи, возводится до поэтическихъ идеаловъ, — даютъ самое богатое и самое существенное содержаніе исторіи нашей литературы.

Предлагая читателямъ опытъ литературнаго изученія смоленской легенды, почитаю обязанностію предварительно упомянуть, что она уже введена г. Шевыревымъ въ 3-ю часть его «Исторіи русской словесности». Въ изложеніи XIII вѣка,

подъ рубрикою: *Герои отечества* (стр. 57 и слѣд.), авторъ говоритъ слѣдующее: «Первое мѣсто между святыхъ мужей XIII столѣтія занимаютъ герои, дѣйствовавшіе противъ Татаръ мечемъ и мученическимъ терпѣніемъ. Первымъ является Меркурій, смоленскій витязь и чудотворецъ; онъ родомъ былъ Римлянинъ, но православнаго исповѣданія; Богоматерь отъ иконы своей позвала его на подвигъ противъ Татаръ. На Долгомъ Мосту, передъ Смоленскомъ, сражался онъ съ ними; сначала онъ поразилъ какого-то исполна татарскаго, а потомъ и цѣлое полчище враговъ. Ему помогали святые моліеносные мужи и сама Богоматерь солнцеобразная. Эту воздушную рать видѣли Татары. Но по совершеніи побѣды, судъ божій, т. е. смерть постигла и Меркурія. Онъ, утомленный, преклонилъ сною голову, и сынъ исполна, имъ убитаго, ему отскъкъ ее. Меркурій взялъ голову и принесъ ее въ городъ. Исповѣдавъ событіе передъ изумленнымъ народомъ, онъ возлегъ въ Смоленскѣ, и особеннымъ явленіемъ приказалъ, чтобы оружіе его было повѣшено надъ его гробомъ». (стр. 57—58).

Очевидно, что г. Шевыревъ имѣлъ въ виду *не самое сказаніе, а только предметъ его*, то есть, героя, въ сказаніи прославленнаго. Потому, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, почтенный авторъ хронологію своего историческаго изложенія ведетъ по лицамъ, когда они жили и дѣйствовали, а не по сказаніямъ, когда составились они о тѣхъ лицахъ, хотя бы между дѣйствующимъ лицомъ или событіемъ и между сказаніемъ о томъ и другомъ прошло сто, двѣсти и болѣе лѣтъ. Несомнѣнно и давно признано, что Меркурій смоленскій, Евфросинія суздальская, Петръ и Февронія муромскіе, Петръ Царевичъ ординскій и друг., относятся къ XIII вѣку; но не только сомнительно, принадлежатъ ли той же эпохѣ сказанія объ этихъ лицахъ, но даже достоверно извѣстно, что большая часть сказаній, составились въ XV, даже въ XVI вѣкѣ, а нѣкоторыя и въ XVII. Г. Шевыревъ зналъ это очень хорошо, но допустилъ въ свою исторію литературы анахронизмы по слѣдующему соображенію: «Многія изъ житій—говоритъ онъ—сложены въ томъ же столѣтіи (т. е. въ XIII) и внесены въ лѣтопись; многія появились въ XIV, XV и даже XVI столѣтіяхъ, уже въ подробѣйшемъ изложеніи. Но мы рѣшились, при изуче-

ни этих многообильных памятников нашей древней словесности, следовать не времени, когда житія писаны, а времени тѣхъ святыхъ мужей, которыхъ жизнь послужила для нихъ предметомъ. На это двѣ причины: первая та, что устные преданія, служившія для составленія житій, раждались современно святому мужу, котораго касались; вторая, что подробности, извлекаемая изъ житій, раскрывая намъ внутреннюю сторону народной жизни, въ порядкѣ времени, особенно любопытны на своемъ мѣстѣ, живѣе обрисовываютъ каждый вѣкъ и тѣмъ восполняютъ недостатки летописей, которыя этой стороны, по большей части, чуждаются». (часть 3-я, стр. 57.)

Эти основанія изложены г. Шевыревымъ передъ характеристикою *Героевъ отечества и святыхъ по жизни XIII вѣка*. Посмотримъ, какъ теорія приложена авторомъ къ дѣлу.

Сначала первая причина, то есть: «устныя преданія, служившія для составленія житій, раждались современно святому мужу, котораго касались». Известны баснословныя народныя преданія о Петрѣ и Февроніи муромскихъ, не вошедшія въ Прологъ и изъятая критикою изъ исторіи русской церкви¹⁾. Самъ г. Шевыревъ говоритъ о нихъ слѣдующее: «Житіе муромскаго князя Петра и супруги его Февроніи, носитъ на себѣ слѣды устныхъ преданій народныхъ, которыя собраны неизвѣстно кѣмъ и когда». (3, стр. 63.) По теоріи г. Шевырева, слѣдовало бы полагать, что эти преданія современны житію Петра и Февроніи; но весь сказочный составъ повѣтствованія объ этихъ муромскихъ святыхъ, убѣждаетъ всякаго, что устныя о нихъ преданія не имѣютъ ничего общаго съ историческою истинною; и народный идеалъ вѣщей ткачихи и прялки, загадывающей загадки и своєю сказочною хитростью, побѣждающей князя — есть созданіе народной фантазіи, котораго составленіе принадлежитъ глубокой мненческой древности, а примѣненіе къ личности муромской княгини стало возможно только спустя много лѣтъ послѣ кончины ея. Предложенное мною сближеніе муромской легенды съ преданіями нѣмецкаго и русскаго эпоса, и особенно съ сербскимъ сказаніемъ, достаточно убѣждаетъ всякаго, занимающагося лите-

¹⁾ Смотри Введеніе къ Исторіи русской церкви Макарія, стр. XVI.

ратурою, какъ опасно вести хронологію на основаніи устныхъ преданій¹⁾. Смоленская легенда о св. Меркуріи, какъ показано будетъ ниже, содержитъ въ себѣ нѣсколько грубѣйшихъ историческихъ несообразностей, каковы, напримѣръ, смѣшеніе имени Татаръ съ Печенѣгами, сказка о смерти Батыя, встрѣча обезглавленнаго Меркуріа съ дѣвицею, шедшею по воду и проч. Всѣ эти несообразности обязаны своимъ происхожденіемъ устнымъ, народнымъ преданіямъ, которыя, по критикѣ г. Шевырева, слѣдовало бы отнести къ эпохѣ, ближайшей и даже современной смоленскому герою; но онѣ устранены уже изъ позднѣйшей, литературной редакціи сказанія, которою пользовался авторъ Исторіи русской словесности.

Теперь вторая причина принятой г. Шевыревымъ системы изложенія: «подробности извлекаемая изъ житій, раскрывая намъ внутреннюю сторону народной жизни, въ порядкѣ времени, особенно любопытны на своемъ мѣстѣ, живѣе обрисовываютъ каждый вѣкъ.» Совершенно справедливо, что эти подробности, раскрывающія внутренній бытъ народа, особенно любопытны *въ порядкѣ времени и на своемъ мѣстѣ*, т. е. въ ту эпоху, когда эти подробности взяты изъ народнаго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ, *когда и какъ* онѣ были записаны авторомъ сказанія. Всякій авторъ изображаетъ событія и лица, сообразно понятіямъ и воззрѣніямъ своего вѣка, а часто и сообразно своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Потому позднѣйшіе составители житій святыхъ эпохи древнѣйшей придаютъ многимъ подробностямъ новѣйшую характеристику и тѣмъ самымъ нарушаютъ историческое правдоподобіе. Любопытный примѣръ такого анахронизма можно видѣть на 59 стр. 3-й части Исторіи русской словесности, въ характеристикѣ Евфросиніи суздальской. Житіе было составлено уже въ половинѣ XVI вѣка, довольно образованнымъ по тогдашнему времени монахомъ. Современникъ Іоанна Грознаго по понятіямъ и литературнымъ пособіямъ своего времени судилъ и о XIII вѣкѣ, приписавъ благочестивой княжнѣ начитанность и обширныя познанія въ риторикѣ, философіи, даже въ ариѳметикѣ и ге-

¹⁾ Сморг. жол. Лекція о пѣсняхъ древней Эдды и о нуронской легендѣ въ Атенсѣ за 1858 г.

ометрии. И въ XVI вѣкѣ такое обширное образованіе для дѣвницы могло быть только желаннымъ, вознесеннымъ до того святаго идеала, который предлагался авторомъ житія въ личности Евфросиніи суздальской. Самъ г. Шевыревъ на стр. 60 говоритъ, что житіе этой княжны составлено уже въ XVI вѣкѣ, а на стр. 59, предлагая характеристику благочестивой дѣвницы XIII вѣка, пользуется для того чертами позднѣйшей эпохи: «Рано обрекли себя Богу — говоритъ онъ — она (т. е. Евфросинія) не пренебрегла и земными науками, какъ говорится объ ней въ житіи: изучала грамматику, риторику, философію, науку числа и мѣры». Вѣроятно, самъ г. Шевыревъ чувствовалъ здѣсь нѣкоторую неловкость потому и прибавилъ: *какъ говорится объ ней въ житіи*. Потому же, вѣроятно, онъ оставилъ эту характеристику русскаго образованія въ XIII в. неполною, умолчавъ о томъ, что благочестивая княжна, по сказанію того же позднѣйшаго жизнеописателя, имѣла себѣ ученымъ наставникомъ во всѣхъ этихъ предметахъ, извѣстнаго боярина Θεодора, пострадавшаго въ Ордѣ вмѣстѣ съ Михаиломъ, княземъ черниговскимъ.

Умѣлъ ли по крайней мѣрѣ г. Шевыревъ воспользоваться подробностями въ житіяхъ святыхъ, раскрывающими внутреннюю сторону народнаго быта и живо обрисовывающими вѣкъ, хотя бы и не тотъ, къ которому онъ отнесенъ въ Исторіи русской словесности? Это лучше всего можетъ видѣть читатель изъ сличенія сказаннаго г. Шевыревымъ о царевичѣ Петрѣ съ тѣми подробностями, которыя предложимъ мы по самому житію.

На стр. 64 и 65 того же 3-го тома, и тоже въ характеристикѣ XIII вѣка, у г. Шевырева сказано: «Житіе Петра, царевича ординскаго, по прозванію Берки, свидѣтельствуетъ, что силою христовой вѣры мы въ XIII вѣкѣ уже дѣйствовали на своихъ поработителей, Татаръ. Въ Ордѣ, когда епископъ ростовскій Кириллъ рассказывалъ хану Беркаю о томъ, какъ Леонтій крестилъ ростовскую землю, — тогда слушалъ его племянникъ хана, плѣнненъ христіанствомъ, оставилъ все богатство отца своего и вмѣстѣ съ епископомъ ушелъ изъ Орды въ Ростовъ. Богослуженіе храма Пресвятой Богородицы, гдѣ на лѣвомъ клиросѣ пѣли тогда по гречески, а на правомъ

по русски, поразило татарскаго царевича. Онъ молилъ Кирилла крестить его. Имъ основаны были въ послѣдствіи храмъ во имя Петра и Павла на томъ мѣстѣ, гдѣ явились ему сами первоверховные апостолы, и монастырь на берегу озера. Петръ былъ женатъ на русской, одаренъ землею отъ князя — и по кончинѣ супруги, постригшись въ монахи, скончался въ глубокой старости, въ 1253 году. Потомки Петра спасали Ростовъ отъ грозы татарскихъ хановъ, напоминая имъ о родствѣ своемъ».

Не зная житія въ подлинникѣ, можетъ ли читатель догадаться, по этимъ словамъ г. Шевырева, что ростовское сказаніе о царевичѣ Петрѣ въ высокой степени важно своими характеристическими подробностями, не только для исторіи литературы и церкви, но и вообще внутренняго быта древней Руси, и въ особенности юридическаго? Г. Шевыревъ, будто нарочно, именно тамъ остановился, гдѣ сказаніе предлагаетъ любопытнѣйшія, драгоценныя для историка подробности о татарщинѣ въ Ростовѣ и объ установленіи и опредѣленіи юридическихъ понятій о владѣніи землею и водою.

Вотъ эти подробности, по рукописямъ графа Уварова, № 884 (Царск. № 743) и № 517 (Царск. № 378).

«Но прибытіи царевича Петра изъ Орды въ Ростовъ, епископъ Кириллъ померъ въ 1262 г. Ему наследовалъ владыка Игнатій, при князѣ Борисѣ Васильевичѣ ростовскомъ. Не оставляя своихъ царскихъ потѣхъ, однажды царевичъ Петръ охотился ловчими птицами, вдоль ростовскаго озера, и, утомившись охотою, къ вечеру заснулъ на берегу его. Тогда явились ему два свѣтлыхъ мужа. Когда царевичъ въ ужасѣ палъ передъ ними, они, взявъ его за руку, говорили ему: «друзе Петре! не бойся! мы посланы къ тебѣ отъ Бога, въ котораго ты увѣровалъ и крестился, и посланы для того, чтобъ укрѣпить родъ твой и племя, и внуковъ твоихъ до скончанія міра». Потомъ дали они царевичу два мѣшка, въ одномъ золото, а въ другомъ серебро, и велѣли вымѣнить ему въ городѣ три иконы, одну Св. Богородицы съ младенцемъ, другую Св. Димитрія и третью Николая Чудотворца. Царевичъ сначала подумалъ, что эти чудесные мужи *въ Татарихъ пле-*

мя ему укрѣпляютъ ¹⁾), но, узнавъ, что они апостолы Петръ и Павелъ, уразумѣлъ истину. Потомъ велѣли они царевичу, съ вымѣненными иконами, явиться къ епископу и сказать отъ имени первоверховныхъ апостоловъ, чтобъ онъ соорудилъ имъ церковь при озерѣ, гдѣ царевичъ спалъ. Въ ту же ночь являлись они и самому епископу, съ тѣмъ же повелѣніемъ о сооруженіи церкви; и когда на другой день епископъ Игнатій, бесѣдовалъ о томъ съ княземъ ростовскимъ, приходитъ къ нему царевичъ съ вымѣненными иконами, которыя сіяли, какъ солнце, и повѣдалъ имъ о своемъ видѣніи. Князь и епископъ, поклонившись иконамъ, много удивлялись, какъ могъ царевичъ вымѣнить такія на торгу, потому что въ городѣ не было иконописцевъ; видѣли также, что царевичъ былъ молодъ и *отъ иновѣрныхъ* ²⁾). Но когда Петръ разрѣшилъ ихъ недоумѣніе, епископъ иѣлъ иконамъ молебны, и, отпраздновавъ на указанное мѣсто при озерѣ, заложилъ храмъ апостоламъ Петру и Павлу. Когда храмъ былъ готовъ, и царевичъ Петръ поставилъ въ немъ вымѣненныя три иконы, тогда князь ростовскій, вмѣстѣ съ нимъ возвращаясь отъ храма и садясь на коня, глумясь сказалъ царевичу: «владыка тебѣ церковь устроилъ, а я мѣста не дамъ: что тогда будешь дѣлать?» Петръ отвѣчалъ: «Княже! повелѣніемъ святыхъ апостоловъ, я куплю у тебя, сколько благодать твоя отлучитъ отъ земли этой». Князь же, видѣвъ мѣшки Петровы въ епископѣ, помолчалъ немного, потомъ сказалъ: «Петре! вопрошу тебя: дашь ли за мою землю столько, сколько ты далъ за иконы? дашь ли девять литръ серебра, а десятую золота?» Петръ сказалъ: «святые апостолы говорили мнѣ: что владыка Игнатій повелитъ, то и сотвори; потому спрошу его самаго». Тогда владыка на вопросъ царевича, благословилъ его и сказалъ: «Господь изрекъ своими святыми устами: просящему у тебя дай; и ты, чадо, *не пощади родителей имънихъ* ³⁾), дай князю, сколько онъ хочетъ». Петръ, вѣруя словамъ владыки, покло-

¹⁾ Въ подлин. «мнѣвъ во спопривидѣніи, аки въ татарехъ плени ему укрѣплетъ».

²⁾ Въ подлин. «не вѣдахуть, откуда суть писца, во градѣ ихъ не бысть. Петра же зряху юна суца отъ иновѣрныхъ».

³⁾ Это точныя слова подлинника.

нился ему до земли; пошелъ къ князю и сказалъ ему: «да будетъ, княже, воля святыхъ апостоловъ и твоя!» Тогда князь велѣлъ извлечь *вервь* отъ воды и до воротъ, и отъ воротъ до угла, а отъ угла возлѣ озера: мѣсто это велико. Послѣ того Петръ сказалъ: «повели, княже, ровъ копать, *какъ въ Ордуъ бываетъ*, чтобъ не погиблю то мѣсто». Такъ и сдѣяли: выкопали ровъ, который видѣниъ и донныиъ; а Петръ началъ отъ воды класть деньги по одиначкѣ, вынимая изъ мѣшковъ. девять литръ серебра и десятую золота; и наполнили возы петровыми *кунами* и тѣ колесницы, на которыхъ клѣтъ ¹⁾, возили такъ что кони едва тронули съ мѣста. Князь же и владыка, видѣвши множество выложеннаго серебра и золота, а мѣшки все такъ же полны, дивились великому чуду.

Спустя нѣкоторое время однажды князь и владыка говорили между собою о царевичѣ Петрѣ: «если этотъ мужъ царскаго племени уйдетъ въ Орду, будетъ не ладно ²⁾ нашему городу»; — а Петръ былъ ростомъ великъ и лицомъ красивъ. И потомъ оба они говорили ему: «Петре? хочешь ли мы выдадимъ за тебя невѣсту?» Петръ же прослезился и отвѣчалъ князю и владыкѣ: «я возлюбилъ вашу вѣру и пришелъ къ вамъ: да будетъ воля господня да ваша! — Князь взялъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, *потому что были тогда въ Ростовѣ ординскіе вельможи*; а владыка вѣнчалъ Петра и устроилъ ему церковь и освятилъ ее по заповѣди святыхъ апостоловъ.

Князь всегда бралъ Петра на царскую утѣху около озера; ястребами, кречетами и прочими утѣхами тѣшилъ его, *дабы въ нашей вѣрѣ утвердился*. ³⁾ Однажды, во время охоты, сказалъ ему князь: «велию благодать обрѣлъ ты предъ Богомъ и граду нашему. Писано есть: что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздастъ намъ; — прими же, господине Петре, малую эту землю отъ нашей отчины и воды отъ этого озера: я тебѣ напишу грамоты.» И отвѣчалъ ему царевичъ: «Я, княже, отъ отца и матери не умѣю землю владѣть: а грамоты эти

¹⁾ Въ № 517 (Царск. 378) *клеть*, а въ № 884 (Царск. 743) *грамину*.

²⁾ Въ подлин. *будетъ спона*.

³⁾ Тѣмъ же словачи и въ подлинникѣ.

для чего?» — «Все это я тебѣ сдѣлаю — говорилъ князь: а грамоты для того, чтобъ послѣ насъ мои дѣти, внуки и правнуки не отняли тѣхъ земель у твоихъ дѣтей и внучатъ.» Петръ принялъ предложеніе, а князь велѣлъ передъ владыкою писать грамоты: множество земель, отъ озера воды и лѣса, которые и донынѣ, были уряжены Петру.

Орда была тогда тиха много лѣтъ, и князь такъ любилъ Петра, что и хлѣба безъ него не ѣлъ, и при владыкѣ побратался съ нимъ въ церкви. И прозвался Петръ братомъ князю; и народились у него сыновья; и спустя малое время померъ владыка Игнатій, померъ и князь ростовскій, а дѣти его звали Петра дядею и до старости. И много лѣтъ въ благоденствіи пожилъ царевичъ Петръ и преставился въ глубокой старости, въ монашескомъ чинѣ. И положили его у Св. Петра и Павла, у его усыпальница; и отъ того времени установился тамъ монастырь.

Внуки же стараго ростовскаго князя, забывъ Петра и добродѣтель его, начали отнимать луга и украины земли у петровыхъ дѣтей. Тогда сынъ петровъ пошелъ въ Орду, сказался внукомъ брата царева; и возрадовались дядья его, почтили его многими дарами и испросили ему у царя посла. Царевъ посолъ пришелъ въ Ростовъ и рассмотрѣлъ грамоты Петра и стараго князя; и положены были тогда рубежи землямъ по грамотамъ стараго князя, а петрова сына посолъ оправилъ и грамоту ему далъ съ золотою печатью.

Когда посолъ воротился въ Орду, молодые князья ростовскіе стали говорить между собою и съ боярами: «слышали мы, что родители наши звали Петра дядею, и что дѣдъ нашъ много у него серебра взялъ и братался съ нимъ въ церкви; а вѣдь это *родъ татарскій, а кость не наша: что это намъ за племя?* Серебра же намъ не оставили, ни дѣдъ, ни родители наши!» Такъ говорили они; а не искали чудотвореній святыхъ апостоловъ и забыли любовь своихъ родителей; жили такъ много лѣтъ, зазирая петровымъ дѣтямъ, *за то, что въ Орду выше ихъ честь принимали.*

И народились у сына петрова, у Лазаря, сыновья и дочери. Одинъ изъ внуковъ петровыхъ, именемъ Юрій, навыкши отъ родителей своихъ честь творить святой Госпожѣ Богоро-

дицѣ въ Ростовѣ, возлагалъ на нее гривны златыя, и учреждалъ пированья владыкамъ и всему клиросу и собору, въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, творя ежегодно память по родителямъ.

И ловили рыбы ловцы петровы гораздо больше, чѣмъ ловцы городскіе. Петровы ловцы въ шутку закинуть сѣти и вытаскать множество рыбы, городскіе же, сколько ни трудятся, все понапрасну. И стали эти послѣдніе говорить князю: «господине княже! если петровы ловцы не перестанутъ ловить, то все озеро наше опустѣетъ: всю рыбу повыволочатъ». Тогда-то правнуки стараго князя ростовскаго стали говорить Юрію: «Слышали мы, что дѣдъ вашъ грамоты у прародителей нашихъ на мѣсто монастыря вашего взялъ, и рубежи земли его, и озеро наше: на него грамоты не было взято: потому запрещаемъ вашимъ ловцамъ ловить въ этомъ озерѣ». Слышавъ то, внукъ петровъ Юрій, пошелъ въ Орду и сказался правнукомъ брата царева. Дяди же многими почестями его почтили и дарами многими, и посла у царя испросили ему. И пришелъ посолъ гатарскій въ Ростовъ и сѣлъ при озерѣ у святыхъ апостоловъ Петра и Павла. И былъ страхъ ростовскимъ князьямъ отъ царева посла. И сталъ онъ ихъ судить со внуками петровыми. Юрій положилъ передъ нимъ грамоты; и посолъ, возрѣвъ на грамоты, сказалъ: «положены ли грамоты на эту куплю ¹⁾? ваша ли вода? есть ли подъ нею земля? и можете ли снять воду отъ земли той?» И отвѣчали ростовскіе князья: «Такъ, господине! положены эти грамоты, а земля подъ водою есть, а вода, господине, наша отчина, а снять ее съ земли не можемъ». Тогда сказалъ имъ посолъ царева: «если не можете снять воду отъ земли, то по что своєю называете? а сотвореніе есть вышняго Бога на службу и на пищу есмь челоуѣкамъ и скотамъ». И присудилъ царевъ посолъ *по земль и воду* внукамъ петровымъ: *какъ есть купля землямъ, такъ и водамъ*; далъ Юрію грамоту съ золотою печатью и ушелъ въ Орду; князья же ростовскіе перестали Юрію творить зло и утишились на многія лѣта.

¹⁾ Въ № 884 сказано: «положенъ суть грамоты сіа купля сіа». А въ № 517: «не ложъ ли суть грамоты сіа купли».

И возросъ правнукъ петровъ, у Юрья сынъ, Игнатій. При немъ случилось слѣдующее: Пришелъ Ахмылъ царь на русскую землю и пожогъ городъ Ярославль; оттуда направился со всею своею силою на Ростовъ. Устрашилась вся земля, а князья ростовскіе бѣжали; бѣжалъ ¹⁾ и владыка Прохоръ. Но Игнатій, съ обнаженнымъ мечемъ погнавшись за владыкою, сказалъ ему: «если не пойдешь со мною противъ Ахмыла, то убью тебя! Это наше племя и сродники!» И послушалъ его владыка: со всею клиросомъ, въ ризахъ, съ крестами и хорургвями, пошелъ противъ Ахмыла, а Игнатій съ гражданами передъ крестами. Взялъ онъ *тѣшь царскую* — соколовъ и кречетовъ, и дорогія шубы, и цвѣтныя портища, и питья различныя, и будучи край поля и озера, сталъ на колѣна передъ Ахмыломъ и сказался ему древняго брата царевымъ племенемъ: «а это — говорилъ онъ — село царево и твое, господине! а купля правды нашего, гдѣ чудеса творились, господине!» И страшно было видѣть рать Ахмылову вооруженну. Тогда Ахмылъ сказалъ: «ты *тѣшь* подаешь; а это кто въ бѣлыхъ ризахъ, и что это за хорургви? или биться съ нами хотять?» Игнатій отвѣчалъ: «это богомольцы царицы и твои, да благословяте тебя, а носяте они *божницу* по закону нашему, господине!»

Въ то самое время у города Ярославля былъ въ тяжкомъ недугѣ сынъ ахмыловъ, и возили его на возилахъ. Ахмылъ велѣлъ привести его, да благословяте его. Владыка Прохоръ со всею клиросомъ, моляся Богу, пѣлъ чудотворцамъ молебны, и, освятивъ воду, далъ испить больному царевичу и благословилъ его крестомъ, — и тотчасъ же сталъ здоровъ сынъ ахмыловъ. Самъ же Ахмылъ возрадовался, сошелъ съ коня передъ крестами, и, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «благословенъ вышній Господь, вложившій мнѣ въ сердце придти сюда! Праведенъ еси ты, господине епископе Прохоре! ибо молитва твоя воскресила сына моего. Благословенъ и ты, Игнатіе! ты уберегъ людей своихъ и спасъ этотъ городъ; ты, —

¹⁾ Это мѣсто объ Ахмылѣ у г. Шевырева позаимствовано въ 83 прилжч. къ II-й лекціи; но вѣсто: «Владыка Прохоръ *блже*» — какъ значится въ лучшихъ рукописяхъ, г. Шевыревъ прочелъ: «Владыка *же* бл Прохоръ».

наше племя, царева кость! И если будетъ тебѣ здѣсь обида, не лѣнись дойти до насъ!» Сказавъ это, далъ онъ 40 литръ серебра владыкѣ и 30 его клиросу; а самъ взялъ отъ Игнатія царскую *тѣшь*, цѣловалъ его, и, поклонившись владыкѣ, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Орду во свояси. Игнатій же, проводивъ Ахмыла съ честію, возвратился вмѣстѣ со владыкою и съ гражданами въ великой радости; и, пѣвши молебны, прославили они Бога и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ».

Это превосходное ростовское сказаніе оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ, изъ котораго ясно видно, что предметомъ его было не одно житіе царевича Петра, но историческое повѣствованіе обо всемъ родѣ его, который Татары величали *своимъ племенемъ* и *царевою костью*.

Вотъ это наивное заключеніе: «Дай же, Господи, утѣху почитающимъ и пишушимъ древнихъ родителей дѣянія, здѣ и въ будущемъ вѣцѣ покой! А петрову бы сему роду соблюденіе и умноженіе живота и неоскуднѣніе до старости, и безпечаліе, и вѣчная ихъ память до скончанія міра, о Христвѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава во вѣки амнь!»

Этотъ любопытный эпизодъ изъ ростовскихъ сказаній я внесъ съ двойкою цѣлью: во первыхъ, для того, чтобъ яснѣе опредѣлить критическій взглядъ г. Шевырева и достовѣрность его «Исторіи русской словесности»; и во вторыхъ, для того, чтобы сличеніемъ двухъ легендъ изъ эпохи татарской, то есть, легенды ростовской и смоленской, яснѣе опредѣлить литературное значеніе послѣдней.

На этотъ разъ мы ограничиваемся вышеупомянутымъ отдѣломъ «Исторіи» г. Шевырева, именно, только характеристикою героевъ и святыхъ XIII вѣка. Изъ подробнаго и внимательнаго разсмотрѣнія этого отдѣла оказывается слѣдующее:

1. Г. Шевыревъ смѣшиваетъ эпоху, когда жили лица и происходили событія, съ эпохою, когда были тѣ и другія описываемы. Мы уже видѣли на его характеристикѣ Евфросинія суздальской, къ какимъ грубымъ анахронизмамъ довелъ автора принятый имъ не критическій методъ.

2. Сосредоточивая вниманіе на священныхъ лицахъ, а не на рассказахъ о нихъ, г. Шевыревъ переходитъ изъ области исторіи литературы въ чуждую ему сферу церковной исторіи.

Но такъ какъ для этого послѣдняго предмета еще необходимѣ историческая и филологическая критика; то и въ этомъ отношеніи книга г. Шевырева столько же погрѣшительна, какъ и въ отношеніи исторіи литературы.

Вотъ примѣръ. Г. Шевыревъ, какъ мы уже видѣли, относитъ кончину Петра царевича къ 1253 году, слѣдуя «Словарю святыхъ». Но изъ самаго житія мы уже знаемъ, что владыка Игнатій, при которомъ этотъ царевичъ жилъ и подвизался въ Ростовѣ, былъ возведенъ на епископскій престолъ въ 1262 году. Сверхъ того, о хронологіи этого житія г. Шевыревъ долженъ бы принять слѣдующія очень важныя соображенія Преосвященнаго Филарета, въ его Исторіи русской церкви: «Св. *Игнатій* былъ преемникомъ Кириллу съ 1261 г.¹⁾ (Лѣтоп. у *Карамз.* 4. пр. 413). Ханъ *Берте* или *Бертай* былъ преемникомъ брату своему Батыю съ 1257 г., и умеръ въ 1266 г. Такимъ образомъ прибытіе царевича въ Россію послѣдовало едва ли прежде 1257 г. Св. Пётръ послѣ крещенія вступилъ въ бракъ, имѣлъ дѣтей, овдовѣлъ, пережилъ св. Игнатія, скончавшагося 1288 г., и слѣд. скончался около 1290 г. Въ Словарѣ святыхъ самая смерть Царевича отнесена къ 1253 г. Это уже нелѣпость». (Изд. 3-е. 1857. ч. 2, стр. 23). Рѣшительно нельзя понять, почему г. Шевыревъ безо всякихъ съ своей стороны доводовъ, рѣшился принять мнѣніе, признанное за нелѣпость.

3. Желая сосредоточить характеристику духовнаго развитія Руси XIII вѣка на священныхъ личностяхъ, какъ на *историческихъ данныхъ*, г. Шевыревъ не обращаетъ уже надлежащаго вниманія на литературные источники, откуда извлекаются свѣдѣнія объ этихъ данныхъ. Извѣстно, что житія, какъ и другія древне-русскія произведенія, различаются по редакціямъ. Въ исторіи церкви необходимо означить, какая редакція принята въ основу изложенія и чѣмъ отличается она отъ другихъ. Это должно быть исходною точкою въ разработкѣ нашей древней письменности. Но г. Шевыревъ ограничивается слѣдующими указаніями: о житіи царевича Петра въ примѣч. 83-мъ указано: «Опис. Рум. Муз. CLX. л. 83.—

¹⁾ Наше разногласіе въ одномъ годѣ нисколько не мѣшаетъ хронологіи ростовскаго сказанія.

Катал. рук. Царск. № 135, л. 485; № 190, л. 135, № 378, л. 270; № 614, л. 258; № 728, л. 334 об.; № 743, л. 267 об. — Библ. В. М. Унд. № 358». — О Меркуріѣ смоленскомъ въ примѣч. 72-мъ: «Русскій Времяникъ. Печат. въ Моск. Синод. Типографіи 1790 г. стран. 114. — Второе Прибавленіе къ описанію славяно-росс. рукоп. графа Ѳ. А. Толстаго. Отдѣл. II, № 455, л. 43.—Каталогъ рукоп. II. II. Царскаго. № 380, л. 381». Этотъ рядъ цифръ можетъ озадачить неопытнаго и внушить ему великое уваженіе къ полнотѣ или по крайней мѣрѣ громадѣ источниковъ, которыми пользовался авторъ Исторіи русской словесности. Но въ сущности это не болѣе, какъ рѣшительно бесполезный наборъ цифръ. Изъ этихъ указаній г. Шевырева неизвѣстно, помѣщены ли оба эти житія въ Макарьевской Мишенѣ, и если помѣщены, то въ какомъ видѣ, въ краткомъ или распространенномъ, въ первоначальномъ или передѣланномъ? Между тѣмъ какъ и то и другое, дѣйствительно, вошло въ этотъ литературный сборникъ половины XVI в., и г. Шевыревъ на первомъ плащѣ своихъ ссылокъ на источники долженъ бы упомянуть Четыри-Мишен, по крайней мѣрѣ по издавшему г. Ундольскимъ перечню, если не случилось автору пользоваться самымъ источникомъ. Потомъ: вошли ли эти житія въ прологи, разумѣется въ позднѣйшіе, старопечатные? Далѣе: какія претерпѣли они измѣненія и въ какихъ редакціяхъ дошли до насъ? Есть ли какихъ особенностей въ различныхъ редакціяхъ одного и того же житія или сказанія? — Изъ нашего изслѣдованія о смоленской легендѣ читатели увидятъ, что она дошла до насъ въ четырехъ различныхъ редакціяхъ, между тѣмъ какъ г. Шевыревъ пользовался одною, и то не означилъ, что это редакція Макарьевской Мишен.

4. При такомъ отсутствіи критическихъ основаній всѣ указанія г. Шевырева на авторовъ житій и сказаній не заслуживаютъ вѣроятія; потому что неизвѣстно, какая именно редакція была сочинена или сложена тѣмъ авторомъ, котораго г. Шевыревъ называетъ. Такъ напр. объ авторѣ житія Петра и Февроніи муромскихъ г. Шевыревъ говоритъ: «житіе муромскаго князя Петра и супруги его Февроніи носитъ на себѣ слѣды устныхъ преданій народныхъ, которыя

собраны неизвѣстно кѣмъ и когда. Въ одномъ сборникѣ сочинитель названъ монахомъ Эразмомъ». Ч. 3. стр. 63. Этимъ послѣднимъ извѣстіемъ мы обязаны г. Ундольскому, какъ это видно изъ слѣд. словъ г. Шевырева въ 82-мъ примѣч. къ 11-й лекціи: «Владѣлецъ бібліотеки (т. е. г. Ундольскій) замѣчаетъ, что по Сборнику академическому за № 224, это есть сочиненіе монаха Эразма». Извѣстіе любопытно и важно, какъ и все то, что ни сообщить г. Ундольскій; но г. Шевыревъ не умѣлъ воспользоваться этимъ извѣстіемъ, потому что не справился, какая именно редакція житія приписана Эразму, простая или витіеватая? Потому что и эта легенда, какъ и многія другія, подверглась риторической порчѣ. Витіеватую редакцію мнѣ случилось видѣть въ Сборникѣ гр. Уварова за № 425 (Царск. № 129), л. 77. Если академическая рукопись приписываетъ Эразму именно эту редакцію, то все авторство наивнаго монаха ограничилось неумѣстною напыщенностью.

5. Хотя и думаетъ г. Шевыревъ удержать историческій фактъ во всей его чистотѣ, независимо отъ вымысловъ и личныхъ соображеній авторовъ того или другаго сказанія; но, не руководясь основательною критикою, часто за историческій фактъ выдаетъ выдуманную повѣсть. Напримѣръ, никакъ нельзя понять, какимъ это страннымъ случаемъ, въ обзорѣ духовнаго религіознаго характера нашихъ предковъ, подъ чисто-историческою рубрикою: *святыя по жизни* помѣщены у г. Шевырева сказочныя подробности о загадкахъ вѣщей дѣвы, мнѣической образъ которой въ преданіяхъ народныхъ слился съ памятью объ исторической личности муромской княгини? — Само собою разумѣется, что легенда о Петрѣ и Февроніи, какъ одинъ изъ лучшихъ поэтическихъ памятниковъ русской старины, заслуживаетъ полнаго вниманія историка русской словесности; но пользоваться имъ, съ какою-то исключительно религіозною цѣлью, только для характеристики *святыихъ по жизни*, какъ это дѣлаетъ г. Шевыревъ, значитъ — оказать такую же плохую услугу исторіи русской церкви, какъ и исторіи народной поэзіи, то есть — отнять у послѣдней собственное ея содержаніе и насильственно навязать его первой, или иначе сказать: принять поэтическій вымыселъ за истину и

рядомъ съ дѣйствительно-историческими фактами постановить народную повѣсть, восходящую своими основами къ мнѣнческимъ преданіямъ и согласную съ извѣстною сербскою сказкою, какъ это объяснено мною въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Такимъ образомъ, неправильный и слишкомъ ограниченный взглядъ г. Шевырева на муромскую легенду лишилъ его возможности оцѣнить по достоинству этотъ драгоценный памятникъ древне-русской поэзіи.

6. По той же самой причинѣ г. Шевыревъ не умѣлъ воспользоваться множествомъ замѣчательнѣйшихъ подробностей, которыя въ духовныхъ повѣствованіяхъ предлагаются не только вообще для исторіи внутренняго быта, но и въ особенности для исторіи литературы. Примеромъ этому служить приведенное мною ростовское сказаніе о Петрѣ царевичѣ. Г. Шевыревъ, какъ мы видѣли, пользовался этимъ сказаніемъ только для доказательства обще-извѣстной мысли, что уже въ XIII в. нѣкоторые изъ Татаръ принимали христіанскую вѣру. Для того и все сказаніе приурочилъ онъ къ XIII-му же вѣку, хотя въ примѣч. 83-мъ и говоритъ: «Когда написано это житіе, неизвѣстно; но должно думать, что оно написано еще во времена татарскаго нашествія. Въ заключеніи рассказывается, какъ Игнатій, правнукъ Петра, освободилъ Ростовъ отъ нашествія Ахмыла, татарскаго хана, въ силу своего родства съ нимъ по предкамъ». Преосвященный Филаретъ въ своемъ Обзорѣ русской духовн. литературы (статья 94-я) относитъ сочиненіе сказанія къ XV вѣку, присовокупляя: «Въ описаніи говорится о внукѣ Петра, и описаніе оканчивается такъ: «дай же Господи Петрову сему роду соблюденіе и умноженіе»; следовательно это писано еще при потомкахъ св. Петра». Последний выводъ въ высшей степени важенъ для исторіи литературы. Именно имъ, по моему мнѣнію, опредѣляется не только эпоха, когда это сказаніе составилось, но и весь литературный характеръ его. Послѣ царевича Петра уже третье поколѣніе, то есть, его правнукъ — внесено въ легенду. Следовательно она могла составиться не ранѣе ста лѣтъ послѣ

¹⁾ См. моя Лекція о пѣсняхъ древн. Эдды и о муромск. легендѣ въ Атеневъ за 1858 г.

ордынского царевича, то есть, не ранее последней четверти XIV столѣтія; литературную же отдыку могла получить въ первой половинѣ XV-го. Основная мысль сказанія — удержать за монастыремъ Петра и Павла не только земли, но и озеро, приобретенныя ордынскимъ царевичемъ въ церковное владѣніе. Царевичъ пріѣхалъ изъ Орды въ Ростовъ, вѣроятно, не съ пустыми руками; по все же пріобрѣлъ онъ эти владѣнія не на татарскія деньги, а на данныя ему чудесно отъ самихъ первопрестольныхъ апостоловъ. Этимъ самымъ уже определялась святость и неприкосновенность церковнаго владѣнія; впрочемъ, въ сказаніи есть замѣчательный намекъ на то, что земли могли быть куплены и на сумы, вывезенныя царевичемъ изъ Орды: «Чадю! не пощади родителей пѣтніа» — говоритъ ему владыка Игнатій. Подробности отмежеванія земли въ высшей степени любопытны. Ростовскій князь, по *древнерусскому обычаю* отмѣриваетъ землю *вервю*, по обычаю, согласному съ юридическимъ значеніемъ *верви* Русской Правды. Но татарскій выходець этимъ не довольствуется, и, *по обычаю татарскому*, отдыляетъ купленные имъ земли *валомъ*. Уже при жизни царевича Петра замѣтно со стороны ростовскаго князя противоѣдствіе татарскому элементу, пускавшему свои корни въ Ростовъ. Князь сначала не даетъ Петру земли, а потомъ продаетъ ее за самую дорогую цѣну, и только тогда перестаетъ питать къ нему подозрѣніе, когда женилъ его, и такимъ образомъ сдѣлалъ его осѣднымъ въ Ростовѣ; наконецъ подружился съ нимъ, и дружба ихъ обоихъ была освящена *обрядомъ побратимства*. Но тотъ часъ же по смерти того и другаго потомки обоихъ стали враждовать между собою. Князья ростовскіе гнушались потомками ордынскаго царевича, называя ихъ татарскимъ племенемъ и *татарскою костью*, а также и завидовали, что они *въ Орды выше ихъ, князей русскихъ, честь принимаютъ*. Неудовольствія усилились корыстью, и возникла тяжба о владѣніи озеромъ. Надобно было пріобрѣсти къ высшей власти въ Орды, и татарскій посоль, въ качествѣ юриста, рѣшаетъ дѣло въ пользу потомковъ царевича Петра, а вмѣстѣ и въ пользу церкви противъ святотатственныхъ покушеній князей русскихъ. Любопытное сказаніе о татарскомъ адвокатѣ за православіе противъ хрис-

тіянскихъ князей! Во всякомъ случаѣ это сказаніе заслуживаетъ того, чтобъ было введено въ исторію русскаго права. Изъ него явствуетъ, что въ XIV вѣкѣ юридическія понятія о владѣніи водою еще не были опредѣлены во всей ясности: что подавало поводъ къ тяжбамъ. *По земль присудити и воду и какъ есть купля землямъ, такъ и водамъ* — вотъ результаты, добытые русскими юристами XIV вѣка. Татарскій посолъ предлагаетъ наивное и наглядное доказательство истинны этихъ результатовъ. Наивный доводъ — чтобъ мнимый владѣлецъ взялъ свое озеро съ чужой земли — есть какъ бы отдѣльный юридическій анекдотъ, вставленный въ сказаніе. Наконецъ самое заключеніе его чисто эпическое: это — описаніе царской *тльши*, сопутствуемой крестнымъ ходомъ, для отвращенія немилости татарскаго хана, который, оставивъ свои враждебные замыслы, воздастъ хвалы и православной вѣрѣ, и епископу, и правнуку петрову, называя его татарскимъ племенемъ и татарскою костью.

Изъ предложенныхъ мною замѣчаній о критической методѣ г. Шевырева читатели могли усмотрѣть, почему его исторія русской литературы не даетъ понятія о самой жизни русскаго человѣка, которой наша древняя и народная литература служила вѣрнымъ выраженіемъ. И тѣмъ чувствительнѣе этотъ недостатокъ въ книгѣ такого автора, какъ г. Шевыревъ, который, казалось бы, до того проникнуть мыслию о русской жизни, что готовъ всеми собственно литературными интересами жертвовать этой основной и любимой его мысли. Причина этого недостатка, какъ мы видѣли, неумѣніе отдѣлить историческій фактъ жизни дѣйствительной отъ народнаго преданія о фактѣ и отъ литературной отдѣлки преданія; то есть, неумѣніе отдѣлить истину историческую отъ субъективныхъ представленій и воззрѣній, въ которыхъ она передается литературными источниками.

Руководясь такимъ мнѣніемъ объ «Исторіи русской словесности» г. Шевырева, мы пришли къ тому убѣжденію, что, вмѣсто полной критической оцѣнки всего этого сочиненія, гораздо полезнѣе будетъ для науки это сочиненіе передѣлать, давъ ему болѣе прочныя историко-филологическія основы. А чтобъ показать путь, которому, по нашему мнѣнію, должно слѣдовать для достиженія результатовъ болѣе вѣрныхъ и для

науки полезныхъ, мы выбрали на первый разъ для опыта *смоленскую легенду о св. Меркурии*. По незрѣлости вообще всѣхъ изслѣдованій по нашей старинѣ и народности, безъ сомнѣнія, и этотъ опытъ не изъять отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей; по крайней мѣрѣ, позволяемъ себѣ думать, что читатели убѣдятся въ необходимости другихъ болѣе основательныхъ началъ и воззрѣній, для составленія исторіи русской литературы, нежели тѣ, которыя усвоилъ себѣ г. Шевыревъ.

Въ изученіи духовныхъ повѣствованій надобно отличать три важнѣйшія эпохи: во первыхъ, эпоху самаго событія или лица, послужившихъ предметомъ повѣствованія; во вторыхъ время, когда составились народныя преданія объ этомъ предметѣ, и наконецъ эпоху литературной обработки и потомъ переработки преданія. Если самый предметъ вымышленъ, то разумѣется первой эпохи для него не существуетъ. Если повѣствованіе обязано своимъ происхожденіемъ искусству книжника, то изъимется изъ изслѣдованія и вторая эпоха. Впрочемъ, большая часть повѣствованій проходить, по крайней мѣрѣ, черезъ обѣ послѣднія эпохи, удерживая отъ первой хотя бы самая скудная и краткія данныя, иногда только одно собственное имя или намекъ на извѣстную мѣстность или на какое либо историческое событіе. Легенда смоленская проходитъ черезъ всѣ три эпохи. Въ основѣ легенды фактъ, принятый нашею церковью; потомъ этотъ фактъ послужилъ предметомъ разнообразныхъ народныхъ преданій, и наконецъ преданія эти получили литературную обработку.

Самый фактъ не составляетъ предмета исторіи литературы. Она имѣетъ дѣло только съ двумя послѣдними эпохами повѣствованія. Помощію историко-филологической и эстетической критики довольно легко и почти безошибочно можно отдѣлать народныя преданія и безыскусственные рассказы отъ витѣватыхъ передѣлокъ, вставокъ и всякаго многословія нашихъ старинныхъ книжниковъ. Само собою разумѣется, что народный элементъ сказанія или легенды не только несравненно важнѣе всякихъ риторическихъ передѣлокъ, но и по-

преимуществу онъ одинъ составляетъ то существенное достоинство литературы, въ которомъ выражается жизнь народа. Книжная передѣлка витиеватаго свойства даетъ понятіе только о степени развитія грамотнаго просвѣщенія въ извѣстную эпоху, о личныхъ взглядахъ и пристрастіяхъ автора; между тѣмъ какъ народное сказаніе или, по крайней мѣрѣ, народныя преданія, вошедшія въ книжныя передѣлки, ставятъ изслѣдователя лицомъ къ лицу въ прямыя отношенія съ вѣрованіями, убѣжденіями и воззрѣніями всего народа. Эти преданія и сказанія, хотя бы и не во всемъ основанныя на дѣйствительно происходившемъ историческомъ событіи, все же должны быть разсматриваемы, какъ историческій фактъ, потому что служатъ они выраженіемъ духовной жизни народа въ извѣстную эпоху и въ извѣстной мѣстности.

Въ исторіи нашей литературы обыкновенно принято опредѣлять время составленія житія или какого другаго духовнаго повѣствованія тою эпохою, когда эти произведенія получили литературную обработку трудами извѣстнаго, поименованнаго автора. Конечно, это хронологическое указаніе очень важно для опредѣленія послѣдней изъ трехъ принятыхъ нами эпохъ. Но гораздо труднѣе опредѣлить хронологію второй эпохи, то есть, времени, когда составились народныя преданія, вошедшія въ повѣствованіе. Иныя преданія многими вѣками могли предшествовать историческому существованію самаго предмета народныхъ сказаній. Таковъ именно мнѣнческій элементъ многихъ преданій. Другія сказанія, по своему очевидно вымышленному, фантастическому характеру, могли составить только спустя много лѣтъ, даже спустя цѣлое столѣтіе послѣ дѣйствительнаго существованія того лица, котораго они касаются. Другія же, хотя и баснословныя, могли произойти одновременно съ историческою эпохою лицъ и событій, о которыхъ повѣствуется: какъ напримѣръ и въ наше время въ народѣ возникаютъ различныя басни и эпическіе рассказы о текущихъ событіяхъ. Такимъ образомъ, народныя преданія вошедшія въ легенды, точно также составлялись въ теченіе многихъ лѣтъ, даже цѣлыхъ столѣтій, какъ и народныя пѣсни или вообще эпизоды народнаго эпоса.

Изъ сказаннаго явствуется, что интересъ устныхъ преданій

гораздо шире охватывает народную жизнь, нежели их книжные передьлки. Устное преданіе живетъ въ народѣ свободно и привольно, не стѣсняемое никакимъ исключительнымъ примѣненіемъ къ извѣстной цѣли. Напротивъ того, грамотный передьлыватель его, обыкновенно благочестивый монахъ или вообще человекъ набожный, предназначаетъ свой риторическій трудъ для поученія и душевнаго спасенія. Важнѣйшимъ переходнымъ пунктомъ между народнымъ преданіемъ и его литературною передьлкою служитъ составленіе похвалы святому и пѣснопѣній въ честь его. И похвала, и эти стихи обыкновенно отличаются тѣмъ же риторическимъ характеромъ, какой замѣчается и въ литературной редакціи сказанія.

Со времени составленія пѣснопѣній сказаніе получаетъ въ глазахъ народа высшее значеніе, освящается авторитетомъ церкви, и изъ области народнаго эпоса переходитъ къ духовной лирицѣ, сопровождаемой церковною музыкою или пѣньемъ. Такимъ образомъ за *эпическимъ* періодомъ народнаго преданія наступаетъ новый періодъ, *лирический*, въ пѣснопѣйныхъ или стихахъ, и *прозаическій* въ литературной отдѣлкѣ преданія. Конецъ XV вѣка и первая половина XIV, то есть, время Пахомія Логовета, Геннадія и Макарія, есть самая замѣтная эпоха этого важнаго литературнаго перехода отъ *эпической простоты* къ *искусственной лирицѣ* и *прозѣ*. Сентиментальность Іоанна Грознаго много способствовала развитію этого новаго направленія духовныхъ повѣствованій. Впрочемъ должно замѣтить здѣсь, что влѣдствіе тугаго и довольно неправильнаго развитія литературныхъ формъ древней Руси, и въ XVI, даже въ XVII вѣкѣ, еще составлялись народныя легенды эпическаго характера.

Само собою разумѣется, что главное вниманіе историка русской литературы должно быть обращено на народныя преданія и сказанія, составляющія основу всѣхъ лучшихъ духовныхъ повѣствованій. Несмотря на разнообразіе интересовъ, не только церковныхъ, но и свѣтскихъ, несмотря на примѣсь вымысла и даже мнѳологій, эти народныя сказанія дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ искренняго вѣрованія. Можно даже сказать, что въ нихъ больше чистоты убѣжденій и искренности, нежели во многихъ витіеватыхъ передьлкахъ, раз-

бавленныхъ пустымъ многословіемъ. Сверхъ того, по нужно думать, чтобъ эти духовныя повѣствованія составлялись въ народѣ съ исключительно религіозною, поучительною цѣлю. Это была особенная *художественная форма*, соответственная благочестивому духу времени, для выраженія всего разнообразія нравственныхъ интересовъ народа. Муромская легенда о Петрѣ и Февроніи, между прочимъ, забавляла остроумными загадками и хитростями вѣщей ткачихи, ставшей вѣтомъ княгиней. Сверхъ того, въ этомъ сказаніи явственно выраженъ протестъ со стороны личныхъ достоинствъ противъ боярской ереси и аристократическихъ предразсудковъ. Ростовская легенда, возникшая въ городѣ, проникнутомъ татарщиною, очевидно, держится татарскаго направленія противъ свескорыетія и маловѣрія ростовскихъ князей. Легенда смоленская, какъ увидимъ впоследствии, въ противоположность ростовской, возстановляетъ чистую идею христіанства противъ татарскаго варварства.

Какъ въ настоящее время господствующею формою литературы — повѣсть и романъ, такъ въ древней Руси — духовное повѣствованіе и легенда. Въ формѣ житія или легенды впадалось самое разнообразное содержаніе: и подвиги святыхъ, и крупныя историческія событія, и семейныя *намиты*, или яемуары, и различныя любопытныя похождения. Это было не только поучительное чтеніе, но и благородная забава или утѣшеніе: потому составитель ростовскаго сказанія и говорить въ заключеніи: «дай же, Господи, *утѣху* почитающимъ и пишущимъ» — то есть, тѣмъ, которые будутъ читать это сказаніе или переписывать.

Послѣ этихъ общихъ соображеній, обращаясь собственно къ смоленской легендѣ, мы должны прежде всего разсмотрѣть различныя редакціи, въ которыхъ она дошла до насъ.

Эти редакціи слѣдующія: во первыхъ, *народная*, существенно отличающаяся большою свободою фантазій; во вторыхъ, *лирическая*, въ церковныхъ вѣснопѣніяхъ и стихахъ, служащая переходомъ къ книжной передѣлкѣ; въ третьихъ, *литературная*, вошедшая въ Макарьевскія Четьи-Миней, и наконецъ, въ четвертыхъ, *самая краткая*, вѣроятно, народнаго происхож-

денія, но записанная уже въ позднѣйшую эпоху въ «Книгѣ, глаголемой о россійскихъ святыхъ.»

Для предупрежденія всякихъ недоразумѣній, предварительно должно сказать, что и народная редакція, будучи записана книжникомъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторую литературную порчу; а также, наоборотъ, и литературная редакція будучи составлена на основаніи устныхъ разсказовъ, содержитъ въ себѣ любопытныя данныя для исторіи народныхъ преданій. Но мы отличаемъ здѣсь народную редакцію отъ литературной по степени участія въ той и другой элементовъ народныхъ и книжныхъ. Строгое отдѣленіе тѣхъ и другихъ элементовъ въ обѣихъ редакціяхъ должно быть предметомъ историко-филологической и эстетической критики, опытъ которой предлагаемъ здѣсь читателямъ Лѣтописей русской литературы.

Итакъ, во первыхъ, народная редакція, по Синодальному Цвѣтнику Жюлева 1665 г. (№ 908, лист. 218 об. и слѣд.) отличается слѣдующими подробностями.

Въ городѣ Смоленскѣ жилъ нѣкто молодой человекъ, по имени Меркурій; былъ онъ благочестивъ, въ заповѣдяхъ господнихъ поучался день и ночь, процвѣталъ преподобнымъ житіемъ, постомъ и молитвою, и сіялъ, какъ звѣзда богоявленная, посреди всего міра. Былъ умиленъ душою и слезенъ, часто приходилъ къ кресту господню молиться за міръ, *зовомый Петровскою Ста.* А въ то время злочестивый царь Батый плѣнилъ русскую землю и мучилъ христіанъ, проливая безвинную кровь, какъ сильную воду. И пришелъ тотъ царь съ великою ратью на богоспасаемый градъ Смоленскъ, и сталъ отъ него за 30 поприщъ; много святыхъ церквей пожогъ и христіанъ побилъ, и твердо вооружался на тотъ городъ. Люди же были въ великой скорби, necessarily пребывали въ соборной церкви Пречистой Богородицы, и умиленно вопіяли съ великимъ плачемъ и со многими слезами ко Всемогущему Богу и ко Пречистой его Богоматери и ко всемъ святымъ, о сохраненіи града того отъ всякаго зла.

И было нѣкое смотрѣніе божіе къ гражданамъ. Недалеко отъ города за Дибирь-рѣкою въ Печерскомъ монастырѣ преславно явилась Пречистая Богородица понамарю и сказала: «о человеке божій! скоро изъиди ко оному кресту, гдѣ молится угодникъ

мой Меркурій, и рцы ему: зоветь тебя Божія Матерь!» Понамарь отправился и нашель молящимся у креста, и назваель его по имени: «Меркуріе!» — А тотъ отвѣтствовалъ: «что ти есть, господине мой?» — И сказаель ему понамарь: «иди скоро, брате! тебя зоветь Божія Матерь въ Печерскую церковь!» — И пошоль богомудрый Меркурій во святую церковь, и увидѣль тамъ Пречистую Богородицу на золотомъ престолѣ съ Христомъ въ нѣдрахъ своихъ, окруженную ангельскимъ воинствомъ. И палъ онъ предъ ногами ея съ великимъ умиленіемъ и ужасомъ. Божія Матерь возставила его отъ земли и сказала ему: «Чадо Меркуріе, избранниче мой! Посылаю тебя! иди скоро, сотвори отмищеніе крови христіанской: ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человекъ, прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову: ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой городъ: тамъ применишь копчину, и положено будетъ твое тѣло въ моей церкви.» Меркурій сильно востужилъ о томъ и восплакаль, и говорилъ: «О Пречистая Госпожа Богородица, мать Христа Бога нашего! Какъ же я, окаянный и худой, непотребный рабъ твой могу быть силенъ на такое дѣло! Развѣ недостадо Тебѣ небесныхъ силъ, о Владычица, побѣдитъ злочестиваго царя?» Потомъ взяль онъ отъ нея благословеніе, и весь вооруженъ былъ и отиущень, и, поклонившись до земли, вышелъ изъ церкви. И нашоль тамъ прехрабраго коня; сѣлъ на него и выѣхалъ изъ города. Достигши полковъ злочестиваго царя, божіею помощію и Пречистой Богородицы, побивалъ онъ враговъ, собирая плѣнныхъ христіанъ и отиущая ихъ въ свой городъ; и скакаль по полкамъ, какъ орелъ летаетъ по воздуху. Злочестивый же царь, видя побѣду надъ людьми своими, одержимъ былъ страхомъ и ужасомъ, и скоро бѣжалъ отъ города того безъ успѣха, съ малою дружиной. И ушелъ онъ въ Угры, и тамъ былъ убитъ царемъ Стефаномъ.

Тогда предсталъ Меркурію прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему и отдалъ все свое оружіе; потомъ преклонилъ свою голову и былъ усеченъ. И такъ, блаженный, взявъ голову свою въ одну руку, а другою ведя коня своего подъ усты, пришелъ въ свой городъ, безглавенъ. Люди же, смотря на него, удивлялись божію устроенію. И такъ дошелъ онъ до Мологин-

скихъ воротъ. Нѣкоторая дѣвица, вышедши по воду, увидѣла, какъ святой идетъ безъ головы, и начала его цѣлпо бранить. Онъ же въ тѣхъ воротахъ легъ и честно предалъ душу свою Господу, а конь его сталъ невидимъ.

И пришелъ архіепископъ того города съ крестами и со множествомъ народа, дабы взять честное тѣло святаго. И не вдался имъ святой. Великій плачь былъ тогда въ людяхъ и рыданіе, что не восхотѣлъ святой подняться; архіепископъ же былъ въ великомъ недоумѣніи, моляся о томъ Господу. И былъ къ нему гласъ, глаголавшій: «О слуга господень! не скорби о семъ! Кто послалъ его на побѣду, тотъ и погребетъ.» И три дня лежалъ святой непогребенъ. Архіепископъ всю ночь безъ сна пребывалъ, моляся Богу, да явитъ ему эту тайну. И смотри въ оконце свое, прямо къ соборной церкви, видитъ онъ: ясно, въ великой свѣтлости, какъ въ солнечной зарѣ, вышла изъ церкви Пречистая Богородица съ Архистратигами господними, съ Михаиломъ и Гаврииломъ, и, дошедши до того мѣста, гдѣ лежало тѣло святаго, взяла оно Пречистая Богородица въ полу свою, и принесла въ свою соборную церковь, и положила на его мѣсто, гдѣ и донынѣ, видимъ всѣмъ, творить чудеса во славу Христу Богу нашему, благоухая, какъ кипарисъ. Архіепископъ же, вшедши въ церковь къ заутренѣ, увидѣлъ преславное чудо: святой уже лежалъ на своемъ мѣстѣ, почивая. Сошелся народъ, и, вида то чудо, прославилъ Господа Бога.

Такова народная редакція. Главнѣйшіе пункты, на которые слѣдуетъ въ ней обратить вниманіе, суть слѣдующіе:

1) Меркурій представляется героемъ народнымъ, русскимъ. По крайней мѣрѣ, въ народномъ сказаніи нѣтъ и слѣда о римскомъ или пѣмечкомъ его происхожденіи.

2) Вся обстановка героя идеальная. Конь, дожидавшійся его у выхода изъ церкви, былъ необычайный. Обезглавленный Меркурій привелъ его съ битвы въ городъ, гдѣ онъ чудесно исчезъ, сталъ невидимъ. Это чудесное животное напоминаетъ намъ до-христианское чествованіе коней, отризавшеся въ мифѣ о Слейпнирѣ Одина, о конѣ Свѣтовита балтійскихъ Славянъ, о вилвитомъ или вѣщемъ конѣ Момчилы въ сербскомъ зносѣ, о *Сивкѣ-Буркѣ-Влицей-Коуркѣ* нашихъ сказокъ и проч. Какъ

бы то ни было, только чудесный конь смоленской легенды прямо указывает на живую связь ея съ народнымъ эпосомъ.

3) По этой редакціи святой герой сражается не съ татарскимъ великаномъ, а со всемъ Батыевымъ войскомъ, и, что особенно важно — убиваетъ Меркурія не сынъ великана, въ отмщеніе за убіеніе отца, а нѣкто *человѣкъ красенъ лицомъ*, или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, *прекрасенъ воинъ*. Меркурій долженъ былъ, по повелѣнію Богородицы, покорно отдать ему свое оружіе и для утѣченія преклонить передъ нимъ голову. Ясно, что не отъ татарина, даже не отъ человѣка обыкновеннаго приключилась ему смерть, но отъ какого-то существа прекраснаго, отъ прекраснаго воина, какими представляются въ нашей древней литературѣ ангелы. Совершивъ велѣніе Богоматери, исполнивъ свое назначеніе въ мірѣ, Меркурій долженъ былъ, во цвѣтъ лѣтъ лишиться жизни. Смерть должна была набросить свой таинственный, непроницаемый покровъ на невѣдомыя, столь же таинственныя сношенія героя съ міромъ чудеснаго, неземнаго. Но народной фантазіи жаль было представить храбраго героя жертвою татарина. Онъ заслуживалъ лучшей участи, и, если уже не суждено было ему жить, то пусть же лучше самовольно и тихо отдастъ онъ свою душу въ руки неземнаго, свѣтлаго существа. Впрочемъ вмѣстѣ съ произвольнымъ движеніемъ, оставлена была ему жизнь до тѣхъ поръ, пока онъ не дошелъ до своего города. Для исторіи народной поэзіи — какъ кажется — не надобно упускать изъ виду того обстоятельства, что *прекрасный воинъ*, утѣкнувшій Меркурія, въ сказаніи не названъ ангеломъ. Слѣдовательно, это сверхъестественное существо, можетъ быть, не что иное, какъ слабый отсвѣтъ древнѣйшаго, до-историческаго вѣрованья въ какое нибудь свѣтлое божество.

4) Мѣстные черты сказанія видны въ томъ, что Меркурій до совершенія своего подвига «часто приходилъ ко кресту Господню молиться за міръ, зовомый *Петровскаго Ста*», и что, воротившись съ битвы, обезглавленный «дошелъ вратъ *Молотинскихъ*», — былъ встрѣченъ въ этихъ воротахъ дѣвицею, шедшею по воду: «ту же вышла по воду нѣкая дѣвица, и зря святаго безъ главы идуща, и начатъ святаго не вѣно бранити:» — странная и наивная подробность, очевидно народнаго и мѣстнаго происхожденія.

Наконецъ 5) все сказаніе по народной редакціи отличается простотою, малосложностью и краткостью, въ отличіе отъ усложненной и витіеватой редакціи искусственной.

Впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, и эта послѣдняя редакція даетъ намъ возможность усмотрѣть нѣкоторыя новыя народныя основы, которыя частію вошли въ ея содержаніе. Но чтобы яснѣе былъ для насъ составъ ея, сначала необходимо познакомиться съ нѣкоторыми чертами смоленскаго сказанія изъ стиховъ, или похвальныхъ молитвословій подъ 24 числомъ Понедѣля, по рукописи графа Уварова, № 681 (Царск. 563), лист. 401—420. Похвалы эти и славословіе состоятъ изъ двухъ частей, вторая начинается на л. 414, подъ заглавіемъ: «Второе твореніе Меркурію смоленскому же». Въ этой второй половинѣ, на л. 416, находится между молитвами, слѣдующая вставка, важная въ библиографическомъ отношеніи: «Канонъ святому Меркурію. Повелѣніемъ и благословеніи (sic) святаго его рукоположенія. бываеетъ писана блаженнѣйшаго епископа. того же Смоленска Киръ Варсанофія. И мы крастранице ещеве. велехвалии поемъ вонна тверда. святаго добляго Меркурія» и проч.

Эти похвалы, существенно отличаясь своимъ содержаніемъ отъ народной редакціи, во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ представляютъ такое замѣчательное сходство съ редакціею литературною, что прямо говорятъ объ очевидномъ вліяніи одного литературнаго произведенія на другое. Я позволяю себѣ думать, что не литературная редакція вошла въ основу похвалъ и раздробилась на части, а на оборотъ — составитель этой редакціи пользовался похвалами, приведа въ систему все то, что было разсыяно въ похвалахъ и молитвословіяхъ со многими повтореніями и распространеніями.

Въ пользу этого предположенія говоритъ одна характеристическая подробность въ похвалахъ, уже устраненная изъ литературной редакціи сказанія, какъ анахронизмъ или ценонятная странность. Хотя кое гдѣ и говорится, что Меркурій сражался съ Агарянами, съ Татарами, напр. на л. 409 обор. «ту побѣдилъ много вой татарскихъ»: но гораздо чаще врагами Меркурія, Смоленска, и всей Руси называются не Татары, а *Исчельми*: напр. на обор. 404 л. восхваляется Меркурій: «како злаго богоборца царя Батмы набѣгъ низложилъ и исполнии побѣдилъ».

и злотворныхъ Печенѣгъ много множество побилъ» — «противу злочестивыхъ Печенѣгъ крѣпко пострада» 405 об. — «Меркуріе прекрасне, преудобренне воевода! како удивишася ангельская воинства, видяще твое крѣпкое страданіе противу злыхъ Печенѣгъ» 412 и обор. — «егда злый богоборецъ царь Батый видѣ яко исполина убита, и множество много Печенѣгъ побитыхъ, и не смѣя граду належація сотворити, и побѣже посрамленъ отъ Госножи и Богородици, дивнѣйшія заступницы наша» 413 и об.

Это странное смѣшеніе Татаръ съ Печенѣгами устранено въ литературной редакціи сказанія, которая, впрочемъ, во всѣхъ остальныхъ подробностяхъ представляетъ самое полное сходство съ историческими мѣстами пѣснопѣній. Отсюда ясно, что въ сказаніи направлена уже неточность первоначальныхъ его источниковъ, открываемыхъ въ этихъ похвалахъ.

Конечно, во многихъ случаяхъ не слѣдуетъ обращать серьезнаго вниманія на анахронизмы и смѣшеніе историческихъ фактовъ въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ, такъ же какъ и въ народной поэзіи. Но здѣсь, какъ мнѣ кажется, память о Печенѣгахъ имѣетъ немаловажное значеніе. Уже неоднократное внесеніе этого имени, и притомъ, въ похвальные пѣснопѣнія, устраняетъ всякое предположеніе о случайной ошибкѣ или опискѣ писца. Безъ сомнѣнія, дѣйствительно такъ, а не иначе воспѣвалось въ похвалахъ Меркурію смоленскому и Пречистой Богородицѣ, заступницѣ города Смоленска отъ безбожнаго Батыя. Если бы это смѣшеніе Татаръ съ другимъ народомъ не имѣло никакого основанія, то, конечно, не съ Печенѣгами бы, а скорѣе съ Половцами надобно было ожидать этого случайнаго, безмысленнаго смѣшенія. Память о Половцахъ была еще свѣжа, когда составлялись сказанія о Татарахъ, между тѣмъ какъ Печенѣги давно уже сошли со сцены историческихъ преданій. Откуда же могло взяться въ похвалахъ Меркурію это настойчивое, неоднократное возвращеніе къ народу, казалось бы, давно уже забытому? Зачѣмъ сражается Меркурій съ исполиномъ, не татарскимъ, а именно съ печенѣжскимъ? Въ памяти народной не могла ли быть сблизима эта побѣда, одержанная Меркурі-

смъ надъ исполниомъ, при помощи Богородицы, съ другою подобною же побѣдою, тоже надъ исполниомъ, и тоже при чудесномъ пособіи Богоматери? — Исторія народной литературы предлагаетъ намъ множество сближеній различныхъ событий и эпохъ, по сходству идеи или даже нѣкоторыхъ подробностей въ двухъ или нѣсколькихъ преданіяхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга вѣками.

Дѣйствительно, нѣкогда одержана была блистательная побѣда Мстислава тмутороканскаго надъ касожскимъ исполниомъ Редедю, при чудесномъ заступничествѣ Богоматери. Побѣда эта была такъ знаменита, что еще въ концѣ XII в. воспоминалась авторомъ Слова о полку игоревѣ, какъ событіе, воспѣтое Бояномъ, то есть, какъ одинъ изъ сюжетовъ историческаго народнаго эпоса. И именно въ *печеньжскомъ* исполнии смоленской легенды я позволяю себѣ видѣть естественный переходъ отъ древнѣйшаго, полусторическаго преданія о борьбѣ русскихъ витязей съ восточными исполинами, Касогами, Печеньгами или съ какимъ другимъ племенемъ, — къ позднѣйшимъ чисто историческимъ сказаніямъ о Татарахъ. Меркурій отражаетъ отъ Смоленска уже Батыя, но борется еще съ Печеньгами и побѣждаетъ печеньжскаго исполина, какъ Мстиславъ, «иже зарѣза Редедю передъ плъкы касожьскими». Такова, по нашему мнѣнію, эпическая связь Смоленской легенды съ Словомъ о полку игоревѣ и съ *замышленіями* Бояна, соловья стараго времени. Во всякомъ случаѣ, въ Печеньгахъ смоленской легенды сохранился слѣдъ древнѣйшаго преданія, только не историческаго, а поэтическаго. Древнѣйшія сношенія Руси съ Печеньгами, передаваемая изъ устъ въ уста въ народныхъ сказаніяхъ, оставили по себѣ еще нѣкоторую память, когда слагалась легенда о пораженіи Батыя Меркуріемъ. Такимъ образомъ, въ этой смоленской легендѣ, сквозь позднѣйшую обстановку, доносится до насъ голосъ народнаго сказанія изъ той ранней эпохи, къ которой принадлежатъ многія баснословные рассказы Пестора о борьбѣ Руси съ Печеньгами.

Другая подробность впрочемъ высенная уже вмѣстѣ съ другими въ литературную редакцію сказанія, вѣроятно, также принадлежитъ къ древнѣйшимъ эпическимъ преданіямъ народ-

нымъ. Это, нѣкоторымъ образомъ, символическое сопоставленіе земли, какъ лица одушевленнаго, съ самою Богоматерью. Какъ бы то ни было, только поэтической плачь *матери земли*, и начинается, и оканчивается обращеніемъ молитвословія къ *Богоматери*. Это мѣсто въ похвалахъ Меркурію заслуживаетъ особеннаго вниманія для исторіи поэзіи въ связи съ народными вѣрованіями. Вотъ оно:

«Мати Царя и Господа славы, мати Бога Еммануила, мати, рождшія вся твари Творца, мати, породившія избавителя и спасителя душамъ нашимъ, тебе истинную Богородицу вси роди величаемъ». Вслѣдъ за этимъ обращеніемъ, идетъ пѣснь 6-я слѣдующаго содержанія: «Како быша злыхъ Измаилтенъ великое плѣненіе, тогда земля восплакася, яко нѣкая чядолюбивая мати; мы же тогда возрадовалися, и возвеселилися, выдаще божіе милосердіе и пречистые Богородици защищеніе, и страданія вонна христова благочестно хвалимъ. Како быша отъ невѣрныхъ православнымъ стонаніе, веліе стѣваніе и вопль къ Господу Богу, тогда наша мати земля жерломъ (*т. е. горломъ, ялосомъ*) возстоиаше, вопіюще: Чаде мои, чаде мои! прогнѣваваше Господа своего, а моего Творца и Бога! Мы же тогда къ Господу Богу и къ Пречистой Богородици умилно возопили, глаголюще: заступница наша Госпожа Богородица! избави насъ варварскаго нахожденія и злаго плѣненія. Тогда земля зря и възрыдала, како отъ назухи ея православніи отторгаемы и безмилостивно посябаемы; тогда мы рудѣ въздѣюще и съ въздыханіемъ слезы испущающе, молящся Христу Богу и пречистой его Матери, вопіюще и глаголюще: Слава Тебѣ, Иисусе, сыне Божій! Слава Тебѣ, святая Богородица! избави насъ отъ агарянскаго насилдованія и горкаго томленія! Како намъ даровала стократное и милостивое заступленіе, Госпожа и Богородица, тогда възопили къ Богородици съ усердіемъ молящся, слезы отъ очію точаще и глаголюще: Пресвятая Госпожа и Богородица! Ты избавила родъ христіанскій отъ адова мучительства, и нынѣ насъ избави поганыхъ нахожденія, и злаго и печестиваго плѣненія и посяченія! Мы же тебя, Богородицу, пѣснено славимъ и величаемъ и поклоняемся пречистому Твоему образу.» л. 410 и обор.

Прежде нежели опредѣляя литературное значеніе этого

мѣста, необходимо, въ предупрежденіе недоразумѣній, упомянуть, что художественная форма олицетворенія земли, хотя и согласуется съ народнымъ мифическимъ представленіемъ о *матери сырой земли*, однако въ нашу духовную литературу вошла безъ сомнѣнія, изъ Византіи, такъ какъ и всѣ другія художественныя формы искусственнаго развитія древне-русской образованности. Еще въ изображеніяхъ страшнаго суда, особенно пѣвшихъ сильное вліаніе на умы, предки наши могли видѣть олицетвореніе земли и моря въ видѣ двухъ женщинъ, отдающихъ или возвращающихъ отъ себя тѣлеса умершихъ.¹⁾ Это живописное вліаніе могло находить себѣ сильную поддержку въ чтеніи. *Златоструй*, одинъ изъ самыхъ раннихъ памятниковъ переводной славянской литературы, въ 135 словѣ, о второмъ пришествіи Христовѣ, предлагаетъ олицетвореніе земли и моря, готовящихся къ встрѣчѣ своего Творца, и вступающихъ между собою въ споръ. *Пря земли съ моремъ*, напечатанная въ приложеніи къ моему рѣчи о народной поэзіи, есть не что иное, какъ передѣлка на русскія національныя воззрѣнія художественнаго мотива древне-христіанскаго.

Но вотъ самое мѣсто изъ *Златоструя*, по сборнику графа Уварова № 542 (Царск. 408): «*Глаголетъ земля къ твари: Приидите все рожденіе мое, соберетесь и видите на небеси и на земли славимаго! Приидѣте, видите и возрадуйтеся на руку женску поспима, иже на херувимехъ вышнихъ сѣдѣтъ; приидѣте и видите млекоу кормима, дающаго млеко жепамъ. Градите, видите во чрево дѣвья вмѣстившася в небеса не вмѣстимаго. Приидѣте, видите отъ матери нищу приемлюща, иже всю вселенную питаеть. Градите, видите учителемъ предаема, иже всѣмъ учителемъ ремества даеть», и проч. въ томъ же родѣ; воззваніе земли оканчивается такъ: «Приидите, маліи с великими, нищъ з богатыми, раби съ господами, грѣшныи с праведными, пресмыкающися с четыроногами и птицами, и видите всѣмъ животь дающаго; и лѣта времени, зимами паче естества плодъ принесете тамо общавшему намъ плоды вся твари божество (sic), и своя принесете уханія, яко да о всѣхъ ихъ призрѣтъ на плоды*

¹⁾ Didron, Manuel d'iconographie chrétienne. 1845. Стр. 266 — 267. См. также мою статью о страшномъ судѣ въ Современникѣ за 1857 г.

земныя. Си вси срѣсташася, якоже речено бысть: и пустая мѣста прозябоша и многоплодіе прія, да пророчество исанно збудется, глаголющее: да возвеселится пустыни, и да процвѣтетъ, яко кринь, и да велии ублажятся пустыни іорданова.—*Прится море съ землею*: сим же сице содѣваемымъ, тогда же и море восхотѣ пріяти благая, и начатъ само ся обличати, и земли сопротивляшеся, глаголя: и мнѣ уже Господа подаждь, еда бо твой единъ владыка есть, яко всю отъ него благодать прія; или (?) ¹⁾ его пріити ко мнѣ. Аще бо не пріидеть ко мнѣ, и покрыю ти лице; аще бо не быхъ его разумѣль и срамлялся печатлѣвшаго мя и связавша мя нерѣшными узамн, то какн быхъ покрылъ ти лице. Или не вѣси, яко прежни тебе есмь, и преже роженія твоего стояхъ? Преже бо явленія твоего азъ во глубинахъ ликоввахъ. Отдаждь ми владыку моего, яко же рече пророкъ: яко того есть море, и той сотвори е; по семъ же рече: и сушу руцѣ его создастъ. Понеже послѣ создана еси, перстная мати, и нара несытая, окровавленіе лживыхъ и гробе мертвыхъ, и грѣхомъ доме! Что мучиши старѣйшаго себе, и едина пріемши держиши Господина? Пусти его ко мнѣ, да избудется реченое: в мори путіе твои и стезя твоя в водахъ многахъ. Отдаждь ми присного Творца, да и моя нѣдра исполнить радости. — *Прится земля съ моремъ*: И тако нудима отъ мора земли, того волею пріишеся, глаголющи: Егда горни тебе есмь, воздвигло естество, расслабленое и нестоящее, горко шумящее, пагубное и славное пиво, и непотребное житію, петлачный пути, вѣтрови содруженный, поспнѣлое бурю! аще еси, яко же рече, честнѣйше мене; то къ тебѣ бы преже пріишелъ Господь. Ни мнѣ же отъ сего являшися самъ, яко содержащи тя есмь; яко во мнѣ преже луча испусти божества. Толще тебе прежни есмь, яко бо мати есмь человекомъ, а ты пресмыкаемымъ гадомъ. Азъ Святыя Дѣвы мати есмь, яже прозябе Владыку; ты же — лукавому змію, иже ругается животнымъ. Азъ мати есмь пророкомъ и апостоломъ и святымъ мужемъ; ты же дивнмъ и пресмыкаемымъ мати, и водоплавающимъ тѣлесамъ ²⁾). Азъ есмь рай плодаци и имущи цвѣтца и ароматы; ты же — вѣтры нестройныя. Аще бы во мнѣ

¹⁾ Въ рукоп. Улм.

²⁾ Въ рукоп. тельсв.

да быхъ азъ держала Господа, то не быхъ дала ему не приближиться к тебѣ». Л. 20—23.

Итакъ, поэтическое олицетвореніе земли въ глазахъ нашихъ благочестивыхъ предковъ не только не имѣло въ себѣ ничего мнѣологическаго, но даже напоминало священныя изображенія византійскаго искусства и литературы. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, народныя, своеземныя вѣрованья нашли себѣ оправданіе въ искусственной иностранной литературѣ, съ давнихъ поръ внесенной къ намъ въ переводахъ. Каковы бы ни были воззрѣнія при олицетвореніи земли въ смоленской легендѣ, русскія или византійскія, во всякомъ случаѣ мѣстное и историческое примѣненіе этихъ воззрѣній даетъ олицетворенію чисто народный, русскій характеръ. Подъ землю разумѣется уже земля *только русская*. Она жалуется на погромы татарскіе, какъ на бѣдствіе, причиняемое будто бы жителями *не земли*, а какой-то другой, богопротивной области, какъ бы того жилища враждебныхъ силъ, которымъ, по сѣверной мнѣологій, окруженъ *Мидгардъ*, или *срединное жилище* свѣтлыхъ Асовъ и Вановъ. Такое нелогическое сокращеніе понятія о землѣ, такое шизведеніе этого понятія до известной страны есть самый обыкновенный приѣмъ эпическаго воззрѣнія. Настоящая земля — только та, на которой живетъ народъ русскій, это земля русская; все остальное, все окружающее этотъ *Мидгардъ* древно-русскаго челоуѣка — наполнено враждебными, проклятыми силами, чуждыми спасенія и обреченными на вѣчную гибель. Этотъ Мидгардъ — есть земля *свѣто-русская* или *свѣто-русская*, то есть, не только *свѣтлая*, но и *святая*. Таково, по нашему мнѣнію, эпическое значеніе страннаго, нехристіанскаго выраженія: *святая Русь*, которое въ народной поэзій употребляется въ самомъ обыкновенномъ, общемъ смыслѣ *русской земли*, безъ всякаго присоединенія къ тому, какого бы то ни было намёка на святость известныхъ лицъ или урочищъ и предметовъ.

Итакъ, олицетвореніе въ смоленской легендѣ, съ понятіемъ о землѣ соединяетъ частное представленіе земли русской. Она — чадолюбивая мать всѣхъ православныхъ — видя, какъ *отъ назуки* ея православныя отторгаемы посякнутся, возстала и вопіяла: «О чада мои! прогнѣвали вы Господа своего, а моего Творца и Бога!» Но когда сѣтовала такъ земля, — и православные

обращались съ благодарственною молитвою къ Богородицѣ и ея угоднику Меркурію о спасеніи града Смоленска и всей земли русской. Эти совокупныя восклицанія и земли и православныхъ заключаются торжественнымъ обращеніемъ къ Богородицѣ, какъ главной заступницѣ, испославшей Меркурія для побѣды надъ Батыемъ; и въ этомъ восторженномъ лиризмѣ пѣснопѣтнѣя живо чувствуется, какъ *мать—сыра—земля*, эта земная мать всѣхъ людей, смиренно передаетъ свое заступничество Матери Небесной, взявшей подъ свой надежный покровъ всѣхъ православныхъ христіанъ.

Плачь и томленіе земли отъ погромовъ Батыя, искренностью и свѣжестью лиризма, заставляютъ предполагать, что историческія основы смоленской легенды составились въ эпоху татарскую, точно такъ же, какъ лирическіе, скорбные стихи, тамъ и сямъ разбѣданные въ народныхъ стихахъ о татарщинѣ.

Если народная редакція смоленской легенды переноситъ насъ къ доисторической эпохѣ народнаго эпоса, и если Печенѣги, упоминаемые въ похвалахъ, указываютъ на слѣды древнѣйшихъ поэтическихъ преданій; то плачь русской земли о гибели православныхъ есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ русской поэзіи темныхъ временъ татарщины.

Теперь обратимся къ другимъ подробностямъ въ похвалѣ Меркурію. Всѣ онѣ, какъ замѣчено выше, вошли въ литературную редакцію легенды, за исключеніемъ двухъ, о которыхъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Народная редакція ничего не знаетъ о происхожденіи героя, или по крайней мѣрѣ — не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве, почитаетъ Меркурія русскимъ. Но въ похвалахъ онъ называется уже Римляниномъ: «Римъ оставль к намъ пришелъ еси; богатство римское оставль и пріять богатство на небесахъ, и нынѣ со ангелы водворяешися. Римское княженіе и славу суетную ни во что же вмѣшивъ, оставль княженіе, и пріять царство небесное и нынѣ живещи съ лики ангельскими. Римаскихъ родителей своихъ небрегъ, едино вождель еси, за вѣру Христову кровь свою проліати и за православныхъ, вѣрующихъ въ Господа, и сего ради веселишия въ селехъ небесныхъ». Л. 406. — «Римское богатство оставль, и пріять богатство отъ Господа вѣнецъ, пріимъ в руцѣ коніе, крѣпко пострада, зловѣрнаго ца-

ря Батня ужасилъ, и самохвальнаго исполина побѣдилъ, и вси внуци агарянскыя проженуль, страсотерпче Меркуріе, моли Христа Бога спастися душамя нашимъ». Л. 411. — «Римлянинъ родомъ сый, но вѣрою благовѣрною огражденъ, а не полувѣріемъ боляй; но угодникъ Богу бысть и того Рожешой; лъстиваго ратника посрамя, исполина съ сыномъ порази, и вѣщникъ христовъ явися и славы радостыня причастися: сего ради священику его память празднуемъ нынѣ». Л. 417.

Въ похвалахъ упоминается и о возрастѣ героя: «младъ уботѣломъ, душею святъ, вѣрою благочестивъ, но благочестіи поборникъ, за православіе страдаецъ». Л. 406 об.

Подробности самой легенды передаются слѣдующимъ образомъ: «Начнемъ касатися духовнѣй бесѣдъ, страданія воспоминаемъ угодника и мученика христова Меркурія, како злочестивый и богопротивный царь Батый наиде на градъ нашъ со многымъ множествомъ варваръ, хотя градъ нашъ нусть сотворити, а насъ погубити; но Богомъ и Пресвятою его Матерію и страданіемъ угодника воина христова, спасеть градъ и люди. По благовѣщенію Святыя Богородица, приде святыи въ церковь Богородичну, и обрѣтоша свѣщу горящу предъ самою иконою Госножи Богородицы, отъ нея же изыде гласъ попомарю, и падше святыи предъ образомъ чудотворнымъ, нача молитися: Госпоже Богородица! буди помощнице на супротивныхъ сихъ. И тако гласъ бысть отъ иконы пресвятыя Богородицы и явленію святому, безбожныхъ нахожденіе, и посла побѣдити ихъ силою Христовою. Отъ чудотворныя иконы пречистыя Богородица бысть гласъ глаголюще: рабе мой Меркуріе! иди злотворнаго Батня и изманитескы люди огрози; плѣнныя свободи дарованіемъ Христовымъ; домъ мой и градъ и люди безбѣдны ¹⁾ сотвори. Отъ пречистаго и чудотворнаго образа Пресвятыя Богородица бысть гласъ предоброму воину христову: Рабе мой Меркуріе! иди, убій силнаго исполина, а злочестиваго царя Батня и поганыхъ Агарянъ прожени; божіею благодатію люди и градъ отъ нихъ спасутся. Пречистая Госпожа и Богородица! некосная наша заступнице! крѣпкая держава, непобдимый воевода града нашего, имущи во своемъ градѣ таковаго воина и угодника своего Меркурія, и

¹⁾ Въ рукоп. *безмедн.*

такo сьятаго воспосылане огрозити и побѣдити зловѣрныхъ, и прогонити отъ лица нашего». Л. 407 об. и 408. — «Какo прoиде сьвятый градныя врата и стѣны бещука ¹⁾, и дошедъ злоименитаго царя Батыя ужаси, и немощю обложена силнаго исполнина побѣдилъ, а нѣхъхъ изманитескихъ людей мечю предалъ, и оставшии на бѣгъ себѣ вдаша; и възвратился сьвятый къ свѣтлу вѣнцу радуясь». Л. 409. — «Приде сьвятый на мѣсто, идѣже повелѣ сьвятая Богородица, и ту побѣдилъ много вой татарскихъ, и оставшии варвари разъяряхуся сердца и распыхахуся суетмыслеными душами на богохранимъ градъ Смоленскъ. И бѣ виде жену превелику и пресвѣтлу солнцеобразну съ множествомъ вой небесныхъ, и ужасошася, въскорѣ отбѣжа отъ насъ. Шаташася безумии въ молвѣ горкаго своего злаго невѣрія, яко провидѣли Госпожю Богородицу, паче солнца сѣяюцу и помогаюцу своему угоднику: и тако расынашася мысли ихъ, и бысть яко прахъ, и побѣгоша въскорѣ, и на бѣгъ себе вдаша. Приде сьвятый въ богопокровенный градъ, и ту блаженная глава, яко добродная маслина, процвѣте». Л. 409 об. и 410. — Выше было уже приведено мѣсто о томъ, какъ Меркурій «исполнина съ сьномъ порази». Л. 417. — О убіеніи сьятаго въ одномъ мѣстѣ сказано глухо: «Егда злии Агаряне отсѣкоша главу сьтому Меркурію, и възиріать ю самъ сьвятый и принесе въ градъ, предъ вѣсми людьми, глаголюще и поюще глава, како бысть побѣда и каково отъ Госпожи и Богородици заступленіе и сьтому отъ нея поможенія». Л. 413 об. — Но въ другомъ мѣстѣ опредѣлительнѣе: «Скончася, святе, отъ исполнина, Меркуріе, мечемъ усѣченъ въ главу ти, и оттуду получилъ еси желемаго тобою вѣнца». Л. 419. — «Красно мѣсто и сьято, на немъ же твои всесчестіи позѣ стоятѣ, идѣже своя сьвятая глава усѣчена, и ту бѣ воинъ Христовъ свине отъ Бога, яко царскую діадиму приать, сѣя въ лицѣ сьвѣтыхъ мученикъ, яко солнце посрѣдѣ звѣздъ осѣявая градъ и люди». Л. 412 об. и 413. — О принесеніи главы еще въ другомъ мѣстѣ: «Ангели бо удивившася и мученицы ²⁾ ужасошася, видящи како твои рунѣ пречестную твою главу принесоша во градъ». Л. 412 об.

¹⁾ Чит. безъ шука.

²⁾ Въ рукоп. ученицы.

Итакъ изъ пѣснословій явствуетъ, что въ эпоху составленія ихъ еще не опредѣлилось сказаніе объ убіеніи Меркурія сыномъ того исполина, котораго поразилъ святой. Это обстоятельство также, можетъ быть, говорить въ пользу древности пѣнопѣній, которыя, въ этомъ случаѣ, стоятъ на срединѣ между народною редакціею и литературною.

О послѣдующей судьбѣ Меркурія воспѣвается такъ: «По преставленіи явился святой тому же попомарю, яко живъ, въ воинскомъ подобіи, и рекъ старцу: повѣждь гражаномъ, да устроятъ щить и копіе мое надъ гробомъ моимъ, и когда будетъ гражаномъ притуженіе отъ злыхъ находеній, тогда износятъ мое оружіе, прославляюще Господа славы и того рождышую Богоматерь, и мене смиреннаго раба божія Меркурія поминнающе, да подасть Господь върнимъ на супротивныхъ крѣпость и одолѣніе». Л. 413. — «Спомочника имѣяху вси граждане, страсто-терпче христовъ доблественый! копіе и щить твой выну пособи емуци, ты величаютъ, Христа Бога славяще, въичавшаго ты!» Л. 419 об.

Эта любопытная подробность даетъ намъ разумѣть, что древній обычай ставить копье и щить на могилѣ воина имѣлъ не только эпическое, но и религіозное значеніе. Почившій герой для новыхъ воинскихъ подвиговъ возставалъ изъ своей могилы и вооружался оставленнымъ на ней оружіемъ. Это върваніе идетъ отъ той отдаленной эпохи, когда воина зарывали въ могилу вмѣстѣ съ оружіемъ и съ конемъ.

Оружіе Меркурія, хранимое на гробѣ его, было для гражданъ Смоленска знаменіемъ побѣды и избавленія отъ вражескихъ нашествій. Какъ однажды этимъ оружіемъ отражены были Татары, такъ и всегда впредь будетъ оно символомъ божественнаго могущества противъ враговъ православія.

О судьбѣ Батыя воспѣвается: «Восточную страну плѣнилъ и на запади изратова, и тамо пріялъ, яко Каппъ, мечь отъ Бога, мечное устѣченіе отъ угорскаго самодержца Владислава, и той злый кровонійца животь свой злъ предалъ со всіми вон своими». Л. 414. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить о разногласіи съ народ-

ною редакціею въ имени угорскаго короля, и о полномъ отсутствіи этой подробности въ литературной редакціи ¹⁾).

Уже изъ вышеприведенныхъ цитатъ явствуетъ, что пѣснопѣнія эти были составлены въ Смоленскѣ, который потому и называется постоянно: *градъ нашъ*. Что же касается до эпохи, когда составились эти похвалы въ ихъ окончательномъ видѣ: то, судя по слѣдующимъ мѣстамъ, надобно опредѣлить ее временемъ самодержавія московскихъ царей, и конечно не позже первой половины XVI вѣка, когда на основѣ этихъ похвальныхъ пѣснопѣній была составлена литературная редакція смоленскаго сказанія, вошедшая въ Макарьевскія Четы-Минен. Вотъ эти мѣста: «Кими благодарными пѣснями воспоимъ страсотерца и мученика... въсточнѣй странѣ бысть великое радование *всѣа російскыи земли самодержъцу государю нашему благочестивому царю* великому князю, къ Богу тепа предстателя». Л. 404. — «И нынѣ, святе, испроси *царю и государю нашему* великому князю здравіе и на супостаты одолѣнія». Л. 406. — «Святая Богородице! даруй крѣпость и одолѣніе правовѣрнымъ; послѣ побѣду на злочестивыхъ православному *царю и государю нашему* великому князю скипетры утверди, градъ нашъ и вся грады и люди соблюди отъ всякихъ находящихъ бѣдъ». Л. 408 об.

Ставши предметомъ церковныхъ пѣснопѣній, смоленское сказаніе было сближено съ подобными же о другихъ священныхъ лицахъ. Защита города отъ враговъ при участіи божественныхъ силъ и битва съ исполиномъ — вотъ главныя черты, подавшія поводъ къ сближенію. Сближенія эти иногда такъ наивно предлагаются въ духовныхъ повѣствованіяхъ, что иногда невольно наводятъ на мысль о литературномъ подражаніи.

Въ похвалахъ Меркурію смоленскому воспѣвается слѣдующее: «Какъ царь Давидъ божіею помощію убилъ превеликаго и силнаго Голиаѳа, также и сій святыи мученикъ Меркурій повелѣніемъ пресвятыя Богородицы уби силнаго исполина... Како послала святая Богородица угодинка своего древняго Меркурія, соблюдаючи градъ Кесарійскый, и вѣрныя люди въ немъ спасаючи, да убьетъ злаго мучителя законпреступнаго царя Уль-

¹⁾ Сказки о Батыѣ въ житіяхъ святыхъ смотр. у преосв. Филарета въ Обзорѣ русск. дух. литер. статья 133, стр. 146.

яна; также и сего блаженнаго Меркурія посылала пресвятая Богородица, храня градъ и люди, царя Батыя ужасити и исполниа убити, варваръ побѣдити, ииѣхъ прогонити». Л. 411 об. — «Другаго тя поемъ, имащего побореніе по духу, христовъ Меркуріе, яко непобѣдимаго воинна. Внигда бо по вельнїю, угодише божїи и Богородици, изшелъ еси на стрѣтеніе поганыхъ силъ, и исполниа съ сыномъ крѣпкаго побѣдилъ еси пособіемъ Богородици, подобіемъ якоже святыи мученикъ Несторъ ярость прекротивъ зловертнаго мучителя Люя богоборца, побѣдивъ христовымъ именемъ и силою, или тезоименитому ти святому мученику Меркурію, яко во Александрїи онъ побѣдивъ, прободъ сердце мучителя и законопреступника, ревнуя по благочестїи». Л. 414 и об. Сверхъ того, принесеніе своей собственной головы могло напоминать общезвѣстное сказаніе о Діонисїи Ареопагитѣ.

Послѣ этого подробнаго разбора иѣспонѣній намъ будетъ уже очевидно все сходное съ ними въ литературной редакціи, которую предлагаю здѣсь по двумъ спискамъ: по одному въ Макарьевской Четвѣ-Миней, за ноябрь (по Синодалыи. рукописи, № 176, л. 2273 и слѣд.), и по другому, согласному съ этою Минеею, въ Синодалыи. сборникѣ XVII в. (подъ № 850, л. 820 и слѣд.). Систематическою литературною отдѣлкою, иѣкоторымъ искусственнымъ порядкомъ и очень замѣтною витѣватостью редакція эта явственно указываетъ на свой позднѣйшїи составъ и существенно отличается отъ простой и малосложной редакціи народной. Не смотря на сокращенія излишняго многословія, которыя я позволяю себѣ въ изложенїи смоленскаго сказанїя по редакціи Миней, все же достаточно познакомятся читатели съ ея витѣватостью и искусственностью.

Великое чудо предлагается нынѣ въ повѣсти, которая долгое время предана была забвенїю и перадынїю. О господа и братїя, богатые и маломощные, вельможи и властители! оставя всякую гордость, и все народное множество людей города нашего, воспомянемъ дивное чудо сіе, какъ дивнѣйшая заступница и милостивая помощница наша, Госпожа Богородица невидимою божественною силою своею и свитымъ своимъ афоромъ осѣняетъ и покрываетъ городъ нашъ отъ всякаго покушенїя и язвы, отъ тайно находящихъ бѣдъ и золь. Воспомянется въ этомъ чудѣ

о пособіи нашему городу отъ непорочной Дѣвы черезъ святаго Меркурія, и о твердой побѣдѣ города нашего. Вы же съ чистымъ сердцемъ послушайте, и бодро молитвою къ Богоматери прильпимся, да и нынѣ поможетъ она своимъ угодникомъ чудодѣйствовать, да вручитъ граду нашему пособіе велие и спасетъ его отъ бѣды.

Во времена оны было то лютейшее нахожденіе злыхъ варваръ на всѣ страны христіанскихъ предѣловъ, понущеніемъ божіимъ, великимъ прещеніемъ и праведнымъ божіимъ гнѣвомъ; потому что умножились беззаконія великія, и лютые грѣхи, и мерзкая нечистота блудная. И за то вестворческа я десница божія послала на насъ великую бѣду и запустѣніе городовъ; и было великое лютое плѣненіе не на одинъ городъ Кіевъ, но и на всѣ страны и предѣлы православныхъ христіанъ. Была тогда такая великая бѣда, что и великія церкви оскудѣли и опустѣли, даже дикіе звѣри въ нихъ плодились; потому что оскудѣли люди и разорены были честные монастыри; городамъ же и деревнямъ великое было и тяжкое запустѣніе, а священникамъ и всѣмъ сановникамъ тяжкія узы на хребтахъ, честнѣйшимъ шюкамъ и шюкинямъ лютейшее и немилостивное посѣченіе, и всѣмъ православнымъ людямъ тяжкое иго и ярмо поганское на шеяхъ.

И восплакалась тогда земля, какъ чадолюбивая мать, видя ту бѣду, бывшую на всѣхъ странахъ христіанскихъ. Лютые тѣ варвары не щадили и грудныхъ младенцевъ, отторгая ихъ отъ нѣдръ материхъ и ударяя о землю. Иныхъ оружіемъ прободали: оскверняли чистоту дѣвства, растлѣвая юныхъ дѣвъ, разлучали брачныхъ женъ отъ мужей, и самыхъ шюкинъ, честнѣйшихъ невѣсть христовыхъ, оскверняли блудомъ. И многіе отъ православныхъ сами себя зарѣзывали и отъ себя смерть принимали, дабы не оскверниться отъ поганыхъ. Лютое плѣненіе было тогда на православныхъ, и безчеловѣчно показывали себя немилостивые враги, связывали плѣнныхъ другъ съ другомъ волосами собственныхъ ихъ головъ, и гнали ихъ, какъ скоть, тыкая острыми рожнами.

И видя все то, общая наша мать земля воиыла своимъ голосомъ и стонала: О сыны русскіе! Какъ же мнѣ оставить васъ, о любимые мои дѣти, прогнѣвавшіе Господа своего, и моего Творца Христа Бога! Вижу васъ отторгнутыхъ отъ моей пазу-

хи, и, судомъ божіимъ, въ поганскія руки немилостиво впадшихъ и рабское иго имущихъ на своихъ плечахъ. И стала я бѣдная вдова: о комъ же прежде буду я сътовать, о мужѣ или о любимыхъ чадахъ? Вдовство мое — запустѣніе монастырямъ и святымъ церквамъ и многимъ городамъ. Не терпя лютой бѣды, возопію къ Творцу общему Господу Богу: Боже сотворивый вся и содѣтелю всѣхъ! презри беззаконіе людей своихъ, и милосердно помилуй и утоли праведный гнѣвъ свой, и возврати ихъ, да вторницею наследятъ меня, твоимъ повелѣніемъ, Господи, яко ты еси единъ Богъ, милуяй грѣшныхъ!

Слышите ли, какъ земля, не терпя той бѣды, возопила гласомъ своимъ, моляся Творцу. Кольми паче стократное молитвенное показалось на насъ дивное заступленіе Госпожи Богородицы. Если бы не она, святая, умолила сына своего Христа Бога нашего и праведный его гнѣвъ съ прещеніемъ утолила, кто бы избавилъ насъ отъ такой бѣды и злаго мучительства? Увѣдайте же нынѣ истину отъ чудесъ ся.

Было великое нахожденіе на православныя страны и плѣненіе отъ безбожнаго и злочестиваго царя Батяя, *варварина* злаго, отъ котораго пострадалъ за Христа великій мученикъ христовъ, православный и благовѣрный великій князь черниговскій, блаженноименный Михаилъ и бояринъ его Феодоръ. Въ лѣто 6745 (т. е. 1237 отъ Р. Х.) было нахожденіе злобнаго того варвара. Пришелъ онъ къ Кіеву и преодолѣлъ его, а оттуда проходилъ многіе города, полоня ихъ, даже и до самой Москвы, и тамъ поилѣбилъ и преодолѣлъ. Нельзя подробно разсказать о всемъ его зломъ мучительствѣ, о плѣненіи и разореніи: потому что великою жалостію утроба наполняется, оцѣптываетъ языкъ и гортань пресыхаетъ. Мы же воспомянемъ только о подвигѣ и о великомъ побѣжденіи святаго Меркурія; потому что чудеса эти были въ тогдашнія лѣта, во время того злаго плѣненія. И умыслилъ злой мучитель Батый тайное нашествіе на богоспасаемый градъ Смоленскъ; съ нимъ былъ и исполнилъ съ сыномъ своимъ.

Смотрите же, православные, скорое и милостивное городу тому поможеніе отъ заступницы нашей Госпожи и Богородицы подвигомъ угодника ея святаго Меркурія! Въ ту ночь во святой своей церкви явилась она сама отъ святой своей иконы по-

помарю, то есть, церковному сторожу, и сказала: «иди, человекъ, къ рабу моему Меркурію, на Подоліе на такое то мѣсто» — и дворъ назвала пономарю — «и скажи ему: «Госпожа зоветъ тебя»; а шедши туда, не просто ко двору приходи и не стучи въ ворота, но кого найдешь среди двора, того и зови, говоря ему тихо: «Меркуріе! иди скорѣй! Госпожа зоветъ тебя во всемъ твоёмъ воинскомъ подобіи». Тотчасъ же отпавился пономарь на показанное мѣсто и нашелъ святаго Меркурія, который въ то время стоялъ среди двора, опоясанъ и вооруженъ во всемъ воинскомъ подобіи, и съ воздѣтыми къ небу руками молился Господу Богу и пречистой его Богородицѣ; потому что было уже ему явлено выше о посланіи и побѣдѣ. И было глубоко въ ночи пришествіе пономарево. Пономарь, ставъ передъ воротами, сказалъ, какъ былъ наученъ самою Богородицею: «Святой Меркуріе! иди скорѣй! Госпожа зоветъ тебя!» Меркурій, отворивъ ворота, вышелъ и вмѣстѣ съ пономаремъ отпавился на гору; и пришли они въ церковь Богородичную, и увидѣли свѣчу горящую передъ самою тою иконою, отъ которой былъ голосъ пономарю. Меркурій нагъ на землю и молился съ великимъ слезнымъ плачемъ. Тогда икона Богородицы провѣщала: «Угодниче мой Меркуріе! азъ посылаю тя огрозити домъ мой! азъ бо ты на сіе призвахъ, раба моего».

Былъ же святой Меркурій *отъ римскихъ пазухъ*, отъ славнаго рода, княжескаго, изъ земли римской, а захватъ въ Смоленскъ еще въ юномъ возрастѣ на службу къ самодержцу того города Смоленска, или же, справедливѣе сказать, воззваніемъ отъ Госпожи Богородицы и посланіемъ на чудотвореніе и на великую помощь своему городу и превеликой своей церкви. Какъ мы сказали, родомъ былъ онъ Римлянинъ, вѣрою же благочестивъ, святой вѣры греческой, и по благочестіи великій поборникъ и ревнитель истинный, соблюдалъ себя въ дѣвствѣ, да будетъ святъ чистотою тѣлесною.

И говорила ему сама святая Богородица: «Вотъ идетъ безбожный мучитель въ тайнѣ; въ эту ночь хочетъ напасть на мой городъ своею ратію; съ исполномъ и сыномъ его хотятъ опустошить городъ мой. Возненавидѣла я велерѣчіе того мучителя, какъ онъ, возносяся суетно, оуждастъ православіе; потому умолила Сына моего, да не предастъ мой городъ въ плѣнъ и

рабство злымъ варварамъ. Того ради повелѣваю тебѣ выйти на встрѣчу злomu тому мучителю, но такъ, чтобъ граждане того не вѣдали, ни старѣйшины градскіе, ни самъ святитель великой той церкви; но всѣ бы оставались въ ту ночь въ городѣ, ничего не вѣдая, гдѣ тотъ злой ратникъ. Ты же выдь и ступай на мѣсто, называемое Долгий Мостъ, потому что тамъ злой боготорецъ уготовилъ рати на мой городъ. Возвѣщаю тебѣ: тамъ побѣдишь ты исполня, помощію и силою Христа Бога. И я сама буду тамъ съ тобою, помогая тебѣ на враговъ. Потому возвращу тебя назадъ, опять на это мѣсто, передъ городомъ, гдѣ ты увѣчиашься своею кровію, и побѣды вѣнецъ отъ Христа примешь — тамъ, гдѣ и нынѣ мѣсто то знаемо есть *на крови* его, на полѣ, вѣдъ передъ городомъ ¹⁾).

О дивнѣйшее заступленіе на насъ отъ славной заступницы святымъ тезоименнымъ оному древнему Меркурію, бывшему въ кесарійскомъ градѣ! Охраняя градъ Кесарійскій, и тогда сама Госножа Богородица послала своего угодника, того Меркурія, да убьетъ внезапно злаго мучителя, законпреступнаго царя Юліана — и избавленъ былъ городъ тотъ. Такъ и нынѣ другаго мученика, новаго Меркурія она же пошлетъ избавить городъ нашъ отъ иноземниковъ.

Услышавъ все то отъ иконы Богородичной, святой Меркуріи радостію исполнился, и, поклонившись иконѣ той до земли, вышелъ и отправился на показанное мѣсто. Прошелъ онъ ворота, незамѣченный городскимъ сторожемъ, и прибылъ на Долгий Мостъ. Ознаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ и призывая въ молитвѣ Богоматерь, взялъ онъ свой мечъ, и, вшедши въ полкъ злобожныхъ варваровъ, убилъ того сильнаго исполна и посякъ мечемъ многое множество другихъ изъ вражескаго полка. На зарѣ проснулись ратные, и, къ удивленію своему,

¹⁾ Вотъ въ подлинникъ это замечательное мѣсто, по Синод. Сборн. № 850, л. 825 об.: «Да и в сихъ явѣ ти есть, яко тебѣ раба моего самого возвращу вспять, пакы на сие мѣсто оно предъ градъ, якоже ту увѣчиашься своею кровію, и побѣды вѣнецъ отъ Христа примешь, идже и нынѣ мѣсто то знаемо есть на крови его на полѣ вѣдъ предъ градомъ». — Такъ же и въ Макарьевск. Четвѣрминезъ, за исключеніемъ самаго конца, который по Минезъ, послѣ слова *примешь*, читается такъ: «Яко идже ти пакеть, по на крови его нынѣ есть на полѣ вѣдъ предъ градомъ мѣсто то». Л. 2277.

увидѣли, что сильный исполнилъ ихъ убить, и около множество мертвыхъ тѣлъ. Не смотря на то, не оставили они своего злаго намѣренія и пошли къ городу. Тогда святой Меркурій отошелъ на то мѣсто, гдѣ принялъ непобѣдимый вѣнецъ, и, стоя тамъ, молился онъ Богородицѣ о побѣдѣ и о своей смерти, говоря въ своей молитвѣ: «Царица и Владычица всей твари, Госпожа и Богородица, приснодѣва Марія! Милостію своею покрой городъ и церковь свою навѣки невредимо отъ ратныхъ; обо мнѣ же, о рабе твоемъ, умоли сына своего Христа Бога нашего, да поконтъ меня мирно отъ временныхъ сихъ, и да учинитъ меня съ ликами святыхъ мучениковъ; ибо я хочу пострадать за Христа и кровь свою пролить за святую твою церковь». И тотчасъ же послѣ его молитвы былъ ему голосъ: «Рабе мой! дерзай, и будетъ тебѣ, что просилъ ты: городъ свой соблюду я невредимъ до конца вѣка; тебя же самаго положены будутъ мощи въ моей церкви, въ этомъ же городѣ».

Итакъ, враги подступили къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ святой Меркурій: и онъ побѣдилъ ихъ всѣхъ, другіе же со срамомъ предались бѣгству, восклицая: «О горе намъ, братія! Моліеносные мужи поборають насъ и немилостиво похваляютъ; а еще видѣли мы и больше того: стояла тамъ ибкая прекрасная жена, превеликая и солнцеобразная: она и мертвыхъ на помощь воскресшала и посылала противъ насъ!»

Видите ли, какое дивное было заступленіе городу нашему!

Святой же Меркурій подклонилъ свою голову, по суду божію: по содѣявшейся отъ него побѣдѣ, пришелъ одинъ лютый *варваринъ*, или сынъ того исполниша, и убилъ святаго Меркурія мечемъ своимъ, и тутъ блаженный кончину пріялъ о Господѣ ¹⁾). Самъ же варваръ устремился и побѣжалъ назадъ отъ великаго страху; а злобный царь Батый, видя убитымъ исполниша со

¹⁾ Это одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ легенды. Въ подлинникѣ, по Сборн. № 850, читается оно такъ: «Святый же Меркурій подклонилъ главу свою по суду божію по содѣявшейся отъ него побѣдѣ, пришелъ одинъ варваринъ лютъ. сынъ того исполниша, и уби святаго Меркурія мечемъ своимъ, и ту блаженный кончину пріялъ о Господѣ». Л. 827 об. Такъ же и въ Макар. Миней, за исключеніемъ того важнѣйшаго варіанта, что между: *варваринъ лютъ* — и между: *сынъ того исполниша* — стоитъ частица *или*. Л. 2279. Въ нашемъ переложеніи принято чтеніе Миней.

множествомъ другихъ, не смѣлъ приблизиться къ городу и побѣжалъ отъ Долгаго Мосту назадъ, будучи посрамленъ отъ небесной царицы, отъ Госпожи Богородицы.

Когда же отсѣкли голову святому Меркурію, тогда онъ самъ свою отсѣченную голову своими руками принялъ и къ городу принесъ передъ всѣми. И повѣщалъ святой своею головою, повѣдая о побѣдѣ и заступленіи Госпожи Богородицы. И всѣ граждане стеклись на это чудо, и слышали о дивномъ заступленіи Богородицы; честное же тѣло преславнаго Меркурія съ великою честію, съ псалмами и пѣснями взяли и положили въ церкви пречистой Богородицы, передъ лѣвымъ крылосомъ, на одной сторонѣ отъ Красныхъ вратъ.

Не забудемъ сказать и того, что вскорѣ послѣ явился Меркурій тому же пономарю, какъ живой, на конѣ, во всемъ воинскомъ подобіи, и сказалъ: «Повѣдай гражданамъ, да повѣсятъ оружіе мое, конье и щитъ надъ моимъ гробомъ, и когда будетъ какая бѣда городу, да износятъ мое оружіе, прославляя Госнода Бога и рождѣнную его Богоматерь, а меня смиреннаго раба божія поминая, да подастъ Госнодь Богъ побѣду отъ моего оружія, и да посрамитъ враговъ города». И такъ граждане, по заповѣди святаго, повѣсили оружіе надъ гробомъ, какъ и до нынѣ всѣми нами видимо есть ¹⁾.

Такова литературная редакція по своимъ подробностямъ и господствующему въ ней тону. Отъ похвальныхъ стиховъ она отличается не столько по содержанію, которое обще обоимъ произведеніямъ, сколько по порядку изложенія и по литературной отдѣлкѣ.

Въ отношеніи содержанія, какъ уже замѣчено было выше, эта редакція отличается отъ похвальныхъ стиховъ въ трехъ пунктахъ:

- 1) опущено преданіе о Печенѣгахъ;
- 2) опущена также замѣтка о судьбѣ Батыя въ Уграхъ, и
- 3) прибавлено объ убіеніи Меркурія отъ сына поверженнаго имъ исполнина.

Впрочемъ, послѣдній пунктъ, не вошедшій ни въ народ-

¹⁾ По Макар. Миневъ: «и нынѣ же и доднесь всѣми видимо есть». Л. 2279. По Сборн. № 850: «даже и доднесь всѣми нами то зримо есть». Л. 828.

ную редакцію, ни въ стихи, какъ кажется, не твердо еще былъ установленъ, когда смоленское сказаніе было внесено въ Макарьевскую Четви-Минею: потому объ убійцѣ Меркурія въ ней сказано глухо: «варваринъ лють, или сынъ того исполниа». Но потомъ эта неопредѣленность была замѣчена и устранена; и по списку XVII в., въ Синод. Сборникѣ, раздѣлительный союзъ *или* опущенъ, и убіеніе приписано *лютому варвару, сыну исполниа*. Отдѣленіе побѣдоносныхъ подвиговъ Меркурія отъ принятія вѣнца и отъ убіенія его отъ руки варвара кажется въ литературной редакціи какою-то намѣренною натяжкою, которой отлично избѣжала редакція народная внесеніемъ чудесной личности прекраснаго воина, передъ которымъ Меркурій преклонилъ свою голову, вручивъ ему прежде все свое оружіе.

Не будемъ говорить о витіеватомъ тонѣ литературной редакціи, который мы старались удержать въ нашемъ переложеніи. Но порядокъ и способъ изложенія заслуживаютъ нашего полнаго вниманія.

Сначала ставится на видъ заступничество Богородицы, въ похвалу которой предлагается и самое сказаніе о Меркуріи. Потомъ говорится о нашествіи Татаръ и о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ ими русской землѣ. Затѣмъ, какъ естественное вступленіе въ разсказъ, плачь земли, отъ котораго дѣлается прямой переходъ къ заступленію Богородицы: «Слышасте ли, како оу бѣду видѣши земля и не стерѣ и возопи жерломъ ко творцу молася. Колми наче и стократное и милостивное на насъ показася, дивное заступленіе Госпожи и Богородицы». По Сборн. № 850, л. 822 об. Въ этомъ переходѣ очевиднѣе и несомнѣннѣе то символическое сопоставленіе матери земли — Богородицѣ, Дѣвѣ Матери, на которое только намеки встрѣтили мы въ пѣснопѣніяхъ.

За этимъ вступленіемъ слѣдуетъ самая исторія о нашествіи Батяя на Смоленскъ. Явленіе Богородицы пономарю. Таинственное пришествіе Меркурія къ иконѣ Богородицы. Здѣсь помѣщена, очевидно, вставка о римскомъ происхожденіи Меркурія. Далѣе голосъ Богородицы, посылающей Меркурія на подвигъ. Здѣсь опять вставка, по уже необходимая въ литературномъ, искусственномъ произведеніи: это сравненіе смо-

ленскаго героя съ древнимъ Меркуріемъ. И уже затѣмъ идетъ описаніе самаго подвига. Сначала Меркурію ночью, тайно отъ гражданъ Смоленска, поражаетъ Татаръ, убивъ ихъ исполнина; потомъ обращается къ Богородицѣ съ молитвою о вѣнцѣ мученическомъ, и, отшедши на показанное мѣсто, лишается головы отъ меча варварина или сына того исполнина. Наконецъ возвращается въ городъ, неся въ рукахъ свою голову. Повѣствованіе оканчивается разсказомъ о положеніи тѣла Меркуріева въ церкви и о вооруженіи его гробницы копьемъ и щитомъ и прочимъ оружіемъ святаго.

Такимъ образомъ, литературная редакція представляетъ намъ одно обдуманное цѣлое, выведенное изъ главной идеи о спасеніи города Смоленска, заступленіемъ Богородицы и подвигомъ ея угодника Меркурія. Картина бѣдствій русской земли отъ татарскаго нашествія даетъ естественную обстановку величавой фигурѣ матери земли, оплакивающей чадъ своихъ. Мифологическій образъ получаетъ здѣсь символическій смыслъ въ быстромъ переходѣ отъ земли къ Небесной заступницѣ города Смоленска и всей земли русской. Великая, солнцесобразная жена является въ битвѣ поборницею за Меркурія; но въ самомъ описаніи битвы о ней не говорится, а только, какъ чудесное видѣніе, представляется она въ утраченномъ воображеніи Татаръ, обратившихся въ бѣгство: поэтическая черта, достойная даже болѣе развитаго художника, нежели каковъ былъ составитель нашего сказанія. Безплотныя существа духовнаго міра сообщаются съ міромъ земнымъ или посредствомъ своихъ чудодѣйственныхъ силъ, или же черезъ видимый символъ, черезъ свое изображеніе. Потому не сама Богоматерь является Меркурію, но только черезъ свою икону входитъ съ нимъ въ таинственное сообщеніе, не понимаемое для постороннихъ свидѣтелей, и самому Меркурію доступное только въ благодатныя минуты его слезныхъ моленій.

Согласно съ этимъ характеромъ чудеснаго, весь подвигъ Меркурія совершается въ таинственной обстановкѣ. Въ глубокую полночь пономарь находитъ Меркурія на показанномъ мѣстѣ, и оба они тихо и таинственно идутъ къ церкви Богоматери. Безъ вѣдома жителей Смоленска, Меркурію ночью же побѣждаетъ Татаръ и убиваетъ исполнина. Даже сами враги

узнали о своемъ бѣдствіи только по утру, когда, пробудившись отъ сна, увидѣли мертвыя тѣла. Наконецъ, также таинственно и ни для кого не видимо, Меркурій получаетъ вѣнецъ мученической и только принесенная имъ самимъ голова его чудесно повѣдала о великомъ подвигѣ и о милостивомъ заступленіи Господни Богородицы.

Не смотря на малосложность событій и дѣйствій, характеръ Меркурія обрисованъ живыми чертами; герой своею симпатическою личностью возбуждаетъ участіе. Онъ молодъ и храбръ. Пріѣхалъ изъ далекихъ странъ; живетъ въ Смоленскѣ безъ рода и племени. Будучи иностраннаго происхожденія, онъ всею чужой на Руси, и только вѣрующею душою своею умѣлъ онъ найти родной для себя пріютъ подъ милостивымъ покровомъ общей всею заступницы рода человѣческаго. Римлянинъ, то есть, католикъ по происхожденію, изъ княжеской породы, но вѣрою благочестивъ, то есть, православный, прибылъ онъ въ Смоленскъ на службу къ тамошнему князю; но единственною для себя владычицею и госпожею избралъ чудесную заступницу города Смоленска. «Изыди отсюда скоро! Госпожа зоветъ тя!» — вотъ слова, которыми Богоматерь велѣла пономарю позвать къ себѣ Меркурія, и герой тотчасъ же уразумѣлъ, кто такая госпожа его.

Если уже самое происхожденіе героя изъ чужой, далекой стороны, придавало его характеру нѣкоторую таинственность и идеальность, согласно со всею таинственною, чрезвычайною обстановкою рассказа; то душевное расположеніе и образъ дѣйствій героя, идущаго на побѣду, просящаго себѣ мученическаго вѣнца и добровольно принимающаго смерть, въ юномъ, цвѣтущемъ возрастѣ — отличаются трогательнымъ драматизмомъ. Это уже не только герой эпического произведенія, но и симпатическая личность трогательнаго, сентиментальнаго произведенія. Это великодушный рыцарь, посвятившій всю свою жизнь служенію Небесной Царицы.

Таково, по нашему мнѣнію, высокое литературное значеніе этой искусственной редакціи. Она составила очевидю подъ вліяніемъ кроткихъ, челолюбивыхъ идей, распротранявшихся вмѣстѣ съ размноженіемъ легендъ и сказаній о высочайшемъ идеалѣ женскаго существа въ кроткомъ образѣ

Дѣвы Маріи. Если эта литературная редакція составилаь, какъ замѣчено было выше, уже на основѣ разобранныхъ нами стиховъ и пѣснопѣній, то, безъ сомнѣнія, принадлежитъ она къ эпохѣ довольно поздней, къ концу XV вѣка или къ началу XVI-го. Воспоминаніе о мученической кончинѣ Михаила, князя черниговскаго и боярина его Θεодора, можетъ быть, внесено въ эту редакцію подъ вліяніемъ житія этого князя, которое во второй половинѣ XV вѣка было составлено Пахоміемъ Логоветомъ.

Теперь остается намъ рассмотреть свѣдѣніе, сообщенное о Меркуріи смоленскомъ въ *Книжѣ глаголемой о россійскихъ святихъ, гдѣ и въ коемъ градѣ, или области, или въ монастырѣ, или въ пустыни поживе, и чудеса сотвори, всякаго чина святихъ*. Книга эта составлена не ранѣе конца XVII в. ¹⁾, но, безъ сомнѣнія, вошли въ нее многія древнѣйшія извѣстія, какъ изъ литературныхъ, такъ и устныхъ преданій. По рукописи графа Уварова, въ 4-ку, № 223, между святыми кievскими упомянуто: «Святый великомученикъ Меркурій воинъ, смоленскій чудотворецъ, въ лѣто 6747 (1239) поемвриа въ 14 день во гробъ въ Кіевъ прииде». Стр. 20.

Извѣстіе это прибавляетъ новую, неожиданную черту къ нашей легендѣ. Приплытіе поворожденнаго младенца въ ладѣ и спусканіе умершаго челоуѣка на воду тоже въ ладѣ, которая потомъ въ сказаніяхъ замѣняется гробомъ — предметъ древнѣйшихъ народныхъ вѣрованій, возникшихъ въ связи съ происходившими некогда обрядами похоронъ, какъ уже говорено было объ этомъ въ другомъ мѣстѣ ²⁾. По извѣстіи въ *Книжѣ глаголемой о россійскихъ святихъ*, черезъ два года послѣ совершеннаго Меркуріемъ подвига, Смоленскъ лишился своего символическаго знаменія побѣды и одолѣнія на враговъ. Давидъ, по которому некогда носились дружины Кіева и Смоленска, и теперь послужилъ путемъ новаго соединенія этихъ родовъ, доставившимъ изъ Смоленска знаменіе его побѣды въ разоренный Татарами Кіевъ. Пѣтъ сомнѣнія, что оба про-

¹⁾ Смирн. Физарета, Обзоръ русской духовной литературы, статья 245-я.

²⁾ Смирн. новъ статью о Православномъ Собесѣдн. въ № 1 Лѣтописей рус. исторіи и древности.

данія, и смоленское о вѣковѣчномъ храненіи оружія св. Меркурія надъ его гробомъ, и кievское о приплытіи святаго къ Кіеву въ гробу—составились независимо другъ отъ друга. Драгоценная святыня, въ которой видѣлся залогъ будущаго избавленія отъ враговъ, равно желанна была и для Кіева, и для Смоленска: и это благочестивое желаніе нашло себѣ выраженіе въ двухъ различныхъ легендахъ, соответствующихъ самымъ мѣстамъ ихъ происхожденія. Смоленское преданіе ведетъ вѣрующаго по горячимъ слѣдамъ чудеснаго подвига и показываетъ, на драгоценныхъ останкахъ, спасительное оружіе, которымъ былъ совершенъ великій подвигъ. Напротивъ того, преданіе кievское указываетъ на таинственную даль, откуда чудеснымъ вѣстникомъ о событіи является плывущій по Днѣпру гробъ. Оба преданія равно національны, равно составляютъ драгоценный матеріалъ для исторіи русскаго народнаго эпоса. Какъ смоленское преданіе освящало въ воображеніи народа древній обычай поставленія оружія на гробъ героя; такъ кievское напоминало о древнѣйшихъ похоронныхъ обрядахъ на водѣ.

Разсмотрѣвъ главнѣйшія видоизмѣненія смоленской легенды о Меркуріи, въ заключеніе приведемъ ихъ къ общимъ результатамъ.

1. Въ основѣ смоленской легенды сохранились древнѣйшія преданія народнаго эпоса о борьбѣ русскихъ богатырей съ великанами и существами сверхъестественными. Въ литературной редакціи говорится объ исполнѣ съ его сыномъ, какъ о лицахъ извѣстныхъ: они дѣйствительно давно уже извѣстны были народной фантазіи. Меркурія убиваетъ, или сынъ неполна, то есть, такой же неполнѣ, или прекрасный воинъ, сверхъестественное, свѣтлое существо, подобное тѣмъ ангеламъ, съ которыми вступали въ бой русскіе богатыри, послѣ того превратившіеся въ камни. Во всякомъ случаѣ, Меркурію пришла смерть *по суду божию*, согласно съ выраженіемъ литературной редакціи.

2. Другой, древнѣйшій элементъ, вошедшій въ легенду, взятъ изъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ, сопровождавшихъ

похороны. Мы уже видели, какъ Смоленскъ и Кіевъ раздѣлили между собою преданія объ этомъ предметѣ. Какъ воспоминаніе старины, легенда составила уже на гробъ святаго воина; потому преданіе о похоронныхъ обрядахъ могло дать первые мотивы для составленія всего сказанія.

3. Что въ борьбѣ смоленскаго героя съ врагами сначала не имѣлись въ виду Татары, явствуетъ изъ того, что въ похвальныхъ стихахъ этотъ народъ смѣшивается съ Печенѣгами, которые, такимъ образомъ, служатъ среднимъ звеномъ, соединяющимъ баснословныхъ исполиновъ съ историческими полчищами Батя.

4. Вымышленные рассказы о Батѣ и поэтическій составъ повѣствованія даютъ разумѣть о томъ, что легенда составила по прошествіи очень многихъ лѣтъ, послѣ погромовъ батыевыхъ.

5. Тѣмъ не менѣе вся легенда, какъ она есть, принадлежитъ эпохѣ татарской. Меркурій есть побѣдоносный герой этой эпохи. Его оружіе — знаменіе побѣды надъ нечестивыми басурманами. Если многія другія легенды наши составлены въ духѣ потворства и сближенія съ Татарами; то легенда смоленская, какъ бы предвѣщая мамаево побойще, проникнута фанатическою враждою къ невѣрнымъ и геройскимъ сознаніемъ о возможности побѣды надъ ними. Многія лирическія мѣста легенды, проникнутыя искреннею скорбію о бѣдствіяхъ угнетаемой и терзасмой Руси, свидѣтельствуютъ о томъ, что допелись они отъ этой тяжелой татарской эпохи, и вписаны въ легенду, хотя и переработанную уже въ позднѣйшее время.

6. Эпоха татарская много способствовала къ развитію сознанія о народности, въ противоположность чужеземному, какъ неправославному, нехристіанскому. Понятіе о своемъ родномъ, то есть, о рускомъ, освященное идеею христіанства, было вознесено надъ чужеземнымъ, которое такимъ образомъ низведено было до варварскаго. Татары — варвары въ противоположность угнетенному рускому православію. Это сознаніе могло выработаться изъ лирическихъ воплей бѣдствовавшей Руси только тогда, когда народъ пересталъ уже трепе-

тать передъ сокрушительною силою Татаръ, когда уже онъ началъ увѣряться въ возможности сломить дотоле представлявшееся неодолимымъ ихъ страшное могущество, когда наконецъ печальное раболѣпіе передъ татаринномъ уступило благородному сознанию національной независимости. Въ Меркуріи смоленскомъ былъ выраженъ идеалъ этого благороднаго національнаго сознанія. Народная фантазія такъ высоко превознесла героическое святаго витязя, что даже убійство его приписала не сыну татарскаго исполина, а свѣтлому воину, существу сверхъестественному. Символь побѣды надъ врагами, по народной редакціи легенды не долженъ былъ носить на себѣ никакихъ слѣдовъ ослабленія своего могущества, не долженъ былъ дѣлать никакихъ уступокъ вражеской силѣ. Даже литературная редакція допускаетъ смерть Меркурія отъ меча татарскаго только по соизволенію и по молитвѣ самого героя. Такимъ образомъ, побѣдоносный тонъ легенды говоритъ въ пользу того предположенія, что она окончательно сложилась въ ту эпоху, когда, вмѣстѣ съ ослабленіемъ татарскаго ига, стало возникать отрадное сознаніе національной самостоятельности. Сама церковь способствовала уже развитію этого сознанія, какъ это могли мы видѣть изъ похвальныхъ стихословій Меркурію.

7. Происхожденіе героя заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Легенда въ этомъ отношеніи колеблется. Въ народной редакціи ничего не говорится объ иностранномъ происхожденіи героя, слѣдовательно въ народѣ Меркурій могъ слыхъ за русскаго: но литературная редакція, слѣдуя стихамъ, называетъ смоленскаго героя иностранцемъ, Римляниномъ, то есть, католикомъ. Въ этомъ преданіи очевидны слѣды сношеній Смоленска съ Ригею, Готскимъ берегомъ и вообще съ Пѣмцамп. Меркурій хотя и принялъ православіе и сталъ смоленскимъ гражданиномъ, однако сохранилъ въ себѣ благородный духъ героической независимости, неконни свойственный пѣмецкимъ племенамъ. Сочувствіе свое къ Пѣмцамъ и уваженіе къ ихъ благороднымъ качествамъ Смольяне ничѣмъ лучше не могли засвидѣтельствовать, какъ признаніемъ пѣмцакаго происхожденія въ своемъ великомъ героѣ и защитникѣ. Если Ростовъ, грустно примиряясь съ татарщиной, составлялъ легенду о татарскомъ

царевичъ Петръ; то Смоленскъ, съ надеждою обращавшій взоры на западъ Европы, превознесъ въ своемъ героѣ плоды западнаго просвѣщенія и противопоставилъ его восточному насилию и варварству. Потому весь характеръ смоленскаго героя проникнуть *рыцарствомъ*: это *крестоносецъ*, совершающій чудеса храбрости, это *Божій дворянинъ*, поборающій за христіанство противъ поганыхъ мусульманъ, это паладинъ изъ полчищъ Карла Великаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивый рыцарь, посвятившій себя на служеніе Мадоннѣ.

8. Легенда жила и въ устахъ народа и въ преданіяхъ русской церкви. Она дала новую нищу народной фантази, и вмѣстѣ съ тѣмъ перелилась въ звуки молитвенныхъ пѣснопѣній. Такимъ образомъ великія событія народной жизни находили себѣ сочувственный отголосокъ и въ свѣтской народной поэзи, и въ духовномъ, церковномъ стихѣ. Изъ сліянія того и другаго образуется великій народный эпосъ духовнаго, религіознаго содержанія. Смоленская легенда есть одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ этого великаго эпоса. Проводникомъ между народомъ и церковью здѣсь, какъ и во многихъ другихъ эпизодахъ, было лицо посредствующее, по своему общественному положенію стоявшее между простолюдемъ и священствомъ. Это былъ пономарь. Таинственный участникъ въ подвигѣ Меркурія, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и искуснымъ раисодомъ, повѣдавшимъ міру о событіи. Если просвирии, по свидѣтельству Стоглава ¹⁾ имѣли святотатственное притязанія на совершеніе какихъ-то церковныхъ обрядовъ и тѣмъ самымъ способствовали распространенію невѣжественныхъ суевѣрій; то съ другой стороны, церковные сторожа и прислужники благотворно дѣйствовали на развитіе народнаго религіознаго эпоса. Во всякомъ случаѣ, и тѣ и другіе, и просвирии и пономари заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи народной поэзи; и какъ Пушкинъ указывалъ на чистоту русской рѣчи въ устахъ московскихъ просвиренъ, такъ историкъ литературы съ немалымъ уваженіемъ долженъ отозваться о поэтическихъ разсказахъ древне-русскихъ пономарей.

¹⁾ Смотри мою рѣчь о народн. поэзи.

Изъ всего сказаннаго нами, безъ сомнѣнiя, читатель уже ясно видитъ, что смоленская легенда, какъ литературный памятникъ эпохи татарской, не только не уступитъ другимъ сказанiямъ о татарщинѣ, но даже далеко оставляетъ за собою и самое знаменитое изъ нихъ, известное въ народѣ подъ именемъ Мамаса Побойца.

Ө. БУСЛАЕВЪ.

II.
МАТЕРІЯЛЫ.

СКАЗАНИЕ О СОЗДАНИИ ЦЕРКВИ СВ. СОФІИ.

Предисловіе.

Развитіе поэтическаго элемента въ легендахъ состояло въ тѣсной связи съ элементомъ художественнымъ вообще. Даже самая проза въ книгахъ чисто-церковнаго содержанія, у народовъ христіанскихъ, съ точки зрѣнія развитія литературныхъ идей, должна быть изучаема въ связи съ исторіею христіанскаго искусства и преимущественно храмоваго зодчества и иконописи. Такъ по мѣрѣ сооруженія древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ по священному обычаю на мощахъ мучениковъ, полагаемыхъ въ основу храма подъ алтаремъ, приводились въ извѣстность самыя житія тѣхъ мучениковъ и составлялись о нихъ книги подъ именемъ *мартирологіевъ*. Сооруженіе и украшеніе каждаго древнѣйшаго храма окружено таинственнымъ обаяніемъ чудеснаго и сверхъестественнаго. Сооруженіе древнихъ храмовъ во имя св. Софїи, Премудрости Божїей, въ Кіевѣ и Новѣгородѣ говоритъ о томъ художественно-религіозномъ влі-

явіи, какое Византія своимъ знаменитымъ Софійскимъ храмомъ оказала на новообращенную Русь въ XI вѣкѣ. Даже къ X в. легенда относитъ это вліяніе на чувство и воображеніе Владиміровыхъ пословъ, которые, изслѣдуя на мѣстѣ различныя вѣропоновѣданія, такъ разсказывали, возвратившись домой, о цареградскомъ Софійскомъ храмѣ: «придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такая, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онѣдѣ Богъ съ чловѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо чловѣкъ, аще укуситъ сладка, послѣди горести не приимасть, тако и мы не имамы сдѣ быти»¹⁾).

Въ этой легендѣ во всей наивности высказывается непритворный восторгъ, возбужденный въ вѣрующихъ сердцахъ великолѣпіемъ цареградскаго храма. Чувство эстетическое такъ тѣсно связано тутъ съ религіознымъ умиленіемъ, какъ это можетъ быть въ самую раннюю эпоху христіанскаго просвѣщенія. Не одно подражаніе, но и внутренняя художественно-религіозная потребность была причиною сооруженія на Руси храмовъ во имя Софін Премудрости. Если отвлеченная высокая идея о *божественной Премудрости*, которой посвященъ византійскій храмъ не вполне ясно была простодушной Руси XI вѣка, по крайней мѣрѣ безотчетное эстетическое и религіозное чувство удовлетворялось подобіемъ или подражаніемъ тому высшему храмовому идеалу, который по легендѣ впервые возбудилъ, въ некрещеной еще Руси, высокую мысль о пребываніи самого Бога съ людьми во время молитвы.

Какъ бы то ни было, но надобно полагать, что сказанія о сооруженіи цареградской Софін уже въ раннее время были впесены въ нашу литературу въ переводахъ съ греческаго, и въ подробномъ, и въ краткихъ извлеченіяхъ въ хронографахъ.

Самое интересное для нашихъ благочестивыхъ предковъ въ

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣтописей 4, 46.

этомъ сказаніи ¹⁾ было повѣствованіе о чудесахъ, при которыхъ храмъ былъ созидаемъ. Особенное вниманіе заслуживали три чуда, внесенныя и въ хронографъ: 1) о золотѣ, 2) о трехъ оконцахъ, 3) о именованіи церкви отъ ангела божія. Изъ нихъ второе интересно для исторіи архитектуры алтарныхъ оконъ, а третье свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что въ Византіи былъ обычай употреблять въ клятвахъ священное имя Софій, Премудрости Божіей.

Для исторіи художественныхъ преданій древней Руси особенно важно въ сказаніи о цареградской Софій свидѣтельство, что въ этомъ храмѣ было 365 придѣловъ т.е. по придѣлу на каждый день въ году и каждый придѣлъ во имя того святого, котораго память празднуется въ тотъ день. Такимъ образомъ, придѣлы св. Софій все вмѣстѣ взятые, составляли какъ бы архитектурный и живописный мѣсяцословъ и вполне соответствовали любимому чтенію, которое древне-русскіе христіане находили въ прологѣ, расположенныхъ по мѣсяцамъ и по днямъ и содержащихъ въ себѣ житія святыхъ, поученія и назидательныя повѣсти.

Такимъ образомъ, св. Софія, какъ Слово Божіе, т.е. какъ священное и церковное писаніе, обнимала въ своихъ стѣнахъ всю церковную святыню и все христіанскія преданія, приведенныя въ систему мѣсяцослова. Въ послѣдствіи, когда у насъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, стали появляться иконописныя руководства подъ именемъ подлинниковъ, свидѣтельство о 365 придѣлахъ цареградской Софій было положено въ основу подлинника, расположеннаго тоже по мѣсяцослову.

Отъ сказанія о св. Софій перейдемъ къ самому храму.

Церковь св. Софій въ Константинополь, въ теченіи тысячелѣтія составлявшая гордость восточныхъ христіанъ, есть

¹⁾ Мы печатаемъ его по списку Синодальной Библиотекы, XVI в., N 792.

величайшее изъ произведеній византійскаго искусства. Первое основаніе ея приписываютъ императору Константину Великому: говорятъ, что въ двадцатомъ году своего правленія (въ 326 г. по Р. Х.) онъ въ новозбранной столицѣ своей Имперіи основалъ базилику и посвятилъ ее Божественной Премудрости — τῆ ἀγίας σοφίας. Вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, (по однимъ землетрясенія, по другимъ, вслѣдствіе малой величины церкви, несоотвѣтствовавшей болѣе возраставшему народонаселенію Византіи), сынъ Константина Великаго, императоръ Констанцій, увеличилъ и частью снова выстроилъ ее и въ 360 году съ большою торжественностью освятилъ свою великолѣпную постройку. Но и въ этомъ новомъ видѣ церковь св. Софій вскорѣ подверглась новымъ бѣдствіямъ: въ 404 году, въ возстаніи, происшедшемъ по случаю ссылки патріарха св. Іоанна Златоуста при императорѣ Аркадіѣ, восточная часть церкви сильно потерпѣла отъ пожара, произведеннаго аріанами. Во времена малолѣтства императора Θεодосія Младшаго она, по видимому, снова горѣла, потому что въ 415 году Θεодосій реставрировалъ ее. Въ этомъ видѣ существовала она до губительнаго пожара происшедшаго въ январѣ 532 года, во время борьбы партій цирка, въ которой погибли тридцать пять тысячъ человекъ, сгорѣло полъ-города и вмѣстѣ съ нимъ и Константиномъ основанный храмъ св. Софій.

Это древнѣйшее зданіе, судя по извѣстіямъ писателей, была базилика, имѣвшая продолговатый планъ, крытая деревянною крышею, что и объясняетъ частые пожары, постигавшіе это зданіе. Поэтому, когда, тотчасъ послѣ послѣдняго бѣдствія, императоръ Юстиніанъ вознамѣрился въ наискорѣйшій срокъ на мѣстѣ древней базилики создать новый, *«великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ, построенныхъ со времени сотворенія міра»*, онъ предложилъ архитекторамъ, чтобы новое зданіе, наивозможнѣйшимъ образомъ было обезопасено отъ огня. Консеквентно проведенная имъ система куполовъ предохранила ихъ произведеніе до нынѣшняго дня отъ пожаровъ, столь еще частыхъ и гибельныхъ и нынѣ въ Константинополь.

Юстиніанъ былъ человѣкъ, умѣвшій не только задумать великое предпріятіе, но и найдти средства для его осуществленія. Еще до построенія новой церкви св. Софїи, онъ призвалъ къ себѣ на службу величайшаго изъ современныхъ архитекторовъ Антемїя, уроженца города Трааллесь (въ Малой Азїи); ему-то поручилъ онъ сочинить планъ новой церкви и спустя 40 дней послѣ пожара, 23 февраля, былъ заложенъ первый камень этого зданія.

Что Антемїй былъ не только гениальный, но и свѣдующій въ математическихъ наукахъ человѣкъ, это доказываетъ необыкновенная смѣлость его постройки. Ему приписывали различныя изобрѣтенія, и византійскіе историки рассказываютъ разные анекдоты, доказывающіе его глубокія, по тогдашнему времени, познанія въ механикѣ и физикѣ. Не менѣе славенъ былъ его сотрудникъ Исидоръ изъ Милета. Замѣчательно, что оба строителя св. Софїи были уроженцы Малой Азїи, страны, издревле славившейся своими колоссальными постройками. Самъ императоръ принималъ наидѣятельнѣйшее участіе въ сооруженіи храма. Начальники провинцій византійской имперїи получили повелѣніе вездѣ тщательно отыскивать драгоценные мраморы, колонны п различнаго рода скульптуру, которая могла быть пригодна для новаго зданія. Тогда были обобраны древніе языческіе храмы Малой Азїи и Греціи и со всѣхъ сторонъ стекались матеріалы, украшавшіе иѣкогда античныя портики и термы. Одна римская знатная дама, Марція, послала на плотяхъ Юстиніану восемь колоннъ, украшавшихъ храмъ Солнца въ Баальбекѣ, построенный Авреліаномъ. Константинъ, преторъ города Эфеса, въ Малой Азїи, послалъ къ нему восемь другихъ колоннъ изъ зеленого мрамора, съ черными пятнами, которые, вѣроятно, были взяты отъ знаменитаго храма Діаны Эфесской. Доходы обширнаго государства, какими Юстиніанъ могъ произвольно располагать, были обращены на построеніе св. Софїи; сверхъ того наложены были новыя подати для покрытія огромныхъ издержекъ на построеніе. Юстиніанъ, для этой постройки, приказалъ расплавить даже свинцовыя трубы городскихъ фонтановъ и замѣ-

нить ихъ глиняными. Со всѣхъ сторонъ стекались рабочіе; впрочемъ число ихъ позднѣйшіе византійскіе писатели сильно преувеличиваютъ: они говорятъ, что подъ начальствомъ каждаго архитектора находилось сто мастеровъ каменщиковъ, и каждый изъ послѣднихъ начальствовалъ надъ сотнею рабочихъ. Такимъ образомъ работали на правой сторонѣ церкви пять тысячъ человѣкъ и столько же на лѣвой.

Но и лично принималъ Юстиніанъ самое дѣятельное участіе въ построеніи св. Софій. Чтобы придать рабочимъ энергію и похвалю или порицаніямъ способствовать успѣшному ходу работъ, онъ почти ежедневно посѣщалъ постройку: такъ какъ церковь св. Софій находилась недалеко отъ императорскаго дворца, то Юстиніанъ приказалъ соединить его съ строящеюся церковью посредствомъ галлерей, позволявшей ему, во всякое, хотя бы ненастное время, появляться невидимо отъ народа, на постройкѣ и наблюдать за производствомъ работъ. Взирая на построеніе церкви св. Софій, какъ на дѣло предпринятое бrenнымъ человѣкомъ для прославленія Всемогущаго, онъ, исполненный смиренія, являлся на постройкахъ въ худой и простой льняной туникѣ съ покрытою главою и съ посохомъ въ рукахъ. Лично награждалъ онъ самыхъ ревностныхъ. Позднѣйшія легенды приписываютъ ему даже часть славы въ сооруженіи этой церкви: рассказывали, будто ангель, низлетавшій съ неба, открылъ ему многія изъ архитектурныхъ формъ, употребленныхъ при построеніи храма, будто во время сна приходило на него рѣшеніе проблемъ, тщетно искомымъ строителями.

Юстиніанъ лично, съ большою торжественностію, положилъ первый камень, и патріархъ константинопольскій возсылалъ къ небу молитвы, дабы Господь излилъ свое благословеніе на этотъ огромный трудъ. Зданіе заложено было необыкновенно прочно. Стѣны его были возведены изъ кирпича, а массивныя столбы, на которыхъ долженъ былъ покоиться гигантскій куполь, изъ огромныхъ известковыхъ бло-

ковъ. Когда слѣдовало приступить къ построению купола, Юстиніанъ послалъ на Родосъ троихъ изъ преданныхъ ему лицъ — Тронда, Василя и Колоквинта для наблюденія надъ изготовленіемъ кирпичей, назначенныхъ для купола.

Внутреннее изукрашеніе церкви св. Софїи отличалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ: стѣны ея были покрыты драгоценными мраморами, живописью и мозаикою на золотомъ полѣ; капители и карнизы вызолочены, куполь горѣлъ въ золотѣ. Священные сосуды, канделябры, числомъ болѣе шести тысячъ, и кресты были болѣею частью всѣ изъ массивнаго золота; двадцать-четыре большія евангелія блистали драгоценными украшеніями; не меньшимъ же богатствомъ матеріала отличались трапеза, амвонъ, весьма обширный и сѣдалища для духовенства. Благодаря неутомимой энергіи Юстиніана, по истеченіи 5 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 10 дней со времени большаго пожара великолѣпное зданіе, со всѣмъ внутреннимъ своимъ убранствомъ, было приведено къ окончанію. Торжественное освященіе св. Софїи послѣдовало 26 Декабря 537 года: императоръ, на колесницѣ, запряженной четырьмя конями, отправился сперва на ипподромъ, гдѣ были убиты 1000 быковъ, 10,000 овецъ, 600 оленей, 1000 свиней, 10,000 куръ и 10,000 цыплятъ; и все это вмѣстѣ съ 30,000 мѣръ хлѣба было роздано народу. Потомъ, въ сопровожденіи патріарха, Юстиніанъ направилъ стопы свои къ храму св. Софїи. Когда двери отверзлись, онъ взошелъ на амвонъ и, исполненный удивленія къ собственному произведенію, воскликнулъ: Слава Всемогущему, который счелъ меня достойнымъ совершить это великое дѣло! Я побѣдилъ тебя, Соломонъ! ¹⁾ (*νενίκησα σε, Σολομών*). Церковь была освящена и послѣ церемоніи освященія одинъ изъ военачальниковъ разсыпалъ по

¹⁾ Т. е. какъ строителя знаменитаго іерусалимскаго храма.

полу три центнера золота, которые подобраны были народомъ. Молитвы, общественныя торжества и раздача денегъ продолжались двѣ недѣли.

Но Юстинианъ, желавшій предупредить возможность разрушенія церкви св. Софiи посредствомъ огня, введенiемъ новой архитектурной формы въ новыхъ размѣрахъ, не предчувствовалъ, что другое бѣдствiе, столь частое въ южной Европѣ, еще при его жизни будетъ весьма губительнымъ для великолѣннаго его созданiя. Двадцать два года послѣ освященiя церкви, вслѣдствiе сильнаго и продолжительнаго землетрясенiя, восточная часть купола рушилась и въ паденiи своемъ раздробила трезу съ багдахиномъ и амвономъ. Юстинианъ тотчасъ приступилъ къ реставрацiи церкви: нѣкоторыя части зданiя были укрѣплены, куполь поднятъ на 25 ф. выше, возобновлено внутреннее великолѣпiе храма и пять лѣтъ спустя послѣ этого несчастнаго событiя церковь св. Софiи была снова освящена 24 Декабря 563 года.

Съ тѣхъ поръ, несмотря на частыя землетрясенiя и другiя бѣдствiя, постигавшiя Константинополь, церковь св. Софiи мало измѣнила свой видъ, данный ей въ послѣднiй разъ императоромъ Юстинианомъ, хотя она и подвергалась разнымъ реставрацiямъ въ IX, X и XIV столѣтiяхъ. Большею части своего внутренняго великолѣннаго убранства лишилась она въ 1204 году, вслѣдствiе грабежа при взятiи Константинополя латинскими крестоносцами. Но величайшее бѣдствiе постигло церковь св. Софiи въ 1453 году: 29 мая Турки окончательно овладѣли столицею византийской имперiи. Магометъ II (такъ рассказываетъ историкъ Оттоманской имперiи Гаммеръ) въ полдень получилъ извѣстiе, что весь городъ находится во власти побѣдителей, въ сопровожденiи визирей и гвардiи въѣхалъ въ Константинополь и направился прямо къ церкви св. Софiи. Онъ сошелъ съ лошади и пѣшкомъ вступилъ въ церковь. Съ удивленiемъ взиравъ онъ на ея великолѣпныя колонны и чѣмъ выше

къ куполу подымались его взоры, тѣмъ болѣе росло его удивленіе. Потомъ онъ повелѣлъ одному изъ муеззинновъ призвать право-вѣрныхъ къ молитвѣ и самъ совершилъ ее близъ святой трапезы. Этимъ поступкомъ церковь св. Софїи была осквернена для христіанъ и освящена для послѣдователей Магомета и съ той поры раздается въ ней монотонный призывъ муеззина. Аллахъ иишъ Аллахъ!

Это трагическое событіе было историками въ послѣдствїи украшено разными прибавленїями. Они рассказывали, что Магометъ въ церковь св. Софїи вѣхалъ верхомъ на конѣ и даже съ лошадыю вскочилъ на трансезу. Гораздо трогательнѣе слѣдующая легенда: когда Магометъ вѣхалъ въ св. Софію, то искавшіе здѣсь убѣжище христіане молились и священникъ, окруженный дьяконами и другими священно-служителями, служилъ обѣдню. Толпа, пораженная ужасомъ, съ шумомъ разбѣжалась во все стороны: священникъ покинулъ алтарь и бѣжалъ изъ церкви въ дверь, находившуюся въ одной изъ галлерей. Но едва вышелъ служитель Божій, какъ дверь вдругъ скрылась подъ каменную стѣною. Когда христіане снова овладѣютъ Константинополемъ, говоритъ легенда, то эта дверь сама собою отворится и священникъ выйдетъ изъ нея и окончитъ литургію.

Впрочемъ Турки сдѣлали мало измѣненій въ церкви св. Софїи и эти измѣненія касаются преимущественно ея внѣшности, которая пристройкою минаретовъ, уничтоженіемъ или передѣлкою разныхъ побочныхъ зданій и прибавленіемъ неуклюжихъ и безобразно-массивныхъ контрфорсовъ получила совершенно иной видъ, который не находится ни въ какомъ отношенїи съ красотою внутренности этого зданія. Во внутренности были совершенно удалены бема, солея и амвонъ со всеми ихъ богатыми украшенїями; мозаики забѣлены и на мѣстѣ ихъ написаны изрѣченія изъ корана. Магометанскій культъ потребовалъ только устройства ниши, именуемой миробъ, въ которой сохраняется коранъ, мнибара (кафедры), макриля (не высокій тер-

расы) и особой ложи для султана. Въ обширныхъ пространствахъ св. Софїи не трудно было найти мѣсто для этихъ потребностей мусульманской мечети. Само собою разумѣется, что церковь св. Софїи лишилась всѣхъ своихъ сокровищъ и украшеній: огромныя ковры покрываютъ ея прекрасный мраморный полъ и даже кусочки отпадающихъ мозаикъ продаются мусульманами любопытнымъ европейскимъ путешественникамъ.

Неудивительно, если этотъ храмъ, столь важный для византийской исторїи, (потому что въ немъ происходили главнѣйшіе акты государственной жизни византийской имперїи, какъ напр. коронаваніе, бракосочетаніе и другія торжества императоровъ) со времени основанія своего обратилъ на себя вниманіе различныхъ писателей, изъ которыхъ многіе передали намъ весьма любопытныя подробности объ исторїи его построенія, а другіе описали его въ малѣйшихъ подробностяхъ. Между византийскими писателями преимущественно трое, какъ современники построенія св. Софїи при Юстиніанѣ, заслуживаютъ довѣрія: это — Проконій, Павелъ Силентіарій и Агатиасъ (Agathias). Проконій, посвятившій постройкамъ Юстиніана цѣлое сочиненіе, въ которомъ по обычной лести того времени онъ приписываетъ этому императору множество зданій, построенныхъ только въ его время, а не имъ самимъ, въ описаніи св. Софїи кратко и кромѣ того тяжелъ и напыщенъ. Вѣроятно это древнѣйшее ея описаніе, изданное до 558 года, было уже извѣстно второму описателю этого храма, Павлу Силентіарію, одному изъ важнѣйшихъ сановниковъ при дворѣ, знаменитому и родомъ и богатствомъ своимъ, который въ то же время былъ одинъ изъ ученичѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей, занимался древнею греческою литературою и самъ въ стихахъ подражалъ древнимъ писателямъ. Онъ оставилъ намъ стихотворное описаніе св. Софїи и амвона, въ ней находившагося, читанное имъ въ присутствїи самаго Юстиніана и его двора въ императорскомъ дворцѣ. Цѣль этого стихотворенія есть прославленіе какъ самаго зданія, такъ и его строителя и вмѣстѣ реставратора. Въ этой

поэмъ есть много интересныхъ подробностей, преимущественно о внутреннемъ изукрашеніи церкви, теперь уже не существующемъ.

Историкъ Агатіасъ сообщаетъ только нѣкоторыя свѣдѣнія о реставраціи купола, произведенной Юстиніаномъ и объ удивительныхъ познаніяхъ архитектора Антемія. Позднѣйшіе византійскіе писатели, и именно анонимъ, изданный Бандури, сообщаетъ о событіяхъ, происшедшихъ до ихъ времени, столько важныхъ свѣдѣній, что фантастическимъ рассказамъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они разнствуютъ съ рассказами вышеназванныхъ писателей, никакъ не слѣдуетъ довѣрять.

Весьма любопытное описаніе св. Софії въ послѣднія времена Византійской имперіи находится въ дневникѣ путешестія Исландца Рюи Гонзалеса де Клавихо, посланнаго Генрихомъ III, королемъ Кастиліи и Леона съ посольствомъ къ Тамерлану. Клавихо былъ въ Константинополѣ въ 1403 году. О состояніи церкви св. Софії во времена турецкаго владычества говорятъ два путешественника — Гилліусъ и Грело, видѣвшіе ее въ XVII вѣкѣ. Одно изъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ пособій для изученія исторіи этой церкви есть отдѣлъ, посвященный ей въ описаніи Константинополя, изданномъ въ 1680 необыкновенно ученымъ и трудолюбивымъ французскимъ писателемъ Дюканжемъ. Этотъ ученый, обладавшій огромною начитанностію въ византійской литературѣ, которую въ настоящее время едва ли гдѣ бы то ни было встрѣтишь въ ученомъ мірѣ, собралъ въ третьей книгѣ Описанія Константинополя изъ византійскихъ писателей всѣ мѣста, относящіяся къ этому храму и подвергъ ихъ критической оцѣнкѣ.

Въ новѣйшее время церковь св. Софії много пострадала отъ небрежнаго надзора лицъ, которымъ былъ порученъ этотъ храмъ. Софты до того мало заботились о сохранности драгоцѣннѣйшаго памятника византійскаго искусства,

что даже неопытные предвидѣли быстрое его разрушеніе, если не будутъ предприняты сильныя мѣры для энергической реставраціи. Въслѣдствіе повелѣнія султана Абдуль-Меджида эта реставрація поручена была въ 1847 году итальянскому архитектору Фоссати, который исполнилъ возложенное на него порученіе съ большимъ знаніемъ дѣла. Въмѣстѣ съ тѣмъ реставрація церкви св. Софіи представляла весьма удобный случай для всесторонняго изученія этого памятника и этимъ-то случаемъ рѣшился воспользоваться нынѣшній прусскій король, просвѣщенный любитель древне-христіанскаго искусства. По его повелѣнію это изслѣдованіе было поручено архитектору В. Зальценбергу: помосты, наполнявшіе и окружавшіе все зданіе, дозволяли ему изслѣдовать его во всѣхъ частяхъ наиполнѣйшимъ образомъ и такъ какъ въ это же самое время перестраивались въ Константинополѣ двѣ другія византійскія церкви, превращенныя въ мечети, то Зальценбергъ воспользовался этимъ счастливымъ обстоятельствомъ для изученія и другихъ нынѣ еще существующихъ остатковъ древне-христіанской архитектуры въ бывшей столицѣ Восточной имперіи. Результатъ его изслѣдованія появился въ свѣтъ въ великолѣпномъ изданіи, вышедшемъ подъ заглавіемъ: *Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel vom V bis XII Jahrhundert. Von W. Salzenberg. Berlin 1854 in fol.* Впервые въ текстѣ этого изданія, кромѣ историческихъ свѣдѣній, мы встрѣчаемъ сдѣланное отличнымъ и ученымъ специалистомъ подробное описаніе св. Софіи и художественную характеристику этого зданія. Весьма любопытное приложеніе къ тексту составляетъ переводъ на нѣмецкій языкъ стихотворнаго произведенія Павла Силентіарія, которое дастъ намъ полное понятіе о богатомъ внутреннемъ изукрашеніи этого храма. Въ велико-

лѣпною атласъ этого изданія, состоящемъ изъ 39 рисунковъ, превосходно или гравированныхъ или литохромированныхъ, рисунки VI—XXXII посвящены церкви св. Софїи: всѣ архитектурныя чертежи сдѣланы по точнымъ измѣреніямъ и изображаютъ это зданіе какъ въ планѣ, такъ во всѣхъ разрѣзахъ и деталяхъ. Впервые получаемъ мы въ нихъ самое полное и достовѣрное представленіе объ архитектурной композиціи этого зданія и отчасти и о системѣ его изукрашенія. Въ особенности драгоценны весьма точныя снимки съ мозаичныхъ картинъ, нынѣ, послѣ реставраціи ихъ, вслѣдствіе мусульманскихъ законовъ, снова скрытыхъ отъ любопытныхъ взоровъ христіанъ. Впрочемъ должно замѣтить, что многія изъ важнѣйшихъ картинъ, во время прибытія Зальценберга въ Константинополь, были реставраторами уже снова забыты, такъ что ему не удалось ихъ издать въ своемъ сочиненіи. Тѣмъ не менше намъ положительно извѣстно, что всѣ мозаики св. Софїи во времена реставраціи, произведенной г. Фоссати, были фотографированы и срисованы другими художниками и нынѣ гравированы въ Дармштадтѣ, такъ что можно надѣяться на скорое изданіе этихъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи византійской живописи.

Самъ реставраторъ церкви св. Софїи архитекторъ Фоссати издалъ въ 1852 г. прекрасный альбомъ подъ заглавіемъ: *Aya Sophia Constantinople, as recently restored by order of H. M. the Sultan Abdul Medjid. From the original drawings by Chevalier Gaspard Fossati, lithographed by Lovis Haghe. London.* Это есть собраніе живописныхъ видовъ внѣшности и внутренности св. Софїи, дающее весьма живую идею о живописномъ впечатлѣніи, производимомъ этимъ храмомъ и въ этомъ от-

ношеніи оно составляет пріятное дополненіе къ серьезному труду Зальценберга. Самобытнаго же научнаго достоинства оно не имѣетъ.

К. Герцъ. О. Буслаевъ.

Оказаніе ѿ созданіи великіа вѣжиа цркви отыа
 содѣла. ꙗ естъ в константине градѣ. ю созда.
 блговѣрныи црѣ. иоустіанъ. в лѣ 35. нї. ота на
 црѣство и бы все црѣка е лѣ. 44.

Всть созданіе в константине градѣ, отыа вѣжиа великіа цркви,
 зскемыа отыа содѣла. прѣбїе розежїе ю великіи црѣ константине похолоупо
 подобно 1) стго аглаоника 2), и скочакъ постѣки. и нныє многїе цркви,
 до лѣта леодосїа велика. Ны вторыи съборъ в константине градѣ. в
 лѣ. 38. ш. пг. взоустикїше бо арелїне. попалнша покрѣ отыа содѣла не-
 ктарей патрїархѣ. сѣдѣше во стѣнї ирнїи ктысеи, 3) ю созда констан-
 тинъ црѣ. миноустїа двѣ лѣта стсаше непокрокеина; Црѣ же леодосїи
 повелѣ роумїанѣ магїстрѣ да покрѣтъ ю мраморѣ; по лѣ. лѣтї
 леодосїа црѣ. и по константине црѣ за 11. лѣтѣ. и по извѣнїи на
 подрѣмїи. 4) лѣ. н. 5) моу. И едшїноу вѣ к оу. влгочтѣбсемоу црѣ. іоу-
 стїанѣ создати цркви отыа, такоу иѣ вѣ содѣланиа ѿ адама;
 Црѣ же иоустїанъ напї стратїгѣ скоп, и началнїкѣ и соудїамъ. на
 всѣхъ странѣ. данї събирати по оуроко, ѿ всїа страны. всточныа,
 и западныа, и полоуднѣныа, и полоунощныа. събравїше данї послаша къ
 црѣ. ѿ всѣхъ ѿстро. н, вѣ данїи, вгачтѣко белїе. ѡко вѣ злата. 6)
 кентарей. а сребра. 7) кентарей. и едина 8) нма рѣ. лнтрѣ. Повелѣ црѣ
 испытати всюдоу. да како шрацоутѣ цркѣныа стѣны. и постолапї на-
 столапїже 9). и преграды дѣрныа, и аспиды и мраморы, и прочїа 10) досто-

и тѣ цркви и кса побелѣннѣ ѿ црѣ швртѣша, ѿ вѣтхѣхъ и дѣлскѣхъ цркви. и ѿ вѣтхѣхъ вѣнь и домѣ. и се нѣкаѣ жена имене маріѣ. ⁸⁾ да дары ѿ стоѣвъ к зеленымъ досточудны, ѿ рима сзданны ѿ лѣвѣннѣа црѣ. и писца іоустѣина, и лютѣ. и нсугара, прикзѣша столпы к цркви иныхъ же столпо ѿ чюдны прикзѣ зеленымъ ѿ елса. константинѣ стратѣ, и зѣланы кса рѣсны. ⁹⁾ и в мѣстоу. прочѣ столпы шкы ѿ кизика. шкы ѿ трады. и нныѣ ѿ островѣ окроужны. црѣ и кнзи прилаша. такѣ и прочѣ сугодѣи же подовна цркви, и прѣдѣ бещи кса си сзвѣраша, кѣ з. лѣ. въ ѣ. лѣ сугѣлинска црѣка. прѣнарѣннѣю цркви ѿ белнаго црѣ константина зданною ѿ основѣ разсри. и бещи ¹⁾ ѣа приѣ положи, и ¹¹⁾ погрѣвы илѣвшѣ з. зане многое и бещиленое бещи сугстроити ѣмоу. израднѣ, и тѣзъ искоуповати дома влѣи тоу соуща; **Копленіе. прьвоѣ.** Перѣе сугѣ вдовнѣа нѣкаѣ имене, знна. домѣ ѣа ищыненѣ бѣ. на. ѣи. литрѣ злата. и помылаше к ней црѣ белнѣи кса, мола ѿ домоу ѣа. и ничтѣ зпѣвахъ. но и ѣа црѣ ше моли ю. ѿ црѣнѣ домоу ѣа, шѣ глѣ ко црѣ. не хошеу црѣны приѣти на домоу своемѣ. но и хошеши здати цркви вѣю да погрѣвннѣа вѣдоу влѣи домоу мѣ, да илмѣ и ѣ мѣзоу бѣ днѣ сзднѣ. и швѣцѣ црѣ и погрѣтѣи тоу и по совершенѣи цркви поминати ю. іста же мѣсто домоу ѣа. согоудохранителища бѣ.

Копленіе. в. ѣ. Пѣкто, істерѣи каженникѣ, и тоуто вѣашѣ до его. и скорѣамоу істерѣю зѣло. не хоташѣ предѣти домоу своего. црѣ вѣашѣ прѣнѣ не хоташѣ прѣвѣдѣти никого. и скорѣашѣ црѣ печлоуѣ ѿ домоу чтѣ сѣтѣрити, стратѣиже магистрѣ црѣа илѣнѣа хранилѣа. швѣцѣ црѣи сугстроити се нѣкою конью. істерѣи любимѣ ѣа подроулю. конюмоу сурѣстанію ѿ срѣа, магистрѣ затѣрѣи, істерѣа к темници. Бысть днѣ сурѣстанѣа коннаго. на істерѣи каженникѣ зѣати к темници глѣ, и зѣте ма да кнжоу сурѣстаніе конное. и створю болю црѣкоу, и и зѣ доша істерѣа к темници на мѣсто сѣдланцоу. и дѣже поклонѣхоуца црѣи. и тѣзъ створи преданіе домоу своему, на ѣи. литрѣ злата. іста же мѣсто домоу его шѣтарѣ весь, и мѣсто ѣмѣонѣ до сѣди

цркви. и въ шлтарѣ кладѣ стѣнѣ же есть ірда. и написавши тоу, къ істероу¹⁸⁾; и крѣ соуникитѣ. прѣ іскоушеніа конь. оуставѣ же вѣ вѣтхѣн. енегда ісхоужаше црѣ на сѣдлааницѣ, авіе течаюу сноузніи коніи. и мнже тогда празноблхоу на прснопреданіе кажинка и до се дѣи, тихо ісхо-
дате сноузніи коленици конь.

Коупленіе. трѣе. Десна страна жінскаѣ. до столпа стго вавѣи въ же нѣхто. динитѣ. хитрѣ члнѣ. и хотѣ продѣ до свон. прои оу црѣ¹⁵⁾ токо цркны на домоу своємѣ. но да¹⁴⁾ выкаюше кони сурганіи почти боудѣ и покланѣ боудѣ ш четьрех сноузныхъ вѣдокъ¹⁵⁾. Црѣи же поклѣн-
шоу на смѣ быти семоу, и въ днѣ настолшаго сурганіа коинга сідѣти імоу средѣ прѣградѣ. и поклонатиса задоу его на смѣ. прѣ коухоженіа и¹⁶⁾ на коленици. се въ до црѣ влгочѣваго влграноронаго се во в то мѣсто покланати тоу сткори, чѣныи іконы бакы хѣ вѣ ншего. и рождшоую его чѣноую вгѣтрѣ, и стго пррка и прѣтчу ибѣна. швалчашеа долѣ. тако покланѣ выеаа во шѣрѣ кажинка. в рѣ-
зоу белоу істклинноу шчерѣленоу, и кнѣ пренсподнихѣ нарицаше. и напи-
саша до его.

Коупленіе .д. Левкаѣ страна швыше до столпа стго кастѣ вѣаше до харитѣна кажинка. тезоименитна, гоуѣи продающе, и продаше до свон съ влгодареніе. на .д. лигрѣ злата. и написаша доже его.

Коупленіе. пятоѣ. Долнаѣ часть црквыи .д. притворы. и вѣна, о-
крѣз ихѣ, тоу вѣаше до дѣмианокъ¹⁷⁾ патрикѣа славкѣискаго. и проданѣ въ до его на .д. десѣ лигрѣ злата, и примѣ ценуу его съ многю радостію дѣ црквыи. шлтаражѣ. и долнаѣ страны¹⁸⁾ шснока тоу, школо шснобаніе¹⁹⁾ великаго бетха. ш комарѣ и до гнѣзна притвора. и напи-
саша до его. Прѣ шснобаніа црквнаго иноу црѣвѣ малоу стѣкори прерк-
сноу кроуглоу златѣ покровенноу во има стѣго ішѣнна крѣла. нари-
цаше²⁰⁾ крѣеніе, ю постави влі бнѣшнаго²¹⁾ часокника нарицаѣмос крѣеніе.
іко превывапати імоу²²⁾ з колры свонли многѣды и швѣдати тоу црѣи.
И шбложенои стѣлѣ софѣа. Црѣ же іоустѣлнѣ размѣриѣз мѣсто. и ш-

вѣстѣ ко ѡсновѣ вечный камень, ш ѡлтаря дѣ и до долныа страны. **Ѡ**
СЪЗДАНИИ; Начини црѣ зданіе цркѣнос ²³⁾ ѡсновы ткорити. и призва іѣти.
 хѣа патрїарха. с сжкорѡ скон. и вси выша в рязя, и сътвори патрї.
 арха мѣтвсу на ѡснованіе цркѣи, по скончаніи мѣтвы црѣ іоуѣтіанъ,
 прѣа дѣло сконма роуклама и конецъ ²⁴⁾ скѣделію. и избеѣтъ возрѣ на на (sic)
 нѡво влгодари бѣ глѣ, призри ги на хрлмъ сен. и сътвори в нѣ ѡвнѣ.
 лице себе и оуслыши к нѣ мѣтвсу рязя скон, и сложи ко ѡснованіе
 прѣкѣи кѣѣ. і илрѡ ²⁵⁾ стѣлахоу ѡкрѣх и по црїи начлаша вси дѣлатели
 дѣла тогда и воруходъ създа ш полаты до стѣи содѣла. ѡко прѣходити
 імоу чѣсто и нѣнїмоу быти ни ш когѡ. вѣше хитрѣ мастерѡ. р.
 илѣюци илнннѣтѡ. р. ѡко бытъ крѣх .р. вѣше же прѣкнн знитѣ мн.
 хлїю. ²⁶⁾ втѣрым илнннѣтн, и вѣи нослциху камень .р. начлаша дѣлати кѣтѡноу
 страну .р. моу. і западнѡу .р. моу. полуднннѡу страну ²⁷⁾ .р. моу. за
 немногѣ тѣлннѣ дѣло тѣкорухоу. илннѣ же гнѣ ко стѣи поклаза црѣи какока
 коудеть црѣкѣ. к котлѣху же влрѣхоу ілннѣ с кодою. и мѣтлѣхоу полѡуношнѡу
 страну .р. моу избеѣтъ и скѣдель в коды мѣтѣго, нѣ избеѣтъ та клѣбѣтл.
 и ш древа глѣмѣ кѣрѣте, оуѣтлѣхоу влѣтлѡщѣе к котлы. и барахоу съ ілннѣ и
 тѣкорухоу тѣ корытл, на .р. оуѣтлнннѡуца по .н. лнко, в шнротѡу. і в долго-
 тѡу .н. лнкоу. Пѣ ѡснованіе стѣны ²⁸⁾ .н. лнко к тѡістоу, і в дол-
 готѡу стѣны .р. сажнѣ, шпрѡчѣ шлгара. и прѣтѣкоруѣ, ²⁹⁾ і с чѣтырѣма
 прѣтѣкору .р. прѣмнрѣніе, і шнротл тлко. и вѣи кнѣѣтн тогѣ ілннѣ
 желѣзо дрѣжлшл, и коудѣша ³⁰⁾ стѣны на ѡснованіе .б. лѣкѣтн, ізданнѡ ³¹⁾
 вѣи златл. тнѣ, некларнѣ. Оѣ кѣдлше здѣе и ннлше магннѣтрѣ. црѣка
 илннѣнѣа хрлнннѣтлѣ сребрнннѣкѣ прннѡшлхоу ш полаты. и поллглхоу в кошнннѣ. ³²⁾
 и ктѡ кознѣлше ³³⁾ кнлмѣ на стѣноу. и ш ідннѣго кнлмѣ прѣннлхоу по
 сребрнннѣкоу. Црѣ же не беллше нѣ ідннѣго нѣху прншвнѣдѣтн, и се тлко
 выкллше ідннѣ ш нослциху пѡхоуан црѣа, и коудѣхоу и нѣгоѣа. і іѣтѣ
 пѣдѣ на землн и скроушнлс і оумре, стѣнлмѣже прѣвоѡвѣшлшннѣлс и белннѣ
 стѣлпѡ рымѣкѣ стѣлѣшн зелѣнѣ, и мраморннѣмѣ. и кѣѣмѣз стѡлпѡмѣз ко црѣкн.
 оуѣже пѡ бѣрѣху. и пѡ комары, ³⁴⁾ стѡлпѣз .н. крѡмѣз задл. і дѣбрннѣ вѣи по всѣи

ЦРКВИ .ТѢ. ИМЕНИТЪ ЦРКВИ. ЦРЬ ЖЕ ПОДЕКАСА ѿ СРЦА КЪ БОУ. К ПОЛДНЬ БО НЕ СПАШЕ НО MUCHO ТЪЛНІЕ И ПРИКЛАНІЕ ИМѢЛШЕ ѿ СВѢТІИ ЦРКВИ. СКО ПРИХОДИТИ ЕМОУ АНОГЖДЫ И ВИДѢТИ СЕКОУЩА КАМЕНЪ. И ДРЕКОДѢННА И ЧСА ДѢЛАЮЩА СТРОИТЕЛѢ. И ВЪ И .Т. И СІ ЗРА ЦРЬ МИСОТЩАНІЕМЪ.³⁵⁾ ВСА ИМѢТИ ПОВЕЛѢЛШЕ, ЧѢ ОУВО И ѿПРОЧЪ МЪН ДА ІШЕ³⁶⁾ ИМЪ: Б КОМДО БО ИАЮ ЕДИНОЮ, ИАИ ДКА ПО ЗАЛНКОУ, ИАИ БОЛѢ ДА БАШЕ И. ѿБЛАЧАШЕЖЕСА ЦРЬ И СІ К ТОЙКОУ И ЧЕЛОУ ПОНЕКОУ. И ОУБРОУ ТЕМНЪ ИМѢЛШЕ НА ГІКѢ СКОИ, И К РОУЦѢ СКОИ ИМѢЛШЕ ЖЕЗЪ. КСЪБНЖЕ КОМАРЫ ВХТОЧНЫА И ЗАПАДНЫА И ГЕБЕРНЫА И ИЖНЫА. И СІА ПОСКОРЪ СКО ПОКЛАННА³⁷⁾ КОМРАМИ, БЪЗБНЖЕ СТѢНОУ³⁸⁾ .И. СІАЖИТЬ. И НЕ ВЪ СРЕКРЕНИКЪ ПРИНСУИ ѿ ПОЛМТЫ. ВЪ ДНЬ СѸКОТНЫИ КЪ, ЧА Г. ПОКЕЛѢ СТРАТИ ДѢЛТЕЛѢ БСѢ, И ХИТРЕЦѢ, ИТИ КО ЦРЮ НА ѿБѢ, СІАЖЕ ПРЕРІИ. НЫИ ИГНАТІ. ПРЪВЪ ЗИЖИТЕЛЬ НА СТІНѢ, ѿСТАКИ СІА СКОГО ІСА. .И. ЛѢ СѸЦІА СТРЕЩІ ЗИЖИТЕЛНЫА СЪОУДЪ, ИДѢЖЕ ЗИЖАШЕ НА ДИСИИ СТРАНИѢ.

УЮДО ИСРЬКОЕ ѿ ДКАСІИИ ГІА АНГІА. ОДАЩОУ ѿТРОКОУ НА СТІНѢ, ДКИ ЕМОУ ѿТРОКЪ КАЖНИКЪ КО СВѢТЛОУ ѿДЕЖУ ѿДѢАНЪ, КРАСЕНЪ КЗОРЪ. СКО ѿ ЦРЬИ ПОЛАТЫ ПОУЩЕНЪ. И ГІА КАЖНИКЪ. ІСАИ СІОУ ИГНАКОУ, ЧТО РА НЕ СКОУЧАЮТЪ ДѢЛА ВЪІА ЗИЖОУЩІИ. НО ѿСТАБЛЪШЕ ДѢЛО ѿИДОША ѿБѢДАТЬ КО ЦРЮ, И ГІА ЕМОУ ѿТРОКЪ СКО ГОСПОДІЕ МОИ СКОРО ПРІИДОУ, И ГІА КАЖНИКЪ. НИ, НО ШЕ РЦІ ИМЪ. ТЪШЪ БО КО ИСПОЛНІЮ ДѢЛА, ѿТРОКОУ ГІОУЩОУ ПРОТНБЪ СКО НЕ ИМАМЪ ѿСТАБИТИ СЪОУ. ДА НЕ ПОГНЕИ ЧТО ѿ НИ, И РЕ ЕМОУ КАЖНИ. ИДИ СКОРО И РЦІ ИМЪ, ДА ПРІИДОУ СКОРѢ. И А ТКАО КЛЕНОУТИСА, ТКАО МИ СГЫА ГОЛА, ІЖЕ ВЪТЬ СЛОКО ВЪІА, ИИЧЕ ЗИ ЖЕМЪА ЦРКІИ И НЕ ѿИДОУ ѿСЮДОУ. ДОИДЖЕ ВОЗЕРАТИШИ СѢМО, ЗДѢ ВО ПОВЕЛѢНО МИ Е ПРЪВЪКАТИ И ХРАНИТИ ѿ СЛАВЪ ВЪІА. ОІАЖЕ СЛЫШАКЪ ѿТРОКЪ. ИДЕ КО ѿЦОУ СВОЕМОУ, И К ПРОЧИ ДѢЛТЕЛѢ,³⁹⁾ ѿСТАКІВЪ ТОУ АНГІА ГІА ХРАНАЩА ЗДАНІА, И ПОВѢДА ѿЦОУ СВОЕМОУ. И БСѢ ПРОЧИ, И ВЪСТА ѿЦѢ И БЕДЕ И КО ЦРЮ ОУСТІАНОУ. И СЛЫШАКЪ СЕ ЦРЬ ѿ ѿТРОКА И СЪЗВА ВСА КНИЖНИЦЫ,⁴⁰⁾ И ѿТРОКЪ СВОА. И ПОКАЗА ЕМОУ ВСА ПО ЕДИНОМОУ ГІА, БГДА ВЪТЬ ЛИ СЕ ИАИ ИЧѢ. И РЕ ѿТРО. НИ ЕДИНЖЕ ВЪТЬ ѿ СІИ КАЖНИКОВЪ

всдобенъ естъ ѿсему князю, яко бы в вѣлѣ ризѣ. и шѣ обличенѣа
его яко шгню игоудити. и разоумѣ црь яко англь вѣжнѣ бѣ, и про-
слави бѣ. и радославѣ радостію неизреченною, яко вѣснѣболи вѣ на
дѣло его. и паче яко оубеда црѣкнѣ нареченіе, і естъ сѣтѣнѣ солаѣнѣ
слово вѣжнѣ. понѣ вѣ не имѣ прѣкѣ нарѣнѣа црѣкнѣ. и трѣу кѣ імоу и
печѣлѣ шѣ црѣкнѣ нареченіи. Црь бѣ ⁴¹⁾ ісустѣнѣа в сѣтѣ помѣсли, ⁴²⁾ яко
к томоу не обратити шѣтрака на зданіе, яко да храмнѣ црѣкѣ англь
гнѣ и до скончаніа всего мира по клятвѣ его іже сѣтворнѣ.

Уюдо .ѣ. ѿ недоставнѣ златѣ. Бысть на деснѣи странѣ, идѣ
ннѣ чѣнѣа икона белнѣго вѣа и спѣа ишого ісѣ хѣа, сѣтѣрднѣа пѣтнѣишнѣ
закрѣщнѣи, на горнѣи чѣсти сѣтѣны и поставлѣши имѣ керѣхнѣа стол-
пы, и наншнѣа здати комары и покрѣвшнѣа околѣ. и бы црь прнскрѣ-
внѣа за шѣскудѣннѣа златѣа. занѣ ⁴³⁾ имѣти сѣкряшеніа зданіа. бысть кѣ
сѣубѣннѣа днѣ. сѣсѣщѣу црю горѣ на зданнѣи сѣтѣнѣ, ⁴⁴⁾ и хѣстѣщнѣа вѣснѣ-
ноути берѣхѣ .вѣ. дѣ чѣ днѣи мѣи црю моу князю в вѣлѣа онѣа, и гѣа імоу
чѣтѣ скрѣвшнѣа вѣко. и гѣа імоу црь. яко ннѣманѣа сѣкряшеніа зданіа. ⁴⁵⁾ и рѣ
князю зашѣтра іскро побѣли прѣити ко мнѣ вѣлнѣжѣа сѣкнѣ. и дѣ ти златѣа
іліко хѣщѣши. зашѣтра прнше князю рѣ црю, до комоу ⁴⁶⁾ повѣлнѣши коспрѣлѣти
златѣо. црь посла к ннѣмѣ магнѣстра, и вѣснѣлнѣа да сѣрнѣтелѣа, ⁴⁷⁾ и лѣвѣдо-
ста патрнѣкнѣа, тезѣннѣментнѣа тыковнѣкнѣа. и с ннѣми прочнѣа сѣсѣтѣ и сѣ кѣ.
мѣкнѣ і ісѣлѣа ⁴⁸⁾ поимѣа князю. шнѣде шѣ златѣа братѣа и прншедѣши имѣ на
мѣсто трнѣсѣлѣе, шѣвшнѣа полѣты новы зданнѣе. и кннѣдѣша с князю
к полѣты, князю же шѣберѣе имѣа полѣтоу іднѣноу. и бысть полѣна
златѣа и ідѣа шѣберѣснѣа дѣрнѣи. и напылѣша кнѣжо по шѣвѣсѣо, ⁴⁹⁾ и прннѣ-
ше златѣо и прнвѣзѣша ко црю. князю же шѣстѣа в полѣтѣа, прннѣлѣ
црь златѣо іспытѣа нѣ, и бы златѣа іргнѣ. ⁵⁰⁾ і сѣуднѣснѣа и рѣ имѣа на коѣмѣ
мѣсто кѣ. шнѣи вѣзвѣстнѣа імѣа кѣвшнѣе. и шѣ црь с прнкѣшнѣи златѣ-
то. на мѣсто трнѣсѣлѣе и не шѣверѣтоша ннѣ іднѣноа полѣтѣннѣа хра-
мнѣи. и разоумѣ црь яко англь вѣжнѣ бѣ, и се дѣрѣа его и прославнѣ бѣ.

Уюдо третѣе ѿ трѣ шѣкѣнѣцѣа. Вѣгда хѣстѣа сѣкряшнѣи сѣтѣи шѣ-

тѣрь и помышлаше црѣ, ѡ просвещенїи ѡконци, ѡбогда оубо во
 ідинѡу комарѡу просвещенїю быти клалше. ѡко и в прочїи частї цркви,
 и да неозможна сзтворї, ѡбогда двема побилѣбаше быти. в здинѣ
 ѡ днѣи бытъ в з днѣ соубонымъ, в з .і. чѣ днѣи. ѡнглѣ гнѣ ѡкна
 первої зжителю, в з ѡвразн црѣ и глѣ імоу, сзтворї ѡкоца три пре-
 гбѣтлаа, в з іма ѡца и гна и сгго дхѣ, коупно сз слокѡ, и сн глѣв
 ѡнде к полатѣ, прѣкнї зжитель не могы вездскати к имоу за-
 не скоро ѡнде ѡ него. шїже к полатѡу ко црѡ и рѣ, ты црѡ слова
 не імаши, ѡбогда рѣ велнши ѡконцѣ сзтворити, ѡбогда двѣ
 инѣ же трїи велнши. бо іма ѡца и гна и сгго дхѣ. и рѣ црѣ н:
 ісходилз вемь сего днѣи не полатѣ, мастерѣ покѣда црѡ імалше імоу
 кндѣнїе ѡко кндѣ інглѣ ко ѡвразн црѣ. и рѣ црѣ ко істинноу, се інглѣ
 вжїи ⁵¹⁾ ѡко ти злпкѣда. тако и створї. дѣланїе же црковное сдѣ-
 ланно бытъ кнсутроуѡу и вноуѡу, и стѡлпы и стѣны желѣз-
 ными кнучами стажемн соу дроу ко дроуѡу и соутѣ недвнжнми по
 вѣнѣв стрїнѣ ⁵²⁾ мешлѡтѣ ізвѣтъ сз ачменѣ и скоуделїю и з дрѣваны ма-
 слїемѣ дѣлахоу. послаже црѣ ко ѡстро цѣвнны, вавилнда стрїтїла
 сксегѡ и жидѡра іпархѣ и сдѣлаша тоу керемиды рѣвны в мѣроу и
 рѣвны в долгѡтоу, велнїи назнѣмнны и. ста вго посредѣ іа ⁵³⁾ и не-
 подѣйтѣа поможѣ и в з оуѡро за оуѡра. и чтоуши количѣтко по-
 сылахѡу же ко цркви ко ѡклнїа, в долгѡтоу и в шїрїноу, г. локѡ, и
 мерїлѡ ітъ .бї. керемїдоу .н. сажнѣ, и сзсздаша тѣмн керемїдами и
 тоу ізвѣтїю .д. комары велнїа. ігда начаша здати вѣрхѣ по .к. ка-
 релндѣ здати ⁵⁴⁾ твѡрахоу. ѡтлї ѡ сззданїи црковномѣ, в нѣ ⁵⁵⁾ мѣтѡу
 твѡрахоу, и пакн полагахоу зжїоущїи дрѡугаа .бї. радѡу. и пакн вѣ-
 баше мѣтѣа и полагахоу чгїтелн на вѣв .кї. радѣ мошн сгглхѣ
 тако твѡрахоу и до скончанїа цркви. сзтворнша іношескїи прѣдѡлашѣ.
 носѣ сзтворнша прѣдѡврїа, и дннны и прѡгты мрамѡры, позла-
 тї сзстлѣы мрамѡрѡ и глѣы стѡлпѡ и приклады марны ⁵⁶⁾ двѡкровныа и
 трїкѡрѡныа толпуже позлащенїа вѣ ѡко ідиногѡ полѡупрѣста, покѡрѡ

ка вторыхъ и третихъ с первыми. и сторонныи и широтѣ .д. при-
твора⁵⁷⁾ ка послати покровы мостѣ црквины оукрасти, рличными мно-
гообразными мраморы. шкрусжныа оукрасти вблыми и великими много-
цбнными мраморы. Отыиже шлтара вѣ и столпы ка и преграды, и
двери⁵⁸⁾ ка ш серебра чта. соущиа кх шлтарахъ .д. трапезы .и. э. сте-
пеней чистителски коупно стльскими, и съ многоцбнными престолми съ .д.
ми столпы теремецскими. и теремнцъ иже на престоло и иные много
бещи сзтвори ш серебра чта послацина к толцоу многоу теремець же
различныи зиненіахъ оукрасти. керхсуже его постави збаско все злато.
имощи мбросу ис кентаріи и кри зл. имощи мбросу .э. кентаріи. и
керхсу его крта златѣ имоще мбросу .б. литрѣ и оукраи и каме-
нїахъ драгимѣхъ.

Ш СТѢИ ТРАПЕЗЪ. Отсуже трапезу прчтинѣ сзтвори. и чтибншоу
ш ксго злата и серебра. и каменїа многоцбннаго. помысли тѣного по-
мысленїе сзтворити. съкоупи баскѣ беще земнцоу, ш златѣ и
серебра, и каменїа многоцбнна. и вксерїа. мбдиже и прсуда шлсба и
желѣза. и ш крѣ бещеи земнѣ и блочи в горнило рзженно. и сма-
те л⁵⁹⁾ и егда смбнша подобно шбсѣ, и зана трапезоу бо шкря. егда и-
стыдѣ⁶⁰⁾ стече ю и поставї ю недомыслиноу. и неподобноу когдо шбсѣ
зракѣ събершахсуть,⁶¹⁾ немощь бо су члчъ разоумѣти или разсмотрити де-
броты ед. занеже шбогда злата аблшсша бндаши ю, шбогда серебрѣна
или каменнѣ. шбогда мбдана или желѣзна,⁶²⁾ неги. на нїже стої стл
трапеза. и стпени и есть около. и сзтвориже ш злата чтна и серебра
и дикитиса доброты ед, крѣ бндаши ю, и сзтвори дери, троа прежна
ш серебра и ш злата чта. и иные дери, швы оубо мбданныѣ бакетерѣ,⁶³⁾
шкы шнобы⁶⁴⁾ послацины же шко быти ксемоу чнслоу црквины двернї
тѣе. вкразачны. Помысли црѣ вѣ црковныи испо⁶⁵⁾ сзтворити сре-
брѣна. и оутоленз бы ш ланнїи, и ш звѣздочтѣе. и ш сромѣа все-
свѣтнаго,⁶⁶⁾ извѣсто тѣко бо імоу,⁶⁷⁾ шко в послѣднѣхъ дїиї, прїдоу
цртѣа темна и козмоу гра сені. Црѣ же шгоупи ш такокаго помы-

шленіа бѣша ⁶⁸⁾ на бланк днѣ твореници, и ѡбразуоуть а се изнотави,
 и блга тѣлѣу и возношенію его. Цркъ създаина въ .л. моу. ринше
 тѣмъ. ѡко прѣ речино вытъ бо .л. мѣ, и .л. мѣцъ о амьбонъ. ѡмъ
 конже ѡ каменн сѣткери. імоу нла, гадонннми, в нѣстоиміи мѣстѣ. ⁶⁹⁾
 столпницѣ ⁷⁰⁾ сѣткери вси златы и съ іспинны каменіе. и съ хрѣстали, и
 съ сажеларѣ. тако и крѣхъ іамесонн сѣткери зал з виторѣ. и съ бѣталым
 измаргды. брѣхуу его сѣткери крѣх зал. імоуше .р. антръ імоуше ⁷¹⁾
 ксеры велики. в нѣстоимна мѣсто постакн златы ⁷²⁾. Оусты кладазъ сѣго
 приннесо вытъ из самаріа. того рѣдн імоуше тѣмъ. ⁷³⁾ занѣ гдѣ ншѣ іс хъ
 к самараннн бѣседсѣа, и четыре трѣвы ѡ ерѣхнѣ приннеснны выша, сѣ ктъ
 бо ѡвръ тросуеъ, сѣ дряхауу тога інган. ігда падоша стѣны ерѣхноу.
 Чтнны крѣхъ, иже стои нѣк к ісусоухранителнцы. і ктъ мѣра
 возрста га нашего іс хъ, ѡко ізвѣсто ізмѣренъ въ ѡ бѣрны чѣкѣ
 и бо іерлѣмѣ. и сего рѣ ѡблжн іверѣо чѣмъ и залѣо, и каменіемъ
 мищѣнны. то бо крѣхъ и до днѣшнѣ днѣ. недоугы разлнчнѣ іщѣлаѣ,
 и бѣсы ѡ чѣкѣ прогнаеть. Цркъ же ісустнннъ бо бланкѣ столпѣ долѣ
 и горѣ чистыныа мошн сѣмъ блжнн, сотборн и сѣсуды .б. прѣз-
 никѣ златнѣ ⁷⁴⁾, сѣнннми мнсогразлнчннми ѡвръзы. и пѣкн ѡ іуаліи.
 сѣнннма роукѣмѣа, и горілицы ⁷⁵⁾ колкалннцѣа, блуда блга златѣа, с каменіемъ
 драгнѣ. и с жемчнго чнслѣ, .л. нндітѣа ⁷⁶⁾ златѣа с каменіемъ драгнѣ. .т.
 бенецъ .р. да боудѣ к нннѣо прлннкѣ разлнчнѣ. сѣтборнжѣ платы кол-
 клннныа .л. блга златѣа с жемчѣгѣо, и с каменіе многоцѣнны. іуаліи .т. по
 дѣлѣмъ кентарима златѣа. и каданнцы .лз. блга златѣа с каменіемъ, по
 іданноу кентаріи и сѣбѣтлннкѣ .т. імоуше, блга по .л. антръ грезно,
 и паникандѣ іамесоннѣ и ѡлтарнн (sic) съ дѣлѣма жннскнма. .л. и съ
 прѣтборнѣ, Оустабн прѣтженіе .тѣѣ. ѡ ннпѣта. и ѡ кнндѣа, ⁷⁷⁾ и ѡ во-
 стѣка ⁷⁸⁾, и злпада. и сѣа сѣбра потревоу цркви. такобѣ прѣзлннкѣ оу-
 стѣбн взнматн масла древансѣо. .л. корѣгѣ. бннѣа .т. корѣгѣ. хлѣво.
 .л. постабн клнрнкѣ. .л. іданноу ѡ чѣнтель до послѣднн пѣбцѣ. .р.
 раздѣлаюшн на .б. нлн, дастѣ же клнрѣгѣ ѡколма івѣіа по чнсу нхъ.

и пѣкъѣ хранимы постояныи⁷⁹). Сотвори и крѣмы великїи злата шкатулки
 каменїа имоущїа цѣлюущїа ѿ кнѣтарей. и скетили двѣ велицы шкатулки
 отъ египта, имоущїе златыя ноги вѣдѣ, кнѣтарей ѣдиного. и верхоу
 постави на нѣ скещи двѣ велицѣ. позлащенїи с каменїемъ драгымъ, в
 цѣлюущїа ѣдиного кнѣтарей. сътвори же и нны свѣтилъ ѿ сребра, шкатулки,
 и нны же свѣтилъ сътвори злата. в высоту мочжеви ѣди-
 ногоу достойтъ⁸⁰ во шкатуки. ѿмѣри же тектоудоу⁸¹ кнѣго злата,
 дожде⁸² взимаше шкатуки египта. тѣмъ, кнѣтарей взимаше. Великїи сѣво кон-
 стантины шкатуки цѣль перскаго. и шкатуки нны многы. сѣвоки прѣвѣ
 сѣво цѣль, кромѣ сѣвои сѣвоу⁸³. и сѣво шкатуки прѣвѣ тоу, но шкатуки
 каменїа вѣци цѣль ѿ сребра. и ѿ кнѣтарей злата. Іоустїанъ цѣль ѣдинок
 нача. ѣдинок и сѣвои сѣвоу сѣвоу. чюдѣ шкатуки вѣдѣ тѣмъ
 коу цѣль, какѣ шкатуки⁸⁴ свѣтѣ, бытъ во ка свѣтѣ шкатуки
 и сребра. и жемчуга. шкатуки прочаго сѣвои. подобно не мало
 сѣвои вѣци. мраморѣ различїе акї море вѣдѣ вѣци.
 акї реку прѣтекущѣю ѿ сѣвои. въ цѣльныя, чѣтыре рѣки наре, и сѣвои
 из рѣки. и положи законъ да когдѣ⁸⁵ по грѣхѣ сѣвои, шкатуки ста-
 не на нѣ. сотвори же и во кнѣтинци, шкатуки каменїа и прѣвѣ, акї
 каменїи иносѣща бѣдоу шкатуки сѣвои на сѣвои⁸⁶ прѣвѣ люди.
 На десѣи странѣ сътвори море пади ѣдинок вѣвои сѣвои сѣвои
 бѣдоу. лѣвѣицѣ ѣдинок постави на вѣвои чѣти телѣ. право лицѣ
 прѣвѣицѣ бѣдоу и сѣвои. акї. лѣвѣ, сѣвои шкатуки и златѣ телѣ,⁸⁷
 и бѣвои. акї. сътвори. и бѣдоу и сѣвои изъ сѣвои и, на сѣвои
 чѣти телѣ лѣвѣ нарече акї, и сѣвои вѣвои хранимѣ позлащенѣ да
 хотѣ⁸⁸ емоу вѣвои спати в нѣ. красотѣ шкатуки прѣвои, и прѣ-
 личество добротѣ такѣмъ цѣль кто иносѣща. Великїи цѣль іоустїанъ съ-
 твори сѣвоу сѣвоу, сѣвои сѣвои сѣвоу ѣдинок. мѣди. сѣвои. акї. дѣвои.
 и сѣвои и сѣвои и прѣвѣ вѣвои лѣвои и сѣвои на чѣвои сѣвои
 нѣвои коленицы. и златѣ колѣвѣ. акї. и шкатуки ѿ сребра. ѿ сѣвои.⁸⁹ и сѣвои
 ницы. (к). и чѣвои. и сѣвои. и сѣвои сѣвои. в тѣмъ дѣвои до трѣвои

шлениа бѣса⁶⁸) на есаке днѣ среженни, и шертлахууть а. с. иконолази,
 и кса тшлхуу к возношеніи его. Цркъ създаана въ .ѿ. моу. рини
 тмос. іко прѣ реченно выть. бо .ѿ. лѣ, и .д. мѣцъ о аѿльбонъ. іа
 конже ш кляни сятвори. імоу іма, гардоникъ. е іаістопіи мѣста⁶⁹)
 стопиниці⁷⁰) сятвори вси златы и сѣ іспинъ кляниѣ. и сѣ хрусстали, и
 і сѣмзарѣ. тако и берухъ імвснныи сятвори зал з внерѣ. и сѣ ісѣтлыи
 ізмаргды. беруху его сятвори крѣз зал. імоуше .р. антръ імоуше⁷¹)
 внеры белкиа, к іаістопіи мѣста постакі златы⁷²). Оустыи кладаз стго
 принесено выть из імаріа. того рѣдн імноуітса тѣкѣ⁷³) злнѣ гдѣ ншъ іс хъ
 к імараныи бесѣдса, и четьре трѣбы ш ерхснл принесеныи выша, іа ить
 бо шѣра трѣубъ, іа дрѣжахуу тога імглн. івгда падоша стѣны ерхуіоу.
 Чтнныи крѣз, иже стой ннѣ к ісосухранителницы. іа ість мѣра
 козраста га нашего іс хъ, іко ізвѣсто ізмѣрннъ въ ш бѣрны чѣкѣ
 и ко ірлмѣ. и іего рѣ шѣблжн ірерѣ чѣмъ и златѣ, и кляниѣмъ
 мнѣцѣнны. то бо крѣз и до днѣшнѣ днѣ. недоуты разлнчныи ісцѣлаѣ,
 и бѣсы ш чѣкѣ прѣснаеть. Цркъ же ісустнлнъ бо есако стоплѣ долѣ
 и горѣ чѣстныа моци стѣ блжнн, сотвори и ісосуды .ѿ. прѣз-
 никъ златыи⁷⁴), цѣнныи многоразлнчныи шѣрѣзы. и пѣкн ш іулаіи.
 цѣнныа роукмса, и горлнцы⁷⁵) коікалннцѣ, блуда кса злата, с кляниѣмъ
 драгъ. и с жемчюгѣ числѣ, .ѿ. інднтіа⁷⁶) злата с кляниѣмъ драгъ. .ѿ.
 бенець .р. да боудѣ к кнжѣ прѣлннкъ разлнчнѣ. сятвориже платы ко-
 клнныа .ѿ. кса златы с жемчюгѣ, и с камекіѣ многоцѣнны. іулаіи .ѿ. по
 дѣбѣмъ кентарнма златы. и каднлннцы .ѿ. кса златы с кляниѣмъ, по
 ідннѣ кентаріи и сѣтнлннкъ .ѿ. імоуше, кса по .ѿ. антръ грѣзнѣ,
 и паникандѣ імвсннѣ и шѣлтарнн (sic) сѣ двѣма жѣнскнма. .ѿ. іа сѣ
 прнѣборѣ, Оустѣи прнѣженіе .тѣѣ. ш ігптѣ. и ш кнѣдѣ, ⁷⁷) и ш во-
 стска⁷⁸), и запада. и іа шѣра потребоу цркви. такобѣ прѣзлннкъ оу-
 стѣи взнматн маса драбансго. .ѿ. корѣгѣ. бннл. .ѿ. корѣгѣ. хлѣво.
 .ѿ. постакі канрнкъ. .ѿ. ідннѣ ш чѣтнтель до послѣдннѣ пѣбцы. .р.
 раздѣлающн на .ѿ. іа, дастъ же канрогѣ шксмава кѣлаіа по чннсу іхъ.

и пѣцѣ хранимы достойны⁷⁹⁾. Сотвори и крѣты великѣ златы ѿ ка-
кого камня имуща цѣноу .и. кентарѣи. и скетили двѣ велицы ѿ
стекла чѣго, имущи златы ноги вса, кентарѣи единого. и верхоу
постави на нѣ скци двѣ велицѣ. позлащенны с каменіемъ драгѣ, в
цѣноу единого кентарѣи. сътвориже и ныи свѣтиль .и. пребеликъ, ѿ
серебра чѣта, и ныи же свѣтиль сътвориъ .ї. в высоту мужевн еди-
ному достойнѣ⁸⁰⁾ во штарѣи йлвонже тектосуду⁸¹⁾ ксго златѣ
додже⁸²⁾ взялаше ѿ египта. тѣе, кентарѣи взялаше. Великѣи сѣво кон-
сгантинѣ ѿ саборѣа цѣа перскаго. и ѿ ныи многѣ. сѣстаки прѣвѣе
сѣво цѣвѣи, крѣмѣ сѣвныи сосудѣ⁸³⁾. и сѣз ѿ приходящѣи теу, но ѿ
какѣа вѣщи цѣвѣи .ѣ. и .ї. кентарѣи златѣ. Юустѣанѣ цѣрѣ единых
мѣа. единых и сѣрши сѣсѣю содѣю. чюдѣ ѿвдѣржаше кидашѣи тако-
вѣю цѣвѣв, како ѿблещиша⁸⁴⁾ сѣвѣсѣ, выгѣз во кѣа сѣвѣла ѿ златѣ
и серебра. и жемчуга. ѿ какого прочаго сѣкращеніа. подвѣнѣ не мало
сѣднѣнѣе вѣше кидашѣи. марморѣа различіе аки море видомо вѣше:
аки рекоу прѣотекущоу .ї. во цѣвѣнѣа, четыре рѣкы нарѣ, иходящѣа
из рѣа. и положи законѣа да ксгѣдо⁸⁵⁾ по грѣхѣо сѣоѣ, ѿбѣчѣа сѣа
нѣ на нѣ. сътвориже и во крѣтилицѣи, ѿколо каадава и прѣборѣз, лѣы
каменныи иазащѣа вѣдоу ѿ сѣстѣ сѣоѣ на сѣмленіе⁸⁶⁾ прѣстѣи людеи.
На денѣи странѣ сътвори море падн единой вѣбышенс аки восходити
кодѣ. лѣвѣтѣнѣоу единою постави на вѣсхоженіе чѣтителѣ. право лицѣу
прѣемѣнѣмоу вѣдоу и сѣдѣла .ї. лѣа, сѣрнѣ; ѿрѣлѣ и зѣаць телець,⁸⁷⁾
и брѣнѣ .ї. сътвори. и вѣда и иходяше изв сѣстѣ иѣ, на сѣмленіе
чѣтителѣ лѣвѣтѣо нарече аковѣ, идѣе вѣзѣнѣе хранинѣо позлащенѣу да
хѣтаще⁸⁸⁾ емоу вѣ цѣвѣи спати в нѣи. красотѣу ѣа прѣ рекоуѣ, и прѣкѣ-
личѣство дѣсрѣты таковоа цѣвѣи ктѣ испокѣ. Великѣи цѣрѣ юустѣанѣз сѣ-
тѣри сѣсѣю содѣю, сѣ вѣвѣи сѣвныи сосудѣи еа. мѣа. ѣ. кс. дѣв.
ишѣеже не полаты и прѣидѣ вѣ дѣври аѣгосѣстѣа и сѣдѣз на четвероноу-
нѣи колѣнницѣи. и закла колѣвѣ. .ї. а ѿбѣць .ѣ. еленѣи. .ї. .ї. ⁸⁹⁾ ише-
ницѣи. (в). и .ї. спѣдѣкѣ. и дѣа ѣа сѣвѣсѣмѣ. в тѣи дѣв до чѣрѣго

ѿ, правдивоу ѡмѹ ко крѣпкѹ дѣрѣ. сѣ патриррѣо ѡтѣрѣтѣ. и ѡторѣ-
 нѣса ѿ патриррѣоу рѹкѹ и тѣ до ѡмѣса. И воздѣше рѹцѣ на
 нѣо и рѣ галка ѡдѡвѣшасѹ ма тѣкоу дѣло сѣрѣтѣ. ѡдѡлѣ ти
 соломоуѣ ѡко не ѡтѡтоклѣ ии тѣкоу крѣотѣ в дѣмоу гѣи бѣ
 сѣлѣ сѣлѣ, ѡко ѡзѣ ѡустрѣнѣ ко бѹходѣнѣ дѣстѣ маѣ зѣлѣтѣ .г.
 кѣйтѣри стѣртѣгоу мастрѹ ѡлѣ прѡспѣлѣсѹ на зѣлѣм зѡустрѣ сѣ-
 тѡри ѡкѣрѣнѣе вѡлѣ прѣкѣ, закѣлкѣ крѣтѣм до сѣмѣ ѡѡвѣленѣ. до
 .ii. днѣи прѣлѣ тѡрѡше и рѹкѣше и бѣгѡларѣ бѣ. и тѣ сѡклѣ желѣнѣе
 дѣлѣ сѡсѣго, и радѡклѣше в сѣбѣ до сѡклѣнѣ сѡсѣ жѣботѣ. Бѣгѡвѣрѣнѣи
 бѣлѣнѣи цѣрѣ ѡустрѣнѣлѣ, покѣе по сѣздѣнѣи сѣмѣ сѡдѣлѣ зѣ. лѣ. до
 прѣстѣвлѣнѣа сѡсѣ цѣрѣ же бѣлѣнѣи бѣгѡродѣнѣи ѡустрѣнѣлѣ, прѣдѣ тѣрѣпрѣ цѣркѣи.
 ма посѣтѣа, ѡмоу ѡстѣ нѣчѣло, ѣдѣнѡчѣдѣнѣи гѣлѣ сѡбѡ бѣжѣ, прѣ тѡ ѡн-
 тѣоуѣтѣи бѣжѣи гѣлѣ, нѣрѣцѣтѣи нѣчѣтѣ. поплѣтѣлѣ, рѣкѣи ѡустрѣтѣнѣе. прѣ-
 лѣтѣ нѣчѣло прѣнѡбѣтѣи, ѣ ѡстѣ прѣчѣтѣнѣ ко гѣдѣкѣмѣ прѣзѣнѣкѣ. и бѣжѣтѣн-
 нѣи зѣмоустрѣ гѣтѣ в шѣтѣ днѣи сѡтѡсѣри бѣжѣ дѣлѣ сѡсѣа бѣа, ѡко
 ѡстѣ нѣчѣлѣно, в сѣдѣмѣнѣе дѣнѣ почѣи. тѣмѣжѣ в послѣдѣнѣи дѣнѣи бѣжѣ
 сѡбѡ нѣзѡклѣи, бѣзѣскѣтѣи и сѣтѣи погѣнѣшѣла, и бѣплѡшѣ тѣ ѡбѣрѣсѡ по
 чѣслоу дѣи, кѣсѣго мѣрѡтѡборѣнѣа прѣзѣнѣкѣ прѣдѣстѣ нѣа сѡсѣго сѣотѣрѣнѣа
 прѣрѣбѣи ѡстѣ дѣнѣ кѣрѣнѣз прѣзѣнѣкѣ, ѹко вѡплѡщѣнѣе по зѣчѣтѣи ѿ сѣмѣ
 дѣбѣа мѣрѣа. вѡторѣе рѡжѣнѣе. прѡсѣвѣщѣнѣе. г. ѡ сѣртѣи ѡщѣнѣнѣи дѣнѣ д. прѣ-
 сѣлѣнѣе вѣскрѣнѣе. бѣнѣ бѡ нѣподѣи бѣвѣз сѣтѣа нѣшѣ, кѣскрѣнѣи сѣ сѡсѣи прѣнѣлѣи
 и бѣрѡкѣлѣшѣи .г. ѣже на нѣво кѡзѣнѣнѣе ѡко в чѣтѣрѣтѡкѣ нѣдѣлѣнѣго
 дѣнѣи. бѣ .г. ⁹⁰ чѣлѡвѣ бѣжѣ мѣртѣвѣи бѡскрѣнѣе, бѣлѣи прѣймѣнѣи дѣнѣ. ⁹¹ тогѣи
 прѣзѣнѣкѣтѡ нѣчѣтѣнѣо, сѣз мѣногѡ радѡстѣи и кѣсѣлѣи, хѡтѣщѣи нѣслѣдѣе нѣжѣ-
 же ѡуѣо нѣ слѣшѣа и ѡко нѣ видѣлѣ. ни на сѣрѣцѣ чѣкоу нѣ бѣзѣде, ѡ ѡу-
 гѡтѡвѣа бѣжѣ лѣвѣщѣи егѡ ѿ сѣи тѣко вѣсѣдѡустрѣ чѣтѣнѣи зѣмоустрѣ. По
 сѣи же прѣи цѣрѣкѣи, тогѡ ѡустрѣнѣлѣ, нѣзѣше мѡре ѿ прѣдѣлѣз сѡклѣ, зѣ тѣри
 поплѣщѣа, вѣз стѣрѣнѣи дѣрѣкѣнѣскѣлѣ, и бѣи мѣногѣи и бѣла погѡсѣвѣи и чѣкѣи мѣно-
 гѣи потѡпѣи. и пѣкѣи бѡбѣрѣтѣи и бѡстѣа нѣрѡ гѣлѣмѣ зѣленѡспѣнѣи нѣмѣногѡ ⁹²
 мѣподѡвѣи. вѡсѣщѣнѣеи и ѡуѣнѣнѣкѣтѡ. и зѣжѣнѣе ко гѣрѣдѣ сѣтѡвѡрѣшѣи, и на

нѣтъ цѣла иплѣта на подрѣуміи. многыже стѣишима людѣ, напольшию подрѣумію людѣ. побелѣ, ісустѣииз людѣ. еси. і боѣ шкы съвше ннѣи, ннѣе. сннзъ сѣдланицы. стрѣляюци ⁹³) ннѣиша .дл. в ннѣже иплѣта моч оукии іко црѣкии кениць на іа возажи.

Стѣи стѣма софѣа прѣрости вѣіа. Црѣкии вѣіа софѣа. прѣглад дѣа вѣа. (т) Опрѣчь вжѣвнннѣ дѣа, ннѣгладнаго дѣытка чѣста, снн рѣиши мрѣсти истинна; **стн.** Імѣе на главоу хл. (т). Оалба во ⁹¹) мрѣсть ⁹⁵) тнз и слово вѣіе. **стн.** Прогѣртѣ ннѣа прѣкыпрѣ гдл. (т) Прѣклѣи во ннѣа. и снн бѣ дѣоу чѣдоу. і ннѣко во и ловаѣ дѣыство подовагѣа вѣи. сѣа во рѣ снз и слово вѣіе. гл іт хл ловашии бо дѣытко, рѣжѣа саскѣа дѣтѣлнѣа. рѣише неразѣумныа наоучѣютъ, **стн.** Оію же козлюки прѣтча и крѣгла, крѣти гдл. (т). Оуставѣа дѣытка. показавѣа жестокѣа ѡ вѣѣ житнѣ. **стн.** Імѣже дѣытко лице дѣи ѡгннѣо. (т) Огнѣ во іт вжѣтко, попаламѣ стрѣсти тлѣвшнѣа прѣскѣнѣа дѣоу чѣдоу; **стн.** Іматѣ на оушнѣа чѣрци ⁹⁶), і нн інглѣи імоу (т). Житнѣ во чѣо сѣа інглѣи равнѣ і чѣрци соутѣ покойнѣи сѣго дѣа. **стн.** На главоѣ іа кннѣа црѣи. (т) Оаврѣнна ко мрѣсть ⁹⁷) црѣтѣоуѣ стрѣтѣ. **стн.** Оанѣ прѣдѣанѣа ѡ чѣсѣѣ (т). Овѣа старѣишиши стѣа и сѣльствѣа ⁹⁸). **стн.** В роуцѣѣ дрѣжашѣ екипетрѣа. (т). Црѣкѣи снз. **стн.** Іматѣ крѣлаѣ ѡгннѣѣ ѡрлн. (т). Внскопарнскѣа црѣство ⁹⁹). и разоу скорѣа ѡблѣствѣ. снлѣ ко зрѣна сѣа ітнѣа, ловашии во мрѣсть. ігда во вндѣи лѣбѣа вѣше козѣтѣлѣтѣа тѣко во ловашии дѣытко. ннѣоудѣа оулавлѣннѣи вѣкѣютѣ ѡ лѣбѣа днѣвола. **стн.** В шѣуцѣи іматѣ свѣтѣа напнѣнѣа. (т). В ннѣмѣ соу на пнѣнѣа нѣдѣѣѣ. дѣма іскрѣкѣнѣа тѣннѣа. рѣише прѣдѣнѣа пнѣнѣа вндѣтн. ннѣо сннѣа ко соутѣ вжѣтѣнѣа дѣытка, нн інглѣа, нн ічѣо. **стн.** Олѣкѣ інѣи же свѣта срѣтѣа, на ннѣмѣ снлѣ. (т) Оного ¹⁰¹) воудѣуѣаго свѣта по кннѣи ікѣлѣтѣа. **стн.** Оутѣрѣжнѣа сѣднѣо сѣднѣа. (т) Оіа інѣо дѣа дѣрѣкѣннѣа. чѣо ко ннѣнѣи прѣнѣтѣѣ пнѣнѣа. **стн.** Ннѣзѣ імѣа на камнн. (т) На іт ко рѣ камнн сознѣоу црѣкѣа мѣю, и пѣкы рѣ на камнн мѣа вѣрѣи оутѣвѣдн. **Софѣа прѣрѣствѣ вѣіа.** тоікованнѣе стѣнн соборннѣи. и іплѣствннѣи

ЦРКВИ. ДѢСТВО ШРА КЖИ, Ш ДЫ ВО РОДИСА ГДЬ. ДѢСТВО ПОЧТЕ. ІЛНКО ВО ВЕСЛОТЕНЯ І ВІТЕЛЕНІЯ ГДЬ, ТОЛНКО ЧТОТѢ І ВІСТАЛЕНІЮ ПЛОТИ НАШЕ РАДОУЕТА. ДѢСТВО ІЛПОЛНАТЕ ГОРИЛО ТВАРЬ І МѢСТО, І ІСТОЦІНША ШЛШІН ІНГЛІ. ШЛНКО ВО ІНГЛІ БЫШЕ ЧІКЪ СМРТНЫ. ТОЛНКО ДѢСТВЕНІЕСТВО, ЖЕНІШУСА ЧГНѢ. ІЛКО ПО ШЕРАСУ БЖІЮ ЛѢЛО НЫ ЕСТЬ ЖИТИ ХЪИ, ПОЧЕТИ ДѢСТВО ПЛОТІ ТЛѢНІА І КЛА ОУБѢГЛЮЩЕ ¹⁰¹), І ДНКО НЕТАЛЕНОУ БЫТИ ЧІКОУ ¹⁰²) ВІ ТЛА ЧТОТОВ ХЪИ КОПЛОШНІЕМЪ МЕТАЛЕНО Ш ДЫ. ПРИКЕДУУТА РЕ ЦРО ДЫ ПО НЕІ. СІПРЕ ДѢСТВЕНІЮ ДША. ТѢМЪ СКОР-ВЕНТЕ ¹⁰³) СЛАЗ ВО НЫ ШЕРА ГЛА ІДѢ А ВОУДОУ ТОУ І СЛОУГА МОИ ВОУДІ.

СОФІА ПРІМРОСТЬ БЖІА. ТОКОВАНІЕ СТЪИ СОФІИ. ¹⁰¹) І АПЛѢСТІИ

ЦРКВИ. ЦРКВЬ ЕСТЬ ІВО ЗЕМНОЕ, І ХРА БЖІИ СЛБѢ ВО В НЕИ БА АЖЕ ¹⁰⁵) НА ІБСИ. ВЕРХЪ І ЦРКОВИИ ¹⁰⁶) ГЛАВА ГЛА І ШЛАТАРЬ І ПРТАЯ КЖИ ¹⁰⁷). І ТРАПЕЗА ПЕРСИ ГЛА, ІНДИТІА ¹⁰⁸) ЕСТЬ ПѢДРА ДБЛА; ІНТИМІНЪ ЕСТЬ ІЛПСАІ-НЫИ ТИТЕЛЪ НА КРѢКЪ. ІЛН ПЛА ІМЖЕ ЗАКРЫША ОЧІ ІМОУ ВІЮЩЕ. ПРЪЦЫ ХЪ, КТО І ОУДАРИВШІ ТѢ, І БУТЕСА ЖЕ, НА ТѢ НЕИ, ІЕРѢКЪ ¹⁰⁹) ЛЖІШЕ ПАЛТЪ ЯЛА, НА НЕМЖЕ ІЛПСАІНЪ ПРІВѢ БЖІИ ІЛКЛАМЪ ІМА БЖІЕ, АЗЪ ЕСМЪ СМІ. ЛІТОНЪ ЕСТЬ ПЛАЦІНІЦА, ІЮ ШѢКИ ІШОФЪ ХЪ. ЛН ПЪКЪ ЛІТОНЪ ЕСТЬ. ШДА ПОСА ПАЛТЪ МЕНІКА ПО ІТА ЗБА НА СОУЩЕ. СЪ ОУШЕКА СВОІ СЪ ГЛЫ ПРСТРЕ ПО ЗЕМЛЮ ¹¹⁰). ГДНЕ ПДОУ СТОУПАІ І ПРІДЕ НА СОУЩЕ, ЕДА ПРІДЕ К ПАЛТОУ ІТ. ШБА ПОЛЪ ЕГО ВАХОУ ¹¹¹) СКІПЕТРИ. І ПОКАЗІШАСА СКИ-ПЕТРІ ІБСИ, НЕДВИЖІМИ ІНКИМЪ. ТД РАДИ КУО С РІПЦІДІАИ ТВОРА. ДНКО ЕСТЬ І ПОТИРЬ ШЧИ ГІИ. І ПАКИ ПОТИРЬ І ШЗБА КОПЕНІА. ІМЖЕ ДА БКОУСА КСИ ВЖЕТА. ОФІНЪ ЕСТЬ РЕБРА ГЛА. ІСОУДАРА ¹¹²) КЪ ОУКРОУСА МѢСТО ІМЖЕ КЪ НА ГЛАКЪ ЕГО. ІІІРЪ ЕСТЬ ШКЛАКЪ ІНІНЫ. ІМЖЕ НА СБІНІЮ ПРЪКАГО ЗА-КОНА. І АЖІЦА ЕСТЬ СГЛА ВЦА, ПРІМШІН НЕНЫИ ХЛѢ ХЪ КЪ ЧРѢКЪ; І ДОРА ХЪ. І КАЛІНЦА ЕСТЬ, ЧЛОКЪСТВО. І ШГНЪ ВЖТКО. І АНІМА ДХЪ СТЪИ. І СЪКТИНІНКА ПРІТЧА. ІЛН СТУРЕОУЩЕ КОПІЕ ОУ ПОРЕДЫ. ШЛАРА МЛА ШБА ПОЛЪ, РАЗЛОУЧІІА РА ПРІКЪ І ГРѢМНЫ. І ТОІНЦА ¹¹³) ШЛАРИИ СОУТЬ КОЛѢНА ГЛА. ДВЕРІ НЕНЫИ ЧІНЪ, АНГЛЪКІИ. ІЛБОНЪ ЕСТЬ ГОРА РІЕНЛА. ПО ПРДОКУ, РЕ ВО НА ГОРѢ РІЕНЕ ВОЗНЕСІ ЗНАМЕНІЕ. ЗНАМЕНІЕ СТОЕ ІУГЛІЕ.

Обѣтила шѣи помы соуть. Англы судѣша соу главы. и соу ногоу ко грѣ-
вѣ гниѣ. Или плавы, яко есть, шѣбаленыи камень шѣ грѣ, Дѣаконѣ на
якошѣ англѣ и судѣны на грѣвѣ и казнѣи преспѣвѣдѣ. Паникадиля
соуть взинѣ и стрѣгоущи грѣва. Привожникъ ѣ, по перкомѣу законѣу
стѣлоуѣу во кнѣ кнѣ до сажениа іерѣика, ¹¹¹⁾ и излазѣхуѣ. Главѣу црѣкѣноуѣ
архипѣа хѣ. а шѣю. аплѣ. а павоуѣи ¹¹²⁾, ѣдлиѣи. а поаѣз пазиниѣу, а
акѣри шѣтарѣ шѣра шѣтѣкѣ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

*I. Выписка изъ Хронографѣа по рукописи первой половины XVI
вѣка, въ листѣ; принадл. профессору О. П. Буслѣву.*

(л. 290 — 291).

Глава 137. Оѣи сѣзда црѣкѣ хрѣмѣа вѣа мѣсто. нѣбо нижнѣе ѣмоу
лпѣ и сѣрѣлѣи дѣкащѣса чюдѣтѣса. ѣще во изколѣтѣ вѣхъ житѣи в рѣ-
кѣтѣреннѣи. в ѣи камаѣси превѣкѣѣтѣа. и гдѣ во иудѣ. і ѣгда помѣсли
такоѣа тѣворѣти црѣ. а гдѣ показа ѣмоу вѣхъ во шѣкѣ здѣнѣи црѣкѣноѣ. и
полаженѣо вѣи ѣсновѣнѣи црѣкѣвнѣи стѣны чѣлѣгѣтѣа .к. лѣко. а вѣдомѣ
стѣо сажѣнѣ шѣрѣнѣи прѣтѣборѣкѣ. а сѣтѣурѣи прѣтѣборѣ. рѣ. сажѣнѣ. а
прѣтѣборѣкѣ рѣиѣи црѣкѣи соу нѣа тѣѣ. колѣко дѣнѣ в годѣ. на всѣчѣ дѣнѣ
црѣкѣ. в кѣѣгоѣ стѣго ѣма. Оѣвѣраѣе на такоѣеѣ дѣло дѣнѣ во кѣ
црѣтѣи на .н. шѣтѣрѣѣѣ. .х. кѣнтѣнарѣи злѣта. а сѣврѣа. .к. кѣнтѣнарѣи. і
ѣдѣнѣз кѣнтѣнарѣи ѣмѣтѣ стѣо и .н. лѣтѣрѣ. а лѣтѣра поѣторѣи грѣкѣнѣи а
золѣтѣнѣкѣкѣ .ѣк. в лѣтѣрѣ. И чѣлѣко соуѣво црѣ тѣцѣнѣи ѣмѣѣ на тако-
ѣоѣ вѣтѣвѣнѣоѣ дѣло. не тѣчѣю наѣдо ѣсновѣнѣи. но ѣгда сѣздаѣахѣу дѣа
нѣдѣсѣа радѣѣкѣ. тогда патѣрѣѣрѣѣ сѣз епѣкѣи и сѣз сѣѣнѣиѣнѣи лѣтѣкѣу тѣко-
раѣхѣу. и мѣѣи стѣи (мѣѣѣѣѣ) полаѣахѣу по стѣнѣ. ѣще сѣтѣрѣи и до кѣрѣхѣу.
ѣ злѣтѣ ѣ дѣстѣ сѣмѣ злѣто а гдѣлѣ. Недѣстѣлѣшоѣ злѣтоѣу. но кѣе
соуѣжѣ црѣкѣѣ ѣмѣнѣиѣи ѣтѣрѣѣи и сѣкѣрѣаѣше црѣ. шѣнѣса ѣмоу а гдѣлѣ вѣтѣи

КЪ ОУКРАСѢ КЪКНИЖИКА. И ГЛА ІАКУСЪ ВОСАМЪ І А ТРИѢ ДА ЗАЛТА ІАМНО
 ТРЕДЪШЕИ. ЦРЬ ЖЕ ВОСАМЪ НА ДВАДНАТИ БОСЪ. И ВРНДОША НА МѢСТО КА
 ЖИЖИКО ГЛАМОСЪ ТРИСУГЛАСНО. И СВЕРЪТОШАСА ВОСАТЫ КОСОДАННА ОУКРАСѢ
 КЪКНИЖИКА ІДИНО И БѢ ВОСАМЪ ЗАЛТА. И ВОСАМЪ БОСЪ СКОД ВРНДОША КЪ
 ЦРЬ. ЦРЬ ЖЕ ПРИБИО И ВЪ РѢ КИТИВІАРИ. ВОСОЛЖИ ВОСА ЦРЬ ВІДѢТИ ВО-
 САТЫ НА ТО МѢСТО И НЕ СВЕРЪТОША НИЧТО. И РАЗСУМѢША ІАКО МѢТЪ БѢ
 БЖІИ І ПРАСАКНИША БГА. **Ѡ ТРѢ ѠКОНЦЕХЪ. И** ВОСАМЪШАСА ЦРЬ СОТКО
 РИТИ КЪ ПЛАТІА ДКА ѠКОНЦА ПАСОДА ТРА. И ІЕНІА ІГГЛА КО ОУКРАСѢ
 ЦРЬА ВОСАМЪШАСА, И ВОСАМЪ ТРИ ѠКОНЦА СІТКОСІТИ КЪ ѠКАІ РИИ ѠЦА
 И ГЛА И СГО ДХА. **Ѡ ИЛСНОКІАТИ ПРЪККИ ѠІГГЛА.** И ІАКЪ КЪ ІАНО-
 СѢ РАЗВЪШАІИИ ЦРЬ Б КО ІАМА ПАРІИ ЦРЬКА. И БГА ѠТОМОША ХИ-
 ТРИЦА НА ѠБѢЛЪ КЪ ЦРЬ. ПОСТАКНИША ѠТРАСЪ СТРИЦЪ СРЪДІЕ. И ІЕНІА ІГ-
 ГЛА ГНЪ КЪ СВРАЗѢ КЪКНИЖИКА, И ВОСАМЪ ѠТРАСЪ РИЖЕ ІДИ И РИИ ДѢЛЪ
 ТІАМЪ, ДА НЕ КОСАМЪ ТАКО СТРИЖИ НЕ ХУСТАШЕ ѠСТАВІТИ СРЪДІА И ВО-
 ПУИ. КЪКНИЖИКА РИЖЕ А КІАНОТІАКА КО ІАМА СОДІА ПРАСАСІТИ БЖІА ІАКА
 КО БГОЖЕ ІАМА ЦРЬКА ПІА СІЖЕТІА. ІАКО А СТРИЖЪ ПРАСТАКІЕ ІАМА ЦРЬКА
 ІА ѠТРАСЪ ШЕ ІАКА ЦРЬ. СІЖЪ ПРНШЕ НИКОГѠ СВЕРЪТЕ. И РАЗСУМѢ ІАКО
 ІГГЛА БЖІИ БѢ И ПРАСАКНИ БГА. И БІАДРАМЕСА ЗЕЛО ІАКО ІЕН ІАНО БЖІ
 КІАКО ХУСѢ ПАРІИ ЦРЬКА. ТОІАКО ПОСНАІЕ ВОСАЖИ ЦРЬ. ІАКО ПРНЖИ КѢ
 СІАМЪ ІАКА ЗДАНІЕ БРНІЕ И КІАМЕНІЕМЪ И ВОТО ВОСАМЪ ІГО И БЖІ ХИ-
 ТРИЦА. ПРНГЛА ЖЕ ЦРЬКЕНЫИ ІАКЪ СІТКОСІА СІВАРНЪ ІДИНО ЗАЛТО И СІМРО
 И БІАСІЕ. И КІАМЕНІЕ ІАКОСЦЕНІКО И МѢДЪ И САСЕС. И ШІАЕЗО И Ѡ БѢ
 КЕРНЪ, И ВАСЖИ Б ГОРІАМЪ. І БГА ІАКЪ ІАКАСА СОІА ТРАП(СЪ) КІАНО
 ІА. И ВЪ КРАСОТѢ ТРАПЕСЫ ПРНѢ ПРНГСОА ПРНЗЕРІИНА. И ПРНДОМАІА
 СІАМЪ ЧІАВЮ. ЗАМЕ СІКО СІКОСА ЗАЛТА ІАКАІИНА ѠБСОДА СІМЕРНА. ѠКО-
 ГА ІАКО КІАМЕРЪ ДРАГІИ. И ѠКОСА ІАКАО. ІАКЪШЕ ЖЕ ЗАЛТО И СІМЕРОМЕ
 И КІАМЕНІЕ ДРАГІ СІКРАСІ ТАКО И ДБЕРИ. ІГО НЕ МОЖЕ ОУМЪ ЧІАВ ВО-
 СІАІІІТИ. И ПОКРЕБЪ ЦРЬСЕМЪ ТАКО ЗАЛТО ОУКРАСІ. КОХУОТЪЖЕ И МОСТЪ
 ЦРЬСЕМЪ БѢЪ ПРНБРНЪ ІАКЪСІТИ. И БІАЗВРНІИЖЕ ВЪ Ѡ ЗЕБІАДОМЪ
 ІАКО Б ПОСАДАНІИ ДНІ БДІЕ ГЛУХУ ЦРЬКО ТІАМНОСЪ И БІАЗМЪ ГРАДЪ. БГАІ

соверши зданіе и оукраи бѣльскими добротами. со мною радостію
 молѣша црь въ цркви глѣ. супремодрѣбѣ та есаомоні и прѣа. со-
 твори перѣ есѣ гражданств и пришеце на многі дні, иже пребоудѣ
 мѣного чина.

II. Варианты по рукописи Синодальной Библиотеки
 XVII вѣка, № 818.

- | | |
|-----------------------------|----------------------------------|
| 1) Пѣвѣ. | 22) Прибавлено за этимъ: |
| 2) и есѣо лѣкнѣ. | тѣтъ. |
| 3) иринѣ кетѣи. | 23) Этого слова нѣтъ. |
| 4) на дрѣмѣ дѣх мѣвъ. | 24) и кокѣ. |
| 5) После этого слова при- | 25) ирѣ. |
| бавлено: кетарь. | 26) миѣникѣ. |
| 6) и поствлнмъ иствѣнѣ. | 27) мшлѣ. |
| 7) и прѣа иже достѣи цркви. | 28) Этого слова нѣтъ. |
| 8) лѣкнѣ. | 29) прѣбора. |
| 9) рѣны к ширѣтъ и рѣны к | 30) бездѣлаша. |
| дѣготѣ: рѣны к мѣрѣ. | 31) издѣннѣ. |
| 10) бѣшь. | 32) к члѣнцѣ. |
| 11) ни. | 33) вознесш. |
| 12) естерѣ. | 34) и великимъ столпомъ римскимъ |
| 13) не. | стѣшнмъ зелѣнѣ. и мраморомъ |
| 14) Находятся пропущенныя | и есѣлѣ постѣлѣннмъ. во цркви |
| за этимъ слова: и на. | иже по берѣ и по комары. |
| 15) лѣдскѣ. | 35) много тѣлннѣ и мѣа. |
| 16) Этого слова нѣтъ. | 36) вѣгдаашѣ. |
| 17) дѣмннѣнскѣ. | 37) пѣвланнми. |
| 18) комары | 38) возвѣша же стѣнѣ. |
| 19) шѣнованнѣ. | 39) знитѣлемъ. |
| 20) ирѣцѣа. | 40) лѣнники. |
| 21) кѣчнаго. | 41) же. |

- 42) **СОФѢ** ѡ **СОФѢ** **И** **МАМА**.
 43) **Послѣ** **этого** **слова** **сто-**
итъ **пропущенное** **въ** **на-**
печатанномъ **спискѣ**: **и**.
 44) **ГОРѢ** **ЗДАНИЮ** **ЗДАНИЮ**.
 45) **ГЛА** **ЦРЬ** **ЗДАНИА** **РѢ** **ЦКО** **И**
ИМА **СОКЕРШЕНЬА** **ЗДАНИЮ**.
 46) **ДА** **ПОКЕЛЕНИИ**.
 47) **СТРАТИГА** **МАГИСТРА** **И** **КАСАД**
СТРАИТЕЛА.
 48) **И** **СНА**.
 49) **ПО** **ШКОЛОМУ**.
 50) **РѢ**.
 51) **Находится** **пропущенное**
за **этимъ** **въ** **напечатан-**
номъ **спискѣ** **слово**: **бѣ**
 52) **И** **СЪТЪ** **ИДЕЖИМА** **БѢМЪ** **СТЕ**
ИМА.
 53) **БЕЛИИ** **НАЗНАМЕНА** **И** **ТАКО** **БѢ**.
ПОСРѢ **ЕА**.
 54) **ЗДАНИА**.
 55) **Ѡ** **СОЗДАНИ** **ЦРКОВНЕ** **МАТКО** **ТЕБѢ**.
РАХЪ.
 56) **КОМАРЫ**.
 57) **с** **ПЕРЬЯМИ** **И** **СТОРОНИИМИ** **Ѡ**
КРЪТЪ **Д** **ПРИТКОРЫ** **КА** **ПОКРЪКЪ**
ПОЗЛАТИ.
 58) **ДБЕРИ**.
 59) **И** **САТАСА**.
 60) **ЕГДАЖЕ** **СУСТЪДѢ**.
 61) **КОГДАЖЕ** **ВО** **И** **ШКОИ** **ЗРАКЪ**
СОКЕРШАЮ.
 62) **ОКОГДАЖЕ** **Ѡ** **СКАСА** **ИЛИ** **ВРЪДАМА**
ИЛИ **ИДЕЖИМА**.
 63) **И** **МАТКОРА**.
 64) **САКОВЫ**.
 65) **СТРО**.
 66) **КЕСЕБЪИГО**.
 67) **ИЗКЪСТИСТА** **ВО** **ЕМА**.
 68) **МЪСАЖИ**.
 69) **К** **МАТКОСАИ** **МЪСТО**.
 70) **СТОЛАНЦЕКИ**.
 71) **И** **ПРИМАВЪИ**.
 72) **ПОСТАВЕН** **ЗАЛАЧЪИТЕ**.
 73) **Послѣ** **этого** **слова** **сто-**
итъ **пропущенное** **въ** **на-**
печатанномъ **спискѣ**: **за-**
иже **и** **иже**.
 74) **ЗАЛОСОНИИМИ** **И** **МАНОРАИИ**
ИЛИМИ.
 75) **ИГОЛЦЕ**.
 76) **ИИДѢ** **ЗАЛТЫ**.
 77) **ПРИТАЖИИИ**..... **Ѡ** **ИИДѢА**.
 78) **Послѣ** **этого** **слова** **при-**
бавлено: **И** **МА**.
 79) **Ѡ** **КОБНЫА**.
 80) **ДО** **СТАТЕ**.
 81) **ТОКМОДѢ**.
 82) **ДАЖЕ**.
 83) **Это** **испорченное** **мѣсто**
читается: **БЕЛИИ** **Ѡ** **ЕО** **КО**
СТАНИИ **Ѡ** **САРАЖЕ** **ЦРА** **ПЕР**.
ТКАГО **И** **Ѡ** **ИИ** **МА** **МАНО** **ВЪТАКИ**
ПРИМАТИ. **ИЖЕ** **Ѡ** **ЕДИИ** **ГО** **ЕИИ**
ТА **ИМА** **УКНАЧЪИИ** **ТАКОСА**

- црѣки кромѣ цѣнныа гостѣ. 100) иного.
- 84) како влещишеса. 101) забѣлающе.
- 85) кождо. 102) аюо.
- 86) шмоуенинѣ. 103) не скорбяти.
- 87) Это слово пропущено. 104) Эта очевидная описка не повторится въ спискѣ № 818: говорю.
- 88) да худаши емазъ въ црѣки и спатикии.
- 89) Послѣ этого: кепревъ а, котковъ и кокошѣ а. 105) аюо.
- 90) Послѣ этого пропущено: стго дха пришествие, з члемео вгѣма мрткымъ ескрнѣ. 106) Врѣ цркви ѣсть...
- 91) вельми непремѣнный днѣ. 107) Послѣ этого прибавлено: или пски олтарь ѣсть гревъ гнѣ.
- 92) многихъ псодобныхъ. 108) индѣтъ.
- 93) обы же сьыше инниже сннзъ сѣдалища стрѣлающе. 109) іерее.
- 94) галка. 110) Послѣ этого слова прибавлено: и рѣ.
- 95) мадрости. 111) внахъ.
- 96) тороцы. 112) исцара.
- 97) смрениа бо мадрость. 113) столпци.
- 98) Этого слова нѣтъ. 114) посланна іереека.
- 99) выскопаркоі пррчнѣс. 115) пазъхъ.

РУССКІЕ ИНТЕРЛЮДИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ давняго времени въ духовной драмѣ среднихъ вѣковъ смѣшались трагической и комической элементы. Съ тѣхъ поръ, какъ наравилъ съ духовными лицами въ представленіи мистерій приняли участіе міряне и гистріоны по профессіи, съ тѣхъ поръ, какъ мистерія начала постепенно оставлять свою первоначальную сухость и простоту, отступая болѣе и болѣе отъ библейскаго текста: комическій элементъ разрастается въ ней въ ущербъ ея исконной задачѣ — быть простымъ и нагляднымъ объясненіемъ Св. Писанія. Самое расширеніе объема мистерій не могло пройти безъ вліянія на ихъ характеръ. Часто нужно было нѣсколько дней, даже нѣсколько недѣль для представленія мистерій: и публика и дѣйствующія лица не могли не утомиться, не могли не почувствовать потребности освѣжить чѣмъ-нибудь однообразіе всѣмъ извѣстнаго сюжета. И вотъ среди разговоровъ библейскихъ мужей и святыхъ является шутъ съ своими остротами и насмѣнками, и торжественно-важный ходъ мистеріи смѣняется самою несдержанною веселостью. Мало по малу юмористическія выходки, вносившіяся въ мистерію и часто доходившія до полнаго профанированія главнаго содержанія пьесы¹⁾,

¹⁾ Любопытные прицѣты этого представляетъ «Histoire du théâtre français depuis son origine jusqu'à présent». Paris. 1715 (par les frères Parfait). I, p. 297; II, p. 5, 70.

разростаются въ цѣлыя сцены, интерлюдіи. Въ Англіи вмѣстѣ съ *moralities* образовались такія *вставочныя сцены*, *interludes*, которыя получили особенное распространеніе въ XVI вѣкѣ и могутъ быть разсматриваемы, какъ зачатки комедіи. Любимецъ Генриха VIII Джонъ Гейвудъ († 1565) приобрѣлъ особенную извѣстность интерлюдіями, которыхъ онъ оставилъ семь ¹⁾. Въ нашей литературѣ, не особенно богатой и мистеріями, интерлюдій (особенно въ первое время) не могъ получить большаго распространенія, потому что мистерію старались держать въ строгой вѣрности библейскому тексту. Древнѣйшій образецъ у насъ интерлюдія представляетъ, сколько мнѣ извѣстно, драма объ Алексѣѣ, Божіемъ чловѣкѣ, цѣликомъ перенесенная къ намъ изъ Польши въ XVII вѣкѣ. Тѣмъ драгоцѣннѣе предлагаемые интерлюдіи первой половины XVIII вѣка.

Отлагая до другаго времени разборъ ихъ, теперь необходимымъ считаю только прибавить, что они напечатаны съ рукописи Императорской Публичной бібліотеки, второй половины прошлаго столѣтія (XIV Q, 19) л. 98 и слѣд. Ею пользовался г. Пекарскій, составляя статью свою «Мистеріи и старинной театр въ Россіи»; но въ приводимыхъ имъ отрывкахъ многое произвольно переделано и до такой степени искажено, что во многихъ мѣстахъ нѣтъ смысла.

Н. Тихонравовъ.

¹⁾ Flögel, *Geschichte der komischen Literatur*, 1787, IV, 206 sqq.

Интерлюдіи или междуброшенная забавная игралица.

—

1. *)

Какъ то нынѣ люди увидали глубоко!

Какъ то жить въ міръ несносно и жестоко!

Послѣднія бо времена, видимъ, что приспѣли:

Бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцовъ антихриста
зрѣли.

Подобаше ему принти на землю, когда нашу старую вѣру
попрали

Никонщики проклятые, свою же нѣкую нову, незна-
ему откуду, взяли;

И не токмо вѣру нашу стару, свату и Богомъ устроенну,
Стоглавьемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну

Попрали, но и платье долгое ужъ премѣнили,

Еже апостоли святые и пророки носили:

Русскіе нынѣ ходять въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглыя картузы.

И тое они откуду взяли, сѣ недоумѣваемъ,

И сказать о томъ истинно не знаемъ.

Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняють:

Свои брады наголо желѣзомъ обривають.

Человѣци ходять якъ облезяны:

Вмѣсто главныхъ волосовъ носятъ паруки, будто Нѣицы
поганы.

Куды убѣгнемъ отъ строящихъ раздоры

Нашей вѣры старой? въ воду и въ горы?

Не вѣмы: уже бо и въ Брынскомъ лѣсу

Не можемъ укрытиса, идѣже и бѣсу

Не можно найти было; новыя же вѣры люди

И тамъ насъ нашли, на погибель ищущи всюды.

Извлекши же насъ изъ Брынскихъ лѣсовъ, понужда-
ють итти своєю,

*) Въ рукописи пропущено, что этотъ новологъ принадлежитъ раскольнику.

Новыя вѣры своей Латинской стезею.

Какъ Соловки отъ народу много удалены!
 Но и отгуду мы бѣдные совѣмъ извержены,
 Скитаемся гонимы, не имѣя гдѣ (главы?) подклонити,
 Или бы ученіе старой вѣры распространити!
 Наипаче насъ разоряютъ тѣ Латинскія школы,
 За конми намъ простой по улицамъ учить народъ
 нѣтъ воли.

Нѣсть спасенія во градѣ! Спасеніе живеть въ пустыняхъ:
 Погибнетъ всякъ, кто не пребываетъ въ лѣсныхъ!
 У насъ въ пустыняхъ толки и скиты различны,
 Всякое у насъ богатство и всѣ жены лчны:
 Зачимъ здѣ во градѣ для размноженія свой плодъ оставляю,
 А самъ къ своей паствы въ пустыню ступаю.

2.

Отходитъ расколникъ и приближаетъ цыганъ.

Цыг. Чхабей! чхабей! чхабей! ха! ха! се жь и я панове до васъ
 завѣтавъ,
 Ходить-бродить я тутъ таки на начлегъ заставъ.
 Бидна моя головонка! якая то моя хорошая урода!
 Якъ то мнѣ было отъ юценка панованіе и выгода!
 Якъ же то було насъ и не шаковати?
 Наше то дѣло дѣти: замки ковати, людей ошукovati.
 Та и жаданчата мой не послѣднее ремесло мають:
 Бо куры красти, дѣтей манити, добръ же узнають,
 А якъ бы солонину, аль бо пороситину, хоть бы подъ
 небесамъ знали,
 И выттуль бы якъ колвекъ ужъ бокрасти себе догадали!
 А коли поворожить о щастіи и приходѣ, — то нехай поидеть
 до моей Слехи:
 Обголитъ его добръ, хочь не поможетъ ни крохи.
 Бачится, и заданчата и Солоха и я доброе маскъ ремесло,
 Но побачили бѣ вы и сами, панове! только не добръ
 ихъ занесло.
 Сподѣваюся, что за промысломъ всѣи разошлись,
 А чѣмъ бы на сало, альбо клябасу чи не zdobyлися:
 Бо ужь бѣдные жаданчата третій день по тѣмъ
 Трохи, з голоду совѣмъ не отдѣли;
 Я бы и самъ натрепался хоть собачины,
 Коли не ма пороситины альбо солонины.

Concertitur ad aviculas.

Что се за птица? Чи не изъ Египетскаго ли края залетѣла?
Якій хорошій нусь! А гдѣ твои крыла?

Cigano loquente, exil Litvanus.

- Лит. Агу, агу! пойдзіомъ пчолки выдирать,
Боловыхъ кошекъ бить и медокъ поѣдать.
- Цыг. (*Tuzo*) Ось ежъ чортъ несетъ Литвина!
- Лит. Охъ какой хорошенкій! какъ моя дѣвица!
Здоровъ будзъ, веселись. Цыг. Не жартуй, Литвине!
Бо всего сер.... скарбую, негодны сыне.
- Лит. Не ворцы ты; еще мнѣ старику поклонись!
Да, якъ на свѣтѣ жиць, отъ мене науцись:
Я ця научу кійлы наводзиць и всіого знахарства.
- Цыг. Цортъ ты зъ знахарствомъ бери! Лутцѣ не будетъ отъ
моего коварства.
- Лит. Чтось ты всю суда заглядаешъ?
- Цыг. Пойди, собако! птахъ мнѣ злякаешъ.
- Лит. Не бось, не злякаю: когда намъ около тово змолоду водилось,
То ето всю лихо узъ добрѣ нивловъ.
Та знаешъли, что это за птица?
- Цыг. Угадай; я же самъ бачу, что перепелица,
Отъ только, что безъ крыль. Литв. Не такъ,
Ето заморскій дзиковиннѣ птахъ.
- Цыг. Може, птахъ и заморскій а ось, яки уши велики:
Чи не соколь якій, albo чи не пивекъ дики.
- Лит. Не знаешъ, что говоришь. А ето соколь маць,
Ночница, толькоже грѣхъ ее выдзираць.
- Цыг. Ось я толко поглизу; се бачу: и янца подъ ней зъ болтунами,
Чи не чортовъ выродокъ? Л. Не самъ забирай: дѣли съ
нами.
- Цыг. Забирай; поглядимъ тылко другое.
- Лит. Какъ первое, и этожъ такое.
- Цыг. Поглядимъ болше, се такеежъ.
- Лит. И это такеежъ. Ц. Все, бачу, одного роду.
- Цыг. Чи не твоего собачяго Литвинскаго породу?
- Лит. Храни мене Богъ, чтобъ у мене якое лупились дѣви.
Смотри не порви, проклятой колдунъ, свѣци.
- Цыг. Може, ктось и нашовся охотникъ купити
Такую пташку, чтобъ у себя расплодити?

Якъ бы въ Корелевцѣ, албо въ Ротнѣ съ охотою купили!

Еще бѣ и колбасою нашему брату доплатили,

А за одинъ кусокъ сала ни слова:

Тобѣ нашъ братъ набѣся, якъ брюшна попова.

Лит. Що мно думать? на ярманокъ побѣзюмъ

И за эту диковинку много дзснежокъ наберюмъ.

Цыг. Тебѣ приходится запречатись, бо не ма кобылы:

Одна кобыла была и ту вчера волки задавили.

Лит. Ещо я потярну, то болше мнѣ дася платы.

Цыг. Да добро! только впрягайся, а я умѣю погоняти:

Плеча добрѣ вытягай и горбѣ выворачай.

А куды сергой пожегъ швитка не пускучай.

И такъ погоняетъ.

Proludium secundum.

*Цыганъ молодой во снѣ видитъ колбасу, а проснувшись и не на-
шавши, опять лѣвится спать и паки видитъ и по многихъ видѣ-
нїяхъ муситъ и, аки молодой. После выходитъ лѣкаръ нѣмецъ, ко-
торому показываетъ цыганъ ротъ и лѣкаръ зубы ему вырываетъ.*

Цыг. Коли люде чули, чтобъ цыганы съ голоду пропадали?

А мы уже такихъ вѣковъ, бѣдныя, дождали,

Хоть добрѣ шалберовать умѣемъ,

Хоть лучшихъ надъ цыгановъ и незлодѣевъ.

Однакъ же теперь приходитъ съ голоду пропасти:

Робити не хочется и негдѣ чего украсти.

Колкїй день не бывало во ртѣ куска хлѣба!

Гибну, умираю, якъ на сухомъ песку рыба.

Спробую другаго еще щастїя: голодъ чи не переспится,

Албо что доброе во снѣ приснится?

*Дожится спать, которому показывается колбаса: онъ зубами ло-
вить и, не поймавши, прохватывается.*

Цыг. Чтось было и хорошенкое теперь мнѣ приснилось:

Бачится, что около губъ колбаса да сало билось;

А якъ бѣдный цыганъ до колбасы проснулся,

Якъ бачу, на сало нездобулся!

Еще ляжу, еще щастїя спробую.

Колибѣ тылко побачить колбасу тую!

Уже сей никто не вырветъ и клещами:

Такъ ей хвачу голодными зубами.

Лѣвится опять и паки показывается колбаса.

Цыг. Ну еще! ну еще! ну еще! (*бѣжитъ за калбасою и не замѣчаетъ окую назадъ ворочается*). О бѣдня моя головонка! не могла
ю надогнати.

Выходитъ лѣкаръ.

Лѣк. Dolesz forsan? itane?

Цыг. Мы есмь бѣдныи цыгане,
Колкій день хлѣба не ѣли,
Отъ чего вси почти и жivotы помнѣли.

Лѣк. *Varia sunt mi medicamenta ad manus.*

Цыг. То я правда, шо не одного чelовѣка уже ты обманувъ;
Толко, якъ бачу, и обманивать мало чого помогаетъ,
Коли, якъ собака, бѣдный цыганъ пропадаетъ.

· Колибъ то мнѣ попала калбаса, албо кусокъ сала:
Вся бъ тая въ животъ мнѣ бѣда перестала!

Лѣк. *Scio: luvium ventristae fegeforni fel aliquot cruti.*

Цыг. Нехай тебѣ, собаце, самому лихо въ груди!

Лѣк. O quam pulsus est gravis!

Цыг. Коли хочешь, самъ ты удавнись.
Ось якій дуракъ! щупаетъ да сплѣвуется слину,
А не знаетъ, что ѣсти хочется цыганину.

Лѣк. *Nic medicamenta или штеру атеріанъ андрамахи.*

Цыг. То уже бъ излиха навѣся и соломахи!

Лѣкаръ раскладываетъ свои лѣкарства и вычисляетъ ихъ именно.

Цыг. Тѣшишь, да якъ бачу, да ничего нейдетъ въ губы.

Человѣкъ. Сказуетъ, что болятъ у его зубы.

Лѣк. Dolor uri? Слуга. Не то е: болятъ у его денте.

Лѣк. Uri gene instrumento utente.

Слуга. Сядько, братецъ! благо ужъ готово.

Цыг. Доброе сіе мнѣ и любимое слово
Топерь то есть мнѣ добръ: бо выголодався, якъ собака.
Нашовся, слава Богу! такой чelовѣкъ, что наготуетъ
мене, неборака,

А буду добръ трепати, чтобъ ты всѣ дни отвѣсти,

Тутъ то нашему брату принадлежитъ съести,

Такова пошакваніи ни самому гетману!

Слуг. Скорѣи, господинъ лѣкаръ! принимайся, а я держать стану.

Цыг. Не держите мене, стулъ тылко подставляте,
А на стулъ порося печеное поставьте:

Сами побачите, якъ добръ буду трепати,

Почуете, якъ порося будятъ на зубахъ хрустати.

Слуг. Не смыслнись, что башь. Цыг. Се мене хочете изнудати.

Лѣк. Quam dentes sunt lati!

Цыг. Ой! ой! ой! Лѣк. Ecce habes.

Цыганъ вырывается и съ плачемъ жалуется.

Цыг. Чорта нашовъ, а не добродіа! Я сказала, что наготуетъ,
А вишь вырвалъ мнѣ зуби. Сл. Слышь ты, цыганъ! отходи,
больше ти зубовъ сопсуесть.

Цыг. Лучше бачу утѣкати.

Бери вась съ вашимъ добромъ чортова мати!

Лѣк. Деньги гдѣ? нащо упусти пациента?

Въ шоку хлопалъ. Сл. Мене ей такъ

Началъ ты бити? нутко съ мною поруски,

У меня вѣдъ и чорту, нежели тебѣ, не бываесть спуску.

Зъ бедра о землю ударить Нѣмца.

Лѣк. Heu Jesu, heu, heu! Сл. Всѣ тѣ ей! вотъ тѣ, плутнишко,
Некрещонный лобъ, вшивой паручишко.

Prologium tertium.

Выходитъ маркитантъ и продаваесть пироги, вельми ихъ похваляя.

Марк. Кто тутъ спрашивалъ подовыхъ, господа честные?

Вотъ у меня куды хорошіе какіе!

То здѣсь пироги горячи,

Вдять голодны подъячи.

Вотъ у меня съ лучкомъ, съ перцомъ,

Съ свѣжимъ говяжимъ сердцомъ;

Масло чрезъ край льется,

И подлнть еще довольню найдется,

Теперь только испечены,

Куды какъ воложно начинены!

То пироги здобны, то скляны:

Покушайте, господа дворяны!

Вотъ теперь только изъ печи взяты,

Ну убирайте, бурлаче! ухваты.

Небось, брюхо не будетъ ворчать:

Изволнте за то хоть даромъ взять.

Хоть денегъ поубавятъ,

Да животь приуправятъ!

Приходитъ дячокъ.

Нутко съ легкой рѣки на почпнѣ,

Кто купитъ, удалые молодчины?

Что ста, бачка! не изволишь ли подовыхъ? что усм ты
разчищаешь?

Никакъ право ты озябъ, что руками тѣ посмпаешь?
Коли озябъ, то натко, изволь покушать горяченькихъ
срану.

Ставл. Поди, братъ! прочь: нѣтъ денегъ. Марк. Пошарько около
кармана,
Не сыщется ли; смотри: вѣдь то пироги, само почти масло
течетъ. Став. Покажи:

Что тамъ у тя за пироги, что такъ похвалинешь
Гораздо, и, хвала ихъ, меня розманишь?

Марк. Вотъ будто обманываютъ! вѣдь не стану лгать напрасно,
Развѣ ты слѣпъ? то прочиствь глаза тѣ ясно.

Став. Мужикъ, с...ъ сынъ! я не слѣпъ, что ты бредишь?

Марк. Да что ужъ и ты будто не видишь?

Ты такихъ не вдалъ у своей пономарицы.

Став. Я не пономарь, — дьячокъ. М. Ну инъ, у дьячницы

Она хантява не токмо такихъ не пекала,

Но и во снѣ, право, никогда не видала.

Натко во здравіе пережокъ скушай,

Вотъ тѣ тарелка и ножичекъ: рушай!

Разсмакуй только хорошенько,

А то будешь поѣдать частенько.

Мошен. 1. Хлѣбъ да соль отцу святому!

Благослови и мнѣ сѣсть, мужичку простому.

Став. Вотъ тѣ мѣсто: изволь, пожалуй, садиться.

Марк. Что тамъ еще за груда людей валится?

Мошен 1. Это товарищи мои: ходили со мною

Вивѣстъ по рынку, да нынѣ зимою

Гораздо холодно, то идуть погрѣться.

Став. Посмотри побольши горячихъ тыхъ не найдется.

Марк. Чово у меня нѣтъ? Ты не успѣлъ сказать слово,

А у меня, — вотъ изволь кушать, — все готово.

Мош. 1. Что, бачка! не поставь мнѣ въ гнѣвъ, простому мужичинѣ,

Что я хочу говорить твоей святинѣ

И что такъ по мужицки поступаю?

Став. Говори, что хошь: я не запрещаю.

Мош. 1. Право это не смѣю въ тя вклепаться.

Мош. 2. Что ты, дуракъ! сидя говоришь? не хошь и на ноги
подняться?

Мош. 1. Что вамъ, дураки! до меня дѣла?

- Мош. 2. Скажи, чортъ, с...нъ сынъ! пока твоя борода цѣла.
- Мош. 3. Да что и въ правду разсѣлся, какъ Галицкой воевода?
- Став. Пушай, братцы, сидить: здѣсь не разбирають, кто какова вида.
- Мош. 4. А, бачка! что изволите говорить ста: чинъ чина почитаетъ?
- А кто не почитаетъ, нехай с...нъ сынъ знаетъ,
А то сѣднть какъ болванъ неотесанный, несмысленна скотина!
- За это надобно таскать, якъ собаку, с...на сына.
- Мош. 1. Ахти братцы! и въ правду какой я Недогадливый! на сапожки тѣ его разглядѣлся, Да и глаза всѣ тѣ продалъ! якъ зѣвака было позабылся! Прости, пожалуй, отецъ святой! не погнѣвися, Чтоя такъ дурачески сдѣлалъ и что, — прошу, не сердися, — Видалъ я вашу честиость, а не знаю гдѣ то.
- Став. Да развѣ не тогдажь, какъ я былъ здѣсь въ прошлое лѣто?
- Мош. 1. Можетъ быть. А какъ ста ты издазлеча?
- Став. Куда даль какая! Иванъ Предтеча Есть церковь: у той меня по указу дьячкомъ опредѣлили, А нынѣ опять прихожана приговорили, Чтобъ мнѣ итти въ попи какъ нибудь добиваться.
- Мош. 1. Куда ста право (въ) даль какую изволилъ подняться! Да взялъ ли ты денежокъ хоть сколько нибудь съ собою?
- Став. Небольшое число на дорогу взялъ со мною.
- Мош. 1. Какже ты идешь ставиться съ простыми руками?
- Вѣдь и къ секретарямъ надобно итти съ дарами.
- Став. Ты пожалуй въ томъ не зоблись: они всѣ меня знаютъ.
- Мош. 2. Они такихъ знакомыхъ тѣхъ пуще одуваютъ.
- Мош. 3. Еще прежде отъ секретарей не мало претерпѣшь муки, Какъ попадешъ къ подъячимъ въ руки.
- Мош. 4. Да и канцеляристамъ надобно сахару снести поддесятокъ головокъ.
- Став. Нѣтъ, братъ! нѣчево имъ у меня вырвать, я на это ловокъ: Самъ на обухи рожь молочу, а зерно не уроню; Пустяки у меня возьмутъ подъячи.
- Марк. Ну кутейникъ! разбалакался, вѣшь пока пироги ты горячи: Вѣдь мнѣ недосугъ съ тобою забавляться, Надобно еще въ другое, и въ третіе мѣсто поспѣшаться.
- Став. Молчи, мужичокъ! не здорь! лучше право безъ крику: Вѣдь нѣкакую тебѣ убыль сдѣлаемъ велику.

- Мош. 4. Э робята! то плъшь, посмотрите ка,
Куды кака пропасть, какъ право велика!
- Мош. 1. Поди, дуракъ, прочь! что ты надъ нимъ шутишь?
Вѣдь онъ не твой братъ: что выше мѣры кутишь?
- Мош. 4. Нѣтъ, безъ шутокъ! куды пропасть какая! право диво:
Мощно, небось, на такой про домашней обиходъ
варить пиво.
- Став. Что ты, братецъ! надо мной играешь?
Али я дуракъ, что мнѣ ужъ я поѣсть мѣшаешь?
- Мош. 4. Тѣу кутья толоконна, плъшь! еще разболтался!
Вотъ разсылся, какъ курица на ящикахъ, расклялся:
Будто тебя не видали, шолудивой попишко!
- Марк. Не мѣшай ему поѣсть: что ты распустилъ пропасть, му-
жичишко?
- Мош. 1. Да что и онъ, какъ просвирия, развалилъ брюхо коровье?
Марк. Вотъ какой чортъ болванъ! да на что тебѣ нужна? пушай
кушать на здоровье.
- Став. Что ты, братъ! шумишь? вѣдь я немного мѣста засяду.
- Мош. 4. О! еще много вякать сталъ! натко тѣ четыре брата да
пятаго дядю!
Еще сталъ много разговаривать со мною:
Такъ тресну, что перевернешься трою,
То ты впредь станешь съ нами лучше знаться.
- Став. Нѣтъ! хоть ос...ся да не поддаваться.
Смотрите, братцы! за что онъ бьетъ напрасно?
- Мош. 1. Какъ ты каналья такъ дерзнулъ бить безопасно?
За что отца святова бьешь безвинно,
Да еще и выбранилъ, якъ скотину, безчипно?
- Став. Право какой безчипникъ! чуть не сломилъ зашейка:
Шумить въ головѣ и теперь; знать еще старинныхъ
людей копѣйка
Гдѣ нибудь въ сорѣ завалаясь,
А теперь мнѣ въ загривокъ попадаешь.
- Мош. 1. Вѣдь ста онъ спроста; видишь: дѣтина малой.
- Став. Да нѣтъ ловко жъ для того по затылку попалосъ
Хоть бы тамъ чортъ былъ какой охлюста,
То такъ бы не накостилялъ шею, какъ онъ теперь
забхалъ спроста.
- Мош. 1. Полно ста, святой отецъ! пожалуй покинь: вотъ и ему
попадетъ смачка.

О с...нъ сынъ! такъ вотъ тебѣ самому старорус-
ская врачка!

Для чего ты такъ безчинно святаго отца ругаешь?

Куды онъ готовится, развѣ ты не знаешь?

Вѣдь онъ идетъ ставиться во іерен:

За что ты его такъ смазала по шеп?

Знаешь что ты: за это вашему брату шею накостиляютъ?

Чего не надобно говорить, пушай много не бол-
тають.

Что же всѣ стоите, какъ пѣсты? развѣ у васъ спины

Не гнутса, собачьи сыны?

Но скоро предъ нимъ прошенія просите,

Да пониже, подъ самыя вы ножки, подпадите:

Пожалуйста, бачко! прости въ томъ, что онъ вашу святиню

Обругалъ и обезчестилъ, какъ скотину.

Право-ста, сглупа это сдѣлалъ съ своею простотою,

Что въ твою священную плѣшь захвалъ грѣшвою
рукою.

Что съ нимъ, с...номъ сыномъ, сдѣлать стало?

Знать ста, уже по твоимъ сказкамъ это тѣ попало,

Вѣдь ста не стать ему сдирать кожи,

А и тебѣ не вырвать, что ужъ попало по рожи.

Ужъ ста впредь не будетъ такъ кутить.

Став. Добро! что сдѣлать? ставай: Богъ ты простить;

Впредь, братъ! не учись такъ широко растворять глотку.

Мош. Право, батюшка, не буду, прости, дайже поцаловать
въ бородку.

Став. Да что подынуце было поближе къ лукошку?

Марк. А что? не изволишь ли скушать пирожка на дорожку?

Став. Да не худо, братъ! дайко, коли есть еще подовой.

Марк. Есть, натко-ста ѣшь. Мош. Оставайся, бачка! здорово,

Прощай, пожалуй: вотъ теперь едишъ, какъ хошь, растягайся

Да и впредки съ намъ добрымъ людямъ знайся,

Теперь зъ насъ будетъ; вотъ зачѣмъ приходили:

Схватись ко бачко, путно ты охолодили.

Марк. Што-ста ещели пѣроговъ изволишь, или ужъ полно?

Став. Нѣтъ ужъ, братъ! спасибо: лакормилъ ты меня довольно.

Пора ужъ мнѣ и къ подворью помаленьку двигаться.

Марк. Изволько — ста, бачко, за пѣроги ищѣ разпачаться.

Став. Да много ли, братецъ! за нихъ просишь?

Марк. Сколько пожелаешь, по своей милости бросишь.

Вѣдь что много хлопотать съ тобою?

Воля твоя и со мною.

Не какую тутъ надобно денегъ тѣ груду:

Копѣекъ полдесятокъ, то я и тѣмъ благодаренъ буду.

Став. Охъ, братъ! какая бѣда да еще и причина.

Марк. Что тамъ, бичко! тебѣ за кручина?

Став. У братецъ не кручина? кручина еще и не мала.

Марк. Да не мощна ли съ деньгами пропала?

Став. То то вѣдь и горе то: кто то добрый человекъ поддѣлъ
мыло.

Марк. Да гдѣ тамъ у ты положено было?

Став. Вотъ здѣ въ сапоги за голвинномъ.

Марк. Да дайко ста, хорошенько понцемъ,

Либо не засунулъ ли гдѣ нибудь въ карманѣ.

Став. Что ужъ искать напрасно? никакъ давѣшныя ты оханы

Покорыставались, что теперъ здѣ сидѣли;

Подлѣнно они, братъ! уташили.

Какъ будто добрые люди подпустили на меня балы!

Марк. Прямой ты кутейникъ; тебѣ было отъ нихъ итти далѣ,

А то ты съ нимъ началъ точить деревенскія балясы,

Моли Бога, что не сдули съ тебя рясы:

Тутъ не такіе, какъ ты, простаки-то бывають;

Да и тѣхъ изъ сапоговъ въ лапти обувають.

Право дураки еще воры тѣ, что боковъ еще не на-
водтили.

Став. Какъ, братецъ! видишь: вѣдь всю плѣшь расколотили.

Марк. Ну кутя! вѣдь мнѣ недосугъ долго стоять съ тобою:

Бери, гдѣ хочешь; только раздѣлывайся со мною.

Став. Пожди, братъ! до завтра: я тебѣ заплачу хоть вдвое.

Марк. Не рассказывай балъ тыхъ; не надобно ни втрое,

Хоть роди, да давай: мнѣ тебя не дожидаться,

Есть у мене мѣсть: надобно въ любое бѣжати.

Став. Да пожалуй, дай мнѣ дойти до подворья,

Я тебѣ хоть вдесятеро заплачу за сее.

Марк. Что мнѣ нужда дожидаться? вѣдь я тебя не билъ по шем.

Бѣтъ такъ добръ было, а теперъ не хошь и рас-
платиться,

Даромъ мнѣ, что ты идешь въ попы становиться.

Став. Дай, братецъ! сроку на минуту на другую

Марк. Что еще долго околиваться? лучше шапочку сдюю.

Став. Отдай, братецъ, пожалуй! бѣтъ нынѣ и уши приморозяшь.

- Марк. Да мнѣ нужды нѣтъ, хоть плѣшь у ся приморозишь,
Захошь бачко булавокъ,
Будеши у нашихъ лавокъ:
У вашей братьи вѣдь что захватишь.
- Став. Да скажи, братецъ! покажуй, хоть неложно,
Гдѣ мнѣ тебя сыскать будетъ можно?
- Марк. Нашу братью ниши тамъ около приказу.
А коли захошь шапки, то сыщешь и безъ показу.

Proludium quartum.

Выходитъ дьячокъ со своими дѣтьми.

- Дьяч. О мои дѣтушки бажонье!
О мои кормильчики рожонье!
Нутетко начните играть,
Повеселите меня, старичка, да и мать.
- Сыны. Да у тебя ужъ севодни виномъ валита брюшина,
А у насъ еще кроха въ горлѣ не бывала едина.
- Д. Настасья, аль имъ севодни закуска не варилась?
- Наст. Да вѣдь и мука вся скончилась,
- Подъяч. Что ты, кутейникъ! возишься какъ ребенокъ малый?
Бѣдаешь ли, зачимъ мы къ тебѣ присланы?
- Д. Для чего мнѣ не потѣшаться? у меня столько увеселья,
что эти робиты.
- Подъяч. 1. Куда, право, выглажены: какъ добрые поросята.
Да приходитъ на нихъ бѣда велика.
- Д. Нѣтъ, братъ! не вырешь у меня ни г...наго лыка:
Знаю я вашу братью: выжь вѣдь ребята просты,
А ужъ кого одуть, огладить путные охлюсты.
- Под. 1. Что мнѣ съ тобой много балакать?
Будеши еще о нихъ и плакать:
Только какъ этотъ указъ прочитаешь,
То въ тотъ часъ познаешь.
- Дьяч. Лучше мнѣ теперь умереть,
Нежели на это смотреть,
Какъ монхъ дѣтей огнимають
И въ серимарію на муку обирають.
Пожалуй, батюшко! умилосердись надъ нами:
Напни пожалуй, что они еще негодны лѣтами.
- Под. Догадался, какъ проигрался; схватился Малахъ,
Какъ нѣтъ ничего въ головахъ!

Предъ намъ давѣчь я шапки такъ ты снять не хотѣлъ,
Да не токмо шапки снять, еще и слова не хотѣлъ
сказать.

Ну давай скоро, дѣлчишко! могилня муха!

Смотри, чтобъ я тебѣ не скроилъ треуха.

Д. Возьми съ меня, пожалуйста, хоть рублишковъ полдесятокъ.
Под. Добро я съ тобою сдѣлаюся, если къ тѣмъ прибавишь
десятокъ.

Д. Ну я ужъ тебѣ прибавлю.

Под. Такъ я дѣтей твоихъ отъ семинаріи избавлю.

Д. Въ правдуль, ты только дѣтей моихъ избавишь?

Под. Конечно избавлю, ежели посулѣно исправишь.

Д. Какъжо намъ этое дѣло то сдѣлать и секретаря об-
манить?

Под. Небось, давай деньги смѣло:

Мы ужъ знаемъ, какъ обманывать: то наше дѣло.

Да сверхъ того они съ вишей братьи

Одуваютъ деньги и платье.

А какъ тебѣ дѣлать надобно, я тя научу,

И какъ сказать предъ секретаремъ, тогда подъ ухо
пошепчу:

Этому скажи пять дѣтъ какъ родился....

Под. 2. Я чалъ, что ты ужъ задвиглся.

Ты еще здѣсь съ дьячкомъ тымъ исполнишь балакать,

А намъ право тамъ лишь плакать.

Ужъ третію промеморію изъ семинаріи прислали,

Чтобъ вы скорѣя ихъ сыскали.

Под. 1. Ну братъ! какъ нибудь свободи его дѣтей.

Под. 2. Нѣтъ я боюся: за это вѣдь (вѣ) приказъ схватишь
плѣтей.

Ну, дьячокъ! давай ихъ скорая,

Ни мало не отлагая.

Д. Всѣ мои знакомцы и вся моя родня! сберитесь сюда,

Посмотрите, какая на меня пришла бѣда:

Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ

И въ проклятую семинарію на муку обираютъ.

О мои дѣтушки сердечные!

Не на ученю васъ берутъ, но на мученю безконочное.

Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и

родиться,

Тогожь часа киселіюмъ задавиться и въ водѣ утопиться.

О мои милые дѣтушки

И бѣлые лебедушки!

Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,

Нежели въ сермяжю на муку отдавъ.

Прощайте, мои дѣтушки! ужъ мнѣ васъ не видать,

И съ вами ужъ никогда не живать!

Под. 1. О у тя, какъ вижу, плачу конца не дожждаться,

Пора ужъ намъ и къ городу подвигаться.

Ну, дячокъ, прощай, добрый человекъ!

Дай те Богъ множество лѣтъ,

А впредь, пожалуй, знайся съ нами,

Съ подъячими, приказными строками.

Дяч. Прямо, что не вдурово добрые люди говорятъ,

Что подъячи — ты люди

Ажко люди они, да и не худы:

Вотъ теперь денежки те съ меня охолодили,

А дѣтей твоихъ отъ семинаріи такъ не свободили!

Впредь же я ихъ теперь буду знать,

А, когда случай прійдетъ, не такъ буду поступать.

Prologium quintum.

Выходитъ Грекъ съ товарищами и барышникъ цыгановъ приводитъ съ коньми и торгуется.

Моя купца богата: на сери города была

И много ширвоцца на кишени здобула;

Добра вина три ока пила на Молдава,

Турецка кафе и шапса трава.

Серифа каша, лимона и оливка.

Вся день была изюмъ, винна ягода и шорносливка,

Тюбукъ добрый, шубуки и много товары,

Форта полшка вина пануцѣ два пары,

А дѣтка на затка пали въ теперь несчастія велика:

Выбѣкала съ куца два волка дика.

Заразъ на киня добра турецка напала,

Моя злякалась и, что робить, сама не знала;

А проклята зѣтра на моя румака начала давити,

Янчарка кебуха моя бѣ убити,

Вышли много сира волка велика.

Не ѣхала тогда ни едина прика

И всяка..... *) другаго раздавила,

*) Не разобраво.

- Не оставили сала на турецка мыла;
 Одна хвоста остался и грива,
 Мой съ роду не видалъ на такое диво.
 Лучше була сидѣла наша на Стамбула,
 Таку бѣду отъ волка видѣла не була.
- Бар. Здравствуй, братъ! здравствуй эка чифутка,
 Я думалъ, что ужъ ты чортъ взялъ! Нутка,
 Изопьемъ вмѣстѣ табачку; отвѣдай, каковъ, то узнаешь
 Е твой калось; нѣтъ, братъ! сказешь, что хорошо
 въ носу.
- Гр. Печаль на моей. Бар. Что баешь?
 Печаль та и грусть тотчасъ перейдетъ,
 Озми только табаку въ ротъ.
- Гр. Е, е, е! проклята моя рота осквернила!
 Бар. О даромъ, братъ! вѣдь не твоя, моя то денежка купила.
 Гр. Шорта бери на твою голову и табака!
 Бар. Не знаешь, чортъ, что хорошо, а старъ, какъ собака.
 Гр. Мой вхала теперь съ велика Стамбулъ.
 Бар. Тѣмъ то, вижу, чортъ такъ и надулъ.
 Гр. А на дорогѣ пропала добра конь турецки.
 Бар. Я тотчасъ лошадь пойду купить, только естьли го-
 стиницеъ грецкой?
- Гр. Мыла добра, люлка и велика шубука.
 Бар. Сулишь много, и мнѣ это даромъ. Въ карманѣ нутка
 Пошарь, многоль ста денежокъ накопилъ.
- Гр. Вела твоя добра коня толко, моя за разомъ купить.
 Бар. Много только надобно. Скажи: я тотчасъ одну и другую
 Приведу лошадь, да и дешевенько для тебя на-
 торгую.
- У мене есть добрый человекъ знаемецъ,
 А ужъ кого обманить добрый дѣлецъ.
 Погоди жь только здѣсь, я ти приведу съ лошадями
 Добра, твой, мой была тѣмъ торговала.
- Барышникъ отходитъ, а Грекъ товары перебираетъ въ возу.*
 Шубуки добры, люлка хороша, мыла
 И у меня кто хотѣлъ купила
 И какого добра человекъ мнѣ знашлась:
 Купить мнѣ коня заразъ бросилась.
 Моя денга многа; а купивъ коня, заразъ на Нижина
 Вхалъ и тамъ буду влѣ добре и пилъ Волоска
 вина.

Барышникъ приходитъ; за нимъ привъзжаютъ два цыгана на коняхъ.

Бар. Здравствуй! Въдь тотчасъ будутъ и добрые кони,
Кладитко деньги здѣсь на ладони.

Цыг. На хлавдары, на прокураты
Чи тобѣ то треба коня продати?

Гр. Мой будетъ купить, моей теперь коня треба.

Цыг. Уже шо кони! завезуть тебя до медвѣжьего неба,
До черта подъ хвистъ: тамъ добръ продавати.
Добра тамъ моя треба на ярманка.

Гр. Безпечно ужъ заведеть тебе сѣя парка.

Грекъ осматриваетъ съ обѣихъ сторонъ.

Видишь, какіе кони изрядные, какъ змѣя добрые?

Гр. Будеть мой купить конь бодрый.

Бар. Много денга а ежели не червонцамъ, знаешь намъ поимѣры.

Гр. Мой дала добра шестьдесятъ хева.

Бар. Сказали дуракъ слонъ гораздо смыслпть ева,
За чирвонца стоить что долго болтатъ?

Изволь намъ и лехами деньги считать,
Право мы возьмемъ. Цыг. На колбасу чи дашь прибавку?
Бар. Молчи, дуракъ! что тѣ больше найдеть съ нево знатку
Заплатишь хорошо, а не заплатишь, то мы пошли вотъ.
Ну, братъ, съ коньми ступайте: онъ, вижу, не купецъ;
Можетъ быть, съ вишелници сорвался рост... мать,
плутецъ.

Гр. Стой! твои бери денга: моя не плутаю.

Бар. Право, хорошъ ты человекъ: я ужъ давно знаю.

Денги барышникъ и цыганъ себѣ дѣлятъ, а Грекъ коней осматриваючи за хвостъ таяетъ и такъ у одной клячи хвостъ вырываетъ.

Цыг. Чтожъ ты сдѣлалъ тепереча? обезвѣчилъ клячу собачья
личина,

Всесвѣтнъ шалберъ, Гречине, скурве сыне.

Бар. Полно болтатъ! што дуракъ нужда? подаля ступай.

Цыганъ утекаетъ; осматриваетъ Грековъ барышникъ хвостъ и, взявши хвостъ, греку къ шапкѣ прицѣпляеть.

Е теперь съ хвостомъ хорошо ходить, только разсуждай.

Гр. Пошла твоя! моя пора ѣхала на ярманка,

Бо добра купила коня парка.

Бар. Прости, братъ! впредь съ тобою рады зватьсья,

Какъ хорошенько около себя не будешь оберегаться.

Гр. Коня гдѣ? Бар. Въдь пошли на пашу.

Гр. Е! мой будетъ ѡла сорачинску кншу.
Съвши всть Грекъ, повшин стаеть.

Гр. Чорта моя, ни коня купила,
 Коня нема, а деньги заплатила,
 Самая моя заразы пошла коня шукати,
 О нашолъ злодѣя отдали накаты.
И отходитъ.

Prologium 6tum.

Выходитъ жидъ съ раскольникомъ спороваться.

Раск. Какіе то были сего міра—свѣта,
 Какіе то были старой нашей вѣры крѣпила!
 Славной поборникъ Аввакумъ протопопъ,
 Да намѣренный наставникъ, Никита попъ,
 Пречестный Лазарь и славный учитель Феодоръ,
 Которые противъ нынѣшнихъ нововѣрцовъ
 Зачали дерзновенно здоръ.

Жидъ. О вей! о вей! тутъ, тутъ наср...,
 Якъ лопатую богато наклакъ
 Полну голову разумя, о вей, добръ умѣю
 Горѣлку съ медомъ добръ продавати:
 До мене нехай идеть, кто хоче хоросово пива.
 О вей! я такова еще николи не бацивъ дива!
 О вей! порнѣ годъ! цо сей за человекъ?
 Не бацилъ николи такова, а ужъ изжилъ вѣкъ.

Раск. Стой, бачка! этому ты не дивися,
 Пожалуй, только со мной разговорися.
 Да скажи прежде: какой ты вѣры,
 Этое у тебя увѣдать желаю безъ мѣры.

Жидъ. Якой тебѣ треба? ци турецкой,
 То я; а коли хочесь, то и грецкой.

Раск. Нѣтъ! скажи, пожалуй, мнѣ однимъ словомъ.

Жидъ. Цого больше еще тебѣ хочесь? я тебѣ молвилъ.

Раск. Скажи, пожалуй, истину, ужъ водить мене полно.

Жидъ. Я есмь человекъ стараго закона.

Раск. Ахъ! радостію весь растопився.

Жидъ. Се, бачу, старый собако схазився.

Тутъ расколшикъ падаетъ, а жидъ около его обливаетъ.

Жидъ. Стось сему человекъ стало?

Ци недоброе цо на его напало?

- О вей! о вей! цорны годъ! узе посеппу къ уху.
 Бачу, ницого не помогаетъ! ось ежъ я еще поддамъ духу.
 Узе, бачу, отъ духу заворошився.
 Сцо тебѣ было стало? отъ цого ты бувъ сказився?
- Раск. Я тепереча былъ въ восторзѣ
 И нашолъ тое, чего искалъ надолзѣ.
 Почти ужъ всю вселенную избродилъ,
 А еще такова мужа не получилъ:
 Вѣдъ и я старой вѣры смпреннѣ наставникъ,
 Нынѣшній убо день будетъ намъ великій праздникъ.
- Жидъ. Говори далѣ; сцо будесь есцо брехаты?
 Ну, ну не бався: неколи мнѣ цекати.
 Я когда бывалъ на войнахъ, всѣ меня боялись,
 Не разъ отъ заеца утнкавъ и церевики поспадали.
 Ну, ну и ты на войну, старый, прибирайся,
 Естыли пистолець и сцоля, я хоть бы ты на тысяцу.
¹⁾ ступай, не злякайся
 Ну, ну, ну! насн ну ну на сабли припасайте,
 А добръ съ пистолецовъ, какъ и я, стрѣляйте
 Пока ужъ попоць ксевдзаровати,
 Будемъ уже лучше на казаковъ воевати.
- Раск. Престань этово разговаривать со мною,
 Я съ тобою радъ поговорить, якъ съ умной головою.
 Вѣдъ ты старой законъ содержиши,
 Что презрядно твориши;
 Однаковъ я то прямой старовѣрецъ.
- Жидъ. А се чтожъ у тебе? Раск. Бо какъ безъ перець
 Птицы невозможно летати,
 Такъ безъ этово невозможно пребывати,
 Да и пробыть же безъ этого заслонца,
 Понежъ безъ него не пропустятъ въ адскіе оконца.
- Жидъ. Цоръ себѣ, цорны годъ! якъ ты хороше убранный!
 Еще бы покраше былъ, кабы ус...ный
 Якій ты старовѣрецъ? я то стараго закона.
- Раск. Нѣтъ! вѣдъ и я не новаго.
 Вѣдъ этакъ ли ты по старому крестился?
- Жидъ. О вей! чорны годъ! я добръ сказалъ, сцо сей человекъ
 сказився.
- Раск. Эдакъ крестилися всѣ пророки.

¹⁾ Не разобрано.

- Жидъ. Згнѣнь, до говоришь? пророки не крестилися:
Что тѣ развѣ пцолы въ головѣ разроулися?
- Раск. Двоперстный крестъ былъ искони:
Развѣ ты такъ не видалъ молящася Авеля на иконѣ?
Бывалъ ли ты во Іерусалимѣ?
- Жидъ. Былъ не разъ и еще пойду въ зимѣ.
- Раск. Поповщина, Аввакумовщина, Андрѣевщина, перекреще-
ванцы и исперекрещеванцы и толки
Тамъ есть ли уже? здѣсь намъ жить нельзя: какъ
хищные волки,
Никонщики надъ насъ сильно ужъ настали,
Своей новой вѣры силу великую взяли
И насъ старовѣрцовъ вездѣ утѣсняють,
Съ Керженца, и съ Поморья, съ Польши немилостивно
сгоняють.
Надѣюся, что и ты такъ держишься старой, какъ и я,
вѣры:
Съ бороною бо мя зря, возрадовался безъ итры.
- Жидъ. Ци знась ты Химана, насу добру оборону
Я тобѣ сказавъ, сто я стараго закону.
- Раск. Слышалъ я объ немъ отъ людей довольно,
Но о семъ нынѣча говорить полно:
Мнѣ нынѣча сомнѣніе не мало.
- Жидъ. А отчегось тобѣ тое стало?
- Раск. Старовѣрца себя быти объявляешь,
А двоперстнымъ стариннымъ крестомъ себе
прекрещашь.
- Жидъ. Севъ ты, бачу, съ разуму ступився;
Старъ якъ собака, а еще сего не научився!
Да вѣдъ добръ знаешь, что ваша вѣра монсейская
старая.
- Раск. Какъ же ты старую вѣру содержишь, а не крестишься
Двама престы, какъ Аввакумова велить вѣра святая?
- Жидъ. Аввакумъ не крестився, онъ былъ давный пророкъ.
- Раск. Какъ ты не устыдѣлся на него навесьть такой порокъ?
Это, вижу, ты не прямой старовѣрецъ,
Знать, что ты Никонщикъ иновѣрецъ.
- Жидъ. Я старой вѣры. Раск. Нѣтъ я старой вѣры хранитель.
- Жидъ. Нѣтъ брешешь ты; я старой вѣры. Раск. Лжешь; я
старой вѣры учитель.

- Жидъ. Цорны годъ на твою голову! яка твоя вѣра старая?
Моя вѣра старая истинная и прямая.
Брешишь ты, якъ собака; я то старовѣръ.
- Раск. Нѣтъ! я старой вѣры, въ этожь ты мнѣ повѣръ.
- Жидъ. А когда хочешь, лучше позвать судю пошукаймо:
Нехай винъ насъ разсудить, хочь ему и за работу
даймо.
- Раск. Изрядно: судья надобно искати
И какъ онь присудить, будемъ правду знати.
- Жидъ. Хороше, я пойду судью искати.
- Раск. А я здѣсь буду тебя и судью ожидать.
- Жидъ отходитъ, а расколцикъ стула ищетъ и, нашовши, на серединь становитъ.*
- Раск. Но почто мнѣ напрасно стоять?
Надобно стула гдѣ нибудь прінскать,
Чтобъ было гдѣ господину судьи сѣсти,
А мы будемъ предъ нимъ стояти виѣсти.
Жидъ приходить
- Жидъ. Будеть заразъ судья, а уже вельми разсудный
Аять то и винъ совсѣмъ правдивый.
- Раск. Чтожь онь Руской ли или иноземець?
Я и судиться не хочу, ежели онь Нѣмецъ.
- Жидъ. Самъ заразъ побацишь, лучше угадаешь.
Гроси на плату только ци маешь?
- Раск. Намъ здѣ никому не подобаетъ судити.
- Жидъ. Ось побацись нечеты будешь говорити.
Цыганъ выбѣгаетъ.
- Цыг. Чхавей! чхавей! Чи тутъ то шукали судити на росправу?
- Раск. Какъ этакой можетъ судить вѣру
Стару, который и самъ бороду брѣветъ,
Да еще и парикъ на головѣ имѣетъ?
Нѣтъ! какъ хошь, я не хочу предъ нимъ судиться,
Не хочу и его зрѣниемъ скверниться.
- Жидъ. О винъ васѣць не важаетъ
И, покой процю, отсюду замышляеть.
А я васець узе гросей на выкладъ отличихъ.
- Цыг. А ты, собака, ничего не положилъ.
- Жидъ. Я осѣць васѣце придамъ, только добръ судите
И сего собаку, якъ треба людей шаковать, научите.
- Цыг. За то ни слова, бери только на барака.

Proludium septimum.

*Выходитъ могильникъ съ кобыльникомъ: могильникъ копаетъ отъ
ямы, а кобыльникъ ищетъ кобылы, да оба муче.*

Могильникъ, кобыльникъ.

Мог. А вой, вой! батюшка ты мой!
Теперь ужь не дожидаться мнѣ тебя домой,
Какъ ѣздилъ было на добычку, хотъ въ полночку,
А прїѣдешь, мнѣ гостинца привезешь, моему
сыночку.

А вой, вой! батюшка ты мой! голубчикъ бѣлинькой!

Почто ты меня оставилъ миленькой?

Закатился ты, мое солнышко красное,

Покинулъ ты меня бѣднава напрасно:

Некому уже теперь головушки погладить,

Только всякъ заѣхать по затылку ладить;

Некому за меня сироту теперь заступитъ,

Только всякъ хочеть вшивицу нагрѣть.

Куды мнѣ бѣдную головку дѣвать?

Стань, да хотъ скажи какую тебѣ могилу копать.

Другой къ нему приходитъ, ища кобылы.

Коб. Ей! что, братъ, ты такъ рано свозило въ полночь?

Мог. Спасибо, добрый человекъ! надобно Божья помощь.

Коб. Не видалъ ли ты этта моей кобылы?

Сынъ. Хорошо, голубчикъ, пособику мнѣ копать могилы,

Однако здѣ есть и лопата.

Коб. Нѣтъ! не гораздо она была собою низковата,

Таки и очень была высока.

Сынъ. На што? не надобно очень глубока;

Полно, когдабъ выкопать хотъ на три локти.

Коб. Гдѣ? когда еще ей попасть медвѣдю въ когти?

Теперь вотъ недавно со двора сбѣжала.

Сынъ. Ужь эття яма да ему будетъ мала?

Куды ему съ ней? хотъ кому то будетъ полно.

Коб. Да какъ тебѣ не знать? вѣдь ты на ней ѣзживалъ

довольно:

Помнишь, какъ тебя хватила зубомъ?

Сынъ. Э братъ нашто? еще подстилать лубомъ!

Таки также ляжетъ и безъ луба.

Коб. Да то та то и есть, что разсѣчена губа.

Помнишь, какъ я на ней ѣхалъ мостомъ?

- Сынъ. То правда, что ужь великъ то великъ ростомъ,
А въ ночи было ему никто не попадайся на дуло.
- Коб. А ея тогда чортъ носомъ подкнуло.
Да отгово то вотъ и губа та у ей разбита.
- Сынъ. О что до свѣта, то до свѣта!
Часто онъ и одинъ лазилъ по кѣстямъ,
А то еще иногда какъ со мною пойдѣтъ по черквамъ,
Не бось, уже не придетъ съ голыми рукамя.
- Коб. Эхъ держать было: вѣдь она и всегда лягата ногами!
Ну гдѣ же вотъ теперь его сыщешь?
- Сынъ. Какъ не прыскать? таки гораздо на радостяхъ прыщешь,
Какъ иногда хорошенькую таки принесешь добычку.
- Коб. А коли у тебя, отдавай же мою кобыличку.
Для чего ты не сказывалъ до сего мѣста?
- Сынъ. Да отчюво то и умеръ, какъ не отъ солонова тѣста?
Третьева дни пришелъ, какъ волкъ проголодался,
А на то то время въ печки съ тѣстомъ горшокъ
разогрѣвался.
Ну да вотъ на ту-то пору, будто чортъ сунулъ мачку
Выпялить съ печи горшокъ, да подала бачку,
А онъ съ шальныхъ тѣ, какъ выпустилъ туды рыло,
Да ужь дулъ, дулъ, дулъ, дулъ, пока ему брюхо то
какъ гору разворотило.
- Коб. Да! оттого то ему смеріодушка то и припала.
Нѣтъ не пропала она, на люди попала:
Вѣдь ты самъ давечь говорилъ, что у тя моя кобыла.
- Сынъ. Что ужь дѣлать? пришло копать могила,
Коли ужь ему такая смерть пришла.
- Коб. О, братъ, ты этого не плети; она у тя не ушла.
Какъ хочь отдавай, хоть роди бокомъ.
- Сынъ. Ну братъ правду ты говоришь, что вышло ему воровство
сокомъ,
А всё въ томъ мачка, р.... мать, виновата.
- Коб. Что ты братъ врешь? она была не горбата,
Вѣдь и вашъ сусѣдъ Сверчокъ знаетъ.
- Сынъ. Да то понамарь, то дьячокъ читаетъ,
Вотъ лишь только за салтырь приняться топеря.
- Коб. За что меня бранишь? развѣ ты самъ тетера,
Да и другихъ тетіорама называешь.
- Сынъ. А когда посмотрѣтъ бачка то желаешь,
То хотъ завтра ко мнѣ приди ты.

- Коб. Вотъ дуракъ! скажи, да скажи примѣты!
Вѣдь я тебѣ давеча говорилъ,
Да ты развѣ тогда безъ ушей былъ?
Попѣ въ алтарѣ паки, паки поіють,
А дьячокъ распустилъ горло да вѣчну память
деріють.
- Ты говори чорту аминь,
А чортъ таки чортомъ все глядитъ въ овинъ.
Отдавай мнѣ кобылу, полно шалберить.
- Сынъ. Еще да что ужъ тутъ больше мѣрить то?
Будеть, кажется, съ него довольно долины.
- Коб. Да то во лбу у ней двѣ пестрины,
А хребѣтъ такъ почти песь пѣстрой.
- Сынъ. Помяни сво Богъ! то на это былъ вострой:
Таки по частенку ходилъ на Волгу.
- Коб. Да вѣдь я тебѣ толмачилъ, что гриву имѣеть долгу,
А ты по ся поры ажъ не растолкуешь.
- Сынъ. Что же дѣлать братецъ? и не хотя горюешь,
Когда бачка корнцлаха ужъ не стало,
А при ѣмъ такъ горя никогда не бывало?
А это все такъ сдѣлала мачка, дура.
- Коб. Врешь ты какъ меринъ: моя то кобыла не бура,
Она шерстію вся почти была сѣра.
- Сынъ. Гдѣ у сво вотъ тѣ то и мѣра,
Какъ куды пойдѣтъ, да ловко попадѣтъ,
То лишка не возмѣтъ, только сани нагребѣтъ,
А домой то какъ прикатить, такъ любо смотрѣтъ
- Коб. а вѣдь ужъ тебѣ не избытъ,
Какъ хошь, это твое братецъ дѣло.
- Сынъ. Да вотъ завтра увидишь, что ужъ совсѣмъ почернѣло,
А брюхо то все выше и выше дміотсо.
- Коб. Да тебѣ нужды нѣтъ, что она біотце,
Отдай вѣдь я рос....ю мать всего перекорюю.
- Сынъ. Да то часто бывало, что, какъ возьмѣтъ дубину,
Да еще въ товарищахъ у его были два сына поповы,—
И то правда, что ужъ ребята здоровы,—
Какъ когда поидеть на большую дорогу съ ними;
То, пожалуй, управится хоть съ десятирями.
А что на кабакъ хоть бы маленько что зашумѣли,
Ужъ то давай: подраться, побиться то его дѣло
И нѣчего таки право, за кого примется, напустить въ гачи.

- Коб. За что? у меня одна и есть, да и той не отдаешь ключи.
Сынъ. Право таки безъ шутокъ: хоть бы кто, то уже въ гачи
напустить,
Вѣдь онъ, пожалуй, и чорту не спустить.
- Коб. Нѣтъ, братъ! нѣчево какъ то больше пробѣдаться,
Хоть не хотѣлося быю мнѣ ужь драться,
Да ужь вижу, что съ кобою не быть безъ драки.
- Сынъ. У ково? у бачка-та? у ево были три собаки,
Хоть и самъ онъ былъ не послѣдній воръ,
Да таки надобно, чтобы стретли и свой дзоръ,
Для того, что часто и те бывають,
Что и чортъ на чорта набѣгаетъ.
Также и бачко: тотъ, хоть и самъ воръ былъ,
Таки назадъ то оглядывался, чтобы и самого не
обрилъ.
- Коб. Нѣтъ, братъ, турусу на колѣсахъ везѣшь,
Пойдемъ-ко въ губерску кончеларію: тамъ инако
запоешь,
А то ты точишь шары да вары.
- Сынъ. Пойдемъ, коли хошь, то увидишь, какіе анбары
Послѣ бачка пожитковъ тѣхъ стоять.
- Коб. Не грозилъ отдашь небось; пойдемъ ка, братъ!
- Сынъ. Да вотъ и увидишь, что и у боярина столько нѣту.
- Коб. А когда ногу сломилъ, то отдашь и свою за эту.

III.

СМЪСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

ПРИДВОРНЫЯ ПРОПОВѢДИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года совершился переворотъ, возведшій на русскій тронъ Елисавету Петровну. Въ манифестъ, изданномъ черезъ три дня послѣ того, объяснены были права новой императрицы на престолъ и исторія нарушенія этихъ правъ, установленныхъ еще завѣщаніемъ Екатерины I. Липами, устранившими Елисавету отъ короны, названы Остерманъ, Минихъ и гр. Головкинъ. На нихъ возлагаетъ манифестъ отвѣтственность за управленіе государствомъ въ короткое царствованіе Іоанна Антоновича. За тѣмъ обѣщано членамъ Бруншвейгской фамиліи забвенію прошедшаго. Успѣхъ переворота, возведшаго императрицу на прародительскій престолъ, приписанъ «наипаче и особливо» преданности лейбъ-гвардіи полковъ¹⁾. За ними скрывались люди, дѣйствовавшіе въ рѣшительныя минуты въ пользу Елисаветы. Но манифестъ могъ бы назвать еще партію, хотя и не принимавшую участія въ переворотъ, но отозвавшуюся сочувствіемъ новому царствованію, вынесшую изъ временъ господства Бирона много тяжелыхъ воспоминаній: этою партіею было русское духовенство. Прискорбная исторія съ Теофилактомъ Лопатинскимъ, не единственная въ своемъ родѣ; простое, очень естественное чувство ненависти къ иновѣрцамъ, захватившимъ въ свои руки значительную часть управленія, имѣвшимъ вліяніе даже на церковныя дѣла; наконецъ раздраженіе, вызванное поломкой съ католическимъ и лютеранскимъ ученіями: все это не мало содѣйствовало тому, что перемѣна правительствующаго лица, обѣщавшаго положить конецъ прежнему порядку вещей, встрѣчена была расположеніемъ со стороны духовенства. И дѣйствительно, въ большей части проповѣдей, произнесенныхъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, не трудно замѣтить подъ торжественнымъ, оффиціальнымъ

1) П. С. З. XI, № 8476.

покровомъ церковнаго краснорѣчія радостное чувство побѣды. Духовные ораторы пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказать это чувство, а нерѣдко и требованія, внушаемыя имъ: проходить пять, шесть, десять лѣтъ послѣ 25 ноября 1741 года, и не смотря на такое разстояніе, въ годину переворота, или въ день коронованія императрицы, ея именинъ и рожденія, проповѣдникъ считаетъ своею обязанностию возвратиться воспоминаніемъ къ столь счастливому, по его мнѣнію, событію, указать на его общественное значеніе. Съ своей стороны Елисавета Петровна не остается равнодушною слушательницей такихъ панегириковъ: въ ея правленіе мы видимъ цѣлый рядъ указовъ, обнаруживающихъ особенную заботливость и попечительность правительства о церкви, ея служителяхъ, монастыряхъ, о распространеніи православія среди иновѣрцевъ, на востокъ Россіи и въ Сибири. Чрезвычайно любопытно было бы прослѣдить такія отношенія между церковью и государыней во всей ихъ подробности.

Прошло три недѣли послѣ 25 ноября, и въ день рожденія новой императрицы, декабря 18, выступили два оратора: одинъ говорилъ свое слово въ Петербургѣ въ придворной церкви, другой—въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ. Первымъ былъ Амвросій, архіепископъ новгородскій; вторымъ—архимандритъ законоспасаекаго монастыря Кириллъ Флоринскій. *Амвросій Юшкевичъ*, получившій первоначальное воспитаніе въ польскихъ школахъ, бывшій также и въ кievской академіи, сперва служилъ въ ней учителемъ синтаксисы. былъ потомъ игуменомъ монастыря Святаго Духа, единственной въ то время православной обители въ Вильно ¹⁾, откуда переведенъ архимандритомъ въ Симоновъ монастырь, сдѣланъ членомъ синода, съ 1736 года епископомъ вологодскимъ и наконецъ въ 1740 новгородскимъ, занявъ такимъ образомъ кафедру, оставшуюся свободною по смерти Θεофана Прокоповича ²⁾. Подобно знаменитому предшественнику своему, такъ громко прославлявшему дѣла Петра Великаго, Амвросій напоминаетъ Елисаветѣ славное царствованіе отца ея: «Рождени Ея В. отъ обоихъ коронованныхъ лицъ, отъ обоихъ законовладѣтельныхъ самодержавныхъ героев и монарховъ, которые не только по прерогативамъ своего самодержавія, но и по самымъ своимъ

¹⁾ *А. Биргора*, Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событий отечественной исторіи въ виленской губерніи до 1852 года, стр. 86.

²⁾ См. Ист. Р. Іер. I, 82, 186, 603; II 363, VI 877. *Аскоменскаю*, Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академію I, 314, 316. *Б.-Каленскаю*, Словарь дост. людей (М. 1836) ч. I, стр. 42, 44. *Новикова*, Опытъ истор. словаря о рос. писателяхъ, стр. 12.

наслыханнымъ къ отечеству заслугамъ, имѣли истинный законъ вѣчно, со всѣми своими потомками, престолъ російскій наследствовать. Ибо что надлежитъ до преславныхъ заслугъ ихъ; то я не знаю, есть ли въ свѣтѣ уголокъ такой, есть ли народъ дикой и незнаемой, чтобъ до него не дошелъ слухъ дѣлъ и словъ Петра Великаго, и чтобъ не зналъ онъ, кто и что былъ въ Россіи Петръ Первый, кто и что была Екатерина? Но ежели жъ и забылъ ихъ нынѣ свѣтъ; то не дивно: было по чему забывать ихъ. То дивно, когда и у насъ самихъ, толикими превысочайшими дарами обогащенныхъ, толикими трудами, словами и побѣдами ихъ одолженныхъ, но неблагодарныхъ дѣтей ихъ, начали было они въ крайнее приходить забвеніе.» Императорскій титулъ, котораго не могли достичь тридцать предшественниковъ Петра; искусство, мужество, крѣпость и всему свѣту удивительная и ужасная сила воинства російскаго, которому Петръ, «вмѣсто бердышей посмѣятельныхъ, показалъ толь искусно, толь храбро и скоро дѣйствовать и владѣть огненнымъ оружіемъ», которому Петръ «отверзъ путь морскій во все государство новымъ, но всѣмъ стариннымъ не уступающимъ и ужаснымъ флотомъ»; политическое обхождение російскаго гражданства, премудрое учрежденіе коллегій и судовъ государственныхъ, преславные и почти съ самыми древнѣйшими иностранными сравнятся могущіе заводы, различныя фабрики и художества; переменна грубаго прежнихъ обычаевъ нашихъ варварства и свирѣпства; самое благосостояніе російскаго духовенства, есть, по мнѣнію Амвросія, заслуги Петра Великаго, отца новой императрицы. «Когда онъ воевалъ, училъ воевать воинство; когда училъ воинство, устроилъ благополучіе внутренняго гражданства; когда устроилъ благополучіе гражданства, и о духовномъ своемъ чинѣ промышлять не оставилъ. Видѣлъ онъ совершенно, ово изъ древнихъ исторій, ово же и самъ своимъ уже искусствомъ, какъ народъ російской тогда былъ неславный и посмѣятельный; видѣлъ, какъ былъ вовсе темный въ наукахъ и непросвѣщенный: и того ради великою суммою сыскивалъ людей ученыхъ, держалъ ихъ во всякомъ довольствѣ и почтеніи, посылалъ своихъ подданныхъ для науки и всякой экспериенціи въ иностранныя государства, старался вездѣ заводить училища духовныя и политическія, снабждалъ ихъ весьма мудрыми и славными учителями, и, что всего удивительнѣе, самъ своею императорскою персоною почти по всей Европѣ странствовать изволилъ, для единаго, чтобъ, разсмотрѣвъ тамошнее состояніе училищъ, воинства, гражданства и мастерства корабельнаго, завести то такимъ же образомъ и въ своемъ государствѣ. Но въ чемъ толь крайнюю силою трудился, и что такъ великимъ прилежаніемъ пріобрѣталъ

Петръ; во всемъ томъ неотступно присутствовала, и все то также приобрѣтала и Екатерина». Несмотря на то, по смерти Петра II, Елисавета не получила родительскаго престола: «жалостно то вспомнить, — говоритъ ей ораторъ, — но нельзя правды утаить, какъ Богъ, отъ самыхъ блаженныхъ кончинъ вселюбезнѣйшихъ твоихъ родителей, водилъ тебе чрезъ всю жизнь твою по острому и язвительному тернію. Не терніе ли то было, шлюсь я на разсужденіе всякаго, видѣть свой *наслѣдственный* государственный скипетръ чужими руками обладаемый? Не терніе ли то было, въ собственномъ добрѣ, собственными родителями твоими приобрѣтенномъ, почти пепель за хлѣбъ имѣть, а питіе съ плачемъ растворять? Не терніе ли то наконецъ было, терпѣть отъ своихъ подданныхъ рабовъ сущей порфирородной императорской дщери крайнее презрѣніе, и сверхъ того, быть еще во всегдашнемъ опасеніи живота и здравія дражайшаго?» Но, подобно Давиду, послѣ долгаго испытанія и Елисавета достигла желаемой цѣли: «говоритежъ теперь безбожники, исповѣдающіе Бога и Его промысла, — говоритъ проповѣдникъ, — что то сдѣлала фортуна, слѣпой случай, а не Богъ всеми владычествующій: *благословите*» . . . «Послалъ ей Господь сердце мужественное, вліялъ духъ петровъ, даровалъ храбрость іудиинну, которою внутрь возбуждаемая, и Господемъ своимъ аки непреоборимымъ оружіемъ защищаемая, пошла къ надежнымъ своимъ и давно уже того желающимъ, солдатамъ, и объявила имъ свое намѣреніе, и кратко имъ сказать изволила: *Знаете ли, ребята, кто я? и чья дочь?* Родители мои вселюбезнѣйшіе Петръ Великій и Екатерина трудились, заводили регулярство, нажили великое сокровище многими трудами; а нынѣ все то растащено; сверхъ же того, еще и моего живота ищутъ. Но не столько мнѣ себя жаль, какъ вседражайшаго отечества, которое, чужими головами управляемое, напрасно раззоряется, и людей столько, невѣдомо за кого, пропадаетъ. Кому жъ вѣрно служить хочете? Мнѣ ли природной государынѣ или другимъ, незаконно мое наслѣдіе похитившимъ? И какъ то они услышали, того жъ часа всѣ единогласно закричали: «тебѣ, всемилостивѣйшая государыня; за тебя послѣднюю каплю крови изліять готовы; мы того давно желаемъ и дожидаемся, нынѣ время благополучное, нынѣ день приспѣлъ россійскаго спасенія». Сіе сказавши и ко кресту святому приложившись, начали во имя господне исправлять дѣло свое, и сдѣлали то въ одинъ часъ, что иные дѣлали чрезъ многія лѣта и со многими кровопролитіемъ». Представивъ слушателямъ въ такомъ видѣ ноябрьскій переворотъ, Амвросій прибавилъ о самой Елисаветѣ: «не имѣя ни командира надъ солдатами, ни офицера присутствующаго, сама была

и полковникъ, сама и офицеръ командующій». По его мнѣнію, «пре-славная побѣдительница избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣдній вѣдать можетъ, что, какъ болѣзнь внутренняя есть тяжчайшая и опаснѣйшая, такъ и врагъ внутренній и сокровенный есть страшнѣйшій. Но такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, отечество чаще раззоряли, и смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непо-требное и весьма вредительное христіанству суетвѣріе искореняютъ. О, козь многое множество подъ такимъ притворомъ людей духов-ныхъ,—а наипаче ученыхъ,—пострѣбили, монаховъ поразстригали и пе-ремучили! спроси жъ за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суетвѣръ, ханжа, лицеѣвъ, ни къ чему годный. Сіе же все дѣлали такую хитростію и умысломъ, чтобъ вовся въ Россіи истребить священство православное и завести свою нововымышленную безпоповщину. Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ-то несчастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣть, и ученія завести не можетъ! Не знающій чловѣкъ ихъ хитрости и коварства, думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ-нибудь сыскавъ чловѣка ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, наприимѣръ, художникъ, инженеръ, архи-тектъ, или солдатъ старый, а наипаче, ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязатъ, подъ интересъ под-вестъ, и такимъ образомъ, или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитектъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и ин-тереса государства, о! козь безчисленное множество, козь многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невин-ныхъ, Бога и государство весьма любящихъ; въ тайную похищали, въ смрадныхъ узлищахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали! Сего ихъ об-мана народъ незнающій помышлялъ, что они дѣлаютъ сіе отъ край-нія вѣрности; а они такимъ-то безбожнымъ образомъ и такую-то завѣсою покровенные, людей вѣрныхъ истребляли. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ; государству доброжела-тельныхъ, и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ раз-ными претекстами губили, раззоряли, и вовся искореняли, а рав-

ныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныхъ похитителей, весьма любилн, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили. отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали. Было то вопстинну, что и говорить стыдно; однако то сущая правда: прїѣдетъ какой нибудь чловѣкъ иностранной незнаемой (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которые еще въ Россіи никогда не бывали, и никакихъ заслугъ ей не показали), такова, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечестъ, но за то одно, что онъ иноземець, а наипаче, что ихъ совѣсти нравенъ, мпнувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей россійскихъ, надобно произвести въ президенты, въ совѣтники, въ штаны, и жалованья опредѣлить многія тысячи. И такой-то совѣсти были оныя внутренніе враги наши! Такой-то сатанинской вѣрности! Многимъ казалось, что они вѣрно служатъ, воюютъ за церковь христову, подвизаются за отечество; а они такимъ образомъ приводили Россію въ безсиліе, въ нищету и въ крайнее раззореніе. — Воспомяните себѣ только недавно минувшую войну турецкую; сколько они безъ всякой баталіи и сраженія старыхъ солдатъ гладомъ поморили, сколько въ степяхъ жаклою умертвили, да сколько жъ сотъ тысячъ церковниковъ и другихъ рекрутъ перебрали, а все они, почти напрасно, для одной только ихъ добычи и суетной корысти, головы свои положили: но гѣ все то дѣлали аритворно подъ образомъ вѣрности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу: ибо ежели бы они были прямыя отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть послали, такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою въ Россіи пребывали? Такими они сами оказали себя, когда все свои сокровища, все богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали и тамъ иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали»¹⁾. Такая картина злоупотребленій и общественныхъ грѣховъ, совершившихся во времена, уже ставшія прошедшимъ для всехъ слушателей Амвросія, картина не лишенная въ некоторой исторической достоверности, была бы не-

¹⁾ Слово 1741 г. дек. 18; кровъ того Амвросій Юшкевичъ говорилъ проповѣди: 1742 ноября 8, 1743 апрѣля 25, ноября 25, 1744, іюля 15. Срв. Сопликова М. № 1149 — 1153: Библ. Общ. Истор. отд. II, № 666. 2. Кастерина № 818, 837.

оцѣненною для насъ, если бѣ эпоха, которой она касалась, имѣла и надъ самымъ ораторомъ, и надъ внимавшими ему все неотразимое вліяніе настоящаго, предъ глазами ихъ проходящаго дня; теперь же она интересна для насъ потому только, что въ ней впервые такъ громко высказался взглядъ на это время людей, въ руки которыхъ досталась неожиданная побѣда надъ дѣятелями 1730-хъ годовъ. Понятно, что взглядъ этотъ могъ ясно отличать въ прошедшемъ лишь тѣ явленія, которыя наиболѣе поражали его, для которыхъ однакожъ новые зрители не могли быть безпристрастными сѣнителями. —

Но если новгородскій архіепископъ остановился только на общей картинѣ той эпохи, о которой говорилъ; то гораздо далѣе пошелъ московскій проповѣдникъ, *Кириллъ Флоринскій*. Онъ также воспитанъ былъ въ кievской академіи, откуда поступилъ въ только что учрежденный тогда харьковскій коллегіумъ сперва учителемъ, потомъ префектомъ; въ июль 1736 года назначенъ былъ префектомъ московской академіи, гдѣ читалъ богословіе, и за пять мѣсяцовъ до дня, въ который произнесъ свою проповѣдь, сдѣланъ ректоромъ академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ архимандритомъ законоспасскаго монастыря¹⁾. Уже изъ текста, избраннаго имъ для проповѣди: *сильно на земли будетъ сѣмя его*, можно предугадывать, что содержаніемъ слова будетъ панегирикъ Петру и его дочери. Въ самомъ дѣлѣ, Флоринскій, сочиненія котораго вообще отличались обиліемъ аллегорій, притчъ, сравненій, смѣлостію выраженной, почти въ самомъ началѣ проповѣди своей представляетъ Петра святыелемъ, а Россію почвою, принявшею брошенная имъ сѣмена. «Егда вопросите мя, говоритъ онъ: да скажу вамъ не притчу, но свѣжую исторію о насѣянныхъ плевелахъ въ Россіи? Тако отвѣщаю: Сѣяный въ насъ доброе сѣмя, есть самъ Петръ Великій, село есть Россія, доброе сѣмя — сынове россійскаго отечества вѣрніи, паче же всѣхъ по превосходству и по преимуществу дщерь царска и императорска Елизаветъ, наследница престола Петрова; а плевелы—подъ видомъ токмо сыновъ отечества, вешію же порожденія ехиднина изгрызающіе утробу матери своея Россіи, да чужестранцы пришлецы, Петромъ насѣянныхъ въ Россіи расхитители, правотѣри ругатели, благочестія вкорененнаго въ Россіи отъ многосотныхъ лѣтъ растлители и истлители, подъ ухищ-

¹⁾ *Аскоченская*. Кіевъ и т. д., II, 72. *Смирнова*, Исторія моск. ак., стр. 120, 121, 125, 198. *Пет. Рос. Іер.* I, 556, 641, II, 182, 504, VI, 878. Краткое историч. описаніе Св.-Троиц. Серг. Лавры. М. 1815, стр. 125. *Новикова*, Опытъ истор. словаря о росс. писателяхъ, стр. 232.

ревную политикою всего счастья російскаго губителя;... а жатели, плевалы и плевалосѣятелей враговъ собирающіе, сынове же вѣрныхъ безъ поврежденія, яко пшеницу въ житницахъ въ отечествѣ хранящіе — лейбъ-гвардіа и вся воя». При объясненіи правъ Елисаветы Петровны на русскій престолъ, проповѣдникъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на постановленіи Екатерины Первой: не бывать никогда же никому же не греческаго закона, или другую имѣющему корону, монархомъ въ Россіи. Представляя себѣ послѣднюю въ олицетворенномъ видѣ, онъ обращается къ ней съ такимъ вопросомъ: «то намъ страшное чудо, что, тебѣ невѣдущей, возрасте Елизаветъ, знать по сторонамъ негдѣ ты бродила, или, яко конечій доумѣваюся, спала, о Россіи! да еще летаргомъ? Запоматовала, что Петръ воскресилъ тя». . . Потомъ вдругъ переходитъ къ самымъ слушателямъ: «да что я виновну творю едину Россію? Яскія сказать, вси мы чрезъ десятилѣтіе и болѣе нечувственыя дресеса бѣхомъ, не примѣчаи, како созрѣвшіе сильное сѣмя Петрово; запоматовали были, конимъ образомъ Петръ Великій обрѣте насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суковату, дебелу, ожелтѣлу, неотесанну, ни на каково дѣло неудобну, своимъ руками коль въ красныя статуи передѣлалъ, да еще и бездушныя. Почто же мы отъ кончины блаженнаго мужа Петра Великаго, Екатерины и Петра Втораго, очи смежа, дремлюще ходихомъ? Почто на петрово сѣмя, еже въ крайнемъ уничтоженіи, озлобленіи и смиреніи бѣше, ни воззрѣхомъ, ни подѣ сѣнію витахомъ? О пречудная вещь! возрасте сѣмя петрово, подобно зерну горюшну евангельскому, подѣ его же вѣтвіями намъ, Россіянамъ, отраду и прохладженіе давно надлежало было пріяти; но мы, отягченны всѣми иругательствы, страждущіе гонимы, гонимы и мучимы, мучимы и вяжемы, вяжемы и узавдемы, отечества и правотвѣрія лишены, дремлюще, благосѣнно-лиственнаго сего не видѣхомъ древа». Нельзя не замѣтить, что такимъ быстрымъ переходомъ отъ одного представленія къ другому, отъ мысли къ мысли, умѣньемъ заинтересовать слушателя живописнымъ выраженіемъ, обронить какъ бы мимоходомъ не совсѣмъ точное слово и потомъ измѣнить его смыслъ неожиданнымъ эпитетомъ (Петръ сдѣлалъ изъ русскихъ, какъ изъ дерева прекрасныхъ статуй,— и вслѣдъ за тѣмъ объясненіе: да еще и не бездушныхъ): всѣми свойствами этими проповѣдь Флоринскаго выше проповѣди амвросіевой. Но мало того: она и въ разсказѣ о прошедшихъ событіяхъ идетъ дальше, не покидая при этомъ своей обычной рѣзкости въ выраженіяхъ. Флоринскій прямо говорить: «Древо сіе не всяко плотоядное, по челоувѣкояды птицы. Остерманъ и Миннихъ съ своимъ стадищемъ начали было, чрезъ

двонадесатолѣтіе обезпокоивавшіе, същи и терзати; обаче мы дремлюще не видѣхомъ, ниже чувствовыхомъ, донелѣже само сіе сильное съмя насъ не пригласи спящихъ: доколѣ дремлете? доколѣ страждати имате?....» Проповѣдникъ заставляетъ императрицу разсказывать Россіи исторію дѣлъ петровыхъ: «не мой ли отецъ?... не отецъ ли мой?» Такими словами начинается каждое новое исчисленіе заслугъ Петра. «Не и самыхъ ли васъ, о постоянно вѣрные солдаты, изъ боязливыхъ заяцовъ въ небоязненные и нетерпѣливые львы передѣлалъ? Не отецъ ли мой, грубыя прежде и невѣжды—политичныя и вѣжливыя сдѣлалъ?.... Не мой ли отецъ, видѣвъ юстицію, или правосудіе, по стогнамъ самаго царствующаго града Москвы, скитающееся безъ покрова и защищенія, возгради во обитаніе тому многая судилищная коллегія: яко бергъ, комерцъ, духовное дикастиріонъ, сенатъ, и прочіи коллегіи свидѣтельствуютъ?».... и т. д. Характеръ же участія народнаго въ переворотъ, совершенной Елисаветою, проповѣдникъ еще разъ опредѣляетъ съ довольно наивною откровенностью: *«наше токмо нынѣ дѣло торжествовать, о чемъ мы и радуемся, что, хотя дремлюще, спяще и невѣдуще, како возрасла еси, дождали.»* Но съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ нападаетъ онъ на Остермана, Миниха и ихъ друзей. «Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи дѣвольскіе, ичъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правотвріе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня истребить..... Что же Остерманъ и Минихъ съ своими снудники таковыи эмиссаріи были, довлѣють сія доводы. Первый: яко законной наследницы, правотвѣрной благочестія хранительницы Елисаветы, престола отеческаго злодѣйскими тестаментомъ укрывательствы наследовать не допустили. Кто же не вѣсть, что таковой наследницы до отеческаго престола не допускать есть право—вѣріе и благочестіе, отъ апостоловъ первозваннаго Андрея всѣянное, равноапостоломъ Владиміромъ разсѣянное, православными предками Петра и Екатерины, Петромъ и Екатериною по лицу всея Россіи расположенное, искоренять и въ концѣ истребить?» «Второй доводъ: Миниховы въ многобѣдствовавшей отъ него Украинѣ зловтврія его замышленныя и едва ли не возстановленныя кирхи, да и сего царствующаго града въ зовомомъ Китан на прельщеніе душъ исповинныхъ христіанскій рогъ, крестъ христовъ, вознесшая армян-

ская церковь, не ихъ ли дѣло являеть?»¹⁾ Проповѣдникъ призываетъ Іоанна Златоустаго, гремѣвшаго некогда противъ арианъ и Армянъ, заградить Остерману и Миниху челюсти, пролившія коварнымъ образомъ многую кровь Россіянъ, внушить государынѣ о безчестіи, какое наноситъ, по его мнѣнію, Москвѣ существованіе въ ней армянской церкви. «Думали Армяне и ласкатели многи, продолжаютъ онъ отъ себя: кои слѣпымъ умомъ Остермана и Миниха обманнымъ разсказамъ удвлятися часто за свое въ вѣрѣ поврежденіе и непостоянство принуждены бывали, — будто бы, какъ въ первенствующей церквѣ, два свѣтила и два новые апостолы возсіяли: одинъ бы отъ нихъ, яко Павелъ, будто насаждалъ, а другой, яко Аполлосъ, напаивалъ; но осуетишася: видимъ бо, что сѣмя, еже Остерманъ насаждалъ, Минихъ напоялъ. Богъ того не токмо не возрастилъ, но и ихъ искореняеть. Мнози, думать надобно, о Остерманѣ и Минихѣ глаголаху: бози, уподобльшеся челоуѣкомъ, си доша къ намъ, и нарицаху Остермана Діа, Миниха же Ермія; и во правду можно нарещи идолами: Остермана Діа, Миниха Ермія, яко же бо Діа и Ермія въ языцѣхъ, тако Остерманъ и Минихъ были въ Россіи кумиры златыя, имже сосовѣтнѣи не устыдѣшася, яко болванамъ, и жрети, своя совѣти воли ихъ заказающе въ жертву; но уже сокрушишася о камень Петровъ..... Гдѣ домъ, жертвенники, образы и Мааванъ жрецъ Вааловъ? истребимъ я!.... Домъ Вааловъ? Совѣта нераскаяннаго на сѣмя петрово соборнице; жертвенники, образы и жрецы Вааловы Остерманъ, Минихъ и снѣзники тѣхъ, ихъ же и кроуъ насъ, яко скудельнѣи идолы, самъ сокрушитъ Господь²⁾». Въ это самое время надъ Остерманомъ, Минихомъ, Головкинымъ, Левенвольдомъ, Менгденомъ, Темиразевымъ, Яковлевымъ, Стрѣшневымъ, Хрущовымъ и другими торопливо производила судъ особенная комиссія. Вместе съ тѣмъ уничтожались и некоторые изъ указовъ, состоявшихся въ предшествовавшее правленіе; отнимались чины, данные тогда; участники ноябрьскаго переворота награждались щедрою рукою. А въ послѣдній день 1741 года объявлена была закрытою страшная доимочная комиссія; въ канцеляріи же конфискацій прибавленъ еще одинъ комиссаръ: тамъ принимали имущество, отписанное у взятыхъ подъ стражу приверженцевъ прошедшаго

¹⁾ При Аннѣ Іоанновнѣ религіозная терпимость распространена была не только на христіанскія исповѣданія, но и на магометанъ, которыхъ запрещено было силою обращать въ православіе: ибо «*Богу то угодно быть не можетъ*».

²⁾ Слово 1741 г. дек. 18. Кроуъ то у насъ были подъ руками еще два слова Кирилла Флоринскаго: 1742 г. апр. 11 и іюля 15. Срв. Сопикова №№ 10463, 1174, 1175. Библ. Общ. истор. отд. II № 148.

правления; велѣно было также вынуть изъ обращенія монету съ изображеніями Іоанна Антоновича ¹⁾.

На другой день, перваго января 1742 года, съ кафедры проповѣдника придворной церкви снова слышались неумѣренные панегирики Елисаветѣ, 25-му ноября и рѣзкая оцѣнка прежнихъ царствованій. Ораторомъ былъ *Стефанъ Калиновскій*, воспитанникъ кievской академіи, служившій потомъ въ ней префектомъ, далѣе префектомъ, ректоромъ и, стало быть, преподавателемъ богословія въ московской академіи, а оттуда переведенный въ Александрo-Невскую лавру архимандритомъ и вскорѣ затѣмъ получившій назначеніе быть епископомъ въ Псковѣ и членомъ въ синодѣ ²⁾. Замѣтивъ, что 25 ноября встрѣчено было «съ неописаннымъ всего города веселіемъ, съ непрестающими всенародными восклицаніями, съ другодобѣйшими вѣтхъ чиновъ измѣнными поздравленіями,» проповѣдникъ перешелъ къ похвазамъ Петру и Елисаветѣ, называя послѣднюю, подобно Юшкевичу и Флоринскому, русской Юдью, Есфирью и Пульхеріей. Изъ подробностей того образа жизни, какой вела Елисавета Петровна при Аннѣ Іоановнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ, Стефанъ приводитъ только слѣдующія: «еще тогда, какъ блаженные и вѣчностойныя памяти родители ея отъ временнаго сего на вѣчное царство переселилися, многовидныя, несказанныя, нестерпимыя отъ недобросовѣстныхъ подданныхъ своихъ пакости мужественно претерпѣла; еще тогда отъ всезлыхъ людей въ монастырь побуждаема была: что ѣсть, что піеть, что дѣлаетъ, куда ѣздить, съ кѣмъ бесѣдуетъ, приставленными неусыпными шпионами назираема, не унывала, не измогала, не малодушествовала» ³⁾. Любопытно видѣть, что краснорѣчіе проповѣдниковъ достигало своей пѣли. Такъ негодование Кирилла Флеринскаго противъ армянскихъ церквей, построенныхъ въ Москвѣ, высказанное съ страстнымъ желаніемъ выпросить у Елисаветы приказъ объ уничтоженіи ихъ, вызвало со стороны синода доношеніе о томъ, подтвержденное именнымъ указомъ

¹⁾ П. С. З., т. XI. № № 8482, 8483, 8490 — 8494.

²⁾ Ист. Рос. Іер. I, 128, 556, 607; II, 264; VI, 877. *Евгенія* Словарь пис. дух. II, 262. *Смирнова*, Ист. Моск. Акад. 198. *Аскоческское*, Кіевъ и пр. II, 53.

³⁾ Слово на новый годъ, января 1 дня 1742 г. Кроме того Ст. Калиновскій говорилъ еще слова: 1742 янв. 17, февр. 13, ноябр. 25; 1743, іюля 3, сент. 14; 1744 г. апр. 25; 1747 сент. 5; 1749 сент. 5. Срв. Сопикова № № 1154-1164, гдѣ нѣкоторыя слова показаны дважды и № № 10464, 10475, 11481; кроме того подъ № 1172 слово 1746 г. апр. 25 отнесено къ 1744 году. Библ. общ. ист. № 148. 13. 14. 19. 20. 25. Кастерина № 836.

слѣдующаго содержанія: «церкви армянскія, кромѣ одной каменной въ Астрахани, всѣ какъ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) и въ Москвѣ и въ Астрахани недавно построенныя, упразднить, и впредь позволенія о строеніи оныхъ не давать» ¹⁾).

Между тѣмъ дворъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Москву для коронованія государыни. 28 февраля былъ торжественный въѣздъ въ древнюю столицу. Надписи къ триумфальнымъ воротамъ, чрезъ которыя она проѣзжала, были составлены Амвросіемъ Юшкевичемъ и академикомъ Штелинымъ ²⁾ — Въ проповѣди, которую сказалъ въ тотъ день Амвросій въ Успенскомъ соборѣ, между прочими заслугами Елисаветы выставлено было повелѣніе «книгу Камень Вѣры, во тѣхъ невѣденія заключенную, на свѣтъ произвести и освободить,» которая также необходима была для духовнаго чина, «какъ напримѣръ всякому искусному мастеру инструменты, воину оружіе, плавающему корабленнику на морѣ кормило,» а до тѣхъ поръ «нетокмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли.... готовыя во тѣхъ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили» ³⁾. А 25 марта, воспитанникъ Московскій академіи, архимандритъ Свѣяжскаго монастыря, первый членъ коммисіи объ обращеніи въ христіанство магометанскихъ и языческихъ народовъ въ нижегородской и казанской губерніяхъ, *Димитрій Свѣченъ*, говорилъ въ присутствіи Елисаветы проповѣдь на текстъ: *благословствуй, земле. радость вселю*. Никто, ни прежде, ни послѣ, не выражался такъ рѣшительно, какъ Свѣченъ. Сказавъ нѣсколько словъ о духовномъ торжествѣ того дня, онъ распространился о торжествѣ политическомъ. «Было неблагополучное время, говорилъ онъ, но прошлая нечестія лютая зима, возсіяло ведро благочестія». Настало время спокойныхъ размышленій, когда можно безъ опасности прокнести свой приговоръ общественнымъ дѣламъ, обнаружить свои чувства. Теперь приличіе всего, по мнѣнію проповѣдника, обратиться воспоминаніемъ ко временамъ Петра Великаго, имѣвшаго не малое попеченіе о томъ, какъ-бы въ духовныхъ сребролюбивый нравъ истребить, расколы изпразднить, суевѣрія отгнать, волшебство вывестъ; «того ради самъ духовное собраніе посѣщать не лѣнися, ко исправленію благочестія духовныхъ пастырей поощрять; но сія паче удивительна

¹⁾ П. С. З. т. XI. № 8500

²⁾ Рус. старина, т. IV. стр. 23.

³⁾ Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священ. коронованія И. Елисаветы. печ. при И. А. Н. въ Спб. 1744 г. стр. 16 — 17.

о благочестіи ревность, яко въ самой уже тяжкой болѣзни, въ самомъ послѣднемъ издыханіи, не иное что приказывалъ, не о иномъ чемъ вселюбезную свою супругу просилъ, токмо да сохранить благочестіе: Екатерина, соблюди православную вѣру.» Но со смертію Петра и Екатерины I наступили частыя и вредительныя перемены: и «видя то, противницы наши добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себе, акы бы они вѣрные государству слуги, акы бы они сберегатели здравія государей своихъ, акы бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ: а какъ прибрали все отечество наше въ руки, колікій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ російскихъ отрыгнули; колікое гоненіе на церковь христову и на благочестивую вѣру возставши, ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали. А впервыхъ тцалися благочестіе отнять, безъ котораго бы мы были горшіи Турокъ, Жидовъ и Араповъ. А такъ то они удумали, какъ де благочестіе у нихъ отыметь, тогда де и сами къ намъ вѣру приложатъ, и сами въ слѣдъ нашъ пойдутъ, и такъ по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ плевельныя ученія разсѣвали, толико повредили, что мнози малодушніи возлюбиха тьму паче свѣта, возлюбиха паче славу человѣческую, нежели славу Божію, ищущіи въ нихъ милости. Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ..... И что бѣдственнѣе: догматы христіянскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; ходатайцу спасенія нашего неусынную христіянскую помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодинокъ божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменіемъ креста святаго, егоже бѣси трепещутъ, гнушались; преданія апостольскія и святыхъ отецъ отвергали; добрая дѣла, ипже вѣчная язда снискуется, отматали, въ посты святыя мяса пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; поминовенію усопшихъ сѣялися; сами суще чада и наслѣдницы геенны, гееннѣ быть не вѣрили..... И симъ даяніемъ толико любителей міра сего въ безстрашіе и сластолюбіе привели, что мнози и въ епикурскія мѣтнія впадали. Яждь, пій, веселися, по смерти никакого де утѣшенія нѣсть: и которые такъ бредили, таковыя-то у враговъ нашихъ и въ милости были, таковыя и въ чины производилися; а которые такихъ прелестниковъ не слушали, колікій имъ руганія, поношенія врази благочестія чинили, мужиками, грубіанами нарицали. Кто посты хранить, называли ханжа. Кто молитвою съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ. Кто иконамъ кланяется—суетвѣръ. Кто языкъ отъ сует-

словія воздерживаетъ,—глупъ, говорить не умѣетъ. Кто милостивно неоскудно подаетъ,—простъ, не умѣетъ, куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталось. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ де пути не будетъ. А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою, и сухимъ путемъ—куды? за чѣмъ?—монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые настыри, самые проповѣдники слова Божія молчали и усть не смѣли о благочестія отверзти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается.» Въ послѣднихъ словахъ проповѣдника какъ будто таится сознаніе, что поздняя борьба не есть заслуга, что равнодушіе и боязнь во время опасности (если только непреувеличена эта опасность силою краснорѣчія) не могутъ возбудить въ слушателяхъ особенной симпатіи къ себѣ. Ораторъ, подобно своимъ предшественникамъ, поднялъ Елисавету на недостигаемую высоту гражданскаго подвига, политическаго и религіознаго мужества. Она одна вступила въ борьбу съ общественнымъ бѣдствіемъ; что же осталось на долю тѣхъ, кто точно такъ же понималъ характеръ этихъ бѣдствій, какъ и самъ проповѣдникъ? Неизбѣжная мысль о собственной слабости. За то Сѣченовъ ищетъ оправданія ей въ нравахъ современнаго общества: «Узнали враги наши, что имъ не трудно священника, или монаха, или простаго челоуѣка, какъ мушку задавить, принялися они и за великихъ лицъ, а паче которыхъ вѣдали благочестія защитниковъ, многія (?) знатныя фамиліи до конца (?) истребили, многихъ честныхъ, вѣрныхъ слугъ въ тяжкихъ заточеніяхъ, темницахъ поморили, многимъ головы поотрубали, языки порѣзали.» Насилія развратили слабыхъ; «поносимъ праотца нашего, говоритъ проповѣдникъ, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку винца, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ суль за гостинець, въ торгу за копѣйку, въ постъ святой за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пошепчи въ ухо: я тебя не оставляю: возьми и душу готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть.» Но люди сильные не были довольны только этимъ; они удумали свои хитрый совѣтъ на самую истинную наслѣдницу русскаго престола.... «А теперъ, замѣчаетъ проповѣдникъ, и языкъ закусили,» въ Елисаветѣ слабые духомъ увидали, по его выраженію: «одушевленный инструментъ, чрезъ который изгнанныи

возвратилися, узники свободилися, ограбленные, уничтоженные первыя имѣнія и чести воспріяли»¹⁾.

25 Апрѣля, въ день коронованія Елисаветы Петровны, въ молитвѣ предъ началомъ литургіи, Амвросій Юшкевичъ, обращаясь къ Богу отъ лица всего народа, читалъ: «Видимъ въ душѣ дѣвической дивная дѣла Божія, видимъ непобѣдимое мужество, сердце героическое, премудрость высокоукъ, храбрость неустрашенную, любовь и милосердіе къ отечеству безприкладное. И кое жъ большее можетъ быть великодушіе какъ сіе: забыть деликатнаго своего полу, пойти въ малой компаніи на очевидное здравіа своего опасеніе, не жалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови, быть вождемъ и каналеромъ воинства, собирать вѣрное солдатство, заводить шеренги, идти грудью противъ непріятеля и, сѣдящихъ въ гнѣздѣ орла російскаго, ношныхъ совъ и истопырей, мыслящихъ злое государству, прочь выпужать, коварныхъ разорителей отечества связать, побѣдить, и наслѣдіе Петра Великаго изъ рукъ чужихъ вырвать, и сыновъ російскихъ изъ неволи высвободить, и до перваго привести благополучія, и праотческое оныяъ возвратить благополучіе? Нѣсть ли убо сіе всему свѣту удивительно? Нѣсть ли потомнымъ вѣкамъ памяти достойная исторія.» Превеличивая заслуги Елисаветы, архіепископъ новгородскій признавалъ отъ лица того же народа, что всѣ бывшія бѣды и скорби наведены были на Россію за грѣхи всего населенія²⁾. А между тѣмъ, въ тотъ же самый день, какъ въ Москвѣ совершался обрядъ коронованія, въ петербургской придворной церкви говорилъ проповѣдь священникъ петронавловскаго собора *Петръ Гребневскій*; называя враговъ Елисаветы гробами поваленными, яблоками содомскими, лисами прехитрыми, ковчегами позлащенными, квасъ фарисейскій въ себѣ содержащими; о самой Елисаветѣ проповѣдникъ выражается въ такихъ словахъ: «она едина аки солнце, которое темными облаками окружаемо бываетъ, но не помрачается. Она едина, аки корабль, который волнами обуреваемъ бываетъ, но не погружается; но паче отъ всѣхъ возносится. Она едина, аки кедръ ливанскій, который вѣтромъ не крушится, но паче крѣпчайшій отъ того бываетъ. Она едина, аки древо финиково, которое отъ тяжести не ломится, но паче про-

¹⁾ Слово въ день Благовѣщенія... 1742 г. марта 25. У насъ было подъ руками еще слово 1742 г. іюля 8. Срв. Сопикова № № 1181, 1182, 10466 Библ. Кастерина № 820, Описаніе рукоп. Толстаго IV, 41. Ист. Р. Іер. I, 83, 134, 168, 580, VI, 880; Словарь Евгенія I, 138.

²⁾ Обстоятельное описаніе и проч., стр. 60, 64, 65.

цѣлѣетъ. Она одна, какъ алмазъ претвердый, ни чѣмъ сокрушится могущій ¹⁾».

Если, на другой день коронаціи, архіепископъ новгородскій, принося поздравленіе Елисаветѣ отъ лица духовенства, просилъ ее приять виноградъ мысленный, т. е. церковь, въ дѣйствительное защищеніе, покровъ и оборону отъ многихъ разорителей; ²⁾ то въ отвѣтъ на его рѣчь послѣдовали указы: объ обращеніи въ православіе калмыковъ, татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ, находившихся въ полкахъ; объ освобожденіи отъ постоя дворовъ тѣхъ священно-служителей, которые находились на службѣ при церквяхъ; о соблюденіи приличія во время церковнаго служенія; о томъ, чтобъ судебныя мѣста не брали подъ арестъ духовныхъ лицъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ важныхъ государственныхъ преступленій, безъ сношенія съ архіереями; объ учрежденіи школъ къ казанской губерніи для новокрещенныхъ иновѣрческихъ дѣтей; объ облегченіи участи духовныхъ лицъ, неправильно сказавшихъ за собою слово и дѣло государевы, п. т. под. ³⁾.

Такимъ образомъ обычай проповѣди, объясняющей современность, разившійся при Петрѣ, но забытый при его преемникахъ, возникъ съ новою силой съ первыхъ же дней царствованія Елисаветы Петровны. Скоро онъ сдѣлался какъ бы официальной принадлежностью придворной жизни, и каждое воскресенье, каждый праздникъ слышалось во дворцѣ слово какого-нибудь новаго оратора. Такъ намъ извѣстны еще 36 словъ, произнесенныхъ въ присутствіи Елисаветы Петровны въ томъ же 1742 году, и кромѣ того нѣсколько указаній на проповѣди, которыхъ не было у насъ подъ руками ⁴⁾. Мая 16-го говорилъ слого архимандритъ и ректоръ кіевобратскаго училищнаго монастыря, *Сильвестръ Кулябка*, родственникъ гетмана Данила Апостола, достигшій въ царствованіе Елисаветы сана петербургскаго архіепископа и извѣстный своимъ ловкимъ комплиментомъ красотѣ императрицы. Когда послѣдняя выразила однажды свое сожалѣніе, что ни одинъ живописецъ не можетъ написать вѣрнаго изображенія ея, и въ доказательство того показала Сильвестру нѣсколько своихъ портретовъ, онъ сказалъ ей:

¹⁾ Слово печатано въ Спб. при П. А. П., мая 12 дня 1742 года. Стр. 1—15. Срв. Смирдина опись, № 512.

²⁾ Обстоят. описаніе и проч., стр. 99, 100.

³⁾ П. С. З., т. XI, № № 8540, 8546, 8548, 8559, 8566, 8577, 8579, 8583, и др.

⁴⁾ См. Испр. каталогъ библ. П. Гр. Дежидова въ Читеніяхъ Общ. ист. годъ 2.

«Предметъ огорченія вашего величества составляетъ предметъ радости нашей.» Почему? спросила удивленная императрица. «Красота вашего величества неописанная,» отвѣчалъ Кулябка ¹⁾. Впрочемъ всѣ проповѣди его, за весьма немногими исключениями, почти не касаются современности ²⁾. Мая 21 говорено было слово учителемъ грамматики въ московской академіи, іеродиакономъ *Арсеніемъ Мошлянскимъ*, который былъ потомъ архимандритомъ троицкой лавры, архіепископомъ переяславскимъ и дмитровскимъ, жилъ нѣкоторое время въ новгородъ-сѣверскомъ монастырѣ и потомъ назначенъ въ Кіевъ митрополитомъ ³⁾. Два дня спустя, говорилъ проповѣдь савинскій архимандритъ *Иларіонъ Григоровичъ*, впоследствии архимандритъ воскресенскаго монастыря, занимавшійся вмѣстѣ съ другими лицами исправленіемъ библейскаго текста на славянскомъ языкѣ, а по окончаніи этого труда назначенный въ епископы на Крутицахъ и членомъ въ синодъ ⁴⁾. Вслѣдъ за нимъ 27 мая, въ день Вознесенія, говорилъ слово въ соборной церкви Коломенскаго дворца экзимиляторъ крутицкой епархіи іеромонахъ *Иоасафъ Хотунцевскій*, котораго въ томъ же году послали въ Камчатку во главѣ цѣлой миссіи изъ духовныхъ лицъ, для обращенія въ христіанство инородцевъ, населявшихъ восточный край Сибири ⁵⁾. Проповѣдь, скизанная 30 мая, въ день рожденія Петра

¹⁾ Словарь Батмшъ-Кіевскаго V, стр. 42; срв. И. Р. I. ч. I, стр. 95, 204, 492, 505, II, 264; VI, 880. Словарь Евгенія II, 206. Аскоченскаго, Кісь II, 63. Записки Пащюкина, 78 сл., 269.

²⁾ 1744 г. сент. 5; 1745 г. ноября 25; 1749 г. апр. 25; 1750 г. авг. 30, сент. 5, ноября 25, дек. 8, 15; 1751 г. янв. 1, февр. 8, 20; срв. Сопикова № № 4196—1204. Слово Сильвестра 25 апр. 1749 г. приписано у Сопикова подъ № 4159 Стефану, епископу псковскому и нарвскому, бывшему потомъ архіепископомъ новгородскимъ. Срв. Описаніе библиографическое общ. истор. № № 148, 24.

³⁾ И. Р. I. ч. I, 64, 230, 231; II, 182; VI, 879. Словарь Евгенія I, 341; Аскоченскаго II, 68; Смирнова И. М. А. 220, И. С. Р. 3. № 8960; Описаніе Троицкой Лавры, стр. 125, 126. Слова его: 1742 г. іюня 7, декабря 8; 1743 г. февр. 6, марта 13, августа 15, ноября 6; рѣчь въ 1744 г. при встрѣчѣ Елисаветы у воротъ Троицкой Лавры. Срв. Сопикова № № 9939, 10468, 1444, 1447, 10477, 13167; Опись Смирдина № 528.

⁴⁾ И. Рос. I. ч. I, 239, 641; II, 353, VI, 879, 893; Аскоченскаго II, 50. Слова его: 1742 г. мая 23; 1747 г. января 1; 1748 г. сент. 5. Срв. Сопикова № № 1188, 1489 (подъ № 4220 это слово приписано архимандриту Свасо-Преображенскаго монастыря Вениамину Григоровичу; см. Каталогъ библиографический. Кастерина, № 856.) 10480 и Библиографическое общ. ист. № 148, 23.

⁵⁾ И. Рос. I. ч. I, 86, 557; VI, 842; Смирнова, Ист. М. А., 204, 233; Сопикова № 4205; Библиографическое общ. ист. № 148, 3; Библиографическое Демидова № 580. Исторія Рус. церкви, періодъ синодальный, стр. 39, 40.

Великаго, принадлежала архимандриту николаевского бѣлградскаго монастыря, *Аванасію Танолюскому*, бывшему прежде префектомъ и ректоромъ харьковскаго Коллегіума ¹⁾. Воспоминанія дня дали поводъ проповѣднику сказать нѣсколько словъ о заслугахъ Петра, о перемѣнѣ, наступившей съ воцареніемъ Елисаветы, которая удалила отъ престола «чуждыхъ долицъ, которые самую Россію съ кровію выцѣдили.» Между другими проповѣдниками того же года встречаемъ: архимандрита бѣлгородскаго же монастыря *Платона Маминовскаю*, въ послѣдствіи архіепископа московскаго и сѣвскаго ²⁾; *Маркелла Радышевскаю*, епископа корельскаго и ладожскаго, викарія Амвросію Юшкевичу, умершаго въ ноябрѣ того же года ³⁾; іеромонаха и учителя философіи *Іоанна Козловича*, бывшаго потомъ архимандритомъ донскаго и законоспаскаго монастырей, епископомъ южнаго Переяславля ⁴⁾; митрополита ростовскаго и ярославскаго *Арсенія Мацѣвича*, только что переведеннаго тогда съ сибирской митрополіи, пострадавшаго при Екатеринѣ II за свой протестъ противъ отобранія недвижимыхъ имуществъ у монастырей ⁵⁾; придворнаго проповѣдника, дьякона *Стефана Савицкаю*, о которомъ упоминаетъ Сумароковъ въ своей статьѣ о духовномъ красноръчій ⁶⁾; священника при церкви Успенія Богородицы, что въ Кожевникахъ, *Евстафія Мошлянскаю*, бывшаго послѣ архиман-

¹⁾ И. Р. С. I. 1, 641, 642; Аскоченскаго Кіева и проч. стр. 144; Сопикова № № 1192, 1193 (слово 30 авг. 1742 г.)

²⁾ И. Р. I. 1, 91, 239, 504, 555, 641; VI, 876, 879, 893. Смирнова П. М. Ак., 208; Аскоченскаго, стр. 65-66. Слова его были произнесены: 1742 г. іюня 20, 1744 г. сент. 5; 1745 декабря 18, 1746 сент. 5, срв. Сопикова № № 1165 (ошибочно показано 20 іюля вм. іюня), 1164, 1166; — третье слово пропушено у Сопикова.

³⁾ И. Р. I. 1, 86, 616; VI, 810, 811; Аскоченскаго I. 312; Сопикова № № 1213, слово 22 іюня 1742 года. Діаріушъ Ханенко, въ Читеніяхъ общ. ист. 1858 г., кн. I, отд. V, стр. 18.

⁴⁾ И. Р. С. I. 1, 211, 557; II, 369, 379; VI, 893. Аскоченскаго II, 116, Смирнова П. М. Ак. 121, 200. Слова его: 1742 г. іюня 27, 1749 г. янв. 1. Срв. Сопикова № № 1186, 1187; Библ. общ. ист. № № 148, 26.

⁵⁾ И. Р. I. 1, 111, 123; VI, 878; Евгения Словарь I, стр. 56. Филарета Ист. Р. II. періодъ синодальный, стр. 16. Слово его было семь: 1742 г. іюня 29, сент. 3, окт. 16; 1744 г. іюня 29; ноября 25; 1749 г. августа 1, декабря 1, срв. Сопикова № № 1137—1142 (пропушено второе слово, вмѣсто котораго помянуто третье съ ошибочнымъ указаніемъ мѣста проповѣди: въ церкви кн. Куракина вм. кн. А. Б. Шереметева). Кастерина № № 822, 835, 838; Библ. общ. ист. № № 118, 9, 16, 26.

⁶⁾ Сочиненія Сумарокова, изд. 2, ч. VI, стр. 281. У насъ было подлѣ рукани одно только слово его, 4 іюля 1742 г.

дрита въ пѣжинскомъ, благовѣщенскомъ, кievскомъ и никольскомъ монастыряхъ, подъ именемъ Епифанія ¹⁾; священника *Іоанна Камаровскаго*, воспитанника кievской академіи ²⁾; священника лейбъ-гвардіи коннаго полка *Михаила Красильникова* ³⁾; намѣстника троицкаго сергіевскаго монастыря іеромонаха *Антонія Нарожницкаго*, говорившаго проповѣдь 4 августа во время пребыванія Елисаветы въ лаврѣ, и посвященнаго мѣсяць спустя въ санъ митрополита Сибири ⁴⁾; архимандрита владимірскаго Рождественскаго монастыря *Платона Петрункевича*, бывшаго потомъ епископомъ владимірскимъ ⁵⁾; священниковъ Успенскаго собора *Стефана Левицкаго* и *Іоанна Змилевскаго*, Архангельскаго собора *Антипа Мартеніанова* ⁶⁾; іеромонаха *Порфирія Крайскаго*, 17 лѣтъ служившаго при московской академіи учителемъ, бывшаго наставникомъ Ломоносова по классу реторики, въ послѣдствіи епископомъ въ Суздаля, Коломнѣ, Бѣлградѣ ⁷⁾; учителя московской академіи, іеромонаха *Гедеона Антонскаго*, бывшаго потомъ архимандритомъ харьковскаго Покровскаго монастыря и ректоромъ тамошняго коллегіума ⁸⁾, архимандрита тверскаго отроча монастыря и ректора тверской семинаріи, *Іоанникія Скабовскаго* ⁹⁾; игумена лубенскаго

¹⁾ Краткая исторія построенія Пѣжинскаго Блгов. мон., называемаго Богородичнымъ Назаретомъ, стр. 73. Евгенія Словарь I, 164. Аскоченскаго II, 128. Слова его были: 1742 іюля 11, ноября 21; 1743 г. іюля 17; 1744 г. севр. 26, авг. 19, срв. Сопикова № № 1176—1179 (пропущено третье слово); Кастерина № 840.

²⁾ Аскоченскаго II, 118; слово 18 іюля 1742 г.; Сопикова № 1215.

³⁾ Слово 25 іюля 1742 года; Сопикова № 1216.

⁴⁾ Ист. Рос. Іер. I, 112. Слово 4 августа 1742 г., Сопикова № 1208; Кастерина № 817; Библ. общ. ист. № 148, 5.

⁵⁾ Ист. Рос. Іер. I, 182; II, 534; VI, 878; Аскоченскаго II, 71. Слова его: 1742 г. авг. 6, сент. 19; 1743 іюня 27, 1746 г. генв. 1, ноября 30; срв. Сопикова № № 1169—1173, 10472; Биба. общ. ист. № 148, 6, 8, 19. У Сопикова слово 30 ноября 1746 года неправильно отнесено къ 1744 году.

⁶⁾ Слова перваго: 1742 авг. 8, октября 24; втораго: августа 22; третьяго: авг. 16. У Сопикова № № 1210, 1211, 1194; Библ. общ. ист. № 148, 7.

⁷⁾ Ист. Рос. Іер. I, 172, 182, 248, 556, 557; II, 379; VI, 884, 892, 893; Смирнова, Ист. М. Ак. стр. 92, 122, 125, 199; слова его: 1742 апр. 16 и авг. 26; срв. Сопикова № № 1183—1185.

⁸⁾ И. Р. I, 1, 642; Смирнова И. М. Ак. 126, 219; слова его 1742 окт. 31, 1744 года мая 21; срв. Сопикова № № 1190, 1191; Библ. общ. ист. № 148, 10, 15.

⁹⁾ Слово 1742 г. ноября 14; срв. Сопикова № 1217.

Мгарскаго монастыря *Юсафа Горленка* ¹⁾ и діакона петропавловскаго собора *Алексѣя Флорова* ²⁾. Къ этимъ именамъ надо прибавить еще проповѣдниковъ, слѣдовавшихъ за 1742 годомъ: архимандрита Чудова монастыря *Варлама* ³⁾, учителя Петра III, іеромонаха *Симона Тодорскаго*, бывшаго потомъ архимандритомъ ипатьевского монастыря, епископомъ костромскимъ, псковскимъ и нарвскимъ ⁴⁾; іеромонаха троицкой лавры *Панкратія Чернысскаго*, архимандрита ея *Тимовея Щербатскаго*, учителя *Кирилла Ляшевскаго*, впоследствии епископа воронежскаго и елецкаго, и префекта лаврской же семинаріи, іеромонаха *Аванасія Болховскаго*, бывшаго потомъ епископомъ въ Твери, Ростовѣ и Ярославѣ ⁵⁾; іеромонаха, проповѣдника въ московской академіи, впоследствии архимандрита нижегородскаго благовѣщенскаго монастыря, *Лаврентія Ясинскаго* ⁶⁾; учителя семинаріи троицкой лавры іеродіакона *Иннокентія Паскевича* ⁷⁾; архимандрита Спасскаго въ Казани монастыря *Веніамина Григоровича*, бывшаго потомъ епископомъ въ Твери, Псковѣ, Петербургѣ, Казани, гдѣ едва не пострадалъ по ложному доносу одного изъ

¹⁾ Ист. Р. Іер. I, 172, Аскоченскаго II, 47; слово 1742 ноября 28; Сопикова № 40470; Библ. общ. ист. № 148, 11; первое прибавленіе къ описи Смирдина № 9916.

²⁾ Слово 1742 г. декабря 18, Н. Іер. I, 606, Сопикова № 40473; Библ. общ. ист. № 666, 3.

³⁾ 1743 года января 1; Библ. общ. отд. II, № 148, 12.

⁴⁾ Ист. Рос. Іер. I, 128, 204; II, 653; VI, 879. Словарь Евгенія II, 220; Аскоченскаго стр. 142; слова: 1743 г. февр 10; 1745 г. августа 24; 1746 декабря 18 Сопикова № № 13166, 10477 и 12840. (Одно и то же слово, заглавіе котораго должно быть приведено такъ: Божіе особенное благоволеніе, ниже всегда благословилъ Богъ и явилъ благословляетъ всепресвѣтлѣйшій дошъ Петра Великаго. Слово на день бракосочетанія В. Кн. Петра Федоровича съ В. Кн. Екатериною Алексѣевною, произнесенное вѣрнѣйшимъ ихъ рабомъ и всеусерднмъ богомольцемъ Сичовомъ, епископомъ псковскимъ и нарвскимъ, М. 1742, т. 4) срв. № 148 Слово 1746 года не упомянуто.

⁵⁾ Слово перваго: 1744 г. іюня 5; Сопикова № 40474; рѣчь втораго въ томъ же году. Библ. общ. ист. № 166, в. Слова третьяго 1744 дек. 9, 1749 сент. 25; Н. Р. Іер. I, 199, 155; II, 302; Аскоченскаго II, 72; словарь Евгенія I, 336, Сумарокова VI, 281. 282; Сопикова № 1206; Кастерина № 859. Слова четвертаго, называемаго также и Бальховскимъ. 1745 сент. 25, ноября 22, 1749 іюня 29; Н. Р. I, 123, 140, 348, 628, 89; II, 182; VI, 880; Аскоченскаго II, 116, Кастерина № № 813, 848; Сопикова № 1209, 1219.

⁶⁾ Слово 1745 г. дек. 22. Библ. моск. общ., отд. I, № 219, Ист. моск. акад. Смирнова, стр. 213.

⁷⁾ Слова 1742 г. сентяб. 25, 1749 г. дек. 8; Библ. общ. ист. № 148, 21, 27.

участниковъ пугачевского бунта, въ 1774 году ¹⁾); проповѣдника московской академіи, іеромонаха *Іосифа Золотая*, котораго и послѣ назначенія игумною серпуховскаго владычня монастыря, обязали «надлежащія по проповѣдническому званію слова Божія проповѣди сказывать всегда безъ всякихъ отговорокъ», и только 16 декабря 1761 года сдѣлали вологодскимъ епископомъ ²⁾); *Сильвестра Добрыню*, игумна святодухова монастыря въ Вильнѣ ³⁾); архимандрита тверскаго желтикова монастыря *Макарія Петровича* ⁴⁾), и наконецъ *Гедсона Криноvsкаго*, псковскаго епископа ⁵⁾). Такимъ образомъ, сверхъ 48 словъ 1741 и 1742 годовъ, намъ удалось просмотрѣть еще 14 словъ, относящихся къ 1743 году, 15 словъ и рѣчей 1744 года ⁶⁾), 8 словъ 1745 года, 6 словъ 1749 г., 4 слова 1747 г., только одно 1748 г., 10 словъ 1749 г., 6 словъ 1750 г., 4 слова 1751 года, по одному на 1752 и 1753 и 1754 года. Проповѣдей, говоренныхъ въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны, мы не имѣли подъ руками и не нашли въ русской библиографіи никакихъ указаній на нихъ. Впрочемъ уже изъ предложеннаго, хотя и не полного перечисленія ихъ, можно видѣть, что обычай, такъ сильно пробудившійся въ первое время послѣ правительственной перемены 25 ноября 1741 года, потомъ сталъ мало-по-малу ослабѣвать: число произ-

¹⁾ Ист. Рос. Іер. I, 95, 102, 128, 140, 168, 577, 581; II, 264; VI 880. Аскоченскаго I, 312; Бантыша—Каменскаго словарь т. I, стр. 263, 267; слово 25 мая 1754 года срв. Сопикова № 1220 и Кастерина № 856, Нащокина записки, стр. 140.

²⁾ Ист. Рос. Іер. I, 187. Слово 1749 февр. 26. У Сопикова проповѣдникъ названъ Іоасафомъ см. № 1507. Срв. Ист. и. ак. Смирнова, стр. 123.

³⁾ Слово 1751 г. апр. 5 дня въ великій пятокъ о неблагодарствѣи возлюбленнаго Божіаго рода іудейскаго, проповѣданіе.... въ Спг. въ придворной Ел Величества большой Срътенія господня, въ зимней дворцѣ, церкви, игуменонъ и благочестиваго отъ Святаго Духа польской области вол. княж. Литовскаго стольнаго города Вильны монастыря старшинъ Сильвестровъ Добрыню. Печ. въ М. тип. 1751 авг. 28 дая; стр. 8. На текстъ: воздаша ми лукавая возблагая. Срв. Сопикова № 1212.

⁴⁾ Ист. мос. акад. 126, 210-211; Аскоченскаго II, 204; Евгений словарь II, 23.

⁵⁾ Евгений словарь I, 85; Ист. и. ак. 126, первое изданіе словъ Гедсова Криноvsкаго въ двухъ томахъ вышло въ 1755-59 г., второе также въ двухъ томахъ въ 1760.

⁶⁾ Въ каталогъ Кастерина подъ № 844, упоминается еще: слово похвальное св. Николаю, печат. въ М. 1745 года т. 4. Въ царствованіе Елисаветы Петровны были издаваемы также и переводы проповѣдей съ греческаго языка, въ предисловіяхъ къ нимъ высказывались мысли, подобныя приведеннымъ выше см. прибавленіе къ сей статьѣ.

несенныхъ въ придворной церкви проповѣдей уменьшалось съ каждымъ годомъ. Въ началѣ каждая проповѣдь печаталась тотчасъ же послѣ произнесенія ея, но потомъ типографскіе станки стали медленнѣе дѣйствовать, передавая печати церковныя слова, наконецъ и вовсе прекратилось изданіе ихъ въ свѣтъ ¹⁾. Посчастливилось только Гедеону Кривовскому.

Разумѣется, не всѣ изъ перечисленныхъ нами проповѣдей имѣютъ прямое, непосредственное отношеніе къ современной эпохѣ; и потому мы скажемъ здѣсь лишь о тѣхъ, въ которыхъ можно встрѣтить что-нибудь для характеристики русскаго общества въ царствованіе Елисаветы Петровны.

Почти всѣ проповѣдники сходились въ своихъ требованіяхъ мести людямъ, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе государствомъ до 25 ноября 1740 года, всѣ предлагали наказать измѣнившихъ прародительскимъ, стариннымъ правамъ и преданіямъ. Такъ Маркеллъ Радышевскій обращался къ Елисаветѣ съ совѣтами такого рода: «утоли языки скверные ихъ, гробы ихъ гортани затвори, уста съ языкомъ хульнымъ заключи; а и снять ихъ отъ мѣстъ нехудо», просилъ казни жесточайшей и непослабной иновѣрцамъ, распространяющимъ свое ученіе ²⁾. Гедеонъ Антонскій, Кириллъ Флоринскій, Арсеній Мацѣевичъ, Кириллъ Ляшевецкій и другіе гремѣли въ своихъ проповѣдяхъ противъ «скотоподобныхъ, безбожныхъ атеистовъ, еретиковъ, отступниковъ, раскольниковъ, армянъ», противъ «права и ума епикурейскаго и фреймассонскаго» ³⁾. Иннокентій Паскевичъ прямо выразилъ мысль, что «нейтралитета Христось

¹⁾ Всѣ проповѣди печатались или въ Москвѣ въ синодальной типографіи славянскими буквами, или въ Петербургѣ въ типографіи Академіи наукъ, въ Москвѣ въ синодальной, буквами русскими. Послѣ подробнаго заглавія, въ которое обыкновенно обозначалось время и мѣсто произнесенія слова, имя автора и лицъ императорской фамиліи, присутствовавшихъ при его произнесеніи, слѣдовало почти всегда указаніе на время напечатанія слова. Такъ напр. слово Аванасія Топольскаго, 1742 года мая 30, было напечатано іюля 2; слово Антонія Нарожницкаго, 1742 г. ав. 4, напечатано 31 авг; слово Иннокентія Паскевича, 1749 г. дек. 8, печатано 1750 г. мая 17 дня; слова Дмитрія Съченова большешю частію издавались по нѣскольку разъ: слово 1742 марта 25, первымъ изданіемъ вышло 10 мая 1742 г. а вторымъ 22 января 1743 г.; слово 1742 г. іюля 8 первымъ изданіемъ напечатано 12 авг. 1742 г., а третьимъ въ 1747 году. Слова печатаемы славянскими буквами, номерованы только на лицевой сторонѣ листовъ, остальные и на оборотахъ листовъ.

²⁾ Слово 22 іюня 1742 года.

³⁾ Слова 18 дек. 1741 г., 31 окт., 21 мая 1744, 5 и 25 сентяб. 1749 г. Авторъ предпоследняго слова старается между прочимъ опровергнуть любимую раскольниками поговорку: «кто раскольникъ, тотъ и богатъ.»

нашъ не любить» ¹⁾. Гедсонъ Антонскій говорилъ: «едва четвертая часть земли, Европа, иначе плодъ вѣры во Христа принесетъ; обаче и въ сей части едва четвертая часть же плодъ истинной вѣры приноситъ сія, аже православною грековосточною вѣры придержится; но увѣ! еще и въ сей едвали не четвертая часть плоды спасительныя творить.» ²⁾ Кроме того придворная проповѣдь отзывалась благодарностію на указы, запрещающіе народные разговоры въ церквахъ во время службы. Такъ Евстафій Могилянскій говорилъ, что «церкви отъ торжниковъ, не голуби, но словесные разговоры продающихъ и покупающихъ указами монаршими очищаются» ³⁾; Стефанъ Савицкій и Дмитрій Сѣченовъ благодарили императрицу за всегдѣшнее желаніе слышать проповѣдниковъ; ибо примѣръ ея дѣйствуетъ и на другихъ ⁴⁾. Тоже говорили проповѣдники тронцкой лавры о путешествіяхъ въ ихъ монастыри ⁵⁾. Изъ политическихъ событій обращали на себя вниманіе проповѣдей: война и примиреніе съ Швеціей, льготы, данныя Малороссіи, переселеніе въ южную Россію Сербовъ и Хорватовъ: «міроломные Свен, иконоборные супостаты, злобный левъ свейскій» обвиняемы были съ каждаго придворной церкви въ нарушеніи мирныхъ условій; пересчитаны были приобрѣтенія, которыя сдѣлала Россія вслѣдствіе войны съ ними; потомъ оцѣнены были благопріятныя послѣдствія отъ родственныхъ отношеній наследника русскаго престола съ шведскимъ домою. Въ послѣднемъ случаѣ политику Елисаветы Петровны Амвросій Юшкевичъ сравнивалъ съ политикой Карла V, который, не смотря на свою извѣстность всему свѣту побѣдами надъ непріятелями, всегда старался о примиреніи посредствомъ родственныхъ связей съ другими государями: выдавъ сестру Елеонору за короля лузитанскаго Еммануила, другую сестру Изабеллу за датскаго короля Христіерна, третью Марію за паннонскаго и богемскаго короля Людовика, а брата своего Фердинанда женилъ на сестрѣ Людовика, самъ женился на дочери лузитанскаго короля ⁶⁾. Иннокентій Паскевичъ говорилъ: «выпѣ, егда услышали Елисаветѣ на престолѣ сѣдующую, притекли греки, трансильваны и иніи единомудрствующи съ нами народы, и ктожь отъ нихъ тошъ изыде?

¹⁾ Слова 4 и 11 іюля 1749 года.

²⁾ Слово 31 октября 1742 года.

³⁾ Слова 4 и 11 іюля 1742 года.

⁴⁾ Слово 8 іюня тогоже года.

⁵⁾ Слово 5 іюля 1744 г.; 25 сент. 8 декабря 1749 г.

⁶⁾ Слово 15 іюля 1744 года.

Хвалится Трансильванія, не молчитъ Синай и иная съ нимъ мѣста, яко отъ тока щедротъ ея возымѣша прохладу.» ¹⁾ А Сильвестръ Кулябка прибавлялъ съ своей стороны: «Промолъ годъ высокопачерней милости къ тебѣ, милая Россія, въ который тебе, гладомъ истаявующей, и житницы, и сокровища отверзли монаршія не возбранно.... Насталъ другій: что тебе сдѣлала, народа своего воскресеніе сіе, праведная Елисаветъ? Что тебѣ полезное, чего ты должниъ временемъ ждала, получить же едва не отчаявалась было: воскресила вождя тебѣ. Твердо знаю, малороссійской народе, что ты вѣрностію и мало когда непоколебавшійся, всегда благодарный, и кибніа и животъ за государство сіе, въ такъ крѣпкое свое защищеніе тебе принявшее, положить готовый, не за страхъ но за совѣсть государямъ служащій, государей паче родившихъ тебя любящій, и безъ присаги и безъ клятвы вѣру и вѣрность знающій (то есть, еслибы и клятвы, и присаги не было, да ты однихъ крове твоея за вѣрность не щадящій); твердо знаю что ты, о благочестивый народе! дѣтей твоихъ отъ доплницъ взямая, прежде, неже азбуки обучать, Елисаветъ знать, Елисаветъ любить, за Елисаветъ и наслѣдство ея душу полагать учить будешь и совершенно учини; вѣрую несумѣнно, что преклоняешь въ себѣ (купно съ железомъ) колѣна своя предъ Богомъ претружденный лѣтами старецъ въ благодаренію Богу, за толкія милости къ тебѣ, чрезъ всемплоствѣйшую государыню сію; возстанетъ въ поздѣйшая лѣта состарѣвшійся юноша и повѣсть сыномъ, елика слышалъ и видѣлъ.»

Въ томъ же словѣ упоминаетъ Сильвестръ и о желаніи императрицы освятить первые серебряные рудники въ Сибири, назвавъ ихъ колывановоскресенскими, и серебро ихъ употребивъ на гробницу Александра Невскаго ²⁾.

Чрезвычайно замѣчательно по намекамъ на современные событія длинное слово Кирилла Флоринскаго, произнесенное 15 іюля 1742 года въ день освященія церкви при московской академіи, на текстъ: *не творите дому отца моего дому купленнаю*. Представивъ Россію въ видѣ храма, созданнаго Петромъ Великимъ, упомянувъ о творившихъ куплю въ этомъ храмѣ по смерти Петра, развѣвъ, по своимъ убѣжденіямъ, идею государства, верховной власти и ея органовъ, сказавши о счастливой переменѣ царствующаго лица, онъ вдругъ прерываетъ свою рѣчь словами: «какъ же ужасно и

¹⁾ Слово 25 сент. 1747 г.

²⁾ Слово 5 сент. 1750 г.

подумать, яко осмомѣсячію не претекшу, огда провозсіа на престолѣ отчи вѣщеносица Елисаветъ, и уже на ино торжники предлагаются. Странная вѣсть: давно ли вождѣлѣнная, и уже ненавидима Елисаветъ; давно ли въ сердцахъ и въ устнѣхъ сладка, и уже горька Елисаветъ; давно ли оживотворившая насъ, уже опасна жизнь ей посреди дому; давно ли обрадовавшая насъ, и уже въ слезахъ опочалаема посреди дому; давно ли магеръ (и еще всемилостивѣйшая, яко и истинно есть), и уже тяжка и немилосердна. О непостоянства злоковарныхъ торжниковъ!... Но аще тыи, злобою восплацаема, о благостнѣ ея величества иѣмотствуютъ; то поне, вы прежде расточеннїи и заточеннїи, нынѣ же всегда бѣдствующимъ состраждущіе матере Елисаветы милостію возвращеннїи и уже мнози собраннїи отъ Сибири, Иркута, Камчадала, отъ многихъ трудно и именуемыхъ странъ, и отъ подземленныхъ вѣдръ мертвецы прежде живые: поне вы со мною признайте, что не иной ради причины лукавымъ торжникомъ государства Елисаветъ ненавидима, горька, тяжестна кажется и не мать, яко и благая отеческая расточенная собирав, узаконенная отцемъ возобновляя, и васъ бѣдствовавшихъ возвращая, словомъ: вси отеческая въ первобытное состояніе приводя, не попускають долѣ злодѣямъ, да домъ отческъ и ея величества наслѣднїи содѣлювають домою купли, и вертепомъ разбойническимъ.» Потомъ, обращаясь къ Елисаветѣ, проповѣдникъ говоритъ: «Что же, ваше императорское величество, долготерпите, и на торжницѣхъ государства, сіе есть чудное премудрїа экономіи вашего величества дѣло, по разуму притчи Христомъ реченнїа: оставите купно обоя расти до жатвы, да не како, восторгая плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу.» Ратуя за успѣхи новаго царствованїа, проповѣдники дѣйствовали въ видахъ полнаго удаленїа той эпохи, когда, по выраженїю Амвросїа Юшкевича, «весь обще чинъ духовный равно съ простымъ народомъ виѣняли и почитали, ни единого въ немъ посвященїа и характеру пастырскаго не признавали, и для того сами собою пастырей и священниковъ безъ суда правильнаго назначали, предающе оныхъ на узы и темницы, на преисподнїа заключенїа и безвѣстныя ссылки; но еще тѣмъ не довольствовалась лютость оная, бросилась было звѣрски и на убожество монашеское, и мнѣше неразумно, что въ тыхъ убогихъ келїяхъ великія сберуть сокровища и богатства, того ради однихъ подѣ претекстомъ интересу и тайнаго дѣла безчеловѣчно мучили, другихъ на презрѣніе и вѣчное ругательство вѣры нашея разстригали и въ солдаты отдавали, третїихъ въ далечайшіа и безлюдныа ссылки на край свѣта посылали, а новыхъ на ихъ мѣста принимать и постригать на крѣпко

запрещали.»¹⁾ Это было время, когда, по словамъ Сильвестра Кулябки: «вмѣсто императорства правительство государствовало, взошло на россійскій престолъ безгластво, а за нужду тую иновѣрство царствовать стало, хваталось за скипетръ россійской младенчество, еще рукъ своихъ отъ персей отнять не могущее; толико великою, толико славною управлять имперією рука младенческая покусилась и къ своему послуженію недовольная; писалъ законы, посылалъ указы, раздавалъ чины возрастъ, самого себе разсудить, самого себе распознать не умѣвшій; въ свѣтлости императорской введенъ тотъ, который самъ едва что вчера солнечную лучу увидѣлъ, а православіе въ Россіи кутонъ искало.... руки крѣпкихъ въ желѣзахъ домились, препонуемая бедра сильныхъ въ плиннахъ томились»²⁾; когда, какъ говорилъ третій проповѣдникъ Симонъ Тодорскій: «министры выключали отъ дѣлъ россійскихъ первосвященниковъ, дабы ихъ о семъ не вопрошивать, гдѣ рождается праведный наследникъ всероссійскаго престола за пресвѣтѣйшею Елисаветою слѣдовати имѣвшій? Такъ бо точно указъ гласитъ печатный при сенатѣ октября 18 дня 1740 года: тогда де долженъ онъ регентъ (Биронъ) для предостереженія постоянія, благополучія Россійской имперіи заблаговременно съ кабинетъ-министрами и сенатомъ, и генералами фелдмаршалами и прочимъ генералитетомъ о установленіи наследства крайнее попеченіе имѣть и по общему съ ними согласію во Всероссійскую имперію сукцессора избрать и утвердить; а о присутствіи бѣдныхъ первосвященниковъ не помянено»³⁾. Но приписывая Елисаветѣ Петровѣ всевозможныя качества: природное остроуміе, проицательность, разсудительность, умѣнье отличать бѣлое отъ чернаго, прямое отъ криваго, безприкладную (т. е. безпримѣрную) милость, неописанную кротость, непреоборимое великодушіе, полезное благочестіе, мудрое правосудіе; говоря, что всѣ обычаи, всѣ обхожденія, всѣ поступки ея сами о себѣ велегласно свидѣтельствуютъ, что они не высокоумія дѣти, что на престолъ въ толь трудныхъ обстоятельствахъ вступила она безъ кровопролитія, непріятельскіе многіе и крѣпкіе города, даже цѣлое великое княжество Финляндское завоевала безъ кровопролитія⁴⁾, проповѣдники болѣе всего старались выставить, что новая императрица дочь Петра. Дѣла великаго преобразователя постоянно служили предметомъ ихъ краснорѣчія. Стефанъ Левицкій, въ своемъ

¹⁾ Слово 15 іюля 1714 года.

²⁾ Слово 25 ноября 1730.

³⁾ Слово 10 февраля 1743 г.

⁴⁾ Слова 11 апр. 1742 г., 25 ноября 1745, 25 ноябр. 1746, 25 апр. 1749 и др.

словъ 25 ноября 1743 года, назвавъ русскій тронъ трономъ Петра и тотчасъ же возражаетъ тѣмъ, кто бы сталъ удивляться подобному выраженію: «Всякъ, кто такъ мыслить, скажи мнѣ, кто ты таковъ? Ибо, ежели ты русакъ, крайнее свое неблагодарствіе, ежели же и не русакъ, то однакъ крайнее свое невѣжество и не хотя открывашь. Сего ты не вѣдаешь? Воспомини начало Петровыхъ времянь; вспомини, что тогда была Россія; вспомини, какъ некрѣпкая, какъ немудрая, какъ нестройная, какъ у всѣхъ презрѣнная была тогда Россія? Чего же не дѣлалъ Петръ?... Воспомини сія. Развѣ, можетъ-быть, слабая у тебе память, а для чего? что голова болитъ, а чѣмъ? неблагодарствіемъ. Однакъ глаза твои кажутся здоровы: смотри на учрежденныя высокія дѣла прѣдѣла, изъ которыхъ одного о времениомъ, другаго о вѣчномъ блаженствѣ державы російскія старатися долгъ есть, а кто учредилъ? Петръ. Смотри на различныя дѣла различныхъ нуждъ уставленныя коллегіи; а кто оставилъ? Петръ. Смотри на заводы желѣзные, мѣдные, серебряные, на фабрики шелковыя, суконныя, полотняныя, бумажныя, на другія прежде въ Россіи не бывавшая прѣзрѣнная художества; а кто завелъ? Петръ. Смотри на каменные и деревянныя веледѣльные дома, не токмо къ житію, но къ прохладному житію довольныя; а кто образецъ показалъ? Петръ. Смотри на училища и семинаріи воздвигенныя, не токмо для обученія вишняго, но и паче для наставленія духовнаго, для лучшаго Бога и Христа его познанія; а кто воздвигнулъ? Петръ. Смотри на воинство—какъ искусное, на дворянство—какъ учтивое, на купечество—какъ промыслиное; а кто научилъ? Петръ. Смотри на флотъ, безъ котораго на морѣ была бы Россія, какъ безрукая; а кто устроилъ? Петръ. Смотри на царствующій Санктпетербургъ, котораго еще бы не имѣла Россія, все что и свое изъ рукъ непріятельскихъ вырвала и вновь завладѣла, Богъ въспѣ, какъ бы сохранила; а кто создатель? Петръ. Словомъ, смотри на все, что ни есть честное, что ни есть похвальное, что ни есть достопамятное въ Россіи: все то есть трудовъ Петровыхъ плодъ... Не усумнюся, которая болѣзнь твою притупила память, не помрачила ли и очей твоихъ; ибо есть ока, которая ничего не видятъ, хотя и бѣльмомъ не заслонены... Какъ же быть? Приклони ухо твое и слыши, что говорятъ о Петрѣ вси тѣи, у которыхъ и память и зрѣніе отъ недуга свободны. Одна всѣхъ повѣсть, что Россія все свое лучшее состояніе Петру должна. Общенародный голосъ, что у насъ тое только не Петрово, что худое. Согласныя, *топя издѣлочныя* у всѣхъ рѣчи, что мы прежде Петра ѣсть и пить, какъ надлежитъ, не умѣли.» Съ подобными же вопросами обращался

Порѣриій Крайскій къ самой Россіи: «скажи намъ, молю тя нынѣ, о Россіи! что въ тебѣ есть знатнѣйшее, но Петра ли Великаго все то есть дѣло. Или, что въ тебѣ есть похвалы достойное, но все ли трудами и высокими разумомъ и премудростію Петра Великаго сіе есть въ тебѣ учрежденное и устроенное? Скажи намъ, о Россіе, слыхала ли ты когда, не вопрошаю—видала ли, до временъ Петра Великаго, что то есть регула воинская, что артикулъ военный, что порядочно устроенная артиллерія, что атакваніе городовъ, что бомбандированіе крѣпостей, что ретированіе отъ непріятеля, что устроеніе ретранжаментовъ, когда еще ты съ бердышами, съ саблями, съ луками, съ самопалами ополчающесея на враги своя выходила только подъ Кожуховъ, или на Котлы?... Скажи намъ нынѣ, о Россіе! слышала ли ты до временъ Петра Великаго о искусствѣ мореплаванія, что каково есть устроеніе кораблей, что плоская или круглая навигація, что всецѣлый флотъ, что флотилія, что эскадра, что галеры, что яхты? Егда еще ты крыючися въ предѣлахъ своихъ не знала далѣе Смородины, которая нынѣ рѣка Москва именуется, не бывала далѣе Оки; а кто уже бывалъ на Волгѣ, или на Волховѣ, той великій прошлецъ, и бывалый зѣло, и имянить въ тебѣ считался челоувѣкъ. Скажи намъ, о Россіе! вѣдала ли ты заподлинно до временъ Петра Великаго, что то суть фабрики, что мануфактуры, каковой оттуда прибытокъ, каковая польза государственная? Не воспоминаю же здѣсь за краткость времени, о размноженныхъ Его Величествомъ наукахъ свободныхъ, о насажденныхъ ученіяхъ душеполезныхъ, о преславныхъ героичныхъ его дѣйствіяхъ, о торжественныхъ побѣдахъ, надъ врагами воспріятыхъ»¹⁾. Отъ воспоминаній о прошедшей славѣ, отъ похвалъ настоящему порядку вещей естественъ переходъ къ мысли о будущей судьбѣ общества, уже испытывающаго столько переворотовъ; и вотъ придворный учитель, Симонъ Тодорскій, заводитъ рѣчь о своемъ ученикѣ наследникѣ престола въ день его рожденія: «нынѣ воззри, Россіе, говоритъ онъ,—веселымъ лицомъ и обрадованною душою на внука Петрова, сына Анны Петровны, воззри и благодари Бога твоего, наследствіе Петрово въ пользу твою цѣло тебѣ сохранившаго.... Смотри, какъ дивно и коль красно процвѣтаетъ праведный твой монархъ Петръ Первый въ Петрѣ внука своемъ! Прочитываетъ репорты, отъ гвардіи приносимые, прочитываетъ письма, отъ арміи присылаемые, какъ же изрядно о репортахъ разсуждаетъ, съ какимъ смысленнымъ любопытствомъ о состояніи арміи вопрошаетъ: удивитися потреба. Разсуждаетъ о иностранныхъ

¹⁾ Слово 25 ноября 1749 года.

государствахъ, о математическихъ, фанатическихъ и прочихъ ученіяхъ такому лицу приличныхъ, о обученіи военномъ, о штатскомъ поведеніи, съ приличными всякой вещи резонами. Мощно воистинну о Его Высочествѣ сказать: не великъ тѣломъ, да великъ дѣломъ, внуку Петра Великаго весьма приличнымъ.... Егда по должности и званію моему всеподданнѣйше предлагахъ Его Высочеству ученію о семь, какъ-то надобно монархамъ христіанскимъ правду любить, сиротъ защищать, монаршими руками слезы невинно-страдающимъ отирати, яко за сіе вѣчное примуть отъ Бога издодоздаяніе. Противнымъ образомъ монархи не милостивіи, обидящій подданныхъ своихъ, не защищающіи невинно-страдающихъ, не поборающе по истинѣ: что имѣютъ получить отъ Бога? Самъ Его Императорское Высочество изволилъ со умиленіемъ сказать: пекло. Сіе есть, такіе монархи получаютъ пекло, муку вѣчную, огонь неугасаемый. Не Петровъ ли и се цвѣтъ? Не прямое ли сущее христіанское ризсужденіе?» Далѣе авторъ свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ Петра III въ православной богословіи, о ревности его къ восточной церкви ¹⁾).

Была и другаго рода связь тогдашней проповѣди съ современной ей эпохою. Сюда мы относимъ тѣ случаи, когда проповѣдники, оставляя политическую сторону жизни, говорили объ общественномъ бытѣ, когда слово ихъ облекалось въ форму обличительной рѣчи. Такъ Дмитрій Сѣченовъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ словъ. «Осмотримся же, какъ любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у мене въ различныхъ селахъ каменные палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили ²⁾. Люблю Христа: у меня запанки, пряжки, табакирки золотыя, чайники и рукомыйки серебряные; а въ церкви христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканная завѣса, одѣяла; а страшныя христовы тайны крашенными покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю, а въ церковь никогда

¹⁾ Слово 10 февраля 1743 года. Впоследствии Дмитрій Сѣченовъ, привѣтствовавшій востество на престолъ Петра III великодушною рѣчью (См. Meermann's Geschichte des Russischen Staates B. V, S. 241), при Екатеринѣ сказалъ: «Если бы всемогущій Богъ не отклонилъ во время того великаго удара, который готовилъ намъ Петръ, то мы лишились бы и праваго и лѣваго уха,—не могли бы слышать рѣчей о нашей вѣрѣ.» См. Филарета, исторія русской Церкви, періодъ пятый, стр. 80.

²⁾ Слово было говорено 8 іюля 1742 года; а 9 октября изданъ указъ о дозволеніи поятчикамъ строить новыя церкви вмѣсто обветшалыхъ въ томъ лишь случаѣ, когда они обаядутся снабдить оныя всѣми потребностями и проч. И. С. З. т. XI № 8625.

и волосенного галенка не посылалъ. Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суетловить, хвастать, веселиться, забавляться день и ночь легко, нескучно.... иные за кабаками, за торгомъ, за ябедами, за работою церковей не знаютъ. Вся наша любовь въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, частые стаканы, непрестанные репетиціи: здравствуй, здравствуй; а сердцемъ хотя бы и на свѣтъ не было.... Люблю ближняго: а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на иной конецъ, токмо благотворити ближнимъ, помощи бѣднымъ, заступити обидимымъ, защитити правду; сего и не мыслить и говорити съ бѣднымъ не хочетъ, но аки фараонъ гордится, честью тѣшится, славою веселится, радуется, что всѣ его почитаютъ, кланяются, боятся, крутить, вертнуть. Правосудіе ли тамъ присмотрится: въ передней избѣ часовъ пять постои, да завтра приди больше не жди; милости ли сыскать,—съ ногъ до головы обдеруть, не срачицу, но и кожу готовы снять, а когда станешь больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь.» Въ словѣ Антипа Мартиніанова встрѣчается подобное же мѣсто: «При толикомъ множествѣ рабъ и рабынь предстоящихъ къ единому ока мгновенію служащихъ ¹⁾.... въ жизни сей благовоными мази, драгоценными порошками, различными спиртами такъ тѣло наше намазуемъ, умащаемъ лица и руцѣ натираемъ, что не токмо близъ, но и далеко стоящій, съ радостію притекаютъ единъ предъ другимъ ускоряютъ, но хотя и притворно, обаче съ желательнѣйшею охотою обоняютъ, благоухаютъ и какъ бы услаждающія похваляютъ, торжественными словесы возвышаютъ и льстяще удивляютъ.» Но все-таки главное вниманіе проповѣдниковъ въ продолженіе почти всего царствованія Елисаветы Петровны обращено было на ея собственныя дѣла: ибо, по словамъ Стефана Калиновскаго, «сколько почти поучительныхъ проповѣдей здѣ (въ Петербургѣ), въ Москвѣ и по всей Россійской имперіи съ того времени (25 ноября 1742 г.) говорено, столько природное ея къ коронѣ и престолу российскому право показуемо было; сколько похвальныхъ рѣчей или письменно сложено, или наизустъ произнесено, столько о правахъ ея, монаршаго престола и короны престоупныхъ, засвидѣтельствовано ²⁾).

¹⁾ Слово 16 авг. 1742 г. Юсафа Хотунцевскій, въ словѣ отъ 26 мая того же года, замѣчаетъ: «перейди вся философская мудрая примѣчанія, прочти всѣ книги, собери всѣ исторіи на память, едаки возможши избрѣсти такого господина, который бы за раба своего умеръ; вонстинн, аще за добраго раба ни единъ господинъ восхощаетъ лишиться живота, а за злаго ниже помыслитъ.»

²⁾ Слово 25 апр. 1746 г.

Но въ какихъ отношеніяхъ ко всемъ этимъ хвалебнымъ и поучительнымъ словамъ стояли современники ихъ? Въ отвѣтъ на такой вопросъ мы не явѣмъ подъ руками иныхъ данныхъ, кромя приводимыхъ Сумароковымъ къ его статьѣ «о російскомъ духовномъ краснорѣчїи», гдѣ онъ говоритъ: «Гедеоизъ (Криновскій) есть російскій Флешьеръ; дѣятности имѣеть онъ еще болѣе, нежели Теофанъ (Прокоповичъ); сожалѣтельно то, что мало было въ немъ силы и огня, и что онъ по недостатку пылкости часто наполнялъ проповѣди свои исторїями и баснями, симъ бѣднымъ запасомъ истиннаго краснорѣчїа. Приятность, вѣжность, тонкость были ему свойственны, и послѣ Теофана опустошенной російской Парнассъ или церковь, лишенная риторскїа сладости смертію великаго архїепископа, обрадовала Россїю снмъ Гедеономъ, мужемъ великаго во краснорѣчїи достоинства. Ибо до него единый бывшїй дїаконъ Савицкїй украшалъ только придворную кафедру, и мало почитаемъ или паче гонимъ невѣжами, оставилъ духовенство и проповѣди, и восходя на російскїй Парнассъ возвратился, не коснувшись самыхъ горы сея верху, что многіе не безъ основанїа ожидали, и принужденъ, потерявъ охоту ораторствовать, оттодъ возвратиться. Сказана бѣльцомъ нѣкая проповѣдь въ Троицкой Лаврѣ: я не зналъ лѣтъ десять послѣ прочтенїа оныя, кѣмъ она говорена, и прїѣхавъ нѣкогда въ рѣченную лавру, узналъ я нечаянно, что намѣстникъ онаго монастыря есть авторъ тоя прекрасныя проповѣди, бывшїй потомъ воронежскимъ епископомъ. Былъ то Кириллъ Ляшевецкїй, не вшедшїй никогда во славу¹⁾, ибо его многіе, угождая нѣкому, хулили, думая, что онъ отлично любилъ... но сего почтеннаго челоувѣка и всѣ духовные любили. Такъ и никого въ архїереи ставить не надлежало, ради угожденїа его непрїателямъ, которымъ онъ отъ своей стороны никогда непрїателемъ не былъ. Не нужно было бы это прилѣпить здѣсь: но не должноли было сказать, что воспрепятствовало прославиться автору слова: прилѣпе душа моя по тебѣ? Савицкой изъ моды вышелъ и изъ духовенства; бѣлецъ Ляшевецкїй изъ свѣтскихъ вышелъ, но въ моды не вшелъ²⁾». Объ остальныхъ проповѣдникахъ временъ Елисаветы Сумароковъ не говоритъ. Въ заключенїе предлагаемъ вопросъ, не лишенный нѣкотораго интереса для русской бібліографїи: въ цар-

¹⁾ Слово Кирилла Ляшевецкаго, о которомъ говоритъ здѣсь Сумароковъ, было произнесено 25 сент 1749 г. въ день преставленїа пр. Сергія Радонежскаго, на текстъ: *Горня мудростюите, а не земная*; печ. въ М. 1749 г. ноября 11 дня, стр. 16 см. выше стр. 13; о Савицкомъ стр. 29.

²⁾ Собранїе сочин. Сумарокова, изд. 2, ч. VI стр. 281 и 282.

ствование Елисаветы Петровны съ необыкновенною заботливостію уничтожаемы были присяжные листы, указы, манифесты, грамоты, патенты, паспорта, книги, монеты, появившіяся въ короткое правление Іоанна Антоновича ¹⁾; вѣльно было также отобрать проповѣдь, говоренную на бракосочетаніе принцессы Анны Леопольдовны съ принцомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ Ульрихомъ, и другія, говоренныя при Іоаннѣ Антоновичѣ ²⁾. Въ недавнее время усиліями русской археологіи отысканы экземпляры не только указовъ, грамотъ, книгъ, монетъ того времени, но даже и портретовъ правительницы ³⁾: можетъ ли сдѣлать русская бібліографія тоже самое, относительно сейчасъ названныхъ нами проповѣдей?

Н. Поповъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Изъ проповѣдей, переведенныхъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, назовемъ: 1) Слово на Евнуха Евтропія, патрикія императорскаго, съ изъясненіемъ, кто таковъ былъ Евнухъ Евтропій, говоренное святымъ *Іоанномъ Златоустомъ*; перевелъ съ славяно-греческаго (?) *Степанъ Писаревъ*. Спб. 1759, in-4° См. Сопикова № 10.483. 2) Поученія во святую и великую четыредесятницу, то есть великопостныя недѣли, сочиненныя и проповѣданныя керникскимъ и казаритскимъ, что въ Πελοπονнесѣ епископомъ *Ильею Минатиємъ* Кефалонитаниномъ; съ греческаго на російскій языкъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ *Стефаномъ Писаревымъ* въ 1741 году переведенныя. Томъ I; въ Спб., при сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, 1759.

Переводчикъ обѣихъ книгъ, достигшій въ 1759 году уже званія секретаря коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ предисловіи ко второй говоритъ между прочимъ слѣдующее: «не сумѣваюсь, что изъ нихъ (читателей) кто либо и такой, которой къ забавленію себя

¹⁾ П. С. З. № № 8490, 8494, 8496, 8648, 8690, 8712, 8831, 9005, 9093 9133, 9192, 9197. 9213, 9542, 4740, 9394, 9805, 11402.

²⁾ П. С. З. № 8322.

³⁾ Ученыя записки А. Н. по I и III. отд. т. 1 и 3.

историческо-басенными, называемыми *романы*, и прочими подобными книжками (отъ коихъ единственно только въ совѣсти соблаженіе и къ страстямъ поподзновенію ощущается) всегдашнюю охоту имѣть, не возжелалъ бы хотя единожды въ годъ, а, напротивъ во время святыхъ четырехдесятиницъ, когда каждый христіанинъ особливо отъ всѣхъ страстей воздержать себя долженъ, прочитаніемъ сея духовныя книжицы поусладиться.»

Посвященіе этой же книги Елисаветъ Петровнѣ, написанное переводникомъ еще 16 декабря 1741 года, напоминаетъ собою современныя ему придворныя проповѣди. Вотъ оно:

«Августѣйшая, Державнѣйшая
Императрица!
Матерь и государыня всероссійская!

«Нѣтъ сумнѣнія, при общей нынѣшней радости нашей, и мнѣ послѣднѣйшему, отъ искреннаго моего усердія, бѣдный сей трудъ мой подъ высококонаршескія стопы В. И. В. со всеподданнѣйшимъ рабскимъ моимъ благоговѣніемъ положить; когда вижу, что дивныя судьбы Божія, между прочимъ привели его до такого благословеннаго времени, въ которое россійское благополучіе воскресать начало. *Давно уже* онъ по содержащемуся въ немъ свѣту, т. е. истинному православнаго церкви ученію, требовалъ и ожидалъ того, чтобъ ему произойти на свѣтъ, въ пользу народа россійскаго, такъ какъ произошло и въ другихъ европейскихъ государствахъ, на пользу христіанъ православныхъ. Но понеже достался было оной въ темныя руки тѣхъ, которыя не распространять, но истреблять благочестіе желали, не содержать, но искоренить до конца въру православную старались, и какъ имъ благочестіе и православно-восточной церкви вѣра весьма противна и не мила, такъ и самый тотъ діалектъ, на которомъ она все основаніе (не упоминая уже о прочихъ всѣхъ высокихъ наукахъ, отъ него происшедшихъ) и силу свою имѣть, ненавидимъ и презираемъ былъ: *чею ради и самый сей трудъ мой во тьмѣ до сихъ поръ погребенъ и имя заглажено быть хотѣло.....*» Не смотря однакожь на всѣ надежды переводчика, трудъ его, какъ мы видѣли, издавъ былъ только въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны.

ПОВѢСТЬ ГРАДА ІЕРУСАЛИМА.

Эта повѣсть взята изъ замѣчательнѣйшаго сборника повѣстей, за сообщеніе котораго приношу мою благодарность г. Истрину, студенту Московскаго университета. Сборникъ писанъ никакъ не позже первой четверти XVIII в., въ малую 8-ку, на 324 листахъ. Въ началѣ 26 листовъ недостаетъ. Мы надѣемся въ скоромъ времени познакомить читателей «Лѣтописей русской литературы» съ любопытнымъ содержаніемъ этого сборника, въ высшей степени важнымъ для исторіи русской литературы XVII в.; а теперь на первый разъ сообщаемъ «Повѣсть града Іерусалима», которая предлагаетъ намъ *первообразъ извѣстнаго народнаго стиха о Голубиной Книи*. Лист. 276—281.

Занимающимся русскою народною словесностью хорошо извѣстны многіе, болѣею частію, апокрифическіе источники этого народнаго стиха, между которыми первое мѣсто занимаетъ извѣстная *Бесѣда трехъ святителей*¹⁾; но до сихъ поръ не доставало переходнаго, средняго термина между этими источниками и самымъ стихомъ. «Повѣсть града Іерусалима» составляетъ именно этотъ любопытный переходъ. Она еще не знаетъ князя Владиміра, но уже вводитъ Давыда Іессеевича, и не одного его: при немъ Моисей Моисеевичъ и Елисей Елисеевичъ. Эти три ветхозавѣтныя имени какъ бы варианты трехъ святителей извѣстной «Бесѣды».

Мѣсто Владиміра заступаетъ лицо чисто мифическое, *Волотъ Волотовичъ*, новый герой русскаго мифологическаго эпоса. Онъ является здѣсь первообразомъ или предшественникомъ герою исторіи

¹⁾ Смotr. мою рѣчь о народной поэзіи.

ческому, Владиміру Красну-Солнышку: замѣчательный фактъ въ исторіи русской народной поэзіи, подтверждающій ту правдоподобную догадку, что именемъ князя Владиміра во многихъ богатырскихъ пѣсняхъ была замѣнена и подновлена какая нибудь древнѣйшая героическая, мифическая личность. По крайней мѣрѣ въ стихѣ о Голубиной Книгѣ Владиміру предшествовалъ *Волоть*. Каково бы ни было филологическое и историческое отношеніе *Волота* къ *Велетамъ*, *Вильцамъ* или *Волчкамъ* и къ сѣвернымъ *Вилькинамъ*, прославленнымъ въ *Вилькина-Сагъ*, но во всякомъ случаѣ слово *Волоть* и въ древнемъ, и народномъ русскомъ языкѣ означаетъ *великана*; слѣдовательно, уже по самому значенію своему, Волоть принимался народомъ въ смыслѣ героя, полубога, существа сверхъестественнаго, какими обыкновенно въ мифологіи разумѣются великаны. Прозванъ онъ *Волотовичемъ*, по той же причинѣ, почему эпические герои очень часто называются по имени своихъ отцовъ; такъ въ польскихъ преданіяхъ у Крака и отецъ назывался Кракомъ. Это самое обыкновенное раздвоеніе эпическаго идеала на двѣ личности. Герою хотятъ вымыслить отца: удобнѣе и легче всего этому послѣднему дать тоже имя, какое имѣетъ и самъ герой. Такъ получилъ свое имя и *Волоть Волотовичъ*.

Въ извѣстномъ стихѣ о Голубиной Книгѣ видно нѣкоторымъ образомъ примѣненіе къ просвѣщенію Руси книжнымъ, христіанскимъ ученіемъ. Потому на первомъ планѣ является символическая *Голубиная Книга*, о которой въ «повѣсти града Іерусалима» вовсе нѣтъ и помину. Въ народномъ стихѣ, Владиміръ, какъ представитель своихъ новообращенныхъ въ христіанство подданныхъ, поучается у Давида Іессеевича, и только по затѣйливости его вопросовъ можно было догадаться, что онъ загадываетъ своему собесѣднику загадки; но познаго и настоящаго прѣнія или состязанія въ мудрости загадками нѣтъ, потому что Владиміръ только спрашиваетъ, а Давидъ только отвѣчаетъ. Это уже обращеніе въ риторическій, поучительный діалогъ, это уже позднѣйшее риторическое искаженіе древнѣйшаго эпическаго мотива, состоящаго во взаимномъ состязаніи загадками, мотива, который составляетъ существенное отличіе «повѣсти града Іерусалима» отъ стиха о Голубиной Книгѣ. По этой повѣсти, сначала задаетъ загадки Волоть Волотовичъ Давыду Іессеевичу, предлагая ему объяснить сновидѣніе; потомъ Давыдъ спрашиваетъ Волота о началѣ міра; за тѣмъ опять Волоть загадываетъ Давыду о первенствѣ различныхъ предметовъ, и наконецъ Давыдъ задаетъ Волоту, по видимому, самый трудный вопросъ, уже не о прошедшемъ и не о настоящемъ, а о будущемъ, именно о страшномъ судѣ. Въ

этомъ чередованіи вопросовъ и отвѣтовъ, въ этомъ взаимномъ состязаніи замѣчается нѣкоторый порядокъ. Сначала предлагается объяснить сювдѣніе, какъ обыкновенно начинаются сювдѣніемъ многія эпическія произведенія; потомъ говорится о первобытныхъ судьбахъ міра, какъ бы изъ области народной космогоніи; далѣе о чудесахъ и великихъ, первенствующихъ предметахъ на всей землѣ, и наконецъ о послѣднемъ, судномъ днѣ.

Если бы эта повѣсть встрѣтилась между древне-нѣмецкими поэтическими произведеніями, то никто не усумнился бы признать ее за подновленный въ эпоху христіанскую варіантъ извѣстной пѣсни древней Эдды о Вафтруднирѣ (Vaftrudnismal): таково поразительное сходство обѣихъ этихъ произведеній по основнымъ эпическимъ мотивамъ. Состязаніе Одина съ Вафтрудниромъ также сначала касается космогоніи и устройства всего міра, и потомъ оканчивается намекомъ на вѣщія слова Бальдура, идущаго на смерть, съ которою связана послѣдняя судьба Асовъ въ борьбѣ съ полчищами Суртура. Какъ Вафтрудниръ — великанъ изъ породы Ютовъ, такъ и Вологъ, по самому употребленію этого слова въ языкъ, — тоже великанъ. Юты сѣверной мѣологіи, какъ представители эпохи, предшествовавшей господству свѣтлыхъ Асовъ и Вановъ, имѣли притязаніе на знаніе всего того, что совершалось искони, въ началѣ міровъ. Потому Вафтрудниръ рѣшаетъ вопросы космогоническаго содержания; самъ же задаетъ Одну вопросы, болѣе касающіеся именъ различныхъ предметовъ и лицъ сѣверной мѣологіи. Такъ и Вологъ отвѣчаетъ Давыду о томъ, отъ чего свѣтъ свѣтится, отъ чего солнце и зоря, какъ ходитъ небо и на чемъ основана земля; самъ же онъ спрашиваетъ Давыда объ именахъ перваго изъ городовъ, звѣрей, озеръ, о матерн травъ, птицъ и т. п.

Само собою разумѣется, что это замѣчательное сходство объясняется не позднѣйшимъ, литературнымъ вліяніемъ, а первобытнымъ средствомъ мѣологическаго эпоса славянскаго съ нѣмецкимъ. Между повѣстью града Іерусалима и пѣсней древней Эдды надобно предполагать древнѣйшее, чисто-русское эпическое произведеніе о царѣ Вологѣ и его великой премудрости. Даже не смотря на позднѣйшую апокрифическую обстановку, можно уже догадываться, что Вологъ Волотовичъ есть существо необычайное, первенствующее: между всѣми сорока двумя царями, съѣхавшимися на Синайскую гору, наибольшимъ былъ Вологъ Волотовичъ. Уже второй по немъ былъ Моисей Моисеевичъ, третій Елисей Елисеевичъ и четвертый Давыдъ Іессеевичъ. Какъ наибольшій, онъ же начинаетъ и бесѣду, спрашивая, кому что во снѣ видѣлось, и рассказывая свое сювдѣніе; онъ же

наконецъ и заключасть бесѣду отвѣтомъ о страшномъ судѣ. Можетъ быть, со временемъ яснѣе опредѣлится первоначальный видъ древнѣйшей народной пѣсни о Вологѣ; но уже и въ нашей повѣсти изъ всего апокрифическаго хлама довольно рельефно выступастъ эта замѣчательная мифическая личность русскаго народнаго эпоса.

Состязанія загадками или рунами въ пѣсняхъ древней Эдды обыкновенно имѣютъ характеръ драматическій, состоящій въ томъ, что побѣжденный въ состязаніи проигрываетъ, какъ напримѣръ Ваэтрудниръ платится своею головою, или же состязаніе служить средствомъ для какой цѣли, какъ на примѣръ, Торъ загадываетъ загадки карлику Всезнайкъ (въ *Alvismal*), для того чтобъ задержать его до восхода солнца, отъ лучей котораго карликъ окаменѣлъ. Южно-русская пѣсня о томъ, какъ русалка загадываетъ загадки дѣвицѣ, также оканчивается гибелью неотагадавшей. Въ старинныхъ сказкахъ объ Акирѣ, о Дмитрѣвѣ Басаргѣ и друг., загадываніе загадокъ тожо имѣютъ какую нибудь цѣль, опредѣляемую ходомъ событій. Удобно полагать, что и древнѣйшій, предполагаемый первообразъ повѣсти града Іерусалима, въ какой нибудь народной пѣснѣ о Вологѣ, имѣлъ характеръ болѣе драматическій, слагавшійся изъ болѣе опредѣленныхъ, извѣстныхъ отношеній между состязающимися въ мудрости. Начало повѣсти даже намекастъ на эти отношенія, указывая на будущее родство состязающихся, въ слѣдствіе предсказываемаго брака между дѣтьми ихъ; но за тѣмъ слѣдуетъ обыкновенная бесѣда о различныхъ предметахъ, безъ всякаго участія со стороны личныхъ интересовъ собесѣдниковъ.

Сновидѣніе, которымъ открывается бесѣда, отличается отъ прочихъ частей повѣсти именно тѣмъ, что основано на мнѣнн обз извѣстномъ отношеніи Волога къ Давыду. Сынъ этого послѣдняго, царь Соломонъ женится на Соломонидѣ Вологовнѣ и будетъ владѣть царствомъ Волога. Этотъ мнѣнн, очевидно, передѣланъ по извѣстной сказкѣ о царѣ Соломонѣ. На это указываетъ даже сновидѣніе Волога, въ общиыхъ чертахъ согласное съ загадкою, которую, въ сказкѣ о царѣ Соломонѣ, Давыдъ загадываетъ пріѣзжимъ гостямъ, и которую отгадываетъ сынъ его Соломонъ, вмѣстѣ съ ними прибывшій къ своему отцу инкогнито. Вотъ эта загадка, по той же рукописи г. Истрина: «поконѣць моего царства стоитъ древо злато, вѣтви самоцвѣтныя, каменя на томъ дрѣвѣ драгія, мѣсяць сіяетъ; вкругъ древа пшеница бѣлоярая, а около пшеницы ива ржаная сильна». Отгадка Соломона: «Поконѣць твоего царства стоитъ древо злато — то есть твое государство; вѣтви самоцвѣтны — то есть околнія царства подъ твоею державою; каменье — то есть твои царевы ближнія пріатели и

многія князи и бояря; а сверхъ того древа мѣсяць сіяеть — то ты государь царь; вокругъ того древа пшеница бѣлояра — то твое воинство; вокругъ пшеницы нива ржаная сильна — то православныя христіане». л. 226 и 227. Толкованіе сновидѣнія въ повѣсти града Іерусалима нѣсколько перепутано. Оно должно быть, какъ кажется, въ слѣдующемъ порядкѣ: «Что съ той страны восточныя восходитъ лучь солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторусскую, то будетъ на Руси градъ Іерусалимъ начальный; а что съ тое страны полуденныя выросло древо кипарисъ, кореніе сребренное — въ томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софія, премудрости Божія, о семидесять верхахъ, сирѣчь, Святая Святыхъ; а что у древа вѣтвіе золотое, то будетъ паникадилы поставлены; а вѣтвіе бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ. Поверхъ того древа сидятъ птица кречеть бѣлой — то у меня (у царя Давыда) будетъ сынъ, гарь Соломонъ премудрый, и онъ созиждетъ Святая Святыхъ; а что на ногахъ у него колокольчикъ золотой, то у твоей (у Волотовой) царицы родится дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери жениться, и твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ.»

Итакъ, по загадкѣ Давыда золотое дерево — его государство, по сновидѣнію Волота, древо кипарисъ — Св. Софія, сирѣчь, Святая Святыхъ, то есть церковь. Символическое представленіе государства, церкви или даже исторіи всего человѣчества подъ видомъ дерева очень обыкновенно въ средніе вѣка. Оно восходитъ даже къ эпохѣ мифологической, какъ напр. въ колоссальномъ образѣ Игдрасили, этого всемірнаго древа сѣверной мифологіи. По одной карпатской колядкѣ, напечатанной г. Костомаровымъ въ его разсужденіи о народной русской поэзіи, до сотворенія міра ничего не было, кромѣ неба и моря: изъ моря выростали только два дуба, на которыхъ сидѣли два голубчика, творившіе міръ.

Особенно важно для исторіи народнаго эпоса родство Волота съ Давыдомъ и Соломономъ. Какъ по нашей повѣсти Волотъ святъ Давыду и тесть Соломону, такъ по сказкѣ о Китоврасѣ, этотъ оборотень братъ Соломону. Такимъ образомъ народная фантазія окружаетъ сказочнаго Соломона мифическимъ, чудовищнымъ родствомъ. По сказкѣ о Китоврасѣ, чудовище это похищаетъ супругу Соломона и находится съ нею въ преступной связи; по нашей повѣсти оказывается, что эта женщина не кто иная, какъ Волотовна, дочь существа сверхъестественнаго. Если допустить то предположеніе, что исподлинъ Волотъ — представитель мифическихъ оборотней — волковъ, получившихъ историческое бытіе въ племени Велетовъ, Вильцевъ или Волчковъ; то Китоврасъ и Волотъ будутъ существами однородными:

и тотъ и другой чудовищные обороты, съ которыми вели борьбу какіе-то свѣтлые боги или герои, впоследствии переименованные въ Давыда и Соломона.

Можно догадываться, что эпическая форма разсказа и толкованія сновидній составляла уже существенную часть и того предполагаемаго народнаго эпизода, который потомъ былъ передѣланъ въ апокрифическую повѣсть града Іерусалима. Даже стихъ о Голубиной Книгѣ, не смотря на свой позднѣйшій, искаженный видъ, не забылъ еще этой эпической формы, основанной на вѣрованіи въ сновиднія; только даетъ сновиднію другое содержаніе, заимствованное изъ изображенія страшнаго суда¹⁾, и помѣщаетъ не въ началѣ бесѣды, а на концѣ.

Вообще содержаніе бесѣды Волота Волотовича съ Давыдомъ Іессовичемъ сходно съ бесѣдою въ стихѣ о Голубиной Книгѣ, и объясняется одними и тѣми же источниками.²⁾ Смысленіе географическихъ и историческихъ свѣдѣній, господствующее въ стихѣ, доведено въ нашей повѣсти до послѣдней крайности. На Руси городъ Іерусалимъ, въ немъ церковь Софїи, премудрости Божіей, сооруженная царемъ Соломономъ. Въ соборной церкви Софїи, премудрости Божіей, стоитъ гробъ господень. Илъмень озеро — подъ Кіевомъ, взяло оно въ себя триста рѣкъ.

Послѣдняя странность нѣсколько объясняется лингвистически, потому что слово *Илъмень* въ областномъ языкѣ употребляется въ общемъ значеніи озера, низменности, покрытой водою, высохшаго русла рѣки, съ остатками мелкихъ озеръ.

Нѣкоторыя подробности бесѣды указываютъ на другіе апокрифическіе источники, не вошедшіе въ стихъ о Голубиной книгѣ; а именно: «древо древамъ мать — Кипарисъ, Певга, Кедръ» — взято изъ преданія о крестномъ деревѣ; «Іорданъ течетъ изъ рая Едемскаго» — изъ апокрифическихъ разсказовъ библейскихъ. Любопытенъ намекъ на азбучную пасхалию іерусалимскую, распространенную по всей свѣторусской землѣ. Этотъ намекъ, можетъ быть, имѣетъ прямое отношеніе къ эпохѣ богословскихъ споровъ о пасхалии. Другія подробности важны для исторіи міѳологій и народной поэзіи; а именно: *временій кладезь*, у котораго живетъ птица Таврунь; змій при озерѣ, напоминающій польское преданіе о Кракѣ, малорусскую сказку о Кирилѣ кожемякѣ, болгарскую о бояновомъ царствѣ и друг.

¹⁾ Смотри мою статью «О страшномъ судѣ по русскому подлиннику», въ Современникъ за 1857 годъ.

²⁾ Смотри въ моемъ сочиненіи «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Архивъ Казачева, въ рѣчи о народной поэзіи.

Единорогъ, отъ котораго убѣгаетъ змій, и вить, предвѣстникъ свѣту представленія, принадлежатъ столько же мнѳологiи и средневѣковой художественной символикѣ, сколько и эпосу о животныхъ (Thierfabel).

Заслуживаютъ вниманiя нѣкоторыя отдѣльныя выраженiя; какъ то: «ты гораздъ *сны загадки отгадывать*» — то есть: сновидѣнiе представляется загадкою, которую слѣдуетъ отгадать: очевидная связь эпическихъ понятiй о сновидѣнiи и загадкѣ. «Далече намъ грѣшнымъ *до Рима*» — пословица, распространенная въ среднiе вѣка на западѣ, и, вѣроятно, рано перешедшая на Русь. Въ выраженiи: «восходитъ луча солнца краснаго» — слово *луча* (вм. *лучь*) древнее и народное.

Касательно внѣшней формы этой повѣсти надобно сказать тоже, что и многихъ другихъ, встрѣчающихся въ старинныхъ сборникахъ. Это — та хаотическая смѣсь стихотворной формы съ прозаическою, отдѣльныхъ стиховъ и прозаическихъ фразъ, которая, съ одной стороны, служитъ естественнымъ переходомъ отъ народной пѣсни къ народному же прозаическому разсказу, а съ другой — предлагаетъ обломки древне-русскаго стиха, драгоценные для исторiи народной поэзи и для теорiи русскаго версификаци.

Въ заключенiе, почитаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще о національномъ духѣ, которымъ пропитана вся эта повѣсть. Тотъ обнаружилъ бы свое крайнее незнанiе исторiи средневѣковой литературы, не только русскаго, но и всѣхъ западныхъ народовъ, кто по историческимъ и географическимъ чрезвычайностямъ, вошедшимъ въ эту повѣсть, вздумалъ бы судить о дикости и грубости нашихъ предковъ. Подобную же чепуху встрѣчаемъ во многихъ замѣчательнѣйшихъ поэтическихъ произведенiяхъ старинной литературы Германiи, Францiи и другихъ образованныхъ странъ. Но не въ подобныхъ несообразностяхъ и въ грубомъ невѣдѣнiи состоитъ сущность такого рода произведенiй, а въ высоко художественной поэтической обработкѣ народныхъ убѣжденiй и въ наивномъ, национальномъ тонѣ. Судя по «повѣсти града Иерусалима», можно догадываться, какъ прiятно было нашимъ предкамъ мечтать, что все святое и великое находится на ихъ свѣторусской землѣ: на ней стоитъ и святой градъ Иерусалимъ, въ ней и святая Софiя, сирѣчь, Святая Святыхъ; на святой же Руси жили-были и царь Давыдъ Исеевичъ, и сынъ его, премудрый Соломонъ, завладѣвшiй царствомъ Волота Волотовича, наибольшаго изъ царей, очевидно, земли русскаго.

Повѣсть града Іерусалима.

Бесѣда царя давида иессеевича с царемъ волотомъ волотовичемъ на синайстѣй горѣ, посторонѣ града иерусалима у дуба маорейскаго у креста ливанидова, у главы адамовы.

В великую было субботу, съезжались к церкви к литургіи 42 царя. Большой у нихъ былъ царь Волотъ Волотовичъ, 2 у нихъ царь Моисей Моисеовичъ, трети у нихъ былъ царь Елисей Елисеовичъ, четверты у нихъ у былъ царь Давыдъ пророкъ Иессеовичъ. И оно те все цари к литургіи приехали і отслуша литургию, рече імъ царь большой Волотъ Волотовичъ: ой вы цари і князи благовѣрныя! скажите вы мнѣ, не утайте: начесь¹⁾ вамъ кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не можете вы утатнъ отъ меня, мнѣ повѣдайте. И все цари молчатъ. И рече царь Волотъ: а мнѣ начесь много видѣлось: і вы про тотъ сонъ скажите і добромъ ево осудите. С тое страны восточныя восходитъ луча солнца краснаго, осветила всю землю свѣторускую, а в другую сторону полуденную выросло древо кипарисъ, серебряное коренне, и вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречеть бѣлой, на ногахъ у него колоколчикъ. Кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? І тутъ цари умолчали все. Единъ от нихъ выступалъ царь Давыдъ пророкъ Иессеовичъ, и зговоритъ таково слово: Государь ты нашъ первый царь, Волотъ Волотовичъ! Далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Иакова, брата Господня! Тотъ бы сонъ твой отгадалъ. І азъ тебѣ про него съкажу, и тотъ твой сонъ збудетца. Во второмъ надесять году у меня царя Давыда родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родитца дщерь Соломонида Волотовна, а еще нынѣ во утробѣ иѣтъ. А что с тое страны восточныя восточныя²⁾ восходитъ лучъ сонца краснаго, осветилъ всю землю свѣторускую, то будетъ на Руси градъ Іерусалимъ начялныи; і в томъ градѣ будетъ соборная и апостолская церковь Софїи Премудрости Божия, о седмидесят верхахъ, си рѣчь, Святая Святыхъ. А что у древа вѣтвие золотое, то будетъ паникадила поставлены, а вѣтвие бумажное, то свѣщы на поникадилахъ поставлены будутъ предчюднымъ (sic) образомъ. А что с тое страны полуденныя выросло древо кипарисъ, коренне серебряное, то у меня будетъ сынъ царь Соломонъ премудры, і онъ сожигдетъ Святая Святыхъ, то есть кречеть бѣлы; а что

¹⁾ Т. е. *ночь*.

²⁾ Такъ въ рукоп. повторено.

у кречета колоколчикъ золотой — у твоей царницы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца і твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ. И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичъ: исполать тебѣ, Царь Давыдъ, что ты гораздъ сны загадки отгадывать и досушь¹⁾ доброе слово молвити. И рече ему царь Давыдъ: а ты мне большой царь Волотъ Волотовичъ про то скажи: отчево у насъ свѣтъ свѣтитца, і отчево солнце сіяеть, и отчево заря занимаетца? на чемъ у насъ небо ходитъ, на чемъ земля стоитъ? Отвѣща болши царь Волотъ Волотовичъ царю Давыду: я тебѣ про то скажу: свѣтъ у насъ свѣтитца от господнихъ очей, а солнце сіяеть от святыхъ рызы (sic) ево, а заря занимаетца от сонца краснаго; а небо ходитъ на воздухъхъ, а земля стоитъ на осмидесятъ китахъ рыбахъ меншихъ, да на трехъ рыбахъ болшихъ. А ты мнѣ царь Давыдъ про то скажи: кой градъ градомъ мать, и коя церковь церквамъ мать, и коя глава главамъ мать? кое древо древомъ мать? коя трава травамъ мать? кой камень камень мать? коя птица птицамъ мать? кой звѣрь звѣрямъ мать? кое озеро озеромъ мать? коя гора горамъ мать? кое море морямъ мать? И рече царь Давыдъ: я тебѣ про то скажу: первы градомъ мать градъ Іерусалимъ: ево пасхалия азбучная во всю землю свѣторусскую. А церковь церквамъ мать соборная Соѣня Премудрости Божия; да в той же церкви стоитъ гробъ господень: потому церковь церквамъ мать. А река рекамъ мать Иорданъ, потому что она течеть изъ рая едемскаго, а в ней крестился Господь нашъ Іисусъ Христосъ: потому рекамъ мать. А глава главамъ мать адамова глава: коли сотворилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ небо и землю і вся, яко на земли, и начерта на земли по образу своему челоуѣка, и нарече имя ему Адамъ; і вынулъ у него ребро, і сотворилъ ему жену Еву, и от нихъ поидоша цари і князи: потому глава главамъ мать. А древо древомъ мать древо кипарисъ, пѣзга, кедръ: потому что от нихъ идетъ благоухание; от нихъ же родитца ладонъ, идетъ во всю землю свѣторусскую: потому древамъ мать. А трава травамъ мать плакунъ трава: какъ жидовъ Христа распинали, і Богородица на ту траву уканула слезу: потому травамъ мать. А птица птицамъ мать таврунь птица невелика, с рускую галку; а живетъ она у гремичева кладезя, у теплаго моря. А звѣрь звѣрямъ мать единорохъ. Коли на²⁾ земли была засуха, і в тѣ поры дождя на землю не было; тогда в рекахъ і во езерахъ воды не было, толко во единомъ езере вода была; і

¹⁾ Т. е. досушь.

²⁾ Въ рукоп. на дважды.

лежалъ великой змиі, и не давалъ людямъ воды пить и никакому текучему звѣрю, ни птицѣ полетучей. А коли побѣжитъ единорогъ воды пить, и змиі люты слышитъ и побѣжитъ отъ звѣря того за три дни, і в ту пору запасаютца водою люди. А озеро озеромъ мать Ілѣмень озеро, чѣд пот Киевомъ градомъ: потому что взяла (sic) в себя триста рѣкъ. А море морямъ мать акянѣ море великое, потому что в немъ стоятъ церковь Климента, папы римскаго. А рыба рыбамаъ мать китъ¹⁾ рыба великая: какъ та рыба китъ взыраетца и пойдетъ во глубину морскую; тогда будетъ свѣту преставленія. А гора горамъ мать Фаворская да Сионская. И глагола ему царь Давыдъ: а ты мнѣ царь Волотъ Волотовичъ про то скажи: Кому на второмъ пришестви не быть, и лица божия не видать, и суда божия імъ не будетъ? І огвѣща ему царь Волотъ Волотовичъ: азъ тебѣ про то скажу: всякому человѣку на второмъ пришестви быть, и судъ имъ будетъ по дѣломъ ихъ; а еретикамаъ и чародѣсимъ, тѣмъ суда божия не видать: безъ суда божия посланы будутъ в муку вѣчную. Ншиѣ и присно і во вѣки²⁾ вѣковъ аминь. Конецъ.

¹⁾ Въ рукоп. ви. Китъ, ошибкою стоитъ Аклима.

²⁾ Въ рукоп. ель ви.: ельки.

ZEITSCHRIFT FÜR VÖLKERPSYCHOLOGIE UND SPRACHWISSENSCHAFT.

Herausgegeben von Dr. M. Lazarus und Dr. H. Steinthal.
Band I. Heft I.

*(Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie von M. Lazarus
und H. Steinthal.)*

Г. Штейнталь, приватъ-доцентъ по кафедрѣ общаго языковѣдѣнія въ берлинскомъ университетѣ, извѣстный въ исторіи современной науки языковѣдѣнія преимущественно трудами въ области ея философскихъ проблемъ, въ сообществѣ съ докторомъ Лацарусомъ, предпринявъ періодическое изданіе, котораго цѣль и область изслѣдованія опредѣляется во введеніи, предложенномъ въ первой книжкѣ журнала. Современность и наукообразность принятыхъ началъ ручается за успѣхъ предпріятія. Отзывы «Wiener Zeitung» и «Revue Germanique», высказавшіе свое недоумѣніе по поводу новаго явленія и предложившіе редакціи вопросы, убѣдительно разрѣшенные и отклоненные, говорятъ лишь о томъ, что новыя явленія въ частныхъ областяхъ знанія должны оправдать свои начала всею массою предлагаемаго матеріала, прежде нежели они достигнутъ всеобщаго признанія. Знаменательнѣе для оцѣнки явленія въ исторіи науки готовность раздѣлить убѣжденіе со стороны ученыхъ специалистовъ. Редакція предлагаемаго журнала въ этомъ отношеніи имѣетъ право гордиться появленіемъ книжки Ведевера, изслѣдующаго народный характеръ въ языкѣ по началамъ народной психологіи, къ которымъ онъ пришелъ независимо отъ

трудоу нашей редакціи ¹⁾). Почитая предложенный планъ изслѣдованій плодотворнымъ и для науки русской народности, передаемъ его содержаніе читателямъ Лѣтописей, останавливаясь на тѣхъ сторонахъ обширнаго плана, которыя наиболее близки къ нашимъ задачамъ.

Явленіе науки «народной психологіи» совершенно ново въ исторіи этнографіи. Если искать ей историческихъ преданій, то должно будетъ ограничиться частной областью сравнительно-историческаго языковѣднія, къ результатамъ котораго впервые приложилъ методъ психологической оцѣнки Вильгельмъ Гумбольдтъ. Одинъ изъ редакторовъ новаго журнала, г. Штейнталь унаслѣдовалъ Гумбольдтовъ методъ: являясь во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ продолжателемъ Гумбольдта, онъ отчасти развивалъ вопросы философіи языка, отчасти прилагалъ добытыя положенія къ частнымъ вопросамъ лингвистическимъ. Въ 1855 году г. Штейнталь издалъ свое главное сочиненіе «Grammatik, Logik und Psychologie»: стирая слѣды устарѣваго Беккера «Организма» энергическою полемикой, авторъ въ послѣднемъ отдѣлѣ труда представилъ физиологію звука и установилъ отношенія взаимодѣйствія животнаго и духовнаго элемента въ процессъ его творчества. Выходя изъ частной области языковѣднія въ область обширной науки этнографической, редакція приняла на себя трудную задачу методологическаго опредѣленія границъ изслѣдованія.

Изложеніе начинается съ той общепринятой мысли, что человекъ предназначенъ къ жизни общественной, и что личность условливается степенью ея участія въ общественной жизни. Духъ личности опредѣляется духомъ того цѣлаго, среди котораго она живетъ. Общественный бытъ разнообразенъ въ своихъ формахъ, преемственно развивающихся и относящихся другъ къ другу различно въ различныя времена; отдѣльныя личности, причастныя къ развитію этихъ формъ, также бесконечно разнообразны, какъ эти формы. Совокупность личностей, связь ихъ содержитъ въ себѣ судьбу личностей, — ибо все духовное ихъ достояніе принадлежитъ цѣлому. Законосообразное движеніе и развитіе внутренней дѣятельности людей есть духъ. Первоначальное, данное исторіей, соединеніе людей есть народъ. Наука народной психологіи изслѣдуетъ законы того движенія и развитія, оставляя частной, *индивидуальной* психологіи человека, какъ душевный субъектъ. Историческая первозданность народа, какъ первоначальнаго соединенія людей, заключающаго въ себѣ всѣ другія, устанавливаетъ отношеніе науки народной психологіи къ наукамъ политическимъ: психологическій матеріалъ, добываемый ею, даетъ живое содержаніе

¹⁾ Указаніе г. Лацаруса во 2 книжкѣ журнала, стр. 180.

формамъ государственнаго быта, какъ порожденіямъ народной жизни. Какъ наука, изслѣдующая законы движенія и развитія народнаго духа, психологія народа выдѣляется изъ того направленія матеріализма естественныхъ наукъ, которое, «познавая животный элементъ органической природы, не признаетъ самобытности духа». «Человѣкъ по природѣ своей выше животнаго». Онъ имѣетъ способность къ развитію: всякое движеніе въ жизни человѣческой природы заключаетъ въ себѣ нѣчто другое относительно предшествовавшаго и зерно для новаго движенія въ будущемъ. Животный же организмъ періодически повторяетъ одинаковыя явленія при одинаковыхъ условіяхъ. Сродство человѣческой природы съ животною состоитъ лишь въ законосообразности движенія; самое же движеніе различно. Слѣдовательно, исторія отличаетъ человѣка отъ животнаго. Наукѣ народной психологіи даются матеріалы историческою наукою. Это отношеніе науки народной психологіи къ исторіи уподобляется авторами отношенію физики, химіи и физиологіи къ описательнымъ наукамъ—минералогіи, ботаникѣ и зоологіи. Народъ, какъ такой, является свое самопознаніе въ своей исторіи: явленія, выходящія изъ предѣловъ народности, сводятся къ отдѣльной народности, какъ къ своему источнику; общечеловѣческому же ихъ значенію должно искать объясненіе въ извѣстномъ историческомъ моментѣ. Такъ примѣръ, единствѣ народностей въ среднихъ вѣкахъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что германская народность возобладала своею творческою силою культуры надъ всѣми другими — кельтской, иберійской и проч. Какъ скоро германскій элементъ былъ вытѣсненъ изъ земель романскихъ, творческія силы его обособились въ своей народной отдѣльности (*deutsch, thuid*). Ту отдаленную эпоху хаотическаго броженія европейскихъ народностей, въ которой произошло сверхнародное преобладаніе германскаго элемента, объясняютъ послѣдующія эпохи развитія германской народности. Этотъ удачно выбранный авторами примѣръ подтверждается и живою современностью. Сила народнаго самосознанія и доселѣ сказывается въ области науки: въ развитіи философскаго генія Гегеля новыми изслѣдователями открывается сильное участіе его племенныхъ швабскихъ особенностей ¹⁾). Труднѣе опредѣлить сверхнародное существованіе того духовнаго достоянія народности, которое было унаслѣдовано другою народностью уже по завершеніи историческихъ судебъ первоначальнаго ихъ источника. Особенно были бы поучительны для науки народной психологіи наблюденія въ области буддизма. Миссія,

¹⁾ Haym, Hegel und seine Zeit.

какъ живой источникъ обиха духовной дѣятельности, исчезла, оставивши по себѣ одинъ канонъ. Отъ насъ, русскихъ, прежде всего слѣдуетъ ожидать сообщенія матеріаловъ, и ихъ ученой разработки по относительной легкости сообщенія съ сибирскими послѣдователями буддѣйскаго вѣроученія. Наша духовная миссія принесла не мало пользы исторіи буддизма. Энергія ея представителей не ослабла и доселѣ: свѣжее явленіе ея мы видимъ въ сочиненіи архіепископа Нила¹⁾, съ которымъ публика уже знакома по извлеченіямъ, напечатаннымъ въ петербургскихъ журналахъ. Представляя любопытный матеріалъ для нашей науки въ главахъ о религіозныхъ обрядахъ и демонологіи, которымъ, по счастью, посвящено много вниманія, авторъ далекъ отъ ихъ исторической оцѣнки, и тѣмъ болѣе — психологической. Въ изложеніи совмѣщаются, силой историческаго безразличія, самыя разнородныя элементы. Это безразличіе вкрадывается, къ сожалѣнію, въ интереснѣйшую часть сочиненія: обряды гаданій по свѣтиламъ, очевидно шаманскаго происхожденія, сопоставляются съ гаданіями о мистическихъ калпахъ перерожденій, встрѣчающихся такъ часто въ индусскихъ сутрахъ и съ мистическими формулами, напоминающими индусскія dhāraṇī. Еще замѣтнѣе отсутствіе критики легендъ: легенда о миссіи Бодисатвы Мандзы предлагаетъ ся безъ всякихъ указаній на ея источникъ, тогда какъ и ея мотивъ, и ея миеологическое содержаніе приводитъ къ индусскимъ легендамъ. Въ индусской легендѣ о миссіи Vigaya²⁾ вѣсто Raḥasi приводимой легенды Jahaṇi, что по сродству обонхъ духовъ составляетъ незначительный вариантъ; въ другихъ индусскихъ легендахъ встрѣчаемъ Raḥasi, какъ духъ, враждебный дѣлу миссіонеровъ, такъ напримѣръ въ легендѣ о миссіи Sona и Uttara въ Suvāgnabhūmi, въ буддѣйской миссіи въ Кашемирѣ и Гандара³⁾. Роль Raḥasi, какъ врага миссіи не оставляетъ сомнѣнія въ тождественности легенды о Мандзѣ съ приведенными индусскими. Еще болѣе твердости нашему выводу даетъ эпитетъ безобразной (raḥasi, tik? tapana), который придаетъ Raḥasi въ Рамаанѣ⁴⁾: этотъ эпитетъ не только удержанъ и въ монгольской редакціи легенды, но даже перенесенъ и на дѣтей ея⁵⁾. Не можемъ не упрекнуть автора и за то равнодушіе, съ которымъ онъ обращается съ словами происхожденія палійскаго, сопоставленными съ монголь-

¹⁾ Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ его послѣдователямъ, обитающимъ въ Сибири. 1858.

²⁾ Lassen, Indische Alterthumskunde. B. 2. pp. 98—99.

³⁾ Ibid., pp. 237, 235.

⁴⁾ Rāmāyana, ed. Schlegel, I, II, c. LXIX. Somaṇium Bharatai, p. 197.

⁵⁾ Сочиненіе Нила, стр. 301.

скими. При отсутствіи критики сочиненіе архіепископа Нила, къ сожалѣнію, не представляетъ никакой вѣрной добычи для науки народной психологіи.

Въ томъ же отношеніи весьма важны судьбы религіознаго канона другой вѣтви арійской народности, судьбы Зендъ-Авесты. Переходъ черезъ пельвійскую редакцію, а посредствомъ ея и черезъ санскритскую редакцію Періосенга сдѣлалъ необходимымъ толкованіе текста по преданію; запасъ преданія нашелъ себѣ выраженіе въ глоссахъ, которыя обширнѣе текста. Критика Бюрнуфа, Брокгауза, Шпигеля и другихъ оцѣнила эти источники преданія лишь со стороны ихъ филологической цѣнности. Наблюденія надъ отношеніями запаса преданій къ ихъ первоначальному источнику было бы весьма поучительно для нашей науки.

Психологія народа есть синтетическая основа исторіи: она познаетъ законы развитія. Эта синтетическая доктрина предполагаетъ, какъ необходимыя, аналитическія наблюденія въ области отдѣльных народностей. Первая часть называется народно-исторической психологіей; вторая — психическою этнологіей. Совокупность обѣихъ есть наука народной психологіи.

Представивши въ возможной краткости методологическія мысли авторовъ, перейдемъ къ опредѣленію народа и наблюденіямъ въ отдѣльных областяхъ его жизни. Авторы отрицаютъ возможность твердаго опредѣленія понятія народности при исключительномъ руководствѣ какою-либо одной областью его жизни. Вниманіе ихъ остановилось по преимуществу на языкѣ. Можно ли разграничить народности по языку? Авторы отвѣчаютъ на это отрицательно на томъ основаніи, что историческія судьбы единятъ народности, по языку несродныя и, наоборотъ, соплеменные народности и по языку ближайшія другъ къ другу разъединяются исторіей. Помимо этихъ очевидныхъ доказательствъ, современная наука лингвистики не можетъ взять на себя разрѣшеніе вопроса о предѣлахъ народности по самой природѣ своихъ научныхъ задачъ. Она родинитъ народности, отдѣляя другъ отъ друга огромными историческими стадіями, ибо въ ея обладаніи до-историческая эпоха народности, ея дѣтскій возрастъ, въ которомъ родство по непосредственности и первобытной простотѣ народныхъ элементовъ чувствуется глубже. Зендъ, позднѣе другихъ, выдѣлившійся изъ первоначальной области имѣетъ потому самому наиболѣе близкое родство съ санскритомъ, и именно съ древнѣйшимъ его нарѣчіемъ, ведійскимъ; мифологія и литературная форма Зендъ-Авесты, форма гимна еще болѣе родинитъ зендскую народность съ индусской въ ея ведическую эпоху. Лексикографія Ведъ уяснила

много Zendскихъ корней, изъ которыхъ нѣкоторые, находя себѣ весьма рѣдко аналогію въ греко-италійской группѣ, роднятся съ словами германскаго корня ¹⁾). Частныя измѣненія буквъ въ этомъ отношеніи еще знаменательнѣе: они нерѣдко роднятъ языки различныхъ группъ въ тѣхъ явленіяхъ вокализма, которыя остаются чуждыми другимъ языкамъ тѣхъ же группъ. Такъ напримѣръ общій всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ числовой корень *dua* въ Zendѣ отбрасываетъ *d*, а *v* обращаетъ въ *b*, откуда *bi* вм. *divi* ²⁾). Эту особенность съ Zendомъ раздѣляетъ лишь латинскій языкъ. Представляя драгоценныя матеріалы для науки психологій народа своими наблюденіями надъ дѣтскимъ возрастомъ народности, лингвистика не отказывается слѣдить за нею и въ даль ея историческаго развитія. Но въ историческую эпоху, по сложности вошедшихъ въ нее элементовъ, лингвистика можетъ быть лишь частнымъ наведеніемъ къ познанію народной жизни. Итакъ, языковѣдніе отрицаетъ возможность дѣленія народовъ по языку. Языкъ, какъ скоро захотятъ придать ему значеніе мѣры народности, становится въ рукахъ науки какимъ-то объективнымъ средствомъ познанія народной жизни; тогда онъ есть та же готовая категорія, подъ которую когда-то хотѣли подвести жизнь народности.

Это убѣждаетъ въ томъ, что ничто не можетъ глубже и правдивѣе означить предѣлы народности, какъ то субъективное народное самосознаніе, которое является плодомъ всесторонняго развитія народнаго духа. На пути историческаго развитія каждая народность слагаетъ себѣ возрѣніе на племенное родство, съ своеобразностью, условливаемою ея историческими судьбами. Въ этомъ вопросѣ, по нашему мнѣнію, психологія народности можетъ ожидать большой добычи отъ науки сравнительнаго языковѣднія, дающей объясненіе народныхъ именъ. Народныя имена *агуа*, *аігуа* (почтенный), въ противоположность *апагуа*, *апаігуа*, давно уже уясненныя лингвистикой, получаютъ много освѣщенія отъ сравнительно-историческаго изученія народныхъ именъ. Отыскивая субъективное значеніе понятія народности, психологъ ищетъ обильный матеріалъ въ народномъ историческомъ эпосѣ. Психологическія наблюденія надъ народностями, богатыми историческимъ эпосомъ, наиболее плодотворны. Между славянскими народностями всего болѣе привлекаетъ вниманіе психолога съ этой стороны племя сербское. Воспѣвая каждого изъ избранныхъ героев народной борьбы

¹⁾ Burnouf, Commentaire sur le Yâçna. Avantpropos. p. XXVIII.

²⁾ *paoirim*,..... *bitim*,..... *thritim yânem gaidhyemi*. Yâçna y Haug -Gathas Zarathustrani., p. 42.

пѣлымъ рядомъ эпопей, народное творчество выражаетъ свои племенные симпатіи не въ однихъ вѣдшихъ дѣлахъ борьбы, — она призываетъ на разрѣшеніе великаго народнаго поединка внутреннія силы народнаго творчества, созданія народной мифологіи, придавая этимъ глубокое значеніе народности племенной вражды: такъ напримѣръ видимъ участіе вилы въ разрѣшеніи борьбы Новака съ Грчичемъ Манойлой ¹⁾. Не разъ встрѣчаемся мы въ сербскомъ историческомъ эпосѣ съ кровавой борьбой съ Греками. Въ одной пѣснѣ Грекъ является разрушителемъ семейнаго покоя; въ другой майсторъ Манойло является разрушителемъ общественнаго благосостоянія. «Нельзя ни жениться, ни выходить замужъ, не приходять къ царю подати, не торгуешь купецъ своимъ товаромъ, не ходитъ паломникъ на поклоненіе гробу Господню» ²⁾. Такое освѣщеніе даетъ народность сербская своимъ отношеніямъ къ Грекамъ, которыми условливалось ихъ поселеніе въ придунайской области, отъ которыхъ приняли они вѣру. Всѣ преданія забыты ради вражды съ Турками. Не смотря на то, что центръ религіознаго общенія съ Греками, монастыри могли бы живо напомнить Сербамъ ихъ отношенія къ православнымъ Грекамъ, народная фантазія съ одушевленіемъ стремится дѣлиться религіозными интересами съ русскими единоплеменниками: хитростью патріарха царь турецкій отдариваетъ московскихъ пословъ драгоценнѣйшими предметами православной святыни, въ чемъ послѣ объясненія съ пашей онъ раскаялся, но драгоценныхъ даровъ возвратить уже не могъ. Одушевленіе, съ которымъ роднится сербскій народъ съ своими русскими единоплеменниками очевидно изъ того, что мотивъ приведенной пѣсни ³⁾ Вукъ Стефановичъ нашелъ и въ позднѣйшемъ его вариантѣ въ связи съ «госпой Елисавкой» ⁴⁾. Приведенные факты говорятъ о томъ, что народная борьба Сербовъ совершалась въ пору живыхъ силъ народности и первоначальнаго племеннаго самосознанія. Племенное сочувствіе русскимъ и забвеніе преданій о связяхъ съ Византіей тѣмъ важнѣе, что въ эпосѣ народной борьбы не замѣтна та страдательная покорность печальной современности, которая бы лишала народность самосознанія въ области историческаго прошедшаго. Пѣснь о дѣвицѣ Маргитѣ и воеводѣ Райкѣ ⁵⁾ убѣждаетъ въ томъ, что народная самобытность погибала въ моментъ историческаго самосознанія народа.

¹⁾ Вукъ, Сrp. нар. пјесе. III, № 6.

²⁾ Ibid. № 45, стр. 20—23.

³⁾ Вукъ, III, № 15.

⁴⁾ Ibid., p. 83.

⁵⁾ Ibid., № 10.

На упреки въ безсиліи отстоять родину, Райко отвѣчаетъ дѣлами рядомъ историческихъ воспоминаній о народныхъ герояхъ, совокупными усиліями которыхъ Сербія была обезопасена отъ нападений Турокъ.

Русская вѣтвь восточныхъ Славянъ родится съ сербскою и по богатству своего эпоса. Не говоря о эпосѣ доисторической формации, не говоря о эпическомъ циклѣ Владиміра, укажемъ на пѣсни, связанныя по своему содержанію съ личностями русскихъ царей, память которыхъ начертана такъ рѣзко въ народномъ самосознаніи. Собраніе г. Якушкина, украшающее страницы второй книжки «Лѣтописей», представляетъ въ №№ VII и VIII пѣснь на свадьбу Грознаго. Кромѣ искренняго народнаго отзыва личности Іоанна Грознаго, мы находимъ въ нихъ указанія на отношенія къ Литвѣ, которыя влагаютъ слова вражды въ уста умирающей русской царевны. Эпитетъ «проклятой», приданный народомъ Литвѣ, оцѣненный со стороны его историческаго значенія въ предисловіи (стр. 24), мнѣологически освѣщается тѣмъ значеніемъ, которое получила Литва въ демонологіи нашихъ предковъ. Въ житіи Сергія Радонежскаго, повѣствуя о поселеніи угодника въ пустынь Радонежской «вѣси», писатель говоритъ, что бѣсы, раздраженные смѣлостью поселенія Сергія въ грозной пустынь, являлись къ нему въ литовскихъ одѣяніяхъ и шапкахъ островерхихъ ¹⁾. Это представленіе нашей народной демонологіи тѣмъ краснорѣчивѣе, что житіе того же святаго содержитъ въ себѣ строки, наполненныя враждой къ Литвѣ; самъ угодникъ является на стрѣльницѣ охраняющемъ г. Опочки, во время осады его Ляхами и Литвой подъ предводительствомъ «Жигдимонта».

Итакъ, историческій эпосъ, какъ непосредственное выраженіе народнаго самосознанія, есть единственно-возможное, правдивое опредѣленіе предѣловъ народнаго родства.

Запасъ впечатлѣній первобытной эпохи народной жизни находимъ въ лексической сокровищницѣ языка. Корни, общіе народностямъ индо-европейскаго племени, говорятъ о томъ, что они въ первоначальномъ своемъ слитіи дѣлили между собой тотъ запасъ впечатлѣній. Отдалившись другъ отъ друга, пройдя въ своей племенной особенности извѣстныя стадіи исторической жизни, они снова встрѣчаются на поприщѣ исторіи. Забывши первоначальное родство, относясь съ равнодушіемъ къ тому первобытному запасу народныхъ представленій, они заимствуютъ другъ у друга слова. Самый фактъ заимствования говоритъ уже о равнодушіи къ основному запасу народныхъ

¹⁾ Житіе Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. 1853 г. Въ литогр. св. Троиціи Сергіевы Лавры. J. 72.

представленій. Степень этого равнодушія опредѣляется степенью живости и своеобразности заимствованія. Въ этомъ отношеніи весьма поучительно изученіе лексики романскихъ языковъ, которая принимаетъ въ себя слова латинскія, вошедшія въ употребленіе въ послѣднее время съ очень слабой степенью своеобразности, тогда, какъ слова того же корня входили въ нее, какъ первоначальный составной элементъ, подчиняясь совершенно оригинальнымъ измѣненіямъ¹⁾. Спосо- бовъ заимствованія, слѣдовательно, зависитъ отъ эпохи заимствованія. Въ высокой степени поучительно изслѣдованіе явленій позднѣйшаго взаимодѣйствія путемъ внѣшняго сообщенія между языками, находящимися въ первоначальномъ племенномъ средствѣ. Таково взаимодѣйствіе языка литовскаго съ славянскимъ. Языкъ литовскихъ пѣсень и сказокъ, записанныхъ въ XIX столѣтіи, стоитъ на такой степени первобытности вокализма, что отношеніе его къ славянскимъ справедливо сравниваются съ отношеніями готскаго языка Ульфилы къ нѣмецкимъ нарѣчіямъ. Для уясненія этого мы считаемъ полезнымъ узнать ту силу самобытности жизни вокализма литовскаго, которая является въ заимствованіяхъ словъ корня спеціально-славянскаго. Литовское рѣченіе «wėga», не смотря на значительное количество производныхъ словъ, не состоитъ въ первоначальномъ родствѣ съ славянскимъ вѣра. Въ этомъ насъ убѣждаетъ прежде всего неизмѣнность коренной гласной, говорящая о томъ, что литовскій вокализмъ не нашелъ въ себѣ побужденій къ измѣненію слова чуждаго. Кромѣ того лексическая сторона дѣла приноситъ намъ обиліе доказательствъ. Отвлеченное значеніе слова «wėga», къ вѣрѣ объективной (*krikszczo- niszka wėra*) въ противоположность вѣры личной, личнаго убѣжденія, которая имѣетъ свое выраженіе въ спеціально-литовскомъ корнѣ глагола «tikiu» («tikėjimas»²⁾), прямо отрицаетъ оригинальность слова «wėga» въ литовскомъ языкѣ. Это получаетъ болѣе яркое освѣщеніе, если оцѣнить мнѣологическое значеніе литовскаго изрѣченія «neу saulis duktė negal jam itikti» («и солнцева дочь не угодитъ ему»). Древне-прусскій катихизисъ 1561 г., единственный памятникъ исчезнувшей вѣтви литовской народности, выражаетъ понятіе вѣры христіанской словомъ «*dhruvis*»³⁾, представляющимъ несомнѣнную аналогію съ скр. «*dhruva*» (*certus*), кор. «*dhru*» (*fixum esse*)³⁾. Если «wėga» не есть литовское рѣченіе, то въ этомъ литовскомъ заимствованіи гласная *ė* есть весьма любопытная транскрипція нашего *ь*:

¹⁾ См. 1-й томъ Diez, «Grammatik der Romanischen Sprachen».

²⁾ По изд. Нессельмана, 12, 18, 22, 38, 39 и проч.

³⁾ А не «*dhru*», какъ-то полагаетъ издатель, стр. 96.

нужно предположить весьма тонкое чутье вокализма въ позднѣйшую эпоху литовскаго языка, чтобъ объяснить транскрипцію *ь*, какъ подъятія гласной *и*, литовскою *ė* (у Милке *eĭ*), имѣющею ту же этимологическую качественность подъятія *и*. Не имѣя этого чутья, литовскій языкъ принялъ бы наше *ь*, какъ *e*. Слѣдовательно, тонкіе отгѣнки произношенія, имѣющіе глубокія основы въ исторіи языка литовскаго, удержали свою дѣйственную силу и въ заимствованіяхъ. Въ заимствованныхъ словахъ мы встрѣчаемъ частую смѣну *о* и *а*; такъ наприм. литовское *kozinas* не можетъ получить объясненіе въ законахъ литовскаго словообразованія, ибо оно, очевидно, есть заимствованіе изъ нашего простонароднаго говора — «кажный». Въ согласныхъ, какъ въ матеріальномъ, менѣе живомъ элементѣ языка, находимъ гораздо менѣе живой силы звуковаго творчества заимствованій. Такъ напримѣръ, польское *chomalo*, наше *хомуть* звучитъ въ лит. названіи сбруи «*kamantai*». Буква *х* сочла наиболѣе легкимъ перейти въ одноорганную *к*, тогда какъ въ древнѣйшихъ образованіяхъ славянскому *х* соответствуетъ лит. свистящая *s*, такъ напримѣръ *muša* — муха, *bluša* — блоха, *sausas* — сухъ и проч. Слѣдовательно сила воспріятія здѣсь не переходитъ границъ органа, къ которому принадлежитъ воспринимаемый элементъ. Относительно же первоначальнаго сродства слав. *х* съ лит. *s* имѣемъ замѣтить, что *s* имѣетъ право на большую первобытность, ибо и въ санскритѣ слав. *х* соответствуетъ свистящая: лит. *sausas*, сухъ — скр. *suska*. Но механическое воспріятіе начальной согласной, оправдываемое самою ея природою, не мѣшаетъ языку явить своеобразие съ формальной стороны въ образовательномъ элементѣ слова: *kamantai* — plural. tantum, по аналогіи съ другимъ словомъ, чисто-литовскимъ, имѣющимъ то же значеніе «сбруи», являющимся во всѣхъ своихъ образованіяхъ въ формѣ plural. tantum: «*szlajei, szlajos, szclajes, szclajutes*», ср. съ русск. «шлѣтя». Последнее рѣченіе не есть заимствованіе, ибо его родство съ кр. глагола «*szclėju*» (придѣлывать, приспособлять) несомнѣнно, а *ė* есть органическая замѣна дифтонга *ai*, какъ гуны *i*. Еще поучительный примѣръ изъ области согласныхъ. Санскритскому небному придыхательному *c* соответствуетъ въ классическихъ языкахъ группа *sk, sc*¹⁾; тоже отношеніе можно прослѣдить и въ литовской группѣ *sc* относительно славянскаго *ч*, — лит. *skit, skait* — слав. кр. *чит*, лит. *skystas* — слав. чистый. Но на ряду съ рѣченіемъ *skystas* въ лит. находится вполне созвучное «*szystas*». Самая аналогія отношеній scr. *c* къ группѣ *sc* классиче-

¹⁾ Vopp. Vergl. Gramm. §. 14.

скихъ языковъ съ отношеніями слав. ч къ лит. группѣ *zc* убѣждаетъ въ высокой этимологической качественности и самобытности лит. группы *zc* въ рѣченіи *skystas*. Еще рѣшительнѣе то, что рѣченіе «*skystas*» являетъ во всѣхъ другихъ, весьма многочисленныхъ своихъ образованіяхъ подыатіе коренной гласной—«*skaistas*», тогда какъ рѣченіе «*czystas*» ни въ одномъ изъ своихъ образованій, почти безъ исключенія тождественныхъ образованіямъ рѣченія «*skystas*», не представляетъ подыатія. Это говоритъ за то, что рѣченіе «*czystas*» есть позднѣйшее заимствованіе, не подчинившееся уже законамъ измѣненія гласныхъ. Не можемъ не остановить нашего вниманія и на томъ, что всѣ производныя рѣченія «*skystas*» повторяются въ заимствованномъ «*czystas*», именно: нарѣчіе «*czystai*»—«*skaistai*», «*czysczausas*»—«*skaisczausas*», «*czystybe*»—«*skaistybe*», «*czystummas*»—«*skaistummas*» и проч. и проч. Языкъ, чувствуя родство *zc* съ *cz*, смѣшивалъ ихъ. Отъ этого смѣшенія удержались, конечно, образованія специально-русскія, какъ-то «*czystata*», «*neczystata*».

Выражая собой отношеніе народа въ историческую эпоху его жизни къ творческимъ силамъ доисторической эпохи, языкъ служитъ лучшимъ выразителемъ и паденія основъ народной жизни. Оно отражается особенно ясно въ томъ, что образовательные элементы языка, соединяющіе матеріалъ народныхъ впечатлѣній въ извѣстныя представленія, неорганически смѣиваютъ другъ друга и ищутъ вышнихъ знаковъ для выраженія того, что проявлялось внутренними силами языка въ прежнюю эпоху народной жизни. Любопытный предметъ наблюденій въ этой области представляетъ намъ древне-прусскій языкъ въ вышеприведенномъ своемъ памятникѣ 1561 года. Сохранивши такъ много старинны въ склоненіяхъ и по преимуществу въ склоненіяхъ мѣстоименій (удержавшихъ корень *zma* въ цѣлости, нетронутой историческимъ временемъ, въ формахъ *stesmu*, *tennesmu*, *maidsmu*, *poibsmu*, *jousmu*, *kasmu*, *subbsmu*), древне-прусскій языкъ обращается въ упомянутомъ памятникѣ весьма равнодушно съ образовательными элементами своего языка, дышащими первобытною свѣжестью. Это равнодушіе наблюдается въ замѣнѣ суффиксовъ склоненія однимъ внимательнымъ падежемъ въ обоихъ числахъ, какъ скоро въ предложениіи отношеніе согласованія и управленія, или членъ ясно указываютъ на ту форму, которая неорганически замѣняется внимательнымъ падежемъ. Нессельманъ объясняетъ этотъ выборъ внимательнаго падежа легкостью его носоваго исхода (*n*, *ns*)¹⁾. Тѣмъ печальнѣе судьба зампрающаго организма, чѣмъ болѣе въ немъ силъ народной жизни!

¹⁾ Die Sprache der alten Preussen an ihren Ueberresten erläutert, p. 55.

«Мнеология тѣснѣйшимъ образомъ связана съ языкомъ». Въ эпоху юности народъ относится ко всему мнеологически; но такъ какъ мнеология и языкъ раскрываютъ въ себѣ глубокія основы народнаго мышленія, то мнеологическая дѣятельность направляется по преимуществу къ идеаламъ народнаго мышленія, содержащимся въ религіи. Мнеология не тождественна съ религіей: не все то мнеологично, что религіозно, и не все то религіозно, что мнеологично. Народъ смотритъ на все мнеологически не по религіознымъ побужденіямъ. Мнеологическій образъ воззрѣнія объясняется исторической эпохой его творчества: въ юности народъ мнеологически творитъ свои религіозные идеалы. Преслѣдуя развитіе духа отдѣльныхъ народностей до эпохи христіанства, наука этнографіи не замѣчаетъ внезапнаго перерыва: мнеологическій элементъ религіознаго сознанія не исчезаетъ. «Католицизма не было, да нѣтъ его и теперь». Нѣмецъ, Итальянецъ, Грекъ во всѣ времена имѣютъ различныя религіи по тому самому, что они суть отдѣльныя народности.

«Поклоненіе (культъ), раскрывающее драматическую силу народнаго сознанія въ символическомъ выраженіи религіозныхъ мыслей въ дѣйствіяхъ, и сказаніе (сага) содержатъ въ себѣ первые элементы народной поэзіи и другихъ искусствъ. Въ нихъ является конкретное сочетаніе тѣхъ элементовъ поэзіи, которые при благоприятныхъ историческихъ условіяхъ развѣтвляются на лирику, эпосъ и драму».

Смѣненіе и слитіе мотивовъ лирики и эпоса весьма ясно наблюдается въ тѣхъ немногихъ литовскихъ пѣсняхъ, которыя и по формѣ и по обилію эпическихъ мотивовъ мнеологіи такъ живо напоминаютъ ведическій гимнъ. Переводимъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ по изданію Нессельмана ¹⁾. «Солнышко, божья дочь, гдѣ, съ нами разлучившись, такъ долго замѣшталась? гдѣ такъ долго зажилась? За моремъ, подъ горкой оберегалъ я, обильный дарами, сиротокъ, пригрѣвалъ пастушковъ. Солнышко, божья дочь, кто утромъ да вечеромъ огонекъ разводилъ, кто постельку ²⁾ стлалъ? Утренняя звѣздочка огонь мнѣ разводила, вечерняя постельку стлала, — много у меня родни». Пѣснь, слѣдующая за этою въ собраніи Нессельмана, содержитъ въ себѣ космогоническія представленія въ эпическомъ ихъ изображеніи. «Въ первую весну мѣсяцъ женится на солнцѣ. Солнышко встало рано, мѣсяцъ разлучился съ нимъ. Блуждалъ мѣсяцъ одинокій

¹⁾ Litauische Volkslieder. 1853. № № 1, 2, 3, 5.

²⁾ -pataleli- (постельку) — уменьшительное отъ *patalas*, слож. изъ предлога *pa* и *talas*, состоящаго въ несомнѣнномъ родствѣ съ *acr. -tala-*, которое имѣютъ между прочимъ значеніе поверхности какой-либо вещи.

и полюбилъ утреннюю звѣздочку. Перкунъ въ сильномъ гнѣвѣ разсѣкъ его мечемъ. Зачѣмъ разлучился ты съ солнцемъ? зачѣмъ блуждалъ одинкой? Зачѣмъ полюбилъ утреннюю звѣздочку? — Сердце полно смущенія».

Впечатлѣннѣ грусти, навѣянной грознымъ появленіемъ грома — Перкуна («Perkunas musza» — Перкунъ поражаетъ, по народному изрѣченію) воспринято въ слѣдующей пѣснѣ, которая открывается гимномъ: «Вчера вечерочкомъ пропала овечка моя! Ахъ, кто поможетъ мнѣ отыскать мою овечку? Пошелъ я къ утренней звѣздочкѣ. Утренняя звѣздочка отвѣтила мнѣ, — я должна рано утромъ солнышку огонекъ развести. Пошелъ я къ вечерней звѣздочкѣ; вечерняя звѣздочка отвѣтила, — я должна вечеркомъ солнышку постельку послать. Пошелъ я къ мѣсяцу; мѣсяцъ отвѣтилъ, — я мечемъ разсѣченъ, — печаленъ мой образъ. Я пошелъ къ солнышку; солнышко мнѣ отвѣтило, — буду искать девять дней и на десятый не оставлю поисковъ»¹⁾.

Въ трехъ приведенныхъ пѣсняхъ являются мифологическія личности, изъ которыхъ каждая имѣетъ опредѣленное участіе въ космогоническомъ эпосѣ литовской народности. Тѣ изъ нихъ, которые относятся къ мифологическому представленію свѣта, имѣютъ въ своихъ названіяхъ самую близкую аналогію съ названіями соответствующихъ мифологическихъ личностей арийскихъ народностей. «Saule» (солнце) — ser. «surja» (кр. svar), zend. hrare; «Mėnu» (мѣсяцъ) — ser. «mas»; «Auszrine», прилагательное, заставляющее предполагать существительное «zvaigzda» — утренняя звѣзда — ser. «ushas» (заря) — кр. ush (горѣть). Пятая пѣснь Нессельманова собранія даетъ много весьма интересныхъ эпическихъ подробностей.

«Подъ клѣномъ течетъ источникъ²⁾, къ которому приходятъ божьи сынки при мѣсячномъ свѣтѣ плясать съ божьими дочками. Къ источнику пришла я вымыть лице³⁾. Какъ я вымыла до бѣла лице, упало мое колечко въ воду. И пришли божьи сынки и выудили мое колечко изъ глубины воды. И пріѣхалъ добрый молодецъ на ворономъ конѣ, а конь его вороной золотомъ подкованъ. «Поди сюда,

¹⁾ «o deszimta ne leisius». Здѣсь «leidmi» въ будущемъ времени, въ значеніи вспомогательнаго глагола, принимаетъ возвратное мѣстоименіе (s), часто переходящее на неопредѣленное наклоненіе, къ которому относится вспомогательный гл. leidmi (здѣсь jėzskoti изъ предм. предл.). Вариантъ «neu nisi leisiu» должно было бы перевести — «я не закачусь».

²⁾ Источникъ по литовски «szaltinatis»; слово это одного корня съ нашимъ гладъ, что объясняетъ эпитетъ студеной воды, студеной рѣчки. Szalu ии. знач. черзну.

³⁾ «burna praustis» — собственно значить: «вымыть ротъ».

дѣвица! поди сюда, молодец! скажемъ другъ другу словечко, подумаемъ думочку ¹⁾ — гдѣ рѣчка поглубже течетъ, гдѣ любовь любовнѣе ²⁾. Не могу, молодецъ, забранить меня матушка, матушка-старушка, если долго не прійду. «Ты скажи, дѣвица! ты скажи: утки прилетѣли, воду замутили, ждала я, поджидала». «Но правда, дѣвица, — съ молодецемъ ты говорила, славку думу думала о словахъ любви». Пляска божьихъ дочекъ при студеной рѣчкѣ напоминаетъ нашихъ русалокъ. Но кто эти божьи дочки? Въ рѣшеніи этого вопроса много помогаетъ весьма важный вариантъ, который замѣняетъ «dėwo dukteľi» названіемъ «saules dukrute» (дочки солнца). Вариантъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что эти божьи дочки, представленіе которыхъ въ приведенной пѣснѣ такъ тѣсно связано съ представленіемъ воды, родственны нашимъ русалкамъ, сербскимъ виламъ и всѣмъ явлениямъ, раскрывающимъ связь мифологическихъ представленій свѣта съ представленіями воды. Связь эта является въ названіяхъ и эпитетахъ сродныхъ явленій славянской мифологіи: «русалка» — ведическое «rusat», (rutilans) корень котораго въ классическомъ санскритѣ удерживалъ значеніе ferire, occidere; вилы имѣютъ при себѣ въ сербскихъ пѣсняхъ эпитетъ бѣлыхъ — бѣла вила, candida. Не зная личныхъ именъ божьихъ дочекъ, не позволяемъ себѣ идти къ дальнѣйшимъ заключеніямъ о ихъ мифологической природѣ. Замѣтимъ лишь, что эпитетъ «dėwo duktele» имѣетъ аналогію съ эпитетомъ Перкуна, приводимымъ Бродовскимъ въ лексиконѣ — «die(ė)vactis», божѣтъ, богъ по преимуществу ³⁾.

Кромѣ мифологическихъ сказаній, народная психологія изслѣдуетъ явленія народного духа въ баснѣ, пословицѣ и загадкѣ. Этими произведеніями народного остроумія и фантазіи владѣютъ въ обиліи всѣ индо-европейскія народности. Индусскія собранія — Хитопадеша и Панчатантра представляютъ непрерывный рядъ басенъ, полныхъ представленій животнаго эпоса. Каждой баснѣ предпосылается пословица, повторяемая и въ концѣ ея. При повтореніи пословицы въ концѣ басни говорится: «tatho 'ham bravimi» (отъ того я и говорю); литовской пословицѣ предпосылаются слова того же значенія — «besko sako» (потому говорятъ). Слѣдовательно пословица имѣетъ своей внутренней основой басню, и часто даже въ самой пословицѣ замѣтны слѣды представленій животнаго эпоса, содержащагося въ баснѣ.

¹⁾ Захватительная эпическая тавтологія — «dumosiwa dumuzate».

²⁾ Еще тавтологія — «kur meile meiliausia».

³⁾ Lituanica, Schleicher, p. 19.

Народное остроуміе еще яснѣе выражается въ загадкѣ. О древности ихъ можно судить потому, что они влетаютъ въ древнѣйшія эпическія сказанія, удѣлѣвшія въ произведеніяхъ нашей духовной литературы («Муромская легенда»). Наша апокрифическая литература, проникнутая двоевѣріемъ, восприняла мотивъ загадки и развила его во многихъ изъ своихъ произведеній. «Бесѣда трехъ святителей», содержащая въ себѣ столь древнія народныя сказанія, богата и загадками, которыя, по сличенію, являютъ глубокія основы народности. Такъ напримѣръ ¹⁾: В. «Что есть конь стоитъ иссохъ, а трава подъ нимъ до чрева?—О. Конь есть богатый человекъ зря на свое богатство, иссохъ. — В. Что есть конь стоитъ на голѣ гумнѣ а сытъ величѣ? — О. Конь есть убогий человекъ: о богатствѣ не печется ни о чемъ». Эту загадку мы встрѣчаемъ въ литовскихъ *pasakos* ²⁾ съ тѣмъ незначительнымъ варіантомъ, что кони замѣнены рогатымъ скотомъ. Рыбакъ, желая жениться на дѣвицѣ, найденной имъ у берега, встрѣтилъ соперника въ своемъ господинѣ. Господинъ обѣщаетъ ему уступить, если онъ принесетъ извѣстіе отъ его умершаго отца о схороненномъ имъ кладѣ. Рыбакъ отправляется на небо съ желаніемъ узнать тайну отъ Бога. На пути онъ даетъ многія обѣщанія: чудовищной рыбѣ обѣщаетъ узнать, какъ долго должна она носить на своемъ хребтѣ пашню, и между прочимъ обѣщаетъ узнать, какъ долго сытыя коровы должны стоять на голомъ мѣстѣ и какъ долго тощія должны стоять на густомъ лугу. Онъ долженъ былъ получить отвѣтъ на всѣ эти вопросы и потомъ уже разрѣшить тайну клада. Передавать отвѣты было опасно, потому что многіе изъ нихъ были неблагоприятны для вопрошающихъ, что заставило рыбака давать ихъ издали, во избѣжаніе мести. Чудовищной рыбѣ онъ передалъ отвѣтъ Бога послѣ того, какъ она переправила его на другой берегъ; съ отдаленной горы онъ сказалъ ей, что казнь постигла ее въ отищеніе за тѣхъ людей, которыхъ она пожирала. Мотивъ загадки, какъ препятствія къ достиженію извѣстной цѣли, весьма распространенъ въ эпосѣ индо-европейскихъ народностей; мы не считаемъ нужнымъ приводить сличенія, всѣмъ давно извѣстныя. Загадку въ области чистохристіанскихъ представленій видимъ въ духовномъ стихѣ «о грѣшной матери» ³⁾. Грѣшная мать является во снѣ своему сыну. Онъ, видя ее спящею на змѣй, мучиною змѣями, крысами, ящерицами, спра-

¹⁾ Рѣчи и отчетъ университета. 1859. Приложение къ рѣчи проф. Буслаева, стр. 6.

²⁾ См. въ Шлейхеровой хрестоматіи сказку, озаглавленную такъ: «*are zveji kurs i dangi ejo*» (о рыбацѣ, который пошелъ въ небо).

³⁾ Собраніе народныхъ русскихъ пѣсень П. Кирѣевского, № XXIX.

шиваетъ ее о значеніи каждой казни въ отдѣльности. Грѣшная мать, объяснивши каждую муку, какъ наказаніе за известное преступленіе, проситъ молиться о себѣ. Здѣсь мотивъ загадки прилагается къ христіанскимъ представленіямъ и изображеніямъ страшнаго суда. Книга «Зерцало», на которую ссылается нашъ стихъ, содержитъ въ себѣ тоже самое подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «со еже како подобаеъ совершенное исповѣданіе творити и о нѣкоей женѣ страшно осужденнѣй»¹⁾. Число казней одинаково и въ пѣснѣ и въ «Зерцалѣ» — ихъ 8; но нѣкоторыя разницы есть — такъ напримѣръ въ «Зерцалѣ» — «огонь жупельный изъ устъ», чего не находимъ въ пѣснѣ, деймона пѣсни не находимъ въ «Зерцалѣ». Значительнѣе варіантъ въ самыхъ обстоятельствахъ видѣнія. Въ «Зерцалѣ» грѣшница не поставлена въ отношеніи матери къ тому, кому она исповѣдуеъ грѣхи. Принимая два инока въ нѣкій городъ проповѣдывать слово божіе. Въ городѣ томъ была нѣкая жена, сотворившая «чужелождство» съ своими сродниками. Когда она каялась предъ однимъ изъ иноковъ, то изъ устъ ея выпали жабы. Въ одномъ грѣхѣ она постыдилась покаяться; и жабы снова возвратились въ нее, какъ это было замѣчено другимъ инокомъ. Иноки продолжали путь. Когда пришлось имъ снова проходить тотъ городъ, то они нашли ту грѣшницу уже мертвою. Они молились о ней. На третій день молитвы ихъ явилась имъ та женщина, сидя на змѣ со всѣми атрибутами адской казни. Страшный змѣй не далъ ей кончить исповѣди предъ иноками: «движесе съ нею и занесе ю во адская мѣста». Послѣднихъ словъ, хорошо дополняющихъ явленіе грѣшной души изъ ада, не находимъ въ стихѣ: легендой «Зерцала» читатель еще шире вводится въ кругъ представленій нашей демонологіи. Представленія, относящіяся къ страшному суду, надъ которыми такъ много трудилась фантазія нашихъ предковъ, восприняли народный мотивъ загадки. Содержаніемъ иносказанія послужили отдѣльныя представленія суда.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ обзоръ, надѣясь, что многое, на чемъ мы съ намѣреніемъ не остановили нашего вниманія, представится въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ съ теченіемъ времени, когда въ разрѣшеніи задачъ народной психологіи примутъ участіе ученые, труды которыхъ, вышедшіе до изданія журнала Штейнтала, могли уже служить частнымъ наведеніемъ къ обширной области новой науки народной психологіи. Главнѣйшія стороны плана и наиболѣе близкія къ задачамъ «Лѣтописей» мы старались изложить съ возможною ясностью, замѣчая въ нашей литературѣ ложныя воззрѣнія на народность, ко-

¹⁾ По рукописи синодальной бібліотеки, № 101, гл. 703, лл. 495, 496.

торыя могутъ повести къ результатамъ весьма неутѣшительнымъ. Г. Г. ¹⁾), «поршная» трудъ достопочтеннаго Макарія съ рѣшительностью, прилично лишь ученическому невѣднію, высказываетъ свое воззрѣніе на народность, въ которомъ ясно проглядываетъ полная непосвященность въ начала современной науки этнографіи. Говоря о переводѣ священныхъ книгъ, г. рецензентъ замѣчаетъ: «Народъ не имѣлъ духовныхъ понятій въ языкѣ, чтобы бороться съ понятіями новыми; вѣра, можно сказать, не столько замѣшала у насъ старое, сколько восполняла отсутствующее». Далѣе авторъ дополняетъ, что условія христіанскаго просвѣщенія были такъ благопріятны на Руси, что разрѣшали вопросы, еще не возникавшія. Изъ этихъ словъ мы можемъ заключить, что древняя Русь рѣзко распалась на 2 части, изъ которыхъ одна просвѣщала (Византія?), другая же оставалась въ страдательномъ бездѣйствіи. Первая разрѣшала вопросы, которыхъ не задавала себѣ вторая. Во имя чего они соединились? Просвѣщающая сторона въ представленіи г. Г. напоминаетъ собой жерновъ мельницы, который продолжаетъ вращаться и тогда, когда хлѣба нѣтъ. Періодъ русскаго просвѣщенія, въ которомъ совершался этотъ таинственный актъ, г. Г. называетъ періодомъ преобладающаго значенія православія, хотя это и не мѣшаетъ ему сказать на слѣд. страницѣ (стр. 17), что до татарскаго нашествія; христіанство было распространяемо внѣшнимъ образомъ, и что весь этотъ періодъ являетъ постепенное умаленіе язычества. Вся эта историческая неправда, объясняющаяся невѣдніемъ автора, тѣмъ печальнѣе, что поводомъ къ ея выраженію послужили труды одного изъ самыхъ почтенныхъ ученыхъ дѣятелей въ области русскаго стариннаго.

А. Дювернуа.

¹⁾ Русская Беседа, 1859. III. Критика, стр. 15—17.

СКАЗКА О МИЛОСЕРДОМЪ КУПЦѢ.



Жилъ купецъ и очень онъ нищую братію любилъ и бѣдныхъ: и подаваніе было, и навелъ ихъ къ себѣ; что самъ пилъ и ѣлъ, то и имъ. «Гости мои дорогіе, говорилъ имъ: дороже васъ нѣтъ». А жена на нищую братію зрѣть не могла; онъ на это не глядѣлъ. И пришли къ нему разъ два старичка—апостола и самъ Іисусъ Христосъ, такіе старенькіе, одѣяніе худое и сумки назади: стоятъ на крыльцѣ, войдѣть не смѣютъ. Онъ имъ и говоритъ: «любезные пріатели, гости дорогіе! милости просимъ, подите въ горницу». Какъ, говорятъ они, мы пойдѣмъ? ноги у насъ грязныя, а у тебя полъ вымыть.— «Что вы! говоритъ, развѣ прислугъ у меня нѣту? развѣ не вымоютъ?—пожалуйте».— Взошли. Поставили сейчасъ самоваръ, напились, закусили, поговорили кое-что. «Давайте кушать», покушали.— Ну прощай, говоритъ: пора идѣть.— «Куда, говоритъ, гости дорогіе, вы теперь пойдете? вы у меня переночуйте, завтра я васъ провожу». Покормилися. «Пойдемте, говоритъ, по саду». Гуляли тамъ до темной зари; пришли домой, онъ ихъ въ спальню свою, на перинѣ положилъ, а самъ возлѣ кое-что накаталъ и легъ; и уснули. Назавтра просыпаются, они ему и говорятъ: «хозяйнущка! намъ пора идѣть»; а онъ имъ: «братцы любезные! чаю напьетесь, пообѣдаете, тогда ужъ и подите и унимать не стану».— Все приготовили, пообѣдали, провожаетъ онъ ихъ за ворота, они ему и говорятъ: «ну чтожъ, приходи къ намъ въ гости; пару лошадей пришлемъ, не ломайся».— «Хорошо, говоритъ, приду», и думаетъ самъ себѣ: «приказываетъ мнѣ нищая братія и эдакой я купецъ пребогатѣющій: и есть ли у нихъ, чѣмъ меня угощать?»

Много ли мало время, присылает Апостола и пару лошадей, что нѣтъ хуже. Онъ посмотрѣлъ, не подумалъ побрезговать, а жена и принялась его бранить: «первый ты купецъ и собираешься на эдакихъ лошадяхъ: всякъ въ заходи будетъ тебѣ смѣяться». Этотъ взялъ и не поѣхалъ. Апостолъ и говоритъ І. Христу: «не поѣхалъ, говоритъ: худыхъ лошадей прислалъ». «Ну погоди», говоритъ І. Христосъ: я ему такихъ лошадей пришлю, что не можетъ рукой гриву достать и подъ стрѣху не подойдетъ¹⁾».

Зовутъ; жена опять бранить: «мужъ, мужъ! куда ты ѣдешь? первый ты купецъ и ѣдешь; къ нищей братіи». Теперь онъ не поглядѣлъ на сѣ, сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣзжаетъ и наставили ему кушанья всякія, самоваръ, всякіе напитки, всякія ягоды и сроду онъ такого не видалъ. Думаетъ онъ самъ себѣ: «нищая братія меня угощаютъ, а у меня того нѣту». Попили, пообедали. «Ну теперь пойдѣмъ въ садъ», говорятъ. Ходили, ходили и стоятъ теремъ: зашли. «Посиди ты тутъ, говорятъ, немножко, а мы немного побудѣмъ, опять придемъ. Будетъ тебѣ скучно, ты вотъ въ эти два окошечка погляди, а въ третье не смотри». Поглядѣлъ въ оба окошечка: въ первомъ садъ дремучій, всякія ягоды, и яблоки, и вишенья, и дѣвушки пречестныя, и вдовушки—дѣтей нянчать и яблочки катаютъ на рукахъ. Поглядѣлъ онъ въ другое окошечко: и тутъ и рай и ему мѣсто показано, гдѣ ему быть: «ахъ и тутъ хорошо!» и такія птицы, и вишенья, и сливы разныя. И думаетъ самъ себѣ: «дай погляжу въ третье окошечко, если спросятъ—повишуся». Видитъ: жена его въ адѣ кипитъ, глянулъ, пріужахнулся, а она ему и говоритъ: «другъ ты мой, законъ ты мой великій! схвати меня хоть мизинчикомъ»; а косы-то у нея такъ и поднимаются. И схватилъ онъ ее за косы, правую и оторвалъ, въ карманъ положилъ, думаетъ: «Господи! куда это меня привелъ? знать не къ простымъ людямъ попалъ».

Приходитъ І. Христосъ. «Что, братецъ, соскучился?» «Да, говоритъ, долго сижу, соскучилъ маленько». «Нучтожь ты глядѣлъ въ окошечки?» «Глядѣлъ», говоритъ. «Во всѣ глядѣлъ?» «Во всѣ глядѣлъ», говоритъ. И въ это глядѣлъ т. е. молъ въ третье-то? Онъ и сказался: «виноватъ, говоритъ, и въ это глядѣлъ». «Ну, что ты тамъ видѣлъ?» Все, говоритъ, видѣлъ. Ему І. Христосъ и говоритъ: «ну, вотъ, говоритъ, это мѣсто тебѣ, а это женѣ, когда она, говоритъ, не ужаснется; если будетъ нищую братію принимать, ей Господь проститъ».

Поговорили, спровадили его домой, пріѣзжаетъ: жена ходитъ, холопочку подвязавши, охаетъ: «охъ голова болитъ, не могу хо-

¹⁾ Застрѣха, повѣтъ, надворотня.

диль». Онъ ей и говоритъ: «ахъ жена, другъ обрученный! покайся; ну сколько ты сердилася на нищюю братію? раскайся». Онъ свалилъ съ нея повойникъ, а косы и вѣтъ. «Ахъ, говоритъ, жена, другъ великій! ты въ адѣ кипишь и въ такой адѣ, что не можно глядѣть, спокайся, проси Бога прощенья, вотъ и твоя коса».

Жена стала Богу молиться, просить: «приукроти мое сердце и дай мнѣ, Господи! до всякаго желанія». И стала она нищюю братію любить и умолила царство небесное.

(Записано въ москов. губерніи.)

СТИХЪ О КНИГѢ ГОЛУБИНОЙ ¹⁾.

Во градъ было во Иерусалимъ,
При царѣ при Давыдѣ Иессеевичѣ,
При его сынѣ, при Соломонѣ,
При старцѣ было при Захаріи
Кабы съ той страны восточной, 5
Съ другой страны съ полуденной
Воздвѣяло чудо дивное:
Восходила туча сильная грозная,
Изъ той тучи изъ сильной грозной
Выходила книга голубиная, 10
Божественная книга евангельская.
Ко той книгѣ ко божественной
Сходились, собиралися
Сорокъ царей все царевичей,
Сорокъ князей все князевичей, 15
Сорокъ поповъ, сорокъ дяконовъ,
Много народу людей простыхъ,
Христіанъ православныхъ.
Никто ко книгѣ не приступится, 20
Никто къ божіей не прикоснется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давидъ Иессеевичъ,

¹⁾ По рукописи графа А. С. Уварова № 636 (Царск. № 490), л. 90—95. Это — сборникъ, составленный въ новейшее время по рукописямъ XVII и XVIII вѣка.
Ред.

До божіей до книгъ (sic) онъ достунается; Предъ нимъ книга разгибается, Все божественное писаніе ему объявляется.	25
Еще приходилъ ко книгѣ Малодуморъ князь, Малодуморъ князь Малодуморычь. «О ты славный нашъ премудрый царь, Премудрый царь Давыдъ Исесевичь!	
Прочти, государь, книгу божію, Объяви, государь, дѣла божія, Про наше житіе свѣтовольное:	30
Отчего у насъ свѣтъ начался? Отчего у насъ солнце красное? Отчего у насъ свѣтелъ мѣсяць?	35
Отчего у насъ звѣзды ясныя? Отчего у насъ ночи темныя? Отчего у насъ зари утреннія? Отчего у насъ вѣтры буйныя?	
Отчего у насъ умъ — разумъ?	40
Отчего наши помыслы? Отчего сей миръ и народъ? Отчего кости крѣпкія? Отчего тѣлеса наши?	
Отчего кровь руда наша?»	45
Отвѣтъ держалъ премудрый царь, Премудрый царь Давыдъ Исесевичь: «Эта книга великая:	
Долиной книга сороку сажень, Шириной книга тритцати сажень.	50
Приподнять книгу — не поднять будетъ, Прочитать книгу — не прочесть будетъ, По строкамъ глядѣть — всю не выглядѣть:	
Я по старой своей по памяти Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ,	55
По старому по писанному. У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа, Самаго Христа, царя небеснаго; Солнце красное отъ лица божіаго, Самаго Христа, царя небеснаго;	60
Свѣтелъ мѣсяць отъ грудей божіихъ, Симаго Христа, царя небеснаго; Звѣзды свѣтлыя отъ ризъ божіихъ,	

- Самаго Христа, царя небеснаго;
 Ночи темныя отъ думъ господнихъ, 65
 Самаго Христа, царя небеснаго;
 Вѣтры буйныя отъ Святаго Духа,
 Самаго Бога Вышняго;
 Зори утреннія отъ очей господнихъ,
 Самаго Христа, царя небеснаго; 70
 У насъ умъ и разумъ
 Самаго Христа, царя небеснаго;
 Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ;
 У насъ мѣръ народъ отъ Адама,
 Кости крѣпкія отъ камени; 75
 Тѣлеса наши отъ сырой земли,
 Кровь наша отъ черна моря.
 Какъ проговоритъ Володуморъ князь:
 «Премудрый ты царь, Давыдъ Іессеевичь!
 Сважи ты намъ, повѣдай: 80
 Который царь надъ царями царь?
 Который городъ городамъ отецъ?
 Кая церковь всѣмъ церквамъ мать?
 Кая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
 Кая гора всѣмъ горамъ мати? 85
 Кое древо всѣмъ древамъ мати?
 Кая трава всѣмъ травамъ мати?
 Которая рыба всѣмъ рыбамъ мати?
 Которое море всѣмъ морямъ мати?
 Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ? 90
 Которая птица всѣмъ птицамъ мати?»
 Отвѣтъ держалъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Іессеевичь:
 «Бѣлый царь надъ царями царь,
 Что онъ принялъ вѣру крещеную, 95
 Вѣру крещеную богомольную,
 Стоитъ за вѣру христіинскую,
 За домъ пресвятыя Богородицы;
 Всѣ орды ему поклонилися,
 Всѣ языцы ему покорилися: 100
 Потому бѣлый царь надъ царями царь.
 Который городъ всѣмъ городамъ отецъ?
 Іерусалимъ градъ всѣмъ городамъ отецъ.
 Потому Іерусалимъ городамъ отецъ,

- Что стоитъ онъ среди земли свѣту блага ¹⁾. 103
 Почему церковь всѣмъ церквамъ мати?
 Потому церковь всѣмъ церквамъ мати,
 Что въ той въ церкви соборной,
 Въ соборной богомольной
 Стоитъ гробница бѣла каменная: 110
 Въ той гробницѣ бѣлокаменной
 Почивало тѣло самаго Христа,
 Самаго Христа, царя небснаго:
 Потому церковь всѣмъ церквамъ мати.
 Которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати? 118
 Иорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
 Почему Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати?
 Окрестился Христосъ отъ Іоанна Крестителя
 При всѣхъ силахъ небсныхъ:
 Потому Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати. 120
 Которая гора всѣмъ горамъ мати?
 Фаворъ гора всѣмъ горамъ мати:
 На той горѣ на фаворстѣй
 Преобразился Господь,
 Показалъ ученикамъ славу свою: 125
 Потому Фаворъ всѣмъ горамъ мати.
 Которое древо всѣмъ древамъ мати?
 Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати;
 Потому кипарисъ древамъ мати:
 Жиды Христа распяли 130
 На томъ дрѣвѣ кипарисѣ
 Съ Пилатомъ, съ книжниками и фарисеями:
 Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати.
 Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати;
 Потому она всѣмъ травамъ мати: 135
 Когда шелъ Христосъ на распятіе,
 Мать пресвятая Богородица,
 На сырой земли стоячи,
 Плакала рыдала,
 Ронила слезы на сырую землю: 140
 Отъ тѣхъ отъ слезъ пречистыхъ
 Зарождалась плакунъ трава:
 Потому плакунъ всѣмъ травамъ мати.

¹⁾ Здѣсь въ рукописи очевидный пропускъ, легко восполненный текстомъ Кирѣвскаго.

- Которая рыба всѣмъ рыбамъ мати?
 Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати; 145
 Потому китъ всѣмъ рыбамъ мати,
 Что основана земля вся на ней:
 Когда она потронется, то земля всколеблется;
 Потому китъ всѣмъ рыбамъ мати.
- Окіянь море всѣмъ морямъ мати; 150
 Потому окіянь всѣмъ морямъ мати:
 Выходила церковь соборная
 Святаго Климента, папы римскаго;
 Въ той въ соборной церкви,
 Въ соборной богомольной 155
 Явилась книга самаго Христа,
 Самаго Христа, царя небеснаго:
 Потому окіянь всѣмъ морямъ мати.
- Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
 Ндрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ. 160
 Потому ндрикъ всѣмъ звѣрямъ отецъ:
 Ходитъ онъ по подземелью,
 Пронцаетъ рѣки, кладязи студеные,
 Живетъ онъ во святѣй горѣ
 И дѣтей выводитъ во святѣй горѣ. 165
- Которая птица всѣмъ птицамъ мати?
 Истрофиль птица всѣмъ птицамъ мати:
 Живетъ она на синемъ морѣ,
 Топитъ она корабли гостинные
 Съ товарами драгоценными: 170
 Потому и всѣмъ птицамъ мать.
 Пьетъ она и ѣсть изъ синя моря
 И дѣтей выводитъ на синѣ морѣ».
- Проговорить Володуморъ князь,
 Володуморъ князь Володуморычъ: 175
 «Премудрый ты царь, Давидъ Исеевичъ!
 Мнѣ вечеръ много сна видѣлось:
 Будто два звѣря сходилися,
 И бѣлъ заяцъ, и сѣръ заяцъ;
 Промежду себя они дралися». 180
 Отвѣтъ держалъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давидъ Исеевичъ:
 «Не два звѣря сходилися,
 Не бѣлъ заяцъ и не сѣръ заяцъ:

Сходилася правда съ кривою; 185
 Правда кривду переспорила;
 Кривда оставалась на сырой земли,
 А правда пошла на небо
 Къ самому Христу, царю небесному.
 Кто будетъ кривдой жить, 190
 Тотъ отчаянный отъ Бога;
 Та душа не наследуетъ
 Себѣ царства небеснаго;
 А кто будетъ правдой жить,
 Тотъ причастенъ ко Господу; 195
 Та душа наследуетъ
 Себѣ царство небесное».

Старымъ людямъ на послушаніе,
 А молодымъ людямъ для памяти.
 Славу поемъ Давыду Иссеевичу, 200
 Во вѣки его слава не минуется.

ПОВѢСТЬ О ФЕДОРѢ ЖИДОВИНѢ.¹⁾

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ жилъ былъ Федоръ жидовинъ. И поѣхалъ Федоръ жидовинъ на трехъ кораблехъ во градъ Іерусалимъ? ко царю хлѣба кушать. И какъ присталъ къ берегу: и на томъ берегу стоитъ иконописецъ, въ рукахъ держитъ три образа: первый образъ пресвятыя Богородицы, да образъ святаго Николая чудотворца, да образъ храбраго страдальца Георгія, побѣдоносца, христови мученика, на дскѣ написано. И рече Федоръ жидовинъ иконописцу: «чему они горазди?» И рече иконописецъ Феодору жидовину: «аго-

¹⁾ По рукописи моей бібліотеки, конца XVIII вѣка.

разди они избавлять отъ огня и отъ пламя». — «Что тебѣ за нихъ давать». — И рече иконописецъ: «взять мнѣ за нихъ триста златыхъ». Феодоръ жидовинъ рече иконописцу: «внесемъ въ корабль, и возьми триста златыхъ». И пришелъ Феодоръ жидовинъ и рече ко пресвятой Богородицѣ: «Жена ты есть моя премудрая и преукрашенная! далъ я за тебя триста златыхъ: стереги моего корабля». И пришелъ Феодоръ жидовинъ ко святому Николаю чудотворцу: «Гой еси ты Николай, премудрый и преукрашенный! далъ есть за тебя триста златыхъ: стереги моего корабля». И пришелъ Феодоръ жидовинъ ко святому Георгію: «Гой еси ты Егорій, премудрый и преукрашенный! далъ есть за тебя триста златыхъ: стереги моего корабля». А самъ пошелъ ко царю хлѣба кушать. И покушалъ хлѣба у царя и пришелъ въ корабль свой, и въ кораблѣ не обрѣте ничего: ни злата, ни товару дорогова. И пришелъ Феодоръ жидовинъ злымъ сердцемъ ко пресвятой Богородицѣ: «Жена ты моя премудрая и преукрашенная! Далъ есть за тебя триста златыхъ; зачѣмъ ты не стерегла моего корабля? Хочеша ли ты, да злой ты смерти предашь?» И бысть гласъ отъ иконы пресвятыя Богородицы и рече Феодору жидовину: «Не страши злой смерти предать ¹⁾»: была еси на помощи въ вашемъ градѣ Іерусалимѣ, и вашъ градъ весь огнемъ соженъ во отняти (?) была, домъ твой сохранила, жену и чадъ твоихъ сберегла отъ огня небеснаго». И рече Феодоръ жидовинъ: «Аще тако будетъ, то и я вѣрую и крещуся». И пришелъ Феодоръ жидовинъ ко святому Николаю: «Гой еси ты Николай, премудрый и преукрашенный! для чего не стерегъ моего корабля? хочешили, ты злой смерти предашь будешь?» И бысть гласъ отъ иконы Николая Феодору жидовину: «Не страши злой смерти предать ²⁾»: былъ на помощи на морѣ на пучинѣ: братъ поѣхалъ ³⁾ на море, да упалъ во море, началъ тонуть, и я избавилъ его отъ потопа и поставилъ въ семъ градѣ Іерусалимѣ, и вашъ градъ огнемъ весь пожженъ». И рече Феодоръ жидовинъ: «Аще тако будетъ, то я вѣрую и крещуся». И пришелъ Феодоръ жидовинъ ко святому Георгію: «Гой еси ты Егорій, премудрый и преукрашенный! далъ есть за тебя триста златыхъ: зачѣмъ ты моего корабля не стерегъ? хочешили ты злой смерти предашь будешь?» И бысть гласъ отъ иконы Георгія святаго Феодору жидовину: «Не страши злой смерти предать ⁴⁾»: я былъ на помощи, и вашъ градъ весь огнемъ соженъ». И рече Феодоръ жидовинъ:

¹⁾ Въ рукописи: предава.

²⁾ Въ рукописи: предавъ.

³⁾ Въ рукописи: послалъ.

⁴⁾ Въ рукописи это слово пропущено.

«Аще такъ будетъ, то я вѣрую и крещуся». И сѣлъ Ѳеодоръ жидовинъ въ корабль свой и поѣхалъ во градъ Іерусалимъ и приста ко берегу и приде Ѳеодоръ жидовинъ къ брату меньшему и рече Ѳеодоръ жидовинъ: «Иди въ корабль». И братъ его взошелъ въ корабль, узрѣ образъ святаго Николая и палъ на колѣни и рече: «Вѣрую и крещуся. И приде къ Ѳеодору жидовину сынъ меньшей и рече Ѳеодоръ жидовинъ: «Сыне мой жидовине! Гдѣ еси былъ?» И рече сынъ меньшій: «Былъ еси изъ Солону (?) въ большемъ градѣ въ темницѣ заключенъ, и помолился русскимъ богомъ, храброму страдальцу и мученику христову Георгію побѣдоносцу и какъ въ скорости пріѣхалъ младъ человекъ, и какъ поѣхалъ сърой конь, — сію темницу изломалъ, и узы съ меня снялъ и принеся во градъ Іерусалимъ». И рече Ѳеодоръ жидовинъ: «Иди въ корабль!» И сынъ его взошелъ въ корабль и узрѣлъ образъ храбраго христова побѣдоносца: «Вѣрую и крещуся». И рече ему жена его, Ѳеодора жидовинова ¹⁾... И рече Ѳеодоръ жидовинъ женѣ своей: «Кто тебя избавилъ отъ огня небеснаго?» И рече ему жена его: «Не молился своимъ богомъ, но они не помилютъ; и была у меня въ дому (жена?) христовой вѣры и велѣла мнѣ молитися русскимъ богомъ и пресвятой Богородицѣ приежно, прилетала еси жена стокрылатая: ризы на ней багряныя, и стала надъ домою моимъ и сохранила домъ мой крылою: кто отъ огня, кто отъ пламя, далече ходилъ». И рече ему жена его: «Хотя на дскѣ написана ея образъ». И рече Ѳеодоръ жидовинъ женѣ своей: «Иди въ корабль». И жена его въ корабль вниде и узрѣ образъ пречистыя Богородицы и такъ рече: «Вѣрую и крещуся во святомъ градѣ Іерусалимѣ, хошу вѣровати во Христа и вѣру христову принять». Ѳеодоръ же жидовинъ иѣвнѣя взялъ, иде во градъ Іерусалимъ и крестися въ вѣру христіанску.

РАЗГОВОРЪ О АДАМОВЫХЪ ДѢТЯХЪ, КАКО ЖИЛИ.¹⁾

Братъ сынъ Феодѣлаковичъ! благополучно здравствуй! Задалъ ты мнѣ на походъ своемъ прошеніе нѣкое о написаніи къ тебѣ что-нибудь. Я то помню и думаю, что писать, и пришло мнѣ на мысль помануть вкратцѣ прадѣда нашего Адама житіе, какъ онъ имѣлъ по изгнаніи изъ рая за свое преступленіе. Диковина не малая подумать, какъ онъ заводъ свой заводилъ — хоромное строеніе и хлѣбную пашню, рыбную ловлю, сѣнные покосы и прочее! Сталъ онъ прежде избу строить, гдѣ бревна смѣчены и не сѣчены. Свѣчь чѣмъ? топоромъ? а топоръ не кованъ, а тупорише не сдѣланъ. Ахъ бѣда! прежде избы надобно кузницу строить, а желѣзо изъ земли не выкопано, а и копать чѣмъ, не умѣть; уголья не жгѣны, и жечь не знаеть. Еще лѣсъ стоитъ на корене: что тутъ въ началѣ завести желѣзные заводы, аль сѣченіе лѣсовъ? пашню ли копать, аль сохи бо-роны дѣлать? плотники не рождены, кузнецы не зачаты, прочіе мастера вси еще на свѣтъ не успѣли и хитрецы не вышли. Ахъ любезный нашъ праотецъ! коликія слезы ты испусти о своемъ несчастіи! коликія плачевными гласы воздухъ наполнилъ въ такомъ горькомъ житіи! Чрево пища просить, а пища не сѣена. Уже божіемъ повелѣніемъ бысть то, что рожь растеть; но еще не жата: рвать ли ея съ коренемъ, того бѣдный не знаеть! Сорветъ колось, да другой: надобно молотить, а какъ молотить, и не слыхивалъ; обмолотивши, надобно молотъ, а какъ молотъ? и гдѣ жернова? и гдѣ огонь? и гдѣ квашня? и гдѣ мутовка? и печь не складена. Тутъ-то надобно жить, да не тужить. Дождь съ неба пошелъ: надобно укрыться; стужа стала — надобно одѣться: кафтанъ не шить, а шуба не кроена, а ножницы да игла гдѣ? того и не бывало. Безконечное слово о томъ, да пора окончить: видно намъ безъ власти божей ничего не сдѣлать; а Богъ въ семь дней все сотворилъ для насъ.

¹⁾ Рукопись, съ которой напечатанъ предлагаемый разговоръ, относится къ прошлому вѣку, писана крупнымъ уставомъ на большомъ развернутомъ листѣ и имѣеть заглавіе: *Разговоръ адамовыхъ (sic!) дѣтлахъ, како жили.*

ПОСЛѢДНЕЕ МНѢНІЕ ШАФАРИКА О ГЛАГОЛИЦѢ.

(Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus.
Von P. J. Safarik. Prag. 1858.)

I.

Изъ современныхъ вопросовъ въ области славянской древности едва ли не самый важный, и вмѣстѣ съ тѣмъ, самый затруднительный — вопросъ о такъ называемомъ глаголическомъ письмѣ, или Глаголицѣ, издавна бывшей въ употребленіи у западныхъ Славянъ римскаго исповѣданія, а теперь доживающей вѣкъ свой на берегахъ и нѣкоторыхъ островахъ адриатическаго моря. И прежде глаголическая письменность возбуждала любознательность ученыхъ и вызвала множество предположеній и догадокъ о своемъ происхожденіи и историческихъ судьбахъ; но тогда все это было скорѣе слѣдствіемъ простаго любопытства, нежели дѣйствительной потребности въ области изслѣдованій о славянской письменности вообще, потому что розысканія о Глаголицѣ не были поставлены въ необходимой связи съ другими вопросами славянской старины и не были признаваемы важными для ихъ рѣшенія. Причина такого явленія скрывалась въ самомъ состояніи вопроса о происхожденіи разсматриваемаго письма: недостатокъ данныхъ препятствовалъ ученымъ прійти въ этомъ отношеніи къ какому либо рѣши-

тельному заключенію, тѣмъ менѣе къ положительнымъ научнымъ выводамъ. Отъ того-то и всѣ мнѣнія о Глаголицѣ, высказанныя учеными до конца прошлаго столѣтія, не выходили изъ ряда такъ называемыхъ гипотезъ, которыя больше свидѣтельствовали объ остроуміи самихъ изслѣдователей, чѣмъ о важности для науки добытыхъ ими результатовъ. Совсѣмъ другое теперь: въ нынѣшнемъ столѣтіи въ области Глаголицы открыто нѣсколько древнихъ памятниковъ, которые неопровержимымъ образомъ доказали важность этой отрасли славянской литературы. Открылось, что Глаголица издревле имѣла вліяніе на письменность кирилловскую и представляетъ не мало данныхъ къ разъясненію многихъ темныхъ въ ней вопросовъ; а при такомъ положеніи дѣла и вопросъ о происхожденіи и судьбахъ загадочнаго письма уже не могъ быть обойденъ наукой. Вотъ почему въ послѣднія два десятилѣтія многіе изслѣдователи славянской старины съ новымъ рвеніемъ посвятили себя изученію глагольской письменности и послѣ нѣкотораго промежутка снова начался рядъ мнѣній, предположеній и догадокъ о ея происхожденіи и отношеніи къ письменности кирилловской. Правда, что мнѣнія эти въ сущности заключали въ себѣ очень не много новаго и были большею частію только повтореніемъ и возобновленіемъ прежнихъ гипотезъ, но теперь онѣ подтверждаемы были положительными фактами, извлеченными изъ вновь открытыхъ памятниковъ. Справедливо также, что ни одно изъ этихъ мнѣній доселѣ еще не успѣло утвердиться въ наукѣ и получить въ ней значеніе несомнѣннаго факта, но всѣ онѣ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ о высокой важности самаго вопроса для исторіи славянскаго языка и древности, что теперь и признается всѣми ея изслѣдователями. Но этого мало: въ послѣднее время вопросъ о глаголическомъ письмѣ поставленъ въ такомъ видѣ, что выходитъ изъ ряда вопросовъ спеціальныхъ и получаетъ общій интересъ; теперь онъ не можетъ не затронуть любопытства каждаго образованнаго человѣка, вовсе не посвященнаго въ тайны славянской науки, наконецъ даже тѣхъ, кто вовсе не слыхалъ о существованіи Глаголицы, или имѣетъ о ней только смутное понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, привыкли вѣрить какъ въ неопровержимую истину, что греко-славянское письмо изобрѣтено Кирилломъ философомъ въ IX-мъ

вѣкъ, нельзя же остаться равнодушнымъ зрителемъ споровъ о старшинствѣ двухъ славянскихъ азбукъ, когда говорятъ намъ уже не въ видѣ предположенія, а рѣшительно, основываясь на положительныхъ данныхъ, что Кириллица несправедливо носить такое названіе, что Кирилль философъ изобрѣлъ алфавитъ не греко-славянской, а глаголической, что къ Глаголицѣ, а не къ Кириллицѣ, какъ доселѣ думали, относятся историческія свидѣтельства, оставленныя намъ древностію, наконецъ, что такъ называемая кирилловская азбука есть позднѣйшее изобрѣтеніе, именно X вѣка, и принадлежитъ не Кириллу, а ученику его Клименту; далѣе, когда защитникомъ сейчасъ высказанныхъ положеній становится первый современный знатокъ славянской древности и глава славянскихъ филологовъ, съ полнымъ истинно-ученымъ самоотверженіемъ отказывающійся отъ прежняго своего совершенно противоположнаго взгляда на разсматриваемый вопросъ, прибавляя при томъ, что это его послѣднее, окончательное мнѣніе. Говоря все это, мы разумѣемъ взглядъ Шафарика на Глаголицу и на отношеніе ея къ Кириллицѣ, развитый имъ въ его сочиненіи, котораго заглавіе мы выше выписали.

Само собою разумѣется, что этотъ взглядъ знаменитаго славяниста образовался не вдругъ и что онъ находится въ неразрывной связи съ предшествующими розысканіями о Глаголицѣ, какъ его собственными, такъ и другихъ ученыхъ, а главное онъ тѣсно связанъ съ тѣми открытіями, которыя были сдѣланы въ глаголической письменности въ послѣднее время. Это заставляетъ насъ, приступая къ изложенію и разсмотрѣнію новаго мнѣнія Шафарика о разсматриваемомъ предметѣ, въ бѣгломъ очеркѣ прослѣдить прежде исторію, какъ упомянутыхъ открытій, такъ и составленныхъ на основаніи ихъ мнѣній. Естественно, что при этомъ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно тѣ мнѣнія, которыя имѣли вліяніе на исторію вопроса, или которыя по своему характеру близки къ мнѣнію Шафарика. И такъ, не восходя далеко, т. е. къ началу XVI столѣтія, когда начались споры о времени и мѣстѣ происхожденія Глаголицы, и не упоминая о преданіи, приписывающемъ ее св. Иерониму, замѣтимъ прежде всего, что первый, назвавшій Глаголицу настоящей Кириллицей былъ Добнеръ, оказав-

шій столько заслугъ для чешской и вообще славянской исторіи. Въ своемъ разсужденіи, изданномъ еще въ 1785 году, онъ доказывалъ, что изобрѣтенная св. Кирилломъ азбука, о которой говорится въ известной буллѣ папы Юанна VIII (880 г.), была именно Глаголица, а не Кириллица; послѣдняя же составлена въ послѣдствіи православнымъ духовенствомъ для большаго удобства въ письмѣ, и основой ея служила азбука греческая, которая была дополнена Глаголицей, изобрѣтенной Кирилломъ, отъ чего и носить его имя. Мнѣніе Добнера было принято и другими учеными, между прочимъ Лингартомъ и Антономъ и тогда же развито было ими далѣе. Первый утверждалъ, что Глаголица появилась гораздо ранѣе, именно въ V—VI вѣкѣ, въ IX же вѣкѣ св. Кириллъ на основѣ ея и по образцу греческаго алфавита составилъ азбуку новую, т. е. греко-славянскую, которая и вытѣснила собою Глаголицу. Въ доказательство древности ея онъ указываетъ на извѣстіе, что Хорваты въ VII вѣкѣ подписали договоръ свой съ папой, утверждая, что для этого употреблена была ими именно азбука глагольская. Второй относилъ появленіе Глаголицы къ эпохѣ еще до-іеронимовской и въ подтвержденіе такой древности ея, подобно Добнеру, ссылался на самую форму глагольскихъ начертаній, которыя безыскусственнѣй и грубѣе начертаній кирилловскихъ, а слѣд. и древнѣе ихъ. Въ то же время, т. е. еще до конца XVIII вѣка, были ученые, которые наоборотъ производили Глаголицу изъ Кириллицы, и согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ, приписывая послѣднюю Кириллу, первую признавали позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ. Къ нимъ принадлежали Фришъ, Дурихъ, нашъ знаменитый критикъ Нестора и другіе.

Впрочемъ всѣ эти и многія другія мнѣнія какъ въ пользу, такъ и противъ древности Глаголицы передъ Кириллицей, защищаемы и опровергаемы были безъ особенныхъ доказательствъ, что происходило, какъ уже замѣчено было нами выше, отъ недостатка памятниковъ и историческихъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, собственно говоря, въ то время въ распоряженіи защитниковъ и противниковъ Глаголицы была только одна древняя глаголическая рукопись, — это именно такъ называемое Ассеманіево Евангеліе, привезенное въ 1736 г.

знаменитымъ ватиканскимъ бібліотекаремъ изъ Іерусалима, и потомъ извѣстіе о глагольской псалтыри Николая Арбскаго, писанной въ 1222 г. Вотъ почему Добровскому, стоявшему во главѣ защитниковъ Кириллицы, такъ легко было опровергнуть мнѣнія своихъ противниковъ, что и сдѣлано было имъ въ 1808 г. въ извѣстномъ сочиненіи его *Glagolitica*. Подвергнувъ строгому разбору мнѣнія Добнера, Лингарта, Альтера и другихъ защитниковъ старшинства Глаголицы, онъ побѣдоносно опровергнулъ ихъ доводы и отдалъ пальму старшинства Кириллицѣ, оставивъ ее за Кирилломъ. Вотъ главные результаты изслѣдованій Добровскаго: Глаголица появилась не ранѣе XIII вѣка, потому что къ началу этого столѣтія относится древнѣйшая глагольская рукопись (точнѣе извѣстіе о рукописи) съ означеніемъ года, это именно Псалтырь, писанная Николаемъ Арбскимъ въ 1222 г., и къ этому же времени относится первое историческое свидѣтельство о Глаголицѣ, употребленіе которой дозволено было западнымъ Славянамъ буллою папы Иннокентія въ 1248 г. Мѣстомъ изобрѣтенія Глаголицы была Далмація, гдѣ прежде совершалось богослуженіе по кирилловскимъ книгамъ; но онѣ все болѣе и болѣе подвергались преслѣдованію со стороны западной церкви, въ слѣдствіе чего тамошнее славянское духовенство, въ видахъ сохраненія славянской литургіи, частію на основаніи алфавита кирилловскаго, частію латинскаго, составило новыя письмена, и осятивъ ихъ именемъ св. Іеронима, просило на употребленіе ихъ дозволеніе римскаго престола ¹⁾).

Мнѣніе Добровскаго было основано на положительныхъ данныхъ и строго-научныхъ розысканіяхъ, а потому оно и принято было почти всеми изслѣдователями славянской старины и держалось до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но съ этого времени въ области Глаголицы послѣдовали важныя открытія. Первое изъ нихъ составлялъ отрывокъ глаголической рукописи графа Клоца, содержащій въ себѣ два слова І. Златоустаго, одно св. Аѳанасія и одно св. Еуфимія. Этотъ замѣчательный памятникъ былъ изданъ Кошитаромъ въ 1836 г. (*Glagolita Clozianus*. Вѣна) и въ самомъ основаніи поколебалъ

¹⁾ *Dobrowskys Glagolitica*. 2 Aufl. Prag. 1845,

выводы Добровскаго. Въ предпосланномъ къ этому изданію изслѣдованіи, основываясь на палеографическихъ и филологическихъ данныхъ, Копитаръ пришелъ къ тому заключенію, что Клодсева рукопись нѣсколько не новѣ древнѣйшихъ рукописей кирилловскихъ, не новѣ XI в., а чрезъ это самымъ нагляднымъ образомъ опровергнулъ Добровскаго, относившаго появленіе Глаголицы къ XIII вѣку. Теперь не могло удержаться мнѣніе послѣдняго и о мѣстѣ перваго появленія и употребленія глагольской азбуки. Копитаръ сопоставилъ нѣсколько данныхъ, доказывавшихъ современность употребленія Глаголицы какъ у западныхъ, такъ и у юго-восточныхъ Славянъ, именно у Болгаръ и притомъ у послѣднихъ въ древнѣйшей ея формѣ, откуда естественно слѣдовало, что родиной Глаголицы была не Далмація, а скорѣе Болгарія. Въ доказательство послѣдняго вывода, Копитаръ ссылаясь на древній латинскій кодексъ пражской бібліотеки (XI в.), содержащій въ себѣ глаголическій алфавитъ съ надписью *Absceniarius Bulgaricum*, а въ подтвержденіе современности употребленія у Славянъ Глаголицы и Кириллицы и даже старшинства первой передъ послѣднею указывалъ на тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ древнихъ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаются глаголическія буквы, изъ чего онъ выводилъ заключеніе, что эти рукописи списаны съ глаголическихъ, а слѣд. послѣднее письмо древнѣе кирилловскаго. Впрочемъ положительныя выводы Копитара о времени происхожденія той и другой славянской азбуки довольно неопредѣленны и неубѣдительны, и потому—то можетъ быть выражены имъ въ видѣ вопросовъ ¹⁾. Въ иныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ приписываетъ Глаголицу Кириллу и даже Меѳодію, или обоимъ вмѣстѣ, а Кириллицу признаетъ позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ; въ другихъ объ азбуки приписываетъ славянскимъ апостоламъ; прибавляя, что изобрѣтенная ими глагольская азбука оказалась неудобною для письма и поэтому замѣнена ими же азбукой греко-славянской съ удержаніемъ нѣсколькихъ начертаній изъ Глаголицы; въ иныхъ наконецъ послѣднюю азбуку Копитаръ признаетъ исконнымъ славянскимъ письмомъ, существовавшимъ

¹⁾ Сл. *Glag. Cloz.* и *Prolegomena* къ Рейм. Ев. въ 1-мъ т. *Slav. Bibl. Miklosich.*

еще до IX вѣка и употреблявшимися въ дѣлахъ гражданскихъ, а Кириллицу приписываетъ Кириллу, составившему названную его именовъ азбуку на основаніи греческой и древнеславянской или глаголической для употребленія въ богослуженіи. Наконецъ въ видѣ предположенія Копитаръ приписывалъ Глаголицу даже космографу Этаку, жившему въ V вѣкѣ и слѣд. отдавалъ ей цѣлыхъ 4 вѣка старшинства передъ Кириллицей. Но такъ или иначе, Копитаръ остался вѣренъ основной своей мысли, что глагольское письмо древнѣе кирилловскаго и въ глагольскихъ памятникахъ искалъ первообраза древнѣйшаго глагольскаго языка, высказавъ свои, относящіеся сюда выводы въ самыхъ рѣзкихъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ.

Это послѣднее обстоятельство, а равно и то, что въ вышеизложенныхъ положеніяхъ Копитара заключалось очень много произвольнаго, было причиною, что мнѣніе его, поколебавъ выводы Добровскаго, не наню себѣ однакожь много приверженцевъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ оно было высказано. Такъ покойный профессоръ Прейсъ въ своемъ изслѣдованіи о глагольской письменности ¹⁾ во многомъ склонился къ оставленному мнѣнію Добровскаго и очень удачно опровергнувъ большую часть доказательствъ Копитара. Представляемъ здѣсь главныя положенія, развитыя въ упомянутомъ, въ вышей степенн замѣчательномъ изслѣдованіи по разсматриваемому предмету, не потерявшемъ своего значенія даже въ настоящее время. 1) Современное употребленіе въ Болгаріи двухъ алфавитовъ глагольскаго и кирилловскаго, говоритъ Прейсъ, подвержено сильному сомнѣнію. Еще менѣе имѣемъ причинъ думать, что первый древнѣе послѣдняго. 2) До запрещенія кирилло-славянской литургіи въ Далмаціи не было надобности изобрѣтать новый алфавитъ. Это могло оказаться нужнымъ около 925 г., когда кирилловское письмо было рѣшительно запрещено. 3) По всемъ примѣтамъ видно, что родина глагольскаго азбуки есть приморская Кроація и что по всей справедливости ей принадлежитъ названіе хорватскаго письма. 4) Греко-славянскій алфавитъ Кирилла служилъ образцемъ для составителя глагольскихъ письменъ. Всѣ эти положенія въ изслѣдованіи

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1843 г., № 3.

Прейса подтверждены положительными фактами и основаны на исторических, палеографических и филологических соображенияхъ, и очень жаль, что многія изъ этихъ соображеній выпущены изъ виду какъ защитниками, такъ и противниками древности Глаголицы, выступившими послѣ Прейса.

Новую эпоху въ изученіи глаголическаго письма составляло путешествіе проф. Григоровича по славянскимъ землямъ въ 1844—1845 году ¹⁾. Счастливому путешественнику удалось открыть нѣсколько очень важныхъ памятниковъ глагольской письменности, изъ которыхъ нѣкоторые не уступали по своей древности рукописи графа Клоца, — это именно: 1) Евангеліе зографскаго монастыря на Аѳонѣ, XII вѣка; 2) Четвероевангеліе XI в., найденное почтеннымъ профессоромъ также въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей и находящееся теперь у него самого въ Казани; 3) Палиimpseстъ XII или XIII в., писанный Кириллицей по выскобленной Глаголицѣ; 4) нѣсколько отрывковъ изъ глаголическихъ рукописей XI—XII в. Въ то же время другимъ нашимъ путешественникомъ архимандритомъ Порфиріемъ на Аѳонѣ открытъ очень важный греческій документъ съ глаголическою подписью пона Георгія 982 г. ²⁾. Эта подпись, къ сожалѣнію доселѣ неизвѣстная въ подлинномъ ея видѣ, заключалась въ нѣсколькихъ словахъ, но тѣмъ не менѣе она, казалось, неопровержимымъ образомъ свидѣтельствовала объ употребленіи Глаголицы еще въ X вѣкѣ. Тогда же проф. Григоровичемъ сдѣлано было открытіе, очень важное для розысканій о Глаголицѣ, въ другомъ родѣ: въ Охридѣ имъ найденъ былъ новый списокъ краткаго житія еп. Климента, въ которомъ упоминается, будто бы послѣдній составилъ другіе знаки славянскихъ письменъ, отличные отъ изобрѣтенныхъ Кирилломъ. Заносимъ этотъ фактъ въ исторію открытій по части глаголической письменности потому, что приведенное свидѣтельство краткаго климентова житія играетъ важную роль какъ въ прежнихъ, такъ и въ послѣднемъ изслѣдованіи Шафарика и что, на основаніи его, тогда же нѣкоторыми учеными было сдѣлано предположеніе, объ изобрѣтеніи Климентомъ глаголической аз-

¹⁾ Очеркъ путеш. Григор. по евр. Турціи. Казань. 1848 г.

²⁾ Ж. М. Н. Шр. 1847 г. № 7.]

буки; къ такому заключенію подаль, можетъ быть, поводъ самъ издатель разсматриваемаго памятника: въ своемъ замѣчаніи къ упомянутому свидѣтельству онъ утверждалъ за несомнѣнное, что оно относится именно къ другой славянской азбукѣ, хоть и не присоединилъ къ этому никакихъ дальнѣйшихъ объясненій ¹⁾.

Изъ послѣдующихъ розысканій сдѣланныхъ учеными, имѣвшими уже въ виду новые глагольскіе памятники, открытые проф. Григоровичемъ и архимандритомъ Порфиріемъ, самымъ замѣчательнымъ было изслѣдованіе П. П. Срезневскаго подъ заглавіемъ: Древнія письмена славянскія ²⁾. Названное изслѣдованіе дѣлится на двѣ части: изъ нихъ въ первой помѣщенъ текстъ сказанія черноризца Храбра о славянскихъ письменахъ, изданный по нѣсколькимъ прежнимъ и новымъ спискамъ и вмѣстѣ съ этимъ критическій разборъ его. То и другое было тогда какъ нельзя больше ко времени; потому что какъ самый текстъ Храброва сказанія, такъ и объяснительныя примѣчанія къ нему какъ нельзя яснѣе доказывали, что свидѣтельство Храбра относится не къ какому либо другому, а именно къ такъ называемому кирилловскому, греко-славянскому алфавиту и, по видимому, устраняли всякую возможность дѣлать какія либо другія, въ этомъ отношеніи, заключенія.

Во 2-й части указаннаго изслѣдованія предлагаются розысканія объ азбукѣ глагольской. Эти розысканія и сдѣланные на основаніи ихъ выводы отличаются самою строгою умѣренностію, стоятъ совершенно въ уровень съ фактами и чужды тѣхъ крайностей, въ которыя впадали многіе какъ изъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ изслѣдователей. На основаніи сходства въ формѣ нѣкоторыхъ начертаній обѣихъ славянскихъ алфавитовъ, порядка буквъ, характера правописанія и проч., сообразивши всѣ данныя и мнѣнія о Глаголицѣ, почтенный профессоръ пришелъ къ тому заключенію, что эта азбука есть явленіе IX—X вѣка, послѣдовавшее за изобрѣтеніемъ Кириллицы, составлена по образцу ея и ею дополнена, или измѣнена согласно съ требованіями мѣстнаго

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1847 г. № 1.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1848 г. № 7.

нарѣчія. Еще важнѣе результаты, до которыхъ дошелъ ученый профессоръ, въ разсматриваемой статьѣ, о самомъ мѣстѣ появленія глаголическаго письма. Здѣсь имъ въ первый разъ, хотя въ видѣ догадки, была высказана мысль о болгарскомъ происхожденіи Глаголицы, мысль, которая была принята, хоть и въ измѣненномъ видѣ, всѣми почти послѣдующими изслѣдователями. По мнѣнію автора, Глаголица примѣнена была къ мѣстному нарѣчію первоначально не у Хорватовъ, а у Болгарь, что доказывается признаками болгарскаго нарѣчія въ древнѣйшихъ глагольскихъ памятникахъ и мѣстомъ ихъ нахожденія.

Совершенно другаго рода были выводы, которые сдѣлалъ самъ виновникъ новыхъ открытій въ глагольской письменности, подвергнувъ разсмотрѣнію найденные имъ и прежніе памятники. Еще въ 1848 г., взявши въ соображеніе извѣстное мѣсто въ паннонскомъ житіи Кирилла, гдѣ говорится о найденномъ будто бы послѣднимъ въ Херсонѣ евангеліи и псалтыри, писанныхъ *Руськи* ¹⁾ письмены, которыхъ самъ онъ не могъ читать, — проф. Григоровичъ утверждалъ, что св. Кириллъ нашелъ въ Херсонѣ именно Глаголицу и что слѣд. она древнѣе Кириллицы. Но съ большою подробностію онъ развилъ свое мнѣніе въ своей статьѣ: *О древней письменности Славянъ*, явившейся въ 1852 г. ²⁾. Здѣсь, вопреки мнѣнію Прейса и Срезневскаго, онъ принимаетъ за болѣе достовѣрное, что не Глаголица дополнена Кириллицей, а совершенно наоборотъ, и доказываетъ это названіемъ нѣкоторыхъ кирилловскихъ буквъ (буквы *ѳ*), замѣствованныхъ по его мнѣнію изъ глаголическихъ начертаній. Сравнительную же древность и старшинство Глаголицы передъ Кириллицей почтенный профессоръ старается подтвердить сходствомъ въ формѣ глаголическихъ письменъ съ знаками на геммахъ, древностію языка глаголическихъ рукописей, широкимъ (?) распространеніемъ Глаголицы въ древній періодъ славянскаго пись-

¹⁾ По другимъ спискамъ: Русьскими. Приводимъ это мѣсто по изд. Шафарика: и обратъ же ту евангелію и псалтырь русьскими писмены писано, и чловѣка обратъ глаголюща тою бесѣдою и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рачи прись. — въскорѣ ничеть чисти и сказовати.

²⁾ Статяи, кас. древне-слав. языка. Казань. 1852 г.

менности и тѣмъ обстоятельствомъ, что многія (?) кирилловскія рукописи списаны съ глаголическихъ или написаны по выскобленной Глаголицѣ (палимпсесты), но не наоборотъ». Опредѣленіе же свое мнѣніе о времени и мѣстѣ происхожденія обоихъ славянскихъ азбукъ г. Григоровичъ выражаетъ въ такой формулѣ: «Св. Кириллъ нашелъ (т. е. въ Херсонѣ) Глаголицу, а Меѳодій вмѣстѣ съ Кирилломъ послѣ обратилъ ее и греческій алфавитъ въ славянскую азбуку—кирилловскую». Первое онъ доказываетъ уже приведеннымъ нами выше свидѣтельствомъ изъ паннонскаго житія Кирилла, второе ссылкой на одно извѣстіе въ апостолахъ XII в. и на древнюю службу св. Меѳодію, гдѣ онъ называется *святымъ буквамъ премудрымъ обратникомъ*, и это, — по объясненію профессора — «отъ обращенія греческаго алфавита въ славянскій примѣненіемъ греческихъ буквъ къ извѣстнымъ уже въ славянскомъ языкѣ».

Само собою разумѣется, что такое мнѣніе о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ не могло не поразить своею оригинальностію, поэтому оно и не встрѣтило ни въ комъ сочувствія и тогда же было опровергнуто сначала Шафарикомъ, а потомъ О. М. Бодинскимъ въ его сочиненіи *О времени происхожденія славянскихъ письменъ* (1856 г.). Въ этомъ же сочиненіи почтенный профессоръ представилъ обстоятельный разборъ и всѣхъ другихъ мнѣній о происхожденіи Глаголицы, признавъ современность ея появленія съ Кириллицей, но до открытія новыхъ данныхъ удержался отъ болѣе рѣшительныхъ и точныхъ опредѣленій. Взглядъ г. Бодинскаго на время происхожденія Глаголицы не измѣнился и послѣ открытія въ 1855 г. такъ называемыхъ Пражскихъ глагольскихъ отрывковъ. «Теперь, писалъ онъ въ своей статьѣ 1), по поводу открытія этихъ отрывковъ, Глаголица, по самымъ уже намятикамъ, съ прямымъ показаніемъ времени написанія ихъ, помѣстилась въ одинъ вѣкъ съ Кириллицей, именно въ IX, въ который, какъ мы уже знаемъ заподлинно по тѣмъ даннымъ, конъ извѣстны нынѣ, послѣдняя составлена; которая изъ сихъ двухъ соперницъ отселѣ перетянетъ другую, не-

1) Рус. Вѣстн. 1856 г., № 3.

известно. Пока объ онѣ въ эту пору стоять передъ судомъ нашимъ съ равными правами, являются съ равными силами, и было бы слишкомъ неблагоприятно заключать о большей древности одной изъ нихъ передъ другой, т. е. заключать тамъ, гдѣ предѣлъ всякимъ заключеніямъ, предѣлъ, за котормъ начинаются мечтанія... слѣд. толки, а тѣмъ болѣе препиранія о старшинствѣ Кириллицы передъ Глаголицей и Глаголицы передъ Кириллицей совершенно неумѣстны, безвременны, пока самое время, лучшей въ такомъ случаѣ и рѣшитель чловѣческихъ притязаній и недоумѣній, не представитъ намъ для того данныхъ, подобныхъ тѣмъ, по коимъ права обѣихъ соперницъ теперь совершенно уравновѣсилась... Въ высшей степени было бы занимательно уяснить себѣ это явленіе, почему почти, или даже рѣшительно въ одну и ту же пору показываются у Славянъ двѣ азбуки, такъ мало похожія своею наружностію одна на другую. Но сознаюсь, при тѣхъ данныхъ, какія теперь у насъ подъ руками, рѣшеніе этого вопроса — чистая невозможность».

Обращаясь теперь къ изслѣдованіямъ о Глаголицѣ Шафарика, замѣтимъ прежде всего, что знаменитый славянистъ очень долго держалъ себя какъ бы въ сторонѣ отъ указанныхъ нами въ отношеніи къ ней споровъ: тѣмъ меньше можно было его причислить къ числу защитниковъ древности глаголическаго письма и старшинства его передъ кирилловскимъ. Такъ мнѣніе въ этомъ отношеніи Копитара не нашло въ немъ никакого сочувствія, хотя въ настоящее время въ выводахъ обонхъ ученыхъ нельзя не видѣть слишкомъ много общаго. Причины недостатка въ сочувствіи къ мнѣнію Копитара объясняетъ самъ Шафарикъ въ своемъ предисловіи къ послѣднему своему, разсматриваемому нами труду. «Копитаръ, замѣчаетъ онъ, можно сказать, скорѣе угадалъ истину посредствомъ своего изумительнаго остроумія, чѣмъ вывелъ ее правильнымъ логическимъ путемъ и доказалъ съ убѣдительною ясностію. Последнее, при неизвѣстности въ то время многихъ важныхъ памятниковъ и историческихъ данныхъ, было рѣшительно невозможно. Открытіе тѣхъ и другихъ послѣдовало въ ближайшее время послѣ обнародованія Копитарова труда. Притомъ же въ отношеніи къ историческимъ изслѣдованіямъ

я держусь такого мнѣнія, что самостоятельно выработанный взглядъ, хотя бы это путемъ ошибокъ и вслѣдствіе вѣшняго толчка, гораздо плодотворнѣе и достойнѣе свободно-мыслящаго изыскателя, чѣмъ чужое, рабски и безъ внутренняго убѣжденія принятое лишь на вѣру ученіе... По крайней мѣрѣ я вовсе не оставался равнодушнымъ къ открытію истины. Это доказываютъ тѣ тщательныя розысканія, которыя три раза въ 1852-мъ, 1853 и въ 1856-мъ году мною посвящены были почти забытому и оставленному безъ вниманія вопросу. Тоже самое доказываетъ и тотъ способъ и та постепенность, съ какою я мало по малу, въ теченіи указаннаго періода времени, достигалъ познанія истины»... «Теперь, говоритъ Шафарикъ въ другомъ мѣстѣ (р. 3), я рѣшаюсь возвратиться къ Глаголицѣ въ третій и, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Новыя открытія и новыя изслѣдованія о ней требуютъ повѣрки цѣлаго. Я предпринялъ это и представляю здѣсь добытые мною результаты. Настоящее свое сочиненіе я назначаю для тѣхъ, кого интересуетъ вопросъ, что наконецъ я думаю о Глаголицѣ и Кириллицѣ и что считаю въ этомъ отношеніи вѣрнымъ».

Нѣтъ нужды говорить, какъ справедливы и обязательны для насъ замѣчанія Шафарика, высказанныя имъ въ выписанныхъ нами строкахъ и въ какой мѣрѣ должно быть важно для науки окончательное мнѣніе его о столь спорномъ и запутанномъ вопросѣ, каковъ вопросъ о глаголическомъ письмѣ. Одно простое безотчетное вѣрованіе, предчувствіе, догадка такого опытнаго (и пользующагося столь заслуженнымъ авторитетомъ) знатока славянскаго міра, одна случайно высказанная мысль, мелькомъ сдѣланное замѣчаніе можетъ поколебать самыя твердыя убѣжденія, хотя бы пользовавшіеся столѣтнею давностію и авторитетомъ общепринятыхъ высказанныхъ научныхъ положеній. Чтобы указать ближайшій въ этомъ случаѣ примѣръ, припомнимъ одинъ фактъ, очень хорошо извѣстный всѣмъ, знакомымъ съ работами нашихъ ученыхъ по части исторіи древней славянской письменности. По поводу изданія Калайдовичемъ изслѣдованія объ Юаннѣ Екзархѣ (1824 г.) нѣкоторыми учеными были высказаны сомнѣнія въ древности и подлинности твореній знаменитаго преемника трудовъ славянскихъ апостоловъ и ихъ сотрудниковъ, а впоследствии

однимъ изъ нашихъ знатоковъ древней слав. письменности сочиненія Екзарха, вопреки общепринятому мнѣнiю, положительно отнесены къ памятникамъ XII вѣка ¹⁾, хоть и не присоединено къ этому никакихъ доказательствъ, и хотя приговоръ ученаго библиографа выраженъ былъ категорически и въ нѣсколькихъ строкахъ. Что же? Эти строки доселѣ, если можно такъ выразиться, держатъ какъ бы въ осадѣ всѣхъ изслѣдователей по разсматриваемому вопросу. По этому въ каждомъ изслѣдованiи о немъ, даже въ замѣчанiяхъ, высказанныхъ стороною, непременно имѣются въ виду эти сомнѣнiя и этотъ приговоръ, непременно приписываются новыя данныя и дѣлаются новыя соображенiя въ пользу общепринятаго въ этомъ отношенiи мнѣнiя, и при чтенiи этихъ изслѣдованiй, непременно чувствуется неотразимое влiянiе этихъ немногихъ строкъ, въ которыхъ высказанъ взглядъ совершенно противоположный, хотя бы онъ и не былъ указанъ. И все это происходитъ вслѣдствiе увѣренности, что приговоръ произнесенъ знатокомъ дѣла, который не любитъ тратить даромъ словъ и который имѣлъ и вѣроятно теперь имѣетъ доказательства въ пользу своей мысли. Возьмемъ другой примѣръ. Ученые составители описанiя слав. рукописей Моск. Спирит. библиотекы въ своихъ разысканiяхъ о древнемъ славянскомъ переводѣ Свящ. Писанiя, согласно съ исправителями и издателями первопечатной библии въ прошломъ столѣтiи, пришли къ тому заключенiю, что первоначальный переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ, совершенный трудами Кирилла и Мефодiя, теперь утраченъ; до настоящаго же времени изъ этого перевода какъ въ рукописяхъ, такъ и въ печатной библии дошли только немногiе его остатки, а все прочее дошло до насъ въ переводѣ позднѣйшемъ, частiю съ греческаго, частiю съ еврейскаго и латинскаго ²⁾. Между тѣмъ, какъ извѣстно, нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ держатся въ этомъ отношенiи мнѣнiя совершенно противнаго. Такъ не далѣе, какъ въ прошломъ году въ одномъ изслѣдованiи по разсматриваемому вопросу, высказана была мысль, что славянскiй переводъ би-

¹⁾ Хрон. указ. мат. от. ист. Ж. М. П. Пр. 1834 г., ч. I.

²⁾ Т. I. 1855 г. см. пред. III. и далѣе.

блейскихъ книгъ «по его происхожденію есть плодъ апостольской ревности святыхъ Кирилла и Меѳодія, что онъ получилъ начало въ девятомъ столѣтіи и что языкъ сего перевода въ продолженіи тысячъ лѣтъ продолжаетъ быть живымъ въ православной церкви»¹⁾. Какъ видно изъ приведенной нами выписки, мнѣніе о сохраненіи, въ нашихъ рукописныхъ и въ печатныхъ библейскихъ книгахъ, кирилловскаго перевода Свящ. Писанія высказано здѣсь категорически, безъ всякихъ объясненій и безъ соображенія съ вышеуказаннымъ нами изслѣдованіемъ; но оно высказано съ полною и твердою увѣренностію въ его справедливости и притомъ знатокомъ дѣла. Вотъ почему и вопросъ о происхожденіи сл. перевода Священнаго Писанія, заключающагося въ нашей рукописной и печатной библіи, по нашему мнѣнію теперь не можетъ считаться вполне рѣшеннымъ. По крайней мѣрѣ послѣдующіе изслѣдователи этого перевода не имѣютъ права выпустить изъ виду приведенное нами мнѣніе о его происхожденіи. Возвращаясь къ Шафартику, замѣтимъ теперь, что тѣмъ болѣе должно имѣть значенія для науки мнѣніе его о происхожденіи Глаголицы, какъ мнѣніе такого ученаго, который въ полномъ совершенствѣ знаетъ славянскій міръ, который совершенно по праву пользуется титуломъ главы славянскихъ археологовъ и филологовъ, и который по собственному его, вполне справедливому признанію всю жизнь свою и всю свою авторскую дѣятельность посвятилъ на то, чтобы пролить свѣтъ въ темныя области славянскаго языковѣдѣнія и древностей, и притомъ мнѣніе, это обставлено такими критическими розысканіями и соображеніями, какихъ, повидимому, только можно желать. Очень можетъ быть, что новое мнѣніе Шафарика не будетъ принято въ наукѣ, но безъ всякаго сомнѣнія самою постановкою вопроса въ новомъ свѣтѣ, оно подвинетъ его къ окончательному рѣшенію. Очень можетъ быть, что самъ Шафарикъ снова перемѣнитъ свой взглядъ, но за то тѣмъ тверже тогда будутъ убѣжденія въ противномъ, какъ его собственные, такъ и другихъ изслѣдователей.

¹⁾ О догм. дост. греч. 70-ти толк. и слав. пер. Свящ. Пис. Приб. къ 3-й кн. Твор. св. отц. за 1858 г.

Въ высшей степени также поучительна та постепенность, съ какою почтенный ветеранъ славянской археологiи приходилъ къ своему настоящему убѣжденію, и тѣ перемѣны, какія онъ дѣлалъ въ своемъ мнѣніи, занимаясь разсматриваемымъ предметомъ. Извѣстно, какъ тяжело отказываться отъ своего собственнаго, даже ошибочнаго убѣжденія въ чемъ бы то ни было, а главное сознаваться въ своихъ ошибкахъ открыто. Но это правило какъ будто вовсе не существуетъ для Шафарика. Такъ еще въ своихъ «Славянскихъ древностяхъ» онъ открыто сознался въ ошибочности своего прежняго мнѣнія о пропхожденіи Сарматовъ и снѣшилъ поправить допущенную имъ прежде въ этомъ отношеніи ошибку. Въ 1848 г., послѣ открытія, или точнѣе приведенія въ извѣстность, Паннонскихъ житій Кирилла и Меодія, онъ не поколебался ни на мгновеніе оставить свое прежнее мнѣніе о годѣ (855) составленія славянскихъ писемъ, основанное на ошибочномъ показаніи сказанія черноризца Храбра и принять новое (862), согласное съ показаніемъ названныхъ памятниковъ. Не мало и другихъ случаевъ, когда Шафарикъ съ благородною откровенностію и съ полнымъ самоотверженіемъ рѣшался самъ, такъ сказать, поднимать на себя руку, сознаваясь въ своихъ ошибкахъ и, хотя бы то въ ущербъ прежнимъ своимъ выводамъ, снѣшилъ дѣлиться съ ученою публикою каждою своею новою мыслию, каждымъ своимъ соображеніемъ. Не мелкое самолюбіе, сознательно, или безсознательно заботящееся о томъ, чтобы во что-то ни стало отстоять свое мнѣніе, не щепетильная заботливость о послѣдовательности своихъ выводовъ и согласіи ихъ съ прежними взглядами, а чистая безкорыстная, доходящая до самоотверженія любовь къ истинѣ и желаніе такъ или иначе по хоть сколько-нибудь поднять завѣсу темнаго, таинственнаго прошедшаго,—вотъ что всегда служило и служить пружиною ученой дѣятельности знаменитаго славяниста. Una manus nobis vulnus optemque ferat (Ovid.) писалъ онъ 20 лѣтъ назадъ, исправляя свое прежнее ошибочное мнѣніе о Сарматахъ и желая этимъ, какъ самъ говоритъ, уничтожить вредъ, нанесенный такимъ промахомъ и вывести изъ заблужденія, какъ себя, такъ и другихъ. Теперь понятно,

почему мы не съ цѣлю выставить на видъ противорѣчія между прежними и теперешними выводами его о Глаголицѣ, а съ чувствомъ глубокаго уваженія къ изслѣдователю, любящему истину до самоотверженія, раскрываемъ прежнія сочиненія заслуженнаго славяниста, чтобы бросить взглядъ на его прежнія соображенія по разсматриваемому вопросу.

Первыя изслѣдованія Шафарика по части глагольской письменности совпадаютъ съ новыми открытіями въ ней проф. Григоровича, о которыхъ мы говорили выше, и съ тѣмъ движеніемъ, какое возбуждено было этими открытіями въ области изученія первой эпохи славянскаго письменности. Оцѣнивши въ полной мѣрѣ важность вновь открытыхъ глагольскихъ памятниковъ, Шафарикъ не замедлилъ подвергнуть этотъ предметъ своему непосредственному разсмотрѣнію и результаты своихъ розысканій сообщилъ въ своей статьѣ подъ заглавіемъ: «Взглядъ на древность глагольской письменности», напечатанной въ Журналѣ Чешскаго Музея въ 1852 г. ¹⁾ Въ это время въ своихъ выводахъ о происхожденіи и древности Глаголицы Шафарикъ былъ очень близокъ къ представленному нами выше мнѣнію проф. Срезневскаго. Глаголическіе памятники онъ дѣлилъ на два разряда: болгарскіе—древнѣйшіе отъ X до XII в., и позднѣйшіе—хорватскіе отъ XII в. и далѣе, и Глаголицѣ болгарской отдавалъ старшинство передъ хорватскою, признавая такимъ образомъ мѣстомъ происхожденія глаголическаго письма, какъ и нашъ только что названный изслѣдователь, Болгарію. Согласно же съ нимъ рѣшалъ Шафарикъ вопросъ и объ отношеніи обѣихъ слав. азбукъ. «Сообразивши безпристрастно, писалъ онъ тогда, всѣ свидѣтельства — какъ преданія и исторіи, такъ и характеръ буквъ, правописанія, языка и слога, не можемъ отказаться отъ предположенія, что Глаголица, какъ находимъ ее въ древнѣйшихъ рукописяхъ, хотя и близко подходитъ къ древнѣйшему времени Кириллицы, но ни въ какомъ случаѣ не древнѣе ея... напротивъ она есть подражаніе ей... устроена

¹⁾ Въ русс. пер. см. 1-й т. Изв. II. отд. Ак. наукъ, 1852 г. Также Изслѣд. о древ. пам. старослав. лит. 1856 г.

по образцу ея. За новостъ Глаголицы говорить ея правильное развитіе изъ двухъ первоначальныхъ чертъ — кружка и прямой линіи, ... хотя, быть можетъ, большое число буквъ не просто выдумано, а перенято изъ другой славянской, или не славянской азбуки, болѣе древней» О сравнительной древности рецензій текста священныхъ книгъ — кирилловской и глаголической, Шафарикъ тогда писалъ: «позволяю себѣ думать, что кирилловская рецензія древнѣе глаголической. Въ составѣ глаголической азбуки и въ правописаніи видно подражаніе рукописямъ кирилловскимъ».

Естественно, что при такомъ взглядѣ Шафарика на относительную древность обоихъ славянскихъ алфавитовъ, — мысль проф. Григоровича о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей — о существованіи 1-й еще прежде Кирилла и объ изобрѣтеніи послѣдней Меѳодіемъ не нашли въ немъ никакого сочувствія. Напротивъ, согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ, Шафарикъ въ то время признавалъ за несомнѣнное, что Кириллица изобрѣтена Кирилломъ въ IX вѣкѣ, и въ этомъ случаѣ какъ на неопровержимое свидѣтельство ссылался на показанія Паннонскихъ житій и на сказаніе черноризца Храбра о письменахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Шафарикъ въ указанной нами статьѣ сдѣлалъ соображенія и о лицѣ изобрѣтателя Глаголицы. Въ этомъ случаѣ вниманіе его остановилось на вышеупомянутомъ нами свидѣтельствѣ краткаго, найденнаго Григоровичемъ житія епископа Климента, гдѣ говорится, что послѣдній изобрѣлъ будто бы «другіе знаки письменъ, явственнѣе тѣхъ, которые открыты ученымъ Кирилломъ». Это показаніе объяснялъ тогда Шафарикъ въ смыслѣ изобрѣтенія Климентомъ новыхъ письменъ, именно Глаголицы, и признавалъ его *правдоподобнымъ извѣстіемъ*, хотя и не вполне доказаннымъ фактомъ. «Свидѣтельство житія Климента, писалъ тогда Шафарикъ, позволяетъ догадываться, что изобрѣтателемъ Глаголицы былъ именно Климентъ... Очевидно, что здѣсь жизнеописатель думалъ о Глаголицѣ, такъ какъ третьей особенной азбуки славянской нѣтъ, и всѣ обстоятельства оправдываютъ основательность и правдивость этого преданія... Климентъ, продолжалъ далѣе Шафарикъ (объясняя побужденія къ изобрѣтенію новой азбуки, тогда какъ славянская азбука уже существовала, т. е. изобрѣтен-

ная Кирилломъ), могъ считать не неумѣстнымъ, чтобы у Болгаръ рядомъ съ азбукой обиходной, свѣтской, была и священная, церковная, какъ это было у народовъ восточныхъ... При этомъ онъ (или другой кто изъ учениковъ Меодія — Наумъ, Ангеларъ и прсч.) могъ воспользоваться и готовою уже азбукою, древнею, найденною имъ у Болгаръ».

Другое изслѣдованіе Шафарика о Глаголицѣ было напечатано имъ въ 1853 г., какъ введеніе въ изданное имъ тогда «Собраніе памятниковъ глаголической письменности»¹⁾. Говоря вообще, относительно времени происхожденія Глаголицы, здѣсь Шафарикъ повторилъ свои прежніе выводы, только подкрѣпивъ ихъ новыми филологическими и историческими соображеніями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ частностяхъ опредѣленіяхъ мнѣніе его въ это время во многомъ приняло уже другой видъ. Такъ Глаголица хорватская въ предѣлахъ на древность сравнена съ болгарскою и даже первой въ этомъ отношеніи отдано преимущество, съ одной стороны по меньшему числу въ ней буквъ, съ другой по близости ея гласныхъ стѣсныхъ начертаній къ древнимъ рѣзнямъ чадписямъ ка каплехъ. Что же касается до изобрѣтенія Глаголицы Климентомъ, то свѣдѣтельство объ этомъ краткаго его житія, Шафарикъ призналъ съ одной стороны несообразнымъ съ обстоятельствами, съ другой *не заслуживающимъ довѣрія* и причислилъ его къ разряду такихъ преданій, на какомъ основано мнѣніе объ изобрѣтеніи Глаголицы Иеронимомъ. Въ замѣлк же прежняго предположенія о лицѣ изобрѣтателя Глаголицы, Шафарикъ теперь предложилъ другое, именно, что болгарская Глаголица могла быть изобрѣтена кѣмъ либо изъ учениковъ Кирилла и Меодія, дѣйствовавшимъ въ духѣ другой школы, называя впрочемъ свою мысль догадкой — не болѣе. Да и вообще второе изслѣдованіе Шафарика о Глаголицѣ, позднѣйшее и основательнѣйшее изъ всѣхъ, писанныхъ какъ имъ, такъ и другими, отличается большею умѣренностію и строгостію въ выводахъ и меньшею рѣшительностію, нежели первое. Перебравъ нѣсколько предположеній о времени, мѣстѣ, и причинахъ происхожденія глагольской азбуки, онъ созналъ невозможность рѣшить всѣ эти во-

¹⁾ Památky Hlaholskeho Pismnictví. V Praze. 1853.

просы до открытія новыхъ необходимыхъ данныхъ и назвалъ свои выводы только вѣроятными; при этомъ впрочемъ выразилъ увѣренность, что вопросъ о происхожденіи Глаголицы не останется навсегда тайной для науки.

Надежда на осуществленіе этой увѣренности, которую вмѣстѣ съ Шафарикомъ раздѣляли конечно все друзья славянской науки, повидимому, блеснула было съ открытіемъ пражскихъ глагольскихъ отрывковъ. Такъ названы два пергамента, открытые докторомъ Гефлеромъ въ 1855 г. на внутренней сторонѣ переплетной доски одной латинской рукописи XI в. въ библиотекѣ пражской митрополитской капитулы, которые содержатъ въ себѣ нѣсколько церковныхъ пѣсней по греческому обряду (свѣтильны, антифоны и проч.), писанныхъ глагольскими буквами. Но розысканія Шафарика и другихъ ученыхъ, произведенныя на основаніи новаго открытія, не привели къ желанному успѣху. Первая мысль, которая должна была притти по поводу этихъ отрывковъ, судя по ветхости ихъ, была разумѣется та, что они древнѣе рукописи и слѣд. должны принадлежать къ X, а можетъ быть и къ IX вѣку. Такое заключеніе дѣйствительно и сдѣлалъ Шафарикъ, отнесши эти отрывки къ эпохѣ, близкой къ Кириллу и Меодію ¹⁾. Но съ другой стороны при отсутствіи въ отрывкахъ года ихъ написанія и при неимѣніи для сравненія другихъ глагольскихъ памятниковъ, современныхъ этой эпохѣ, — трудно было на основаніи указаннаго открытія сдѣлать какія либо общія и рѣшительныя заключенія объ относительной древности той или другой славянской азбуки. Поэтому Шафарикъ, несмотря на признанную имъ отдаленную древность пражскихъ отрывковъ, въ первое время послѣ открытія ихъ, удержался отъ заключенія о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей и отдалъ полную справедливость мнѣнію проф. Бодянского, когда послѣдній въ своимъ изслѣдованіи о происхожденіи слав. письменъ призналъ, какъ мы выше видѣли, современность происхожденія обѣихъ слав. азбукъ. «Въ газетахъ, писалъ онъ къ нему отъ 28 дек. 1855 г., распространилась ложная молва о томъ, яко бы я

¹⁾ Кратк. изв. о праж. отр. in der Prager Zeitung. 19 Dec. 1855. См. Glag Frag. p. 18.

Глаголицу считаю уже древнѣе Кириллицы. Въ сущности я ничего положительнаго не знаю о началѣ Глаголицы, хотя и вижу старину ея. Въ Вашей книгѣ (О времени происхожденія славянскихъ письменъ) съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что Вы къ обѣимъ имъ равно справедливы, обѣ уважаете, обѣ высоко цѣните. Такъ надобно, такъ прилично намъ дѣйствовать»¹⁾.

Такимъ образомъ Шафарикъ въ первое время послѣ открытія пражскихъ отрывковъ въ своемъ мнѣніи о древности Глаголицы подвинулся впередъ только въ томъ отношеніи, что вмѣстѣ съ г. Бодянскимъ призналъ равноправность обонхъ слав. алфавитовъ и, повидимому, слишкомъ далеко былъ отъ тѣхъ выводовъ, какіе развиты имъ въ этомъ отношеніи въ послѣднемъ его сочиненіи. Взглядъ Шафарика на относительную древность обонхъ слав. алфавитовъ, по видимому, не измѣнился и въ слѣдующемъ 1857 г., когда онъ вмѣстѣ съ Геллеромъ издалъ ново-открытый глаголическій памятникъ съ разнообразными филологическими и палеографическими примѣчаніями²⁾. Но, говоримъ, только по видимому, потому что въ розысканіяхъ и выводахъ Шафарика теперь уже нельзя было не замѣтить какого-то колебанія, нерѣшительности и нетвердости въ прежнихъ его взглядахъ на Кириллицу. Здѣсь онъ также избѣгаетъ общихъ заключеній о времени происхожденія Глаголицы, по видимому равняетъ ее съ Кириллицей, но съ другой стороны, упоминая о послѣдней, набрасываетъ тѣнь сомнѣнія на вѣковое преданіе объ изобрѣтеніи ея Кирилломъ и придаетъ равносильное съ этимъ преданіемъ значеніе исторически-достовернаго извѣстія свидѣтельству краткаго житія Климента о составленіи имъ другой славянской азбуки, — свидѣтельству, которое прежде, какъ мы выше видѣли, самъ же признавалъ баснословнымъ. Кромѣ того письмо, изобрѣтенное Кирилломъ, Шафарикъ здѣсь называетъ письмомъ *новымъ* — терминъ, который въ настоящемъ случаѣ имѣеть особенное, многозначнательное значеніе, но кото-

¹⁾ Русск. Вѣстн. 1836 г. № 3. Ст. О. М. Бодянского — Новая открытія въ области Глаголицы.

²⁾ Glagolitische Fragmente. Prag. 1857.

рый становится впрочемъ понятнымъ только по прочтеніи послѣднаго, разсматриваемаго нами его сочиненія. Но лучше выпишемъ изъ изслѣдованія Шафарика о пражскихъ отрывковъ относящееся сюда мѣсто, очень замѣчательное, по нашему мнѣнію, въ томъ отношеніи, что въ немъ отлично характеризуется современное состояніе вопроса, о сравнительной древности обонхъ славянскихъ алфавитовъ, въ отношеніи къ возможности или невозможности его рѣшенія.

«Вопросъ объ отчизнѣ и древности пражскихъ отрывковъ, пишетъ Шафарикъ, въ высшей степени интересенъ, но въ то же время онъ составляетъ самую темную и трудную часть нашей задачи. Эта трудность уменьшилась бы значительно, еслибы изъ первыхъ двухъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за введеніемъ славянской литургіи у моравскихъ и панконскихъ Славянъ сохранилось болѣе число рукописей, въ особенности съ означеніемъ года написанія ихъ... Между тѣмъ даже въ палеографіи кирилловской у насъ нѣтъ критериума (т. е. для опредѣленія времени происхожденія рукописей безъ означенія года) древнѣе 1056 года — года написанія Остромирова Евангелія. Гораздо въ худшемъ положеніи палеографія рукописей глаголическихъ: самая древняя между ними не имѣютъ года написанія ихъ, точно также, какъ и рукописи кирилловскія, въ которыхъ встрѣчаются глаголическія буквы; глаголическая псалтырь 1222 г. — единственный памятникъ съ означеніемъ года — теперь не существуетъ. Извѣстная глагольская подпись на греческой грамотѣ 982 г. въ Авоискомъ Иверскомъ монастырѣ къ сожалѣнію доселѣ не обнаружена, какъ бы слѣдовало, въ вѣрномъ снимкѣ; притомъ же эту подпись до настоящаго времени видѣлъ только одинъ человекъ (архимандритъ Порфирій) въ 1845 г. — свидѣтель достовѣрный, но все-таки свидѣтель не болѣе. Историческія данныя въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время, также не рѣшаютъ дѣла. Правда у насъ есть исторически-несомнѣныя свидѣтельства, что Кириллъ изобрѣлъ для Славянъ *новое письмо*, но въ то же время мы имѣемъ другое также *достоверное извѣстіе*, по которому ученикъ и сотрудникъ Кирилла (Климентъ), бывши въ послѣдствіи въ санѣ болгарскаго епископа, составилъ для южныхъ Славянъ, новый яснѣйшій алфавитъ, и

при совершенномъ молчаніи (?) источниковъ о формѣ буквъ того и другаго алфавита, потомство очень легко могло перемѣшать ихъ и перенести названіе отъ одного къ другому тѣмъ больше, что первоначально и тотъ и другой алфавитъ назывался только славянскимъ. И такъ нѣтъ ничего удивительнаго, если славянскіе ученые доселѣ несогласны между собою въ мнѣніяхъ о сравнительной древности и взаимномъ отношеніи обоихъ славянскихъ алфавитовъ. Что до меня касается, я съ своей стороны вновь предпринялъ [пересмотръ спорнаго вопроса, но доселѣ мнѣ не удалось прійти ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ; по этому и обнародованіе своихъ новыхъ изслѣдованій я предоставляю будущему времени» ¹⁾.

Въ послѣднихъ словахъ Шафарикъ очевидно разумѣетъ изслѣдованія о Глаголицѣ, заключающіяся въ послѣднемъ его сочиненіи, которое теперь лежитъ передъ нашими глазами; потому что по собственному его отзыву 1-я половина этого сочиненія была имъ написана именно въ теченіи 1856—1857 г., т. е. въ одно время съ изслѣдованіемъ о пражскихъ глагольскихъ отрывкахъ. Соображая это обстоятельство съ загадочнымъ названіемъ *novatio*, усвоеннымъ въ названномъ сейчасъ сочиненіи Шафарика изобрѣтенному св. Кирилломъ славянскому письму, невольно приходишь къ мысли, что еще въ то время въ мнѣніи знаменитаго славяниста о происхожденіи обѣихъ славянскихъ азбукъ произошелъ радикальный переворотъ: ясно, что, когда писалъ онъ приведенныя нами выше строки, колеблясь сомнѣніями о смѣшеніи потомствомъ названій Кириллицы и Глаголицы и о замѣнѣ ихъ одного другимъ, — факты первобытной эпохи славянской письменности уже представлялись ему совершенно въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ это было прежде, т. е. до открытія и въ первое время послѣ открытія пражскихъ отрывковъ. На это обстоятельство мы считали нужнымъ обратить вниманіе для того, чтобы хоть приблизительно уловить тотъ моментъ, когда въ мысляхъ Шафарика образовалось новое теперешнее его мнѣніе о происхожденіи глагольскаго письма и черезъ это самое имѣть возможность судить о причинахъ, которыя произвели перемѣну въ его преж-

¹⁾ Glag. Fragm. Prag. 1857. p. 56—57.

немъ взглядъ на этотъ предметъ. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ едва ли не главную роль играли пражскіе глагольскіе отрывки, которымъ Шафарикъ, поддавшись увлеченію, придалъ значеніе гораздо большее, нежели какое можетъ быть имъ приписано. Къ тому же безъ сомнѣнія не мало способствовали и тѣ тщательныя розысканія и работы надъ Глаголицей, которымъ въ послѣднее время онъ былъ преданъ съ свойственнымъ ему рвеніемъ, вновь перечитавши, какъ самъ говоритъ, всѣ источники, относящіеся къ его предмету. Взявши во вниманіе это обстоятельство, не трудно понять и то увлеченіе, которымъ проникнуто съ начала до конца послѣднее его сочиненіе. Переходимъ теперь къ изложенію его содержанія.

Разсматриваемое нами сочиненіе Шафарика, состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Въ 1-мъ, какъ замѣчено было уже въ началѣ нашей статьи, онъ вопреки общепринятому мнѣнію доказываетъ, что Кириллъ, въ IX вѣкѣ изобрѣлъ не такъ называемую Кириллицу, а Глаголицу, которая сначала распространилась въ Панноніи, а потомъ вмѣстѣ съ учениками славянскихъ апостоловъ перешла въ Болгарію, но по неясности своей, трудности для письма и нерасположенію къ ней Грековъ, въ началѣ X вѣка была оставлена и замѣнена письмомъ греко-славянскимъ, или Кириллицей и что эта послѣдняя есть собственность епископа Климента, извѣстнаго ученика Меѳодія. Во 2-мъ изслѣдованіи Шафарикъ путемъ филологическихъ соображеній, подобно Коштару и опять вопреки своему прежнему мнѣнію, приходитъ къ выводу, что текстъ священныхъ книгъ глагольскаго извода древнѣе и ближе къ первоначальному, чѣмъ текстъ тѣхъ же книгъ извода кирилловскаго, и что мѣстомъ появленія Глаголицы, а вмѣстѣ и родной древне-славянскаго языка вообще была древняя Паннонія и Македонія, гдѣ преимущественно дѣйствовали св. братья. Второе изслѣдованіе Шафарика по своему содержанію и по собственному взгляду его автора составляетъ восполненіе 1-го и относится къ нему, какъ часть, къ цѣлому. Въ немъ только съ большею подробностію развиты тѣ положенія объ относительной древности и мѣстѣ происхожденія спеціально глаголическихъ словъ и формъ, которыя (положенія) въ общихъ чер-

тахъ уже изложены въ 1-мъ изслѣдованіи. Такъ какъ мы предположили для себя цѣлю изложить и рассмотреть мнѣніе Шафарника собственно о времени происхожденія глагольскаго письма — главную мысль его новаго труда; то это заставляетъ насъ въ нашихъ замѣчаніяхъ имѣть въ виду только 1-е его изслѣдованіе.

По внѣшней формѣ своей оно раздѣлено на нѣсколько отдѣльныхъ положеній, изъ коихъ каждое состоитъ изъ фактическихъ данныхъ, заключаетъ въ себѣ выводъ изъ фактовъ. Всѣхъ положеній 54. По характеру своему, соображенія Шафарника суть частію историческія, частію палеографическія и филологическія. Тонъ ихъ вездѣ положительный: Шафарникъ съ самаго начала своего изслѣдованія объявляетъ, что вдаваться въ полемику онъ не намѣренъ. Несмотря на это, однакожь въ концѣ онъ предлагаетъ рѣшеніе и нѣкоторыхъ возраженій, стараясь объяснить ихъ въ свою пользу.

Исходною точкою изслѣдованія Шафарника служитъ принятый имъ за несомнѣнный, историческій тезисъ, что «у Славянъ, согласно съ фактомъ существованія двухъ алфавитовъ кирилловскаго и глаголическаго, извѣстно и два изобрѣтателя письменъ, изъ коихъ одинъ Кирилль, по мірскому имени Константинъ, другой Климентъ, епископъ величскій въ Болгаріи († 916)». «Кирилль, продолжаетъ далѣе Шафарникъ, какъ изобрѣтатель славянскаго письма, извѣстенъ въ исторіи уже давно въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія. Что же до Климента, то *древнее* извѣстіе о немъ, какъ объ изобрѣтателѣ другаго славянскаго алфавита, обнародовано только около ста лѣтъ, а получило примѣненіе въ наукѣ назадъ тому не болѣе десяти лѣтъ. Что алфавитъ *теперь* такъ называемый кирилловскій изобрѣтенъ св. Кирилломъ, — это было въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій всегдашнимъ вѣрованіемъ ученыхъ: о глаголическомъ же мнѣнія ихъ были постоянно между собою несогласны и перъшителы». «И такъ, чтобы выйти изъ темнаго лабиринта разнообразныхъ, существующихъ по этому вопросу мнѣній на прямую дорогу и достигнуть цѣли, не блуждая по путямъ окольнымъ, всѣ новыя изслѣдованія нужно оставить въ сторонѣ и искать рѣшенія проблемы въ свидѣльствахъ первыхъ столѣтій. Изслѣдованія о

происхожденіи и древности глагольскаго письма, произведенныя учеными, каковы: Леваковичъ, Фришъ, Коль (и т. д. исчисляются имена главнѣйшихъ дѣятелей по вопросу о Глаголицѣ до Боданскаго включительно) во многихъ отношеніяхъ поучительны, но для разрѣшенія нашей задачи большой важности не имѣютъ. Напротивъ эти изслѣдованія скорѣе могутъ только помрачить свѣтлый взглядъ, запутать дѣло и сбить съ прямой дороги.—Единственный путь, которымъ можно достигнуть результатовъ вѣрныхъ и несомнѣнныхъ, — это изученіе самыхъ источниковъ и памятниковъ».

Такова точка зрѣнія Шафарика на взятый имъ для разсмотрѣнія вопросъ, а вмѣстѣ и на всѣ прежнія изслѣдованія, сдѣланныя по этому вопросу учеными. Нельзя не замѣтить, что отзывъ почтеннаго славяниста о безполезности всего до него писаннаго и при томъ не только о Глаголицѣ, но вмѣстѣ и о Кириллицѣ, не отличается большою умѣренностію, тѣмъ больше, что розысканія предшественниковъ Шафарика, какъ и его собственныя, основаны были также на источникахъ и памятникахъ. Въ особенности какъ-то странно бросается въ глаза взглядъ Шафарика на бесплодность прежнихъ изслѣдованій о Кириллицѣ, которыя, даже въ послѣднихъ своихъ результатахъ, по его мнѣнію не привели будто бы ни къ чему рѣшительному. Если розысканія о Глаголицѣ, при малочисленности и неразработанности ея памятниковъ и при совершенномъ почти отсутствіи историческихъ данныхъ, дѣйствительно представляютъ въ себѣ очень много неопредѣленнаго, смутнаго, запутаннаго, а иногда даже фантастическаго; то этого отзыва ужь никакъ нельзя примѣнить къ изслѣдованіямъ о происхожденіи Кириллицы. Первоначальная эпоха ея какъ въ отношеніи къ богатству историческихъ и палеографическихъ данныхъ, такъ и въ отношеніи къ разработкѣ ихъ, особенно въ послѣднее время, представляетъ совершенно противоположную картину, которая никакимъ образомъ не можетъ идти въ сравненіе съ суммою данныхъ и исторически несомнѣнныхъ выводовъ о началѣ письменности глаголической. Справедливо замѣчаютъ, что ни одна письменность не имѣетъ для своей первой эпохи столь ясной и полной исторически несомнѣнными фактами и выводами исторіи, какъ именно пись-

менность кирилловская, и нужно слишкомъ много новыхъ данныхъ, новыхъ фактовъ, чтобы заподозрить всѣ сдѣланные прежде о началѣ ея изслѣдованія и выводы. Да и въ самыхъ розысканіяхъ о Глаголицѣ, несмотря на ихъ дѣйствительно изумительное разногласіе между собою, — нельзя же сказать, чтобы не было ничего вѣрнаго, примѣнимаго въ наукѣ, какъ это представляетъ Шафарикъ. Доказательство противнаго можно бы указать въ собственномъ его разсматриваемомъ нами сочиненіи, въ которыхъ для подтвержденія древности Глаголицы приняты почти буквально очень многія соображенія, сдѣланныя по этому вопросу Добнеромъ, Альтеромъ, Коштаромъ, Григорозичемъ, даже Венскимъ. Но не въ томъ дѣло. Для насъ всего важнѣе общее основное положеніе Шафарика, принадлежащее собственно ему, о несомнѣнной извѣстности двухъ изобрѣтателей славянскихъ писемъ, которое выражено въ вышеприведенныхъ нами строкахъ. Это положеніе, или этотъ будто бы исторически несомнѣнный фактъ, который по мнѣнію Шафарика доселѣ ускользалъ отъ вниманія ученыхъ, служить фундаментомъ, на которомъ построено цѣлое зданіе новыхъ его выводовъ о времени и мѣстѣ происхожденія Глаголицы и о лицѣ ея изобрѣтателя.

Установивши такую точку зрѣнія на предметъ своего изслѣдованія, т. е. какъ будто доселѣ въ наукѣ не извѣстно ничего вѣрнаго и рѣшительнаго не только въ отношеніи къ Глаголицѣ, но и къ Кириллицѣ, и имѣя въ виду главное свое положеніе о двухъ изобрѣтателяхъ славянскаго письма, Шафарикъ спрашиваетъ: кому изъ нихъ мы должны приписать одинъ и кому другой алфавитъ? За тѣмъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ выставляетъ слѣдующія три положенія, какъ неопровержимый результатъ изученія источниковъ объ изобрѣтеніи Кирилломъ слав. письма:

1) До Кирилла и Меѳодія у Славянъ, и въ особенности южныхъ, для книжнаго письма собственной грамоты не было.

2) Письмена, изобрѣтенныя Кирилломъ, были совершенно новыя (*ganz neue Schrift*), то есть они состояли изъ новыхъ знаковъ, которыя не были ни греческіе, ни еврейскіе, ни латинскіе.

3) Если Кириллъ изобрѣлъ алфавитъ, состоявшій изъ совершенно новыхъ знаковъ и *след. теперь такъ называемый глаголическій*: то отсюда само собою слѣдуетъ, что изобрѣтателемъ другаго алфавита, извѣстнаго теперь подъ именемъ Кириллицы, — алфавита греко-славянскаго, въ которомъ преобладаютъ греческіе знаки, не могъ быть никто другой, какъ Климентъ, епископъ величкій.

Изъ этихъ положеній первыя два обставлены ссылками на источники, и такъ какъ въ послѣднее время по вопросу о началѣ славянскаго письма вообще и глаголическаго въ частности за исключеніемъ пражскихъ отрывковъ не открыто ничего новаго; то естественно, что доказательства Шафарика основаны на тѣхъ же данныхъ, которыя или имъ самимъ, или другими прежде приводимы были въ пользу выводовъ, совершенно противоположныхъ, но теперь, разумѣется, у Шафарика получили другое примѣненіе и объясненіе. Въ частности: Первое положеніе доказывается ссылкой на свидѣтельство импер. Михаила (въ Пан. жит.) о несуществованіи до Кирилла у Славянъ собственной азбуки и свидѣтельство о томъ же черноризца Храбра въ извѣстномъ его отрывкѣ о письменахъ. Въ пользу втораго положенія, т. е. что Кириллъ далъ Славянамъ не готовый уже и не чужой, только приспособленный къ ихъ языку, алфавитъ, какъ наприм. Ульфила, или Коптъ, а изобрѣлъ для нихъ нарочно и совершенно новое письмо, — Шафарикъ приводитъ извѣстныя свидѣтельства объ изобрѣтеніи Кирилломъ слав. письма: — папы Іоанна VIII, неизвѣстнаго сочинителя (современнаго Кириллу) отрывка объ обращеніи Каринтійцевъ, а главное указываетъ на свидѣтельство славянскаго похвальнаго слова Кириллу и Меѳодію, гдѣ говорится, что они изобрѣли письмена *вновь (изнову)*, а не на постороннемъ (не на туземномъ) основаніи. Третье положеніе Шафарика, за исключеніемъ свидѣтельства краткаго житія Климента, которое впрочемъ не приводится здѣсь, а только предполагается, какъ приведенное и объясненное прежде, оставлено безъ доказательствъ, и имѣетъ силу логическаго вывода изъ предыдущей посылки и изъ общей мысли о двухъ изобрѣтателяхъ славянскаго письма согласно съ фактомъ существованія двухъ слав. алфавитовъ. «Славян-

скихъ алфавитовъ, такъ оканчиваетъ Шафарикъ построенный имъ силлогизмъ, только два и согласно съ этимъ дѣло изобрѣтенія славянскаго письма исторія усвоить только двумъ лицамъ: Кириллу и Клименту. И такъ если Кириллъ, какъ доказано, изобрѣлъ алфавитъ новый, глаголическій, то ясно, что другой смѣшанный алфавитъ принадлежитъ Клименту».

Далѣе въ сочиненіи Шафарика слѣдуютъ доказательства и соображенія такъ называемыя посредствующія, — непрямыя. Изъ нихъ одни служатъ къ подтвержденію его новаго мнѣнія о происхожденіи обоихъ славянскихъ алфавитовъ съ точнымъ, или по крайней мѣрѣ приблизительнымъ означеніемъ времени изобрѣтенія ихъ или съ указаніемъ лица изобрѣтателя, т. е. что Глаголица изобрѣтена Кирилломъ въ IX вѣкѣ, а Кириллица — Климентомъ въ началѣ X вѣка; другія служатъ къ подтвержденію мысли о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей вообще безъ точнаго означенія времени происхожденія той и другой — мысли, которая естественно вытекаетъ изъ предыдущей какъ слѣдствіе. Главнѣйшія изъ соображеній перваго рода слѣдующія:

1) Римское духовенство порицало и преслѣдовало изобрѣтенныя Кирилломъ письма именно за ихъ новостъ, называя ихъ варварскими, языческими; а такія порицанія не имѣли бы смысла, еслибы эти письма взяты были изъ азбуки греческой или латинской, какъ уже освященной употребленіемъ въ богослуженіи. Съ другой стороны естественно было ожидать, что Кириллъ въ защиту отъ упрековъ станетъ ссылаться на то, что изобрѣтенное имъ письмо вовсе не новое, а взято съ греческаго. Но онъ этого не дѣлаетъ (§ 10 и 11).

2) О епископѣ Климентѣ говорится, что онъ изобрѣлъ другой алфавитъ и именно *для большей ясности* въ чтеніи и письмѣ. Это какъ нельзя болѣе примѣняется къ алфавиту кирилловскому, но отнюдь не къ глаголическому, очень трудному для чтенія и письма (§ 12).

3) Изобрѣтатель Глаголицы былъ искусный оріенталистъ: для своего алфавита онъ взялъ нѣсколько буквъ съ финикійскаго и еврейско-самаританскаго (а, е, і, ч, к, т и проч.), а такимъ оріенталистомъ именно и былъ Константинъ грамма-

тикъ, миссіонеръ къ Хозарамъ, истолкователь надписи на Соломоновой чашѣ и т. д. (§ 13).

4) Общій характеръ и пошибъ глаголическаго письма (круглота буквъ) въ рукописяхъ Глаголицы болгарской (по мнѣнію Шафарика, древнѣйшей) совершенно отвѣчаетъ пошибу греческаго курсива въ рукописяхъ IX—X в. и безъ сомнѣнія образовался подъ его вліяніемъ; а слѣд. и самая Глаголица не могла образоваться позже IX—X вѣка, точно такъ же какъ и образованіе Глаголицы хорватской, судя по угловатой формѣ ея буквъ, напоминающихъ характеръ латинской графики XII—XIII в., должно относиться къ этому времени (§ 17).

5) Новыя названія славянскихъ буквъ доказываютъ, что изобрѣтенная Кирилломъ азбука состояла изъ новыхъ знаковъ: для новыхъ знаковъ нужны были и новыя названія. Съ другой стороны изобрѣтатель письма греко-славянскаго для составленной имъ на основаніи греческаго и слѣд. семитическаго алфавита азбуки не было нужды брать изъ этихъ языковъ самыхъ названій буквъ (альф или алефъ и проч.); ему оставалось только воспользоваться названіями уже готовыми, существовавшими въ азбукѣ глаголической (§ 22).

6) Изобрѣтая новое письмо для Славянъ, не имѣвшихъ собственной азбуки, Кирилль слѣдовалъ правилу христіанскихъ народовъ востока, чтобы каждый новообращенный народъ для христіанскаго образованія и богослуженія имѣлъ собственное письмо, соответственное свойству его языка. Такъ было у Грековъ, Коптовъ, Эѳіоповъ, Сирійцевъ, Готовъ, Армянъ, Грузинъ и т. д. Напротивъ Климентъ составлялъ свою азбуку (кирилловскую) для Славянъ, которые уже обращены были въ христіанство Греками, жили съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ и были знакомы съ ихъ языкомъ. Зотъ почему онъ и взялъ греческія буквы. Эти послѣднія для Славянъ, которыхъ имѣлъ въ виду Климентъ, были знакомѣе, легче, яснѣе и удобнѣе для чтенія и письма, чѣмъ начертанія глаголическія (§ 23).

7) Побужденіемъ для Климента составить новое письмо могло быть и то, что Глаголица, принесенная учениками Меѳодія въ Болгарію, послѣ раздѣленія церковей могла послужить

поводомъ къ обвиненію ихъ въ латинствѣ, тѣмъ больше, что въ Константинополѣ послѣ 879 г. (послѣ новаго разрыва съ Римомъ) на дѣятельность славянскихъ апостоловъ смотрѣли съ подозрѣніемъ. Здѣсь Шафарикъ высказываетъ свое согласіе съ мнѣніемъ Копитара, будто бы Кириллъ, предпринявши миссію въ Паннонію, отложился отъ греч. патриарха и перенесъ свою дѣятельность въ область западной церкви. Вотъ почему, замѣчаетъ онъ, о жизни Кирилла нѣтъ почти ничего въ византійскихъ источникахъ (§ 30).

8) Съ изобрѣтеннымъ св. Кирилломъ алфавитомъ (глаголическимъ) Болгары могли познакомиться еще прежде, но главнымъ образомъ это произошло послѣ смерти Меѳодія, когда ученики его Гораздъ, Паумъ, Климентъ и проч. были изгнаны изъ Моравіи и переселились въ Болгарію. Сюда они принесли съ собою глаголическія книги и здѣсь продолжали глаголическую письменность. Вотъ почему мы здѣсь находимъ теперь древнѣйшіе памятники и драгоценные остатки глаголическаго письма (Лавра Руссико, Охрида и проч.). Но уже епископъ Климентъ оставилъ Глаголицу и ввелъ въ употребленіе Кириллицу (§ 28).

9) Впрочемъ развитіе Кириллицы въ первое время изобрѣтенія ея, по мнѣнію Шафарика, было незначительно. По крайней мѣрѣ не только седемичисленниковъ—учениковъ Меѳодія, но и преемниковъ ихъ, каковы Іоаннъ Екзархъ, епископъ Константинъ, пресвитеръ Григорій, монахъ Храбръ, царь Симеонъ и проч.—вообще писателей конца IX и первой половины X вѣка, онъ причисляетъ къ писателямъ глаголическимъ. Постепенное отстраненіе Глаголицы и введеніе Кириллицы въ Болгаріи совершилось подъ вліяніемъ Грековъ послѣ покоренія ими болгарскаго царства въ 970 году и въ особенности въ періодъ совершеннаго его упадка въ 1019—1186 г., когда Греки завладѣли Болгаріей вполнѣ. Въ это время греко-славянское письмо одержало совершенную побѣду надъ глаголическимъ. Греческое господство и греческое письмо. Очень важно, что скоро послѣ преобразования славянскаго алфавита Климентомъ послѣдовало обращеніе Руссовъ Греками. Очень естественно, что у нихъ сдѣлалось господствующимъ письмо новое греко-славянское, а не глаго-

лическое, и чрезъ это развитію Кириллицы, слабому въ своемъ началѣ, данъ новый рѣшительный толчекъ. Въ русскомъ монастырѣ на Афонѣ для Россіи, а равно и въ Повгородѣ глаголическія рукописи переписывали Кириллицей. Введеніемъ греко-славянскаго письма въ Болгаріи, Сербіи и преимущественно въ Россіи Византія хотѣла поддержать свое вліяніе на эти земли. Вотъ почему развитіе Глаголицы было задержано, и она осталась только въ областяхъ, подвластныхъ римскому престолу (§ 31, 32 и 34).

10) У западныхъ Славянъ Глаголица введена была сначала самимъ ея изобрѣтателемъ въ Моравіи и Панноніи, потомъ распространилась въ Кроацин, Далмаціи и т. д. Объ этомъ свидѣтельствуютъ исторіи славянскихъ апостоловъ и факты распространенія слав. литургій. Что писемо въ этихъ земляхъ употреблялось глаголическое, а не кирилловское, это доказываютъ находимые тамъ древнѣйшіе отрывки и остатки, писанные Глаголицей, а не Кириллицей. По свидѣтельству приписки къ глаголической псалтыри Николая Арбскаго (1222 г.), оригиналъ ея былъ писанъ при скалатскомъ архіепископѣ Теодорѣ (880—890). (§ 29.)

11) Но почему азбука, составленная Климентомъ, получила названіе Кириллицы? На этотъ вопросъ Шафарикъ отвѣчаетъ такія образомъ: Названіе ничего не доказываетъ: имена перемѣняются и переходятъ часто съ одного предмета на другой. Нынѣшнее употребленіе названій Кириллицы и Глаголицы не древнѣе XVI вѣка. Прежде же Глаголица называлась писемомъ славянскимъ, болгарскимъ, хорватскимъ и т. д. Вместе съ этимъ въ древности Глаголица называлась и Кириллицей; такъ названа она въ припискѣ къ списку пророковъ Упиря Лихого 1047 г. и именно въ противоположность письму греко-славянскому. А что въ этой припискѣ подъ именемъ Кириллицы разумѣется именно Глаголица, а не греко-славянское письмо, это видно изъ того, что 1) въ одномъ спискѣ пророковъ Упиря Лихого встрѣчаются глаголическія буквы — признакъ, что оригиналъ былъ писанъ Глаголицей, 2) въ текстѣ встрѣчаются глаголическія формы, 3) еслибы Упирь Лихой писалъ съ Кириллицы, то замѣтка

его объ этомъ въ припискѣ была бы излишня и не имѣла бы смысла (§ 35 и 18).

Въ доказательство старшинства Глаголицы передъ Кириллицей вообще, у Шафарика приводятся слѣдующія соображенія:

1) Древнѣйшій памятникъ славянскаго письма съ означеніемъ года—писанъ Глаголицей, а не Кириллицей; это именно подпись попа Георгія 982 г. Къ этой же эпохѣ должно отнести пражскіе глагольскіе отрывки, которые могли быть писаны даже во время Венцеслава († 935). Древнѣйшіе памятники кирилловскаго письма не восходятъ далѣе 1047 г. (Русскія монеты в. к. Ярослава, если только онѣ подлинныя, принадлежатъ къ періоду времени 1018—1059 г.) (§ 26.)

2) Есть палимпсесты, которые по изглаженному глагольскому письму покрыты Кириллицей, но на оборотъ нѣтъ такихъ палимпсестовъ, въ которыхъ бы письмо кирилловское было покрыто глагольскимъ (§ 14).

3) Есть кирилловскія рукописи, списанныя съ глагольскихъ оригиналовъ и притомъ въ древнѣйшую эпоху; но на оборотъ нѣтъ списковъ глагольскихъ, снятыхъ съ оригиналовъ кирилловскихъ, по крайней мѣрѣ въ древній періодъ. Дѣйствительность перваго явленія подтверждается признаками несомнѣнными, неопровержимыми; сюда относятся встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ рукописяхъ глаголическія буквы, слова и цѣлыя строки; о томъ же свидѣтельствуетъ употребленіе въ тѣхъ же рукописяхъ специально-глаголическихъ словъ и выраженій, словообразованій, флексій, и преимущественно употребленіе буквенныхъ численныхъ знаковъ по глагольскому счету. Правда, что и въ древнихъ глаголическихъ рукописяхъ встрѣчаются также слова и фразы, писанныя Кириллицей, но это суть глоссы, дополненія и приписки, сдѣланныя въ позднѣйшее время (§ 15—16).

4) Начертанія, общія Кириллицѣ и Глаголицѣ (наприм. ч), въ послѣдней имѣютъ болѣе древнюю форму, которая ближе къ первоначальной. И вообще азбука кирилловская совершеннѣе и полнѣе глаголической: она представляетъ въ себѣ уже шагъ впередъ, дальнѣйшее и позднѣйшее развитіе и

именно на основаніи послѣдней. Кирилль умеръ слишкомъ рано, чтобы замѣтить и исправить недостатки составленной имъ азбуки (§ 17 и 24).

5) Подобно алфавиту орфографія, грамматика и слогъ рукописей кирилловскихъ гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ рукописяхъ глаголическихъ. Въ Кириллицѣ и здѣсь виденъ шагъ впередъ, дальнѣйшее развитіе. Въ глаголическихъ рукописяхъ поражаетъ филолога крайняя темнота слога и множество ошибокъ въ переводѣ, которыя въ кирилловскихъ рукописяхъ гораздо рѣже, что и доказываетъ большую древность глаголическаго текста. О томъ же свидѣтельствуетъ сравнительно большее число оставленныхъ въ глаголическихъ рукописяхъ, безъ перевода греческихъ словъ. Чтобы эти слова введены были глаголитами изъ рукописей кирилловскихъ, это не вѣроятно: глаголиты подчинены были римскому престолу. Напротивъ, если въ кирилловскихъ рукописяхъ гречизмовъ встрѣчается сравнительно менѣе, то это произошло изъ естественнаго стремленія къ исправленію и улучшенію текста (§ 25. Abhandl. II. § 5).

6) Въ рукописяхъ фамиліи глаголической встрѣчается гораздо больше древнихъ славянскихъ словъ и выраженій и древнихъ грамматическихъ формъ — вообще архаизмовъ, и остатковъ первоначальнаго слав. языка, чѣмъ въ рукописяхъ фамиліи кирилловской, не исключая древнѣйшихъ. Вообще памятники глаголическіе по языку представляютъ состояніе церковно-славянской литературы въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ первый періодъ, тогда какъ древнѣйшіе памятники кирилловскіе относятся уже ко 2-му ея періоду — къ періоду успѣха и высшаго развитія (§ 20 и 33. Abhandl. II. § 3 и 5).

Всѣ представленныя нами соображенія Шафарика, большею частію подтверждены фактами и указаніями на источники; въ особенности въ этомъ отношеніи замѣчательны его соображенія и выводы филологическіе, развитые и объясненные съ большею подробностію, какъ уже нами замѣчено было, во 2-мъ его разсужденіи. Въ подтвержденіе ихъ тамъ приведено множество филологическихъ данныхъ, которыя безъ сомнѣнія составляютъ драгоценное приобрѣтеніе въ области изученія первобытной эпохи не только Глаголицы, но и Кириллицы. Со

многими филологическими выводами Шафарика нельзя не согласиться, хотя собственно въ отношеніи къ вопросу о времени происхожденія и судьбахъ Глаголицы, они и могутъ вести совершенно къ другимъ заключеніямъ и получить совсѣмъ другое объясненіе, нежели какое даетъ имъ Шафарикъ.

Переходя къ разбору новаго мнѣнія Шафарика о происхожденіи Глаголицы, замѣтимъ прежде, что изложенныя нами его соображенія и выводы, въ особенности при первомъ чтеніи, дѣйствуютъ на читателя необыкновенно увлекательно, и мы нарочно передали ихъ въ связи, не прерывая собственными замѣчаніями, чтобы дать нашимъ читателямъ возможность хоть въ нѣкоторой степени испытать то впечатлѣніе, которое они производятъ. Это впечатлѣніе поразительно: вы переноситесь вдругъ въ совершенно новый, какой-то волшебный міръ; видите, что всѣ явленія какимъ-то чудомъ измѣняютъ свою форму и принимаютъ совершенно новый видъ: историческія лица и событія передъ вашими глазами переходятъ съ одного мѣста на другое, переставляются изъ одной эпохи въ другую, или получаютъ совсѣмъ другой колоритъ. Вы чувствуете, что, если захотите повѣрить всему тому, что представляется глазамъ вашимъ, вамъ нужно будетъ отказаться отъ убѣжденій, которыя вы прежде считали несомнѣнными и вполне доказанными, и съ которыми вы сроднились съ дѣтства, — и между тѣмъ все-таки вы невольно поддаетесь увлеченію и готовы перемѣнить прежній вашъ взглядъ, прежнія ваши вѣрованія. Чтобы объяснить такое явленіе, такое исотражимое дѣйствіе на читателя, производимое изслѣдованіемъ Шафарика, нужно взять во вниманіе во 1-хъ, то обстоятельство, что это изслѣдованіе писано не кѣмъ другимъ, а именно Шафарикомъ, и притомъ тономъ положительнымъ, съ полною увѣренностію автора въ правильности, даже въ несомнѣнности сдѣланныхъ имъ выводовъ, — увѣренностію, которая невольно передается и читателю. Далѣе, Шафарикъ начертанной имъ картинѣ придалъ самое выгодное освѣщеніе, удаливъ отъ нея все, что могло бы повредить цѣльности впечатлѣнія и ослабить силу очарованія. Въ послѣднемъ случаѣ мы разумѣемъ тѣ многочисленныя возраженія, которыя соединяются съ вопросомъ о Гла-

голицъ и тѣ разнообразныя мнѣнія, которыя существуютъ въ наукѣ о ея происхожденіи: изъ тѣхъ и другихъ, какъ уже выше замѣчено было, Шафарикъ беретъ въ разсмотрѣніе только немногія, оставивъ другія все безъ объясненія. При всемъ томъ однакожь предметъ свой онъ разсматриваетъ всесторонне, старается объяснить въ свою пользу все главнѣйшіе факты первой эпохи славянской письменности,—все относящіяся сюда свидѣтельства и памятники и проводитъ мысль свою последовательно, разсматривая ее въ самыхъ отдаленныхъ результатахъ (наприм. относительно распространенія Кириллицы и Глаголицы на Руси) и все это съ свойственнымъ ему искусствомъ и остроуміемъ. Штъ нужды также говорить о томъ, что убѣжденія Шафарика въ высшей степени искренни и безпристрастны и разумѣется истекають вовсе не изъ того источника, изъ какого происходятъ наприм. убѣжденія и соображенія о томъ же доктора Гинцеля, котораго, къ сожалѣнію, мы должны назвать предшественникомъ Шафарика въ его нынѣшнемъ мнѣніи о происхожденіи обоихъ славянскихъ алфавитовъ ¹⁾. Почтенный ветеранъ славянской древности говоритъ, что онъ искалъ одной истины и вѣрнаго убѣжденія для самаго себя и для тѣхъ, кто интересуется знать его мнѣніе,—и мы не имѣемъ никакихъ причинъ не вѣрить его признанію. Вообще съ какой бы стороны мы ни стали разсматривать послѣдній трудъ Шафарика, воздвигнутое имъ зданіе представляется до того красивымъ и изящнымъ, отличается такую гармоніей и соразмѣрностію частей и такъ искусно освѣщено, что намъ кажется даже преступленіемъ, по долгу критика, испытывать его прочность и смотрѣть на него съ темной, неосвѣщенной его стороны: неволью чувствуется какая-то боязнь, чтобы, прикоснувшись къ какой-либо части этого зданія, неосторожно не потрясти его и тѣмъ не нарушить столь привлекательной гармоніи цѣлаго. Но, — по извѣстной латинской пословицѣ, — *amicus Plato, amicus Socrates,*

¹⁾ Гинцель за годъ прежде выхода въ свѣтъ соч. Шаф. доказывалъ въ общихъ чертахъ то же положеніе, какое защищаетъ и Шафарикъ, т. е. что Кириллъ изобразилъ Глаголицу, а Кириллица составлена Климентомъ. См. *Gesch. der Slawenapostel Cyr. und Meth. von Dr. S. A. Ginzell. Leitmeritz. 1857. p. 124 и далѣе.*

sed magis amica veritas. Слѣдуя этому мудрому правилу, мы рѣшаемся подойти прямо къ фундаменту съ такимъ художественнымъ совершенствомъ построеннаго зданія, чтобы разсмотрѣть, проченъ ли и на сколько проченъ этотъ фундаментъ?

Въ основаніе новыхъ выводовъ Шафарика о происхожденіи Глаголицы и Кириллицы, какъ мы выше видѣли, положенъ принятый имъ за несомнѣнный историческій тезисъ, что у Славянъ, соотвѣтственно съ фактомъ существованія двухъ алфавитовъ, было и два изобрѣтателя ихъ, изъ коихъ одинъ Кириллъ, и другой Климентъ. Съ этимъ однакожь никакъ нельзя согласиться. Разумѣется, мы ничего не имѣемъ возразить противъ извѣстности, какъ изобрѣтателя славянскаго письма, перваго изъ двухъ названныхъ лицъ, т. е. Кирилла. Историческія данныя, служащія къ подтвержденію этого факта, до того многочисленны, ясны, точны, тверды, опредѣленны и съ такою полнотою обследованы критикой, что всякія сомнѣнія не только въ дѣйствительности самаго факта, но и въ другія объясненія его, нежели какія даны ему наукой, можно считать рѣшительно невозможными: намъ по крайней мѣрѣ казалось, что извѣстное сочиненіе проф. Бодлискаго «О времени происхожденія славянскихъ (кирилловскихъ) писемъ» положить предѣлъ всѣмъ возможнымъ спорамъ. по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ существеннымъ сторонамъ вопроса. Но совсѣмъ другаго характера мысль объ извѣстности въ исторіи другаго изобрѣтателя славянскаго письма, т. е. Климента. Шафарикъ въ началѣ своего. нами разсматриваемаго изслѣдованія говоритъ, что свидѣтельство объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ только въ недавнее время; мы же съ своей стороны прибавимъ, что это свидѣтельство, кромѣ того, что оно единственное и ничего не имѣетъ для своего подтвержденія, слишкомъ неопредѣленно, не точно, двусмысленнаго характера и притомъ находится въ такомъ памятникѣ, который не удовлетворяетъ требованіямъ исторической критики. Говоря это, мы разумѣемъ вышеупомянутое нами, извѣстное свидѣтельство о Климентѣ, находящееся въ краткомъ житіи его, которое безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду и Шафарикъ. Этому свидѣтельству онъ придаетъ однакожь огромную историческую цѣнность, называетъ его извѣстіемъ древнимъ, ста-

вить его въ параллель съ извѣстіями о другомъ изобрѣтателѣ слав. письма Кириллѣ и содержащіяся въ немъ показанія признаетъ до того рѣшительными, что какъ будто даже не считаетъ нужнымъ по этому поводу входить въ какія бы то ни было критическія объясненія. И такъ мы должны здѣсь войти въ нѣкоторыя подробности и рассмотреть во 1-хъ историческую цѣнность памятника, въ которомъ находится это свидѣтельство, во 2-хъ подлинный смыслъ самаго свидѣтельства.

Житіи Климента сохранилось два: одно пространное, составленное первоначально ученикомъ Климента и слѣд. въ X вѣкѣ, но потомъ передѣланное болгарскимъ архіепископомъ Теофилактомъ († 1107) и поэтому дошедшее до насъ подъ его именемъ; другое краткое, т. е. то самое, въ которомъ находится рассматриваемое свидѣтельство о Климентѣ, какъ составитель втораго слав. алфавита. Первое житіе уже прошло сквозь все испытаніе исторической критики и признается памятникомъ—исторически-достовернымъ, хотя и доселѣ не очищено отъ наростовъ, привзошедшихъ въ него при его передѣлкѣ, а можетъ быть и въ послѣдствіи; второе доселѣ еще не подвергнуто никакому критическому анализу и по отсутствію въ немъ очевидныхъ и рѣшительныхъ признаковъ древности и достоверности, ученые смотрятъ на него съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ; какъ мы выше видѣли, прежде такъ понималъ этотъ памятникъ и самъ Шафарикъ; по крайней мѣрѣ, сообщаемое имъ извѣстіе о составленіи Климентомъ слав. азбуки онъ признавалъ свидѣтельствомъ недостовернымъ, а самое житіе Климента по отношенію къ другому пространному его житію называлъ житіемъ новѣйшимъ ¹⁾. Но теперь при исчисленіи источниковъ для первой эпохи исторіи славянской письменности, неизвѣстно по какимъ причинамъ, рассматриваемый памятникъ онъ причислилъ къ памятникамъ X вѣка, и даже поставилъ его впереди житія Климента—пространнаго, отдавши ему такимъ образомъ какъ будто преимущество во времени появленія предъ послѣднимъ. Не стѣняясь однакожь этимъ мнѣніемъ Шафарика, мы постараемся

¹⁾ Расцв. слав. письм. 8.

навести доступныя для насъ критическія справки объ этомъ памятникѣ.

Краткое житіе Климента въ первый разъ было издано, неизвѣстно, по какому списку, въ Москополѣ въ 1746 г. при службѣ св. седмицисленикамъ, но, по неизвѣстности этого изданія, вовсе не входило въ научныя изслѣдованія. Наконецъ, какъ мы выше видѣли, оно извлечено было изъ забвенія проф. Григоровичемъ, издавшимъ его въ 1847 г. въ Ж. М. Н. Пр. (№ 1.) въ греческомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ и съ любопытными примѣчаніями, которыя впрочемъ не касаются ни времени происхожденія памятника, ни историческаго достоинства сообщаемыхъ имъ данныхъ. Изданіе это было сдѣлано по греческой рукописи, найденной въ Охридѣ и содержащей въ себѣ греч. синаксарь, или прологъ¹⁾, въ которомъ разсматриваемое житіе помѣщено подъ 27 іюня. Самая рукопись принадлежитъ, по мнѣнію г. Григоровича, къ XIII в., а по мнѣнію Миклошича, къ XIII или къ началу XIV. За тѣмъ житіе Климента было вновь перепечатано Шафарикомъ въ его «Памятникахъ глаголической письменности» (1853), но также безъ критическихъ розысканій. И такъ для опредѣленія времени происхожденія и исторической цѣнности разсматриваемаго памятника, намъ остается руководствоваться его общимъ характеромъ и содержаніемъ; но ни то, ни другое не говоритъ въ его пользу. По своему характеру житіе Климента проложное, что доказывается съ одной стороны мѣстомъ его нахождения въ рукописи, содержащей въ себѣ прологъ, съ другой его краткостію, составомъ, манерой и приемами изложенія и проч. Названію — *проложное* мы придаемъ особенное значеніе, особый вѣсъ, потому что всѣ почти проложныя житія (говоримъ о греческихъ прологахъ) составлены на основаніи полныхъ четьмишнейныхъ житій, представляютъ ихъ сокращеніе, а слѣд. во 1-хъ онѣ относятся къ источникамъ второстепеннымъ, во 2-хъ, такъ какъ греческія Четьи-Мишени въ полномъ ихъ составѣ, соотвѣтствующемъ прологамъ, получили происхожденіе въ X в.

¹⁾ Синаксарь и прологъ суть названія одного и того же сочиненія. Изъ нихъ 1-е принято въ греч. церк. литературѣ, 2-е въ славянской. Славянское названіе пролога (предисловія) произошло отъ 1-го слова, которымъ начинается это сочиненіе въ подлинникѣ.

(Метафрастъ), то и извлеченія изъ нихъ, т. е. житія проложныя, и самыя пролога не могли явиться ранѣе XI—XII в. ¹⁾ Впрочемъ между греческими прологами не встрѣчается даже и такихъ, которые бы принадлежали къ этой эпохѣ: древнѣйшіе рукописные греч. пролога не восходятъ далѣе XIII в. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣла, проложныя житія, какъ сочиненія позднѣйшія, въ историческомъ отношеніи представляютъ источникъ самый смутный, которымъ можно пользоваться только съ большою осторожностію. Для доказательства возьмемъ примѣръ ближе и припомнимъ здѣсь показанія нашихъ славянскихъ проложныхъ житій Кирилла и Меѳодія, которыя имѣли совершенно одинаковое происхожденіе съ проложными житіями греческими, т. е. основаны на пространныхъ (пан.) житіяхъ Кир. и Меѳ. Въ житіи Кирилла говорится напр., что онъ, будучи въ Моравіи, молитвою умертвилъ какого-то еретика Замврія, что послѣ этого онъ поставленъ епископомъ въ какой-то Канаонъ градъ, составилъ для жителей его слав. азбуку и тамъ скончался и погребенъ. О Канаонъ или Канаонъ градъ и Замврій (Амврій изъ панн. жит. Кир.) говорится также и въ проложномъ житіи Меѳодія, который также будто бы посланъ былъ сюда епископомъ. Такими же историческими несообразностями наполнены большею частію и многія проложныя житія греческія, а поэтому и причисляются обыкновенно къ историческимъ источникамъ во 1-хъ позднѣйшимъ, во 2-хъ болѣе нежели сомнительнымъ. То же самое невольно приходитъ на мысль и при вопросѣ объ историческомъ достоинствѣ проложнаго житія Климента; разсмотрѣніе же его содержанія окончательно приводитъ къ этому выводу.

Проложное житіе Климента, какъ и большая часть другихъ греческихъ проложныхъ житій, составлено именно послѣ и на основаніи его житія пространнаго, о которомъ мы говорили выше. На это указываетъ самъ авторъ его, когда говоритъ: «съ

¹⁾ Мы разумеѣмъ тотъ разрядъ греч. синаксирей или прологовъ, къ которому принадлежитъ рукопись, гдѣ найдено житіе Климента и который извѣстенъ у насъ на слав.; синаксари критскіе, святцы или менологіи явились гораздо рѣдѣе, напр. мевол. Василія Македонянина.

сампн же отцами и наставниками онъ (Климентъ) выдержалъ гоненія во время насильнаго преобладанія еретиковъ, о чемъ пространная ихъ исторія рассказываетъ. Ясно, что въ послѣднихъ словахъ разумѣется именно пространное житіе Климента, гдѣ съ особенною подробностію рассказывается о гоненіяхъ, которымъ въ послѣдніе годы своей жизни въ Моравіи подвергся Меѳодій, а потомъ послѣ его смерти ученики его; подъ еретиками же разумѣется Вихингъ съ его сообщниками, изгнанными учениковъ Меѳодія послѣ его кончины изъ его паствы, о чемъ также съ подробностію поредается въ пространномъ житіи Климента. Далѣе, по многимъ причинамъ, въ разсмотрѣніе которыхъ входитъ здѣсь не мѣсто, должно думать, что авторъ краткаго житія Климента пользовался пространнымъ его житіемъ не въ первоначальномъ его видѣ, а въ томъ, въ какомъ оно дошло до насъ, т. е. въ греческой передѣлкѣ Теофилакта ¹⁾). Отсюда естественно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: во 1-хъ проложное, т. е. краткое житіе Климента, по характеру своего происхожденія должно быть отнесено къ источникамъ славянской исторіи второстепеннымъ, а не перво-степеннымъ, къ какимъ относитъ его Шафарикъ, потому что авторъ этого житія, сообщаемыя имъ свѣдѣнія бралъ изъ вторыхъ или точнѣе изъ третьихъ рукъ; 2) эпоху происхожденія его должно отодвинуть изъ X в. въ XII, т. е. ко времени послѣ кончины Теофилакта, или по крайней мѣрѣ къ послѣднимъ годамъ его жизни. Прибавимъ къ этому, что на позднѣйшее происхожденіе разсматриваемаго намятника указываетъ очень многое въ его содержаніи; напр. о трудахъ и сочиненіяхъ Климента, сохранившихся до времени жизни автора житія, онъ говоритъ какъ о намятникахъ давно минувшаго, замѣчая, что въ мнѣніи народа они считались наравнѣ съ твореніями Моис-

¹⁾ По очень основательнымъ соображеніямъ проф. Бодянского (въ кн. О происх. сл. пис. 10) пространное житіе Климента первоначально написано на славянскомъ, а потомъ уже переведено на греческій. Мы съ своей стороны думаемъ, что оно не просто переведено, но вѣстѣ передѣлано и распространено, и что то и другое сдѣлано Теофилактомъ, почему этотъ намятникъ и приписывается ему въ заглавіи. Теперь очень естественно, что неизвѣстный Грекъ составитель проложнаго греч. житія пользовался не славянскимъ оригиналомъ пространнаго житія, а греч. переводомъ его, или точнѣе его передѣлкою.

сея ¹⁾). А такой взгляд народа на творенія Климента, само собою разумѣется, могъ образоваться уже спустя долго, можетъ быть, спустя два или болѣе столѣтій послѣ его кончины.

Но гораздо больше не въ пользу историческаго достоинства разсматриваемаго памятника говорить вовсе неисторическій характеръ заключающихся въ немъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ нельзя болѣе, напоминаетъ вышеупомянутыя нами проложныя житія Кирилла и Меѳодія. Сочинитель краткаго житія Климента, какъ видно, имѣлъ въ виду такихъ читателей, у которыхъ было подъ руками житіе пространное, и, не желая повторять общезвѣстнаго, очень не многое внесъ въ свое сочиненіе изъ послѣдняго памятника, стараясь напротивъ даже дополнить его собственными соображеніями и объясненіями. Но за то какія это дополненія? Съ самого начала онъ говоритъ о происхожденіи Климента отъ древнихъ Мисовъ и поэтому поводу разсуждаетъ объ исторіи ихъ, начиная съ Александра Македонскаго, за тѣмъ тономъ похвальныхъ словъ, т. е. общими мѣстами, говоритъ о благочестивомъ воспитаніи Климента, о его добродѣтеляхъ, апостольскихъ подвигахъ и трудахъ въ обращеніи Болгарь, о его служеніи епископомъ и т. д. И во всемъ этомъ сколько анахронизмовъ и историческихъ несообразностей? Въ доказательство укажемъ нѣсколько примѣровъ: Въ разсматриваемомъ житіи говорится напримѣръ: 1) что при возведеніи Меѳодія папою Адрианомъ въ санъ архіепископа Моравіи и *Болгаріи*, Климентъ также *возведенъ былъ на епископскій престолъ* и именно *всего Иллирика и болгарскаго народа*, что въ отношеніи къ Меѳодію онъ *былъ епископомъ-суффраганомъ* и *проводилъ жизнь въ Лихнидонѣ, городѣ Иллировѣ* (§ 6—8); 2) Клименту приписывается *крещеніе болгарскаго царя Бориса и сына (?) его Михаила* (§ 12); 3) Климентъ же признается главнымъ дѣятелемъ въ обращеніи болгарскаго народа вообще (§ 17); 4) переводъ Свящ. Писанія приписывается одному Кириллу (§ 2) и притомъ говорится опредѣленно, будто оно переведено на мѣстное болгарское нарѣчіе и т. д. Подобнаго рода показанія, которыя противорѣчатъ всѣмъ лучшимъ источникамъ и которыхъ можно бы

¹⁾ По изд. Григ. § 9 и 10.

было привести гораздо больше, надѣмся, достаточно доказываютъ, въ какомъ смутномъ видѣ представлялась эпоха автору житія и на сколько этотъ памятникъ заслуживаетъ доверія историка. Разумѣется, мы вовсе этихъ не хотимъ сказать, чтобы разсматриваемый памятникъ былъ совершенно бесполезенъ для славянской исторіи въ первую ея эпоху, напротивъ, тамъ, гдѣ авторъ его сообщаетъ свѣдѣнія, занимавшія имъ изъ живаго преданія, напр. о воздвигнутыхъ Климентомъ монастыряхъ и церквахъ, о его сочиненіяхъ, писанныхъ имъ собственноручно и сохранившихся до времени написанія житія, о гробѣ св. угодника и т. п., показанія его безъ сомнѣнія заслуживаютъ полнаго нашего вниманія. Но собственно историческая часть памятника, касающаяся обстоятельствъ жизни святаго и сопряженныхъ съ нимъ лицъ, лишена всякаго интереса: такъ обезображены и извращены въ ней факты, давно уже приняты въ наукѣ и подтверждаемые несомнѣнными свидѣтельствами древности! Разумѣется, все это подтверждаетъ вѣрнѣе прежде высказанную нами мысль о позднѣйшемъ происхожденіи памятника, когда напр. имена Бориса и Михаила, принадлежація, какъ извѣстно одному и тому же лицу, въ народномъ преданіи, которымъ пользовался авторъ, успѣли олицетвориться въ двѣ отдѣльныя личности.

И можно ли, спросимъ мы теперь, подобнаго рода памятникъ выдавать за современный эпохѣ и единственно на его основаніи епископу Клименту давать наравнѣ съ Кирилломъ титулъ изобрѣтателя одного изъ славянскихъ алфавитовъ, — какого бы то ни было кирилловскаго, или глаголическаго? Намъ кажется, что историкъ не имѣлъ бы на это права даже въ томъ случаѣ, еслибы въ разсматриваемомъ памятникѣ говорилось ясно и опредѣленно, что не Кириллъ, а Климентъ, ученикъ его, изобрѣлъ греко-славянское письмо, или что вслѣдъ за изобрѣтателемъ славянскаго алфавита — глаголическаго, явился другой изобрѣтатель Климентъ, который и составилъ азбуку, вошедшую въ послѣдствіи въ употребленіе у большинства славянскихъ народовъ и несправедливо получившую у потомства названіе Кириллицы. Ничего подобнаго однакожь въ краткомъ житіи Климента не находимъ. Приводимъ здѣсь въ подлинныхъ словахъ это замѣнитое свидѣтельство, на которомъ основ-

вается Шафарикъ, въ переводѣ Григоровича: «Онъ (Климентъ) изобрѣлъ также знаки другіе письменъ для большей ясности, отличные отъ тѣхъ, которые изобрѣлъ мудрый Кириллъ» (§ 16), или какъ переводятъ другіе: «Климентъ остроумно придумалъ, или составилъ другіе знаки письменъ яснѣе тѣхъ, или кромѣ тѣхъ, которые...» и т. д. Но по нашему мнѣнію, какъ бы мы ни стали переводить приведенное свидѣтельство и какого бы ни давали ему объясненія, признавъ его подлиннымъ и несомнѣннымъ показаніемъ очевидца, — все-таки, не поддавшись особому увлеченію и желанію во что бы то ни стало дать епископу Клименту титулъ изобрѣтателя одной изъ двухъ славянскихъ азбукъ, — нѣтъ никакой возможности согласиться, что здѣсь идетъ рѣчь объ изобрѣтеніи новой цѣльной славянской азбуки. Поэтому-то и попытки нѣкоторыхъ ученыхъ, явившіяся, какъ мы выше видѣли, тотчасъ же по обнародованіи краткаго житія Климента — приписать ему, на основаніи этого житія составленіе одного изъ славянскихъ алфавитовъ, именно Глаголицы, встрѣтило въ наукѣ сильный отпоръ, и тогда же противъ этой мысли сдѣланы были очень основательныя соображенія, которыя сохраняютъ полное свое значеніе и въ настоящее время въ отношеніи къ разсматриваемому сочиненію Шафарика, именно: 1) тогда указывали на пространное житіе Климента, въ которомъ, несмотря на подробное изложеніе его жизни, ни слова не говорится объ изобрѣтеніи имъ какого бы то ни было алфавита, нѣтъ даже на что-либо подобное никакого намека. 2) Ссылались на сказаніе о письменахъ черноризца Храбра, который говоритъ только объ одномъ славянскомъ алфавитѣ и объ одномъ его изобрѣтателѣ, именно о св. Кириллѣ, и ничего — о Климентѣ, несмотря на то, что послѣдній былъ его современникомъ. 3) Указывали на отсутствіе для Климента побужденій къ этому дѣлу и на то обстоятельство, что Климентъ, ученикъ Кирилла и читатель его заслугъ, безъ сомнѣнія не захотѣлъ бы помрачать славу своего учителя и оскорблять память его отстраненіемъ составленнаго имъ алфавита и введеніемъ новаго. 4) Выставляли на видъ, что для подтвержденія мысли о Климентѣ, какъ объ изобрѣтателѣ слав. письменъ, нѣтъ ничего въ источникахъ, какъ современныхъ, такъ и позднѣйшихъ. 5) Въ частности противъ мнѣнія о Климентѣ, какъ изобрѣтателѣ глаголическаго

письма, указывали на отсутствіе всякихъ слѣдовъ Глаголицы въ собственныхъ его сочиненіяхъ ¹⁾. Вмѣстѣ съ этимъ разсматриваемому свидѣтельству дано было учеными и надлежащее объясненіе, именно на основаніи его за Климентомъ признана была часть исправленій и дополненій, сдѣланныхъ имъ во внѣшнемъ составѣ греко-славянскаго кирилловскаго алфавита и въ славянскомъ правописаніи, что подтверждено сравненіемъ этого свидѣтельства съ соотвѣтствующимъ свидѣтельствомъ Храбра. Это объясненіе (если только оно нужно), по нашему мнѣнію, и должно остаться за вышенприведеннымъ показаніемъ Климентова біографа, тѣмъ больше, что оно находится въ полной гармоніи съ постепеннымъ образованіемъ греко-славянскаго кирилловскаго алфавита и съ свидѣтельствомъ объ этомъ памятниковъ. Но объ этомъ мы должны сказать подробнѣе.

Въ разсматриваемомъ своемъ сочиненіи Шафарикъ говоритъ, что Кириллъ скончался слишкомъ рано, чтобы замѣтить и исправить недостатки изобрѣтеннаго имъ алфавита, и поэтому послѣ его кончины открылась нужда въ новой славянской азбукѣ. Оставляя въ сторонѣ самый выводъ, мы во всей силѣ принимаемъ положеніе, которое служить для него основой. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что процессъ образованія славянской кирилловской азбуки слѣдовалъ тому же закону постепенности, какъ и процессъ образованія алфавитовъ другихъ народовъ, напр. алфавита греческаго и латинскаго и что эта азбука не вдругъ достигла той полноты въ своемъ составѣ и того совершенства, въ какомъ мы видимъ ее по сохранившимся памятникамъ. Извѣстно, что въ Остромировомъ евангеліи насчитывается до 46 знаковъ; между тѣмъ по ясному свидѣтельству Храбра св. Кириллъ къ 24-мъ буквамъ греческаго алфавита новыхъ, собственно славянскихъ начертаній прибавилъ только 14-ть и такимъ образомъ всѣхъ начертаній, введенныхъ Кирилломъ было 38. Но и этой цифры принимать въ точномъ смыслѣ мы не имѣемъ права ²⁾. Новыхъ начертаній при первомъ

¹⁾ См. Срезнев. Древн. письмена славянскія; О времени происхожденія слав. письменъ — Бодянскаго; Прел. къ собранію глаг. пам. — Шафарика; также Палаузова, Възъ болг. п. Симеона и проч.

²⁾ Сказаніе Храбра дошло до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ (не старѣ XIV в.), въ которыхъ, какъ общія цифры принятыхъ Кирилломъ начертаній,

появленіи кирилловской азбуки могло быть и больше и меньше 14-ти; а равно и вообще цифра изобрѣтенныхъ Кирилломъ знаковъ могла быть и больше и меньше той, которая указана Храбромъ. Мы хотимъ сказать, что вопреки мнѣнію Шафарика (§ 8) ¹⁾ даже самъ Кириллъ образовалъ свою, оставленную имъ потомству азбуку, не вдругъ, а постепенно измѣнялъ и дополнялъ ее сообразно съ обстоятельствами. Такъ, прежде всего, составляя свою азбуку въ Константинополь, и не бывши знакомымъ съ западными славянскими нарѣчіями, гдѣ предстояла ему апостольская дѣятельность, онъ безъ сомнѣнія долженъ былъ примѣнить ее (азбуку) къ звукамъ того нарѣчія, на которомъ говорилъ самъ. За тѣмъ съ переходомъ своимъ въ Моравію и потомъ въ Паннонію, естественно долженъ былъ въ прежде составленной имъ азбукѣ сдѣлать измѣненія, дополненія, а можетъ быть и сокращенія примѣнительно къ требованіямъ мѣстнаго народнаго говора. Съ другой стороны естественно предполагать, что съ приливомъ, по мѣрѣ распространенія христіанства и развитія письменности, новыхъ идей и новыхъ словъ, въ особенности взятыхъ съ чужихъ языковъ, фонетическій составъ славянскаго языка быстро измѣнялся и расширялся, представляя такимъ образомъ первымъ славянскимъ писателямъ по-

такъ и наименованіе ихъ, исчисленіе, порядокъ, распредѣленіе на два разряда и проч. не одинаковы (Срав. Сказ. черн. Хр. по изд. Новикова, Калайд., Бодляскаго, Срезневскаго, Палаузова и проч.). Это даетъ намъ право предполагать, что каждый переписчикъ Храброва сказанія при исчисленіи знаковъ кирилловской азбуки мѣтилъ въ виду только то славянское нарѣчіе, на которыхъ писалъ и вообще наличный, современный ему составъ слав. алфавита. Другихъ же данныхъ для рѣшенія вопроса, сколько именно буквъ было въ первоначальномъ кирилловскомъ алфавитѣ мы не имѣемъ, потому что рукописей, современныхъ Кириллу, которыя здѣсь могли бы рѣшить все дѣло, у насъ нѣтъ. И такъ остается руководствоваться рукописями позднѣйшими: но всякій согласится, что алфавитъ, составленный напр. на основаніи Остромирова Евангелія, Свтославова Сборника, или супр. рукописи представляетъ внѣшній составъ славянской азбуки не первоначальный, а приспособленной уже къ известному славянскому нарѣчію и притомъ въ томъ видѣ, въ какомъ эта азбука была въ XI вѣкѣ.

¹⁾ Въ Паннонскомъ житіи Кирилла говорится, что онъ составилъ славянскую азбуку вдругъ (абіе), по божественному вдохновенію -- на что ссылается Шафарикъ. Но очевидно этого показанія принимать нельзя. На постепенность образованія св. Кирилломъ слав. азбуки повидимому указываетъ и Іоаннъ ектзархъ, когда говоритъ, что Конст. философъ много трудовъ прія, строилъ письменна словенскихъ книгъ. См. прологъ къ перев. богосл. Іоан. Дам.

выя требованія, уже независимо отъ условій мѣстности; а отсюда опять потребность перемѣнъ и дополненій въ первоначальномъ составѣ и самой азбуки. Но гораздо въ большей степени открылась эта потребность, когда литературная дѣятельность первыхъ славянскихъ писателей перенесена была на новую почву — съ запада на востокъ. Мы разумеѣмъ известный фактъ переселенія учениковъ Кирилла и Меѳодія изъ Моравіи въ Болгарію и письменные труды ихъ подѣ покровительствомъ болгарскаго царя Симеона. При томъ различіи, какое тогда уже существовало между славянскими нарѣчіями западной и восточной семьи, даже безъ всякихъ историческихъ указаній мы должны принять, что славянская азбука, какъ образовавшаяся и развивавшаяся прежде подѣ вліяніемъ западно-славянскаго нарѣчія, теперь должна была претерпѣть въ своемъ составѣ новыя перемѣны. Но къ счастью тутъ нѣтъ болѣе мѣста предположеніямъ: мы имѣемъ объ этомъ прямое и ясное свидѣтельство черноризца Храбра, одного изъ ближайшихъ преемниковъ трудовъ славянскихъ апостоловъ. Онъ говоритъ, что въ его время явились люди, которые, стали *вновь построять и повторять*, т. е. исправлять и дополнять алфавитъ, устроенный св. Кирилломъ, и что это даже возбудило неудовольствіе въ современникахъ Храбра, отъ которыхъ онъ и защищаетъ этихъ нововводителей. Въ чемъ именно состояли эти нововведенія въ кирилловской азбукѣ, о которыхъ говоритъ Храбръ, по недостатку данныхъ, рѣшить нѣтъ никакой возможности; замѣтимъ однакожъ, что упомянутыя исправленія безъ сомнѣнія относились не къ одному только правописанію ¹⁾, а вмѣстѣ и къ измѣненію самаго

¹⁾ Некоторые думаютъ, что Храбръ въ разсказываемомъ мѣстѣ говоритъ не объ исправленіи слав. азбуки, а объ исправленіи преемниками Кирилла славянскаго перевода свѣщ. книгъ. Противъ такого толкованія замѣтимъ: 1) Храбръ говоритъ объ исправленіяхъ, сдѣланныхъ *въ дѣлѣ* Кирилла, а переводъ свѣщ. писанія былъ совершенъ св. Меѳодіемъ, Кирилломъ же онъ былъ только начатъ; слѣд. при упомянутомъ толкованіи ни ропотъ современниковъ Храбра, отставившихъ достоинство Кириллова *устроенія* противъ нововводителей, ни защита послѣднихъ Храбромъ не имѣли бы смысла. 2) Нововводителей, т. е. исправителей Храбръ защищаетъ такимъ же тономъ, какимъ предѣ этими защищалъ самаго Кирилла отъ упрека, почему онъ къ 27-мъ буквамъ слав. алфавита прибавилъ 14, а не больше и не меньше; ясно видно, что какъ такъ, такъ и здѣсь Храбръ говоритъ объ устроеніи и исправленіи азбуки, а не о чемъ-либо дру-

состава азбуки и къ введенію въ нее знаковъ новыхъ дополнительныхъ, которыхъ прежде не было, напр. нѣкоторыхъ новыхъ знаковъ, буквы *ш* (вм. шт.), которой, какъ извѣстно, нѣтъ въ супрасельской рукописи, принадлежащей къ памятникамъ древне-западной редакціи, можетъ быть новыхъ знаковъ численныхъ и т. под. Во всякомъ случаѣ свидѣтельство Храбра о сдѣланныхъ послѣ Кирилла въ его азбукѣ исправленіяхъ чрезвычайно важно, но для насъ въ настоящемъ случаѣ оно въ особенности важно по тому близкому отношенію, въ какомъ находится къ разсматриваемому свидѣтельству климентова біографа. Въ самомъ дѣлѣ, въ сказаніи Храбра говорится объ исправленіяхъ и дополненіяхъ сдѣланныхъ въ его время въ азбукѣ, изобрѣтенной Кирилломъ и виновниковъ этихъ исправленій онъ защищаетъ отъ несправедливыхъ упрековъ со стороны современниковъ: а о Климентѣ біографъ его именно говоритъ, что онъ къ кирилловскому алфавиту прибавилъ какіе-то новые знаки, отличные или кромѣ тѣхъ, которые изобрѣтены Кирилломъ. Какъ же тутъ не придти къ мысли, что Храбръ въ разсматриваемомъ мѣстѣ своего сказанія беретъ подъ свою защиту именно Климента и подобныхъ ему нововводителей и бывши, по общепринятому мнѣнію его современниковъ, а можетъ быть и на дѣлѣ близкимъ къ нему чело-вѣкомъ по этому собственно и не называетъ его по имени?

Но дѣйствительно ли вѣрно принятое нами объясненіе разсматриваемаго свидѣтельства климентова біографа и не вѣрите ли объясненіе этого свидѣтельства, представленное Шафарикомъ, который думаетъ видѣть въ немъ извѣстіе объ изобрѣтеніи Климентомъ цѣльной славянской азбуки, а не о дополненіи только ея отдѣльными знаками? Если недостаточно всего вышесказаннаго въ пользу этого объясненія, мы попытаемся сдѣлать новыя дополнительные въ этомъ отношеніи замѣчанія. Вся сила вопроса здѣсь заключается конечно въ правильномъ истолкованіи греческихъ словъ: *ἐπιφύλατα*, и *ὑπαρχήτρας*

говъ. 3) Такому толкованію противорѣчитъ отношеніе разсматриваемаго мѣста къ предыдущему и послѣдующему и цѣлая идея сочиненія. Но за чѣмъ тутъ Храбръ упоминаетъ объ Акилѣ и Симахѣ? По нашему мнѣнію это неточность въ введеніи примѣра — не больше.

ἑτέροισι γραμματέων ¹⁾). Первому слову Шафарикъ даетъ значеніе: изобрѣлъ, составилъ, послѣднимъ тремъ — другой (въ смыслѣ второй, zweites) алфавитъ, и всей фразѣ даетъ слѣдующій смыслъ: «Климентъ для большей ясности въ чтеніи и письмѣ остроумно составилъ для Славянъ второй алфавитъ, содержащій другіе знаки буквъ (или собственно звуковъ), отличные отъ изобрѣтенныхъ Кирилломъ ²⁾. Такъ будто бы говорится въ краткомъ житіи Климента. Но съ перваго же взгляда видно, что подобное толкованіе слишкомъ произвольно; потому что во 1-хъ, слово ἐπιφραστό, понимаемое въ точномъ смыслѣ, значить *вымыслилъ, придумалъ, умудрился*, а отнюдь не изобрѣлъ: для обозначенія акта изобрѣтенія буквъ и тѣмъ болѣе — азбуки въ полномъ видѣ — цѣльной на греческомъ языкѣ употребляется слово — ἐξέδρεν, какъ и дѣйствительно употреблено это выраженіе о Кириллѣ въ послѣдней половинѣ разсматриваемаго свидѣтельства, а равно и въ пространномъ житіи Климента. Во 2-хъ въ разсматриваемомъ показаніи краткаго Климентова житія идетъ рѣчь не о цѣломъ алфавитѣ, а только о *другихъ знакахъ*, фигурахъ буквъ; подъ словомъ же *другіе* (ἑτέροισι) можно разумѣть здѣсь 2, 3, 4, положимъ 10, вообще нѣсколько знаковъ, а отнюдь не всѣ знаки; потому что прилагательное ἕτερος означаешь не только *одинъ изъ двухъ*, или *иной, отличный отъ прежняго*, какъ принято понимать это слово въ отношеніи къ разсматриваемой фразѣ, но въ средневѣковомъ греческомъ языкѣ оно часто употреблялось въ значеніи: *одинъ изъ нѣсколькихъ, одинъ изъ многихъ, нѣкоторый*. Въ послѣднемъ значеніи прилагательное ἕτερος перешло и въ нашъ древне-славянскій языкъ. Мы разумѣемъ извѣстное ославианившееся слово: *етерь, етера, етери* и т. д., вм. *нѣкій, нѣкая, нѣкоторый, нѣкоторая*, напр. въ Сбор. Свят. *етерь челоувѣкъ, етера жена*, вм. *нѣкоторый челоувѣкъ, нѣкая жена* ³⁾). Далѣе, какъ Шафарикъ, такъ и его предшественники прилагательное ἕτερος обыкновенен-

¹⁾ Для ясности приводимъ разсматриваемое извѣстіе въ полномъ видѣ: ἐπιφραστό δὲ καὶ χαρακτήρας ἑτέροισι γραμματέων πρὸς τὸ σαφέστερον, ἢ οὗς ἐξέδρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος.

²⁾ Abhandl. I. § 12. смлч. прии. Также Glag. Fragm. p. 57.

³⁾ Слов. сл. яв. А. Х. Востокова. 1859 г. Спб.

но относили къ слову *χαρακτήρας*. Въ Охридскомъ спискѣ житія Климента, изданномъ Григоровичемъ и потомъ Шафарикомъ, дѣйствительно это такъ, т. е. прилагательное *ἕτερος* согласовано съ словомъ *χαρακτήρας*; но въ спискѣ, по которому изданъ этотъ памятникъ въ Москopolѣ въ 1746 г., прилагательное *ἕτερος* согласовано не съ предыдущимъ словомъ *χαρακτήρας*, а съ послѣдующимъ *γραμμάτων* (*χαρακτήρας ἑτέρων γραμμάτων*)¹⁾ и намъ кажется, что послѣднее чтеніе правильнѣе. Иначе, зачѣмъ же спросимъ мы, вопреки греческому синтаксису опредѣлительное *ἕτερος* поставлено не впереди, а позади опредѣляемаго — *χαρακτήρας*? Во всякомъ случаѣ чтеніе москопольскаго изданія заслуживаетъ полнаго вниманія комментаторовъ разсматриваемаго свидѣтельства, но крайней мѣрѣ настолько же, какъ и чтеніе охридскаго списка, изданнаго Григоровичемъ. Наконецъ, слово *χαρακτήρας γραμμάτων*, принято переводить словомъ знаки, фигуры письменъ; но намъ кажется, что понимая слово *χαρακτήρ* въ болѣе точномъ смыслѣ, съ такимъ же, или даже гораздо съ большимъ правомъ можно давать ему значеніе — *формы, внѣшній видъ письменъ. — въ смыслъ почерка, пошиба*. За вѣрность такого толкованія слова *χαρακτήρας* говорить то обстоятельство, что если принимать его въ общепринятомъ значеніи — *знаки, фигуры*, то оно оказывается совершенно лишнимъ, ненужнымъ, т. е. еслибы авторъ житія говорилъ здѣсь объ изобрѣтеніи собственно знаковъ письменъ или буквъ, нѣсколькихъ ли то, или всѣхъ, тогда для него довольно было бы употребить одно слово — *γράματα*, какъ это и дѣйствительно мы видимъ у другихъ писателей, когда говорятъ они собственно объ изобрѣтеніи знаковъ алфавита. Излишество слова *χαρακτήρας* въ смыслѣ *знаки* при существительномъ *γραμμάτων* — письменъ, буквъ признаетъ самъ Шафарикъ, объясняя это послѣднее слово — словомъ звуки²⁾, что разумѣется совершенно произвольно.

Взявши во вниманіе вышензложенныя соображенія, намъ кажется, знаменитое извѣстіе краткаго житія Климента можно перевести и объяснить такимъ образомъ: 1) Климентъ придү-

¹⁾ Этотъ замѣчательный вариантъ москопольскаго изданія приведенъ у Григоровича.

²⁾ Сл. прим. къ § 12.

малѣ (пожалуй—изобрѣлъ) также знаки нѣкоторыхъ письменъ (или, слѣдуя охридскому списку: нѣкоторые знаки—нѣсколько знаковъ письменъ) иише тѣхъ (знаковъ), — или кромѣ тѣхъ, отличныя отъ тѣхъ, которыя изобрѣтены мудрымъ Кирилломъ. 2) Принимая слово *характѣръ* въ болѣе точномъ смыслѣ:—Климентъ, для большаго удобства въ письмѣ (*πρὸς τοὺς ἀφῆρῆτον* — собственно для ясности), придумалъ также, или ввелъ въ употребленіе другой видъ письменъ, — другія формы, фигуры (въ смыслѣ почерка, пошиба), отличныя отъ тѣхъ, или кромѣ тѣхъ, которыя изобрѣтены мудрымъ Кирилломъ, — т. е. Климентъ ввелъ въ употребленіе, — первый началъ писать другимъ почеркомъ, пошибомъ, отличнымъ отъ того, который изобрѣтенъ—введенъ въ употребленіе Кирилломъ¹⁾). И вотъ все, что, по нашему мнѣнію, можно извлечь для исторіи славянской палеографіи изъ извѣстія о Климентѣ, передаваемого въ его краткомъ житіи, если только это извѣстіе не принадлежитъ

¹⁾ Принимая послѣднее объясненіе, подъ введеннымъ въ употребленіе новымъ почеркомъ можно разумѣть не только полууставъ, о чемъ пожалуй биографу не стоило бы и упоминать, тѣмъ болѣе, что полууставъ не многихъ тѣмъ отличается отъ устава; но даже скоропись, которая въ отношеніи къ первымъ двумъ почеркамъ представляетъ уже отличія рѣзкія, долженствовавшія обратить вниманіе современниковъ. Но вѣроятно ли, чтобы славянская скоропись могла быть введена въ такую древнюю эпоху? По нашему мнѣнію невѣроятно тутъ ничего нѣтъ. У насъ въ Россіи собственно книжная скоропись образовалась въ концѣ XV вѣка, хотя въ актахъ и грамотахъ мы видимъ ее еще въ XII и XIII вѣка. Что же до южныхъ Славянъ, то у нихъ скоропись въ книгахъ, является гораздо ранѣе, а скоропись въ оффиціальныя и дипломатическія актахъ восходитъ до самой глубокой древности и притомъ уже въ совершенно развитой и правильной формѣ. Такъ между снимками съ аеонскихъ славянскихъ актовъ, сдѣланными г. Севастьяновымъ, мы видимъ одинъ хрисовулъ 1113 года, писанный такою скорописью, какую въ нашихъ русскихъ актахъ видимъ уже въ половинѣ XVI вѣка, и скоропись другаго хрисовула 1182 г. походитъ на ту скоропись, какаѣ у насъ въ Россіи употреблялась въ концѣ XVI и въ XVII вѣка. Что же до актовъ XIV вѣка, находящихся въ томъ же собраніи г. Севастьянова, то почеркъ ихъ совершенно одинаковъ съ нашимъ почеркомъ конца XVII вѣка, или даже съ почеркомъ такъ называемымъ петровскимъ. При такомъ положеніи дѣла естественно предполагать, что скоропись у южныхъ Славянъ въ первоначальномъ своемъ видѣ могла образоваться еще въ началѣ X вѣка, т. е. въ эпоху Климента. Это предположеніе можетъ быть подтверждено еще тѣмъ соображеніемъ, что въ эту именно эпоху скоропись введена въ общее употребленіе (въ небогослужебныхъ книгахъ) и у Грековъ. Призвѣръ ихъ могъ легко подѣйствовать и на Славянъ.

къ разряду тѣхъ, по которымъ Климентъ будто-бы былъ епископомъ еще при жизни Меѳодія и *крестилъ Михаила, сына Бориса*, — т. е. къ разряду извѣстій положительно ложныхъ. Какое изъ двухъ представленныхъ нами объясненій этого извѣстія ближе къ истинѣ, предоставляемъ рѣшить другимъ, хотя намъ и кажется, что первое объясненіе, т. е., что здѣсь говорится о перемѣнахъ, произведенныхъ Климентомъ собственно въ наличномъ составѣ кирилловскаго алфавита и въ формѣ нѣкоторыхъ буквъ, болѣе вѣроятно. Впрочемъ что до насъ касается, для насъ важно собственно то обстоятельство, что въ разсмотрѣнномъ извѣстіи нѣтъ ничего ни о цѣломъ новомъ алфавитѣ, изобрѣтенномъ будто-бы Климентомъ, ни о немъ самомъ, какъ объ изобрѣтателѣ алфавита, Кириллицы ли-то, или Глаголицы все равно. Дѣятельность Климента могла имѣть нѣкоторое отношеніе къ кирилловской азбукѣ, — къ вѣдшему ли составу ея, (т. е. къ нѣкоторымъ начертаніямъ, или къ общему виду ея, палеографическому характеру, почерку) но на основаніи разсмотрѣннаго свидѣтельства (а другихъ нѣтъ), онъ отнюдь не можетъ быть признанъ ея изобрѣтателемъ, а равно и изобрѣтателемъ славянскаго алфавита вообще — какого бы то ни было.

И такъ вопреки разсмотрѣнному историческому тезису, выставленному Шафарикомъ, будто-бы исторія, соотвѣтственно съ фактомъ существованія у Славянъ двухъ алфавитовъ передаетъ намъ извѣстіе и о двухъ изобрѣтателяхъ ихъ, — мы, надѣемся, въ правѣ теперь сказать, что исторія ничего подобнаго намъ не говоритъ. Голосъ ея, если угодно, и слышится нѣсколько въ пользу этой мысли, но при ближайшемъ вниманіи къ нему, онъ принимаетъ совершенно другой тонъ. Что же однако дѣйствительно говоритъ исторія въ отвѣтъ на заданный Шафарикомъ вопросъ, т. е. о числѣ употреблявшихся у Славянъ алфавитовъ и ихъ изобрѣтателяхъ? По нашему крайнему разумнію, сообразно съ современными существующими историческими и палеографическими данными и основанными на нихъ результатами современныхъ изслѣдованій, на этотъ вопросъ исторія должна отвѣчать такимъ образомъ: у Славянъ во времена язычества вмѣсто буквъ употреблялись черты и рѣзы (Храбрь, Дитмаръ и проч.), можетъ

быть имѣвшія много общаго съ сѣверными рунами; но о формѣ этихъ письменъ, а равно о числѣ, значеніи ихъ и проч., неизвѣстно ничего вѣрнаго. Потомъ, по мѣрѣ обращенія въ христіанство, Славяне стали писать буквами, заимствованными изъ другихъ языковъ (Храбръ), а именно: Славяне восточные, обращенные въ христіанство Греками, — буквами греческими, а западные, обращенные въ христіанство миссіонерами западной церкви — буквами латинскими¹⁾. Памятниковъ перваго письма до насъ не дошло; памятникомъ же втораго письма служатъ такъ называемые Фрейзингенскіе отрывки X—XI вѣка, изданныя Кёппеномъ, доказывающіе въ то же время, что у западныхъ Славянъ, латинская абецеда была въ употребленіи даже долго спустя и послѣ изобрѣтенія Кириллицы. Наконецъ въ IX вѣкѣ, именно съ 862 г. (Бодян.) у Славянъ является собственная азбука, такъ называемая Кириллица, изобрѣтенная ближайшимъ образомъ для моравскихъ Славянъ (Пан. жит.). Она была основана на азбукѣ греческой, дополненной новыми знаками примѣнительно къ звукамъ, не существующимъ на греческомъ языкѣ (Храбръ). Эта новая азбука быстро распространилась между Славянами, какъ западными, такъ и восточными, но само собою разумѣется, что она получила свое окончательное образованіе, какъ мы видимъ ее по сохранившимся древнимъ памятникамъ, не вдругъ, а развивалась и совершенствовалась постепенно. Мѣстныя условія, развитіе славянскаго языка, и другія причины требовали перемѣнъ въ алфавитъ, начертанномъ первымъ его изобрѣтателемъ. Отсюда исправленія, дополненія, сокращенія, вообще измѣненія во вѣншемъ составѣ его, а можетъ быть и въ самой формѣ славянскихъ буквъ, въ ихъ характерѣ, пошибѣ, почеркѣ письма (Храбръ и кратк. жит. Климентъ). Очень можетъ быть, что къ числу исправителей и дополнителей, вообще преобразователей кирилловскаго алфавита принадлежалъ и епископъ Климентъ, ученикъ Меѳодія. По крайней мѣрѣ на это есть указаніе въ одномъ позднѣйшемъ памятникѣ (кратк. жит. Клим.). Между тѣмъ еще въ древнѣйшую эпоху славянской письмен-

¹⁾ См. свидѣтельство, приведен. у Кёппена въ Собр. слов. пам. вѣз Россіи, 1827 г. стр. 57.

ности, на ряду съ новозобрѣтеннымъ греко-славянскимъ письмомъ у Славянъ, мы видимъ другую азбуку глаголическую, съ XIII вѣка введенную официально въ употребленіе въ бого-служебной практикѣ западныхъ Славянъ, и на ряду съ письменностію кирилловскою письменность глаголическую. Но при огромномъ и быстромъ развитіи письменности кирилловской еще въ первый ея періодъ, письменность глаголическая до XIII вѣка (да и послѣ этого времени), имѣла развитіе самое ограниченное. По крайней мѣрѣ изъ указаннаго періода мы не имѣемъ ни одного писаннаго глаголицей славянскаго оригинальнаго сочиненія, не имѣемъ даже на что либо подобное никакихъ историческихъ указаній. Изъ переводныхъ же сочиненій въ глаголической палеографіи до XIII в. существуетъ почти одно Евангеліе (въ нѣсколькихъ спискахъ) и потомъ нѣсколько отрывковъ изъ твореній отеческихъ (Глаголита Клоца) и изъ церковныхъ пѣсней (Пражскіе глаг. листы). Впрочемъ по сохранившимся памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ видимъ, что въ древнѣйшую разсматриваемую эпоху обѣ эти письменности находились во взаимномъ другъ къ другу соприкосновеніи и отношеніи—въ отношеніи взаимодѣйствія и имѣли одна на другую вліяніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ встрѣчающіяся въ древнихъ кирилловскихъ рукописяхъ отдѣльныя буквы и слова и даже цѣлыя строки, писанныя Глаголицей и наоборотъ, писанныя Кириллицей отдѣльныя слова и приписки, встрѣчающіяся въ рукописяхъ глаголическихъ. Когда и гдѣ въ первый разъ явилась Глаголица, на эти вопросы, — по рѣшительному отсутствію всякихъ историческихъ указаній, — исторія отвѣчать не можетъ, и всѣ попытки ученыхъ опредѣлить хоть приблизительно время происхожденія загадочнаго письма доселѣ оказывались безуспѣшными. Но судя по филологическимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ глаголическихъ памятниковъ (изслѣд. Кошут., Шаф., Микл.) происхожденіе ея должно быть современно или по крайней мѣрѣ близко ко времени происхожденія Кириллицы; а мѣста перваго появленія и дальнѣйшаго развитія Глаголицы тѣже филологическія данныя и нѣкоторыя историческія соображенія (Добров., Прейсъ) заставляютъ искать у западныхъ Славянъ.

На вопросъ объ изобрѣтателяхъ славянскихъ алфавитовъ исторія отвѣчаетъ такимъ образомъ. Кирилловскій, т. е. греко-славянскій алфавитъ по яснымъ и несомнѣннымъ свидѣтельствамъ древности принадлежитъ Кириллу (Добров., Шафар., Бодян. и проч.), хотъ нѣкоторые и приписывали его и другимъ, напр. Меѳодію (Копит., Григоров.), Клименту (Шафар. въ настоящее время), вообще Грекамъ послѣ кончины Меѳодія (Добнеръ) и проч. Что же до Глаголицы, то изобрѣтатель ея, равно какъ и первый, начавшій писать славянскія книги греческими буквами и латинской абecedой, доселѣ неизвѣстенъ. Преданіе очень долго, еще начиная съ XIII вѣка, приписывало изобрѣтеніе Глаголицы Иерониму, но не выдержало критики. За тѣмъ нѣкоторые ученые старались приписать эту азбуку св. Кириллу (Добнеръ, Копитаръ, Григоровичъ и въ настоящее время Шафарикъ), епископу Клименту (Шафарикъ и другіе), космографу Этику (Копитаръ и докторъ Перць—младшій) и проч. Другіе ученые, не касаясь вопроса о лицѣ изобрѣтателя Глаголицы, приписывали ее западному славянскому духовенству (Добров. и Прейсъ), болгарскимъ сектантамъ — Богомпламъ (Срез.), иные наконецъ производили Глаголицу отъ письменъ этрусскихъ (Венелингъ) отъ сѣверныхъ, или оботриттскихъ рунъ (Я. Гриммъ и Ганушъ) и т. п. Но всѣ эти попытки такъ или иначе открыть виновника загадочнаго письма оказались неудачными и имѣютъ значеніе предположеній, догадокъ, а отнюдь не несомнѣнныхъ фактовъ науки. И такъ если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія строго исторической, то должно признать, что изобрѣтатель славянскаго письма, и именно алфавита греко-славянскаго, извѣстенъ въ исторіи только одинъ—Кириллъ философъ. Если же мы дѣйствительные, несомнѣнные факты, добытые путемъ строго-научныхъ изслѣдованій, станемъ перемѣшивать и ставить наравнѣ съ предположеніями и догадками ученыхъ, высказанными по тому или другому поводу и основанными на сомнительныхъ показаніяхъ позднѣйшихъ источниковъ, то должны будемъ дать титулъ изобрѣтателя, кромѣ Кирилла не одному только Клименту, какъ это дѣлаетъ Шафарикъ, но и еще тремъ лицамъ, именно Иерониму, Этику и Меѳодію, потому что, судя по исторической цѣнности извѣстій, на основаніи

которыхъ нѣкоторые приписывали этимъ лицамъ изобрѣтеніе той или другой славянской азбуки, всѣ они имѣютъ право на имя изобрѣтателей славянскаго письма не только одинаковыя съ Климентомъ, но нныя изъ нихъ, напр. Меѳодій, имѣютъ на это права гораздо большія, нежели Климентъ. Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ у насъ будетъ не два только изобрѣтателя славянскихъ писемъ, а пять, положимъ соотвѣтственно съ пятью извѣстными намъ изъ исторіи способами выраженія славянскихъ звуковъ,—и потомъ еще, если угодно, нѣсколько изобрѣтателей неизвѣстныхъ по имени, т. е. неизвѣстный Добнеровскій Грекъ, составившій послѣ кончины славянскихъ апостоловъ Кириллицу, неизвѣстный западно-славянскій священникъ Добровскаго, составившій Глаголицу и т. д. Можно теперь судить, на сколько прочны и тверды и на сколько логически вѣрны историческія основы первой послышки построеннаго Шафарикомъ силлогизма для подтвержденія его новаго мнѣнія о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ.

Всѣ изложенныя нами факты появленія и происхожденія славянскихъ алфавитовъ, а равно и цифру ихъ изобрѣтателей, Шафарикъ понимаетъ совершенно иначе, и поэтому вслѣдъ за первымъ разсмотрѣннымъ нами тезисомъ, выставляетъ и, какъ мы видѣли, другой,—именно, что изъ двухъ названныхъ имъ изобрѣтателей славянскихъ алфавитовъ—глаголитскій алфавитъ долженъ быть приписанъ Кириллу,—чтобы сказать послѣ въ заключеніи силлогизма, что слѣд. кирилловскій алфавитъ изобрѣтенъ не кѣмъ либо другимъ, какъ Климентомъ, потому что другихъ изобрѣтателей славянскаго письма не было. Но этотъ второй тезисъ, вмѣстѣ съ представленными въ пользу его доказательствами и соображеніями, мы должны выписать буквально въ собственныхъ выраженіяхъ Шафарика.

«Письмо, изобрѣтенное Кирилломъ, говоритъ онъ, было совершенно новое, т. е. оно состояло изъ новыхъ знаковъ, которые не были ни греческіе, ни еврейскіе, ни латинскіе, а слѣд. это письмо было глаголическое» (§ 6). «Справедливость этого положенія, т. е. что Кириллъ далъ Славянамъ не готовый уже, чужой алфавитъ, только приспособивши его къ славянскому языку, какъ это сдѣлали Ульфила, или Коптъ для

своихъ языковъ, но что онъ составилъ, т. е. изобрѣлъ для Славянъ алфавитъ совершенно новый, т. е. состоявшій изъ новыхъ знаковъ и притомъ нарочно и, какъ выражается его биографъ, по вдохновенію отъ Бога — подобно первымъ изобрѣтателямъ алфавита, — это положеніе (продолжаетъ Шафарикъ) въ сущности хотъ и не ясно доказывается всѣми древними, относящимися сюда свидѣтельствами; по нѣтъ недостатка и въ такихъ свидѣтельствахъ, которыми подтверждается это ясно, опредѣленно. Между ними важнѣйшее находится въ похвальномъ словѣ Константину и Меѳодію (у Бодянского стр. 48). Тамъ о Кириллѣ и Меѳодіи сказано: *не на тоужемъ основани свое дѣло полагающа, нъ изнова писмена вобразяща и свѣршиста въ языкъ новъ....* т. е. устроивъ свое дѣло не на чужомъ — постороннемъ основаніи, но вымышляя письма вновъ, они совершили ихъ въ новомъ языкѣ. Яснѣе, опредѣленнѣе и рѣшительнѣй этого свидѣтельства ничего не можетъ быть. Близко къ нему подходитъ свидѣтельство неизвѣстнаго Каринтійца: *noviter inventis slavini literis*, потомъ свидѣтельство Папы Іоанна VIII: *litteras sclaviniscas a Constantino philosopho repertas.... jure laudamus*. И это говорятъ не отдаленные позднѣйшіе писатели, а близкіе, хорошо знавшіе дѣло современники, отчасти очевидцы» (§ 8).

Приступая къ разбору втораго основнаго положенія Шафарика, нельзя не замѣтить, что не только мысль объ изобрѣтеніи Кирилломъ Глаголицы, но даже и приведенныя Шафарикомъ въ пользу ея соображенія, хотъ онѣ и обставлены новыми данными, въ сущности своей ни больше ни меньше, какъ тѣ же добнеровскіе. Добнеръ и его послѣдователи говорили: буквы глаголическія не сходны ни съ какими другими; кирилловскія же, за исключеніемъ 7-ми буквъ, взятыхъ изъ Глаголицы, суть не что иное, какъ греческія. Поэтому, еслибы кирилловская азбука была составлена Кирилломъ въ IX в., то изобрѣтеніемъ *новымъ* прослыть не могла бы, а равно и самъ Кириллъ не получилъ бы имени изобрѣтателя *новаго* алфавита. Слѣд. Кириллъ изобрѣлъ азбуку глагольскую. Такое сходство выводовъ Шафарика въ развитіи его мнѣнія объ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ съ выводами Добнера, разумѣется, нисколько не удивительно: одинаковое мнѣніе, одина-

ковый взгляд на тобы то ни было, естественно влечетъ за собою и одинаковыя послылки и доказательства. Но за то, надѣмся, не будетъ также странно, если и мы въ свою очередь, тобы ослабить силу и твердость разсматриваемаго положенія Шафарика, рѣшаемся прежде всего противопоставить ему и развить тѣ возраженія, которыя были выставлены противъ добнеровскаго мнѣнія Добровскимъ и его послѣдователями и которыя, прибавимъ, привели было въ совершенное забвеніе оригинальный взглядъ Добнера на происхожденіе какъ Кириллицы, такъ и Глаголицы. И такъ на 2-й тезисъ Шафарика мы отвѣчаемъ: изобрѣтенный Кирилломъ греко-славянскій алфавитъ могъ получить отъ современниковъ и потомковъ—(т. е. въ относящихся сюда свидетельствахъ) названіе новаго, а равно и самъ Кириллъ титуло изобрѣтателя—совершенно по праву, потому что: 1) прежде Кирилла у Славянъ своей грамоты не было, что, какъ мы видѣли, признаеть и Шафарикъ. 2) Кириллъ далъ имъ собственный алфавитъ, далъ имъ способъ выражать на бумагѣ звуки своего языка, примѣнивши къ нему греческую азбуку, чего и естественно было ожидать отъ Грека. Ужели вслѣдствіе этого одного Кириллъ не могъ получить отъ потомства прозванія изобрѣтателя, составителя, творца славянской азбуки, и ужели эта азбука не могла прослыть у современниковъ новою, прежде не существовавшюю? Какъ извѣстно Кириллъ для составленной имъ славянской азбуки употребилъ не одни греческія буквы, а прибавилъ къ нимъ, по свидетельству Храбра, 14 начертаній новыхъ, примѣнительно къ свойствамъ славянскаго языка. Ужели и это не давало права изобрѣтенной имъ азбукѣ на названіе *новой*, а самому ему на титуло изобрѣтателя? Ульфила образовалъ свою азбуку изъ германскихъ рунъ и греческихъ буквъ, и однакожь готская азбука считается его изобрѣтеніемъ и конечно для современниковъ Ульфила была новостію? Коптъ примѣнилъ къ своему алфавиту почти одни только греческія буквы, и однакожь онъ считается его изобрѣтителемъ? Почему, же по мнѣнію Шафарика, Кириллъ, тобы заслужить отъ современниковъ названіе изобрѣтателя новой азбуки, долженъ былъ дѣйствовать не какъ Ульфила или Коптъ, и всѣ буквы славянской азбуки изобрѣтать вновь? Кириллъ въ от-

ношеніи къ славянской азбукѣ и безъ этого сдѣлалъ гораздо больше, нежели послѣдніе два изобрѣтателя. 3) Храбръ говоритъ, что прежде Кирилла употребляли Славяне буквы греческія и латинскія, которыми выражали звуки своего языка съ большимъ трудомъ (нуждахуся). Не имѣли ли права современники Кирилла по этому одному, т. е. по отношенію къ употреблявшимся до него у Славянъ алфавитамъ, составленную и вновь введенную имъ въ употребленіе азбуку называть новою, тѣмъ болѣе, что она совершенно приспособлена была къ свойствамъ славянскаго языка и заключала въ себѣ 14 новыхъ знаковъ? 4) Въ дѣлѣ, совершенномъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, для Славянъ и вообще для современниковъ важно было не столько изобрѣтеніе азбуки, сколько сдѣланное изъ нея употребленіе. вмѣстѣ съ азбукой братья дали Славянамъ на собственномъ ихъ языкѣ Священное писаніе, богослужебныя книги, творенія отеческія, можетъ быть, собственныя произведенія, образовали множество учениковъ и сотрудниковъ, продолжавшихъ ихъ дѣло, — однимъ словомъ солунскіе братья были основателями, творцами, образователями не только азбуки Славянъ, но и литературы ихъ, были просвѣтителями. Вотъ почему, и потомъ по особенной продолжительности своей дѣятельности, изобрѣтателемъ славянской грамоты у Славянъ и не Славянъ какъ современниковъ, такъ и потомковъ, считался не только Кириллъ, но и Меѳодій¹⁾. А при такомъ положеніи дѣла, какое право имѣеть историкъ отнимать это титуло у Кирилла и давать ему его, а равно и азбукѣ его названіе новой, только на томъ условіи, если онъ изобрѣлъ письмо совершенно новое, не похожее ни на какое другое?

Взглянемъ теперь на дѣло съ другой стороны. Шафарикъ говоритъ, что о новости изобрѣтеннаго Кирилломъ алфавита есть хоть и не ясныя указанія *во всѣхъ* древнихъ относящихся сюда свидѣтельствахъ. Но въ этомъ никакъ нельзя съ нимъ согласиться: если взять въ разсмотрѣніе латинскіе источники, составляющіе, какъ извѣстно, главный капиталъ матеріаловъ для

¹⁾ Сх. Похв. слово Кир. и Меѳ.; Слав. службу обоимъ слав. апост., Апост. XII в. у Григ., и проч. изъ лат. пис.; немзв. Зальцб. 873 г., актъ Сплет. соб. 925 г. Берн. Креженст. и т. д.

исторіи Кирилла и Меѳодія; то изъ писателей, современныхъ Кириллу, изобрѣтенное имъ письмо называется *новымъ*, или собственно *вновь изобрѣтеннымъ*, (*litteris noviter inventis*) только у одного, именно у неизвѣстнаго Зальбуржца, или Каринтійца, на котораго Шафарикъ и ссылается, и потомъ изъ позднѣйшихъ источниковъ—въ легендѣ о св. Людмилѣ. Во всѣхъ же другихъ свидѣтельствахъ (а всѣхъ ихъ изъ одной древнѣйшей эпохи—отъ IX до XII в.—проф. Бодянской насчитываетъ до 22) какъ латинскихъ, такъ равно и греческихъ и славянскихъ, изобрѣтенное Кирилломъ письмо называется, или, — какъ это въ большей части относящихся сюда случаевъ, — письмомъ *славянскимъ*, или просто письмомъ безъ всякихъ эпитетовъ, иногда письмомъ *болгарскимъ*, *хорватскимъ*, *рускимъ*, даже *готскимъ* и т. д., и разумѣется нигдѣ—глаголическимъ. Можно теперь судить, на сколько вѣрно положеніе Шафарика, будто-бы, по свидѣтельству всѣхъ источниковъ, это письмо было совершенно новое. Но станемъ на его точку зрѣнія и согласимся, что не въ одномъ и не въ двухъ, а во всѣхъ древнихъ свидѣтельствахъ кириллова азбука называется *новой*. Ужели подобное названіе мы должны бы были принимать буквально въ полномъ его объемѣ, и ужели оно давало бы намъ право заключать, что изобрѣтенныя Кирилломъ начертанія не имѣли ничего общаго, не были похожи ни на какія другія и кириллова азбука не была основана ни на какой другой, какъ напр. коптская и готская? Если это такъ, вѣдь въ такомъ случаѣ названіе *новато*, т. е. новаго въ полномъ смыслѣ этого слова, нельзя дать ни одному изъ существующихъ алфавитовъ, какъ индоевропейской, такъ и семитической семьи. Каждый изъ нихъ на чемъ-нибудь да основанъ и въ каждомъ изъ нихъ, достигшемъ хоть какого-нибудь совершенства, непременно содержится вкладъ изъ алфавитовъ, ему предшествовавшихъ — изъ одного, или нѣсколькихъ. Не приводимъ примѣровъ, потому что ихъ слишкомъ много, и въ такомъ случаѣ мы должны бы были повторить исторію образованія всѣхъ до одного алфавитовъ.

Но этого мало; названіе *новато*, понимаемое въ смыслѣ Шафарика, неприложимо и къ самому алфавиту глаголиче-

скому, а поэтому и способъ заключенія, употребляемый Шафарикомъ, будто-бы изъ названія *новыя*, непременно слѣдуетъ — алфавитъ *славянскій* не можетъ быть признанъ вѣрнымъ. Положимъ, что въ цѣломъ своемъ составѣ этотъ алфавитъ не похожъ ни на греческій, ни на латинскій, ни на еврейскій; но въ частности въ немъ есть буквы и латинскія, и греческія, и восточныхъ алфавитовъ. Самъ Шафарикъ въ разсматриваемомъ своемъ сочиненіи нѣкая глагольскія начертанія производитъ изъ азбуки финикійской и еврейско-самаританской, другія изъ греческой и латинской, нѣкая изъ древне-галльской, эеіопской и т. п. Если же взять во вниманіе прежнія его изслѣдованія¹⁾, а тѣмъ болѣе розысканія по тому же предмету другихъ ученыхъ; то откроется, что въ сущности мы не имѣемъ права называть новымъ почти ни одного глагольскаго начертанія, потому что, судя по упомянутымъ изслѣдованіямъ, каждое изъ нихъ взято изъ алфавитовъ или восточныхъ, или европейскихъ, или изъ стверныхъ рунъ. Въ особенности, при вопросѣ о степени новосты и самобытности глагольскихъ начертаній нельзя не вспомнить о многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ глаголитская азбука производится именно изъ послѣдняго источника — мнѣніе, — котораго держится, какъ извѣстно, и знаменитый германскій филологъ Я. Гриммъ. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій по этому предмету не можемъ не указать на сближенія глаголическихъ начертаній съ руническими знаками, сдѣланныя Докторомъ Ганушомъ²⁾. Читая подобныя изслѣдованія,

¹⁾ См. Собр. Глаг. Памят.

²⁾ Zur slavischen Runen-Frage mit besonderer Rücksicht auf die obotritischen Runen-Akerthümer sowie auf die Glagolica und Cyrillica. См. Archiv für Oesterreich. Geschichts-Quell. Band XVIII. I. 1857. Въ глагольскія и нѣкоторыя изъ кирилловскія начертанія Ганушъ объясняетъ изъ оботритскихъ и отчасти пальмирскихъ рунъ, съ примѣненіемъ ихъ къ алфавиту семитическому. Многія изъ этихъ объясненій очень удачны, другія нѣтъ, въ особенности, гдѣ авторъ старается объяснить глаголическія начертанія въ связи съ кирилловскими буквами, заимствованными съ дипломатическою точностію изъ греческаго алфавита. Намъ кажется, что сравнивать послѣднія (т. е. кирилловскія, взятая съ греческаго) начертанія съ семитическими или древне-греческими, а тѣмъ болѣе съ руническими — трудъ совершенно напрасный: источникъ этихъ начертаній очевиденъ — т. е. современная Кириллу греческая азбука. Ганушъ думалъ, что какъ Глаголица, такъ и Кириллица дошла до насъ не въ первоначальной формѣ, а въ под-

невольно приходишь къ мысли, что въ глаголическихъ начертаніяхъ, а равно и въ названіяхъ ихъ (на что такъ же сплѣно наставляетъ Шафарикъ) очень не много новаго, по крайней мѣрѣ не многимъ чѣмъ больше, какъ и въ азбукѣ кирилловской. Положимъ въ изслѣдованіи Гануша, какъ и въ трудахъ его предшественниковъ много объясненій произвольныхъ, натяжекъ, невѣрностей; но нельзя же сказать, чтобы въ нихъ было все положительно—ложно и нисколько не приложимо къ объясненію глагольской азбуки. Если же ученымъ доселѣ не удалось придти въ этомъ отношеніи къ положительно-вѣрнымъ и удовлетворительнымъ результатамъ, и Глаголица доселѣ пользуется репутаціей и названіемъ *загадочнаго письма не похожаго ни на одно изъ существующихъ алфавитовъ*; то это показываетъ только несовершенство сдѣланныхъ объ этомъ розысканій, а отнюдь не то, чтобы она была дѣйствительно азбукою въ полномъ смыслѣ новою, самобытною, неизмѣною ничего общаго съ другими. Согласиться съ подобною мыслию, значило бы войти въ про-

вѣйшей. Но въ отношеніи къ Кириллицѣ этого нельзя ничѣмъ доказать. Напротивъ, судя по тому рѣшительному сходству, какое имѣютъ кирилловскія буквы (въ древн. рук.) съ греческими буквами VIII—IX в. мы имѣемъ право заключать, что древне-кирилловскія рукописи представляютъ намъ Кириллицу въ томъ самомъ видѣ, какой она имѣла при самомъ ея изобрѣтеніи. Вотъ почему обличеніе Глаголицы съ какою бы то ни было алфавитомъ должно происходить отдаленно отъ Кириллицы, за исключеніемъ разумеется тѣхъ случаевъ, гдѣ въ обихъ азбукахъ начертанія одни и тѣже. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ общаго источника для той и другой азбуки искать было бы странно. Гораздо интереснѣе въ изслѣдованіи Гануша сравненіе названій славянскихъ буквъ съ названіями руны и древнихъ готскихъ и англо-саксонскихъ буквъ—вопросъ, который доселѣ не былъ подвергнутъ почти никакому изслѣдованію. Тѣхъ слав. названій, въ которыхъ Ганушъ находитъ сходство съ названіемъ буквъ упомянутыхъ трехъ алфавитовъ—14. Общій результатъ, къ какому онъ въ этомъ отношеніи приходитъ, слѣдующій: «Имена слав. буквъ—большее частію одного происхожденія съ именами сѣверныхъ и другихъ руны и съ именами готскихъ буквъ, такъ что Глаголицу и Кириллицу въ этомъ отношеніи можно разсматривать какъ моментъ обще-европейскаго процесса въ происхожденіи алфавитовъ въ первую эпоху христіанства Европы». На Кирилла Ганушъ смотритъ не какъ на изобрѣтателя, а какъ на одного изъ образователей и распространителей слав. алфавита, который былъ результатомъ развитія, можетъ быть, цѣлыхъ столѣтій. Въ извѣстномъ отношеніи это разумеется вѣрно, т. е. когда возьмемъ во вниманіе, что Славяне писали греч. буквами еще прежде Кирилла, и что послѣ него его алфавитъ подвергся исправленіямъ.

творѣчіе съ исторіей образованія всѣхъ существующихъ алфавитовъ. потому что всѣ они, какъ уже замѣчено было выше, какъ по начертаніямъ, такъ и по именамъ ихъ, находятся другъ съ другомъ во взаимномъ сродствѣ. «Начертанія и имена ихъ, говоритъ Я. Гриммъ, въ алфавитахъ еврейскомъ, греческомъ, руническомъ, славянскомъ, ирійскомъ частію заимствованы ими другъ у друга, частію измѣнены только въ своей формѣ». Естественно ли думать послѣ этого, чтобы одинъ алфавитъ глаголическій составлялъ собою исключеніе изъ общаго правила? Прибавимъ къ сказанному о происхожденіи глаголическихъ начертаній, что признающіе старшинство Кириллицы передъ Глаголицей, имѣютъ полное право нѣсколько знаковъ послѣдней общихъ у нея съ первою, — считать заимствованными изъ алфавита кирилловскаго. Что же послѣ всего этого остается у Глаголицы новаго, собственнаго, не заимствованнаго ни откуда, а принадлежащаго уму и воображенію перваго или первыхъ ея составителей? Нѣсколько отдѣльныхъ начертаній?... Но этого нельзя отнять и у Кириллицы, а слѣд. и нельзя не признать (съ точки зрѣнія современниковъ) ни за нею самою названія новой азбуки, ни за составителемъ ея титла изобрѣтателя.

И такъ, послѣ всего сказаннаго и при множествѣ историческихъ и палеографическихъ данныхъ въ пользу общепринятаго мнѣнія объ изобрѣтеніи Кирилломъ Кириллицы, равно какъ и при отсутствіи въ источникахъ даже намекъ на изобрѣтеніе имъ Глаголицы, — не въ правѣ ли мы названіе *новый*, какое дѣйствительно въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ придается изобрѣтенному Кирилломъ алфавиту, понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ доселѣ принимаемо было это слово и въ какомъ оно употребляется въ большей части случаевъ? Въдъ сочиненіе мы называемъ *новымъ*, даже если оно въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, а представляетъ компиляцію изъ другихъ? Мнѣніе мы называемъ *новымъ*, даже если оно имѣетъ самую длинную родословную? Такъ по нашему мнѣнію должно понимать и приведенное Шафарикомъ выраженіе Зальбуржца: *noviter inventis literis*. Фраза—вновь изобрѣтенныя письмена—здѣсь значить: письмена вновь приѣзженныя, приспособленныя къ славянскому языку, или еще

вѣрите—съ точки зрѣнія Зальбуржца— письма вновѣ, недавно введенныя въ употребленіе, распространенныя, примѣненныя къ богослуженію вмѣсто прежде употреблявшихся Славянами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, латинскихъ буквъ. Тоже самое означаетъ фраза — *новыя письма*, употребленная, относительно кирилловской азбуки, сочинителемъ латинской легенды о Людмилѣ, и перешедшая отсель буквально въ нѣкоторые другіе позднѣйшіе источники. Въ отношеніи къ свидѣтельству Зальбуржца—единственному изъ современныхъ, гдѣ какъ-будто есть указаніе на *новость* кирилловой азбуки, замѣтимъ въ добавокъ, что оно принадлежитъ къ числу свидѣтельствъ самыхъ неточныхъ, неопредѣленныхъ: Зальбуржець, не смотря на то, что былъ современникомъ Кирилла и Меѳодія, даже не зналъ, кто именно изъ братьевъ составилъ явившуюся въ Панноніи славянскую азбуку, и изобрѣтателемъ ее считали не Кирилла, а брата его Меѳодія. Ясно отсюда, какъ обстоятельно зналъ дѣло этотъ свидѣтель и можно ли придавать значеніе въ его свидѣтельствѣ каждому отдельному слову. Соображая мѣстопробываніе Зальбуржца, цѣль его сочиненія и свѣдѣнія его о лицѣ изобрѣтателя славянскаго алфавита, можно думать, что онъ не видалъ даже ни одной буквы его. Да ему и не нужно было это. Для него важно было не изобрѣтеніе слав. письменъ, а примѣненіе ихъ къ введенному въ Панноніи славянскому богослуженію вмѣсто латинскаго, а главное то, что вслѣдствіе этого обстоятельства паннонская архіепископія отошла отъ зальбуржской метрополіи въ непосредственное вѣдѣніе папскаго престола, противъ чего онъ и протестовалъ въ своемъ сочиненіи, имѣвшемъ кажется значеніе оффиціальнаго протеста къ папѣ или къ баварскому королю.

Не будемъ разбирать другихъ выраженій приводимыхъ Шафарикомъ изъ источниковъ въ пользу его мысли о новости и самобытномъ происхожденіи кирилловскихъ начертаній. Это было бы слишкомъ непріятно даже, потому что подобныя напр. фразы приводимыя Шафарикомъ изъ Паннонскихъ житій—*въскорь же сему Божь яви, его же (письменъ) небѣ испрѣва было*¹⁾, или выраженіе *изобрѣлъ* (собств. нашолъ)

¹⁾ Сл. прил. къ § 2.

въ буллѣ папы Іоанна VIII, не доказываютъ ровно ничего. Но мы не имѣемъ права пройти молчаніемъ свидѣтельство, которое Шафарикъ беретъ изъ славянскаго похвальнаго слова Кириллу и Меѳодію, т. е. *не на тужемъ основании свое дѣло полагающа, нъ изнова писмена ввображыша...* Нельзя не согласиться, что это свидѣтельство какъ-будто дѣйствительно говоритъ въ пользу мысли Шафарика объ отсутствіи въ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ всякихъ постороннихъ элементовъ, чему видимъ совершенно противное въ греко-славянскомъ алфавитѣ съ перваго же взгляда. Авторъ похв. слова какъ будто даже намѣренно употребилъ приведенную фразу, имѣя въ виду отстранить всякое недоразумѣніе, могущее явиться у потомства относительно характера изобрѣтеннаго Кирилломъ письма, и поэтому замѣтилъ, что это письмо образовано не на постороннемъ основаніи, т. е. не на греческомъ, латинскомъ, или еврейскомъ алфавитѣ, а изобрѣтено, начертано вновь—*изнову*. Далѣе, приведенное свидѣтельство, по древности и происхожденію памятника, изъ котораго заимствовано, повидимому, должно имѣть огромный вѣсъ, потому что упомянутое похвальное слово, въ которомъ оно находится, по общепринятому мнѣнію ¹⁾, признается произведеніемъ Климента, епископа Величскаго; а Климентъ, какъ современникъ славянскихъ апостоловъ и ученикъ ихъ, не могъ же не знать, или ошибиться въ обозначеніи характера составленной Кирилломъ славянской азбуки. Понятно теперь, почему Шафарикъ, доказывая свою мысль о новостѣ и самобытности кирилловскихъ буквъ, преимущественно основывается на свидѣствѣ похвальнаго слова, замѣчая при этомъ, что «яснѣе, опредѣленнѣе и рѣшительнѣе этого свидѣтельства ничего не можетъ быть.» Все это налагаетъ на насъ обязанность приводимый Шафарикомъ доводъ разобрать подробно и рассмотреть какъ самое свидѣтельство—въ его связи съ предыдущимъ и слѣдующимъ, такъ и памятникъ, въ которомъ оно заключается, тѣмъ больше, что онъ доселѣ не только не изданъ, но и достаточно не изслѣдованъ.

¹⁾ Г. Ундольскаго, Шаф., Бол., иреосв. Филар., Палаузови и проч.

Похвальное слово Кириллу и Меѳодію сдѣлалось извѣстнымъ недавно, именно въ 1848 г. Оно открыто извѣстнымъ знатокомъ нашей древней славянской письменности В. М. Ундольскимъ, и въ напечатанномъ имъ тогда спискѣ открытыхъ имъ же словъ и житій Климента, неизвѣстно по какимъ причинамъ, причислено къ его твореніямъ ¹⁾. Тоже самое было сдѣлано и Шафарикомъ въ его статьѣ: «Разцвѣтъ слав. письменности» ²⁾. Въ послѣдствіи другими изслѣдователями славянской старины въ пользу принадлежности этого слова Клименту представлены были нѣкоторыя, хоть и не вполне рѣшительныя основанія и соображенія, и оно окончательно было признано въ наукѣ сочиненіемъ Климента, а слѣд. памятникомъ, современнымъ эпохѣ славянскихъ апостоловъ. Вотъ почему Шафарикъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, при исчисленіи источниковъ исторіи Кирилла и Меѳодія, не только «похвалу Кириллу учителю словенску», но и похвальное слово обоимъ славянскимъ апостоламъ причисляетъ къ памятникамъ IX вѣка. (§ 5). Съ такимъ взглядомъ на происхожденіе разсматриваемаго памятника и вообще съ общепринятымъ о немъ мнѣніемъ согласиться однакожь очень трудно. Такъ прежде всего принадлежность Клименту похвальнаго слова обоимъ славянскимъ апостоламъ очень сомнительна, потому что во 1-хъ, тогда какъ похвала одному Кириллу приписывается Клименту въ самомъ заглавіи, похвальное слово обоимъ братьямъ по заглавію не приписывается ему ни въ одномъ спискѣ, начиная съ древнѣйшаго XIII вѣка, (Усп. соб.). Далѣе, исходя изъ той мысли, что Паннонскія житія Кирилла и Меѳодія принадлежатъ Клименту, естественно придти къ заключенію, что похвальное слово одному и тому же автору съ этими житіями приписано быть не можетъ; такъ какъ между Паннонскими житіями и похвальнымъ словомъ есть проговорчія, напр. сочинитель Паннонскихъ житій, по общепринятому мнѣнію, былъ Паннонецъ, и жилъ и писалъ въ Панноніи, а сочинитель похвальнаго слова жилъ въ странѣ

¹⁾ См. пред. къ Славяно-русс. соч. въ перг. сб. Царскаго. Чт. общ. ист. 1848 г. № 7.

²⁾ Чт. общ. *ibidem*.

Славянъ восточныхъ,—въ Болгаріи, а можетъ быть даже въ Россіи, потому что о Панноніи и Моравіи говоритъ какъ о такихъ странахъ, которыя лежатъ отъ его мѣстопребыванія на западъ ¹⁾. Еще: годъ смерти Меѳодія въ Паннонскомъ его житіи выставленъ—6393 (885), а въ разсматриваемомъ похвальномъ словѣ—во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ (въ 4-хъ) кончина Меѳодія означена 6394 (886)—мѣ годомъ. Съ другой стороны сходство въ выраженіяхъ, оборотахъ и цѣлыхъ фразахъ, дѣйствительно замѣчаемое между житіями и похвальнымъ словомъ, по нашему мнѣнію, должно вести не къ мысли о принадлежности этихъ памятниковъ одному и тому же автору и въ частности къ заключенію о принадлежности похвального слова Клименту, а къ результату совершенно противоположному; потому что это сходство простирается до такой степени, что уже не можетъ быть объясняемо одною лишь привычкою автора употреблять свои любимые слова и обороты. Напротивъ, встрѣчая въ похвальномъ словѣ не только отдѣльныя слова и выраженія, но и цѣлыя строки, перешедшія въ него изъ Паннонскихъ житій, мы имѣемъ право заключить, что авторъ похвального слова, при написаніи его, пользовался житіями какъ матеріаломъ; и даже болѣе, во время написанія слова держалъ ихъ у себя передъ глазами—выписывалъ изъ нихъ. А такой способъ сочиненія можно ли приписать одному и тому же автору, а тѣмъ болѣе Клименту, который былъ ученикомъ, постояннымъ сопутникомъ и сотрудникомъ славянскихъ апостоловъ и слѣд. зналъ жизнь ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Можно ли предполагать, чтобы онъ для восхваленія своихъ учителей въ похвальномъ словѣ сталъ пользоваться и притомъ въ такой степени посторонними, а тѣмъ болѣе своими собственными сочиненіями, и выписывать изъ нихъ цѣлыя фразы?

Послѣднее обстоятельство, т. е. отношеніе похвального слова къ Паннонскимъ житіямъ, какъ позднѣйшаго сочиненія къ матеріалу, приводитъ вмѣстѣ къ заключенію, что похваль-

¹⁾ «Ти чисто церкви и свѣтообразно жито прѣдста въ западныхъ же странахъ Паноньскѣхъ и Моравьскихъ странахъ яко солнци вссиявша и т. д. (по соб. списку XIII в.).»

ное слово источникомъ исторіи Кирилла и Меѳодія самостоятельнымъ, первостепеннымъ, содержащимъ свѣдѣнія, взятая изъ первыхъ рукъ, источникомъ, современнымъ эпохѣ, признано быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, случая это слово съ Паннонскими житіями, нельзя не убѣдиться, что оно сначала до конца основано на этихъ житіяхъ. Заключающіяся въ немъ историческія свѣдѣнія частію, какъ замѣчено было уже, замѣствованы отсюда и переданы буквально, частію въ видѣ перифраза, а всего чаще составляютъ риторическую амплификацію того, что тамъ изложено кратко. Очень можетъ быть, что авторъ слова пользовался также славянскою службою Кириллу, но эта служба въ исторической своей части также основана на Паннонскихъ житіяхъ, а поэтому въ сравненіи съ ними къ общей суммѣ свѣдѣній о славянскихъ апостолахъ, за исключеніемъ вышеуказанной разности въ показаніи года кончины Меѳодія, похвальное ихъ слово не прибавляетъ ровно ничего. Читая слово, ясно видишь, что авторъ самъ ни по собственнымъ наблюденіямъ, ни по живымъ преданіямъ ничего не зналъ о солунскихъ братьяхъ и знакомъ былъ съ ихъ жизнію только по ихъ житіямъ. А при такомъ положеніи дѣла, можно ли его признавать за современника эпохѣ, а тѣмъ болѣе приписывать разсматриваемое слово Клименту? Напротивъ скорѣе можно придти къ заключенію, что авторъ слова жилъ уже спустя долго послѣ Климента и, можетъ быть, отдѣленъ былъ отъ него цѣлымъ столѣтіемъ, — а можетъ быть и болѣе, вообще жилъ тогда, когда даже для изображенія общезвѣстныхъ современникамъ подвиговъ слав. апостоловъ нужно было прибѣгать къ письменнымъ источникамъ и когда преданія о нихъ приняли уже смутный видъ. Отъ того въ похвальномъ словѣ много историческихъ промаховъ, неточностей, напр. самое изобрѣтеніе славянскихъ письменъ, авторъ приписываетъ не одному Кириллу, но обоимъ братьямъ вмѣстѣ, а равно и вообще многіе подвиги, принадлежащіе славянскимъ апостоламъ отдѣльно, приписываетъ обоимъ имъ вмѣстѣ. или представляетъ въ преувеличенномъ видѣ.

Чтобы отказаться отъ пріятной увѣренности въ принадлежность разсматриваемаго похвальнаго слова совре-

менику слав. апостоловъ, а тѣмъ болѣе человѣку, близко знавшему ихъ, каковъ былъ Климентъ, стоитъ только сравнить этотъ памятникъ съ какимъ либо однороднымъ съ нимъ памятникомъ, который дѣйствительно писанъ современникомъ, напр. хоть съ славянскимъ же похвальнымъ словомъ московскому митрополиту Кипріану, писаннымъ Григоріемъ Цамблакомъ. Какаѣ огромная разница! Въ послѣднемъ мы слышимъ голосъ современника, который лично зналъ восхваляемаго имъ героя и говорилъ лично же знавшимъ его слушателямъ; въ первомъ напротивъ скорѣ слышенъ голосъ отдаленнаго потомка, который съ восхваляемыми имъ лицами былъ знакомъ по письменнымъ памятникамъ, а слушатели его не имѣли свѣдѣній даже о славнѣйшихъ подвигахъ солунскихъ братьевъ. Отъ этого, въ похвальномъ словѣ Кипріану вмѣсто общаго обзорія его жизни, которая и безъ того была извѣстна слушателямъ слова, находимъ его характеристику и потомъ драгоценныя частныя біографическія замѣтки; напротивъ въ похвальномъ словѣ Кириллу и Меѳодію вмѣсто частныхъ историческихъ указаній находимъ обзоріе главнѣйшихъ фактовъ ихъ жизни, вмѣсто живой характеристики общія мѣста, вмѣсто подробнаго развитія самыхъ фактовъ — одиѣ численныя указанія, цифры ¹⁾, или изложеніе подвиговъ славянскихъ апостоловъ въ преувеличенномъ видѣ — гиперболическія сравненія, уподобленія!.. Напр. съ самаго начала, говоря о лингвистическихъ свѣдѣніяхъ Кирилла, проповѣдникъ приписываетъ ему апостольскій даръ языковъ, а говоря о Меѳодіѣ въ санѣ вельможи, сравниваетъ его съ Соломономъ, Самсономъ, Гедеономъ и т. д.; говоря объ апостольскихъ подвигахъ обоихъ солунскихъ братьевъ, сравниваетъ ихъ съ Моисеемъ и Аарономъ и потомъ съ Авраамомъ, ставя впрочемъ ихъ выше послѣдняго, потому что Авраамъ пропо-

¹⁾ Замѣчательно, что въ похвальное слово перешли всѣ почти численныя указанія, находящіяся въ Панин. житіяхъ и притомъ, съ исключеніемъ года кончины Меѳодія, точно въ томъ же видѣ. Къ чему эти численныя указанія въ словѣ, если бы оно было писано дѣйствительно современникомъ? За чѣмъ напр. указаніе года кончины Меѳодія, если проповѣдникъ говорилъ слово такимъ слушателямъ (по мнѣнію Шаф. въ IX в.), которые знали его лично и у которыхъ годъ его кончины сохранился въ живой памяти?

вѣдывалъ вѣру своему племени, а Кирилль и Меѳодій просвѣтили вѣрою народъ чужой (сл. слав. службу Кипр. и обоимъ слав. ап.), и притомъ народъ, стоявшій такъ низко, что онъ не умѣлъ отличить правой руки отъ лѣвой. вмѣстѣ съ этимъ постоянно повторяется, что Кирилль и Меѳодій съ своею проповѣдію, подобно апостоламъ, обошли весь міръ, всю вселенную, были и на востокѣ, и на западѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ, боролись со всѣми еретиками, перевели на славянскій языкъ весь церковный законъ и проч. и проч. Вообще, ultra—риторическій характеръ слова ясенъ съ перваго же взгляда: сейчасъ видно, что ораторъ, не зная дѣйствительныхъ фактовъ, или зная ихъ только въ общемъ очеркѣ, хотѣлъ восхваляемымъ имъ подвижникамъ, дѣйствительно совершившимъ великое дѣло, приписать всѣ возможные добродѣтели, всѣ возможные совершенства. И вотъ изъ какого памятника взялъ Шафарикъ приводимое имъ свидѣтельство, которое признаетъ не только яснымъ, но даже точнымъ и рѣшительнымъ!

Все, сказанное нами о похвальномъ словѣ а равно и объ отношеніи его къ Паннонскимъ житіямъ Кирилла и Меѳодія, разумѣется, не трудно было бы подтвердить выписками изъ самыхъ памятниковъ; но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы войти въ мелочныя критическія розысканія. Итакъ избавляя отъ нихъ читателей, которые, если угодно, могутъ проверить наши выводы по самымъ памятникамъ,—имѣющимъ скоро выйти въ свѣтъ, благодаря неутомимымъ трудамъ, по изданію остатковъ древней славянской письменности, проф. Бодянского,—поспѣшимъ установить на разсматриваемое свидѣтельство собственную, по нашему мнѣнію болѣе вѣрную, точку зрѣнія. Если это свидѣтельство находится въ памятникѣ позднѣйшемъ, а не современномъ эпохѣ, если авторъ этого памятника самъ не имѣлъ свѣдѣній о сообщаемыхъ имъ фактахъ, а основывался на письменныхъ источникахъ, и притомъ преувеличивалъ ихъ показанія, наконецъ если въ словѣ много историческихъ неточностей, промаховъ, выражений гиперболическихъ, то понимать находящіяся въ приведенномъ Шафарикомъ свидѣтельствѣ показанія съ буквальною точностію, придавать вѣсь каждому взятому изъ него слову, каждому выраженію, вообще давать ему значеніе

извѣстія, принадлежащаго современнику, очевидцу, близко знакомому съ дѣломъ. — изслѣдователь не имѣетъ никакого права. Какъ мы видѣли, ни тотъ ни другой, ни третій атрибутъ свидѣтельства не выдерживаютъ критики. Далѣе, если похвальное слово въ своихъ историческихъ показаніяхъ сначала до конца основано на Панионскихъ житіяхъ, то разъясненія и настоящаго смысла разныхъ встрѣчающихся въ немъ неточныхъ и преувеличенныхъ показаній, а слѣд. и показанія о характерѣ устроенной Кирилломъ азбуки, мы должны искать въ источникѣ изъ котораго заимствованы эти показанія, т. е. въ Панионскихъ житіяхъ. Въ послѣднихъ же, какъ извѣстно, объ отношеніи изобрѣтенныхъ Кирилломъ начертаній къ какимъ бы то ни было другимъ, не говорится ничего. Съ другой стороны извѣстіе похвальнаго слова о новости кирилловскихъ письменъ, какъ мы видѣли, не находитъ подтвержденія въ другихъ относящихся сюда свидѣтельствахъ. Вотъ почему мы имѣемъ право заключить, что приводимая Шафарикомъ фраза — *не на туземъ основани*... имѣетъ свой источникъ не въ дѣйствительности, а въ фантазій оратора и должна быть объясняема не чѣмъ либо другимъ, какъ общимъ характеромъ слова, изукрашеннаго, какъ мы видѣли, всѣми возможными атрибутами восточнаго витійства, а слѣд. при рѣшеніи вопроса о характерѣ изобрѣтеннаго Кирилломъ письма быть принята во вниманіе не можетъ.

Послѣднее заключеніе оказывается вѣрнымъ, если мы взглянемъ на дѣло съ другой стороны, именно со стороны дѣйствительнаго отношенія первой половины приведеннаго Шафарикомъ свидѣтельства къ разсматриваемому вопросу. Мы хотимъ сказать, что самая мысль, будто бы фраза — *не на туземъ основани свое дѣло полагающа* — относится именно къ способу изобрѣтенія Кирилломъ письменъ, а не къ чему-либо другому, очень сомнительна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прочтемъ разсматриваемое свидѣтельство въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, а не въ отрывочномъ видѣ, какъ оно приведено у Шафарика. Продолжая восхвалять подвиги Кирилла и Меѳодія въ обращеніи Славянъ, проповѣдникъ говоритъ: «...Бесквѣрнѣи и мирнѣи Христовнѣи слоужбѣ слоужѣ и проповѣдателя явнстася, апостоломъ соупроужьника, на то же дѣло избрана

крѣсть съмыслно на рамоу своєю въспринѣша, всю вселенную обидоста, исплняяща оученнемъ та мѣста, въ нихъ они не постояша (т. е. въ которыхъ они — апостолы не были) ли оудѣженнемъ поуту, ли за оумноженне ихъ странъ ближнихъ, въ нихъ же рашѣдшеся, яко лоуча солнечныя свѣтъмъ богоразоумнымъ просвѣтиша весь миръ. По тѣмъ же стопамъ и си ходяща (т. е. по стопамъ апостоловъ) и того же духа напоена отъ бога, томоуже словеси быста проповѣдника и новая апостола, *не на тоужемъ основаниі свое дѣло полагающа: нѣ изнова писемна възображѣша и свѣршиста въ языкѣ новъ; послѣ же въсиявъша яко оутрѣная звѣзда отъ слнца свѣтъ приемлющи свѣтлѣйши встѣхъ являетсяя и якоже паяти и дѣлатели въ виноградъ понесѣше и тяготу дне и варъ съ пришедшими 11 часъ равнѣмъ (т. е. съ апостолами) съподоблени быша мзѣдѣ божии благодати, тако извольши въ послѣднии вѣкъ тому же дѣлоу явити сия новая проповѣдника и свѣтильника всеи вселенѣи, яже подвигомъ добрымъ и вѣрою крѣпко препоясавъша чрѣсла своя, проидоста, яко солнце тьмная мѣста стопами своими, просвѣщающа всякоу мглоу поганьскоую, духовнымъ огнемъ попадающа и еретичьскоую, непощающа душа своя ни пощающа телесе своего, нѣ въсьгда готови суца за правоую вѣроу сластно испити Христовоу чашу...»¹⁾ и т. д.*

Теперь, чтобы правильно понять и объяснить значеніе словъ — *не на тоужемъ основаниі...*, по нашему мнѣнію, нужно рѣшить вопросъ, что разумѣть проповѣдникъ подъ словами *свое дѣло*, т. е. какое дѣло, какой именно подвигъ въ дѣятельности славянскихъ апостоловъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Шафарикъ и всѣ, раздѣляющіе его мнѣніе, безъ сомнѣнія скажутъ, что здѣсь — подъ словомъ *дѣло* нужно разумѣть дѣло изобрѣтенія письменъ. Такъ это дѣйствительно и представляется, если разсматриваемую фразу читать въ томъ видѣ, какъ она приведена у Шафарика, — т. е. внѣ связи съ предыдущимъ. Но не думаемъ, чтобы можно было такъ понимать эту фразу, если разсматривать ее въ связи съ предыдущимъ, и вообще если чи-

¹⁾ Бмпискиное нами мѣсто изъ похв. слова приведено по древнѣйшему его списку (XIII в.) принадлежащему Моск. Усп. собору. Привосимъ нашу благодарность В. М. Ундольскому за доставленіе намъ копій съ этого списка.

тать разсматриваемое свидѣтельство въ томъ видѣ, какъ оно приведено нами. Напротивъ, соображая предыдущее и послѣдующее, естественно придешь къ заключенію, что проповѣдникъ здѣсь разумѣтъ не *дѣло* изобрѣтенія письменъ, а вообще дѣло проповѣди, дѣло обращенія Славянъ въ христіанство, дѣло апостольскаго служенія Кирилла и Меѳодія; потому что всякій согласится, что въ цѣломъ приведенномъ нами отрывкѣ говорится именно объ этомъ, а не о другомъ о чемъ, о составленіи же слав. апостолами азбуки сказано лишь случайно, мимоходомъ.—Съ другой стороны въ пользу нами сдѣланнаго объясненія говоритъ и то, что это *дѣло* въ приведенной Шафарикомъ фразѣ приписывается обоимъ братьямъ, а составленіе слав. азбуки, принадлежало, какъ извѣстно, одному Кириллу. Положимъ, что въ такомъ случаѣ въ словахъ проповѣдника — не на тужемъ основаніи — будетъ новая историческая неточность, такъ какъ христіанство было у Славянъ и прежде Кирилла и Меѳодія; но мы должны помнить, что читаемъ похвальное слово, а не историческое изслѣдованіе и притомъ слово, въ которомъ сильно преобладаетъ элементъ риторическій, а отъ такого памятника исторической точности ожидать нельзя. Притомъ же отрицая въ дѣлѣ обращенія Славянъ участіе другихъ проповѣдниковъ, сочинитель слова, кажется, имѣлъ въ виду то выше объясненное имъ обстоятельство, что въ странахъ, гдѣ проповѣдывали Кириллъ и Меѳодій, ни однимъ изъ 12-ти апостоловъ евангеліе проповѣдано не было и слѣд. ими не положено было здѣсь даже основанія того дѣла, которое совершили солунскіе братья, вполне заслужившіе названіе новыхъ апостоловъ.

Итакъ что же остается въ пользу мысли Шафарика въ разсматриваемомъ свидѣтельствѣ, если фразу — не на *тужемъ основаніи* мы отнесемъ, не къ послѣдующему, гдѣ говорится о составленіи славянской азбуки, а къ предыдущему, гдѣ говорится объ обращеніи Славянъ въ христіанство и вообще станемъ понимать эту фразу сообразно съ смысломъ и главнымъ содержаніемъ цѣлаго отрывка? Одно выраженіе: *изнова?*... Но объ настоящемъ значеніи этого выраженія въ памятникахъ нами уже было очень много говорено выше. Поэтому, не считая нужнымъ повторять вышесказаннаго, замѣ-

тимъ только, что выраженіе — *изнова*, находящееся въ разсматриваемомъ свидѣтельствѣ, сообразно съ общимъ характеромъ памятника, нужно понимать какъ одно изъ чисто-риторическихъ упражненій, которыхъ такъ много разсыяно въ словѣ.

Сообразивши все сказанное нами по поводу разсмотрѣннаго свидѣтельства, а равно и памятника, въ которомъ оно находится, естественно придти къ заключенію, что Шафарикъ, думая основать мысль свою о новости и самобытности происхожденія изобрѣтенныхъ Кирилломъ начертаній главнымъ образомъ на этомъ свидѣтельствѣ, кажется, не имѣлъ подъ руками похвальнаго слова въ полномъ видѣ¹⁾, а читалъ только отрывки изъ него, помѣщенные въ сочиненіи г. Бодянскаго «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», которое и цитуетъ въ своемъ изслѣдованіи. Иначе трудно понять, какимъ образомъ знаменитый славянистъ, съ его всегда вѣрнымъ критическимъ тактомъ, могъ рѣшиться придать этому свидѣтельству такой огромный вѣсъ и объяснить его въ свою пользу.

Намъ однакожь могутъ возразить: положимъ названіе *новина*, которое въ нѣкоторыхъ памятникахъ дѣйствительно усвоится изобрѣтенному св. Кирилломъ алфавиту, не дастъ изслѣдователю права разумѣть подъ этимъ алфавитомъ алфавитъ глаголическій; но съ другой стороны въ этихъ свидѣтельствахъ такъ же не говорится прямо и ясно, чтобы этотъ алфавитъ былъ алфавитъ греко-славянскій, т. е. тотъ, который мы обыкновенно называемъ кирилловскимъ, а слѣд. и вопросъ: какая именно азбука изобрѣтена Кирилломъ, — долженъ быть рѣшенъ на другихъ основаніяхъ. Все это какъ нельзя больше справедливо: дѣйствительно все почти свидѣтельства, въ которыхъ говорится объ изобрѣтеніи Кирилломъ славянской азбуки большею частію неопредѣленны и неточны, и это по очень простой причинѣ: люди, которымъ принадлежатъ эти свидѣтельства, и въ особенности современники, писали о дѣлѣ общезвѣстномъ, и потому распространяться объ отъличитель-

¹⁾ Списки похв. слова главнымъ образомъ находятся въ нашихъ бібліотекахъ.

ныхъ признакахъ изобрѣтенной Кирилломъ азбуки, считали излишнимъ. Отъ того-то, если основываться на этихъ свидѣтельствахъ, и въ частности на названіяхъ, которыя усвояются въ нихъ составленной Кирилломъ азбукѣ, особенно гдѣ она называется просто письмомъ, безъ всякихъ эпитетовъ; то изобрѣтателю Кириллицы можно приписать какую угодно азбуку, напр. хоть армянскую, грузинскую, или еще лучше готскую, потому что Силетскій соборъ (925 г.) изобрѣтенныя Кирилломъ письма называетъ именнo готскими. Справедливо также и то, что рѣшеніе разсматриваемаго вопроса должно искать не въ современныхъ свидѣтельствахъ напр. хоть папы Іоанна VIII, гдѣ говорится объ этомъ прямо, а въ историческихъ указаніяхъ непрямыхъ, въ соображеніяхъ посредствующихъ. Но въ томъ то и дѣло, что эти посредствующія соображенія рѣшаютъ дѣло въ пользу Кириллицы, а не въ пользу Глаголицы. Приводить и развивать ихъ здѣсь было бы не у мѣста, хоть взглянуть на вопросъ съ указанной точки зрѣнія было бы и любопытно въ высшей степени. Притомъ же нѣкоторыя изъ этихъ соображеній мы надѣемся разсмотрѣть далѣе, при разборѣ частныхъ соображеній Шафарика объ изобрѣтеніи Кирилломъ Глаголицы. Теперь же замѣтимъ, что изслѣдователю, который защищаетъ общепринятое мнѣніе объ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ, въ историческихъ данныхъ и соображеніяхъ посредствующихъ—непрямыхъ даже нѣтъ никакой нужды: для этой цѣли у насъ есть прямое и ясное свидѣтельство, которое какъ-будто нарочно оставлено намъ древностію, чтобы не дать слишкомъ развиться спорному вопросу; читатели угадали конечно, что мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ извѣстное сказаніе о письменахъ, принадлежащее черноризцу Храбру. Приводимъ его, чтобы окончательно рѣшить вопросъ, совершенно неожиданно вновь сдѣлавшійся спорнымъ. .. «Человѣколюбець Богъ, стройй вся и не оставляяя чловѣча рода безъ разоума, но вся къ разоумоу приводяи и къ спасенію помиловавъ родъ словѣньскъ, посла имъ святаго Константина философа, нарицаемаго Кирилла, мужа правдына и истиньна. И сынъ сътвори имъ 30 письменъ и 8, *два оубо по чиноу грѣчьскыхъ письменъ, два же по словѣньстѣй рѣчи.* (Отъ прѣваго же наченъ по грѣчьскоу: они оубо алфа, а съи

азь, отъ аза начять обое. И якоже они подобьшеся жи-
довскимъ писменемъ сътвориша, тако и сѣи грѣцкимъ....)

Се же суть словѣнская писмена, яже подобна суть грѣцкимъ писменемъ: а, в, г, д, (исчисляются начертанія (24), взятая Кирилломъ изъ греческой азбуки), а четырнадцатъ по словѣнску языку сѣи суть: б, ж, и т. д. (исчисляются буквы, изобрѣтенныя самимъ Кирилломъ для звуковъ, несуществующихъ въ греческомъ)....

Сказавши далѣе о прибавленіи Греками къ 24-мъ буквамъ своей азбуки двогласныхъ и численныхъ знаковъ, вслѣдствіе чего полное число греческихъ начертаній достигло цифры 38, Храбръ замѣчаетъ: *тѣмъ же тому подобно и въ тѣжде образѣ сътвори* святой Кириллъ 3 и 8 писменъ, т. е. и Кириллъ подобно Грекамъ помѣстилъ въ своей азбукѣ нѣкоторыя буквы собственно для численнаго употребленія¹⁾, отъ чего и вышло всѣхъ 38 буквъ.

Последнее замѣчаніе Храбра направлено противъ упрековъ Кириллу со стороны современниковъ, почему онъ изобрѣлъ 38 буквъ, а не менѣе, какъ это было у Грековъ, у которыхъ собственно 24 буквы. За тѣмъ Храбръ защищаетъ Кирилла противъ мнѣнія *треязычниковъ*, будто бы христіанское богослуженіе должно быть совершаемо только на трехъ языкахъ и по этому поводу говорить объ образованіи языковъ вообще и въ частности о постепенномъ образованіи греческой азбуки, на основаніи финикійской. Здѣсь Храбръ подробно распространяется о томъ, что греческая азбука составлена нѣсколькими лицами и въ теченіе многихъ лѣтъ, а священное писаніе переведено на греческій языкъ 70 переводчиками, и этимъ обстоятельствомъ пользуется, чтобы выставить на видъ заслуги и преимущества Кирилла. «Словѣномъ, говоритъ онъ, единъ святой Константинъ, нарицаемый Кириллъ, и писмена

¹⁾ Кириллъ взялъ изъ греч. азбуки численные знаки, не имѣющіе тамъ никакого другаго значенія и употребленія, для цифръ: 6, 90 и 900. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ Храбръ называетъ именно эти знаки, изъ которыхъ два послѣдніе на слав. въ послѣдствіи замѣнены буквами ѣ и ч. Но кромѣ этихъ численныхъ знаковъ, Кириллъ взялъ для той же цѣли изъ греч. азбуки нѣсколько начертаній (именно для цифръ: 8, 9, 6, 400, 700, 800), имѣющихъ тамъ, кромѣ численнаго употребленія, также значеніе звуковое. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ, Храбръ очевидно разумѣетъ какъ тѣ, такъ и другіе знаки.

нынѣ сѣтвори и кнѣпгы прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ; они же Еллини многи многыми лѣты—7 ихъ (изобрѣтателей греч. алфавита) письменна оустроиша, а 70 прѣложение (т. е. перевело сваящ. писаніе). Тѣмъ же словѣнская письменна святѣйша суть и чыстѣйша, святѣ бо мужъ сѣтворилъ я есть, а грѣцка Еллини погани». Далѣе у Храбра идетъ рѣчь объ измѣненіяхъ въ славянскомъ алфавитѣ, сдѣланныхъ послѣ Кирилла, именно тутъ слѣдуетъ то мѣсто, о которомъ мы говорили выше.

Что можетъ быть,—скажемъ теперь въ свою очередь и мы подобно Шафарыку, —яснѣе, опредѣлите и рѣшительнѣе этого свидѣтельства въ пользу общепринятаго мнѣнія объ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ? Храбръ былъ современникомъ учениковъ Кирилла и Меѡодія. потому что, по собственнымъ словамъ его, въ его время были еще живы тѣ, которые видѣли славянскихъ апостоловъ, и слѣд. онъ могъ хорошо знать тотъ способъ и тѣ средства, которыми пользовался Кириллъ при устройствѣ слав. азбуки, что, разумѣется, даетъ его свидѣтельству огромный вѣсъ. Съ другой стороны разсказъ Храбра совершенно ясенъ, точенъ, чуждъ всякихъ двусмысленностей, преувеличеній и проч., и ошибиться въ настоящемъ значеніи показаній Храбра, равно какъ и дать имъ какое-либо другое объясненіе, казалось, бы невозможно. Ясно, что Храбръ говоритъ о происхожденіи и устройствѣ славянскихъ буквъ, т. е. начертаній, а не чего либо другаго: ясно, что по словамъ Храбра большая часть изъ этихъ начертаній заимствована изъ греческой азбуки, а не то, чтобы всѣ славянскія начертанія были придуманы, составлены вновь; ясно что, Храбръ, превознося Кирилла на счетъ его предшественниковъ, именно изобрѣтателей греческаго алфавита, хвалитъ его не за изобрѣтеніе новой азбуки, а за то, что онъ одинъ и азбуку устроилъ. Далѣе, чтобы повѣрить показанія Храбра, мы дѣлаемъ справку, вѣрно ли онъ исчисляетъ письменна, взятая Кирилломъ съ греческаго, а равно и начертанія, придуманныя имъ вновь, или взятая изъ другихъ источниковъ, — и оказывается, что исчисленіе Храбра вѣрно. Наконецъ, чтобы убѣдиться окончательно въ истиннѣ храброва показанія о томъ, что большая часть знаковъ кирилловой аз-

буки, заимствована ея изобрѣтателемъ изъ греческой азбуки— устроена *по чину и подобію греческихъ письменъ*, — мы раскрываемъ греческія рукописи половины IX вѣка и чтоже? Употреблявшіяся въ это время въ греческой графикѣ начертанія оказываются до такой степени сходными съ соответствующими имъ славянскими, какъ мы видимъ ихъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, или наоборотъ славянскія буквы до того оказываются сходными съ греческими своими оригиналами, что, не вникая въ смыслъ и содержаніе написаннаго, греческую рукопись (IX в.) можно легко принять за славянскую, и наоборотъ. Ужели и послѣ всего этого, спросимъ мы опять, есть какая-нибудь возможность приписать Кириллу не Кириллицу, а другую, какую бы то ни было азбуку, хоть напр. Глаголицу? Но однакожь разсматриваемое сочиненіе Шафарика служитъ доказательствомъ совершенно противоположнаго. Само собою разумѣется, что приведенное нами извѣстіе Храбра, какъ прямо идущее противъ мысли Шафарика, должно было въ его изслѣдованіи получить объясненіе. Это объясненіе мы дѣйствительно и находимъ.

«Возраженіе, представляемое сказаніемъ Храбра, говоритъ Шафарикъ, очень важно. Храбръ свидѣтель древній, временъ Симеона (прежде 828 г.) когда были еще живы люди, лично знавшіе Кирилла и Меѳодія, слѣд. очевидцы. Но слова Храбра нужно понимать совсѣмъ иначе. *Важно* (?) уже и то, что Троицко-лаврскій списокъ Храброва сказанія, въ которомъ (спискѣ) читается прибавка объ очевидцахъ, есть копія съ глаголическаго оригинала, вѣроятно уже очень давно зашедшаго въ Россію (см. указаніе А. В. Горскаго у Срезневскаго въ Ж. мин. проsv. 1848 г.). Притомъ же Храбръ, если мы будемъ понимать его слова правильно, утверждаетъ ясно, что 1) Константинъ при устроеніи своего *новаго* алфавита держался порядка (чинъ—ordo) греческой азбуки. 2) По словамъ Храбра, Константинъ изобрѣлъ буквы какъ для тѣхъ звуковъ, которые встрѣчаются въ греческомъ языкѣ, такъ равно и для звуковъ, составляющихъ принадлежность собственно языка славянскаго, и послѣдніе размѣстилъ по приличнымъ мѣстамъ. Выраженіе—*подобіе* нужно понимать здѣсь въ переносномъ смыслѣ и относить не къ греческимъ начертаніямъ, а къ гре-

чекимъ звукамъ. У Грековъ слово *γράμμα*, у Нѣмцевъ *der Buchstabe* употребляется вмѣсто звука, напр. буква мягкая, твердая и т. п. Такъ и на всѣхъ языкахъ. И такъ, Храбръ говоритъ здѣсь о подобіи греческихъ звуковъ. 3) Храбръ замѣчаетъ, что греческія буквы изобрѣтены язычниками, а славянскія святымъ мужемъ Кирилломъ. Это замѣчаніе очень важно, потому что оно можетъ быть отнесено единственно только къ глаголической азбукѣ, какъ состоящей изъ совершенно *новыхъ* (?) знаковъ. 4) Храбръ говоритъ, что греческій алфавитъ, состоящій всего только изъ 24-хъ буквъ (съ тремя численными знаками изъ 27), образованъ былъ въ теченіе долгаго времени, съ большимъ трудомъ и не однимъ, а нѣсколькими лицами; славянскій же алфавитъ, состоящій изъ 38 знаковъ, изобрѣтенъ въ короткое время и притомъ однимъ Кирилломъ. Еслибы послѣдній взялъ уже готовыя греческія буквы, то сравненіе было бы нелѣпостью, а похвала безсмыслиемъ» (§ 36).

Такъ объясняетъ Шафарикъ главное возраженіе противъ своего мнѣнія о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ, возраженіе, которое на самомъ дѣлѣ уничтожаетъ всѣ его доводы. Нельзя не согласиться, что это объясненіе въ высшей степени остроумно, но за то больше о немъ сказать рѣшительно нечего. Крайняя произвольность его бросается въ глаза съ перваго же взгляда, такъ что какъ то странно даже это и доказывать. Такъ прежде всего, объясненіе Шафарика противорѣчитъ идее, мысли и цѣли цѣлаго сочиненія Храбра. Послѣдній въ своемъ сказаніи вообще, равно какъ и въ разсматриваемомъ мѣстѣ въ частности, рассуждаетъ не о звукахъ греческаго и славянскаго языковъ, а о греческихъ и славянскихъ начертаніяхъ, и слѣд. словомъ *подобіе* обозначаетъ не взаимное отношеніе греческихъ звуковъ къ славянскимъ, а отношеніе другъ къ другу славянскихъ и греческихъ письменъ—начертаній, которыми выражаются эти звуки. Предположить, будто бы Храбръ имѣетъ въ виду греческіе и славянскіе звуки, а не начертанія, значило бы навязать ему слѣшкомъ отвлеченный, вовсе не свойственный эпохѣ взглядъ на предметъ: нужно представить Храбра филологомъ, по крайней мѣрѣ грамматистомъ. Да такое предположеніе и невозможно:

Храбръ какі въ отношеніи къ греческимъ, такъ и въ отношеніи къ славянскимъ письменамъ говоритъ не просто о происхожденіи, а объ образованіи, объ устроеніи ихъ. «Кириллъ устроилъ, stworилъ слав. письмена;» «Епихарій 3 письмена обрѣте;» «Симоидъ приложи двѣ письмена.» Такъ говоритъ Храбръ. Теперь замѣните въ приведенныхъ нами и подобныхъ выраженіяхъ Храбра слово: «письмена» словомъ: «звукъ», и выйдетъ несообразность. Тогда придется согласиться, что Кириллъ устроивалъ, сотворилъ, изобрѣталъ не письмена славянскія, а звуки, что, разумѣется, отъ него нисколько не зависѣло. Точно также и Кадмъ, Епихармъ, Симоидъ и проч. устроивали не греческія письмена, а звуки. Вообще при замѣнѣ въ сказаніи Храбра слова «письмена», словомъ звукъ,— это сказаніе представитъ образецъ бессмыслицы всѣхъ временъ.

Но Шафарикъ конечно имѣетъ въ виду, что Храбръ подъ словомъ письмена разумѣетъ *звуки*, собственно тамъ, гдѣ говоритъ о подобіи нѣкоторыхъ славянскихъ письменъ греческимъ, т. е. въ фразѣ: се же суть словѣнская письмена подобна суть греческимъ письменемъ... и т. д. Согласимся на это, хоть такое включеніе въ употребленіи Храбромъ слово *письмена*, а равно и въ пониманіи его собственно только въ этомъ мѣстѣ противорѣчитъ и предыдущему, и последующему, и цѣлой идее храброва сказанія. Въ такомъ случаѣ приведенную фразу мы должны перевести такъ: «вотъ славянскіе звуки, которые подобны звукамъ греческимъ: а, в, и т. д. или такъ: вотъ славянскія письмена, которыя подобны греческимъ звукамъ.» Последнее толкованіе очевидно идетъ въ пользу Шафарика; но за то если принять его, будетъ ли хоть какое нибудь соотвѣтствіе между 1-ю и 2-ю половиною приведенной фразы? И что за мысль сравнивать, уподоблять письмена одного языка звукамъ другаго, т. е. сравнивать предметы совершенно разнородные? И къ чему послужило бы такое сравненіе? Вотъ почему, если ужъ въ разсматриваемой фразѣ нужно разумѣть подъ словомъ письмена не начертанія, а звуки, то такое толкованіе нужно принять въ обонхъ случаяхъ, т. е. и въ послѣдней и въ первой половинѣ фразы. Но тогда выйдетъ новая несообразность: Храбръ

въ слѣдъ за приведенной фразой исчисляеть самыя письма, которыя подобны греческимъ письмамъ, и между ними называется около 5-ти такихъ, которыя какъ въ кирилловской азбукѣ, такъ и въ глагольской, имѣють только значеніе цифръ, вовсе не имѣя значенія звуковаго. И слѣд. усвоивши слову письма значеніе *звука*, въ обоихъ случаяхъ мы должны будемъ понять Храбра такъ, будто бы Кириллъ для соответствія 24-мъ звукамъ греческой азбуки устроилъ или изобрѣлъ въ слав. азбукѣ нѣсколько такихъ звуковъ, которые въ немъ никогда не существовали. Прибавимъ ко всему этому, что находящееся у Храбра въ разсматриваемомъ мѣстѣ исчисленіе славянскихъ писменъ сильно не благопріятствуетъ мнѣнію Шафарика и съ другой стороны: между 38-ю славянскими начертаніями Храбрь называетъ нѣсколько такихъ (*ѳ, кси, пси, юси*, и проч.), которыя составляютъ лишь принадлежность Кириллицы и никогда не существовали въ Глаголицѣ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшей ея періодъ. Это обстоятельство у Шафарика совершенно выпущено изъ виду, между тѣмъ какъ, взявши его во вниманіе, утверждать, что Храбрь въ своемъ сказаніи разумѣетъ письма глаголическія, а не кирилловскія, рѣшительно невозможно. Можно конечно противъ этого возразить, что упомянутое перечисленіе дошло до насъ не въ подлинномъ видѣ, и уже въ послѣдствіи примѣнено къ Кириллицѣ; но это еще нужно доказать. Справедливо, что исчисленіе славянскихъ буквъ въ разныхъ спискахъ Храброва сказанія представляетъ значительныя разности, что и служить доказательствомъ позднѣйшихъ измѣненій и дополненій, внесенныхъ въ текстъ первоначальной его редакціи переписчиками; но замѣчательно, что вышесчисленныя нами буквы, составляющія исключительную принадлежность Кириллицы, всѣ, или большая часть ихъ, поименованы во всѣхъ спискахъ, начиная съ древнѣйшаго (1348 г.), и даже, что особенно важно, въ списокъ Троицкомъ, снятомъ съ глагольскаго оригинала.

Теперь мы должны сказать о томъ объясненіи, какое Шафарикъ даетъ слову *члнз*. По его мнѣнію Храбрь въ приведенной выше фразѣ: «сотворилъ имъ 30 писменъ и 8, ова оубо по чшоу гръчьскихъ писменъ, оваже словѣнствѣи

рѣчи»— и далѣе въ слѣдующемъ за тѣмъ исчисленіи буквъ, говоритъ будто бы о порядкѣ, въ какомъ размѣстилъ Кириллъ буквы своей азбуки. Но соображая смыслъ всей этой фразы съ слѣдующею за тѣмъ: «се же суть словѣнская письмена, аже подобна суть грѣчьскимъ письменемъ: а, в, г,» и т. д., сейчасъ видишь, что здѣсь рѣчь идетъ не о порядкѣ въ какомъ размѣщены были начертанія кирилловой азбуки, о чемъ бы и не стоило говорить Храбру, а объ ихъ формѣ, виѣшенемъ видѣ, устройствѣ и отношеніи формы большей части изъ нихъ къ письменамъ греческимъ. Значеніе слова *по чину* должно опредѣляться изъ фразы: *яже подобна суть...* и изъ сказуемаго— *сотворилъ*, которое при толкованіи, данномъ этому слову Шафарикомъ, рѣшительно не будѣтъ имѣть смысла. Между тѣмъ примите слово *по чину* въ значеніи— *по формѣ, по образу, по устройству*, — и смыслъ всей фразы будетъ совершенно ясенъ. Съ другой стороны объясненіе Шафарика не выдерживаетъ критики и въ другомъ отношеніи: слова Храбра тогда будутъ рѣшительно непримѣнимы ни къ глагольской азбуцѣ, ни къ кирилловской; потому что, какъ извѣстно, ни та, ни другая азбука въ порядкѣ и размѣщеніи буквъ греческому алфавиту вполне не слѣдуетъ.

По мнѣнію Шафарика, Храбръ будто бы даетъ разумѣть, что Кириллъ изобрѣлъ Глаголицу, а не Кириллицу,—въ томъ мѣстѣ своего сказанія, гдѣ онъ превозноситъ Кирилла на счетъ его предшественниковъ — изобрѣтателей алфавита греческаго. Но, какъ мы выше видѣли, слова Храбра въ указанномъ мѣстѣ имѣютъ полный логическій смыслъ и въ томъ случаѣ, если видѣть въ нихъ Кириллицу, а не Глаголицу, и чтобы открыть этотъ смыслъ, заставлять Храбра подразумѣвать въ этомъ мѣстѣ Глаголицу, а не Кириллицу,—рѣшительно нѣтъ никакой нужды. Храбръ говоритъ, что греческія письмена изобрѣтены въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ и притомъ нѣсколькими лицами, изъ коихъ однимъ введено 16-ть буквъ, взятыхъ съ финикійскаго, другимъ 3, третьимъ 2, четвертымъ еще 2 и т. д. Переводъ свящ. писанія на греч. языкъ, продолжаетъ Храбръ, такъ же сдѣланъ былъ не однимъ лицомъ, а 70-ю переводчиками. Между тѣмъ Кириллъ одинъ— и перевелъ священное писаніе на славянскій языкъ, и азбуку

устроилъ и при томъ все это въ «малѣхъ дѣлѣхъ». Ужели въ этой параллели, проводимой Храбромъ между Кирилломъ и его предшественниками, трудившимися на одинаковомъ съ нимъ поприщѣ, не будетъ смысла, если мы подъ изобрѣтенною Кирилломъ азбукою будемъ разумѣть Кириллицу? Скорости въ устроении цѣлой азбуки и въ дѣлѣ перевода священнаго писанія развѣ недостаточно, чтобы оставить за Храбромъ право восхвалять Кирилла на счетъ образователей греческаго алфавита и переводчиковъ греческой библіи? Кириллъ же къ тому, по словамъ самого Храбра, изобрѣлъ 14-ть знаковъ, собственно по славянской рѣчи! Ужели и этого мало, чтобы съ точки зрѣнія Храбра, отдать изобрѣтателю славянскаго алфавита пальму первенства напр. передъ Кадмомъ, Симонодомъ, Епихармомъ, которые только продолжали дѣло своихъ предшественниковъ, оставивъ его неокончаннымъ? Согласимся, что похвала, воздаваемая Храбромъ Кириллу будетъ имѣть еще больше смысла, если мы предположимъ, что Храбрь подъ изобрѣтенною Кирилломъ азбукою разумѣлъ алфавитъ совершенно новый, состоявшій изъ начертаній, ни откуда не заимствованныхъ, по, какъ выше было объяснено, думать такъ препятствуютъ намъ другія показанія самого же Храбра. При томъ же, какъ мы выше видѣли, требованіямъ азбуки *совершенно новой* не удовлетворяетъ самая Глаголица, и слѣд. съ точки зрѣнія Шафарника даже и въ такомъ случаѣ смыслъ храбровой похвалы Кириллу увеличится очень не многимъ.

Не знаемъ, говорить ли о другихъ пунктахъ объясненія, какое дастъ Шафарникъ сказанію Храбра. Они такъ же произвольны, какъ и нами разсмотрѣнные. Мы напр. рѣшительно не понимаемъ, почему Шафарникъ видитъ намекъ на Глаголицу въ томъ обстоятельстве, что изобрѣтатели греческаго алфавита называются Еллинами, а изобрѣтатель слав. азбуки святымъ мужемъ, тѣмъ больше, что въ большей части списковъ храброва сказанія, названія *Еллены*, даже вовсе нѣтъ, и слѣд. это названіе дано изобрѣтателямъ греч. алфавита не самимъ Храбромъ, а переписчиками его сказанія. Да если даже оно и существовало въ первоначальной редакціи сказанія, то по смыслу всего разсматриваемаго мѣста ясно, что сочинитель его этому названію не придавалъ ровно никакого

значенія. Столько же мало въ пользу Шафарика говорить и то обстоятельство, что Троицкій списокъ храброва сказанія снятъ съ глаголитскаго оригинала. Произвести чрезъ это Храбра изъ Кириллицы въ Глаголиты, какъ этого хочетъ Шафарикъ, изслѣдователь не имѣетъ никакого права: Троицкій списокъ къ счастью не единственный. Кромѣ него у насъ извѣстно до 5-ти другихъ списковъ, изъ которыхъ многіе древнѣе Троицкаго и одинъ относится къ 1-й половинѣ XIV вѣка. Между тѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ списковъ слѣдовъ Глаголицы не видно. И такъ, при несравненно большемъ числѣ списковъ храброва сказанія — чисто кирилловскихъ, Троицкій списокъ доказываетъ вовсе не то, будто бы самое сказаніе храброва имѣло глагольское происхожденіе и самъ Храбръ писалъ Глаголицей, (а слѣд. о Глаголицѣ), а только то, что неизвѣстно когда и гдѣ храброва сказаніе было переписано съ Кириллицы Глаголицей, потомъ этотъ списокъ попалъ въ Россію и вновь переписанъ Кириллицей. — Слѣд. все дѣло здѣсь объясняется просто случайностію.

Разсмотрѣвши основные историческіе тезисы Шафарика въ пользу его новаго мнѣнія о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ, а равно и тѣ свидѣтельства, которыя служатъ для нихъ основою, мы, надѣемся, имѣемъ теперь право этимъ тезисамъ противопоставить свои собственные, совершенно имъ противоположныя; именно: 1) Изъ исторіи мы знаемъ только одного, а не двухъ или нѣсколькихъ изобрѣтателей славянскаго письма. 2) Еп. Климентъ изобрѣтателемъ славянскаго алфавита какого бы то ни было, Кириллицы, или Глаголицы, не былъ, хоть его дѣятельность къ послѣдующему образованію одного изъ славянскихъ алфавитовъ, именно греко-славянскаго и имѣла какое-то отношеніе. 3) Св. Кириллъ долженъ быть признанъ изобрѣтателемъ Кириллицы т. е. письма греко-славянскаго, и попытка Шафарика приписать ему Глаголицу не выдерживаетъ критики. 4) Храбръ въ своемъ сказаніи «о письменахъ» пишетъ о происхожденіи письма греко-славянскаго, — кирилловскаго, а не глаголитскаго.

А. Викторовъ.

ПОВѢСТЬ О САВВѢ ГРУДЦЫНѢ.¹⁾

Повесть зъло пречюдна и удивленію достойна, иже бысть грѣхъ ради нашихъ гоненіе Россійскаго государства на христіаны отъ безбожнаго еретика Гришки Розстріи Отрешьева, і еже содѣяся во граде Казани нѣкоего купца Оома Грудцына о сынѣ его Савве.

Въ лѣто отъ сотворенія мира 7114 бысть во градѣ велицѣмъ Устюзе нѣкто мужъ славенъ и богатъ зъло именемъ и прослытіемъ Оома Грудцынъ Усовъ. Видѣвъ бо гоненіе и мятежь великіи на христіаны въ російскомъ государстве и во многихъ градѣхъ, абіе оставляетъ великіи градъ Устюгъ и преселяется въ понизовныя, въ славныи градъ Казань, зане въ понизовныхъ градѣхъ не бысть Литвы злочестивыа. И живяше той Оома зъ женою своею во градѣ Казани даже до лѣтъ благочестиваго царя и великаго князя Михайла Феодоровича всеа Россіи, имѣяжъ у себя той Оома сына единопородна, именемъ Савву, двунадесятилѣта возрастомъ. Обычай же имѣя той Оома куплю дѣяти, отъѣзжая внизъ Волгою рекою, овогда къ Соли Камскія, овогда въ Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ Шахову область отъѣзжая, куплю творяше; тому же и сына своего Савву поучаше и нечѣстно таковому дѣлу прилежати повелѣваше, дабы по смерти сво наследникъ былъ имѣнію его. По нѣкоемъ же времени восхотѣ той Оома отплыти на куплю въ

¹⁾ По рукописи первой половины XVIII вѣка, принадлежащей Е. Д. Филимонову, въ 4 л. 1.

Ред.

Шахову область и обычные струги съ товаромъ къ плаванію устроившу, сыну же своему устроиъ суды со обычными товарами, поселяваетъ плыти къ Соли Камской и тамо купеческому дѣлу со всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше. И абіе обычное цѣлованіе подаде жень и сыну своему, пути касается; малыи же дни помѣдивъ, и сынъ его на устроенныхъ судѣхъ по повелѣнію отца своего къ Соли Камской плаваніе творити начинается. Достигну же ему Усолского града Орла, и абіе приставаеъ ко брегу и по повелѣнію отца своего у нѣкогого нарочита человѣка въ гостинницѣ обитати приставаеъ. Гостинникъ же той і жена его, помня любовь и милость отца его, не мало прилежаніе и всяко благодѣяніе творяху ему, і яко о сынѣ своемъ всякое попеченіе и милость імяху о немъ; онъже пребыть въ гостинницѣ оной не мало время. Въ томъ градѣ Орлѣ бысть нѣкто мещанинъ града того іменемъ і просвѣтиемъ Бажень вторын и уже бо престарѣвся въ лѣтѣхъ і знаеъ быше во многихъ градѣхъ благоправного ради житія его, понеже бѣ і богатъ зѣло; і по премногу знаеъ и дружень бѣ саввину отцу Оомѣ Грудцыну. Увидѣвъже Бажень вторын, яко неъ Казани Оомы Грудцына сынъ его во градѣ ихъ обрѣтаеъся и помысливъ себѣ, яко отецъ его со мною многую любовь и дружбу імаше; азъже нынѣ презрѣхъ его, въ домъ мой да обитаеъ со мною отъ трапезы моея. И сіе помысливъ, усмотря нѣкогда того Савву, путемъ градуща, и призвавъ его начатъ глаголати: «Друже Савво! или не вѣси, яко отецъ твой со мною многую любовь імать; тыжъ почто презрѣлъ еси мене и не пристаъ еси въ дому моемъ обитати? Нынѣ убо не преслушай мене: прииди, обитаи въ дому моемъ, да питаемъся отъ обшей трапезы моея; азъ убо за любовь отца твоего вселюбезно, яко сына, приемлю тя». Савва же, слышавъ таковыя отъ мужа глаголы, вельми радость (sic!), яко отъ таковаго славнаго мужа пріять хоцетъ быти и неско поклоненіе творитъ предъ нимъ, немедленно отъ гостинника онаго отходитъ въ домъ мужа того Бажена втораго и живяше во всякомъ благоденствіи, радуяся. Тойже Бажень вторын, старъ сый, імя у себя жену третынмъ бракомъ новоприведенну, дѣвою пояту сущу. Ненавидя же добра, роду человѣческому суностатъ діаволь, види мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ

его, и абіе уязвляетъ жену его на юношу оного къ скверному смѣшенію блуда и непрестанно уловляше юного лѣстными словесы къ паденію блудному: вѣсть бо женское естество уловляти молодыхъ къ любодѣланію, и тако той Савва лѣстію жены тоя, пачеже рещи, отъ діавола заняты бысть, падеся въ сеть любодѣланія, зѣ женою оною ненасытно творяше блудъ и безвременно въ ономъ скверномъ дѣлѣ пребывая съ нею, ниже воскресныи день, ниже праздники помышле; но забываше страхъ божіи и чась смертныи: всегда бо въ калѣ блуда, яко свинія, валяющеса и въ таковомъ ненасытномъ блуженіи многое время яко скоть пребывая.

Нѣкогда же приспѣвшу празднику вознесенія Господа нашего Иисуса Христа, въ навечери же праздника Бажень вторыи поимъ съ собою юношу оного Савву, пондоша до святыя церкви къ вечернему пѣнію и по отпущеніи вечерни паки придоша въ домъ свой и по обычной вечери возлегоша каждый на ложи своя, благодаряще Бога. Внегдаже благолюбивый онъ мужъ Бажень вторыи заспавъ крѣпко, жена же его, діаволомъ подстрѣкаема, воставъ танио съ ложа своего і пришедь къ постели юноши онаго и разбудивъ его, понуждаше къ скверному блудному смѣшенію. Онъже, аще і младъ сый, но яко нѣкою стрѣлою страха божія уязвленъ бысть, убося суда божія, помышляше въ себѣ: како въ таковыи въ господьственныи день таковое скверное дѣло сотворити имамъ? И сіе помысливъ, начать съ клятвою отрицатися отъ нея, глаголи, яко не хочу всеконѣчно погубити душу свою и въ таковыи превеликіи праздникъ осквернити тѣло мое. Она же ненасытно распалашеса похотію блуда, неослабно нудяше его ово ласканіемъ, ово і прещеніемъ нѣкимъ. угрожая ему, дабы ісполнилъ желаніе ея. И много тружышися, увѣщевая его; но никакоже возможно приклонити его къ воли своей: божественная нѣкая сила помогаше ему. Видѣвъ же лукавая та жена, яко не возможно привлещи юношу къ воли своей, абіе зѣлною яростію на юношу распалився, яко лютая змія востенавъ, отыде отъ ложа его, помышляше волшебными зелии опити его и неотложно злое свое намѣреніе совершати хотя, и елико замысливъ, сію і сотвори. Внегдаже начаша клепати ко утреннему пѣнію и благо-

любивыи же онъ мужъ Бажень вторыи скоро воста отъ ложа своего, возбудиже юношу оного Савву, и поидоша на славословіе божіе ко утрени. И отслушавши со вниманіемъ и страхомъ божіимъ и придоша въ домъ свой; и егдаже приспѣ время божественной литургіи, поидоша паки съ радостію до святыи церкви на славословіе божіе. Проклятажъ оная жена тшателно устроивши на юношу волшебное зѣліе, и яко змія хоташе ады свой изблевати на него. По отпущеніи же божественныи литургіи Бажень вторыи и Савва изыдоша ісь церкви, хоташе ітъти въ домъ свой; воевода же града того, пригласивъ оного мужа Бажена втораго, да обѣдаетъ съ нимъ, вопросилъ же о юношѣ ономъ: чей есть сынъ и откуда? Онъ же повѣдаетъ, яко ісь Казани, Омы Грудцына сынъ. Воевода же приглашаетъ і юношу оного въ домъ свой, зане добръ знающи его отца. Они же, бывше въ дому его и по обычаю обшіи трапезы причастившеса, съ радостію возвратившеса въ домъ свой. Баженьже вторыи повелѣтъ принести отъ вина мало, да испіють въ домъ своемъ, чести ради господственнаго оного праздника, ничтоже бо свѣды лукаваго умышленія жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрываетъ злобу въ сердцы своемъ и подпадаетъ лестію ко юноши оному. Принесенуже бывшу вину, наливаетъ абіе чашу и подноситъ мужу своему; онъже, іспивъ, благодаря Бога, и потомъ наливаетъ, сама іспивъ, и абіе наливаетъ оного отравнаго уготованнаго зелья и подноситъ юноши оному Савве. Онъ же іспивъ, ни мало помысливъ, ниже убоиася лукавства жены оныя, чаяше, яко никоего же зла мыслить на него и безъ всякаго размышленія выпиваетъ оное зѣліе. И се начать яко ітъкн огонь горѣти въ сердцы его; онъ же помышляя, глаголя въ сердцы въ себѣ, яко много различныхъ питей въ дому отца моего и никогда же таковаго питія не іспихъ, якоже нивѣ. И егдаже іспивъ питія оного, начать сердцемъ тужити и скорбѣти по женѣ оной; она же, яко лютая лвица, яростно поглядаше на него и ни мало привѣтство являше къ нему, і начать мужу своему на юношу оного клеветати и пелѣная словеса глаголати и повелѣваше ізгнати ізь дому своего. Богобоязливый же онъ мужъ, аще і желѣя въ сердцы своемъ по юноши, обаче уловенъ бысть женскою лестію, повелѣваетъ юноши ізыти ізь дому своего, сказуя ему вѣны ітъкія.

Юноша же той съ великою жалостію и тугою сердца отходить ізъ дому его, тужа и сѣтуя о лукавой женѣ оной. И прииде паки въ домъ гостинника онаго, идѣже первѣе обиташе. Онѣже вопрошаетъ его, каковы ради вины изыде изъ дому Баженова. Онѣ же сказую нмѣ, яко самъ не восхотѣ жити у нихъ, зане гладно ми есть, сердцемъ же скорбя и неутѣшно сѣтуя по женѣ оной; и начать отъ великія туги красота лица его увядати и плоть его истончеватися. Видѣвше гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща зѣло, недоумѣвашеся, что бо ему бысть. Бысть же во градѣ томъ нѣкто волхвъ, чарованіемъ своимъ сказую. кому какова скорбь приключитца, онѣ же узнавая или ожити, или умрети. Гостинникъ же и жена его, благоразумни суще, не мало попеченія о юношѣ няху и призываютъ тайно волхва онаго, какова скорбь приключися юноши. Волхвъ же оный, посмотривъ въ волшебныя свои книги, сказуетъ истинну, яко нѣкоторые скорби не имать юноша въ себѣ, токмо тужитъ по женѣ Бажена втораго, яко въ блудное смѣшеніе падесе съ нею; нынѣ же остуженъ бысть отъ нея и, по ней тужая, сокрушаетца. Гостинникъ же и жена его, таковая слышавше отъ волхва, и не яше вѣры, зане Баженъ благочестивъ быше и бояся Бога, и ни во чтоже дѣло сіе вмѣниша. Савва же, непрестанно тужа и скорбя о проклятой женѣ оной, и день отъ дне отъ той туги истончи плоть свою, яко бы нѣкто великою скорбію болѣ. И нѣкогда же той Савва изыде единъ за градъ на поле отъ великаго унынія и скорби прогулятися, и идяше единъ по полю и никого же за собою или предъ собою видяше, и ничтоже ни помышляше, но токмо сѣтуя и скорбя о разлученіи своемъ отъ жены оныя. И помысливъ во умѣ своемъ такову злую мысль, глаголя: «егда бы кто отъ челоувѣкъ или самъ діаволь сотворилъ миѣ сіе, еже бы паки совокупитися миѣ съ женою оною, азъ бы послужилъ діаволу». И такову мысль помысливъ, аки бы ума изступилъ, идяше единъ и мало пошедъ, слышевъ за собою гласъ, зовущъ его именемъ; онѣ же, обрасся, зрять за собою юношу, борзо текуща, въ нарочитѣ одѣяніи: помахающе рукою ему, пождати себя повелѣваше; онѣ же ожидая юношу онаго къ себѣ. Пришедъ же къ Саввѣ юноша той, паче же рещи супостатъ діаволь, нже непрестанно рыщеть, ища по-

гибели челоувѣческія, пришедше же къ Саввѣ и по обычаю поклоншеса между собою. Рече же пришедый отрокъ къ Саввѣ, глаголя: «Брате Савво! что убо, яко чуждь, бѣгаеши отъ мене? азъ бо давно ожидахъ тя къ себѣ, да каковы пришелъ ко мнѣ и родственную любовь имѣлъ со мною. Азъ убо вѣмъ давно, яко отъ рода Грудцннхъ Усовыхъ изъ града Казани; о мнѣ аще хоцешн увѣдати, и азъ тогожъ рода, отъ града великаго Устюга; здѣ давно пребываю, ради конской покупки, и убо по плотскому рожденію брата мы съ тобою: и нынѣ убо, братъ и другъ, и не отлучайся отъ мене: азъ бо всякое вспоможеніе радъ во всемъ чинити тебѣ». Савва же, слышавъ отъ мннмаго брата своего, паче же рещи отъ бѣса, таковыя глаголы, вельми возрадовася, яко въ таковой дальной и незнаемой странѣ, сродника себѣ обрѣте и любезно цѣлюастася, пондоша оба вкупѣ по пустыни оной. Пошедъ же Савва съ нимъ, рече бѣсъ къ Саввѣ: «Брате Савва! какую скорбь имашн въ себѣ, яко вельми исчезе юношеская красота твоя?» Онъ же, всяко лукавнѣя, сказываше ему, нѣкую быти великую скорбь въ себѣ. Бѣсъ же, ослабнвсся, рече ему: «Что убо скрываешн отъ мене? азъ бо вѣмъ скорбь твою; но что ми даши, азъ помогу скорби твоей?» Савважъ рече: «Аще убо вѣдаешн истинную скорбь, якоже имамъ въ себѣ, то пойму вѣру тебѣ, яко можешн помощи». Бѣсъ же рече ему: «Ты бо, скорбя, сокрушаснся сердцемъ своимъ по жепѣ Бажена втораго, зане отлученъ еси отъ любви ея; но что ми даши? азъ помогу скорби твоей и учиню тя съ нею по прежнему въ любви ея». Савва же рече: «Азъ убо, елико имамъ здѣ товаровъ и богатства отца моего и съ прибытками все отдаю тебѣ, токмо сотвори по прежнему любовь имѣти съ женою оною». Бѣсъ же ту усумнвсся, рече ему: «Что убо искушаснн мя? азъ бо вѣмъ, яко отецъ твой много богатства имать, ты же не вѣсилн, яко отецъ мой седмерницею богатея отца твоего и что ми будетъ въ товарахъ твоихъ? Но даждь ми на ся рукописание мало нѣкое и азъ исполню желаніе твое». Юноша же радъ бысть, помышляя въ себѣ, яко богатство отца моего цѣло будетъ, азъ же дамъ ему писаніе, что ми велитъ написать,—а не вѣдый, въ какову пагубу хоцетъ впасти, ещежъ и писати совершенно ниже что умѣя. Оле безумія оногo юно-

ши! како уловленъ бысть женскою лестію и того ради въ какову погибель снисходить! Егда же изрече бѣсъ къ юношѣ словеса сія, онъ же съ радостію общася дати писаніе. Мнимый же братъ, паче же рещи бѣсъ, скоро вземъ изъ очпага чернила и хартію, даетъ юноши и повелѣваетъ ему немедленно написати писаніе. Той же юноша Савва еще несовершенно умѣяше писати и, елико бѣсъ сказываше ему, тожь и писаше, не слагая, и таковымъ писаніемъ отрекся Христа, истиннаго Бога, и предадеша въ служеніе діаволу. Написавъ же таковое богоотметное писаніе, отдаетъ діаволу, мнимому своему брату, и тако поидоша во градъ Орель. Вопросивъ же Савва бѣса, глаголя: «Повѣждь ми, брате! гдѣ обиташи, да увѣмъ домъ твой». Бѣсъ же, возмѣявся, рече ему: «Азъ убо особаго дому не имѣю; но, гдѣ прилучитца, тамо и ночую; аще ли же хочещи видѣтися со мною часто, то ищи мя на конской площади: азъ бо, якоже рѣхъ ти, здѣ живу ради конскихъ покунюкъ; но азъ и самъ не облѣнюся постѣтити тебя, нынѣ же иди къ лавки Бажена втораго; вѣмъ бо, яко съ радостію призоветъ тя въ домъ свой жити». Савва же по глаголу брата своего діавола радостно тече къ лавкѣ Бажена втораго. Егда же Бажень, видѣвъ Савву, усердно пріемша его къ себѣ: «Господине Савво! кую злобу сотворихъ азъ тебѣ, и почто изшелъ еси изъ дому моего? Протчее убо молю тя, прійди наки обитати въ домъ мой; азъ убо за любовь отца твоего, яко пріемному своему сыну, радъ бѣхъ тебѣ всеусердно». Савва же, егда услышавъ отъ Бажена таковыя глаголы, неизреченною радостію возрадовася и скоро потече въ домъ Бажена втораго. И егда пришедъ юноша, жена же его видѣ: діаволомъ подстрѣкаема, радостно встрѣтаеть его и всякимъ ласканіемъ привѣтствоваше ему, и лобызаше его. Юноша же уловленъ бысть женскою лестію, паче діаволомъ, наки запишася въ сѣти блуда съ проклятою оною женою, ниже празниковъ, ниже страха божія помняше, поне ненасытно безпрестани съ нею въ калѣ блуда ваяяся.

По мнозѣ же времени абие входитъ въ пресловущій градъ Казань матери Саввиной, яко сынъ ея живеть неисправное и непорядочное житіе и, елико было съ нимъ отеческихъ товаровъ, все изнурилъ въ блудъ и піанствѣ. Мати же его, та-

ковая о сынѣ своемъ слыша, зѣло огорчися и пишетъ къ нему писаніе, дабы онъ оттуду возвратился ко граду Казани въ домъ отца своего. Егдаже прииде къ нему писаніе, онъ же, прочитавъ, посмѣялся, ни во чтоже вѣривъ. Она же пакы посылаетъ къ нему второе писаніе: ово моленіемъ молить, овожъ клятвами заклинаетъ его, дабы немедленно ѣхалъ оттуду въ городъ Казань. Савва же ни мало внять матернюю моленію и клятву ни во чтоже вѣривше, токмо въ страсти блуда упражняшеся. По нѣкоемъ же времени поемлетъ бѣсъ Савву и поидоша оба за градъ Орель на поле; изшедшимъ же имъ изъ града, глаголетъ бѣсъ къ Саввѣ: «Брате Савво! вѣси ли, кто есмь азъ? ты убо мниши мя, совершенно быти отъ рода Грудцннхъ, но несть тако. Иныѣ убо за любовь твою повѣмъ ти всю истину; ты же не бойся, ниже устыдися зватися братомъ тебѣ: азъ убо совершенно улюбивъ тя въ братство себѣ; но аще хочещи о мнѣ вѣдати: азъ убо сынъ царевъ; поидемъ же прочее, да покажу ти славу и могущество отца моего». И сіе глаголя, приведе его въ пусто мѣсто на нѣкій холмъ и показа ему въ нѣкоемъ раздоліи градъ вельми славенъ: стѣны, и покровы, и помосты отъ злата чиста блистаяся. И рече ему: «Сей естъ градъ и твореніе отца моего; но идемъ убо и поклонимся купно отцу моему и великою честію почтенъ будещи отъ него». И сія изглагола бѣсъ, отдастъ Саввѣ богоотметное оно письмо. Оле безумія отрока! вѣдый бо, яко нѣкоторое царство прилежитъ близости къ московскому государству; но все обладаемо бѣ царемъ московскимъ: аще бы тогда вообразилъ на себя образъ честнаго креста, вся бо сія мечты діавольскія яко сень погнбли. Но на подлежащее возвратимся. Егда же приидоша оба къ привиденному ¹⁾ оному граду, и приближився имъ ко вратамъ града, стретаютъ ихъ юноши темнообразніи, ризами и поясы украшенныи златыи, и, со тцаніемъ покланяющеся, честь воздаютъ сыну цареву, паче же рещи, бѣсу, такожде и Савве покланяющеся. Вшедшимъ же имъ во дворъ царевъ, пакы стретаютъ ниіи юноши, ризами блистающеся паче первыхъ, такожде и покланяющеся имъ. Егдаже внидоша въ полаты ца-

¹⁾ Въ рукописи: *приведенному*.

ревы, абіе другїи юноши стретають ихъ, другъ друга че-
 стію и одѣяніемъ превосходяще, воздающе достойную честь
 сыну цареву и Саввѣ. Вшедь же бѣсъ въ полату, глаголя:
 «Брате Савво! пожди мя здѣ мало: азъ убо шедъ, возвѣщу
 о тебѣ отцу моему и введу тя къ нему; егда же будши
 предъ нимъ, ничтоже размышляяй или бояйся, подаждь ему
 писаніе свое». И сіе рекъ, поиде во внутренніе полаты,
 оставль Савву единого и, помядливъ тамо мало, приходитъ
 къ Саввѣ и, поемъ, вводитъ его предъ лице князя тмы.
 Той же сѣдѣше на престолѣ висоцѣ, каменіемъ драгимъ и
 златомъ преукрашенъ, но самъ же той славою великою и одѣ-
 яніемъ блистаяся; окрестъ же престола его зрїтъ Савво мно-
 жество юношей крылатыхъ стоящихъ, лица же ихъ овыхъ
 емин, шнысѣжъ яко смола черныя. Пришедъ же Савва предъ
 царя оного, падъ на землю, поклонися ему; вопроси же его
 царь, глаголя: «Откуда пришелъ еси сѣмо? и что есть дѣло
 твое?» Безумный же онъ юноша подноситъ ему богоотметное
 свое писаніе, глаголя, яко придохъ, великій царю, послужити
 тебѣ. Древній же змїи сатана, прїемъ писаніе и, прочеть
 его, къ темнообразнымъ своимъ вонномъ рече: «Аще ли прїиму
 отрока сего? Но не вѣмъ, крѣпокъ ли будетъ мнѣ или нѣтъ?»
 И призвавъ же сына своего, а саввина мнимаго брата, и
 глаголя ему: «Иди протчее, объдуй съ братомъ своимъ». И
 тако оба поклонишася царю и изыдоша въ преднюю полату,
 наченше объдати: неизреченныя и благовоныя яди приношаху
 има такожде и питіе, яко дивитися Саввѣ, глаголя: яко ни-
 когда же въ дому отца моего такихъ ядей вкушахъ или
 питія пенихъ. По ядѣніи же поемлетъ бѣсъ Савву и пондоша
 съ двора царева изъ города. Вопрошаетъ же Савва брата
 своего бѣса, глаголя: «Что убо, брате, яко видѣхъ у отца
 твоего окрестъ престола его много юнощъ крылатыхъ стоя-
 щихъ?» Бѣсъ же, улыбаяся, рече ему: «Шли не вѣси, яко
 мнози языцы служатъ отцу моему: Индіи, Перси и ници мнози?
 Ты же не дивися сему и не сумнѣвайся братомъ звати мя
 себѣ: азъ да буду тебѣ меншіи братъ, токмо, елико реку ти,
 во всемъ буди послушенъ мнѣ; азъ же радъ всякого добро-
 дѣйства чинити тебѣ». Савва же во всемъ общася послушенъ
 быти ему и тако увѣришася, придоша паки во градъ Орелъ:

и оставль бѣсъ Савву, отходить; Савва же паки приде въ домъ Баженовъ и пребываше въ прежнемъ своемъ скаредномъ дѣлѣ.

И въ тожъ время приде въ Казань изъ Персиды со многими прибытками отецъ Саввинъ Ѳома Грудцынъ и, якоже льпо, обычное цѣлованіе подаде женѣ своей, вопрошаетъ ю о сынѣ своемъ: живъ ли есть? Она же повѣдуеть ему, яко отъ многихъ слышу о немъ, но отнествіи твоємъ въ Персиду, онъ же отыде къ Солликамской и оттуду во градъ Орелъ, тамо и донынѣ живеть житіе неудобное: все богатство наше, яко же глаголють, изнури въ пиянствѣ и блудѣ; азъ же много писахъ къ нему о семъ, дабы оттуду возвратился въ домъ нашъ; онъ же ни единого отвѣта подаде ми; но и донынѣ тамо пребываетъ: живъ ли или нѣтъ, о томъ не вѣмъ. Ѳома же, таковая глаголы слышавъ отъ жены своей, зѣло смутися умомъ своимъ и скоро сѣдъ, написавъ епистолю къ Саввѣ съ моленіемъ, дабы безъ всякаго замедленія оттуду ѣхаль, во градъ Казань (да вижу, чадо, красоту лица твоего) ¹⁾. Савва же, таковое писаніе приеъмъ и прочеть е, ни во что же вмѣшивъ, ниже помысливъ ѣхати ко отцу своему; но токмо упражнялся въ ненасытномъ блуженіи. Видѣвъ же Ѳома, яко ничтоже уецѣваетъ писаніе сво, и абіе повелѣваетъ готовити подобныя струги съ товаромъ и пути касается ко граду Орлу по ²⁾ Камъ. «Самъ пойму сына своего въ домъ мой». Бѣсъ же, егда увѣде, яко отецъ саввинъ путешествіе творить ко граду Орлу, хотя пояти Савву въ Казань, и абіе глаголетъ Саввѣ: «Брате Савво! доколѣ здѣ во единомъ маломъ градѣ жити будетъ? идемъ убо во иные грады и погуляемъ и паки сюда возвратимся». Савва же ни мало отречеса, но глаголя ему: «Добрѣ, брате! глаголеши: идемъ; но пожди убо мало, азъ бо возму отъ богатства моего нѣколко пенезей на путь». Бѣсъ же, возбраняя ему о семъ, глаголя: «Не видѣлъ ли еси славы отца моего и не вѣси, яко вездѣ села его есть? да идѣже придемъ, тамо и денегъ у насъ будетъ и елико потребно». И тако пондоша отъ града

¹⁾ Эта фраза заключена въ скобки въ самой рукописи.

²⁾ Въ рукописи: до.

Орла, никимъ вѣдомы, ниже той самъ Бажонъ второй, ни жена его увѣдавъ о отшествіи саввиномъ. Бѣсъ же и Савва объ едину ночь отъ града Орла объявишася на рекъ Волгъ, во градъ, нарицаемомъ Козьмодемьянскомъ, разстояніемъ имѣюща 804 версты. И глаголетъ бѣсъ Саввѣ: «Аще кто тя увидитъ здѣ и спроситъ, откуда пришелъ еси, ты же рцы: «отъ града Орла въ третію недѣлю приидохомъ до здѣ». Савва же, елико заповѣда ему бѣсъ, тако и сказываше. И пребываше въ Козьмодемьянску нѣколко дней, и абіе бѣсъ паки поемлетъ Савву и объ едину ночь изъ Козьмодемьянску приидоша на рѣку Оку, въ село, нарицаемое Павловъ перевозъ. И бывшимъ имъ тамо въ день четвертка, въ тойже день въ селѣ ономъ торгъ бываетъ. Ходящимъ имъ по торгу, узрѣвъ Савва нѣкоего престарѣла нища мужа стояща, рубищами гнусными одѣянна, и зря на Савву прилежно и вельми плачуща. Савва же мало отлучися отъ бѣса и притече ко старцу, хотя увѣдати вины плача его. Пришедшу же ему ко старцу и рече: «Кая ти, отче, печаль есть, яко неутѣшию тако плачеши?» Нищій же онъ, святыи старецъ, глаголетъ ему: «Плачу, чадо, о погибелн души твоей; не всен бо, яко погубилъ душу твою, волею предадеи еси діаволу. Всен ли, чадо, съ кѣмъ нынѣ ходиши и его же братомъ себѣ нарицаеши? Но сей не человекъ, но діаволь есть: ходитъ съ тобою и доводитъ ти до пропасти адскія». Егда же изрече старецъ ко юноши глаголы сія, обозрѣвся Савва на мншмаго брата своего, паче же рещи, на бѣса; онъ же, издалеча стоя и грозя на Савву, зубы своимн скрежеташе на нь. Юноша же, скоро оставь святаго онаго старца, прииде къ бѣсу паки. Діаволь же вельми начать поносити его и глаголати: «Чесо ради съ таковымъ душегубцемъ сообщилъ еси? и не знаеши ли сего лукаваго старца, яко многихъ погубляетъ? на тебѣ же видѣвъ одѣяніе нарочито, и глаголы лестныя припустивъ къ тебѣ, хотя отлучити тя отъ людей и удавомъ удавити тя, и обрати съ тебѣ одѣяніе твое. Нынѣ убо, аще оставляю тя одного, то вскорѣ погибнешн безъ мене». И сія изрекъ, со гнѣвомъ поемлетъ Савву оттуду и приходитъ съ нимъ во градъ, нарицаемый Шуйскъ, и тамо пребывая не мало время.

Тома же Грудцѣнъ Усовъ, пришедъ во градъ Орель, вопрошаетъ о сынѣ своемъ и никтоже можаше повѣдати ему о немъ: вси бо выдаху его, яко предъ его прїѣздомъ сынъ его во градъ хождаше, всѣми видимъ; а идѣже внезапно скрыся никтоже вѣсть. Ови глаголаху, яко убояся пришествїя твоего, зане здѣ изнурилъ богатство твое, и сего ради скрыся, Паче же всѣхъ Бажень второй и жена его двяшеся, глаголаху: яко юноша спаше съ ними, завтраже пошедъ нѣкуды, мы же ожидахомъ его обѣдати; онъ же отъ того часу никакъ нигдѣ же явися во градъ нашемъ; а идѣже скрыся, ни азъ, ни жена моя о семъ не вѣмы. Тома же, многими слезами обливаясь, живя, ожидая сына своего и, не мало пождавъ тщею надеждою, возвратися въ домъ свой и възвѣщаетъ нерадостный случай женѣ своей и оба вкупѣ сѣтуя и скорбяща о лишенїи сына своего. И въ такомъ сѣтованїи Тома несколько время поживе, ко Господу отъиде; жена его вдовою оставши суши.

Бѣсъ же и Савва живяше во градъ Шуйскѣ. Во время же то благочестивый и великій государь царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Россїи возжела послать воинство свое противъ короля полскаго во градъ Смоленскъ и по его царскому указу по всей Россїи набираху новобранныхъ солдатъ. Во градъ же Шую ради солдатскаго набору присланъ съ Москвы столикъ Тимошей Воронцовъ и новобранныхъ солдатъ по вся дни воинскому артикулу учаше. Бѣсъ же и Савва приходаше, смотраху ученїя ихъ. Рече же бѣсъ къ Саввѣ: «Брате Савво! хочещи ли послужити царю, да наищемся и мы съ тобою въ солдаты?» Савва же рече: «Добрѣ, брате, глаголещи; послужимъ». И тако наишася въ солдаты и наченше кунно на ученїе ходити. Бѣсъ же въ воинскомъ ученїи такову премудрость дарова ему, яко и старыхъ воиновъ и начальниковъ въ наученїи превосходитъ. Самъ же бѣсъ, яко слуга Саввѣ, хождаше за нимъ и оружіе пошаше. Егда же изъ Шуй новобранныхъ солдатъ приведоша къ Москвѣ и отдаша ихъ въ наученїе нѣкоему нѣмецкому полковнику, той же полковникъ, егда прїиде видѣти новобранныхъ солдатъ на ученїи, и се видить юношу млада, во ученїи же воинскомъ зѣло благочинна и урядно поступающа, и ни малого порока

во всемъ артикулѣ имѣюща и многихъ старыхъ воинновъ и начальниковъ во ученіи превосходяща, и вельми удивися остроумію его. Призвавъ же его къ себѣ, вопрошаетъ рода его; онъ же сказуетъ ему всю истинну. Полковникъ же возлюбилъ Савву великии, назвавъ его сыномъ себѣ, дадежь ему съ главы своя шляпу, съ драгоценнымъ каменіемъ устроенну сущу, и абіе вручаетъ ему три роты новобранныхъ солдатъ, да вмѣсто его устрояетъ и учитъ той Савва. Бѣсъ же тайно припаде къ Саввѣ и рече ему: «Брате Савво! егда ти недостатокъ будетъ, чимъ работныхъ людей жаловать, повѣжда ми: азъ бо принесу ти, елико потребно денегъ будетъ, дабы въ командѣ твоей роптанія и жалобы не было на тебя». И тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишинѣ и покоѣ пребываху, въ протчихъ же ротахъ молва и мятежь непрестанно, яко отъ глада и наготы, непожалованы, помираху; у Саввы же во всякой тишинѣ и благоденствіи солдаты пребываху и вси дивляхуся остроумію его. По нѣкоемъже случаю явственно учинися о семъ и самому царю и въ тоже время на Москвѣ не малу власть имѣя шуринъ царевъ, бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрѣшневъ ¹⁾. Увѣдавъ про оного юношу Савву, повелѣваетъ онаго привести предъ себя и рече ему: «Хощеши ли, юноша, да прииму тя въ домъ мой и чести не малыя сподоблю тя?» Онъ же, поклонився ему, и рече: «Есть бо, владыко, мой братъ у мене, вопрошу убо его: аще ли повелитъ ми, то съ радостію послужити готовъ». Бояринъ же, ни мало возбранивъ ему о семъ и отпустивъ его: «да спроситъ, рече брата своего.» Савва же, пришедъ, повѣда мнимому своему брату бѣсу. Бѣсъ же съ радостію рече ему: «Почто убо хощеши презрѣти царскую милость, и служити хощеши холопу его? ты убо нынѣ и самъ въ томъ же порядкѣ устроенъ и уже бо и самому царю знаемъ учинился еси. Но убо не буди тако; но да послужимъ царю: егда бо царь увѣсть вѣрную твою службу, тогда и чиномъ возвышенъ будеши отъ него». По повелѣнію жъ цареву вси новобранные солдаты розданы по стрелецкимъ полкамъ вдополнку. Тойже Савва поставленъ на Устретенкѣ въ Земля-

¹⁾ Въ рукописи: *Стрежневъ*.

номъ городѣ, въ Зминѣ приказѣ въ дому стрелецкаго сотника именемъ Іакова Талова. Сотникъ же и жена благочестивѣи и благонравнѣи суще, видаше бо саввино остроуміе, зѣло почитаху его. Полки же на Москвѣ во всякой готовности къ пошествію бяху. Во единъ же отъ дней прииде бѣсъ къ Саввѣ и рече ему: «Брате Савво! пойдѣмъ прежде полковъ въ Смоленскъ и видимъ, что творять Поляки и како градъ укрѣпляютъ». И обѣ едину ночь съ Москвы въ Смоленску ставше и пребываше въ немъ три дни, никимъ же видимы. Они же, всѣ видѣвше и созирающе, како Поляки градъ укрѣпляху: на приступныхъ мѣстехъ всякіе громаты поставляху. Въ четвертый же день бѣсъ объяви себя и Савву въ Смоленску Полякомъ. Егда же Поляки узрѣвши ихъ, вельми возмязошася, начаша гнати по нихъ, хотязе уловити ихъ; бѣсъ же и Савва скоро избѣгоша изъ града и прибѣгоша къ рѣкѣ Дитѣру, и абіе разступнися имъ вода и преидоша рѣку оную, яко посуху. Поляки же, много стрѣляюще по нихъ, и никакоже вреднша ихъ. Поляки же удивляхуся, глаголюще: яко бѣсове суть, во образѣ человѣческомъ приидоша и бывше во градѣ нашемъ. Савва же и бѣсъ пакы приидоша къ Москвѣ и ставше пакы у тогожъ сотника Іакова Талова. И егда же по указу царскому поидоша съ Москвы полки подъ Смоленскъ, тогда и той Савва въ полкахъ съ братомъ своимъ поидоша. Надъ всѣми же полками бояринъ бысть Ѳеодоръ Іоанновичъ Шениъ. На пути же бѣсъ къ Саввѣ рече: «Брате Савво! егда убо будемъ подъ Смоленскомъ, тогда отъ полковъ Поляковъ выѣдетъ единъ исполниъ на поединокъ и станетъ звати противника себѣ; ты же не убойся ничесоже, изъеди противу его: азъ убо, вѣдая, глаголю ти, яко ты поразиши его. На другій же день пакы отъ Поляковъ выѣдетъ другій исполниъ на поединокъ, ты же изъди пакы и противу сего: вѣмъ бо, яко и того поразиши. Въ третій же день выѣдетъ изъ Смоленска третій поединникъ; ты же, ничтоже бояйся, и противу того выѣдъ; но и того поразиши, самъ же уязвленъ будещи отъ него: азъ же язву твою скоро уврачую». И тако увѣщавъ его, приидоша подъ градъ Смоленскъ и ставше въ подобномъ мѣстѣ. По глаголу же бѣсовскому высланъ бысть изъ града ибкїи воинъ, страшень зѣло: на конѣ ска-

каше изъ смоленскихъ полковъ, искавше себѣ изъ московскихъ полковъ противника, ждаше и никтоже бо смѣяше изыти противу его. Савва же, объявляя въ полкахъ, глаголя: «Аще бы мнѣ былъ воинскій конь, и азъ бы изшелъ на брань противу сего неприятеля царского.» Друзи же его, слышавше сія скоро о немъ боярину возвѣстиша. Бояринъ же повелѣ Савву привести предъ себя и повелѣ ему коня нарочита дати и оружіе, мнѣвъ, яко скоро погибнути имать юноша отъ таковаго страшнаго исполна. Савва же по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя и бояся, выѣзжаетъ противу полковъ оного богатыря и, скоро сразивше его, приводитъ его и съ конемъ въ полки московскіе и отъ всѣхъ похваляемъ бѣ. Бѣсъ же, ѣздя по немъ, служа ему и оружіе за нимъ нося. Во второй же день пакы изъ Смоленска выѣзжаетъ и противу его тойже Савва и того вскорѣ поражаетъ; вси же удивляхуся храбрости его; бояринъ же разгнѣвався на Савву, но скрываше злобу въ сердца своемъ. Въ третій же день еще выѣзжаетъ изъ града Смоленска ѣткій славный воинъ наче первыхъ, такожъ ница и позывая противника себѣ. Савва же, аще и убоявся ѣхати противу такова страшнова воина, обаче по словеси бѣсовскому немедленно выѣзжаетъ и противу того. По абіе Полякъ той, яростно наступивъ, уязви Савву копіемъ въ лѣвое стегно. Савва же исправися, нападаетъ на оного Поляка и убиваетъ его, и съ конемъ въ полки своя приведе, не малъ же зазоръ Смольяномъ наведе, все же російское воинство во удивленіе приведе. Потомъ же нача изъ града выласки выходить и войско съ войскомъ сошедшеся, свалнымъ боемъ битися. Идѣже Савва съ братомъ своимъ съ котораго крыла воеваху, тамо Поляки отъ нихъ невозбранно бѣжаху, тылъ показующе. Бесчисленно бо много Поляковъ побиваху, сами же ни отъ кого вредимы бяху. Слышавъ же бояринъ о храбрости юноши оного, и уже не могъ скрыти тайного гнѣва въ сердца своемъ, абіе призываетъ Савву къ шатру и глаголетъ ему: «Повѣждь ми, юноши: какова еси роду и чій еси сынъ». Онъ же повѣда ему истину: яко изъ Казани, Ѡмы Грудцына Усова сынъ. Бояринъ же начатъ всякими неѣткими словесы поносити его и глаголати: «Кая ти нужда въ таковой смертный случай приходить? Азъ

убо знаю отца и сродниковъ твоихъ, яко бесчисленное богатство имуть; тыже отъ какова гоненія или скудости, оставя родителей своихъ, съмо пришелъ еси? Обаче глаголю ти: ни мало здѣ медли; но иди въ домъ къ родителямъ своимъ и тамо во благодѣньствіи съ родители твоими пребывай; аще ли преслушаши мене и услышу о тебѣ, яко здѣ имаша пребывать, безъ всякаго милосердія здѣ имаша погибнути, главо бо твою велю скоро отъяти отъ тебе.» Сія же боларниъ къ юноши изрекъ и съ яростію отыде отъ него; юноша же со многою печалію отходитъ отъ него. Отшедшимъ же имъ отъ шатра, рече бѣсъ къ Саввѣ: «Что убо тако печалуешься о семъ? Аще неугодна служба наша явися здѣ, то идемъ пакы къ Москвѣ, тамо да пребываемъ». И тако вскорѣ отыдоша изъ Смоленска къ Москвѣ и приставше обитати въ домъ того же сотника. Бѣсъ же днемъ пребываше съ Саввою, къ нощи же отхождаше во своя адскія жилища, идѣже искони обычай окаяннымъ пребывать. Не малуже времени минувшу, абіе разболѣвся Савва и бѣ болѣзнь его тяжка зѣло, яко быти ему близъ смерти. Жена же сотника оного, благоразумна сущи, бояся Бога, всяко попеченіе и прилѣжаніе о Саввѣ имущи, и глаголаше ему многожды, дабы повелѣ призвати іереа и исповѣдати грѣхи своя и причаститися святыхъ таинъ: «да не како, рече, въ таковой тяжкой скорби внезапу безъ покаянія умрешь». Савва же о семъ отрицаея, яко аще рече, и тяжело болю, но ибѣсть ми сія болѣзнь къ смерти. И день отъ дня болѣзнь его тяжчае бѣше. Жена же оная не отступно притужаше Саввѣ, да исповѣдается: и убо оттого рече, не имаша умрети. И едва принужденъ бѣ Савва боголюбивою оною женою, повелѣваетъ призвати къ себѣ іереа. Жена же оная вскорѣ посылаетъ ко храму святаго Николая, что въ Грачахъ, и повелѣваетъ призвати тоя церкви іереа. Іерей же, ни мало замедливъ, притече къ болящему: бѣ бо іерей той лѣты совершенъ свѣй, мужъ искусенъ и богобоязливъ. Пришедъ же, нача молитвы покаянныя глаголати, яко же обычай. И егда же вѣсмъ людемъ изъ храма изшедшимъ, іерей же начатъ болного исповѣдывати, и се внезапно зрять больный во храмъ той вшедшихъ толпу велю бѣсовъ. Минимый же его братъ, наче же рещи, бѣсъ приде съ нимъ

же и уже не въ человѣческомъ образѣ, но въ существенномъ своемъ звѣровидномъ, и, ставъ создаи бѣсовскія толпы, вельми на Савву ярся и зубы скрежетая, показуя ему богоотметное оное писаніе, яко даде ему Савва у града Орла. И глаголя бѣсъ къ болящему: «Зриши ли, клятвопреступниче: что есть сіе? не ты ли писалъ еси? или минши, яко покаянїемъ своимъ избудеши отъ насъ? ни убо; не мни того: азъ убо со всею силою моею подвигнуся на тя.» Сїа убо и иная неподобная бѣсомъ глаголющимъ, больный же, зря очевидно ихъ, и ово ужасеся, овоже надѣяся яко на силу божїю и до конца все подробно исповѣда іереею оному. Іерей же той, аще мужъ и святъ, обаче убоися страха оногo, заше людей никогo же во храмѣ кромѣ больного видѣ, толпу же велику слыша отъ бѣсовскїа оныя силы и съ нуждою великою исповѣда больного отъиде въ домъ свой, никому же сїа повѣдавъ. По исповѣди же оной нападе на Савву духъ нечистый и начатъ немилостивно мучити Савву: ово о стѣну бїа, ово о мость съ одра пометая его, ово храпленїемъ и пѣною давяше и всякими различными томленїи мучаше его. Боголюбивый же той мужъ вышепомянутой сотникъ и съ благоправною своею женою, видяци на юноше таковое незапное томленїе отъ діавола и неспосное мученїе, вельми жалѣючи, и стѣняхуся сердца своими по юноши; но никакo ему помощи могущи. Бѣсъ же, день отъ дне на больного лютеъ нападая, мучаше его, и всѣмъ предстоящимъ ту отъ мученїя его по малъ ужасъ находящъ. Господишъ же дому, яко видѣ на юноши таковую необычную вещь, паче же и зная, яко юноша той вѣдомъ и самому царю храбрости ради своея, и помышляше съ женою своею, да како бы возвѣстити о семъ царю. Бѣ же и сродница пѣкая у нихъ въ домѣ царстемъ. И сїа помысливши, посылаетъ немедленно жену свою ко оной сродницѣ своей, повелѣвая ей, да вся подробну о семъ возвѣстити царевнѣ: «да не како, рече, юноша оный въ такомъ зломъ случаѣ умретъ, а они истязани будутъ отъ царя за неизвѣщенїе». Жена же его, ни мало помедливъ, абїе тече къ сродницѣ и вся повелѣнная *ей отъ мужа* ¹⁾

¹⁾ Напечатанное курсивомъ внесено изъ другаго списка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рукопись г. Филимонова испорчена.

по ряду сказа. Сродница же она, слыша таковыя глаголы, умилися душею *ово* по юношѣ, паче же скорбаше о *сродницахъ* своихъ, да не како и въ правду *отъ такового* случая бѣду примутъ. И ни мало помедливъ, скоро тече отъ дому своего до палатъ *царевыхъ*. И возвѣщаетъ о семъ ближнимъ сигклитомъ царскимъ, и не въ долгъ часъ внушается и самому царю. Царь же, слыша о юношѣ, таковое свое милосердіе изливаетъ на нѣ, глаголя предстоящимъ предъ нимъ сигклитомъ: да, егда бываетъ измѣненіе повседневное карауломъ, повелѣваетъ послати въ домъ сотника онаго, идѣ же больной онъ юноша лежить, по два караульщика: «да надзирають, рече, опасно юношу онаго, да, отъ бѣсовскаго мученія обезумѣвъ, во огонь или въ воду ввержетца». Самъ же благочестивый царь послалше къ болящему юноши повседневную пищу, и елико здравъ больный явитца, повелѣваетъ возвѣстити себѣ. И сему тако бывшу, *болный же* не мало время въ таковомъ бѣсовскомъ мученіи пребысть. Бысть же Юля мѣсяца въ первый день юноша оный необычно отъ бѣса умученъ и абіе, заснавъ мало, яко бы на явѣ, нача глаголати, изливая слезы изъ очей *своихъ*, сице рече: «О всемилостивая госпоже, царица *Богородице!* помилуй, Владычице! помилуй! не солгу бо, всецарице, не солгу; но исполю, елико обѣщаюся ти. Домашніи же и снабдѣвающіи воини, таковыя глаголы отъ больнаго слышаще, удивившася, глаголюще, яко нѣкое видѣніе видить. Егда же болный отъ сна возбнувъ, приступи къ нему сотникъ и рече: «Повѣждь ми, господине Савво: что таковыя глаголы со слезами и къ кому реклъ еси?» Онъ же пакы начатъ омывати лице свое слезами, глаголя: Видѣхъ, рече, ко одру моему пришедшу жену свѣтолюбну и неизреченною свѣтлостію сіяющую, носящу же ризу багряну, съ нею же и два мужа нѣкія, съдинами украшены: единъ убо во одеждѣ архіерействѣй, другій же апостольское одѣяніе имущъ: и не мню ниѣхъ токмо жену быти пресвятую Богородицу, мужей же одинаго наперстника господня, апостола Юанна Богослова, втораго неусыпнаго стража града нашего, Москвы преславнаго во іерарствѣхъ архіерея Божія, Петра Митрополита, ихъ же подобія образъ знаю. И рече ми свѣтолюбная оная жена: Что ти есть Савво? и чесо ради тако скорбиши? Азъ же рѣхъ ей: «Скорблю, владычице, яко

прогнѣвахъ Сына твоего и Бога моего и тебя, заступницу рода человѣческаго, и за сіе бѣсъ люте мучить мя.» Она же, ослабився, рече ми: «Что убо мниши: како ти избыти отъ скорби сія и како ти выручити рукописаніе твое изъ ада?» Азь же рекъ ей: «Не могу, Владычице! не могу, аще не помощію Сына твоего и твоею всеспильною милостію.» Она же рече ми: «Азь убо умолю Сына своего и Бога моего; токмо единъ мой глаголь исполни; аще избавлю тя отъ бѣды сея, хочещи ли монахъ быти?» Азь же тыя молебныя глаголы со слезами глаголахъ ей во снѣ, яже и вы слышасте; она же пакы рече ми: «Слыши, Савво: егда убо приспѣтъ праздникъ явленія моего образа, иже въ Казани, ты же приди во храмъ мой, яже на площади у ветошнаго ряду, и азь предъ всѣмъ народомъ чудо явлю на тебѣ.» И сія рече, невидима бысть. Сія же слышавъ сотникъ и приставльшія воини отъ Саввы изглаголанная, вельми почудишася. И нача сотникъ и жена его помышляти, како бы о семъ видѣніи возвѣстити самому царю, и умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвѣстила о семъ въ цареvy палаты и возвѣщаетъ ближнимъ сигклитомъ. Они же немедленно внушаютъ царю о бывшемъ видѣніи саввиномъ. Егда же слышавъ царь, вельми почудися. И начаша ожидати праздника оного и егда же приспѣ время Юля 8 числа, бысть праздникъ пресвятыя Богородицы Казанскія: повелѣваетъ же царь болящего оного Савву до церкви привести. Бысть же въ день той хожденіе крестное изъ соборныя церкви Успенія пресвятыя Богородицы; въ томъ же ходу былъ и самъ царь. И егда же начаша божественную литургію пѣти, принесену же бывшу и болящему оному Саввѣ и положенъ внѣ церкви на коврѣ. Егда бо начаша пѣти херувимскую пѣснь, и се внезапно бысть гласъ съ небеси, яко громъ велій возгремѣ: «Савво! возстани; что бо медлиши? и приди въ церковь мою и здравъ буди и къ тому не согрѣшай!» И абіе спаде отъ верху церкви богоотметное оно писаніе саввино, все заглажено, яко никогда же писано предъ всѣмъ народомъ. Царь же, видѣвъ сіе чудо, вельми подивися; больной же той Савва, вскочивъ съ ковра, яко же никогда же болевъ, и притече скоро во церковь, паде предъ образомъ пресвятыя Богородицы, нача со слезами глаголати: «О

преблагословенная Мати господня, заступнице и молебнице о душахъ нашихъ къ сыну своему и Богу! избави мя адскія пропасти! азъ же вскорѣ исполню обѣщаніе свое.» Сія же слышавъ великій государь, царь и великій князь Михаилъ Федоровичъ всеа Россіи повелѣтъ призвати къ себѣ онога Савву и въпросивъ его о бывшемъ видѣніи; онъ же повѣда все по ряду и показавъ ему писаніе свое. Царь же подивися тому зѣло, божію милосердію и несказанному чудеси. Егда же отпѣша божественную литургію, поиде Савва въ домъ сотника Іакова Талова, яко никогда же болѣвъ. Сотникъ же той и жена его, видѣвъ надъ нимъ милосердіе божіе, благодаривъ Бога и пречистую его Богоматерь.

Потомъ же Савва, раздавъ все имѣніе свое, елико имѣяше, убогимъ; самъ же иде въ монастырь Чуда архистратига Михаила, идѣ же лежатъ мощи святителя божія Алексѣя митрополита, иже зовется Чудовъ, и воспріавъ иноческій чинъ, и нача ту жить въ постѣ и молитвахъ, непрестанно моляся Господеву о согрѣшеніи своемъ. Въ монастырѣ же ономъ поживе лѣта довольна, ко Господу отиде въ вѣчный покой, идѣ же святіи пребываютъ. Буди же Вседержителя Бога слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРЪШНЕ ЛИТОВСКАГО ПРОТОПОПА ЛАВРЕНТІЯ ЗИЗАНІЯ СЪ ИГУМЕНОМЪ ПЛЕЮ И СПРАВЩИКОМЪ ГРИГОРІЕМЪ ПО ПОВОДУ ИСПРАВЛЕНІЯ СОСТАВЛЕННАГО ЛАВРЕНТІЕМЪ КАТИХИЗИСА ¹⁾.

В лѣто 7135 Февраля въ 18 ден по указу государя святѣйшого кир Филарета, патрарха московског і всеа Руси, Богоявленскому игумену, что на Москвѣ, из ветошного ряду

¹⁾ По рукописи второй половины XVII вѣка, писанной скорописью.

Цль да Гришке от книжные справки велено говорит с коретцким протопопом из Литвы с Лавреньтеем Зизани о исправленных статьях из книги Оглашения, которою он из Литвы привез своего слогу, и билъ челомъ государю святѣйшему патриарху, чтобъ еѣ изравити; а именована книга Оглашенно. И государь святѣйшій кир Филарет, патриархъ московскіи і всеа Русіи, пренямова Бесѣдословіе, понеж Оглашенно есть книга Кирила, архиепископа Неросалимско-го, новокрещаемыхъ во Неросалиме: ино единомъ именемъ многимъ книгамъ быти пелѣпо. Исправа, государь святѣйшій патриархъ велѣл еѣ протопопу Лавреньтию отдат, а о тѣхъ статьяхъ, которые в ней несходны с рускими и греческими переводы о божествѣ і воплощеніи, и о страсти господни и о всякомъ дѣйствѣ христіанскогъ закона, а велено поговорити любовнымъ обычаемъ и смиреннемъ права; а говорити намъ велено с нимъ на государеве казенномъ дворѣ в нижней полате передъ государевымъ бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ, да передъ дьякомъ думнымъ Федоромъ Лихачевымъ.

Первая справка. Написано у Лаврентея протопопа вопросъ: Отецъ убо боліи Сына и Духа Святаго есть, понеже от него оба имутъ божество; а во отвѣте глаголетъ: Отецъ Сына Духа Святаго равныхъ себѣ собра. И о томъ отвѣте игуменъ Цль Лавреньтию рече: велѣлъ де тебя допрошатъ государь святѣйшій патриархъ Филаретъ московскіи і всеа Русіи. Писано у тебя в отвѣте: Отецъ Сына и Духа святаго равныхъ себѣ собра, от которогъ богословія взято? Понеже аще Отецъ Сына и Духа Святаго собра: то откуда собра? мы собранія святія Троица не глаголемъ: вѣруемъ бо, яко единакунна есть святая Троица, тако и исповѣдаемъ.

Лаврентей тоѣ рѣчи отпирался и рѣклъ: Покажите ми писмо мое, а я тово не писывал. И какъ писмо сѣю показали ему, и онъ сказалъ: То де превотчикъ погрешилъ, а не я; я де писалъ: Отецъ Сына і Духа Святаго изведе, а не собра. И князь Иванъ Борисовичъ спросилъ Лавреньтея: По литовскому де языку какъ вы говорите: собра? И Лаврентіи сказалъ тожъ и по литовскому языку собра. И потомъ спросилъ: А изведе какъ? И Лаврентей сказалъ: по нашему и изведе. И мы ему: А хотя и изведе, ино и то о Святей единакунной Троицѣ не богословно, по-

неже купно Святая Троица, а ни един единого не последи, ни преже ни изведе, ни собра.

Муж пакы рѣхом ему: У тебяж в книге, Лаврентие, воспрос: Чимъ убо разньствует един от другаго божия составъ, снѣ рѣчь лица? Твой отвѣтъ написан: Отець разделенъ есть от Сына и Духа Святаго изволением. А вси богословцы исповѣдают во Святѣй Троицѣ едину волю и мы тако вѣруем вси православнии християне. И Лаврентей рече: И я так вѣрую едину во Троицѣ волю, а то все от перевотчика, а я де таковы рѣчи не писал: укрой Боже всякого православнаго так писати. Да у Лаврентеяж протопона в книге его писано было о страсти хрестове. Сказывает: Сама плоть умре и погребена бѣ, по соединенію же лица, еже есть состава, Богъ умре и погребенъ бѣ, понеже образ слова во плоти бысть, еже умре; по истинному рождению божества слово сице с небеси, не плоть; по роженію же челоувѣчества плоть умре, не слово; а по соединенію лица, еже есть состава, и слово умре и погребено бѣ.

И мы ему про то рекли: Ино так ты, Лаврентие, и божеству с плотію страдати глаголеши? Онъ же рече: Тако глаголю, понеже по соединенію состава страдала плоть, страдало и божество. Мы же к нему рекли: А не глаголи, Лаврентие, сего, еже с плотію страдати божеству; сие убо Арніи и прочіи еретицы глаголют, насже, православных християн, да сохранитъ Господь Богъ от таковаго злаго начинанія. Лаврентей рече: А то вѣм: сего вы не разумѣете, что есть по составу соединеніе и тѣм соединеніемъ страдати глаголю божеству и челоувѣчеству. Мы же по ревности вѣры съ яростію глаголахом: Сего ли мы не разумѣемъ по составу соединенія Превѣчное Слово божіе на послѣдок временъ воплотися от пресвятыя Дѣвы Маріи и тѣма стекшемася двема естествома и родися единъ составъ Хрестоу, то есть по составу соединеніе Бога и челоувѣка, снѣ рѣчь, во единомъ составѣ совершенъ Богъ и совершенъ челоувѣкъ. Такли глаголемъ? толи по составу соединеніе? Лаврентіи рече: Тако есть; сего ради и пострада Богъ с плотію, понеже во единомъ бѣ составѣ. Мы же пакы глаголахом ему: Не пострада Богъ с плотію, но пострада Богъ плотію. Лаврентіи рече: Не пишет ли тако, что Богъ родися, Богъ на земли явися, Богъ со челоувѣки поживе, Богъ пострада,

Богъ погребен бысть, Богъ воскресе? Мы же рекохом ему: Пишет не тако, якож ты глаголеші; не просто пишет: родися, родибося первие от Отца, иже прежде всѣхъ вѣк, яко же от солнца свѣтъ; тожъ пакы в лѣта от чистыя Дѣвы родися плотню, и со чловѣки поживе плотію, и пострада плотню, и погребесея плотню, а воскресе божествомъ. Аще Богъ пострада и погребесея, кто же во адъ сице и оттуду праведныхъ душа от руки дьявола свободить? и кто смерть разруши и дьявола связа? Ты бо глаголешы: Богъ пострада. Аще Богъ пострада, то все божество пострада: пострадали (sic!) Сынъ, пострада Отецъ и Духъ Святый: неразлучно бо есть божество Святыя Троица. Вѣдай, яко невозможно есть с плотню страдати Богу, но плотню, обожена бо плотню страдати Богъ насъ и нашего ради спасенія изволилъ есть.

Лаврентіи рече: Да что же? или различилося, вы мните, тогда божество от соединенія по составу, егда Христосъ страсть претерпѣ? Бога ради не смущайтесь і вѣдайте истину, еже неотлучно было божество от плоти, егда Христосъ пострада.

Мы же пакы вѣдахом ему: Мы утвержени есмы на основаніи божественныхъ словесъ апостолскаго ученія і боговсныхъ отецъ, а смущатися намъ не откуды: всегда церковъ божія внушаетъ намъ и учитъ, что плотню Богъ пострада, а божествомъ безстрастенъ пребысть и неотступенъ, непрелогамъ бо воплотися от чистыя Дѣвы Маріи неизреченно, и есть неописанъ по церковному гласу: глаголетъ бо ся: во гробѣ плотскій во адѣ же со душею яко Богъ, в ранъ же с разбойникомъ и на престолѣ съ Христе со Отцемъ и Духомъ, вся исполняя неописанныи.

Лаврентіи рече: Да аще неотступно было божество, то уже и пострадало по составу плоти. Мы же пакы рекохомъ ему: Не пострада божество и страдати неимѣстно есть божеству. Видишили, яко неописано есть божество и Троица неразлучна Богъ нашъ? Рцы ми: аще желѣзо будетъ во огни разжжено, и егда бываетъ, акы огонь; ты что о немъ глаголешы: два ли естества тогда бываетъ во едномъ составѣ или едино?

Лаврентіи рече: Всѣ вѣмы, что два естества тогда быти могутъ: едино огненное, другоежъ желѣзное. Мы же пакы рѣ-

хом ему: Егда бьет ковач желѣзо, стражет ли огонь от ковачева биенія? Мы же рѣхом: А от ково страдати Богу? Лаврентіи рече: Богъ страдал по составу соединенія плоти. Мы же пакы рѣхом: Како убо Богъ страдал по составу соединенія плоти, а огонь не стражет по составу соединенія желѣза? или крѣпчайши есть Творца твар? Богъ убо всѣхъ творецъ есть, огонь же твар, яко и прочая зданія.

Лаврентей к тому ничтоже рече, а как он в книге ту статью прочитал, как Богъ плотию пострадал и он еѣ похвалил и потомъ о той статьѣ противныхъ речей никакихъ не было.

Да тутже у Лаврентея в книгѣ вопросъ: Всѣ ли убо во аде во единомъ мѣсте пребываютъ крещенніи и некрещенніи? И глаголетъ отвѣтъ Лаврентиев: Православныхъ христіян души, которые с покойниемъ умерши в первомъ аде сѣуть, а под ними в другомъ мѣсте сѣуть некрещенныхъ душа. И мы тот отвѣтъ переменяли, для того что православнымъ христіяномъ то и надежда вся, что послѣднимъ покаяннемъ от ада і всѣхъ вѣчныхъ мукъ свободу получаютъ. И написали от святыхъ и божественныхъ писанніи, какъ намъ государь святѣйшии кир Филаретъ, патріархъ московскіи і всеа Русіи, велѣлъ, что православныхъ христіянъ покаявшихся души во аде не бывають сведени.

И игумен Пша спросил: Чье ино преданіе, Лаврентие, проповѣдуешь? Лаврентей рече: Что я ино проповѣдую? Мыж пакы рѣхомъ к нему о отшедшихъ душахъ, иже во всякомъ небреженіи препроводиша житіе свое. Мыж рѣхомъ ему: Мы глаголемъ о отшедшихъ душахъ: с чистымъ и истиннымъ покойниемъ не сходитъ во адъ, а во аде соединимъ душамъ бесъ покаяннія нѣсть исповѣданія по пророческому реченію: во аде же кто исповѣсть ти ся, Господи?

Лаврентей рече: Прямо у насъ в Литвѣ про васъ говоритъ князь: увидиши де, Лаврентие, какъ московскіе люди о душахъ своихъ мудрствуютъ, а и не вѣдаютъ, что о нихъ истина. И князь Иванъ Борисовичъ спросилъ протопопа Лаврентія: Кой князь то говоритъ? И Лаврентіи имя сказалъ, только мы в то время того имени не виали, потому нѣсть об немъ слова намъ ни едино. Мы же рѣхомъ ему: Что намъ разумѣти умыслы своими? Писали о томъ до насъ Иванъ Златоустыи и Афанасіи Александриискіи и Домаскии Иванъ и прочіи святіи отцы вси, что с чистымъ по-

коянием преставшихся душа православныхъ христіян отходятъ в мѣста свѣтла, в руцѣ божіи, идежъ Богъ вѣсть. Лаврентіи рече: Да како видетъ душа в мѣста свѣтла, которая жпв во скверне всякой и страстнойъ нечистотѣ и предъ концемъ покааяся, а опитемни не исправитъ? Таковыхъ душа во адъ сводятся и об нихъ после церковъ молит и потомъ от ада свободятся. О томъ пишетъ і в троеди цветной в молитвахъ на пятдесятный денъ о еже во аде держимыхъ свободилъ еси приимати великихъ подовая имъ надежу ослобленіе держимымъ.

Мы же рѣхомъ: Се ослобленіе держимымъ во аде, а не изведеши изъ ада глаголетъ молитва, да найдешъ и то слово в сей же молитве, что в ней писано есть в сей всесовершенный и спасительный праздникъ, снѣ рѣчь сошествія ради Святаго Духа, утешенія и ослабленія бываетъ во аде душамъ грѣшнымъ, но непокаявшимся, а покаавшихся душа всегда суть в веселіи и радости неизреченнойъ пребываютъ. А что глаголеши: церковъ молит, ино всѣ мы о томъ вѣдаемъ, что церковъ молит о всѣхъ сущихъ на земли и о отшедшихъ душахъ во адъ, аще и безъ покаанія, да по ней малу получаютъ отраду на время оно, в неже принесетца о нихъ приношеніе Богу; и о тѣхъ церковъ молит, которые і во свете суть, иже съ покааніемъ отъидоша житія сего; и о святыхъ всѣхъ церковъ молит, да по точію о святыхъ всѣхъ, но и о самой пречистой Богородице ты самъ, престолу божію предстои, глаголеши по прочихъ всѣхъ чинѣхъ апостола и пророка: Изрядно претѣи, преблагословенней Владычицѣ нашей Богородице и присно Дѣвѣ Маріи.

Лаврентіи рече: Почеть церковъ святымъ приноситъ, а не умоляетъ. Мыжъ рѣхомъ: Чемъ почеть приноситъ? не моленіемъ ли и поминаніемъ праведныхъ душа, но о томъ потомъ речемъ; скажи намъ нынѣ то едино: гдѣ есть писано, что православныхъ христіянъ, покаавшихся, душа во адъ сводятъ? Лаврентіи рече: В троеди цветной. И мы рѣхомъ: А то писано в троеди о малемъ утѣшеніи во аде душамъ непокаявшимся, а покаавшиися душа всегда во утѣшеніи суть. А тебя спрашиваемъ не о томъ, что утѣшеніе и ослабленіе мало душамъ во адѣ бываетъ, но о томъ дай отвѣтъ: гдѣ писано, что покаавшихся православныхъ душа во адъ сводятъ?

Лаврентіи рече: Вамъ что о томъ мнитца, гдѣ душа покаав-

шихся, которая во многих грѣсѣхъ жившая? Мыж паки рѣхомъ ему: Не мнимъ, но право вѣруемъ і во истинну исповѣдуемъ, яко Богъ есть кающихся: самъ Господь о Юде предатель своемъ рече: добро было Юде, аще бы ся покался. Видиши ли? Аще бы ся Юда покался, не бы во аде был и аще бы ся покавшихся грѣшныхъ душа во адъ бы сходила, не бы Господь Юде рѣкъ: добро было Юде; во адѣ коему быти добру? И паки Господь пророкомъ глагола: помянутца Богу вся согрешенія его, вонъже день аще обратится ко мнѣ. Лаврентіи рече: Никако нельзя чловѣку, не исполня епитемии, внити в рай. Мыж рѣхомъ ему: Страданіе Господня исполненіе епитеміи кающимся душамъ грѣшнымъ, понеже покаенія омовеніе есть греха, еже по крещеніи кающимся душамъ во исходехъ своихъ, еже от телеси; имже совершенное очищенія тѣло и кровъ христова; да что много и многословити намъ о томъ? Скажи намъ о разбойницѣ, иже при страсти господни распятому: праведнымъ или грѣшнымъ его нарицаши, егда бысть в жизни своей? Лаврентіи рече: Яве есть, яко злодѣй той былъ. Мыж ему рѣхомъ: Да гдѣ душа взята его по исповѣданіи, во аде или в раю? Лаврентіи, о томъ не мало помысливъ, рече: А то нынѣ дошелъ ты меня, а потомъ и я тебя дойду. Мыж къ нему рѣхомъ: Доходи, а мы отъ тебя не бежимъ, гонити хотимъ; а которое слово правдою само себя изяснитъ, тому паче і вѣровати подобаетъ.

Въ книгѣж, у Лаврентія написанъ вопросъ: Како спсѣ разумѣти имамъ о существѣ божіи? І въ отвѣтѣ написано: Оба существа свое имутъ: Сынъ рожденіемъ, а Духъ Святыи исхожденіемъ.

И игуменъ Илія спросилъ у Лаврентія: Для чего ты, Лаврентіе, во своемъ отвѣтѣ нарицаши: оба существа свое имутъ, Сынъ и Духъ Святыи? И такъ по твоему будетъ во святей Троицѣ три существа?—И Лаврентіи тое рѣчи отпирался, а говорилъ: То де переводчикъ написалъ, а у меня де было написано: оба существа свои имутъ, а не существа.

И мы о томъ рекли: Можетъ такъ быти, что во она мѣсто азъ поставитъ переводчикъ. И князю Ивану Борисовичю молвили мы, что единымъ словцомъ азбучнымъ ересъ о божествѣ вводится, буде у Лаврентія написано: оба существа свое имутъ—ино добро такъ; а будетъ написано: оба существа, ино противно

Божеству, потому что существо едино, а существа не едино знаменует многа, толко мы языка полского не разумѣем и для того мы остерегаемъ, чтобы намъ прямо с переводчикова писма поставит, а переводчик остерегайся, чтобы онъ прямо съ языка на языкъ перевел. И государевъ бояринъ князь Иванъ Борисовичъ да думной дѣкъ Федоръ Лихачевъ тетрадку Лаврентьева переводу взявъ, посмотрели и видели, что написано: оба существа, а не существо. И Лаврентій о томъ клятвами клялся, что онъ не писывал: оба существа, но существо писал.

Да мыжъ молвили Лаврентію, что надобно въ божественныхъ титлахъ писання тонкостію ума разсматривати, чтобы вмѣсто лица не написатъ образа и вмѣсто образа лица, потому что лица в Троицѣ три, а образъ одинъ и сего ради имя лице свойство во Троицѣ являет, а образъ существо едино в Троицѣ.

И Лаврентій молвилъ: Есть разнь между лица и существа. И потомъ Лаврентій от грамотики почелъ говорити олофографію: Есть де иная разнь в писменахъ между образа и образов, инде де надобно оникъ маленькой, а инде де большой. И мы ему отказали: Та, Лаврентіе, дѣцкая рѣчь учащихъся буквамъ, что писменами разумѣти единство и множество, а мы ныне не о такомъ дѣлѣ упраздняемъ. И Лаврентій к тому ничтожъ отвѣщалъ.

В Лаврентьевѣжъ книгѣ написано: Мочно де человекъ крестити и не во освещеней водѣ.

Игумень Ілія сказалъ ему: У насъ де про такое дѣло в божественныхъ правилехъ не обрѣтается, что не во освещенной водѣ креститъ человекъ и по милости божіи вездѣ в рустей землѣ крещаютъ освещенною водою; о томъ нечво дая и бесѣды простирати и новый обычей вводити: мы не приемлемъ.

Лаврентій рече: У васъ де грѣческихъ правилъ нѣтъ. Мыжъ рѣхомъ ему: Всѣхъ грѣческихъ старыхъ переводовъ добрыхъ правилъ у насъ есть, а новыхъ переводовъ грѣческаго языка и всякихъ книгъ не приемлемъ, потому что Греки ныне живутъ в теснотахъ великихъ между невѣрными и по своихъ воляхъ печатати имъ книгъ своихъ не умѣтъ, и для того вводятъ иныя вѣры в переводы грѣческаго языка, что хотятъ; и намъ такихъ новыхъ переводовъ грѣческаго языка не надобны, хотя что и есть в нихъ от поваго обычая напечатано и мы тотъ новой вводъ

не приемлемъ. И Лаврентіи рече: То де и мы новых переводов книгъ греческаго языка не приемлем же: искажены де по стромам.

Да у Лаврентеяж в книге, как убогая жена в сокровищное хранилище ввергла двѣ лѣпты: ино у него вмѣсто двухъ лѣптей написано два хлѣба. Да у негож в книгѣ, как Господь Богъ явился Моисею в купинѣ, и у него написано во шѣ, гдѣ рещи: в купинѣ.

И как игумен Илья спросил у Лаврентія про тѣ имена: для чего он их переимени, а написал за лѣпты хлѣбы, а за купину пень? И Лаврентіи, розсмеявся, молвил: Я де купину купиною пишу, а не пнем, а лепты лѣптами, а не хлѣбами; вы де вѣдаете, что купина.

И мы ему рекли: Вѣдаем сербскимъ языкомъ купина, а по рускїи кустъ. И потом учалъ говорити, чтобы де я толко вѣдал, и я бы де свою книгу подалъ всю на словенскомъ языкѣ государю святейшему патриарху, а то де много переводчикъ не так поставилъ.

И потом игумен Илья, воставъ с книгою, и рекъ ему: Да уж то де ты, Лаврентіе, и не кручинися: для того тѣ статьи тебѣ и объявлены, которые были в твоен книгѣ не прямо написаны, и тѣ всѣ статьи государь святейшїи кир Филарет, патриархъ московскїи і всеа Русїи, самъ исправилъ и, исправя, нам велѣлъ напечатати и, напечатавъ, тебѣ отдати. И говоря ту рѣчь, книгу ему отдалъ. И Лаврентіи книгу взялъ чесно и целовалъ любезно и говорилъ: Спаси Богъ государя святейшего Филарета, патриарха московскаго і всеа Русїи, что он, великїи государь, наше прошение исполнилъ.

И потом, обычными поклоненїи совершивъ бестѣду, разошеся.

На завтриежъ Февраля въ 19 денъ велѣлъ государь святейшїи кир Филарет, патриархъ московскїи і всеа Русїи, игумену Илье да Гришке от книжныя sprawy быти у протопопа Лаврентія на подворьѣ и говорити с нимъ о тойж книгѣ Бесѣдословїи.

Как мы к нему приѣхали и первне спросилъ нас: Как вы называете и что именуете вѣру свою? І мы ему отвѣщали: Вѣру нарицаемъ христову, преданную намъ святыми апостолами его и утверженную святыми отцы, иже на седми святыхъ все-

ленских соборех сошедшихся. Протопоп рече: Ино то стала вѣра хрестова; как же ты ее назовеш от своего лица? егда кто тя спросит: что твоя вѣра? и ты ему как ея наречешь? Мыж отвѣщахом ему спше: Отвѣщаем: вѣра есть о Бозѣ несумнѣнное вѣданіе и исповѣданіе о нем безстрастное. Протопоп, подумав много, рѣкъ: Что есть безстрастное исповѣданіе, невѣдою: страсти именуемы есть похоти. Мыж отвѣщахом ему: Не о похотѣх туто слово, но о безстрастїи, сїи рѣч без страха исповѣдати Бога, не боятис судей страшных, ни мучителей лютости, ни мук всякихъ прещенїя, но всяко со дерзновеннем многим исповѣдати того, яко вси мученнцы святїи. Протопоп рече: Прямо так добро.

Потом спросили мы у протопопа: Лаврентіе! такли ты исповѣдаеш, что Отець начало всему божеству, сїи рѣчь Сыну и Духу Святому? Лаврентїи рече: Такъ я исповѣдаю: Отець есть начало всему божеству. Мыж рѣхом ему: Отець ни от когож? Лаврентїи тож рече: Отець ни от кого же. Мы пакн рѣхом: Ни самъ от себе? Лаврентїи тож по нас рече: Ни сам от себе. Мы пакн рѣхом к нему: Тож і во Іванове книзе Домаскиина глаголет во вѣсѣм ево словѣ: Отець ни от когож начало имат, ни сам от себе; а в твоей книзѣ в отвѣте твоём писано есть: Отець самъ от себе и бытїе свое и божество от себе же имат. Аще сам от себе Отець, ино будет начало себѣ; да тойж Отець пакн будетъ другое начало Сыну и Духу Святому; и так будет два начала в божествѣ: первое начало Отець самъ от себе, другое Сыну и Духу Святому. И протопоп рече: Тут де я виноватъ есть, проступилсѣ: прямо де Отець ни от когож начало имат.

У протопопаж Лаврентїя написанъ вопросъ: Первіе ли Отець бысть и пакн Сынъ и Духъ Святыи? І во отвѣте писано: Единым часомъ прежде вѣкъ бысть три лица. И мы ему рекли: Аще едїнемъ часомъ прежде вѣкъ три лица, то во временехъ начало Святїи Троиць глаголеши быти, понежъ прежде вѣкъ чемы являеши. Внемли себе право о семъ, яко Троице есть безначальное естество и существо, а сже прежъ вѣкъ божественная писанїя нам не являетъ никакихъ времен, ни лѣтъ, ни дней, ни пощей, ни часовъ: тыже в какомъ во едїнемъ часѣ прежде вѣкъ три лица быти глаголеши? Протопоп Лаврентїи

рече: Вижу, честнѣйшіи отче, что мнѣ спроставалосѧ, і вы Бога ради простите. Да у Лаврентіяж в книгѣ о божествѣ написано так: Отецъ Сына роди, какъ рождает орел орла и сокол сокола. И мы ему о томъ говорили, что тотъ прикладъ худъ и къ божеству зело незлѣпотен. И Лаврентіи рече: Худа нѣтъ: не дѣло къ дѣлу приложено, но естество къ естеству. И мы ему рекли: А то то и худо, что естество къ естеству прилагаеши, а не по подобію его. Протопопъ рече: Да како и какво по подобію? Мыж паки рѣхомъ ему: Подобія убо божию естеству нѣсть въ человѣцѣ, а вмещенія ради разумнаго намъ есть прилагаема во святыхъ писаниихъ отъ солнца, луна, отъ огня свѣтъ и прочая таковыхъ, а птицы орла и сокола для того незлѣпо есть прилогати тутъ къ рожденію Сына, еже отъ Отца, понежъ соколъ и орелъ супружество имутъ и птица злѣпое похотѣніе имутъ, яйца рожденныя имутъ, на нихже многое время самка сѣдитъ и болитъ, и потомъ яйцо плодъ выколупитъ или болтуномъ исчезнетъ, и сего ради къ божественному естеству отъ сихъ ничтожъ прилагаемо: неизреченно бо есть.

У Лаврентіяжъ протопопа въ книгѣ ево написанъ вопросъ: Како едино лице отъ другаго разделимо бываетъ? Въ отвѣтъ написано, что Отецъ Сыну и Духу Святому даде или приобщилъ имъ все то, елико въ себѣ имать. И мы ему учили говорити: Сие слово пристойтъ, идежъ бываетъ бесѣда о смотреніи вочеловѣченія слово божиа, еже даде или приобщилъ человѣческому естеству, а не естеству божества Святыя единосущныя Троица. Лаврентіи рече: Да вѣдаете, яко Отецъ есть начало всему божеству и что иматъ Отецъ, тожъ и Сыну і Духу Святому даетъ имѣти и приобщаетъ ихъ во всемъ, что иматъ Отецъ.

И потомъ учили мы ему говорити: Зело, Лаврентіе, смѣло дерзаети многоглаголати о божествѣ Святыя Троица; или мнишися паче богословцовъ древнихъ достигнути глубинну крайнего богословія? Лаврентіи рече: Да каая вина, что иматъ Отецъ, то все даетъ Сыну і Духу Святому и приобщаетъ ихъ во всемъ, еже имать самъ? Мыж паки ему рѣхомъ: Слыши Лаврентіе: сказоваешися христианинъ и мы христиане есмы и по сему нарицанию нашему и твоему о божествѣ Святыя Троица и о вочеловѣченіи Присносущнаго Слова прѣвнню быти незлѣпо есть; ащели жъ пренню быти в насъ, то ужъ нѣкая разнь

имать быти в нас и требует исправления. Лаврентіи рече: Ея християнини есть (sic!) вѣры греческия, якож і вы, а не иные ни-которыя; а что глаголю Отець Сыну і Духу Святому даде или приобщи им все то, елико имат, и мнѣ видится то не вина, потому что имат Отець сему приобщает и Сына и Духа Святаго. Мыж рѣхом: Не приобщает, ни дает, но все купно имат Святыя безначалныя и живоначалныя Троица: едино бо царство і власть и господство, едино хотѣние, и сила, і владычество. Лаврентіи рече: Да какъ тог дѣйства не описати, чѣмъ разделяется едино божество в три лица и которыи состав от коего что имат и како имат? Мы рѣхом: Много о томъ правовѣрніи богословцы не писалии намъ паче искати не подобает. Протопопъ рече: Да какъ не объявитъ ипостасніи Святыя Троица? Мы наки рѣхом: Являемъ то, что правовѣрніи богословцы намъ явиша, еже от Отца Сынь и Духъ Святыи яко от источника двѣ реки исходяща, или яко от корене богорастныя цвѣты. Лаврентіи рече: Такъ то и я помню; толко то приложено умнаго ради выразумения, а не троичнаго существа явленіе. Мыж рѣхом: І все приложения, а не существа явленіе, обаче приложение приложения ближайши к разумѣнію нашему бываетъ и яснѣйши на вмещеніе подоваетъ, яко писаніе являетъ три составы, три лица, три имена. Протопопъ рече: Да како имате ипостасная свойства? Мыж наки рѣхом: Разумѣти имамъ ипостасная свойства: нероженіе, роженіе и пзоженіе: Отцу убо нероженіе; а Сыну роженіе, Духу Святому исхоженіе. Протопопъ рече: Чтож иматъ Отець и что Сынь и что Духъ Святыи? Мыж наки рѣхом: А то иматъ Отець нероженіе, а Сынь роженіе, Духъ Святыи исхоженіе. Протопопъ рече: Да како много ничевож имутъ? Мы наки рѣхом: А ино что имутъ, то все обще имутъ: волю, и хотеніе, и силу, и славу, и престол, и седеніе, и честь, и поклоненіе, і всякое хваленіе: все суть обще Святаа Троица. Протопопъ Лаврентіи, наживнов главою, и ничтожъ къ тому вѣща.

У Лаврентеяж в книгѣ вопросъ: Судъ божіи колъ краты бысть? во отвѣте написано: Четверократенъ есть божіи судъ.

Мы убо рѣхомъ ему: Какіе четыре суды божіа возвѣщающіи? Святааж писанія вѣщаютъ намъ два пришествія христова на землю, а единъ судъ страшный, егда во второе и страш-

ное пришествіе свое воздасть комуждо по дѣлом его. Протопоп рече: А то Содому и Гомору судилъ есть Богъ. Мыж рѣхом: Не судилъ, но судити иматъ, понеж рече Господь к Моисею, яко вопль содомскіи и гоморскіи умножися ко мнѣ и греси ихъ велицы зело, сошедъ убо, да вижу. А не рече: да сужу, рекша, смирю. Протопоп рече: А егда душа отъ тѣла разлучитъся, не суд ли ей отъ Бога изыдетъ, гдѣ ей быти повелитъ? Мыж рѣхом: Прямо ты глаголеши, гдѣ ей быти повелитъ, и сие есть повеленіе, а не суд: судъ бо единъ всѣмъ общъ будетъ, о немже вѣщаетъ Матфей: егда приидетъ Сынъ человѣческій во славу своею и вси святіи и ангели с нимъ, тогда сядетъ на престоле славы своея и прочея. И Лаврентіи о томъ рекъ: Мнѣ де такъ спростовалося, і вы де Бога ради простите.

И потомъ Лаврентіи рече: Како де вы разумѣете о младенцахъ, которые родятся отъ вѣрныхъ человѣкъ: что они нарекутся? вѣрники сѹтъ или невѣрники?

Мыж рехомъ ему: Отъ вѣрныхъ родителейъ вѣрники сѹтъ младенцы, а не отъ вѣрныхъ родителейъ не сѹтъ вѣрники. Лаврентіи рече: Да како вы нарицаете вѣрна быти младенца некрещенова? не смущаетъся: понеж не крестится, не иматъ вѣренъ быти. Мы пакы рѣхомъ: Прямо глаголемъ, а не смущаемъся: по естеству бо младенецъ и до крещенія вѣренъ есть, отъ вѣрныхъ родителейъ родившійся, а отъ невѣрныхъ родителейъ невѣренъ есть. Лаврентіи, повертевъ головою, рече: Никако не возможно быти вѣрному младенцу некрещену, аще и отъ вѣрныхъ родителейъ родившемуся. Мыж къ нему пакы рѣхомъ: Вѣмы, яко реченно есть: аще не родится кто водою и духомъ не внидетъ во царство небесное; сего ради крещеніе человѣку именуемо есть второе рожденіе; аще и родится, а не крестится, неуродившійся родися, понеж аще не крещенъ и родившійся ничтожъ сынъ: роди бо ся въ небытія, а не въ бытія. Некрещеныи бо, аще і веренъ, но не сынъ въ лицѣ святыхъ; егдажъ крестится, тогда въ ликъ святыхъ причисловается; сего ради богословъ Григорій три роженія намъ рекъ: первое, ежъ отъ плоти, плотское роженіе; и пакы второе купелью духовною, и пакы обоемъ, ежъ есть духу и плоти нерозтлеваемое совокупленіе, общее всѣмъ воскресеніе. Лаврентіи рече: Ино богословъ первое роженіе отъ плоти рекъ, а вѣрна младенца до крещенія не нарицаетъ. Мы

рѣхомъ: Наричаа бы богословъ, аще бы слово о томъ настоаю: не прися много і не буди сопротивен дѣломъ своимъ. Лаврентіи рече: Коимъ дѣломъ своимъ противлюся азъ? Мы рѣхомъ: Сняъ дѣломъ своимъ противишися. Егда родится младенецъ и первно пришед перен, і вход его молитвою освятитъ; ты снѣдствуеши: ты еси перен. И паки именоваше его отъ святыхъ избранныхъ божиихъ дастся и знаменіемъ живоносного креста оградится: невѣрныхъ жъ младенецъ отъ всего сего удаляютъ родители ихъ. Лаврентіи рече: Да сыпъ божіи не паречется, аще не крестится: како можетъ вѣренъ быти младенецъ не крещеный, аще и отъ вѣрныхъ родителей будетъ? Мыжъ паки рѣхомъ ему: Въмъ, яко всыновленіе божіе купелию рождается всякъ человекъ, а сыпъ вѣрный и до купели парещися можетъ: мнози бо вѣрніи родители постятся и молятся чадородия своего ради і вѣроу прошеніе свое получитьі сподобляются, и сего ради сыпъ вѣры можетъ парещися вѣрныхъ ради родителей своихъ, или по прозрѣнію божію, яко же къ Еремію рече Господь: прежде, неже изыдеши отъ матери своея, освятихъ тя и пророка во языки дахъ тя. Видишили: Прежде изшествія отъ матери своея младенца не точію вѣрна, но и свята сотвори Богъ. Предтеча убо Иоанъ, и той, во утробе матерни възгравъ, поклонися Христу; тажъ и многъ во святыхъ обретаемъ, иже во утробахъ матернихъ освященіи сунъ. Лаврентіи рече: Да то вы о святыхъ глаголете: ихже сунъ святіи родители, свята и чада ихъ. Мы паки рѣхомъ ему. О святыхъ и о вѣрныхъ глаголемъ и о невѣрныхъ. Помни и ты свое слово, еже реклъ еси: ихже сунъ святіи родители, свята и чада ихъ; тожъ и о вѣрныхъ рцы: вѣрніи сунъ родители, вѣрна и чада ихъ. Да чтоже і многословити намъ о томъ? Егда убо два родятся младенца во единое время отъ вѣрна родителя суца и отъ невѣрна другое: како о нихъ судиши: равнили оба или единъ другаго лучшии нѣчимъ есть? Лаврентіи рече: Вѣдомо то і всѣмъ, что вѣрный младенецъ лучши, а отъ невѣрнова чево ждати? Мы паки рѣхомъ: Се и ты вѣрнова младенца вѣрнымъ нарицаеши, а невѣрного невѣрнымъ: почто с нами пришися? Лаврентіи потомъ ни что глагола къ намъ о томъ.

Потомъ рѣхомъ ему: Что, Лаврентіе, въ твоей книгѣ о божествѣ и о существѣ его писано вопросы и отвѣты дерзосно

зело и смѣло? А егда о чловѣцѣ вопросъ: Что есть чловѣкъ? Тогда глаголеши во отвѣтѣ: Непостижна сия вѣщь. Ино тако будетъ уничижено божество предъ чловѣчествомъ. Лаврентій рече: И что мнѣ спроставаѡс; простите, Бога ради. Мы паки рѣхомъ: Иную ты притчу о чловѣцѣ реклъ, душу и плотъ, какъ орса со свиньсю связаны. Ино в нашихъ обычаехъ греческихъ книгъ такъ-выя бесѣды о чловѣцѣ не ведутся; а мнитися намъ: тѣ простыя прилоги иманы изъ книги Езопа, франского мудреца, басносллагателя. Лаврентій рече: Знаю я езопову книгу и читалъ, толко то не изъ езоповы книги. Мы рѣхомъ: Ино изыной коей, тожъ подобной.

И потомъ того дни разыдохомся. На утринѣ двадесятого дни паки къ нему приидомъ. Рече Лаврентіе: Много понудихся и книгу едва не всю проидохъ: зело добра и мудра, а иное, мнитъ ми ся, кабы не всѣ с моего переводу писано, кабы иное переступлено. Мыж рѣхомъ ему: Переступили, что намъ велѣлъ государь святейшій киръ Филаретъ, патрархъ московскій і всеа Русіи, что было у тебя в книгѣ написано о крузехъ небесныхъ и о планитахъ, и о зодіяхъ, и о затмѣніи солнца, о громѣ и о молніи, и о тресновеніи, и о шибеніи, и о перупѣ, о комитахъ и о прочихъ звездахъ, потому что тѣ статьи изъ книги острологіи, а та книга острологія взята отъ волхвовъ елленскихъ и отъ идолослужителей, ино тутъ в книгѣ къ нашему правовѣрью несходна. Лаврентій рече: Чесо ради несходна? Я звѣздъ не писалъ, ни кола, ни счастья, ни роженія чловѣческаго, ни по звездамъ правленія житію нашему: толко язъ написалъ вѣдомости ради, чтобы чловѣкъ вѣдалъ, яко то есть тваръ божія, а то и мы о томъ не мудрѣствуемъ, чтобы звездамъ правитися житію нашему. Мыж ему рѣхомъ: Да чесожъ ради ты, вѣдомости ради, писалъ, а изъ книги острологіи ложныя речи, имена звездамъ выбиралъ, а иные речи отъ своего умышления призогалъ и не прямо объявлялъ? Лаврентій рече: Что язъ не прямо объявлялъ и ложныя рѣчи, имена звездамъ выбиралъ? Мыж рѣхомъ: А коя правда сказываеши: облака надувшися сходятся и ударяются и отъ того бываеъ, яко отъ камени і желѣза, громъ и огонь? и звѣзды называеши животными зверми, яжъ на тверди небесней? Лаврентій рече: Да какъ по вашему писатъ о звездахъ? Мы паки рѣхомъ: Мы пишемъ і вѣруемъ, како Моисей написа: и сотвори Богъ двѣ свѣтила ве-

лїкїя и звезды и постави их Богъ на тверди небоснеи, яко светити по земли і владеті днем и пощю, и розлучити между свѣтом и между пощю, а животными и зворами на рек Моисей. Лаврентіи рече: Да как светила шествия творят? Мыж рѣхом: По повеленію божию ангели служат, твар водяще. Писано бо естъ во втором законїи: оних, рече Моисей, постави предѣлы языком по числу ангель божиих; тако и о твари тѣмъж ангелы служати повелѣ: ангели, рече, гром, ангелъ молниєю, ангели дождей, ангели снѣгом, ангели мразом, ангели вѣтром и прочая. Лаврентіи рече: Волен Богъ да государь святѣйшіи Филаротъ, патриархъ московскїи і всеа Руси; азъ ему, государю, о томъ и бити челом приѣхал, чтобы мнѣ педоумепіе мое изправил, а то я и самъ вѣдою, что в книге моеи и не дѣла много писано.

Да переменили мы в твоей книге реч: Отче наш, иже еси на небесех! да освятится имя твое. И так у тебя естъ і во многих мѣстех книги твоея, а имя божиа не освящается, но освящает.

Лаврентіи рече: Будущего времени являет реч, как и прочая в молитве сей, прошения: да освятится, да придет, да будетъ. Мыж рѣхом: Рѣчь толко желателнаг образа может и настоящего времени не отступити; аще бы не желателнаго образа была рѣчь снѣ, то бы не прилагался к ней слог: добро да аз; было бы: освятится, придет, будет, а коли уж с предлогом рѣчь: да освятится, да придет, да будет; то являет желаніе и моленіе к дающему лицу, а простую рѣчь изъяснителную. Лаврентіи рече: По греческому языку так говорится, что освятится имя твое. Кто у вас умѣет по греческїи? Мыж рѣхом ему: Умѣем по греческїи столко, что не дадим ни у каковы рѣчи никакова слога ни убавити, ни приложити. Да естъ у государя нашего царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русїи перевотчикъ греческого языка и грамоте умѣють и псалмы в церкви говорят, і они говорят: да святится, а не освятится, аги асенто, а не: ина аги асенто. Да что нам о том и многословити? Долго, уже тому осмое столѣтїе идет, как на рускон языкъ греческая грамота переложена и часто на Руси бывають греческого языка енлосоем, а не слыхано ни от ково, чтобы кто говорил: да освятится; да и

у вас во всей Полшѣ и Литвѣ которые словенскимъ языкомъ говорятъ, да святится имя твое: говорятъ, а не: освятится. Да у вас же много печатныхъ книгъ выходитъ и ни в которой друкарне не бывало: да освятится; вездѣ: да святится имя твое. Лаврентіи рече: Мнѣ то повиделося, что то одна рѣчь: освятится, или: да святится; и в томъ я вишоватъ.

Паки к нему рѣхомъ: В твоейж книгѣ было написано, в тоуж молитве: Отче нашъ, сказываеши, что Господь Богъ рожденнем своимъ царь есть; но не до всеми ниже во всехъ благодатню своею царства есть. Лаврентіи рече: Такъ глаголю, понежъ злыми Богъ не царствуетъ, но благими. Мыж к нему рѣхомъ: Ктожъ злыми царствуетъ? Лаврентіи рече: Злобы начальникъ злыми царствуетъ. Мы паки рѣхомъ: Злобе ли начальника творца твари нарицаеши? Лаврентіи рече: Не творца злоначальника глаголю быти, но царя, надъ злыми царствовавши. Мы паки рѣхомъ: Аще не творецъ, то ни царь есть, понеже и не царствуетъ ничемъ; но точно злобе начальникъ, злобою точно царствуетъ, а не тварью: зло бо не суть кое естество, нижъ сотворено бѣ, но произволение токмо; а человекы сотворени сунтъ отъ Бога кромѣ злобы и всякия нечистоты, произволениемъ же своимъ быша злы. Но царствуетъ имъ единъ Богъ, тоуж и творецъ, иже и благими царствуетъ. Глаголетъ бо еуглисть Матѳей во сто шестомъ на десятъ зачалѣ еуглия своего: дасть ми ся всяка власть на небеси и на земли; то ужъ всеми и надо всеми единъ есть царь Господь нашъ Исусъ Христосъ. Аще не Господь злыми царствуетъ, да кто ихъ привлекаетъ отъ нечестия во благочестия, яко волхвы звездою, или яко Павла апостола отъ хулиника во благоуспѣшника христового еуглия и прочая? Лаврентіи рече: Самовластиемъ человекъ обращается к добродѣтели, якоже и злобамъ, имже почтенъ бысть исперва Адамъ отъ Бога. Мыж паки рѣхомъ ему: Прямо разумей, да и прочии о тебѣ укрепляются, а не падаютъ же. Лаврентіи рече: Да какожъ? Или не тако есть? Мыж рѣхомъ: Прямо не такъ; но се такъ: падаетъ человекъ самовластиемъ, востаетъ жъ властною и исправлениемъ божнимъ. Зри о семъ, како Адамъ самовластиемъ падая, Господь же убо прииде възскати и обрѣтъ, якожъ овча на ramo взя, ко Отцу принесе и ко своему хотѣнню. Се възска Господь, се исправилъ; тажъ и о всей вселеней Давидъ гла-

голет: Господь воцарися, ибо исправн вселенную, яже не подвижится. Отчего изправи Господь вселенную всю? Не во идоство ли самовластнем падшуюся? Отселе да навыкнешн, яко царствуетъ всѣми Господь един: Ельинны, і Июдѣими, и бѣсами, и противнымн по словеси присвоенна, рекше, исправления. Лаврентіи рече: Добро такъ. Яз рад покаратися, для тог сюды и приѣхал, да лутче навыкну отъ вашего преподобна.

Паки рѣхом ему: Да мыже у тебя в книге переменяли указ, что ты написал. Сказываеш: Мошно есть крестити во обстояніи бываемым: і диякону, и клирику, и иноку, и мирянину, аще гдѣ попа не будет. Лаврентіи рече: Писал аз таковоья рѣчи, понсж, аще гдѣ не прилучится священника, может крестити человекѣ диякон, и клирик, и инок, и мирскіи человекѣ. Мы же к нему паки рѣхом: Тогда ли во обстояніи глаголеши, егда прилучится коему граду во осаде быти? Он жо рече: То откуда тогдаимут священницы быти? входу і выходу не бывает тогда. Мыж паки рѣхом: Да кон град бывает ли таков, ідеж были дияконни клирики, а пона не было бы? Лаврентіи рече: Много тогобывает на земли. Мыж паки рѣхом: А егда гдѣ пона нѣтъ, а диякону и клирику како тут быти? И крещенію какому тут быти? Понсж, аще попа не будет, ниже вѣрніи тут могут быти; а гдѣ вѣрных нѣтъ, ни крещенія тут бывает во обстояніи и не во обстояніи: вѣрным бо без попа не точию креститися, но ни родитися, ниж умрети лѣпо есть; сего ради не смущайся, ни смущай. Размысли себѣ, како мошно мирянину крестити іли иноку? миро святое и елеи гдѣ возмет и како помажет і откуда тѣломъ христовым и честною ег кровию причастити крещающагося имат? Аще бо гдѣ попа нѣтъ, то ни литургия божественная будет: вся бо сия крещенію послѣдуетъ. Лаврентіи рече: Яз то написал не собою; до меня написано есть в правилех Августина епископа да Никифора, патриарха Царяграда. Мыж ему паки рѣхом: Никифора, патриарха Царяграда, правила знаем, яже сѣт изложены о церковныхъ счиненіяхъ двадесят и три иже с ним святыхъ отецъ, а тово правила в них нѣтъ, о комъ ты нам сказываеш; да быти не лѣтъ. А егда бы то было в никифоровыхъ правилех, было бы то і во иныхъ святыхъ отецъ правилех. Лаврентіи рече: А аз сказываю, что и в августиновыхъ пра-

вилех есть. Мы пакы рѣхомъ: Августина мы знаемъ, а правила его и прочихъ списаней в греческихъ переводахъ нѣтъ, потому что писанье его искажено от латынскихъ мудрецовъ на свои еретическїи обычаи. Лаврентїи рече: Да Августинъ православенъ былъ епископъ пппонскаго града и много писанье его положено есть. Мы же рѣхомъ: Въмы Августина, что онъ православенъ былъ и потомъ хрїстовы вѣры отверглься и едва Амвросіемъ, медіаланскимъ епископомъ, пакы направленъ бысть, потомъ же и до смерти своя Августинъ в покаянїи житїе свое скончалъ, а уже писанье и заповедей, и ученей и послансей никакихъ не писалъ, потому что таковымъ учить отцы не повелевають. Лаврентїи рече: Прямо было такъ, что отступалъ Августинъ хрїстіанскіе вѣры и пакы направленъ бысть Амвросіемъ, епископомъ медіаланскимъ; только есть сво словеса і в мелетїеве книгѣ, архіепископа Константина града. Пакы мы ему рѣхомъ: Аще і в книгѣ мелетїевѣ есть словеса августїнова, ино для того есть, что Мелетїи ту книгу писалъ Латїномъ о исхожденїи Духа Святаго и опресноцехъ и о прочихъ латынскихъ обычаяхъ, и тѣмъ Августїномъ обличалъ ихъ, потомъ что его нарицають себя учителя. И Мелетїи, не прославляя ученїя августїнова, писалъ; но латїнскую ересь тѣмъ обличалъ; а у насъ его ученїя нѣсть, а хоть гдѣ и обрящется и мы не приемлемъ для того, что латїнскаго обычая ученїя его; есть у нихъ и другой толковникъ, Еронїимъ зовомъ; такоже его писанїя не приемлемъ жъ, потому что многія книги греческїя по латїнскому обычаю исказили. Лаврентїи рече: Вѣдаемъ Иеронїима, а писанье его и мы не приемлемъ же.

Мы жъ рѣхомъ: Ты, Лаврентїе, сказаваешися вѣры греческїя, и глаголатъ греческїи разумѣши, и книги греческїя почиташи: чесо ради правиломъ греческїя вѣры не послѣдуеши? Лаврентїи рече: В каковомъ греческїя вѣры правилѣ азъ не послѣдую? Мы пакы рѣхомъ: Прилагаеши новой вводъ въ никїиоровы правила, чевъ в нихъ не бывало; а, мы мнимъ, тотъ вводъ у тебя быти от латїнскаго обычая. Сказываешь, что простому челоувѣку или иному можно есть младенца или какова челоувѣка крестити. Глаголетъ бо ся шестаго собора правило 59: Хотящимъ сподобитися божественнаго просвѣщенїя к соборамъ церквамъ приходити повелеваемъ і в нихъ таковъ даръ

пріимати; а сж в церквицах, в домѣхъ сущих, детей или кого крестити—снє правило отрицает. И паки тридесят девятое правило святыхъ апостолъ глаголет: Нес достоіно презвитеру или диякону без повеленія епископа своего ни людей связовати, сже есть отлучати, или умножити, или умалити епетицію, снї речъ запрещеніе, или ино что таковое творити, аще не будет дано им от епископа о том писанне. Коли паче не подобает и крестити имъ, а о простомъ шюке или о мирскомъ челоуѣцѣ что много и глаголати? Отнюд не имат сего быти, что мирянину или простому шюку крестити. Лаврентіи рече: Да есть в никифоровыхъ правилахъ. Мыж рѣхом: У нас в греческихъ переводахъ нѣтъ в никифоровыхъ правилахъ, но что будет у вас есть ново введено? и мы тѣхъ новыхъ вводовъ не приємлемъ. Лаврентіи рече: У вас греческихъ правилъ нѣтъ. Мыж рѣхом: Да откуда у нас правила есть? Лаврентіи рече: Да гдѣ у вас взядися греческия љправила? Мыж паки рѣхом: Киприянъ, митрополитъ киевскій і всеа Руснї, сгда приде ис Константиина града на рускую митрополию, и тогда с собою привезъ правилныя книги христіанскаго закона греческаго языка правила и перевелъ на словенскій языкъ и божією милостию пребываютъ и доныне безъ всякихъ смутовъ и прикладовъ новыхъ вводовъ; да многія книги греческаго языка есть у нас старыхъ переводовъ, а ныне к намъ которыя книги входятъ печатныя греческагожъ языка и будетъ сойдутца с старыми переводами и мы ихъ приємлемъ и любимъ; а будетъ что в нихъ приложено ново и мы тѣхъ не приємлемъ, хотя они и греческимъ языкомъ тиснуты, потому что Греки живутъ ныне в великихъ теснотахъ в неверныхъ странахъ и печатати имъ по своему обычю невозможно. Лаврентіи рече: И мы новыхъ переводовъ греческаго языка книгъ не приємлемъ же; а то я почаялъ правда, что в никифоровыхъ правилахъ написано; а ныне слышу, что у васъ того нѣтъ, шю и азъ того не приємлю: простите меня, Бога ради. А азъ для того сюды и прїѣхалъ, чтобы миѣ отъ васъ здєся лутчая наука прїяти, а вѣдою и самъ, что в моей книге много было и не дѣла писано; того ради азъ и билъ челоуѣкъ православному государю и святейшему кирѣ Филарету, патриарху московскому і всеа Руснї. Потомъ паки рѣхомъ ему: Скажи намъ, Лаврентіе, что тебѣ еще с нами о сей книге договорити? есть ли рѣчь тебѣ к намъ или нѣтъ?

Лаврентій рече: Всегда рад яз с вами бесѣдовати и лутче избирати, а книгу яз государского жалованья всю проходил и прилѣжно потрудихся при вас и без вас, и много просвещения души моеѣ обрѣте и дивлюся великой премудрости православнаго государя святаѣшего кир Филарета, патрiарха московского і всеа Руси: каков разум, каков смыслъ, какову великую Богом дарованную премудрость имат в себѣ! как онъ, государь, тол великую книгу в невеликое время учинил! Во истину Богъ дѣйствует в немъ. І взяв книгу к персем своим прикладывалъ я, руками обнимал и любезно всюду ея целовал.

И потом прощение друг другу со игуменом Пилею давше, и разошася с миромъ.

СКАЗКА ОБЪ УРУСЛАНЪ ЗАЛАЗАРЕВИЧЪ.¹⁾

Сказаніе о некоемъ славномъ боатыре Уруслане Залазаревиче.

Бысть некіи царь Киркоус Киркоданович да у него бысть дядя княз Залазар Залазоревичъ, а у князя Залазаря бысть сынъ Урусланъ Залазоревич. И какъ будет Урусланъ десети лѣтъ, выдетъ на улицу: і ково возметъ за руку, и у тово руку

¹⁾ Рукопись, по которой напечатана предлагаемая сказка объ Урусланѣ Залазаревичѣ, сообщена намъ извѣстнымъ знатокомъ нашей древней письменности и собирателемъ ея памятниковъ В. М. Ундольскимъ. Она значится въ его библіотекѣ подъ № 930 и составляла прежде часть большаго сборника повѣстей, изъ котораго въ библіотекѣ г. Ундольскаго находятся двѣ повѣсти о царѣ Миганль. *Троянская исторія* и др. Весь сборникъ принадлежалъ некогда Каріону Истомицу, какъ видно изъ слѣдующей приписки на оборотѣ послѣдняго листа *Сказанія объ Урусланѣ*: *Сия книга, глаголемая собрание исторіи въ вознесенскаго дѣвчича монастыря монахини Любви Степановой, которую подарилъ Чюдова монастыря монахъ іерей Каріонъ Истомиль. Цѣяногія рукописи XVII вѣка сохранили намъ въ такой свѣжести полноту эпическаго разсказа и чистоту народнаго языка, какъ тексты Истоминаскаго сборника.*

Ред.

вырвет; а ково возметь за ногу; тому ногу выломит. И пришли ко царю Киркоусу на двор князи, и бояре, и гости сильные бити челомъ на князя Залазара и сына ег Уруслана. И пришел дядя княз Залазар Залазоревиъ передъ царя Киркоуса и царь Киркоусъ промолвилъ дяде своему, князю Залазарю: О дядя, княз Залазар! почто на твоег сына князи, и бояре, и гости сильные мнѣ бьют челомъ и говорят такъ: Любо де в царство нас держи или Уруслана держи, а намъ и дѣтемъ нашимъ от уруслановы обиды прожит не мочно. Роспустит мнѣ князей, и бояр, и гостей: ино царство пусто будет; а выслат Уруслана вон из царства, ино царю жал Уруслана и отца ево, князя Залазара, а своего дядю, прогневит. А велѣлъ царь князю Залазарю скоро к себѣ быт, и княз Залазар тот часъ ко царю Киркоусу пришел и ударил ему челомъ шиско. И царь Киркоус Киркодановиъ учал говорит дяде своему, князю Залазарю: Приходят ко мнѣ князи, и бояре, и гости сильные всего моего царства и бьют мнѣ челомъ на сына твоег на Уруслана: играет де негораздо съ их детьми; ково де ухватить за руку, у тог руку вырветъ, а ково ухватит за ногу, тому ногу выломит; и тѣ мнѣ князи, и бояре, и гости сильные говорят такъ: Любо де в царстве нас держи или Уруслана держи, а намъ и дѣтемъ нашимъ от уруслановы обиды прожит немочно у тебя в царстве. Ино, дядюшка княз Залазар, не пригоже дя одново человека распустит царство; и ты, дядюшка княз Залазар, помысли о своей да и о моей голове, какъ бы прожити в царстве своемъ было мочно. И княз Залазар закручинился и домой пришел добре невесел. И вышел встречати противъ ег сынъ ево Урусланъ и говорит так: Батюшка, государь княз Залазар! доселева ты, государь, от царя прихаживал весел и радостенъ, а ныне домой пришел еси не въселя; нешто не по тебѣ, государь, у царя честь была? али не по тебѣ царь слово молвил? али, государь, идет рат на великог царя Киркоуса? И будет толко, государь, не по тебѣ у царя честь была, или будет царь не по тебѣ слово молвил: и ты, государь, новеселися со мною и своими дворяны; а будет, государь, на царя Киркоуса и на тебя, отца моег, рат идет: и ты, государь, о томъ не кручинся: тѣмъ могу яз царю и тебѣ, отцу своему, послужити. И княз Залазар молвил сыну

своему: Веселитися мнѣ о томъ не о чемъ; людямъ Богъ даетъ дѣти при животѣ потеха, а после живота поминкоу, а ты, сынъ, мнѣ при животѣ не потѣха, лише еси мнѣ великая кручина, а после живота своег мнѣ от тебя и по готову поминка не будет. Били на тебя челомъ царю Киркоусу князи, и бояре, и гости сильные, і все царство ег: играешъ де съ ихъ детьми, не гораздо шутишь: ково за руку ухватишь, и ты руку вырвешъ; а ково де за ногу ухватишь, и ты ногу выломншь; и за то тебя царь велѣл вонъ выслати изъ царства. И Урусланъ молвилъ такъ: О томъ, государь батюшка, ни о чемъ не тужи; об одномъ я тужу, что у меня по моей мысли коня нѣтъ. А какъ Урусланъ будетъ двупатцети лѣтъ, нио никаковъ кон поднятн ег не может. И молвилъ Урусланъ Залазоровичъ отцу своему, князю Залазарю: О томъ, государь батюшка, ни о чемъ не тужи; колъ государь меня царь изъ царства велитъ вонъ выбити, а к себѣ меня в службу не примет, и ты, государь батюшка, князъ Залазар, вели поставити полату каменную блиско моря на високомъ мѣсте да вели мнѣ внести в полату седло да узду тесмяную да саблю булатную, и яз, государь, в полате одинъ учну жити, а выное, государь, время яз царю Киркоусу пригожуся: учнетъ меня царь и самъ в службу приимати, и тогда яз не похочю. Нио князъ Залазар учинился тому слову радъ добре, что сынъ ево Урусланъ изъ царства киркоусова хочеть вонъ выѣхати и тотъ часъ князъ Залазаръ послалъ мастеровъ каменщиковъ и велѣлъ тотъ часъ поставити каменную полату. И мастера часа тогъ словомъ да дѣломъ великою силою Уруслану Залазоровичю поставили каменную полату. И тотъ часъ князъ Залазаръ отпускаетъ сына своего Уруслана і велѣлъ сво проводитъ х каменной полате. И какъ Уруслана проводили, и Урусланъ всѣхъ тѣхъ отпустилъ, которые егъ провожали х каменной полате, а у себя Урусланъ не оставилъ ни единого челоуѣка, остался одинъ в каменной полате, а с собою оставилъ единого челоуѣка и велѣлъ себѣ в полату внести седло да узду да саблю. И учалъ Урусланъ ис полаты гуляти по лукоморю и по тихимъ по заводамъ учалъ стреляти в гуси и в лебеди, темъ ся учалъ кормитца. И учнетъ Урусланъ тянути лукъ, какъ орда закочаетца, а стрелитъ, нио какъ ис тучи сильной громъ грянетъ, а по чему стрелитъ, того не грешит. И нас-

хал Уруслан на поле дорогу добре пробита, и учал Урусланъ стеречи, какая то дорога добре пробита, какие люди тою дорогою ездилн. Ажно ис поля к Уруслану едет челоувѣкъ: кон под нимъ сив, тегиллй зелен и какъ не доѣхав до Уруслана и до ег каменпой полаты, и с коня сшол долой, а самъ, пришотчи, Уруслану ударил челоуъ ниско, а промовил так: Дай де Богъ здравно государю нашему, Уруслану Залазоровичю! И Уруслан молвит: Почему ты меня, брате, знаеш, что зовешъ меня, брате, иманем? какой еси челоувѣкъ? А яз тебя не знаю. И челоувѣкъ молвит такъ: Какъ де мнѣ тебя, государя своег, не знати? Яз де, господине, отца твоего, князя Залазара, сторож, старой конюх, сивой кон, алые тебенки, сыдавной саадак, крепкой лукъ, гораздой стрелец, в полку богатыр; а стерегу де, господине, отца твоег стада тритцет лѣтъ; а на всякой год притѣжаю к отцу твоему, по однова на год, челоуъ ударити. И Урусланъ промовилъ: Какъ де тебя, брате, иманемъ зовут? Зовут де, государь, меня Ивашкомъ. И Урусланъ молвит такъ: Брате Ивашко! много де на меня бѣд бывало, а такова де на меня беда не бывала: царь меня Киркоус избесчестил, в службу меня к себѣ не принял, а отецъ меня, княз Залазар, по государеву слову вон выслалъ из царства. И я о томъ ни о чем не тужу, а об одномъ тужу, что итѣтъ у меня по моей мысли коня и не могу нигде такова коня добыт, которой бы кон меня поднял. А отецъ мой, княз Залазар, розсылал по многимъ городамъ и по розным далним землямъ, а нигде не мог добыт такова коня. Ивашко, старой конюх, молвил: Господине Урусланъ Залазорович! есть, господине, в отцове стаде жеребец третьимъ лѣтомъ, а тот жеребецъ еще молод, а ни у какова ещо челоувѣка в руках он не бывал, а тебѣ он, чаю, по мысли будет. И Урусланъ молвил: Брате Ивашко, старой конюх! будет у тебя в стаде есть такой жеребецъ, и ты его мнѣ достави, а яз покамѣста живѣ, и я тебѣ другъ буду. А Ивашко, старой конюх, молвил: Господине Урусланъ Залазорович! из отца твоего, князя Залазара, добра к себѣ не забыл; а отецъ твой меня пожаловал, и аз ныне и тобѣ послужу: доставлю яз тобѣ того жеребца. Паутриаж, Богъ дастъ, и я тебо все стадо пригоню: и будет тот жеребецъ возможешъ самъ поймати и ты ег поймай, а бу-

дет он по твоей мысли; а будет, господине, тог жеребца поймати не можешъ самъ, ино тебѣ тог жеребца не видат, поймат его нѣкому: ещо он ни у какова челоуѣка в руках не бывал. И Уруслапъ молвилъ: Брате Ивашко, старой конюх! велит ли Богъ на конѣ ездит: и которог ты мнѣ жеребца сказываеш, и у меня тот жеребець будет; а будет мое согрешение пред Богомъ будет велико, а тог жеребца яз достати не могу и в том божия воля, уж мнѣ Богъ не велѣлъ на конѣ ездить. И Ивашко, старой конюх, молвит: Сидиж, государь Уруслапъ, во своей каменной полате, да смотри в поле в великой лугъ: какъ к воде стадо погоню и какъ за передстрел перед стадом побезитъ наперед к воде жеребець кар, и ты стани на дороге блиско воды да тово стереги, какъ жеребець, пив воду, да воротитца от воды назад и тобеб ево тут ухватит; а не ухватишь тут, какъ жеребець от воды назад поидет, и тебѣ ево не видат. И Уруслапъ слову тому добре рад учинился, что ему старой конюх Ивашко хочет жеребца пригнат. И учал Уруслапъ в своей каменной полате сидет, и учал смотрит на большой лугъ на поле: и сонъ его неймет, и стреляти не пошел. И как будет о туж пору на завтрея, ажно в поле учинился великой стукъ необычной и копат встала великая; и посмотрит Уруслап на великой лух: ажно не поля старой конюхъ стадо гонит, а наперед перед стадомъ бежитъ жеребець великъ добре. И Уруслапъ взял узду тесмяную, окована златомъ, удила булатные и пошел не полаты да стад на берегу, куда жеребець пробезал и как жеребець, пивъ вод, да воротился назад, и Уруслапъ ухватил жеребца за шею да ударил по бедрамъ, и жеребець пал на окарачки. И Уруслап молвит: Дурная де ты кляча, кому на тебѣ ездити, аж не намъ богатыремъ? И положил Уруслапъ на жеребца узду тесмяную и повел ево х каменной своей полате, а жеребець величеством мало не с полатаю равен. И удачи Уруслапъ жеребцу не вѣдает, и дал Уруслапъ жеребцу имя доброй конь, вещи Арашъ; и смлет Уруслап седло черкасское и положил на своег доброг коня, вещи Араша, и подпруги подтянул по своему обычею, поехалъ Уруслапъ на своемъ вещемъ Араше потешатися в чистое поле. И наехал Уруслапъ в поле рат велику добре и учал Уруслапъ отвѣдыват своег доброг коня надежнаго, вѣ-

щего Араша, и хочет отвѣдат плеча своег богатырского и самъ учалъ рад быть. И учал себъ Урусланъ думати, что рат добре велика, и самъ не вѣдаст, какне люди в рати той і напустив Уруслан на великую рат, немного думавъ некоторыми думы. И какъ приезжает к рати блиско, ажпо из рати к нему богатыр с копьемъ скачет, а не чаючи, что к Уруслану скачют. И Уруслан опознал, что та рат великог царя Киркоуса Киркодановича, а которой богатыр прискакал к нему с копьемъ, и то Уруслану отецъ его Залазар. И Урусланъ отца своег опознал и с коня своег Уруслан сщол долой и пришотчи, ударил челомъ отцу, князю Залазарю. И как княз Залазар сына своег увидел и опознал ег, также с коня долой сщол. И Уруслан учал говорити князю Залазарю: Что, господине батюшка, в сей рати делаешь? И княз Залазар молвит сыну своему: Та рат Киркоуса царя, а мы вышли на бой против Данила князя Бѣлово, а тот княз Данило Бѣлой пришол с ратью, похваляся, на царя Киркоуса да на нас, богатырей его, а говорит такъ: Царя де Киркоуса в полонъ возму и 12 богатырей ег, а царство ег поплению, а злато и серебро на вьюки посплю, а кони де борзые стада погоню. И Уруслан молвил: О том, государь батюшка, не кручиня: тѣмъ могу царю Киркоусу и тебѣ отцу послужити, рат княз данилову побью, а самово княз Данила живово ко царю приведу. И княз Залазар молвил: Сынь еси Уруслан! ещо еси молодец молод, ратного дѣла тебѣ не в обычен. И Уруслан молвит: Батюшка государь! не учи ты гоголя по воде плавати, такъ не учи ты нас богатырей ездити на ратные дѣла, скол скоро поеду яз служити царю Киркоусу, и тобѣ, отцу своему; а того болши хочетца миѣ попытати плеча своег и отвѣдати своег доброг коня, вещег Араша. А не имею, государь батюшко, у себя копыя; дай миѣ свое булатное копые. И княз Залазар благословляет сына своего Уруслана и отпускает ег на рат великую и дает ему свое булатное копые. И Уруслан ударил челом отцу своему и благословился у нег ѣхати на ратное дѣло да поехал Уруслан на рат княз Данила Бѣлово. Ажно в поле Урусланъ наохал великую рат княз Данила Бѣлово: ни на которую сторону не мошно ся объѣхати и окомъ обозрити. И напустил Уруслан на своег добромъ

копѣ, на вѣщѣмъ Араше, не мног думал, никоторыми думамп, и свиснул богатырскимъ голосомъ и, сколко рати побил, здвое тово от голоса коней, попадаючи, померло. И увидел княз Данило Бѣлой свою погибел, что похвалѣ его Богъ не пособил, и Уруслан рат всю побил немилостиво; и княз Данило Бѣлой побежал: кон под нѣм сив, кутас на нем червчат. И Уруслан то увидел, что княз Данило побежал, и Уруслан напустил за князем Данилом вѣщим своим Арашемъ, и княз Данила сугнал и хочет его из лука застрелити. И не похотел, взмолился Уруслану: Господине Уруслан Залазорович! не предай мнѣ смерти, дай живот, отпусти меня живово, а яз тебѣ и до смерти друг буду: а пришил яз на царя Киркоуса и на отца твоег, не вѣдаючи тебя; мнѣ не (де?) сказали, что тебя давно в животѣ нет, а от сѣх, господине, мѣсть, покамѣста я жив буду, и яз на царя Киркоуса и на отца твоег, на князя Залазара, зла никоторог не учну думати. И Уруслан князю Данилу повѣрил, а молвил так княз Данилу: Впред пойдешь на Киркоуса царя и на отца моег, князя Залазара, а яз буду жив, и ты не чай себѣ живота, не чай отпуску: пощады тебѣ от меня не будет. И какъ Урусланъ рат княз данилову побил, а самово княз Данила к души привел, да отпустил, и самъ Уруслан приехал к царю Киркоусу челомъ ударити і к отцу своему, князю Залазарю. И царь Киркоус добре возрадовался о приезде урусланове, чаючи того царь, что Уруслан прѣехал служити ему. И учал царь Уруслана дарити многими царскими дары, и учал царь Киркоус Уруслану говорити: Брате Урусланъ! сколко есмн рад тому, что еси моего лиха не попометовал: рат еси княз данилову побил, а княз Данила Бѣлово к души привел да отпустил. А здвое рат есмн приезду твоему, занеже есмн перед тобою виноват, что есмн тебя обесчестил, из царства выслал; а нынеча, брате, послужи мнѣ, а яз рад тебя жаловат до исходу души своей и дам тебѣ до половини царства своег в державу. И Урусланъ молвил: Государь царь Киркоус Киркоданович! которой доброй чловѣкъ лихому не метитца? а то, государь, мнѣ не от тебя: по грехомъ моимъ твоя царская опала пришла ко мнѣ. А которой, государь, богатыр в своем отчестве не честен? а гдѣ ни буди, тут я государю своему слуга буду. Царь же Киркоус добре

закручинился об отъезде урусланове и учел на отъезде Уруслана дарити многими дары. И Урусланже у царя даровъ ничево не возмет, а говоритъ Урусланъ: Государь царь! одно взяти: любо корыстоватися или богатырем слыти. И Урусланъ ударил челомъ царю Киркоусу и отцу своему князю Залазару и садитца на свой доброй кон, вщей Арашъ, и поехал из царства киркоусова в чистое поле в дальнюю землю.

И едет Уруслан много дней, а никакова признаку не может доѣхати и въезжает Урусланъ на высокое шаломя, ажко лежит рат велика побита. И Урусланъ выѣхал среди побонща и кликнул богатырскимъ голосомъ двжды; а какъ въ третие кликнул, ино ему на побонще человѣкъ промолвилъ: Дай де Богъ здравие государю моему, Уруслану Залазоревичу и чево ты, господине Урусланъ, кличешъ? И Уруслан молвил: Кличю, брате, о том, какой то богатыр сню рат побил и какая та рат? коей вѣры? И человек промолвил на побонще: То де, господине, рат Θεодула змея, а бил ту рат княз Иван, храброй руской богатыр; а уже княз Иван Θεодула змея тѣх ратей мног побивает, а хочет де у него княз Иван пояти доч ево, красную царевну. И Уруслан молвил: Скажи миѣ, брате: гдѣ русково богатыря княз Ивана насхати. И человѣкъ молвил на побонще: Руской богатыр на девятом шаломяни. И поехал Уруслан искати князя Ивана, русково богатыря, и изѣде шаломя и другое и въезжает на третее шаломя, ажко лежит другая рат побита тосй сильнее. И Урусланъ въезжает среди побонща да кликнул богатырскимъ голосомъ двжды. И какъ Уруслан на побонще кликнул третие и с побонща ему человѣкъ промолвил: Что, господине Уруслан, кличешъ? И Уруслан молвил: Скажи миѣ, брате: хто сню рат бил и которая та рат вѣры? И человѣкъ на побонще молвит: То, господине, рат Θεодула змея, бил ту рат княз Иванъ, руской богатыр. И Уруслан молвит: Да гдѣ мне русково богатыря насхат? И человѣкъ молвил: Отселе, господине, княз Иван, руской богатыр, на третьемъ шаломяни. И Урусланъ поехал великою ступью съезжати русково богатыря, а хочетца Уруслану попытатися с первымъ рускимъ богатырем, отвѣдати плеча своего богатырсково и доброго своег коня, вщег Араша. И въезжает Урусланъ на третее шаломя: тут шатер стоит в чистомъ поле,

а на шатре маковница красног золота аравитцког, а у шетра ходит конь встреножен. И Уруслан приехал блиско шатра, а у шатра никого нѣтъ. А Уруслан сшел с коня долой, а конь свой вещей Араш поставил у шатра со княз ивановымъ конемъ вмѣсте; и посмотрил Урусланъ в шатер: и в шатре богатыр спитъ, а уснул добре крепко. И Уруслан своег коня встреножил, а самъ вшел в шатер, а богатыря не побудилъ, да лег себѣ в шатре опочиват и уснул добре крепко да учал спати долго. И пробудился княз Иван, руской богатыр, и посмотрил на Уруслана, а самъ ужаснулся и вышел из шатра вон: ажко кон ходит встреножен великъ добре, а княз иванова коня прочь отбил. И смлет княз Иван свой вострой меч и хочеть Уруслану головы отсѣчь, а се во умѣ своемъ помыслил: убити мнѣ сонново челоувѣка не честь мнѣ, богатырю, будет. Да и то себе размышляеть: Тот челоувѣкъ приѣхал в шатер, а яз спал, и токоб он меня хотел убити, воля ему была, и он бы меня убил сонново, и он меня сонново не убил, дал мнѣ живот. А се учал Уруслана будити: Пробудися, брате! Какой еси челоувѣкъ: царь ли, или царевич, или княз, или богатыр сильной? Спишиг добре крѣпко. И Уруслан пробудился и, вставъ, молвил князю Ивану: Поди, принеси мнѣ воды умытися. И княз Иван молвит: Не пригоже мнѣ тебѣ вода носит: яз княжкой сынъ. И Уруслан молвилъ: И ты дай мнѣ чару золоту: в своем шатре дома, а яз у тебя гость. И княз Иван Уруслану дал чару золоту и Уруслан молвилъ: Коли ты мнѣ дал чару золоту, то ты мнѣ дал воды умытися. И Уруслан, умывся, сел на кон свой, на вѣщево Араша, а княз Иван селъ на свой доброй конь да поехал против Уруслана. И Уруслан съезжаючися молвил: Боже милостив! всемъ еси меня потешил, потеж меня темъ, чтоб ни к одному челоувѣку железомъ копья не оборотилсися. И какъ съехалсися Уруслан со княз Иваном в чистомъ поле, и ударил Урусланъ князя Ивана копьемъ противъ сердца тупымъ концом и свалил ег с коня на землю, а доброй кон уруслановъ, вещей Арашъ у княз Ивана наступил на пансырское ожерелье копытомъ. И Уруслану князя Ивана жал убити и молвил Уруслан: Брате княз Иван! животал хошъ или смерти? запеже, брате, что промеж нами недружбы никакие не бывало, а захотелисмы с тобою потешитися и мы потешилсися и плеча своего

испытали и добрых коней отведали. И князь Иван молвит: Господине Уруслапъ! не дай мнѣ смерти, дай мнѣ живот: не хочу умерети. И Уруслапъ скочи со князь Ивана да ударилъ ему ниско челомъ, а самъ ему молвит: Будь, господине, мне князь Ивацъ болшей братъ. И князь Иван молвит: Не пригоже мнѣ, господине Уруслапъ, быти над тобою болшим братомъ; будь ты мнѣ болшой брат. И Уруслапъ Залазоровичъ тут ныне побратовся и поцеловалися, и учалъ Уруслапъ роспрашивать князь Ивана, русково богатыря: Скажи ты мнѣ, брате: какне ты рати билъ? И князь Иван молвил: Брате, господине Уруслапъ Залазоровичъ! уже я третей год рати побиваю, а та ратъ Θεодула змея: добиваюся у Θεодула змея дочери ег, красные царевны, а много яз у него рати побил. И Уруслапъ молвил: Да какъ ты не можеш самово Θεодула змея достати? И князь Иван молвит: Конь под нимъ бур, Кутас зеленъ, и утекает у меня на озеро, поверхъ воды как сокол летит. И Уруслапъ молвил: Ино, брате, у меня Θεодулу змею утеч немочно, а яз ещо коня своего вешего Араша не вѣдаю удачи его. И спросил Уруслапъ у князь Ивана: В которое время с ратью Θεодула змей выходит? И князь Иван молвит: Господине Уруслапъ! с ратью Θεодула змей выходит, какъ солнце взойдет на утренней зорѣ. И какъ на утре будет на солнечномъ всходу вышел Θεодула змей с ратью, и Уруслапъ съѣзъ на свой доброй конъ и вооружился в ратное оружье и приказываетъ брату своему князь Ивану: Сколко де, брате, чаеш рати бит, а тот болши смотри, чтоб не ушел Θεодула змей; как он побезит, такъ мнѣ скажи: яз еще ево не знаю; и толко он нынеча убежит, Θεодула змей, и нам ево не добыт, а тебѣ красной царевны не видати. И какъ пособил Богъ Уруслапъ, побили с половиною рати и Θεодула змей побежал, и Уруслапъ издаличе усмотрил и по указу опознал его конъ Θεодулов, Кутас зелен: и Уруслапъ погонился за Θεодуломъ змеемъ на своемъ вешемъ Араше, а молвил Уруслапъ: Брате до мой, доброй конъ, вешей Арашъ! служи ты мнѣ ту службу первую: не упусти ты мнѣ недруга брата моего князь Ивана, занеж есмь с нимъ впервые познался. И вешей Арашъ молвит: Господине де Уруслапъ! тебя, государя своего, блюдус, а тот конъ, что под Θεодуломъ змеемъ, мнѣ болшой брат, а оба есмь кони от водяных коней приращенне наше,

а ныпеча тебѣ, государю своему, послужу, толко не уполюшейся: скачи на озеро, не бояся. Уруслан же добре учинился тому слову весел и напустил своего доброго коня за Θεодулом змеем. И какъ прискакал блиско, и Θεодул змей на озеро побежал, кон под нимъ какъ сокол полетел. И Уруслан пустил своего вещег Араша на озеро, и доброй кон, вещей Араш по озеру, поверхъ воды, какъ сокол полетел, что по мосту скачетъ. И какъ угонил Уруслан Θεодула змея и бурой кон молвит, которой под Θεодулом змеем, своему брату урусланову коню, вещему Арашу: Брате мой Араш! вѣдаеш и самъ, что я тебѣ большой брат, а ты хош чти уруслановы, что за мною гоннишься; а яз чти хочю великому царю, Θεодулу змею. Арашъ де вещей молвит: Брате мой, бурой кон! ты хошъ чти Θεодулу змею не надолго, до тѣх мечь, покаместъ Θεодула змея достанет урусланова рука, и яз своим государемъ векъ коротати хочю. И как де Θεодул змей утек в каменные ворота городовые, и по божию веленью Урусланъ Θεодула достал по шелому и розсѣкъ ево на двое до седла и бурово коня пересѣкъ на двоежъ. И поѣхал Уруслан на царев двор и услышела царица, Θεодулова жена, и ег доч, красная царевна, что Θεодула змея в животе не стало, и вышли вон из высокой полаты и с своєю дочерью против Уруслана и учели бити челом: Господине Урусланъ Залазоревичъ! какова мы тебя слухом слышели, такова и в очи тебя видимъ; о том тебѣ, государь, челом бьем, чтобы мы полянками не слыли, а царство все божие да твое, и без тово красная царевна перед тобою. И пошол Уруслан с царвною в полату в каменную, а по брата своего по княз Ивана, русково богатыря, послал скорые гонцы. И какъ приѣхал брат ево княз Иван, русской богатырь, и Урусланъ часа того словом да делом велѣлъ свадьбу играти и дал Уруслан красную царевну, Θεодулову доч, за княз Ивана, русково богатыря, за муж за брата своего. И какъ пришел княз Иван от вепчанья и легли спат на первой ночи и Уруслан пришел к полате и учал слушати, что имут про него говорити. И брат ег княз Иванъ, русской богатырь, лежачи, молвит: Душечка моя, свет красная царевна! доставал есмн тебя мног лихомъ и добром и не умел тебя достати; и Богъ миѣ дал брата Уруслана Залазо-

ревнича: тот тебя мнѣ доставил и дал тебя за меня за муж; и скажи ты мнѣ правду: естли тебя гдѣ краше, а брата моего удалѣе. И царевна молвит: Государь княз Иван, русской богатыр! чемъ я красна и хороша? Есть, господине, в поле качают две царевны, а нетъ у них ни отца, ни матери, один у них дятка стар человекъ и у тех царевенъ краше меня девки, которые на руки воду подают; а брата твоего есть удалѣе Уруслана—Ивашком зовут белая поляница, индейского царя сторож: стережет он на индейскомъ рубеже семь лѣтъ украины, а никаков человекъ мимо его не проедет. И Уруслану то добре досадно, что несеска его, княз Иванова жена, похвалила Ивашка, белую поляницу. И учал Урусланъ думать на своемъ великомъ разуме один: царевенъ искати поехат, или досезжати Ивашка, белую поляницу, поехати, или поехати к отцу да к матери челомъ ударити? Поѣхати мнѣ царевенъ искати или Ивашка, белую поляницу, искати—и мнѣ з баткомъ да с маткою долго не видатца; а отецъ мой и мати моя при старости были, какъ я от них поехал. И здумал Урусланъ, поехал к отцу да к матери челомъ ударити, а царевны де у меня и Ивашко, белая поляница, и впред не уйдут. И какъ Урусланъ приехал в царство киркоусово, ажю царство киркоусово пусто, одва одново человека нашол. И учал того человека Урусланъ роспрашиват: Гдѣ, брате, царь Киркоус Киркодаповичъ делся и отецъ мой княз Залазар и ево дванадесят богатырей? И человекъ Уруслану сказал: Уж тому третей год идетъ, какъ княз Данило Бѣлой приходил, царя киркоусово все царство вывосвал, а самово царя Киркоуса и дядю князя Залазара и 12 богатырей к себѣ в полон взял, а людей в царстве высекъ, а злато и сребро на вьюках повез, а кони борзые стада погонил. И Урусланъ тут заплакал а се молвил себе: Не дай де Богъ деяти добро никакову иноземцу и веры няти; то де мнѣ учинилос от своего ума, что яз неверному вѣры понял, а того княз Данила жива отпустил. И поехал Урусланъ на своем добромъ конѣ, вещемъ Араше, во княз данилово княженне Бѣлово и приезжает к городу, ажю противъ ево идет человекъ стар и учал Урусланъ тог человека роспрашивати: Скажи мнѣ, брате: дома ли княз Данило Бѣлой і не в отъезде ли где? Дома, господине, нынеча; княз Данило

не бывал нигдѣ от тех мѣстъ, какъ воевал царство киркоусово, а самово царя Киркоуса и дядю ево князя Залазара и 12 богатырей привел к себѣ, да посадил их в темницу, да взимал у всех у них очи. И услышел тот Уруслан и проследился и пустил своег доброго коня в чистое поле, а самъ Урусланъ молвил доброму коню: Как ты мнѣ, доброй кон, будешь надобет, и аз тебя кликну богатырскимъ голосомъ и ты ко мнѣ буди часа того. И пришел Уруслан в город, инхто ег не позна за простова человекъ мѣсто, и пришел к темнице и учал говорити Уруслан тюремным сторожемъ: Господине сторожи! пустите вы меня в темницу царю Киркоусу челомъ ударити. И сторожи ево к царю Киркоусу пустили за простова человекъ мѣсто, а не чаючи ево, что Уруслан. И пришедши Уруслан в темницу и ударил челом царю Киркоусу и молвит Урусланъ: Дай Богъ здравие государю моему, царю Киркоусу и даде его князю Залазарю и 12 богатыремъ ег. И царю Киркоусу, сидя в темнице, учинилос то слово добре в досаду, а молвил царь Киркоус: Брате Уруслан! не смейся ты царю Киркоусу и даде ег князю Залазарю и 12 богатыремъ моим: коли аз царь Киркоус был на своемъ царстве и аз пошлой царь был, а дядя мой княз Залазар пошлой княз был и 12 богатырей моих пошлые были богатыри и многие люди розных царствъ служили мнѣ; а нынеча, брате, то нам дал Богъ за грех, потоле де Богъ нам велел жит. И Урусланъ молвит: Яз тебѣ, государю всему, не насмехаюся и твоему дяде, князю Залазарю и 12 богатыремъ твоимъ; а аз, государь, старой твой слуга, дяди твоего князя Залазара сынъ, а имя мое Уруслаецъ, а приехал есмн тебѣ, государю царю, челом ударити и богатыремъ твоим. И царь Киркоус молвит: Брате де Уруслан! пред тобою виноват в том, что еси тебя за твою проступку из царства своег вонъ выслал, а ты, брате, виноват мнѣ в том: коли княз Данило Бѣлой у тебя был в руках и ты ево отпустил жива, а ему неверному веры понял, а смерти ему не дал и за то, брате, нынеча мы у нег беду тершимъ; а се еси передо мною в том виноват, что еси позабыл свою вѣру, а старог еси государя покинул: а нынеча, брате, время уже миновалос: приближаемся блиско смерти, не пособити никому. И Уруслан молвит: Государь царь

Киркоус того ты моего лпха не помни, а нынеча из тебѣ, государю, рад служить головою своею: в которомъ мѣсте мой супостат? И отецъ урусланов княз Залазар молвит сыну своему Уруслану: Господине ты мой сынъ Урусланъ Залазаревич! только захощь послужити великому царю Киркоусу Киркодановичю и мнѣ, отцу своему, и царевым богатырем, поди ты: есть на море Зеленой Царь, огненной щит, пламенное копье. А тог царя не может никакой богатыр достати; а ты сплюю силен, мочно тебѣ того царя достати. И ты привези намъ того царя свежую печень и горячую кровь; и мы тою печеню и кровью помажем очи великому царю Киркоусу и намъ, богатыремъ ево, и мы все прозрим; а впред ты начнеш сильнымъ богатыремъ слыти. И Уруслан о томъ закручинился для того, что он еще молодец молод и многих ордь еще мало знает; а та ему служба наказана великая, что ему с тое службы живому не съѣхати. И учал Уруслан молитися всемилюстивому Спасу, а самъ пошел от темницы, молча, проч к своему доброму коню, вещему Арашу. И послышели сторожи тюремные то слово и хотѣли Уруслана поимати: и Урусланъ ударил одново по уху да у двунатцети сторожей голов позбил. И княз Данило Бѣлой не полаты самъ усмотрил и хотел за Урусланом погнатися, и Уруслан молвил: Не гонися за ветромъ; и поѣхал Уруслан из княз дапилова княжения Бѣлово, а самъ, едучи, раздумывает на великом своемъ разуме, гдѣ достат Зеленог Царя: ни в которой земли слухом не слыхано. И поехал Уруслан в дальние земли и сам не вѣдаст, куды ѣхат. И наѣхал Уруслан, в поле стоит дуб краковистъ велик добре, стоит среди поля: со всѣ стороны ни откуду лѣсу нѣтъ, а около тог дуба мног дорог пробито, а сжжено перед нимъ недавно. И Урусланъ учал мыслити на своемъ умѣ: откуды тѣ дороги пробиты и которой земли и какие тою дорогою люди ездили. И учал Уруслан тѣ дороги разѣезжати, и учал дивитися, что стоит дуб велик не пустоши, а дороги окола дуба все лежат. И стал Урусланъ под дубом, притуляс и учал стеречи, кто тѣ дороги пробил. И какъ будет тогож дни въ полдн, ажно летит великое стадо птиц хохотуней, да учали около дуба садитися кругом; посидев немного, да сошли з дуба на землю да учали изметоватися красными девицы. И

Уруслан, стоячи, ужаснулся, а се молвил себе: По ся мѣсть де я никакова челоувѣка не уполошевался; а самъ напустил на них вешег своего Араша, доброго коня. И девки все взлетели птицами на дуб, и Уруслан ухватил девку, и девка учала изметоватися всякими зверми, и всякою птицою, и всякою гадлиною. И Уруслан держитъ еѣ крепко и, как девка всем переменялася и не могла ничем перекипутися, и девка молвит Уруслану: Чего, государь, хочеш у меня, что держишь меня крепко? И Уруслан молвит: Девка! у вас крыле, вы летаеете по многимъ землям и по многимъ царствам; скажите мнѣ: слыхали ли есте на море Зеленог Царя, огневног щита, пламенного копья, а ездит он на осмероногомъ конѣ? И девка молвит: Господине Уруслан! есть Зеленой Царь, да никаков челоувѣкъ не может живѣ его видети. И Уруслан молвит: Девка! того ты мнѣ не сказывай: не поставиши ты меня в царстве Зеленог Царя часа тог, тобѣ живой не быти и отпуску себѣ не чай от меня. И девка молвит: Господине Уруслан! до Зеленого Царя далеко: одному ехати от сѣхъ мѣсть 12 мѣсяцовъ, и яз того часу поставлю у Зеленог Царя, толко меня не издержи ты, отпусти. И Урусланъ молвит: Девка! как ты меня поставиши у Зеленог Царя, тот часъ тебя отпущу, не издержу. И девка молвит: Господине Урусланъ! коли ты так говориши, і ты зажмуря, а яз тебя посѣтавлю у Зеленог Царя в царстве. И Урусланъ зажмурился да ступил трижды на своемъ добромъ конѣ, вешемъ Араше, и девка молвит: Господине Уруслан! прозри. Ажно Уруслан стал на чистомъ поле под царством Зеленого Царя, и Уруслану ни на ум не взойдет, что девка отпустит—нию назад не быти, дороги не познати. И Урусланъ молвил: Девка! убьет меня Зеленой Царь, нию готова тебѣ простыня; а буду жив, и ты поставь меня во княз данилово княженне Бѣлово. И приковал Уруслан девку у стремени у доброго своего коня, а самъ Урусланъ пошел к царству Зеленого Царя и наехал побонице добре велико, а давно бито: а среди побонца лежит голова челоувѣческая добро велика, а добро давно бита. И приехал Урусланъ, стал над головою, а говорит: Голова де была доброго челоувѣка. И голова промолвит: Брате де Уруслан Залазорович! твоей голове також лежат. И Уруслан молвит: На то, господине, яз приехал:

любо голова сложит, любо Зеленого Царя сложит, горячей крови и свежей печени. До того де, господине, не долго, что тебе голова своя положит, толко яз тебя не научю. И учал Урусланъ перед головою бити челом, чтоб ево научил. И голова молвит: Есть де подо мною меч таков, что оприч того меча никаково железо не имет и огонь того Зеленого Царя не имет же; а тот мечъ одинъ ево имет. И яз с тѣм мечом поехал против Зеленого Царя, а чаел есми убити тем мечем Зеленог Царя; и тот Зеленой Царь выехал противъ меня на осмероногом конѣ с вогненным щитомъ и с пламенным копьем, да, не допускаячи меня к собѣ, жег и яз, летячи с коня, тот меч подкинул под себя на землю и тот меч лежит и ныне подо мною. А тот Зеленой Царь приезжает ко мнѣ всемъ своимъ царством, а не может он испод меня тог меча достати; а тобѣ яз дал тот мячъ (sic!) и тебѣ ево не убитиж, потому что он выезжает на осмероногомъ конѣ с вогненным щитомъ, с пламенным копьем, и он тебя, к собѣ не допуская, сожжет: ино убити того Зеленог Царя хитростью. И голова молвит: Господине Уруслане! посдеж ты к городу и какъ тебя ис полаты увидит Зеленой Царь, такъ он не утерпит, выедит он против тебя, потому что он знает богатырей по поездке, а своих людей знает он по поездкеж. А выедет он против тебя на осмероногом конѣ с вогненным щитомъ, с пламеннымъ копьемъ: таков у него обычей держит, а без того он не ездит ни на один часъ; и ты, брате Урусланъ, издалуче усмотри его да с коня долой слез, да удар ему челомъ ниско до земли. И Уруслан говаривал, на дѣло едучи: чтоб ни к одному человѣку желѣзомъ коня не оборотилися; а нынеча Уруслану с коня велят слезть да челомъ ударити велят до земли. И голова молвит: Брате Уруслан! хто на коне живет, тот и под конем: что тебѣ лутчи умерети или живу быти лутче? Толды бы ты смерти себѣ чаел, колиб тебѣ вести не было: как я приехал безвѣстной и яз погиб; а меня сильнее и удалѣе не было. А нынеча ты о чемъ о том тужиши, как бы, брате, недруга не излѣсти? Господине голова человѣка доброго! ударив мнѣ царю челомъ, что мнѣ молвит? И голова молвит: Господине Уруслан! ударивъ челомъ Зеленому Царю так молвь: Господине великнй царь! человѣкъ есми русин, приехал из далные земли, ис киркоусова царства

послужити тебѣ, Зеленому великому Царю: что, господине, слава твоя велика по всемъ землям; а нигде есмь такова государя не наехал. И царь твоему слову учинитца рад и подастъ тебѣ руку и приметъ тебя в службу, и ты учнешь ему служити. И ты, служачи ему, да спроси ег в разговоркѣ про меня; молвь царю: что в поле белеютца многие кости человѣческіе, а промеж ими кажетца голова добре велика, а бутто ты меня и не видал; и о том о всемъ скажет он тебѣ про меня Царь Зеленой и про меч мой, и ты тогда похвалися меч мой привестъ и, какъ приедеш ко мне, и аз тебя тогда научю. И Уруслаи сел на свой доброй кон да поехал к городу. И Зеленой Царь усмотрилъ Уруслаи и сел на свой на осмероногой кон да взял свое пламенное копье и вогненной щит, да напустил на Уруслаи. И Уруслаи по наказу опозна его по огненному щиту, по пламенному копью и по осмероному коню и шол Уруслаи с коня долой да ударил челом Зеленому Царю ниско до земли, а молвил: Дай Богъ здравие великому Зеленому Царю! И Зеленой Царь спросилъ Уруслаи: Какой еси, брате, человѣкъ и которой земли? Какъ тебя зовутъ имянемъ? А кон у себя имѣешь доброй. И Уруслаи молвилъ: Господине великнй царь! человѣкъ есмь русин, а езжу из далныя земли, из киркоусова царства, а зовутъ меня Уруслаиомъ Залазоревичемъ; а поехал есмь, слышечи твою великую славу: что ты, государь, славен по всей земли, и по многимъ царствамъ слава твоя; а се многие царства понмал еси своею удачею: и аз, государь, прпехал послужити тебѣ. И Зеленой Царь добре учинился рад приезду уруслаиову и подал ему руку и принялъ Уруслаи к себѣ в службу. И учел Царь Зеленой говоритъ: Брате Уруслаи! много в моемъ царстве богатырей и удалыхъ людей и мнѣ то ништо не дорого, а дорого мнѣ, что еси далныя земли прпехал на мое имя послужити мнѣ. И поехал царь с Уруслаиомъ в чистое поле тешитися и велѣлъ царь Уруслаиу перед собою стреляти гуси и лебеди и утита. И Уруслаи лукъ потянулъ: ино какъ сильная орда закачается; а стрелит, аки сильной громъ грянет; а, по чему стрелит, того не грешит. Царь добре рад, что Уруслаи удал, стрелятъ гораздъ и силою силен: нетъ такова человѣка и во всемъ его царстве. И прпехал Царь Зеленой с Уруслаиомъ в город,

учал Уруслана дарити многими царскими дарами, и Уруслан не смел, что взят даров у царя. И учал Урусланъ у Царя Зеленого дары имати, блюдая, чтоб Зеленой Царь не догадался, что Урусланъ приехал к нему служитъ лестью. И учал Зеленой Царь Уруслана любит и жаловатъ лутчи всехъ чело-вѣкъ; и учалъ царь с Урусланомъ всякую розговорку говорит. И вшелъ царь в каменную полату, и учал Урусланъ смотритъ на полату на чистое поле, гдѣ побонище лежитъ и голова богатырская, и молвитъ Уруслан: Господине великнй царь! много с тобою яз по полю ежю и на полату смотрю на великой луг; а не смѣю тебя, государя своего, спросит, какне на томъ поле лежатъ челоуѣчскіе кости, а промежъ ими лежитъ голова добре велика. И Зеленой Царь молвитъ: Господине Уруслан! то яз бивалъ многіе рати и многіе богатыри дотолева, коли я не славленъ былъ; а нынеча тому уже 30 лѣтъ минуло, какъ на меня не смеютъ никаковъ богатырь похвалитца, какъ я тогъ богатыря убилъ, чью ты голову сказываешъ среди побонища лежитъ. У того богатыря былъ мечъ таковъ, что было достати ему меня и моево живота темъ мечемъ: и язъ сво до себя не допустилъ да зжегъ егъ огненнымъ щитомъ, пламеннымъ копьемъ и с коня ево сшибъ долой; и тотъ богатырь слетелъ на землю и тотъ свой мечъ подкинулъ подъ себя в землю; и тотъ мечъ и по сѣ мѣсть подъ темъ богатыремъ лежитъ, и язъ тово меча достоваю много летъ, а не могу всемъ царствомъ своимъ достати. А нынеча, брате, толко хто мнѣ тотъ мечъ достанетъ, и язъ за тогъ дочъ свою, царевну красную, дамъ да половину своего царства и всегъ своего имени. И Урусланъ молвитъ: Господине великнй царь! какой то богатырь былъ столь силенъ? Людно царство твое и многіе у тебя богатыри служатъ, а не можешь ты тогъ меча достати. И Зеленой Царь молвитъ: Брате Уруслан! чемъ божия дѣла переставишь? И Урусланъ молвитъ: Господине царю! И нынеча толко хто тотъ мечъ достанетъ, и тому челоуѣку мочно велику чѣсть воздати? И Зеленой Царь молвитъ: Брате Урусланъ! будетъ тебѣ мочно тотъ мечъ достати, не изменю слова своего: дамъ за тебя дочеръ свою, красную царевну, и полцарства своего и всего имени половину. И Урусланъ молвитъ: Господине великнй царь! язъ тому радъ послужити: хотя мнѣ голова своя положити, а тебѣ, великому царю, послужу: а

сду меча достават. И приехал Урусланъ к богатырской голове и, спед с коня, ударил челомъ перед головою ниско до земли, а молвил Уруслан: Господине богатыр! по твоему есмь наказу похвалился меч к царю привести; а не принесу меча, и мнѣ живу не быть. Голова с меча скатилас и меч стал наруже. И Урусланъ взял мечъ за тупой конец и ударил челомъ головѣ до земли, а молвил Уруслан: Господине богатыр! научи ты меня, чем еси ялся научит. И голова молвит: Брате Уруслан! коли ты меч достал, а царя тебѣ мочно достати, толко не уполошейся, а вдругоряд не секи; а устрашился и тобѣ самому живу не быть. Какъ тебя царь не полаты увидит, что мечъ везешъ, и он против тебя самъ выедет и встретит тебя среди царског двора своег; и ты как будеш среди царског двора, и ты меч повези на плече, к собѣ вострым концомъ не оборачивай: вострым концем держи от себя проч. И хотя царь и блиско к тебѣ приступит, и ты меч держи на плече, не сноси, а жди времени, какъ к тебѣ царь приступит блиско і пойдет с тобою в рад, и ты меч подыми да ткни царя под шею однава да гораздо. И Урусланъ поехал к городу, а меч повез на плече. И Зеленой Царь увидел не полаты, что Уруслан меч везеть: царь на своем месте не усидел, вышел не полаты воп против Уруслана и рад добре, что Уруслан меч достал. И какъ Урусланъ взошел на царевъ двор, царь приступил к Оруслану блиско и, как царь с Орусланом изверстался вмѣсте, и Уруслан поднял меч да тля царя по шее і розсѣкъ ево на двое. И Зеленой Царь, летачи на землю, молвил: Господине Уруслан! ткни вдругоряд. И Уруслан молвил: Двожды богатыри не секут. И стеклися на Уруслана царевы богатыри и хотѣли Уруслана убити. И Уруслан молвит: Господине богатыри! съчъ мнѣ вас тѣмъ мечем, которымъ мечем яз царя убил, и мнѣ царева честь потерати. И ухватила Уруслан одново богатыря и убил ево до смерти да тѣмъ многих богатырей побил. И видят царевы богатыри, что со Урусланом битися нельзя и оне все Уруслану учали бити челомъ в службу. И Уруслан молвил: Брате! не царствовать я к вамъ пришол, приехал есмь для своег дѣла. И вспорол Уруслан у Зеленого Царя могучую груд и емлет в вошаночку кров горячую и вымаст свежую нечен и обертел

в шириночку и положил в саадак, и вышел Урусланъ из царства Зеленого Царя вонъ. И пришел к своему доброму коню, вещему Арашу, и учал девку откавыват; а самъ учал говорит: Девка! постав ты меня во княз данилово княжение Бѣлово часа тог. И девка молвит: Господине Уруслан! поставлю яз тебя под темъ же дубомъ, под которым яз тебя взяла. И девка молвит: Господине Уруслан! зажмурся. А вещь Арашъ трижды ступил и девка молвит: Господине Уруслан! прозри. И Уруслан прозри: ажю стал под темже дубом, под которым его девка взяла. И стал Уруслан добре рад и девку от стремени откавал да отпустил на волю. И девка полетела птицею хохотунею; а сама девка молвит: Не дай Богъ вперед под темъ дубомъ бывати, хотя векъ не играти. И Урусланъ поехал на своем вещем Араше во княз данилово княжение Бѣлово, где царь Киркоус без очей сидит в темнице и дядя ег княз Залазар и 12 богатырей его. И приехал Уруслан к темнице к царю Киркоусу и дал ему Уруслан свежую печен и горячую кровь Зеленог Царя и пошел Уруслан от темницы проч. И в то время сказали сторожи князю Данилу Бѣлому, что Уруслан приехал к царю Киркоусу, а сторожи не смѣють ни один приступитися. И княз Данило Бѣлой хотел побежат от Уруслана, и Уруслан молвит князю Данилу: Уже ты от меня бегивал и душу еси мнѣ свою даывал да и тут еси слово преступил; а аз тобѣ поверил, а смерти яз тобѣ не дал: отпустил тебя жива; а нынеча тобѣ у меня живота не будет за твое преступление и за ложное шерстование и бежати тобѣ от меня нѣкуды. И поймал Уруслан княз Данила Бѣлово и привел ево живово ко царю Киркоусу, и царь Киркоус, поднявъ Данила князя Бѣлово, да ушиб о землю до смерти; а сам царь Киркоус и дядя ег княз Залазар и 12 богатырей его помазали себѣ кровью очи и печенью Зеленог Царя, и онѣ прозрили: всѣ стали волной свѣтъ видети. И Уруслан молвит: Государь, великий царь Киркоусъ! виноват был я пред тобою, что есми наперед сего княз Данила живово отпустил, а поверил есми ево душе; а нынеча яз пред тобою справился: княз Данила привел к тебѣ живово, а вас есми всех отпустил. И царь Киркоус всех своих сыскал, которые с ним были в полону, а княз данилова царства людей, которые ему гру-

билн, всех велел смертною казнью казнити и розными муками велѣлъ мучити; а шных, которых добрых родов, велел для славы оставити у себя в царстве, велѣлъ служити, а по княз даниловым городомъ розсажал своих людей. И оттоле царь Киркоус пошел на свое царство добре радостен, и устроил царство свое лутчи старово и учал царь Киркоус на своем царстве жити безмятежно. А Уруслан ударил челом царю Киркоусу и отцу своему, князю Залазарю, и самъ поехалъ в чистое поле козаковат. И едучи Уруслан, вспомятовал дву красных царевенъ, которых хвалила ему невѣска ево княз иванова жена, русково богатыря; и поехал Уруслан в далние земли досезати тех царевенъ. И ехал Уруслан мног дней и приехал Уруслан к той орде, гдѣ живут красные царевны, и увидел Урусланъ в поле шатер бел, маковицы красново золота аравитског и приезжает Уруслан к шатру: у шатра ходит стар человекъ. И Урусланъ по указу догадался, что тѣ царевны, которых царевенъ хвалила невѣска ег княз иванова жена. И Уруслан сшел с коня. И старой человекъ пришел и Уруслану ударил челомъ, а молвил: Скажи мнѣ, господине: какъ тебѣ имя. И Уруслан сказал: Будет слышал есми Уруслана Залазоровича? И старой человекъ молвил: Слышала есми, господине, про тебя, что еси удал. И молвил Уруслан: Поди ты, скажи про меня, старой человекъ, краснымъ царевнам. И старой человекъ сказалъ краснымъ царевнам, и царицы обѣ вышли из шатра и ударили челомъ Уруслану, и учели бити челом, чтоб с ними в шатер бесѣдовати пошел. И Уруслан челобитье ихъ принял и пошел с ними въ шатер бесѣдовати. И царевны учали Уруслана потчивати. И какъ тешился и пошел опочиват, а с собою взял на опочив красную царевну большую сестру. И, лежа, Уруслан говорит: Душечка моя, красная царевна! ехал есми из далние земли, не киркоусова царства для вас собя не жаловал, коня есми своег не щадил: скажи мнѣ правду: естьли гдѣ вас, царевенъ, краше, а меня, Уруслана, удалѣе? И царевна, лежащи, молвил: Господине Уруслан Залазорович! что мы за красны и хороши? Есть, господине, у индейского царя доч, красная царевна: ино, господине, та красна и хороша; а мы еѣ обѣ нас в ногу несудны. А тебя, господине, Уруслана,

есть удалѣе: Ивашком зовут белая поляница, индейского царя сторож. И Уруслану то слово учинилось добре в досаду, что царевна похулила Уруслана, а Ивашка, бѣлую поляницу, похвалила. И той царевне Уруслан сшиб голову и подкинул под крават да взял себѣ другую царевну, меньшую сестру, да с собою положил еѣ на постелю. И Уруслан той царевне говорит: Душечка еси моя, милая красная царевна! скажи мнѣ в правду: естьли где тебя краше, а меня, Уруслана, удалѣе? И царевна молвит: Господине Уруслан! чѣмъ я красна и хороша? Есть, господине, у индейского царя доч, красная царевна: нет такне красавицы и во всей подсолнечной земли; а мы обо нас сестры и в ногу еѣ несудны. А есть, господине, Ивашком зовут, белая поляница, индейского царя сторож; тот, господине, силен; а ты, господине, удалже: обѣих вас Богъ вѣдает, которой из вас удалѣе будет. И Уруслану то слово полюбилося и с той царевны головы не сшиб, оставил еѣ живое. И встал Уруслан с постели своей да оседлал своего доброг коня, вещего Араша, да поехал в чистое поле доезжати Ивашка, бѣлую поляницу. И ехал Уруслан много дней и наехал—на индейскомъ рубеже человекъ спит на коне, подперся копьем, кон под нимъ ворон, великъ добре. И приехал Уруслан к нему близко, а человекъ спит, не подвинетца с мѣста. И Уруслан подлехал близко и уткнул ево копьем глухимъ концем, и человекъ на конѣ пробудился и проглянул, а се спросил: Господине! кто ты еси? какой человекъ, что, с коня не слазя, спиши? Ивашко молвит: Нечто еси не слышал Ивашка, бѣлово поляницу? А яз де на индейскомъ рубеже стерегу украины семь лет, а никаков человекъ иные земли мимо меня не проѣзживалъ, а ныне было есми по твоему счастью уснул и тыб проехал мимо меня к индейскому царю в царство и царь бы тебя спросил, по которой ты дороге ехал, и тыб царю сказал, что ехал мимо меня, а ничем не вреженъ: и царь бы тебя пожаловал и был бы тебѣ великнй подарокъ и воздал бы тебѣ великую честь. А нынеча ты мени розбудил, и ты от меня не можешъ жив быти: живово мнѣ тебя отпустили—и мнѣ честь свою потеряли. И Уруслан молвит: Брате Ивашко! оба мы ещо в божие руке: кому ещо над кем Богъ пособит, а яз, брате, не розбивати хожу, ни красть езжу: ска-

заи мнѣ про тебя, что ты уда, и яз тебя смотрит приехал. И Ивашко молвит: Кто меня увидит, тотъ не может жив быти. И Уруслан молвит: Брате Ивашко! не хвалися: ещо то дѣло весити: любо ты умреш, любо яз умру. И Ивашко молвит: Да никто мнѣ такова слова не говаривал грубна, а ты против меня говориши; и скажи мнѣ, какъ тебя зовут имянем и какне ты орды человекъ таков прыток приехал ко мнѣ и хош меня проглотити? Человекъ есми крестьянин, а ежду из далние земли, не киркоусова царства, а имя мнѣ Уруслан Залазоревиц. И Ивашко, безая поляница, молвит: Слышал есми про тебя, да два богатыря в поле не живут. И выехал Ивашко в чистое поле со Урусланом битися, и Уруслан подтянул у своего доброг коня подируги по своему обычею и напустил с копьем против Ивашка, бѣлог поляницу. И Урусланъ молвил, едучи на ратное дело: Боже милостив! Спась, человеклюбец! милостив еси, Господи, и долготерпелив: потеш меня, чтоб ни к одному человекю копье железом не оборотилися. И какъ Урусланъ приехал к Ивашку да сшиб ево с коня долой на землю, ударив ево копьемъ глухим концем, а доброй конь уруслановъ, вещей Араш у Ивашка наступил копытом на пансырское ожерелье, и Урусланъ молвит: Брате Ивашко! не убил бы еси тебя: за то тебя убью, что тобою девки хвалятца. И проколол его копьем, и тут ему смерть скончалъ: похвалбъ его Богъ не пособил. И как Уруслан убил Ивашка, белую поляницу, и самъ учал думати: взяти мнѣ ивашков кон или ратное оружие, и мнѣ розбойником прослыти. И не взял Уруслан тог погрому ничего и поехал Уруслан во царство к индейскому царю и пришел, где сам индейской царь царствует. И приехал, бьет челом индейскому царю в службу. И царь индейской с радостию Уруслана принимает и учал ево любити, и учал ево многими царскими дары дарити. А ни во всемъ индейскомъ царстве нѣтъ такова человекъ лицомъ красна, ни доротством, ни храбростию, ни силою. А однем царь индейской хвалитца Ивашком, белую поляницею. И учал индейской царь Уруслана роспрашивати: Скажи мнѣ, брате: по которой дороге ехал еси? И Уруслан сказал, что ехал по той дороге, гдѣ стоял Ивашко, бѣлая поляница. И царь Уруслана спросил: Видел ли еси, едучи мимо, сторожа моего?

Яз, господине, не знаючи, убил его за ег похвалбу до смерти. И царь о Ивашке учинился добре печален и учал Уруслана тог болши тешити и розпотешати. И Уруслан с царем учал ездити в чистое поле и наехал озеро, а се Уруслан спросил царя: Что, господине, во царстве твоємъ за озеро и какое в нем угодые и какая у тебя в немъ потеха? И царь заплакал, а самъ молвит: Брате! потеха у меня во царство людей добрых не оставила, всех перевела и хочет меня извести: выходит, брате, ис тово озера чюдо о трех головах, а емлет у меня на всякой день по чловѣку, а завтра взяти ему доч моя, красная царевна. И Уруслан молвил: Да не избретца, господине, таков чловѣкъ в царстве, кому с тем чюдомъ битися? И царь молвит: Брате Уруслан! что было богатырей и удалых людей, и чюдо тѣхъ всех богатырей прибил, а полцарства выел. И Уруслан молвит: Господине великнй царь! могу я за тебя, за государя, живот свой на смерть дати: я иду с чюдом битися. И царь молвит: Брате Урусланъ! и без тово у меня в царстве добрых людей не осталос, а ещо мнѣ тебя потерати? И Урусланъ молвит: Господине великнй царю! на то яз народился, что мнѣ за вас, за государей своих, голова своя складывати. И царь молвит: Брате де Урусланъ! Коли ты мнѣ ту службу служиши здорово и жив будеш, и яз дамъ за тебя доч свою, красную царевну, и полцарства своего. И повели царевну к озеру, чюду на съеденья. И Уруслан сед на свой доброй конь да поехал за царевною, а, хто царевну провожал, те всѣ воротилис назад. И Уруслан приехал к царевне да сщол с коня долой. И царевна молвит: Брате де молодець! поеди проч от меня: тебѣ мнѣ не пособит; а себя мнѣ пущи погубит. И Уруслан молвит: Девка! не бойся; молися Богу да смотри на озеро: какъ учнут волны являтися, и ты меня побуди. И Урусланъ уснул крепко. И какъ на озере учели волны являтися, и царевна побудила Уруслана; и Урусланъ не пробудитца, спит добре крепко. И какъ в другорят учали на озере волны являтися болши того, и царевна побудила Уруслана, и Урусланъ добре спит крепко, не пробудитца. И как в третне почели на озере волны являтися, тог болши: чюдовы головы почели являтися, и царевна, вынес нож урусланов, да поколола Уруслана в стег-

но, чтоб Урусланъ услышелъ и оттогоб пробудился. И Урусланъ пробудился и толко успел на кон съѣти, и чюдо кликнуа богатырскимъ голосом. А Уруслан кликнуаже богатырскимъ голосом и от обѣих богатырскихъ голосов земля потрясся, и царевна испошплася и пала ничъ на землю. И Уруслан не успел того молвит, чтоб ни к одному чловѣку железомъ копыя не оборотилися, и учал Уруслан с чюдомъ битися и копыя у них приломалис и ызмалися за руки: и чюдо побежалъ в озеро, а Урусланъ с нимже пошел, а ни одинъ с коня не свалился. И какъ Уруслан и чюдо потопли оба на дно озера и то видел царь и вси людие в царстве, и заплакали горко, а сами говорят: Уже де чюдо и Уруслана убил и топерво уже наше и царство пусто будет. А печаячи тог, что Уруслан в озере живъ будет. И пособил Богъ Уруслану Залазоровичю чюдо убити: снял ему мечем все три головы да, какъ Уруслан чюдо в озере убил, и после того в озере нашел на дне камен. И вышел Урусланъ из озера и царь с царвнкою и со всеми людьми Уруслана встречают и учили Уруслану бити челоуъ. А тот камен, что Уруслан из озера с собою вынес, что нашел на днѣ, ажно камень добре дорогъ и во всемъ индейском царстве такова камени нѣтъ, и цены ему никто не может уставити. И царь индейской учал радоватися, а сам молвит: Дал де Богъ Уруслана Залазоровича; тот де царство мое и меня от чюда оборонил; теперя де мы лиходея своег избыли: поживем мы топерво бескручинно. И велѣлъ индейской царь свадьбу играти и дал доч свою, красную царвну, за Уруслана за муж. И какъ Урусланъ пришол с царвнкою от венчанья да легъ спати на первую ноч, и учал Урусланъ спрашиват царвны: Душечка моя милая, красная царевна, дочь индейского царя! яз для тебя ехал из далние земли, из далново царства, живот свой складывал, а коня своег не жаловал, а себя не щадил. А нынеча скажи мнѣ правду: есть ли гдѣ тебя краше, а меня, Уруслана, удалее? И царевна молвит: Чем я, господине, красна и хороша? Есть, господине, на море солнечной город імянем, а в томъ городе царствует царевна, а служащие у нее все девки, и та царевна в семь седмериц краше меня; а яз не судна тѣмъ девкамъ, которые у нее служат, красотю и хорошеством.

А ты, государь, убил Зеленог Царя, огненного щита, пламенного копья, да тыж убил Ивашка, белую поляницу, да в озере чюдо о трех головах убил, да тыж убил Θεодула змея и тебя сильнее и удале нигде нет. И спал с нею Уруслан первую ноч да встал от постели своей да тот ей камен дал, которой с собою из озера вынес. И молвит Уруслан: Душечка де еси моя, милая красная царевна! родитца у тебя после меня сынъ, и ты тот камен на руку ему взложи; а родитца у тебя доч, и ты ей в том камени серги доспей. I садитца Уруслан на свой доброй кон, на вещи Арашъ, да поехал солнечног города доезжати, гдѣ царевна царствует. И приехал Уруслан на море, ажно стоит город добре красен на высокой горе, и по указу Урусланъ догадался, что тот город. И приехал поконцеъ мосту и свиснул богатырским голосомъ, и вышли противъ Уруслана девки добре красны: платье на них добре хорошо, а у всякой девки подола сажен великим жемчугомъ да з драгимъ камнемъ, и учели Уруслану бити челом і учели говорит: Царь ли ты, господине, или царевич, или княз, или богатыр силой, и ты, господине, поди к государыне нашей х красной царевне. II Урусланъ поехалъ в город х красной царевне. II вышла встречати Уруслана красная царевна и ударила ниско челомъ Уруслану и, взявъ его за руку, и повела в каменную полату и учели пшти и ясти и тѣшитца. I тешився, Уруслан легъ с царевною опочиват; и, лежа, Урусланъ учал говорит: Душечка де еси моя милая, красная царевна дѣвица! есть ли де тебя краше, а меня удале? II царевна молвит: Господине Уруслан! коли ты Зеленог Царя и Θεодула змея и Ивашка, бѣлую поляницу, и в озере чюдо о трех головах убил и тебя сильнее и удале нигдѣ нет, а меня краше и хорошее нигдеж нѣтъ. II учал Урусланъ в солнечном городе жит с тою царевною много лѣтъ. II какъ Уруслан с тою царевною поспит мѣсяц времени, і он обезсилсет: учнет тянути свой доброй крѣпкой лук, и он не может и от петел отвести; и учнет Уруслан тужит добре о своей старой силе. II какъ Уруслан не поспит с царевною месец времени, и он учнет тянути лукъ по старому. А пошлюю свою венчалную жену Уруслан и забыл. II после Уруслана родился у жены его, индейского царя дочери, от его урусла-

нова плоду сынъ и дали имя ему Уруслапъ Уруслапович. И учал Уруслап расти божіим повеленіемъ борзо, по тому жъ, какъ отецъ его рос, Уруслап Залазорович. И какъ будетъ Уруслапъ о двунатцети лѣтъ и захотелъ онъ потешитца царскою потехою, чти надъ собою царскне дети и великихъ князей не учили надъ Уруслапомъ чти держати и учили сво зватъ выблеткомъ і учили говоритъ Уруслапу: Что ты за царевъ сынъ, что с нами не гораздо шутишь? а ты у себя и отца не знаешь. И Уруслапу Уруслаповичю то слово учинилося добре в досаду и пришолъ Уруслап к матери своей, добре невесел и учалъ говорити матери своей: Скажи мнѣ, госпожа моя мати: какова яз отца сынъ и гдѣ отецъ мой? А меня тѣмъ многие люди безчестятъ и мнѣ в соромехъ не можно лица своегъ показатъ. И Уруслапу молвить мати его: В томъ ты, сынъ мой, не кручинися: отца ты сынъ доброво; отецъ у тебя былъ русской богатырь, а приехалъ изъ далныя земли, не киркоусова царства; а имя ему Уруслап Залазорович; а отецъ твой Уруслапъ убилъ Зеленаго Царя да Феодула змея, да онже убилъ Пвашка, бѣлую поляницу, да в озере чюдо о трехъ головахъ убилъ, а меня от смерти отнял. А отецъ было мой, іудейской царь, выдалъ меня тому чюду на съеденье і тотъ каменъ, которой яз тебе на руку дала, отецъ твой вынесъ изъ озера. И Уруслапъ Уруслаповичъ молвитъ: Да где нынеча, мати, отецъ мой Уруслапъ? а яз еще его не знаю, а хочетца мнѣ его в очи увидетъ. И мати сказала: Сынъ мой Уруслапъ Уруслаповичъ! отецъ твой Уруслапъ венчался да одну ночъ начевалъ со мною да поехалъ искати солнечнаго города, где красная царевна царствуетъ. И розослалъ Уруслапъ по дѣдинымъ стадамъ конскимъ, іудейскаго царя, и выбралъ себѣ добраго коня по своей мысли, и оседлалъ его і подпруги подтянулъ по своему обычею, и остегнулъ на себя саадакъ и саблю крымскогъ дѣла и взялъ Уруслапъ свое булатное копье и селъ на своего добраго коня и поехалъ искати солнечнаго города. И какъ приехалъ Уруслапъ къ солнечному городу и сталъ поконецъ мосту і свиснулъ богатырскимъ голосомъ, и в то время отецъ его Уруслапъ Залазоровичъ исполошелся и самъ молвитъ царевне: Не простой то человекъ крикнулъ, свиснулъ доброй силой богатырь. И садитца Уруслапъ на своего добраго коня,

вещег Араша і поехал ис солнечново города против богатыря к мосту: ажно покопец мосту стоит паробочек молод добре. И Уруслан напустил на коне против паробочка с копьем, а поробчик напустил против Уруслана, отца своег, с копьемже и съехалия оба богатыри вмѣсто. И паробчик Уруслана ударил, отца своег, копьем тупым концем и вышиб сво из седла: мало Уруслан с коня не упал, удержался за седельную луку, и поехали богатыри вдругорит вмѣсто съезжати. И Уруслан паробчика сшиб копьемъ тупымъ концем с коня на землю, а доброй кон уруслановъ, вещей Арашъ, у паробчика наступил на пансырское ожерелье. И Уруслану паробчика убити до смерти жал, что ещо паробчикъ молод добре, а поробчикъ в сердцах под Урусланом рвет у него копье булатное и ухватилсѣ за копье добре крепко, и у паробчика рука обголилас. И Уруслан у паробчика увидел тот камен, которой Уруслан из озера вынес, какъ чюда убил. И по тому каменю Уруслан опознал сына своег и скочил Урусланъ с коня долой и учал паробчика спрашивать: Скажи мнѣ, брате: какой ты человекъ? таков ты молод, а посхал козаковат рано. И паробчик молвит: Какъ мнѣ тебѣ сказатися? По подобию есмн человекъ, а и самъ не знаю, какова есмн отца сынъ яз; а сказывает мнѣ мати моя, индейского царя доч, красная царевна, что прозвали меня отца моег имянемъ уруслановым; а тот де отецъ мой Уруслан был руской богатыр, а спал де с маткою моею одну ночь да поехалъ проч; а какъ я родилсѣ после отца своег, и тому 12 лѣтъ минуло. И Урусланъ Залазоревичъ то слово помыслил, а се паробчику: Сынъ мой Уруслан! а яз твой отецъ Урусланъ Залазоревич; а яз тебя опознал по каменн: какъ ты за мое копье хватилсѣ и у тебя рука оголилас, и яз тот каменъ усмотрил у тебя на руке; а тот камен я из озера вынес, как я убил чюдо о трех головах: и какъ я поехал гуляти от матери твоей, и яз, поедучи, матери твоей приказал: родитца после меня сынъ, и ты тот камен на руку ему взложи; а родитца у тебя дочъ, и ты ей в том каменн серги доспей. И Богъ дал мнѣ тебя, доброво сына. И учал говорит Уруслан Урусланович отцу своему Уруслану Залазоревичу: Господине ты мой отецъ! пригоже ли ты такъ делаеш? покинул еси ты законную жену

свою, а живеш не з законною женою? И Уруслан Залазоревичь молвит: Сынъ де еси Уруслан! в том де еси виноват, да всякой человекъ хочет потешитися молодостию, да всяко время бывает до поры; а ныне мнѣ то все ненадобно и вперед того дѣлати не хочу. И покинул Уруслан свою незаконную жену да ис того царства выехал вон с сыномъ своимъ Урусланомъ во царство к индейскому царю, к своей законной женѣ. И какъ Урусланъ приехал к индейскому царю, и царь индейской учинился рад добре приезду урусланову. И учал царь Уруслана дарити своимъ царскими дарами, и дал индейской царь Уруслану Залазоревичу половину царства своего индейской земли и всег своего имения половину дал в державу. И учал Уруслан жити во царстве индейского царя безмятежно своею законною женою, а незаконную жену свою покинул в солнечномъ городе. И подклонил Уруслан под свою руку к индейскому царству многие города и многие царства, царей, и королей, и сильных богатырей, и удалых людей своимъ богатствомъ. А сынъ ег Уруслан Урусланович, ударив челом дедушку своему, индейскому царю, и отцу своему, Уруслану Залазоревичу, и матери своей, да поехал в чистое поле гуляти козаковати на отцове урусланове на добромъ конѣ, на вешемъ Араше,—искати царей и королей, и сильных богатырей, и удалых людей. И захотѣлъ отвѣдати плеча своего богатырсково и захотел прославитца во многие орды своею удачею, а отцомъ своимъ жити не похотѣлъ. Захотел свою честь получить и славу захотел свою пустити во многие орды. Ныне і присно и во веки вѣкомъ. Аминь.

РУССКІЙ РАСКОЛЪ СТАРООБРЯДСТВА,

разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкъ и въ первой половинѣ XVIII.

А. Щаповъ. Казань, 1859 г.

Расколъ старообрядства составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи русскаго просвѣщенія. И въ означенномъ сочиненіи не мало сдѣлано для разъясненія этого явленія. Рукописи Соловецкой бібліотеки и Казанской духовной академіи, которыми г. Щаповъ воспользовался въ своемъ изслѣдованіи, даютъ его книгѣ значеніе серьезнаго труда. Притомъ въ его сочиненіи въ первый разъ печатно высказанъ не близорукій, но вполнѣ разумный взглядъ на расколъ старообрядства, взглядъ, который конечно не будетъ новостью для передовыхъ людей въ наукѣ русской исторіи и литературы. Недостатокъ же въ сочиненіи г. Щапова мы находимъ въ томъ, что онъ хотѣлъ объяснить расколъ старообрядства изъ однихъ только современныхъ расколу явленій, или, по крайней мѣрѣ, изъ очень ближайшихъ къ его появленію. Такое, не совсѣмъ историческое объясненіе оставило мѣсто для многихъ вопросовъ, на которые мы не получимъ удовлетворительнаго отвѣта въ его сочиненіи. Совершенно справедливо то, что одною изъ причинъ раскола было невѣжество и безграмотность христіанскихъ учителей, современныхъ ему, но почему именно въ этотъ моментъ почувствовали ихъ несовершенство, а не прежде? почему въ это время начали ихъ кри-

тиковать и анализировать? Образованнѣ ли они были прежде или почему нибудь до сихъ поръ не обращали вниманія на ихъ невѣжество? Если до раскола большинство христіанскихъ учителей было образованнѣ, то могло ли оно разучиться до безграмотности, еслибы въ этихъ учителяхъ была постоянная нужда снизу, еслибы народъ постоянно подталкивалъ ихъ? Одною лѣнью невозможно объяснить неохоту этихъ учителей къ грамотности и собственному просвѣщенію, тогда какъ отъ того они могли бы имѣть и нравственное вліяніе и матеріальную выгоду. Такое рѣшительное невѣжество не иначе можно объяснить, какъ отсутствіемъ практики у учителей. Никакою снисходительностью взрослыхъ учениковъ нельзя объяснить того, чтобы они терпѣли долгое время учителей совершенно невѣжественныхъ. Ясно, что существованіе подобныхъ учителей необъяснимо изъ современныхъ только расколу явленій, изъ которыхъ мы не объяснимъ себѣ удовлетворительно ни народнаго сознанія современнаго расколу, ни современной ему и раскольнической литературы, ни современныхъ расколу религіозно-эстетическихъ потребностей народа.

Христіанское просвѣщеніе, начавшееся въ Россіи сверху, не могло идти слишкомъ быстро. Изъ разсказовъ лѣтописцевъ о христіанскомъ просвѣщеніи нашихъ древнихъ князей и бояръ мы не можемъ заключать о томъ же къ народной массѣ. Ростъ русскаго народа вообще медлененъ. Физическая сила, съ помощію которой началось у насъ вводиться христіанское просвѣщеніе, совершенно противорѣчитъ быстрому его распространенію въ народѣ. Какъ только лѣтописецъ, провозгласившій введеніе христіанскаго просвѣщенія въ Россію, коснется отношенія массы къ этому новому просвѣщенію, народъ у него непременно является на сторонѣ своего языческаго просвѣтителя-вождя, а не христіанскаго учителя, котораго сторону принимаютъ только лучшіе люди — меньшинство. Замѣтимъ, что лѣтописецъ по этому поводу касается массы городской, передовой въ народѣ. Изъ сказаній о большомъ количествѣ храмовъ въ нѣсколькихъ, большихъ древне-русскихъ городахъ ничего мы не можемъ заключить о томъ же относительно нашего громаднаго отечества, относительно сельскаго народонаселенія, разбросаннаго по лѣсамъ, тогда какъ въ XVI и XVII вѣкѣ былъ большой недостатокъ храмовъ для народа, что ясно видно изъ сочиненія г. Шапова (365—380 стр.). Далѣе по жалобѣ нашихъ древнихъ христіанскихъ проповѣдниковъ о лѣнивомъ хожденіи народа въ храмъ, проповѣдниковъ, жившихъ въ большихъ городахъ, не можемъ же мы заключить того, чтобы большинство, жившее въ болѣе дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ, прилежно

посѣщало храмы. О томъ, что народъ долго спустя послѣ введенія христіанства продолжаетъ жить по язычески, мы постоянно слышимъ жалобы нашего древняго духовенства, но притомъ опять таки жившаго большею частію въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, болѣе образованныхъ. Посланія нашего древняго духовенства о томъ же предметѣ были направлены большею частію въ болѣе важные пункты нашей древней Руси. А если мы не слышимъ подобныхъ жалобъ изъ другихъ частей Россіи, то не можемъ же мы заключать изъ этого о томъ, что тамъ болѣе успѣшно шло христіанское просвѣщеніе. Позднѣйшіе же лѣтописцы христіанскаго образованія массы народной, отцы Стоглаваго собора, свидѣтельствуютъ, что по селамъ и погостамъ современной имъ Россіи господствовало язычество ¹⁾. Такимъ образомъ до самаго раскола старообрядства массы русскаго народа жили еще языческимъ образованіемъ. Расколъ же старообрядства составляетъ тотъ моментъ въ развитіи русскаго народа, когда массы народныя сознали потребность христіанскаго просвѣщенія, сами начали требовать его. Въ это время жители селъ и слободъ, услыхавъ о какомъ нибудь свѣдущемъ учителѣ, тысячами бѣжали къ нему. Таково напримѣръ извѣстіе о расколоучителѣ Капитонѣ. Игнатій, м. тобольскій, пишетъ о Доміантѣ, что «собрашася къ нему мнози отъ поселянъ, еже есть слобожанъ, аки къ пустыянику и мужи и жены и дѣти, яко тысяча и семсотъ» (III посл.). Что не безъ этой цѣли народъ бѣжалъ къ расколоучителямъ видно изъ того, что о Капитонѣ говорится: «потому мнози ученицы бяху». Народныя массы дѣйствительно искали себѣ въ это время христіанскихъ учителей. Рассказывается, что, на пути отъ Вологды къ Каргополю, жилъ «аки учитель плькй, волхвъ и чародѣй, примысля себѣ имя пустыяника и вѣщци поселяне изъ домовъ своихъ изшедше, послѣдоваша ему.» (245 стр.)

Не смотря на то, что со введенія христіанства въ Россію до раскола старообрядства прошло нѣсколько вѣковъ, однако мисси русскаго народа, современная расколу, находилась на первоначальной степени обученія христіанскому просвѣщенію. Подобно первенствующимъ христіанамъ русскіе люди, «какъ гладные приходили въ церковь Божію съ жадностью духовнаго назиданія и наученія», «любили зѣло любезно послушать» (400 стр.). Въ расколѣ старообрядства способъ просвѣщенія не столько—школа и книга, сколько проповѣдь и бесѣда. Любовь къ просвѣщенію выражалась въ дѣтской привязанности къ буквѣ, въ вѣрѣ чернилу.

¹⁾ Стоглавъ гл. 41.

Пока христіанскаго образованія требовали только лучшіе люди, учителей хорошихъ для нихъ было достаточно, но когда массы народныя потребовали себѣ учителей христіанскихъ, то оказалось, что частію ихъ было мало для народа (380—386 стр.) или, если и достаточно въ иныхъ мѣстахъ, то большинство ихъ совершенно не соотвѣтствовало характеру учителей. «Рѣдко кто изъ духовнаго чина, жаловался Дмитрій Ростовскій, знаетъ порядокъ библейской исторіи, что когда происходило. Одинъ игумень спрашивалъ меня, когда жилъ Ілія пророкъ по рождествѣ ли Христовомъ или послѣ рождества Христова? и еще: Маккавей жили послѣ апостоловъ? ибо учитель ихъ Елеазаръ предъ мучителями приводилъ слова апостольскія и евангельскія, какъ напечатано въ прологѣ московскомъ въ 1 день августа? И много слышалъ я другихъ смѣшныхъ рѣчей между духовнымъ чиномъ. Напримѣръ слѣдующее: которымъ пожелъ св. Петръ отсѣкъ Малхово ухо, тѣмъ впоследствии св. Ілія перерѣзалъ жрецовъ визловыхъ (Древ. р. вивл., ч. XVII, стр. 87). Тотъ же Дмитрій Ростовскій во время своего путешествія въ 1702 году зашелъ въ церковь и спросилъ попа: «гдѣ суть животворящія Христовы тайны. Попъ же ничего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ (говоритъ онъ) рече къ нему: «гдѣ запасъ?» Тогда онъ показалъ святыя дары (ibid.). До того мало образованы были христіанскіе учителя, современные расколу, что въ XVII вѣкѣ «даже нѣкоторые честные протопопы, по словамъ преподобнаго Діонисія, служаще въ святыхъ церквахъ, по священнымъ книгамъ чтуше и поюше, не добръ разумѣли глаголемое и читанное» (Ркп. Сол. биб. № 897). А потому во время службы они не рѣдко произносили бессмыслицу, наприм. въ главѣ пяти молитвъ, которыя произносятся священникомъ во время проскомидіи, священники XVII вѣка, читали молитву надъ *виномъ хотящимъ служити* (192 стр. Шап.). Но мало того, что эти учителя не умѣли понимать читаннаго, они не умѣли иногда даже и читать. «Даже между честными протопопами и архимандритами, по словамъ старца Арсенія Глухаго, много было такихъ, кои едва азбуцѣ умѣли и ничимъ же разнствовали отъ невѣжды и поселянина» (68 стр.). Отцы собора 1667 года говорили, что въ священство поставлялись сельскіе невѣжды. Самъ строгій Никонъ требовалъ отъ большинства духовныхъ учителей только знанія грамоты. Книга г. Шапова наполнена множествомъ примѣровъ и выписокъ по этому предмету. Понятно, что учителя съ такимъ образованіемъ не могли удовлетворить народа, требоващаго разсказовъ, объясненій, толкованій христіанскаго ученія. «Іереи не учать, а людіе невѣжествуютъ; іереи слова Божія не про-

повѣдуютъ», говоритъ Дмитрій Ростовскій (Сочин. св. Дмитрія, II, 389). Духовный регламентъ говоритъ о духовенствѣ XVIII в.: «По-неже мало есть, противъ толкаго Россійскія церкви многоградя таковыхъ пресвитерей, которые бы наизустъ могли проповѣдывать догматы и законы Св. Писанія» и т. д. (П. С. З. т. VI. стр. 321). Отъ подобныхъ учителей не возможно ожидать любви къ своему занятію. И дѣйствительно духовенство дѣлилось даже исполнить церковныя службы, такъ что, если кто хотѣлъ читать пропускаемое ими въ службѣ, они запрещали, гнали отъ себя тѣхъ, которые обращались къ нимъ съ своими требованіями, или же потворствовали незаконнымъ требованіямъ: вѣчали не по христіанскому обычаю (180—181 стр.), занимались чернокнижествомъ, волшебствомъ, какъ лестнымъ народу, чтобы сколько нибудь имѣть на него вліяніе. Въ посланіи Филарета Никитича въ Ниж. Новгородъ говорится, что «дѣлечекъ держитъ у себя книги не добрыя, ересныя, да приговоры.., рафи, тетради гадательныя». (Арцыб. т. III, гл. VI, прил. CLXXVI). Нравственная, домашняя жизнь этихъ учителей, которая особенно важна для учениковъ—дѣтей, была совершенно безотраднa. Народъ забылъ къ такимъ учителямъ уваженіе, безчестилъ, а иногда и билъ ихъ. Правда, являлись нѣкоторые ученые и нравственные пастыри, но для цѣлаго народа, который хотѣлъ учиться, ихъ было слишкомъ мало. Но даже и эти, болѣе просвѣщенные учителя, не понимали потребностей народа, не знали педагогическаго способа обученія дѣтей. Одно чтеніе безъ объясненія, безъ руководства неудобно для дѣтей. Книги, ими издаваемые, были не по понятіямъ народа. «Обѣдъ душевный и вечера душевная люботруднаго и мудраго мужа Симеона Полоцкаго и тая простѣйшимъ людямъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати и грубымъ разумомъ не внимательна, а Божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоученіе на Евангеліе и на Павлова посланія и на дѣянія святыхъ апостолъ зѣло не разумительно, неточію слышавшимъ, но ичтущимъ, вельми бо препросты страны сея жители, въ ней же ни обитати, не точію отъ мирянъ, но и отъ священникъ. иностраннымъ языкомъ та Златоустаго писанія нарицаху». (Оп. Рум. муз. стр. 632.) О томъ же говоритъ и духовный регламентъ. Наконецъ, когда расколъ побудилъ къ заведенію училищъ, то частію ихъ вначалѣ было недостаточно, а въ особенности же они не отвѣчали современной потребности, такъ что до 1701 года, даже въ славяно-греко-латинской академіи не учили богословію. А между тѣмъ для народа нужно было много учителей, учителей, знавшихъ христіанское образованіе. Медленно распространялись училища и въ XVIII вѣкѣ. Платонъ Любарскій говоритъ объ архіепископѣ казан-

скомъ Гавріилѣ (1735—1738 г.): «Сказываютъ объ немъ, что какъ къ содержанію семинаріи и ученыхъ дюдей, такъ и къ строенію по введенному въ нынѣшнее время примѣру всякихъ въ епархіи своей зданій не имѣлъ склонности, почему и все до него такимъ образомъ заведенное уничтожить велѣлъ, хотя бы то и великой суммы стоило, вѣняя въ добродѣтель все прежде въ Россіи не бывалое пестрелять безъ остатку». (Истор. каз. іерар. Ркп. каз. дух. акад.) Но и въ заводимыхъ семинаріяхъ богословіе преподавалось не вездѣ. «Въ нихъ весь курсъ ученія, говоритъ г. Шаповъ, большею частію ограничивался букваремъ славянской, латинской и греческой грамматики, да какими нибудь латинскими, риторическими и піитическими экзерциціями и оккупациями *de loco, de re, de calceis* и т. п. (439). Съ половины XVIII вѣка введенное богословіе преподавалось на латинскомъ языкѣ, по системѣ западныхъ схоластическихъ богослововъ. А между тѣмъ массы русскаго народа всегда отличались противочувствіемъ католичеству. Никонъ окружалъ себя учеными съ юга, въ чемъ упрекалъ его и Нероновъ (86 стр.). Книги, которыя заимствованы для образованія, были западныя, католическія. Аввакумъ въ отвѣтномъ посланіи къ Андрею Плещееву говоритъ о книгахъ, приобретенныхъ Никономъ и переводимыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича: «Нынѣ расколы творятъ книги еретическія отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венетовъ, прочее умолчу до времени» (93 стр.). Такимъ образомъ кромѣ схоластицизма, неестественности, которая несносна ученику ребенку, средства для образованія были заимствованы съ запада, къ которому была непреодолимая антипатія.

И такъ христіянскіе учителя, современные расколу, не умѣли и не могли удовлетворить потребности народа, требовавшаго просвѣщенія. Но нисколько не заглохла отъ того въ народѣ жажда къ христіянскому просвѣщенію. Еще въ язычествѣ русскій народъ привыкъ обходиться безъ особеннаго сословія религіозныхъ учителей — безъ жрецовъ. И на этотъ разъ онъ рѣшается учиться у всякаго, кто бы только зналъ что нибудь, кто бы хотѣлъ научать его. Нашлись люди, хотя и не съ большими, но все же съ какими нибудь свѣдѣніями. Нашлись грамотные, вполне воспользовавшіеся грамотностью, сколько отъ нихъ зависѣло, много прочитавшіе, много помнившіе изъ прочитаннаго. Таковы были образованнѣйшіе люди того времени,—справщики книгъ, писаря. И дѣйствительно расколоучителями явились справщики книгъ, бывшіе при патриархѣ Юсифѣ, какъ Аввакумъ, Нероновъ, Логгинъ, Никита, изъ писарей Никита во Владимірѣ, Козма Прокофьевъ въ Каргополѣ. Являлись между расколоучителями и такіе, которые искусны были въ логикѣ, философіи и богословіи,

какъ Вавила, ученикъ Капитона. «Андрей Денисовъ грамматическому и риторическому разуму учился, Семень грамматику; риторикѣ, пѣтнику и часть философіи довольно изучилъ». Между расколоучителями были люди, одаренные большими талантами, такъ Исая, ученикъ Аввакума. Притомъ у раскольниковъ учителей была сильная любовь къ своему занятію. Патріархъ Іоакимъ говоритъ, что у нихъ была страсть къ учительству. «Козьма Прокофьевъ, по словамъ Денисова, еса къ себѣ народы паче магнита привлекалъ, понеже всѣмъ, приходившимъ къ нему, сладокъ и полезенъ баше совѣтникъ и наставитель». (Виногр. Росс., л. 106. об. 160.) Изъ множества приведенныхъ въ этомъ родѣ въ книгѣ г. Шапова примѣровъ мы выписали только одинъ. Расколоучители не только не отказывали приходившимъ въ слонъ, но даже сами старались проникать въ дома для ученія, путешествовали по Россіи, какъ миссіонеры, такъ былъ Андрей Денисовъ и многіе его ученики. Для распространенія раскола они не щадили ни чести, ни имѣнія, ни самой жизни. (Пол. пзв. о раск., ч. I, стр. 83.) Эти расколоучители при сообщеніи истинъ умѣли принаровиться къ способностямъ людей простыхъ, темныхъ. «Сочиненія Денисовыхъ, говоритъ г. Шаповъ, по своему тону и направленію, не могли не имѣть сильнаго вліянія на необразованныхъ, особенно неразсудительныхъ и легкомысленныхъ читателей. Напыщенно-восторженный тонъ, пылкая, образная, иногда дѣйствительно не лишняя нѣкоторой красоты и изящности рѣчь, чрезвычайно ловкая поддѣлка и обиліе хитросплетенныхъ доказательствъ, все это сильно дѣйствовало на умы и сердца неразсудительныхъ читателей» (319). Объ сочиненіяхъ Аввакума, г. Шаповъ говоритъ, что они «приходились по вкусу простому народу, написаны были простонароднымъ, мужицкимъ и отчасти шутовымъ языкомъ». (317 стр.) Сообразно съ дѣтскимъ характеромъ развитія народа предметами раскольниковъ бесѣдъ и рѣчей было: наступленіе послѣднихъ временъ, близость кончины міра, пришествіе антихриста, второе пришествіе Христова, страшный сулъ, которымъ сильнѣе всего греческіе миссіонеры подѣйствовали на азычника Владиміра. Сообразно съ дѣтскимъ состояніемъ народа, литература раскольническая была толковательная, объяснительная, излагалась въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, загадокъ и рѣшеній ихъ. Правда, предметы этихъ вопросовъ и загадокъ были иногда очень пусты, мелочны, но все-таки они выходили изъ любознательности, все же это не отрицаніе знанія, не сосредоточеніе въ мелочахъ практической жизни, не апатія, не застои умственный. Расколоучители чужеземнымъ пользовались не католическимъ, а лютеранскимъ. Вавила, ученикъ Капитона, былъ лютерскія вѣры (Вин. Р., л. 135).

Таковы были нѣкоторые расколоучители въ Сибирѣ. Объ Авраамѣ, Яковѣ, Лепихинѣ и друг. Игнатій, м. тобольскій говоритъ: «Суть проклятіи лютере: чтеніе священнаго писанія все злѣ и растлѣнныя толкуютъ, и якоже кальвини и лютере вся церковная преданія отмѣтають, мящесе сами собою, не іереи суще, крестятъ дѣтей, явственнѣ еретницы—кальвини и лютере суть». (1 посл., Пр. соб. 1855, 1 кн. стр. 27, III посл., стр. 61.) Во многихъ сектахъ раскола старообрядства играютъ большую роль идеи протестантизма, хотя иногда и превратно понятыя. Вообще говоря, протестантизмъ болѣе пришелся по духу русскаго народа, соединившись съ преданіемъ языческимъ объ отсутствіи жрецовъ въ р. языческой религіи и дружески-любно принятый въ древнѣйшія русскія ереси стригольниковъ, жидовствующихъ. Расколоучители заботились о распространеніи своихъ идей посредствомъ книгъ. Они снабжали книгами всѣхъ желающихъ. Скиты ихъ имѣли искусныхъ писцовъ. Они продавали книги на ярмаркахъ. Раскольническіе миссіонеры ходили съ котомками, наполненными книжками и тетрадками. «Не точію въ селѣхъ и во градѣхъ, говоритъ п. Іоакимъ, но и въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, чрезъ ихъ ложная и прелестная словеса и писанія простой и ихъ прелести не могущій познати многъ народъ прельщали яко словесы, тако и злодукавными лестными писаніи». «Раскольническія книги такъ сильно распространялись и такъ ередны были для народа, говоритъ г. Шаповъ, что въ 1724 году указомъ свят. Синода предписано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольническія рукописныя книги». (321 стр., 1 примѣч.) Результатомъ всего этого была удивительная быстрота, съ которою распространялся расколъ. Едва ли кто нибудь станетъ отрицать послѣ того, что расколъ способствовалъ по крайней мѣрѣ распространенію грамотности въ русскомъ народѣ, не далъ заглухнуть въ немъ любви къ просвѣщенію.

Отвѣчая народнымъ потребностямъ, раскольническая литература отразила въ себѣ жизнь массы, ея внутреннее развитіе, ея симпатіи и антипатіи. Мы уже упомянули о томъ, что въ раскольнической литературѣ выразилась антипатія къ католичеству. Излишнимъ считаемъ говорить, что въ ней выразилась антипатія къ духовенству. Для русскаго, народа привыкшаго къ свободной жизни въ язычествѣ, воспитаннаго въ вольности во время усобицъ, въ потворствѣ князей и царей, отвыкшаго во время самозванцевъ нести государственныя повинности, возмущавшагося при указахъ, стѣснявшихъ его свободу, для такого народа тяжело было нести расходы постоянныхъ войнъ при Михаилѣ Θεодоровичѣ, вступившемъ на престолъ, когда въ казны не было денегъ. Естественно, что такому народу не могло нравиться

усиліе монархической власти при Алексѣ Михайловичѣ, и особенно при Петрѣ. Не легко было время для народа послѣ подушной переписи, когда чиновники собирали деньги *силло*, вмѣсто 38 по 34 копѣйки, и наживали себѣ отъ сбора по 2000 р. Не могло не быть тяжело для народа, когда каждый годъ для постройки Петербурга приходило до 40,000 человекъ, когда этотъ народъ долженъ былъ собираться изъ дальнихъ мѣстъ, когда для постройки Азова гнали народъ изъ противоположнаго конца Россіи и народъ этотъ часто не возвращался совсѣмъ домой; когда нужно было приводить въ исполненіе такія огромныя предпріятія, какъ прорытіе Ладожскаго канала. Это было время, когда, по словамъ Посошкова, безъ взятокъ ничего нельзя было сдѣлать въ судѣ, когда прикащики грабили крестьянъ, забирали у крестьянъ что имъ вздумается, а за жалобу сажали въ тюрьму и заставляли выкупаться (Дополн. къ Ак. III, № 65), когда губернаторы, тѣшась изъ пушекъ, губили при этомъ человекъ по 15ти (Доношен. м. Сильвестра свят. Спн., рук. к. А., III. 525 стр.), когда пашни господскихъ крестьянъ оставались незасѣянными отъ недостатка сѣмянъ, когда господа издѣвались надъ крестьянскими женами и дочерьми, выбивали у женки ребенка, топили крестьянъ въ водѣ, отдавали ихъ чиновнику вмѣсто взятки. Еще ужаснѣе было для народа время Бироновщины, когда ставили крестьянъ голыми ногами въ снѣгъ, били палками по пятамъ, пытали. Всего яснѣе видна тяжесть этого времени изъ того, что нѣкоторые предавали себя самоожженію отъ присланныхъ командъ, отъ ихъ грабительства и разоренія (П. С. З., т. XV, стр. 233). Подобно первенствующимъ христіанамъ, ожидавшимъ пришествія антихриста во время страшныхъ гоненій противъ нихъ, раскольники въ своей литературѣ оразили тяжесть государственной жизни въ образѣ антихриста. Въ своихъ сочиненіяхъ они приурочивали пришествіе антихриста къ 1666 году царствованія Алексѣя Михайловича. Вотъ какъ говорится въ раскольническихъ сочиненіяхъ противъ усилія самодержавія Петромъ Великимъ, противъ тяжкой для народа по своимъ послѣдствіямъ переписи: «Мы, смятряюще недремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣта по числу 1666му конецъ пріиша пророчествія, а совершенное же всея злобы исполненіе исполнися на Петрѣ, егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православныя вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славиться предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году воз-

обнови; уничтожи патриаршество, дабы ему одному властвовать, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единаго превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріязль на себя титулу патриаршескую, и именовася отецъ отечества и глава церкви російскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патриаршую власть, и нача себя величати и славити, возвышаяся на всяка возобновленія. Въ 1700 году собра весь свой поганый синклитъ въ первый день генваря мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоринскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи и вси воскликнуша ему единогласно: вивать, вивать новый годъ! отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, повеле праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ первый день сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріять за императора Августѣйшаго, сирѣчь надъ всѣми обладателя. Озе, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно празднуете новый годъ? Вся господніи лѣта истреблени, а сатаннины пзвѣщены, во истинну исполнися здѣсь тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣра всю творити предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на ней, да поклонатся ему. Удалятися и бѣгати подобасть намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, пошеже въ откровеніи Іоанна Богослова, во главѣ 12, писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи раби христовы побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Пошеже Петръ нача гонити и лѣстити и искоренати останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагаая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многія указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и устави Сенать, и самъ бысть надъ ними главою и судіею главѣйшимъ: тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, учини описаніе народное, и счисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данни велиими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ данн вытребова. Егдаже той императоръ или монархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизіею или исчисленіемъ душъ человеческихъ, которыя приняли его за императора и за единовластнаго правителя, мы отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохранятьи и вѣру святую блюсти, и таковому

жехристу въ послушество отдатися не хожемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ: творите съ нами что хотите: ибо есмь христіане единого исповѣданія у 7 вселенскихъ соборовъ св. отецъ, и св. страдальцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе: того исповѣданія и мы держимся и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего императора и его законоположеній ревизій, не пишемся: ибо мы отъ крещенія записаны есмь въ книги животныя у Царя Небеснаго; понеже видимъ во Святомъ Писаніи, яко прежде бывшіе въ Русіи благочестивіи цари Иванъ Васильевичъ, Ѳеодоръ Ивановичъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексій Михайловичъ, бывший въ благочестіи до Никона патріарха, яко сии вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили, и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите челоуѣцы и вонмите и рассмотрите по святому писанію, въ кѣихъ лѣтѣхъ живемъ и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуетъ книга: кабинетъ Петра Великаго: ибо духъ государей русскихъ, есть духъ Петра великаго. Петръ Великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ Первый, и прочіи по немъ такожде именуются, и наки именовася божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствуетъ книга: кабинетъ Петра: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите, изыдите люди моя, изъ Вавилона». (Раск. ркп. «Челобити. или истор. Петр. Вел.», Спис. Соз. 6.) Кромѣ того въ раскольнической литературѣ появились демократическія подметныя письма противъ монархической власти и имперіи. (П. С. З. № 4678.) «Въ раскольническихъ стихахъ и сочиненіяхъ, говоритъ г. Шаповъ, не рѣдко встрѣчаются жалобы на неправоту судей, на притѣсенія, причиняемая народу, какъ на прямые признаки господства антихристового» (526 стр.). Младенчески простой, не изнѣженной, не привыкшей къ роскоши массъ русскаго народа не могло нравиться неразумное заимствованіе вѣишностей отъ запада, когда щеголяли стрижкой волосъ, покроемъ платья, украшали дома обнаженными божествами классической древности, въ постъ готовы были «за курочку душу промѣнять», давали балы въ 500 р., тратили въ годъ на столъ по 14,000 р. занимались соблазнительными стишками. Раскольническая литература отразила народную

антипатію ко всему этому, облакая это опять таки въ образъ антихриста. «Седмоглавый змій, читаемъ въ одной раскольнической рукописи XVIII вѣка, наводитъ иностранные обычаи, дабы отлучить отъ Бога и отвести во дно адаво. Присмотрися, возлюбленне: вси бо христіане одѣются одѣяніемъ страннымъ и необычнымъ: мужи и жены и дѣвцы. Аще хошемъ благочестіе и вѣру содержати непоколебиму, вся иностранные обычаи, сирѣчь, взоры, глаголы, хожденіе, одѣяніе и прочая вся неподобная христіанамъ отринемъ. Зрите, православніи сущии душелюбны, егда исполнится осьмая тысящи 290 лѣтъ, тогда будетъ въ людѣхъ великое невоздержаніе, и пльнятся обычаи невѣднѣемъ разсужденія, и начнется въ христіанѣхъ иностранное любленіе, еже есть: глаголы, взоры, хожденіе, одѣяніе, о горе!» (Собр. раз. раск. ст., рkp. каз. ак.) Ясно отсюда, что раскольническая литература живо отражала въ себѣ антипатію народа, чего мы не найдемъ въ литературѣ духовенства.

Совершенно справедливо то, что духовная рукописная литература XVI и XVII вѣка заключала въ себѣ статьи, которыя или благоприятствовали развитію раскола или цѣликомъ впоследствии вошли въ составъ его ученія. Но эта же самая апокрифическая литература, полная нецѣлостей, была въ употребленіи у насъ еще въ XIII вѣкѣ и ранѣе ¹⁾. Какимъ же образомъ могло случиться то, что послѣ столькихъ вѣковъ — въ XVII вѣкѣ не только не почувствовалась несостоятельность такой литературы, но даже ощутилась большая въ ней потребность? Неужели въ продолженіи столькихъ вѣковъ не было никакого прогресса въ христіанскомъ просвѣщеніи Россіи? Прогрессъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что до XVII вѣка христіанской апокрифической литературой (иной удобной для чтенія мы мало насчитаемъ) пользовалось меньшинство, а въ XVII вѣкѣ большинство. Этимъ же объясняется и то, что пользовавшіеся апокрифическою литературою до раскола не составляли особенной секты. Понятно, что апокрифическою литературою народъ пользовался не потому, что въ ней было много лжи, а потому, что она соотвѣтствовала характеру его развитія. Любовь къ апокрифической литературѣ могла быть у людей стоявшихъ на степені дѣтскаго развитія въ христіанскомъ просвѣщеніи, которые не только не могли понимать теоріи, сухой морали, но у которыхъ при чтеніи простыхъ разсказовъ евангельскихъ поминутно являлись вопросы, для которыхъ простой историческій разсказъ безъ всякаго вымысла былъ не удовлетворителенъ. «Умъ русскаго сектанта простолюдина (говоритъ

¹⁾ Пыпина, Древн. Русск. литерат. Отеч. Зап. 1857 г. ноябрь.

г. Шаповъ) не имѣвшій твердой точки опоры положительныхъ, точныхъ знаній христіанства, во тмъ заблужденіи, не управляемый авторитетомъ церковной власти, между тѣмъ, хотя безотчетно, смутно сознававшій потребность истины, успокоивался на такихъ мысляхъ, какія самъ выдумывалъ въ слѣпотѣ заблужденія, принимая ихъ за настоящую истину». (278 стр.) Вообще говоря, апокрифическая литература носить на себѣ характеръ сказочный, который нельзя объяснить, принимая въ основу одно христіанское просвѣщеніе, который можетъ быть удовлетворительно объясненъ изъ языческаго развитія русскаго народа. Сказочный характеръ апокрифической литературы виденъ изъ перечисленія апокрифическихъ статей, сохранившагося въ сборникѣ Соловецкой бібліотеки XVII вѣка: «составленіи мистическихъ псалмы, грядите вси вѣрнии, другіе грядете кресту твоему вѣдружешуся на земли, Адамъ, о Енохѣ что былъ на пятомъ небеси и исписалъ 300 книгъ, Ламеховы книги, патріарси, Снеова молитва, Адамъ завѣтъ, Моисіевъ завѣтъ, Асенеовъ, Елдадъ, Молдадъ, Соломани псалмы, Ильино обавленіе, Исанио видѣніе, Іаковля повѣсть, апостольстѣи обходи, что приходили къ граду, обрѣтоша челоувка орюща воли и просиша хлѣба, онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насяяше и прїидѣ съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу; Варнавино посланіе, Петрово обавленіе, Павлово дѣяніе лжею складено, Павлово обавленіе, Евангеліе отъ Варнавы, Евангеліе отъ Фомы, Иоракманехъ, Зосимохождение, паралипомени что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Еремію пророку. Суть же и ниа многа отъ жесловесникъ сложена, еже есть сіе, Івана богослова въспросы еже на Елеонстѣй горѣ, Аврама прїотца въспросы, того же Івана богослова въспросы къ Господу, еже рече къ нему Господь: слыши приведеный Иване Варволомѣви въспросы къ Богородицы, како роди Христа. Епистоля о недѣле, о дрѣве крестнемъ лжею списано, что Христа въ попы ставили, и что Христосъ плугомъ оралъ, еже Еремия попъ болгарскій изолгалъ, былъ въ навѣхъ навѣрзлпшккому; Петрово житіе въ пустыни 52 лѣта и хоженіе Петрово по вознесеніи Господни, что Христа отрочатемъ продавалъ и архистратиха Михаила крести, и что рабы по суху ходили; Дѣтство Христово, Хоженіе Богородицы по мукамъ; о Адамовѣ лѣтъ что семь церквъ въ немъ седѣло; Павлово хоженіе по мукамъ, имена ангеломъ, о службѣ танцъ Христовъ что опоздать служити обѣдню, врата небесная затворяются, и ангели попа кленуть; и еже съ Христомъ діаволе прѣниие, о пустыниці о Макаріе римъстемъ, что три черньци нашли его, что двадцать попріщъ отъ него рай; о Соломанѣ царя и о китоврасе притчи. басни и кощунны все лгано, не бывалъ китоврскъ на земли, но

сливнѣстїи еллосоен ввели; Авгарево посланіе на шею носятъ неразумнїи; о двоюнадесяти іаковлчлахъ, глаголемая лѣствица. Суть же и о мученицехъ словеса криво складена, а не тако, якоже истинна ихъ писана въ чтеннѣхъ и въ мнїѣхъ и въ пролозѣхъ,—Георгїево мученіе, рекше отъ Дадїана царя мученъ, Никитино мученіе, нарицающе его сына Максимѣянова царева, иже бѣ самъ мучилъ, все же то лгано, вся же суть та прилогъ обличаетъ; и Евпатиево мученіе, что седьмыжди умре и оживе, Климента анкирьскаго мученіе, и нїѣхъ многихъ; единою убо вси святїи спасени умроша, по многихъ мѣкахъ, ли мечемъ посѣчени, ли копнемъ прободени, ли ножемъ заклани, ту конецъ приаша; многожъ и иная сложена чтеннѣ ложная, Давидови пѣсни. Сошонїино обавленіе; о Василїе кесарїйскомъ, и о Иване златоусте і о Григорїе богословѣ, въспроси и отвѣты о всемъ лгано; о всей твари чтеніе, куръ стоитъ въ морїи, 300 ангель солнце воротятъ; о двоюнадесяти пятницахъ споръ Тарсѣя жидовина съ Елѣерїемъ; слово Меѳодїа епископа паторимскаго, отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ Мунтъ сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти, что запечатани царї Александромъ царемъ Макидонскимъ; Гогъ и Магогъ, и Исакъ сонъ видѣ столпъ посреди двора, архангелъ Михаилъ Аврама возносилъ на небо, и далъ ему видѣти что дѣють и судилъ имъ, но лгано суть: не бывало того; и кануновъ много лживыхъ, и молитвы составлявая лживыя отъ трясавицы, Еремїя попа болгарскаго басни. глаголетъ бо окаянный, сядящу святому отцу Сисѣїю на горѣ синаїстѣй, и видѣ семь жонъ исходящи отъ моря и ангела Сиханпа именуеть, и иная изыдоша семь ангелъ, семь свѣщъ деръжаше, семь ножевъ острящи, карастар о (70) имянъ Богу все то еретици списали. Суть же между божественными писании ложная писаннѣ насѣна отъ еретикъ, на пакость невѣждамъ, попомъ и дїякономъ лживыя соборнїки сельскыи, худыи манакаунци по молитвенникомъ у неразумныхъ поповъ; лживыя молитвы о трясавицахъ, о нежитехъ и о недузехъ, и грамоты трясавѣскыя пишуть на просѣирахъ и на яблонецъ болѣсти ради, все убо то невѣжди дѣють, и деръжатъ у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ томъ безумнїи гинуть. А се есть мудрованіе тѣхъ, ями же себѣ отлучаютъ о Бога, и приводятъ къ бѣсовомъ въ пагубу и погибають: книга Мартолой рекше острелогъ, остроумїа землемѣрїа, чаровникъ въ нихъ же суть, 12, вся главнїзны стихи двоюнадесяти опромѣтныхъ лицъ звѣрнїи и птнчъ, еже есть тѣло свое хранитъ мертво, и лѣтаеть орломъ и ястребомъ, и враномъ, и дятломъ, и совою, рыщуть лютымъ звѣремъ, и вопремъ дикимъ, и волкомъ, лѣтаеть змїемъ, рысью и медвѣдемъ, есть громникъ, молнїи-

никъ, мѣсяць окружится, козляникъ, метавія, сонникъ, волховникъ, волхвующе птицами, и звѣрми, еже есть се, стѣнотрѣвскъ, ухозвонъ, вранографъ, куроликъ, окомигъ, огонь-бучить, песь-вьеть, мышепискъ, мышъ порты-изгрызеть, жаба вокоче, кошка вокоче, мышца подражать, сонъ страшень, слѣпца-стряцеть, изгорить мѣчто, огонь пищить, искра изъ огня, кошка мявкаетъ, падеть человекъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, валъ на валъ, птичникъ различныхъ птицъ, пчела, рыбы, трава шумить, дѣвѣ, съ дѣвѣку листъ шумить, сорока пощекочеть, дятель жона, волкъ вьеть, гость придетъ, стѣношелкъ, полатничекъ, волхвованія различная, путникъ книгъ и въ нихъ же есть писано о стрѣчахъ и коби всяческая еретическая о частяхъ о злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено, днехъ о лунныхъ, что въ первый день луны небеснаго мѣсяца Адамъ созданъ бысть еретики написано, а не въ первый день луны сотвори Господь Богъ Адама, понеже сотвори Богъ солнце и мѣсяць и звѣзды небесныя, Адама сотвори Богъ въ пятый день; како хочещи навѣгласе въ единъ день рождение адаме съ луною исповѣдати почто неразумне вѣруши еретическымъ лжамъ, а оставя Божіе писаніе, на лжу убо писаше всю, дній луны. Такожъ и прочая коби, еже суть книги еретическая, звѣздочтець, звѣздъ, и другій звѣздочтець, ему же пчя стопецъ, въ нихъ же безумніи люди вѣрующе волхвуютъ, ищуще дній рожденій своихъ, саномъ полученія, урока-житія, и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей, и казней, и въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ, ищуть своимъ безумнемъ, а оставя Божію помощь, и призывать бѣсовъ на помощь, а невѣдуше Божіихъ судьбъ». (Сбор. Солов. библ. № 913.) Изъ этого перечисленія апокрифическихъ сочиненій ясно видно, что въ этой литературѣ участвовало младенческое воображеніе. Желаніе въ исторіи имѣть сказку возможно только для младенческаго воображенія, развитаго на счетъ другихъ способностей. Но кромѣ сказочности апокрифическая литература не лишена и дѣйствительной поэзіи. Эта потребность поэзіи въ христіанской литературѣ не могла зародиться въ русскомъ народѣ отъ русскихъ древнехристіанскихъ учителей, которые не питали и не развивали поэтическаго чувства въ народѣ, въ сочиненіяхъ которыхъ ничего не было поэтическаго. Для примѣра поэтическихъ образовъ въ апокрифической литературѣ мы выпишемъ толковыя притчи, помѣщенные въ сочиненіи г. Шапова: «Стоитъ гора на дву холмахъ, среди горы кладезь глубокъ, на верху горы лежать два каменн самовѣтные, а надъ ними два лютые льва. Толкъ: гора—человекъ на двухъ ногахъ стоитъ, а каменіе очи ясныя, а львы лютые—брови черныя, а кладезь—гортань и чрево». «В. Стоитъ древо злато, а

на немъ листвіе золотое, подъ тѣмъ древомъ стоитъ лоханя; прилетаетъ голубь, листвіе шиплетъ, да мечетъ въ лоханю: лоханя не полна и листвіе не убываетъ. То древо золото—небо, а листвіе—люди, а голубь—смерть, а лоханя—земля». «Стоитъ градъ, а въ градѣ гора стоитъ на четырехъ холмѣхъ, а верху горы поле чистое, а на полѣ цвѣты прекрасныя, а около ихъ пчелы ярыя. Толкъ: Градъ—изба, а гора—столъ, а поле—скатерть, а цвѣты—яди различныя, а пчелы люди». Или: «въ тепломъ царствѣ стоитъ пещера каменная, а въ пещерѣ лютый змій лежитъ, а какъ бываетъ въ царствѣ томъ стужа, змій сокручинится и начнетъ у него изъ рта пламень огненный исходити и изъ ушей куравя дымъ метатися, а изъ очей искры сыплотся. Толкъ: теплое царство изба, а пещера каменная печь кирпичная, а змій дрова горять изутра до вечера». «Вопросъ: сѣяти два, десять жателей, угобанся нива и сотвори три коблы. Толкъ: четыре Евангелиста, двенадцать апостоловъ, три коблы троица Отець, Сынъ и Св. Духъ. Или еще: рабъ понищить, зоветъ дѣти, ихже не родишь. Толкъ: во второе христово пришествіе вострубятъ ангели и возстанутъ мертвіи отъ гробовъ». (Сбор. Сол. библ. № 923.) Мы не можемъ отказать этимъ притчамъ въ поэтической картинности, хотя выборъ сравненій въ нихъ ограниченъ слишкомъ ребяческимъ, слишкомъ необширнымъ знаніемъ предметовъ, хотя сравненія эти иногда очень странны. Кромѣ того въ апокрифической литературѣ былъ такой матеріалъ, въ которомъ живы были вѣрованія чисто языческой религіи. Между апокрифическими сочиненіями упоминается *колядникъ*, самымъ своимъ названіемъ ясно указывающій на содержаніе, заимствованное изъ языческой религіи; о *китоврасе притчи*, съ именемъ котораго соединяется языческое представленіе объ обращеніи людей въ животныхъ, *чаровникъ въ нилѣ же суть 12, вся главизны стиги двюнадесати опромлтыхъ лицъ звѣривъ и птицъ иже суть тѣло свое хранятъ мертво и летастъ орломъ и ястребомъ и вракомъ и дятломъ и совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ и волкомъ* (какъ говорится о Всеславѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ), *летастъ змиемъ, рысью и медведемъ*. Какъ праздникъ въ честь Коледы былъ еще въ силѣ у людей, современныхъ расколу, такъ и вѣра въ превращеніе людей. Въ 50 прим. XII гл. 1 кн. своего свода лѣтописей, Татищевъ, по поводу Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ Невровъ, замѣчаетъ: «У насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладаемые, сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знаменитаго, но нераздуднаго дворянина слышалъ, якобы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышашіе довольно вѣрили... Одна баба тоже о себѣ

сказала, что въ сороку и дымъ превращалась и она съ пытки въ томъ внилась». Въ апокрифической литературѣ упоминается также сочиненіе: «*Еремия попа болгарскаго баски, млаолецъ бо окалннмъ: съдацу святому отцу Сисънію на горе Синайстѣи и видѣ семь жонъ исходящи отъ моря*». Ясно, что въ этомъ сочиненіи сохранилась языческая вѣра въ морскихъ дѣвъ, русалокъ. Соответственно степени народнаго развитія, требованію котораго удовлетворяла апокрифическая литература, она наполнена матеріаломъ двоевѣрнымъ, переходнымъ отъ язычества къ христіанству. Такъ въ ней упоминается о Перунѣ, какъ объ ангелѣ грома (Рук. сол. 6., № 925), говорится о томъ, что «Давидъ ся женить, Адамъ въ сватѣхъ» (ibid.), точно такъ какъ въ сербской поэзіи въ пѣснѣ о женитьбѣ мѣсяца, новозавѣтные святые представляются играющими роль при свадебномъ обрядѣ. Въ самой жизни старообрядцевъ замѣчается поэтический элементъ, соответствующій младенчеству христіанству. Старообрядцы старались сохранить древнехристіанскій аскетизмъ, въ которомъ было много пустынно-поэтического, который былъ такимъ сильнымъ средствомъ для введенія христіанства въ Россіи и который въ это время совершенно палъ, потому что въ монастыряхъ только и занимались, что вареньемъ пива и куреньемъ вина (А. Арх. Эк. т. IV, № 328), ѣли мясо (ibid. III, № 285), принимали къ себѣ свободно женщинъ (ibid. IV, № 116) и выходили на разбой (ibid., № 202). Воображеніе раскольниковъ представляло себѣ иные монастыри. Ихъ воображеніе, настроенное чтеніемъ рассказовъ патерика Синайскаго о поэтической жизни аскетовъ, подталкивало ихъ самихъ къ такой жизни. И мы дѣйствительно находимъ у нихъ, хотя и наружное, подражаніе тому. Игнатій, митрополитъ тобольскій, рассказываетъ слѣдующій случай: «Въ пути нѣкоемъ отъ града, именуемаго Вологды, къ Каргополю, къ морю, акибы учитель нѣкій, врагъ божій, волхвъ и чародѣй, примысли себѣ пустытника имя. И нѣцымъ поселяне, изъ домовъ своихъ изшедше, послѣдоваша ему, яко мяху въ добродѣтеляхъ изрядному... Нѣкій же человекъ отъ града Вологды, отягченъ сый многими грѣхи и вшедъ въ совѣсть свою каишеса предъ Богомъ и положи обѣтъ Господеви Богу, во еже пожити въ чистотѣ и ити въ пустынные мѣста, яко да, въ безмолвіи поживъ, получить отъ Бога прощеніе грѣховъ. Слышавъ же о оной пустыни, како у того пустытника людѣ собравшеса живутъ, восхотѣ тамо поити. Пришедшу же ему ко оному, иже мяшеса пустытникъ быти, молитъ его да повелитъ ему при себѣ жити въ пустыни, якоже и прочимъ. Онъ

¹⁾ Сербскія пѣсни 1. т. Видлимъ пѣсни.

же глагола ему: брате любимый, добръ пришелъ еси бѣгая въ пустыню: нынѣ бо убо на земли нѣсть церкви Божія, вси бо уклонившася и непотребни быша: понеже бо въ церквахъ поють и чтуть по новому, а у насъ еще здѣсь милость Божія покрываетъ, новости никакой не приедемъ и крестимся по преданію блаж. Феодорита: ты же добръ сотворилъ еси, избѣжавъ отъ антихриста. Той же умиленный человекъ, слышавъ сіе, рече ему: азъ, честный отче, молю тя, да наставиши мя на путь спасенія: и сего ради слышахъ житіе твое по Бозѣ, приходъ къ святини твоей по Бозѣ, во еже спастися. Отвѣщавъ же той пустыжникъ: чадо, рече, доброе, подобаетъ тебѣ прежде постомъ искуситися, да не яси, ниже піеши дни нѣкія, дондеже намъ извѣстити о тебѣ Господь Богъ и тогда тя приедемъ съ радостію. Онъ же общася вся повелѣнная имъ безъ сумнѣнія творити, своего ради душевнаго спасенія. Пустыжникъ же повелѣ его ввести во внутреннюю одну отъ келій своихъ храмину, еже баше присовокуплена къ келіи его, идеже самъ живяше и скверная своя мольбища творяше» (3-е посл., Прав. соборѣдн. стр. 116—118). Этотъ разсказъ живо напоминаетъ намъ разсказы патерика Синайскаго, гдѣ точно также раскаявшіеся грѣшники обращаются къ старцамъ пустынножителямъ за совѣтами, какъ загладить свои грѣхи. Этотъ разсказъ тѣмъ болѣе сходенъ съ разсказами патерика Синайскаго, что какъ тутъ, такъ и тамъ видно сектанство. Патерикъ Синайскій разсказываетъ о пустычникахъ, изъ которыхъ одни принадлежали къ православной церкви, другіе держались аріанства, о томъ, какъ одни хулятъ другіхъ, превозносятъ своихъ. Самый образъ обращенія, тоиъ грѣшника и старца имѣютъ своимъ типами повѣствованія патерика Синайскаго. Эту то любовь къ пустынности, къ которой Русскіе, крившіеся постоянно въ лѣсахъ, привыкли еще въ язычествѣ, раскольники старались ввести у себя. Постоянное передвиженье съ одного мѣста на другое, приливы изъ одного мѣста въ другое, это кочеванье составляетъ характеристическую черту нашей древнѣйшей исторіи. Извѣстно, что въ жизни бродячей много поэзіи — постоянная встрѣча новыхъ лицъ, предметовъ, много неожиданныхъ впечатлѣній, а тѣмъ болѣе въ жизни странствующаго проповѣдника; а у старообрядцевъ образовалась секта странниковъ, которые въ бродяжничествѣ полагали христіанскій спасительный подвигъ (253 стр.).

Въ расколѣ старообрядства яснымъ образомъ сказалась потребность русскаго народа относительно искусства. Русскій народъ не чуждъ былъ этой потребности еще во времена языческія. Правда, потребности эти были слишкомъ дѣтскія; правда, они ограничивались только лепетомъ религіознаго искусства, но все же онѣ были, онѣ

требовали себя удовлетворенія. И на этотъ разъ онъ не далеко ушелъ отъ языческихъ потребностей и въ это время онъ былъ религиозенъ, наивенъ, очень мало развился, сравнительно съ требованіями въ язычествѣ. Русскій народъ еще въ язычествѣ привыкъ къ великолѣпію своихъ божествъ, статуи которыхъ онъ украшалъ драгоценными металлами. А русскіе храмы казались раскольникамъ не храмами, а конскими стоялицами. (Благод. слов. п. Іоакима.) Недостатокъ великолѣпія въ русскихъ храмахъ XVII вѣка и потребность въ немъ понималъ и Никонъ, который вводилъ великолѣпіе въ священныя одѣянія и утваряхъ. (Шушеринъ, Рук. Сол. биб. № 235.) Даже въ XVIII вѣкѣ Дмитрій Ростовскій находилъ въ церквахъ сосудъ съ дарами «зѣло гнусный, а тайны божественны въ небреженіи». (Др. р. вивліюв. ч. XVI, стр. 86, 87). А между тѣмъ потребность церковнаго великолѣпія въ народѣ была очень сильна, такъ что когда на Вѣткѣ была построена новая церковь Покровская и великолѣпно украшена по старинному: то «на толику убо славу новоосвященныя церкви, пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ исторіи о Вѣткѣ, вси народи со всѣхъ странъ радости исполнишася, на юже отовсюду приходяще людіе, оставляху дома и въ толикій путь труды пріямаху. Господіе честные о зданіяхъ вознерадиша, и госпожи честніи течаху на оное жительство; дѣвы отхождаху родителей своихъ... Откуда безчисленными народы наполнии вѣтковское жительство и аки градъ великъ въ населеніяхъ тѣхъ явися». (Пол. Истор. изв. о раск. ч. III, стр. 8.) Изъ этого примѣра ясно открывается потребность великолѣпія у людей того времени. Неудовлетворенные въ этой потребности раскольники заботились о ней въ своихъ часовняхъ и молебняхъ. Входящему въ ихъ часовню открывался богатый иконостасъ, украшенный старинными, часто *драгоценными* иконами, десятки горящихъ лампадъ и сотни возженныхъ свѣчъ сіяли, по выраженію раскольниковъ, «какъ лице Божіе». (272 стр.) Конечно, требованіе отъ искусства блеска металла и блеска свѣчъ (еще до сихъ поръ такъ сильно сохраненныя въ русскомъ народѣ), вмѣсто изящества, требованіе очень дѣтское. Это требованіе не болѣе, какъ первая проявленія требованій искусства. Но одно уже отвращеніе отъ безобразія, неряшества, стремленіе къ чистотѣ, благообразію показываетъ потребность искусства. Русскіе люди въ язычествѣ не чужды были изображеній своихъ боговъ въ статуяхъ. Между своими богами они имѣли чернубоговъ. Какъ дѣти они разставлялись съ разрушеніемъ статуй своихъ боговъ, какъ будто вмѣстѣ съ статуями ггло все ихъ старое. Только что промѣнявши статуи своихъ языческихъ божествъ, только что освоившись съ темными христіанскими изображеніями живописи визан-

тійской, изображеніями, которыя по своей мрачности и таинственности, можетъ быть, пришлось по ихъ фантазіи, не могли они тотчасъ же снова мѣнять ихъ на ясныя свѣтлыя изображенія. Такъ пишетъ Игнатій, митрополитъ тобольскій, о Капитонѣ: «Видѣвъ же діаволъ готова его суша ко пріятію козней его, вложи ему помысль, яко не подобаеъ новописаннымъ иконамъ поклоняться: аще бы Спаса Христа или Пресвѣтыя Богородицы, или святыхъ; но точью какого ветхаго письма и стараго и зачадѣлаго ики бы издревле писаны: и егда въ домъ гдѣ вхождаше, аще видяше икону новописану и сіяющую новописаніемъ, тогда никакоже не поклоняшеса той святой иконѣ». (3-е посл. Пр. соб. 1855. 2 кн.) Привыкнувши къ статуетному изображенію своихъ божествъ, въ которомъ раздѣльно представлялась каждая часть тѣла статуи и не находя этого въ мало искусной живописи, русскіе раскольники непременно требовали подписанія обозначающаго что изображено. Тотъ же Капитонъ «егда бы видѣлъ Пресвятую Богородицу на иконѣ написанную, аще и подписаніе имѣющую Мати Божія: рудѣ же младенца превѣчнаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа не написана: тогда и той иконѣ не поклоняшеса» (ibid.). Въ изображеніяхъ церковныхъ господствовало символизмъ, соответствующій младенчеству сстоянію христіанства. Въ символической живописи въ соответствии апокрифической литературы участвовала свобода фантазіи, такъ что Іоанна изображали со львомъ, а Марка съ орломъ, что исправилъ Никонъ. Раскольники же, наполняя скиты свои образами, имѣли школы иконописцевъ для приготовленія иконъ въ раскольническомъ духѣ и снабжали ими всѣхъ кого бы то ни было (288). По словамъ митрополита Евгенія живописцы ихъ были искусны (*Словарь* объ Андрѣе Денисовѣ). «Для большаго распространенія раскола раскольники всѣхъ сектъ привозили иногда на ярмарки предметы, относящіеся къ расколу, какъ наприм. старыя книги, зубочныя картины и т. д., и тутъ продавали» (289). Въ обрадахъ своей старшины русскій народъ очень любитъ драматическія сцены, которыя представляются въ играхъ и которыя особенно сохранились до сихъ поръ въ свадебныхъ обрядахъ, въ которыхъ разыгрываются цѣлыя напередъ заученныя сцены. И посламъ Владиміра понравился драматизмъ христіанскаго богослуженія въ Византіи. Раскольнической любви потолковать о предметахъ религіозныхъ, драматической формѣ апокрифической ихъ литературы, соответствовала любовь ихъ къ тому же въ богослуженіи. А между тѣмъ духовенство не удовлетворило этой ихъ потребности. Во многихъ погостахъ новгородскихъ «церкви стояли безъ пѣнія пусты», или «дворы поповы были пусты». Въ означенномъ сочиненіи

представляется множество примѣровъ того, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи не было богослуженія «скудости ради іереевъ», «за умаленіе іереевъ» (382, 383). Иногда по лѣности священники не хотѣли служить даже въ праздники. Такъ въ 1659 году «видимо учинилось святѣйшему п. Іосифу, во владимірскомъ уѣздѣ, въ ярополческой волости у церкви поповъ по осьми и по шести и по четыре и по три и по два и что тѣ попы на свѣтлой недѣли служатъ въ одно свѣтлое воскресенье, а въ понедѣльникъ свѣтлая недѣля и во всю негѣлю и во всѣ владычныя праздники и въ богородичныя праздники службы не бываетъ». (А. А. Э. IV, № 326.) А иногда если и совершалось богослуженіе, то лица занимали не свои роли. «Священники лѣнились служить, и вмѣсто нихъ дьяконы, дьячки или пономари, подобно безпоповцамъ, совершали такіа службы, которыхъ, по церковному уставу, никто, кромѣ священника, не долженъ совершать или читали въ послѣдованіяхъ такіа молитвы, которыя также непремѣнно самъ священникъ долженъ былъ читать и по лѣности не читалъ». (Дополи. къ акт. истор. V, стр. 469.) Была также небрежность въ дѣйствіи, такъ что, какъ видно изъ постановленій собора 1651 г., дьячки стояли лицомъ не къ царскимъ дверямъ, а назадъ или на сторону или какъ пѣвцы пѣли, псаломщики читали, дьяконы говорили эктеньи, а священники возгласы не выслушивая и не дожидаясь другъ друга, вси въ одинъ голосъ», о чемъ говорить и духовный регламентъ. Такимъ образомъ не было раздѣльности въ совершеніи богослуженія и любимая сторона его теряла свое значеніе. Иногда же совершали послѣднюю часть богослуженія безъ первой: обѣди служили безъ часовъ. (Акт. археогр. экспед. т. III, № 264.) Самое богослуженіе нарушалось безпорядкомъ. «А пономари по церквамъ молодые безъ женъ, да такожде по церквамъ поповы, купно же и мирскихъ людей дѣти, во время святыхъ службы въ алтарѣ безчинствуютъ; и во время же святаго пѣнія ходять по церквамъ шпыни съ безстрашіемъ, человекъ по десятку и больше, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ и въ церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся; а нини полагающе пеленю на блюдохъ и свѣчи и собирають, рекущу на созиданіе церквамъ; а нини же творятся злоумни, а потомъ ихъ видять пѣлоумныхъ; а нини ходять въ образѣ пустынноическомъ и въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы; а нини во время святаго пѣнія въ церквахъ ползають, пискъ творяще, великы соблазнъ подагають въ простыхъ человекѣхъ». (А. А. Э. т. III, № 264.) Или еще разсказывается, что «нѣкоторые протопопы и попы начинали вечерни и заутрени безъ ризъ, а по церквамъ во время божественнаго пѣнія въ вечерню, въ заутреню и ли-

тургію ходили иноки и прокураты съ образами и съ блюдами и съ пеленами и всякихъ чиновъ люди милостыни просили и отъ ихъ крику и писку православнымъ христіянамъ божественнаго пѣнія и чтенія не слышно было, да тѣмъ въ церкви Божіи приходили аки разбойники съ палками, а подъ тѣми палками были у нихъ копѣйца железныя и бывала у нихъ межъ себя драка до крови и дая смрадная». (А. А. Э. т. IV. № 321.) И такимъ образомъ самые совершенители богослуженія являлись безъ ризъ; оставляя свою роль, сѣялись, и наконецъ самое служеніе нарушалось безпорядками и криками. Раскольники же учредили у себя ничѣмъ не нарушаемый порядокъ. «Въ ихъ скитахъ были иноки чинно одѣтые въ древне монашеское одѣяніе, съ степенно суровымъ видомъ, низко кланяющіеся, впереди иноки, старики покрытые сѣдинами, не рѣдко уважаемые ими схимники... въ алтарь іерей или наставникъ дѣйствовалъ смиренно, стройно, степенно... сотни иноковъ по правую и по лѣвую сторону стояли степенно, на вытяжку, всѣ съ четками въ рукахъ, драхмы старцы впереди ихъ съ костылями, всѣ въ бородахъ; никто во время службы съ мѣста на мѣсто не переходилъ, по сторонамъ и назадъ не оглядывался, другъ съ другомъ не разговаривалъ и тѣмъ болѣе не смѣялся. взоръ всѣхъ обращенъ былъ наиболѣе къ землѣ. Служба совершалась по Іосифовскому уставу безъ малѣйшаго опущенія. Все общество молящихся крестилось, одинъ въ одинъ и въ одно время тихимъ, полнымъ и неснѣшимъ двупрестнымъ крестнымъ знаменіемъ, съ усиленнымъ удареніемъ на чель, на раменахъ, и на чреслахъ, съ возведеніемъ очей горѣ, поклоны или метанія тоже клали одинъ въ одинъ, и въ одно время, стройно, чинно, правильно. Богослуженіе продолжалось 4 и 5 часовъ сряду» (272 и 273). А между тѣмъ въ православныхъ храмахъ являлись священнодѣйствовать пьяные! (А. П. т. V, № 75.) Какъ видимъ, драматизмъ этотъ былъ религіозный, однообразный, болѣе мрачный, но все же была любовь къ нему. —

Русскій народъ, какъ и всѣ славянскіе, издавна отличался пѣвучестью. Покидая свои языческія религіозныя пѣсни, русскій народъ не могъ не требовать замѣны имъ отъ новой религіи. Не разъ уже было говорено, что напѣвъ русскихъ народныхъ пѣсенъ отличается грустнымъ, меланхолическимъ характеромъ. Не могъ не требовать себя удовлетворенія въ этомъ отношеніи русскій народъ. Въ раскольникахъ, болѣе чѣмъ въ другихъ людяхъ, сохранилась эта потребность. Но въ русской церкви мало можно было найти удовлетворенія такому требованію. Часто церкви стояли пусты, какъ описывается, безъ пѣнія, иногда стояли

безъ пѣнія по десяти лѣтъ. (А. И. т. IV, № 37.) Какъ имъ видѣли, иногда негдѣ было пѣть, иногда не кому. А если и пѣли, то по скору (Лит. А. Э. III, № 264), тогда какъ русскій народъ въ народномъ своемъ пѣніи любилъ медленные, продолжительные напѣвы. Церковное пѣніе было нестройное не въ голосъ, врознь. Въ 1601 году новгородскій митрополитъ Макарій писалъ тыхвинскаго монастыря архимандриту Юсифу, что «поютъ и говорятъ не единогласно; православные христіане, въ церковь пришедъ, во время святаго пѣнія въ переквахъ стоятъ не смирно, межъ собою говорятъ и смѣются». (А. И., т. IV, № 151.) И въ соборномъ уложеніи 1654 года, что «на Москвѣ и въ городѣхъ и уѣздѣхъ, въ соборныхъ церквахъ и монастыряхъ и въ приходскихъ церквахъ, ввелось отъ небреженія многогласное пѣніе, поютъ и говорятъ голоса въ два, и три, и въ четыре». (Л. А. Э., т. IV, № 327.) Понималъ этотъ недостатокъ Никонъ. Но мы воспользуемся выпискою объ этомъ изъ книги г. Шапова: «такъ онъ (Никонъ) не могъ равнодушно видѣть, въ какомъ упадкѣ находилось въ церкви русской богослужбное пѣніе, которое начало упадать въ Россіи со времени монгольскаго ига. Привыкши къ знаменному или столповому церковному напѣву и исполняя его весьма несправно и небрежно, церковно-служители наши до патріарха Никона почти совершенно забыли и оставили то древнее англо-подобное пѣніе, изрядное осмогласіе и трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе, какое, послѣ болгарскаго и простаго демественнаго напѣва, вновь ввелъ въ церковь русскую Ярославъ Великій, и совершали пѣніе Божіе зѣло по скору. Патріархъ Никонъ, зная изъ прижѣровъ церковной исторіи, что развивалось же въ восточной церкви богослужбное пѣніе, что святые отцы съ IV по VIII вѣкъ не считали грѣхомъ слагать новыя духовныя пѣсни, исправлять древнее пѣніе, — началъ смѣло вводить въ русской церкви новое благогласное пѣнопѣніе, исправляя и возстановляя, что было лучшаго изъ древняго пѣнія. Еще будучи митрополитомъ новгородскимъ, онъ, по словамъ жизнеописателя его, «первѣе повелѣ въ соборной церкви греческое и кievское пѣніе пѣти... и превеліе имъ прилежаніе до пѣнія, и на славу прибавявъ крылосы предивными пѣвчими и гласы прензбравными, пѣніе одушевленное, паче органа бездушнаго и такого пѣнія, якоже у него, ни у кого не бывало» (житіе Ник., Шуш., ркп. сол. библ. № 235. л. 11). Но съ одной стороны онъ, какъ единственный человѣкъ, не могъ много сдѣлать при отсутствіи эстетическихъ потребностей въ духовенствѣ, съ другой стороны онъ, любившій разные напѣвы (въ его житіи), посылая учиться партесному пѣнію (Ундол. въ № 3. Чтен. общ. ист.

1846) не могъ отвѣчать потребности пѣнія съ характеромъ національнымъ. Такого именно пѣнія хотѣли раскольники. Въ ихъ скитахъ «на правомъ и на лѣвомъ клиросахъ по десятку, по два и болѣе многогласныхъ пѣвцовъ чинно, тихо болѣею частію *протяжко заунывно* пѣли церковныя пѣсни по старинному столповому напѣву» (Шап. 272). Любовь раскольниковъ къ пѣнію простиралась до того, что они старались даже служебное чтеніе приспособлять къ пѣнію. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ г. Шаповъ: «Часовенная или монастырская служба раскольниковъ невольно завлекала, плѣняла простое вѣрующее сердце русскихъ простолюдиновъ своимъ внѣшнимъ обрядовымъ благолѣпіемъ, сладостью тихаго, стариннаго столповаго пѣнія, иногда заунывнаго, проникнутаго чувствомъ покаянной грусти, и пріятностью внятнаго, раздѣльнаго, нѣсколько даже на распѣвъ совершаемаго чтенія» (стр. 380). Здѣсь мы снова видимъ неспособность понимать болѣе искусственное, болѣе художественное пѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребность пѣнія, жажду упиваться имъ, хотя это жажда къ пѣнію болыбельному: и до сихъ поръ въ деревенской церкви, особенно подале отъ большаго города вы услышите напѣвъ, напоминающій мотивы народной пѣсни, особенно гдѣ принимаютъ участіе въ пѣніи сами крестьяне.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ оговориться, что мы имѣли въ виду нашу статью только познакомить читателей съ книгою г. Шапова и намекнуть на одинъ изъ существенныхъ ея недостатковъ.

Иванъ Некрасовъ.

ПОВѢСТЬ О ЧЮДЕСИ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, О ГРАДѢ МУРОМѢ И О ЕПИСКОПѢ ЕГО, КАКО ПРИДЕ НА РЕЗАНЬ.¹⁾

Слышахъ убо нѣкня глаголющихъ древняя сказанія о граде Муроме, яко в прежняя лѣта бысть не на томъ мѣсте созданъ, идѣже нынѣ есть, но бѣаше нѣгде в той же области, отстояннеже имѣя не мало отъ нынѣшняго града. Сказаніе же о немъ сїце: яко преславенъ градъ бѣше в російстей земли во дни древняя, многимъ же лѣтомъ прешедшиъ разорис нѣкако и запусѣ и потомъ по многихъ лѣтахъ пренесенъ бысть на ино мѣсто в край тойже области и поставленъ бысть, идѣже нынѣ есть. Егда же бысть в Києве і во всей росні (и) держава превеликого князя и святаго равно апостоломъ владимера і вшегда ему дѣти в содержание градовъ, предасть сынови своему, реку же святому Борису, в ростовстей области град Ростовъ, я сынови своему, реку же святому Глѣбу, градъ Муромъ и с тѣхъ градовъ бысть по христѣ страданія многа и, якоже бысть на ею, познана бысть отъ вѣрныхъ и прославися во святыхъ церквахъ и бѣяху в тѣхъ церквахъ одержанія ихъ епископїи; нарицахуса ти епископїи домовни святыхъ стратотерпецъ Бориса и Глѣба. Потомъ же два князя от того сродства святаго превеликаго князя Владимера, присная суцая себе братія, начаша державствовать болши і ваци во граде Муромѣ и ниіже в Резани. В коликаже времена бысть во граде Муроме епископъ праведенъ імянемъ Василей. Сегоже добраго житія не терпя врагъ, иже древнимъ душамъ работникъ, нача на ны спону творити, яко да при-

¹⁾ По рукописи конца XVII вѣка.

лучна его блудному дѣлу сотворить; и воображается въ дѣвицу і показуя себе не храмы епископа, овогда во оконце выглядая, иногдаж ¹⁾ преходъ творя не храмы его. Видевше же се, много народъ соблазнися, такожь і вельможи приидоша ко епископу в домъ і видевше ся вражия соблазнения, да сея ради вини изгонятъ изъ епископы. Епископыже Василей, приимъ ікону образа божия и превечнаго написано младенчески і пречистая богородица, на нуже имѣа надежу спасенія своего о всецѣмъ уготованіи своемъ, и поиде изъ епископні изъ града Муромъ і проводиша же до реки, нарицаема Оклъ и хотяху ему дати отплыты судно малое. Епископыже Василей и (sic) стоя на брѣзѣ со образомъ пречистыя богородица, на нейже воображен на рудѣ превѣчный младенецъ господь нашъ Исусъ Христосъ і свѣтъ миру, снемже с себе епископъ мантию свою святителскую и простре на воду і вступи на ню, нося божіи богородичный образъ. Абиже бысть чудо дивно і преславно зело: і промысломъ божіимъ и неизреченными его судбами і пречистая богородица милостию і молениемъ несен бысть духомъ бурнымъ со образомъ. Оле чудо! яко не по водѣ несенъ бысть, но противу струямъ речнымъ, отиудуже течаше река. Повѣдаху же о семъ, яко се бысть в трети часъ дни и тогожъ дни в девятый часъ дни прииманъ бысть божиею благодатию и пречистыя богородицы иѣвкое место, еже ныне зовомо старая Резань: ту бо тогда пребываху князи резанстїи. Князьже Ольгъ резанскїи стрѣте его со кресты і тако пребысть муромская епископня в Резани; нарицается же и поднесъ борисоглѣбская, обдержанія ради града Муромъ святымъ Глѣбомъ. Но сихъ же пакы прият бысть Муромъ от резанскихъ епископъ; самиже ктому в Муромъ не возвратишася і до нынѣ, і нарицахуся епископы преже резанстїи и потомъ муромстїи. Егда же посещения ради во градъ Муромъ епископы приходъ творяху, тогда нарицахуся преже муромстїи и потомъ резанстїи. Чюдесная же та ікона, иже епископъ принесе, и до нынѣ в Резани есть: онъ бо вѣроу уповая на ню, сияже милостию удиви, иже хотя безъ порока явити своего раба и се великое чудо сотвори: иже бо во едину шесть часовъ примчанъ бысть вверхъ по рецѣ множае двусотъ поприщъ! О пречистая дѣво владычице і милости божия! кнї языкъ исповѣсть твоя чюдеса или кнї смыслъ по достоянію возможесть похвалити твоя благодаренія, како молиши сына своего со отцемъ и святымъ духомъ о нашихъ согрѣшеніихъ! Се бо слышимъ: не отъ самого зрака твоего, но образа твоего написаннаго кнї силы сотвори. И повѣсть сию и не вѣмъ, како написати,

¹⁾ Въ рукописи: *і кождаж*.

понеже отгуду уже многа лѣта преідоша, і азъ о семъ нѣ добръ свѣде і боюся, да не явлюся о семъ глаголю ложная: яко же слышахъ, сице і написахъ. Аще же нечто і не до конца свѣде и написахъ, но имей в помощь іспрославляющую владычицу всѣхъ боготытерь, еяже достоитъ всему хрстіянству безпрестанно почитати і молити, да избавитъ ны отъ наветъ вражнихъ всегда і нынѣ і присно і во вѣки вѣкомъ миннь.

РУССКАЯ ЛЕГЕНДА XVII ВѢКА О ОБРАЗѢ БОГОРОДИЦЫ. ¹⁾

В новоторжскомъ уѣздѣ пустыня есть, нареченная Каменка. В той пустыни церковь пресвятые богородицы. Во время же разорения московскаго от безбожныхъ Ляховъ нашествіе бысть и на сию пустыню, въ нейже токмо живыи инокъ единъ и пресвитеръ. Ляхъ же нѣкий прииде в церковь пресвятые богородицы, ведый съ собою жену нѣкую отъ плѣна рускаго. Пресвитеръже церкви той, видя сие, убояся Ляха, бѣжа во олтарь, скрыся подъ святую трапезу, якоже о себѣ послѣди повѣствована. Тойже оквиный безбожный Ляхъ видя со дерзновениемъ во святии олтарь и дерзнувъ снати со престола образъ пресвятые богородицы и изнесе изъ олтаря во церковь, поверже на землю и богомерзское проклятое безстыдное дѣло з женою оною на образъ томъ содѣя. Пресвитеръже, зря сие, сѣдя подъ святою трапезою, умилно слезы испусти, плачеша, глаголю: «О пресвятая дѣво богородице! почто еси попустила сему окавиному псу святую свою церковь осквернити и толикое безстыдство на образъ твоёмъ содѣяти? како его, о госпоже! не погубиши?» Тогда гласъ бысть отъ образа: «О пресвитере! сей безстыдный песь за своя дѣяния злѣ погибнетъ; тебѣже глаголю, яко не только ми содѣя безстыдство сей иноязычникъ, якоже ты: понеже безстрашиемъ приходиши в церковь мою и без боязни приступивши ко святому жертвеннику в вечеру упивашися до пияна, и з утра служиши святую литургию и стоя

¹⁾ По рукописи XVII вѣка, графа А. С. Уварова, № 355 (Царскаго № 440).

предъ смѣ моимъ образомъ, отрыгаеши оный гнусный пиянственный свой духъ, и лице мое смѣ зѣло омерзиль еси паче сего поганина: онъ бо невѣдениемъ сотвори и за сие погибнетъ; ты же, вѣдая, согрѣшаеши. Глаголю ти: престани отселе такова дѣла». И тако гласъ той преста. Яхъже гонимъ бысть силою божію, отбѣже; пре-свитеръже воста, во благихъ поживе вся дни живота своего.

СКАЗАНИЕ О ИНДѢЙСКОМЪ ЦАРСТВѢ.¹⁾

Послание Греческаго царя Мануила во Индіискую землю.

Царь Мануиль греческия земли послалъ послы своя во индіискую землю ко царю Ивану индѣйскому і посла к нему дары великия і повелѣ его вопрошати ѿ величій е(го) силъ і о чудесѣхъ индѣйския земли. Царьже Иванъ принялъ многія і великия дары с любовью і послы стали спрашивать о его силѣ і о его чудесѣхъ земли его индѣйския і рече имъ царь Иванъ индѣянинъ: дружелюбы! скажите своему царю Мануилу: аще хоцеши вѣдати всѣхъ силъ моихъ і вся чудеса моего индѣйскаго царства і ты продай свое царство греческое да купи бумаги да приедь в мое царство индѣйское с своими книжники, и я дамъ списати чудеса индейской земли і не мочи тебѣ списати моего царства і до исхода души своея. Да еще ему рцше отъ меня: царь де Мануиль греческий! приедь во индіискую землю и послужи мнѣ вѣрою і правдою, і я учиню тебя слугою себѣ в другихъ или в третьихъ и ты будеши выше своего царства седемъ седмицею і будетъ тебѣ писати мое царство своимъ царствомъ на бумаге, і ты со всѣми своими книжники не можеши списать, занеже не лѣзъ тебѣ списати мое царство индѣйское: азъ есмь до ѿбѣда поплъ, а после обѣда есмь царь над тремя тысящи короли, а поборникъ есмь православной христовѣ вѣре, а царства моего итъти во едину страну 12 лѣтъ, а в другую страну не вестъ сколько: ідѣже небо з землею соткнулося, потамѣсть мое царство скончалося. Да скажете своему царю Мануилу ѿ чудесѣхъ индѣйския земли: Есть у меня в одной странѣ живутъ люди немца, а в другой

¹⁾ По рукописи конца XVII вѣка.

странѣ люди рогатыя¹⁾, а иные люди травоядцы, а иные люди десети сажень высота их, а иные люди половина челоуѣка, а другая пса; а иные люди 6 рукъ имѣють; а иные люди в волосахъ рты ихъ і очи; а иные люди вверхъ рты ихъ. Есть у меня люди блѣдные: единъ ударитца въ полкъ на 1000 челоуѣкъ; да родятся в моемъ царствѣ звѣри слоны, древодоры²⁾ і водятся у насъ волбуды і каркодлы звѣри, лютые, і киторасы звѣри: головы челоуѣчьи, власы женскія і зверки скамалдры, которы во огнь скачють, а не згарають, а на что онѣ прогнѣваются, на челоуѣка іли на древо, помочитца по сердцу і згорять сот мочи его тот час. Есть у меня птица, всякое желѣзо костями своими протираеть. Есть у меня птица, імя ей нагавинъ: шиваеть гнѣздо на пятнатцети дресесахъ. Есть у меня птица гараонтъ: шиваеть гнѣздо на новъ мѣсяцъ і сходитъ огнь с небесе і самое гнѣздо сожигаетъ, і в томъ сгині і сама згараеть, толко останеться единъ пепель і в томъ пепелу зарожаеться червь і возрастетъ і опернатѣеть и потомъ таже птица бываеть. А среди моего царства течеть река Гедсонъ³⁾, а течеть та река із раю и в той рекѣ емлють люди моего царства каменне драгое, імя каменню драгому сапфиръ, измарагда, сердоликъ, аспидъже стоитъ а арадь камень аки огнь палаящъ, есть всѣму каменню царь, імя ему оирсаинъ: всю ночь свѣтитъ, аки уголь горящій. А нѣтъ в моемъ царствѣ ни тѣтя, ни разбойника, ни завидливаго челоуѣка, занеже всѣмъ земля моя изобилна. Есть у меня палата серебряная, покрыта златомъ и внутри украшена каменнемъ драгимъ і жемчугомъ, аки небо звѣздами. А иная у насъ палата сдѣлана в чистомъ злате, в нейже осмь столповъ отъ чистова злата, а толщина в столпѣ по три сажени, а высота осми сажень, а на всѣхъ столпѣхъ по каменя по драгому: в ноци свѣтится, аки огнь горящій, а в день аки злато сияеть. А в палате у меня огнь не горить: вмѣсто огня камень свѣтитъ; ащели огнь свѣтится в кадилехъ но из древа мир негнищаго і тѣмъ миромъ проклажаемъ і тѣлеса своя мажемъ, ино не скоро старѣемъ и очи не болятъ. Есть у меня палата серебряная на златыхъ столпѣхъ, а на столпѣ по два каменя великихъ, аки карчаги, і тѣ каменя свѣтится, аки горить в ноци, а в день аки злато сияеть: я в той палатѣ самъ обѣдаю, а со мною обѣдають 100 царей, 10 патриарховъ, 12 митрополитовъ, 40 епископовъ, 100 дьяконовъ, 50 крылошанъ, 300 королей, 3 князей, а поварию у меня строятъ, ѣтъ

¹⁾ Въ другомъ спискѣ: *ропатыя*.

²⁾ Въ другомъ спискѣ: *орамодаре*.

³⁾ Въ др. сп.: *Едемъ*.

припасают два царя, два короля, а перцу у меня исходит в столъ, за обѣдом і за уженою по 4 бочки. А жену у себя імѣю лѣпу паче всѣх, а з женою совокупаюся по дважды в мѣсяце, по тому чѣтобъ племя не вилико... было да родно. І нѣсть в моемъ царствѣ никакова гаду, ни ужа, ни жабы, а каковъ гадъ в нашу землю прїдетъ і на тот часъ і умрет. Есть у меня море песочное, в немже нѣсть воды, но единъ песокъ; аки море колыбаецца, и николиже не стоит на одномъ мѣсте і отколе ветер не потянет, оттоле и поидеть на трицать верстъ; і того моря никаковъ человекъ не проидет никакимъ хитростями, а за тѣм моремъ не вѣдает никаковъ человекъ, что есть тамъ: потому что нѣсть конца ему, а противъ того моря река течет пескомъ без воды: три дни калыбаецца, а на четвертой день стоит тиха; четвертой день минетца і она разливаецца по тѣмъ мѣстамъ. Есть у меня горы пустыя і с тѣх гор течет река невелика под землею, а на едино время растулаецца земля над тою водою, із нея выносить единъ песокъ. А иная рѣка течет въ болшия море, а на устьѣ тое рѣки живутъ люди моего царства, а кормят своихъ дѣтей і самъ ядятъ сырую рыбу, а ловятъ тое рыбу — сами ныряють по три дни. А за тою рѣкою есть горы пустыя і с тѣх гор пылаетъ огонь по многимъ мѣстамъ и в томъ огни живутъ черви, а безъ огня имъ нельзя ни часу быти, а тѣ черви ниши із себя пускають, ино чище вашего шелку, и тѣ ниги емлютъ наши жены и шьють намъ рубахи, і какъ тѣ рубахи ізрудаются, ино ихъ в водѣ не моютъ, но в тотъ огонь мечють і во огни они не згараютъ, но будутъ чище злата. А коли пойду к нарочитому мѣсту, ино предо мною несуть единъ крестъ древяной, на немже написано распятіе господне, а постороння честнаго креста несутъ блюдо великое златое, а на немъ единая земля написана і, на ту землю зря, поминаемъ смертныи часъ от земли есми создани богомъ и пакы в ту же землю поидемъ; а по другую страну тогоже креста несуть другое блюдо, златоеже; а на немъ камень драгой і великинъ жемчюгъ, и на тотъ камень смотрятъ, величается се наше государство. Пдутъ предо мною три проповѣдника і възглаголають великимъ гласомъ; единъ возопиеть: сей есть царь царемъ и государь государемъ; вторый возопиеть великимъ і умилнымъ гласомъ, яко от земли есми сотворены і в ту землю поидемъ. Дворъ я у себя імѣю с утра день ітѣти і до вечера ехати по единую страну, а в томъ моемъ дворѣ есть палаты древяныя, і каменныя, і серебряныя, і златыя. Ещѣже імѣю у себя полату серебряную, покрыта златомъ, внутри украшена жемчюгомъ и различными писемами от начала мира і до сего дни; ещѣже ложницу у себя імѣю от древа негниющаго, імя тому древу сарпалама: на огни не горитъ, на водѣ не то-

нетъ, в земли не гниет. Ешеж во дворѣ моемъ многие рѣки, і озе-
ра, і источники і овощи различныя: умъ человѣческій не можетъ
ізреши. Вратаже моя правая, веревя от камня драгаго самопра, дру-
гая веревя слоновыхъ зубовъ, кровля же врат моихъ змиевыхъ розей;
вратаже моя златыя і з драгимъ каменемъ і жемчюгомъ; да на моихъ
же вратѣхъ ісписаны чудеса от Адама і до сего дни. Да еше стоять
среди моего двора 40 столповъ сребряныхъ, позолочаныхъ, а во вся-
комъ столпѣ вковано по 40 колець, а у всякова колца привязано по
40 коней, а на тѣхъ коняхъ ѣздить со мною на всякую потѣху і за
мой столъ садятся тѣ люди, цари, і князя і короли, опроче патриар-
ховъ і митрополитовъ, і епископовъ, і всего причета црковнаго.
Какоже ты, царь Мануйлъ греческій, можешъ списать царство ин-
дѣйское?» Потомъ отпусти послы его честно, нмыѣ і присно і во
вѣки вѣкомъ. Аминь.

ЗАГОВОРЫ НА ОРУЖІЕ¹⁾.

І. Господи! оружіе на діавола крестъ твой далъ еси намъ: трепе-
щеть бо и трасется не могій възрати на силу его, яко мертвыя воз-
ставляетъ и смерть упраздни, сево рады кланяемся кресту твоему....

*Молитва Господа нашего Исуса Христа отъ стрѣлъ и пушечныхъ ядеръ и
всакыхъ пулекъ и всякаго оружія и побѣща.*

Господи благослови!

Во имя Отца и Сина и Святаго Духа! и взниде на гору господ-
ню Господа нашего Исуса Христа со мною, рабомъ божіимъ, ии-
рекъ, и святаго пророка предтечи и крестителя господня Іоанна,
молитвами святаго Николая Чудотворца, заступѣте мене отъ стрѣлъ
и пулкъ и пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ рабу божію,
иирекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ трид-
цать человекъ, молитвами святыхъ апостолъ и молитвами святыхъ
отецъ запрещаю вамъ стрелкамъ, и ницалнымъ пулкамъ, и пушеч-

¹⁾ Предлагаемые заговоры заимствованы нами изъ рукописи Е. Д. Филимонова,
писанной въ 1769—1774 г. въ Харьковѣ. Къ сожалѣнію эта рукопись, сохранив-
шая нѣкоторыя произведенія устной народной словесности, писана весьма не-
брежно и спльно пострадала отъ времени; нѣкоторые листы ея утрачены, дру-
гіе полунстѣли; чернила во многихъ мѣстахъ выцвѣли.

нымъ ядрамъ и всякому оружію я, рабъ божій, имрекъ, и моихъ товаришовъ пятисотъ тридцать человекъ всѣми святыми молитвами и апостолами, архангелами и ангелами, Михаиломъ, Гаврииломъ и со всею небесною силою, и со всѣми преподобными отцами, и святыми священномучениками, которые за Христа кровь свою проливали, святой Тихонъ¹⁾ всякаго супостата; святіе четыре апостола Іоанъ, Матфей, Марко, Лука помолитесь за меня Господу Богу раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ (тридцать?) человекъ. Слава во имя господне, Господа нашего Іисуса Христа повергни Господь вороговъ моихъ и супостатовъ въ окіянь море и подъ бѣлой камень, и каково въ замкахъ сидѣти крѣпко, таково би было слово христово крѣпко на рабъ божѣмъ, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ: коли ти мои недруги изъ дна моря ключи достануть, тогда мене, раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ избранныхъ достануть. Да не доставать тѣмъ моимъ злымъ недругомъ изъ дна моря ключевъ и мене раба божія, имрекъ, не достазать и товаришовъ моихъ въ заговорномъ оружіи, не образить никакимъ ратнымъ оружіемъ: како не выходитъ, такжебъ стрѣлкою, и пищалнымъ пулкою, и пушечнымъ ядрамъ не выходитъ, нехайже идутъ мимо мене. Я рабъ божій, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ, всегда илии и прѣсно и во вѣки вѣковъ аминь.

II. Во имя Отца и Сина и Святаго Духа! есть море каменное; на томъ морѣ стоитъ каменный столпъ и на томъ столпѣ стоитъ каменной мужъ: висота его отъ земли до небеси, широта его отъ востока до западу, а той мужъ заблетъ заповѣди божія, воюеть своимъ посухомъ желѣзнымъ, и всякому желѣзу и окладу, булату синему и красному, и стреламъ простимъ, и всякому оружію желѣзному, и стреламъ, и пищалнымъ пулкамъ свинцовымъ и оловяннымъ, серебрянымъ, мѣднымъ и желѣзнымъ, и каменнымъ и пушечнымъ ядрамъ желѣзнымъ и всякому пушечному ядру, ни таблею съчною, ни ножомъ разить, ни копѣемъ колоть, никакимъ оружіемъ не рушитъ мене, раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ оружіе (sic!) пятисотъ тридцать человекъ, не образить мене никакимъ ратнымъ оружіемъ и какъ сковородника ушима своими воротитъ за сковороду, такъ би воротилось отъ мене, раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ по той же заповѣди

¹⁾ Точками обозначены мѣста неразобрашья.

всякому желѣзу з...ды своей матери земли, а древо въ лѣсъ, а періе въ птицу, а птица въ небо, а клей во свою матеръ рыбу, а рыба въ море отъ мене раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ; и буде платя мое вѣрпчайше шамина, и панцыря, и ковчега булатине, всегда нинѣ и прѣсно и во вѣки вѣковъ аминь.

III. Азъ рабъ божій, имрекъ, и моихъ товаришовъ иду, на ратный бой, далеко, противъ нератныхъ людей, своихъ злихъ супостатовъ; нератніе люди идутъ противъ мене раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ пятисотъ тридцать человекъ и несутъ крестъ господень, на немъ же распятъ бысть Иисусъ Христосъ, истинной богъ нашъ..... божество совершается и господство совокупляется, то идутъ на мене, раба божія, имрекъ, холми и земли; и якъ широта земли и висота до неба такъ бы летѣли стрѣлы и пищальные пулки и пушечныя ядра отъ мене раба божія, имрекъ, и товаришовъ моихъ пятисотъ тридцать человекъ, во вѣки вѣковъ аминь.

IV. О пресвятая госпоже Богородице, матка хрестова! укрой ризою своею святою отъ неба и до земли мене самага и коиа мого и кто при мнѣ есть; отжени непріятеля отъ мене, и учини порохъ водою, а пулю вѣтромъ отъ мене раба божія, имрекъ, ангеле хрестови на соблюденіе мнѣ отъ Бога съ небеси дай мнѣ..... прележно молюся: ти мя днесь сохрани и просвѣти отъ всякія присподи и ко всякому дѣвию и на путь спасенія направи. Аминь.

ПРИМЪЧАНІЕ ЛОМОНОСОВА НА СКАЗАННУЮ О СУМАРОКОВЪ ФРАЗУ:

Quand un tel parallèle désigne deux génies créateurs.

Génie Créateur перевелъ въ свои трагедіи изъ французскихъ стихотворцевъ все, что имъ есть хорошево, съ великимъ множествомъ весносныхъ погрѣшностей въ російскомъ языкѣ; и оныя шивалъ еще гаже своими мыслями и словами. *Génie Créateur!* стихосложеніе принялъ сперва развращенное отъ Третьяковского и на присланныя изъ Фрейберга сродныя нашему языку и свойственныя написалъ ругательную эпиграмму. Однако послѣ имъ же послѣдовалъ

и писалъ понимъ всё свои трагедіи и другіе стихи. *Génie Créateur!* Дѣйствіямъ училъ Мелиссину; а онъ только вздорилъ и всегда представлялъ въ комедіяхъ комедіи. *Génie Créateur!* Директорство Россійскаго театра велъ такъ чиновно, что за многія мечтательныя его неудовольствія и несправедливыя наглости лишень полной прежней команды. *Génie Créateur!* Сколько ни жилакъ летать одами, выбирая изъ другихъ Россійскихъ сочиненій слова и мысли, и хотя ихъ превысить; однако толь же счастливъ былъ какъ Икаръ. *Génie Créateur!* Новое изобрѣтеніе выдумалъ пчелку и посылалъ ее на медъ на стрѣлку, чтобы потомъ жалила подъячихъ. Изрядной изшелъ способъ въ крапву исп...ваться! *Génie Créateur!* Сочинялъ любовныя пѣсни и тѣмъ весьма счастливъ: для того что вся молодѣжь, то есть пажи, коллежскіе юнкеры, кадеты и гвардіи капразы такъ ему послѣдуютъ, что онъ передъ многими изъ нихъ самъ на ученика ихъ походить. *Génie Créateur!*

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ПЛЕМЯННИКА Н. Н. НОВИКОВА КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ¹⁾.

Исполняя пріятной долгъ благодарности за состраданіе къ сямъ несчастнымъ, я вновь обращаюсь къ вамъ съ убѣдительнѣйшею просьбою принять живѣйшее въ семъ чудесно-несчастномъ семействѣ участіе. Безъ вашего теперь содѣйствія они изгонятся изъ дому и бѣдная дѣвушка, лишённая всего, съ двумя страдальцами должна будетъ искать пристанища въ домахъ чуждыхъ.

Все, случившееся съ покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ, известно, можетъ быть, правительству болѣе, нежели его дочери. По возвращеніи его Императоромъ Павломъ, онъ не хотѣлъ никакого вознагражденія, дабы оправдать себя и Государя своего отъ клеветы и ложныхъ заключеній, и, удалясь въ маленькое свое имѣніе, не престававалъ быть другомъ челоуѣчества. Новыя испытанія, чрезъ болѣзнь

¹⁾ Письмо, отрывокъ котораго мы печатаемъ по имѣющейся у насъ копіи, писано, вѣроятно, въ одно время съ известною запискою Карамзина о Новиковѣ.

дѣтей его постигшія, и устройство маленькаго и въ отсутствіе его разстроеннаго имѣнія требовали займа; онъ занялъ 10,000 руб. серебромъ, не составлявшіе тогда болѣе 35000 ассигнаціями, они вскорѣ обратились въ долгъ сорокатысячной. И отсюда началось разстройство дѣлъ его совершенно; такимъ образомъ оставшіяся на немъ долгъ превышаетъ не много 100 т. рублей. Въ 1812 году онъ одинъ не оставлялъ своего дома, былъ блюстителемъ спокойствія окрестныхъ обитателей; защитникомъ челоѳчества: ибо онъ платилъ крестьянамъ по рублю за каждаго живаго плѣннаго;—содержалъ приводимыхъ къ нему;—пользовалъ больныхъ и раненыхъ, а по изгнаніи непріятели всѣхъ ихъ препроводилъ къ показавшимся обратно полиціямъ и московскому коменданту, — не ища никакой награды. Челоѳкъ примѣрно добродѣтельный, переносившій страданія свои при совершенномъ спокойствіи духа, во всѣхъ случаяхъ былъ твердъ и полезенъ своимъ ближнимъ; исполненный вѣры, преступилъ черту міра суетъ: долженъ ли онъ быть забытъ его послѣдователями, истинными христіанами? Ради самого Христа, призовите на помощь его несчастнаго семейства всѣхъ, кого можете, и оставьте ему приставище при гробѣ ихъ почтеннѣйшаго родителя, прахъ коего конечно поищутъ многіе, обращенные на путь истины. Государь милосердъ, богобоязливъ и сострадательнъ; онъ не отречется отъ искупленія оставленныхъ страдальцевъ; нужно только довести до свѣдѣнія Его.

ПИСЬМО Н. И. НОВИКОВА ¹⁾).

Увѣдливъ я, любезный другъ и Милостивый Государь василій васильевичъ, отвѣтомъ на письмо ваше, благодарностію за трудъ вашъ въ списаніи 2 ч. Жизни Г-жи Гюонъ и увѣдомленіемъ о полученіи обратно 4 вѣка исторіи еретиковъ: что все нынѣ исполняю, прошу благосклоннаго извиненія въ медлѣнности моей: которая и по худому здоровью и по безпрестаннымъ хлопотамъ случилась.—Нынѣ

¹⁾ Списано буквально съ подлинника, находившагося въ древнехранилищѣ М. П. Погодина.

посылаю къ вамъ 5 вѣкъ сей Исторіи; ваши рѣчи прошу потерпѣть у меня были онѣ уже списаны, но брали списывать кое кто, а теперь не могу и отыскать, принужденъ въ другой разъ списывать. Третью часть Жизни Г-жи Гюионъ и бѣлую бумагу, прошу пожаловать прислать, теперь нашолся еще писецъ, такъ я отдамъ ее переписать. Не забудьте о *семейственныхъ картинахъ*: дѣти все ко мнѣ пристають объ ней. Еще маленькая прозъба, которую прошу постараться изъяснить: она есть слѣдующая: покойной Иванъ Ивановичъ Голиковъ, взявъ у меня нѣсколько Экз. *Дѣяній Петра вел.* съ тѣмъ что бы за нихъ отдать *дополненіемъ*, что онъ и прежде дѣлывалъ. Сіе случилось прежде отъѣзда моего въ деревню, а потомъ что случилось вамъ извѣстно. Сколько онъ взялъ Экз. и сколько я долженъ былъ получить, сего теперь не помню и справиться испочемъ: но я за все очень доволенъ (буду), ежели Егоръ Ивановичъ сдѣлаетъ одолженіе, дастъ мнѣ одинъ экземпляръ всѣхъ томовъ *Дополненія*, сколько ихъ было напечатано. Я бы хотѣлъ имѣть у себя сей увражъ полнымъ, въ память двухъ покойниковъ Героя и Автора, котораго я всегда любилъ. Дѣяній 12 томовъ у меня отъ разоренной моей бібліотеки уцѣлѣли въ деревнѣ. Ежели Егоръ Ивановичъ согласится сдѣлать сіе одолженіе, то прошу непереплетенной отдать вручителю: ибо я отдамъ переплестъ въ одинакой переплестъ съ *Дѣяніями*: а ежели не согласится, такъ етому дѣлу такъ и быть.

Прости Люб. др. желаю вамъ добраго здоровья и всѣхъ благъ, въ милости Господней. Есмь навсегда съ искреннею любовію, дружествомъ и почтеніемъ

вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою Н. Новиковъ.

13 Ноября 1806.

БИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ XVIII ВѢКА.

М. И. ВЕРЕВКИНЪ.

Въ Словарѣ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія (т. 1, стр. 73 — 74) сказано, что М. И. Веревкинъ былъ съ 1758 по

1761 г. директоромъ казанской гимназіи, съ 1782 г. корреспондентомъ Академіи Наукъ, скончался 21 марта 1795 года въ вотчинѣ своей влисскаго уѣзда, въ селѣ Михайловѣ; въ молодости сочинялъ стихи, помѣщавшіеся въ журналѣ: «Полезное Увеселеніе», потомъ написалъ комедію: «Такъ и должно», имѣвшую въ свое время весьма значительный успѣхъ; но преимущественно извѣстенъ переводами многотомныхъ сочиненій съ французскаго и нѣмецкаго языковъ». Печатаемъ здѣсь бумаги, касающіяся его литературныхъ трудовъ.— Въ 1792 году Веревкинъ подалъ на имя Государыни слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

Всепрасуднѣйшая Государыня!

1-е. Въ 1763-мъ, всеплостивѣйше твоимъ указомъ кабинету предписано за переводы иностранныхъ книгъ, которыя щедротою твоею обращали всегда въ пользу мою, выдавать мнѣ жалованья по 750 рублей по смерти моему.

2-е. Въ 1776 по благоизволенію твоему же, Государыня! опредѣленъ я къ статскимъ дѣламъ съ прибавкою къ жалованію по чину, изъ прежняго по 450 рублей, достальныхъ же со удержаніемъ въ казнѣ.

3-е. Въ слѣдовавшее затѣмъ до днесь междовреміе, по Твоей же волѣ святой, печтались произведенія пера моего ни счетъ кабинета въ казенныхъ только двухъ типографіяхъ: сначала университетской, послѣ же училища горнаго, которыя во чтѣ становилося мнѣ всякаго моего труда тишенію—по подаваемымъ въ кабинетъ счетамъ получали деньги, мнѣ же отпускали книги натурою, и я, ихъ продавая оптомъ, выручалъ тысячи по двѣ, болѣе или менѣе на годъ, по соразмѣрностямъ съ количествами оныхъ..... Тако проводилъ я прежде и послѣ уже моей отставки, послѣдовавшей въ 1781-мъ, 16 лѣтъ даваемыми мнѣ изъ прежняго моего жалованья 450 рублями, расплачиваяся съ занимавцами монни.

4-е. Въ нынѣшнемъ февралѣ сія послѣдняя милость Твоя, единое и все пропитаніе мое составлявшая, отнялася у меня. Обвинчалъ всесовершенно; я и семейство мое разбѣянно ищемъ уже нигдѣ хлѣба насущнаго по челоуѣколюбцамъ.... Ты, Государыня! одному Богу развѣ уступаешь въ челоуѣколюбіи и милосердіи.

5-е. Къ тебѣ единой и вопіетъ безгрѣшный предъ тобою старикъ, полстолтія на служеніе тебѣ и предкамъ твоимъ всѣ силы истощавшій: взыщи единожды уже тобою въ 1763-мъ дарованнымъ жалованьемъ по 750 рублей на годъ; повели удержанныя части онаго чрезъ шестнадцать лѣтъ ему выдать, да очистится отъ всѣхъ своцхъ долговъ; ущедрн возвращеніемъ въ перзобытное его, десни-

цею твое устроенное въ 1763-мъ, состояніе — и во убогой своей о сорокъ душахъ деревенькѣ подышетъ еще сколько-нибудь на свѣтъ самъ, издавая въ печать въ казенной какой-либо типографіи, безъ обремененія казны твоей, элементарныя только и тому подобныя сочиненія, слава и боготворя великое имя твое.

Всеправосуднѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества

всподданнѣйшій *Михаилъ Веревкинъ.*

(Прошеніе было сложено въ четвертку, съ надписью на оборотѣ: «Божественная правосудница! въ послѣдній на всю жизнь мою разъ о себѣ лично утруждаю: удостой прочтенія»).

При дѣлѣ хранится еще другое подобное же прошеніе Веревкина, которое также приводимъ сюда:

Великая Самодержица!

Указомъ кабинету, за подписаніемъ руки вашей, въ 1763-мъ повелѣно выдавать мнѣ по 750 рублей на годъ по смерти мою.

Таковымъ же въ 1776-мъ опредѣленъ я къ статскимъ дѣламъ съ прибавкою къ жалованію по чинамъ моимъ изъ вышесказанныхъ 750-ти по 450-ти ежегодно.

Въ 1781-мъ за болѣзною отставленъ. Съ того времени до днесь получаю изъ того вѣчно-пожалованнаго мнѣ пенсіона 750-ти только по 450-ти, на старости моей съ немалымъ семействомъ нуждаюсь даже дневною пищею; ибо и сіи 450 удерживаются у меня, по моему же прошенію, въ московскомъ счетномъ казначействѣ на уплату долговъ моихъ.

Подъ скиптромъ твоимъ, Государыня! всякая душа тобою прирѣчна; призри и на меня, пятьдесятъ лѣтъ тебѣ собственно и высокими предкамъ твоимъ ревностно и безпорочно служившаго. Слово твое непреложно; повели исполняться по первоупомянутому именно обо мнѣ въ 763-мъ указу твоему: выдавать мнѣ отнынѣ и удерживаемыя со дня отставки моей изъ вѣчно-пожалованнаго онаго мнѣ пенсіона по 300 рублей ежегодно по смерть мою!

Великая Самодержица!
Вашего Императорскаго Величества
всподданнѣйшій *Михаилъ Веревкинъ.*

Вслѣдствіе этихъ прошеній была составлена слѣдующая

*Записка о пенсіонѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника
Веревкина.*

«Въ 1763-мъ и 1764-мъ годахъ Ваше Императорское Величество высочайше повелѣть соизволили быть ему въ вѣдомствѣ кабинета,

для перевода съ иностранныхъ языковъ книгъ съ жалованьемъ по 750 р. въ годъ, которымъ и пользовался онъ по 1776-й годъ, а въ семь году опредѣленъ былъ въ Новгородъ въ намѣстническое правленіе совѣтникомъ, гдѣ къ окладному его жалованью 600 рублямъ по высочайшему соизволенію прибавлено изъ числа получаемыхъ изъ кабинета 150 рублей, что и сдѣлало тѣже прежде получаемые имъ 750 рублей. Послѣ того вскорѣ прибавлено еще изъ кабинета по 300 рублей, что и составило кабинетскихъ 450, да окладныхъ 600, а всего 1050 рублей. Потомъ опредѣленъ въ гражданскую палату предсѣдателемъ, а по сему мѣсту съ жалованьемъ по 810 рублей, а съ означенными 450 получалъ онъ 1290 р. Наконецъ въ 1781-мъ году уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника безъ жалованья; остались же при немъ только кабинетскіе 450 рублей, но какъ оныя обращены были на уплату долговъ его, то и содержалъ онъ себя переводомъ книгъ, которыя тогда же высочайше повелѣно было печатать на счетъ казны изъ кабинета. Въ 1792-мъ году сіе кнѣзъ печатаніе высочайшимъ повелѣніемъ воспрещено; симъ самымъ доходъ его отъ переводовъ книгъ совсѣмъ пресекается. А хотя отпускаются ему изъ кабинета помянутыя по 450 рублей въ годъ; но какъ выше явствуетъ, что обращены оныя на уплату долговъ его, которые претендаторы его и получаютъ изъ счетныхъ казначействъ уже сами погодно, то и остался онъ теперь въ старости дѣть своихъ и съ семействомъ безъ малѣйшаго дохода. Просить изъ высочайшаго милосердія на малой остатокъ дней его дать ему насущной хлѣбъ въ пропитаніе».

Кромѣ того, при письмѣ С. Стрекалова отъ 25 ноября 1792 г. къ Г. Р. Державину препровождены, вѣроятно,—для доклада Государынѣ, выписка изъ дѣлъ кабинета, о производимой оттуда пенсіи статскому совѣтнику Веревкину и подробная вѣдомость о сочиненіяхъ его и переводахъ, печатанныхъ на счетъ кабинета. «Выписка» въ началѣ сообщаетъ уже извѣстныя намъ свѣдѣнія; выписываемъ ея окончаніе: «За сочиненіе же и переводы его г. дѣйств. статскаго совѣтника Веревкина, на счетъ кабинета печатанныя, заплачено денегъ съ того 1776 года по нынѣшній 1792-й годъ, въ типографіи: Московскаго университета — 42,855 р. 62 к., горнаго училища — 23,501 р. 93½ к.; а всего 66,357 р. 55½ к. И какъ сія сумма плачена въ тѣ типографіи по требованіямъ оныхъ, а не ему г. Веревкину выдавана, то и мензѣбно въ кабинетѣ, какими онъ выгодами отъ помянутыхъ типографій пользовался. Сверхъ сего въ типографіи горнаго училища въ нынѣшнемъ году напечатано его книгъ на 4311 р. 23¾ к., да въ типографіи академіи наукъ печатается

книга подъ заглавіемъ: «Картина Оттоманской имперіи»; во что-жь оная обойдется еще неизвѣстно. Но платежъ сихъ послѣднихъ денегъ, по силѣ именныхъ Ея Императорскаго Величества высочайшихъ указовъ сего 1792 года февраля 27 и 28 числа остановленъ впредь до воспослѣдованія на оное особаго высочайшаго повелѣнія.

При «выпискѣ» приложены въ копіяхъ:

а) Высочайшій указъ отъ 17 октября 1763 года: «указали мы пожалованному отъ насъ въ вѣчную отъ всѣхъ дѣлъ отставку коллежскому совѣтнику Михайлѣ Вережкину быть въ вѣдомствѣ нашего кабинета у переводу книгъ съ иностранныхъ на руссiйской языкъ, а для бѣдности его выдать ему нынѣ изъ онаго кабинета въ награжденіе 300 рублей; когда же данную ему книгу переведеть и тотъ его переводъ опробованъ будетъ, то и жалованье по чину коллежскаго совѣтника производить ему».

б) Высочайшій указъ отъ 23 генваря 1764 г. о производствѣ Вережкину жалованья по чину изъ комнатной суммы.

в) Высочайшее повелѣніе, объявленное дѣйств. тайн. совѣтникомъ Олсуфьевымъ отъ 11 августа 1776 г. о производствѣ Вережкину, опредѣленному къ дѣламъ въ Новгородской губерніи, додавать къ новому его жалованью 150 рублей изъ комнатной суммы на годъ.

г) Записка императрицы къ Олсуфьеву отъ 25 октября 1776 года: «Адамъ Васильевичъ! Колл. Совѣтн. Вережкину изъ прежней пенсіи выдавайте по триста рублей; да и книги, которыя переводить или сочинять онъ будетъ—печатали бы на коштъ кабинета, какъ сіе и было ему предъ симъ позволено».

е) Записка императрицы С. Ф. Стрекалову отъ 27 февраля 1792 года «Степанъ Федоровичъ! прикажите выправиться по кабинету во что въ прошломъ году стали(о) печатаніе переводы(овъ) Вережкина, и до указа болѣе не давайте на оныя ни одну копѣйку изъ кабинетной суммы».

д) «1792 года февраля въ 28 дней, Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила: чтобы впредь ни въ какихъ типографіяхъ какъ сочиненій, такъ и переводовъ, безъ особливаго Ея Величества повелѣнія, а притомъ и безъ увѣдомленія отъ кабинета на счетъ онаго не печатать; а позволила Ея Величество печатать сочиненіи и переводы г. коллежскаго совѣтника Петрова. На подлинномъ подписано: Степанъ Стрекаловъ».

ВЪДОМОСТЬ.

Именнымъ Ея Императорскаго Величества высочайшимъ указомъ за собственноручнымъ подписаніемъ 1776 года октября въ 25 день повелѣно: сочиненія и переводы г. дѣйств. стат. сов. Михайла Ивановича Вережкина печатать на счетъ кабинета. Вслѣдствіе чего напечатано въ типографіяхъ нижесписанныхъ книгъ, и за оныя отпушено изъ кабинета въ тѣ типографіи по требованіямъ ихъ денегъ, а именно:

Въ которой типографіи и какія книги печатаемъ.	Типографіи требо- вали.	Въ какое время изъ ка- бинета замлчено.		
Въ Типографіи Мос- ковскаго Император- скаго Университета:				
1776 г.				
Сюліевыхъ записокъ, 9-го тома	501 р. 39 ¹ / ₄ к.	1776 марта 17.		
10-го »	414 р. 47 к.	— ноября 10.		
1777.				
За напечатаніе перево- довъ	380 р. 84 ¹ / ₄ к.	1777 октября 23.		
1779.				
Всеобщаго повѣствован- ія о путешествіяхъ, 2-го тома	597 р. 6 ¹ / ₄ к.	1779 декабря 17.		
4-го »	572 р. 15 к.	1782 февраля 17.		
1780.				
Описаніе Екатеринин- скимъ водамъ, 1 книга 1782.	155 р. 87 ¹ / ₂ к.	1780 декабря 22.		
Сказаніе о мореплава- ніи, 1-й части	445 р.	1782 іюля 13.		
1783.				
2-й части	} 3185 р. 13 ¹ / ₂ к.	1783 генваря 26.		
О странствіяхъ, 1-й				
и 2-й				
3-й			1874 р. 80 к.	— марта 31.
4-й			1818 р. 45 к.	— іюня 30.
5-й и 6-й			2939 р. 61 к.	— декабря 11.
1784.				
7, 8 и 9-й	3779 р. 25 к.	1784 апрѣля 26.		
10 и 11-й	2680 р. 99 к.	— декабря 30.		

1785.			
	12-й	1287 р.	1785 января 12.
	13 и 14-й	3699 р. 32 к.	— августа 27.
	15-й	2196 р. 91 к.	— октября 25.
	16-й	1557 р. 5 к.	— декабря 16 и
1786.			1786 декабря 28.
	17-й	1570 р. 66 ¹ / ₂ к.	— мая 28.
	18-й	1320 р. 74 ¹ / ₂ к.	
1787.			
	19-й	1665 р. 58 к.	} 1789 февраля 12, 1791 марта 21, апрѣля 29 и мая 8.
	20-й	1421 р. 16 ¹ / ₂ к.	
	21-й	1608 р. 82 к.	
	22-й	551 р. 83 ¹ / ₄ к.	
1786.			
О китайцахъ 1-го т.		959 р. 67 ¹ / ₂ к.	1786 декабря 28.
1-го »		1248 р. 24 ¹ / ₂ к.	— октября 19.
1787.			
	3-й т.	1573 р. 59 ¹ / ₂ к.	} 1789 февраля 12, 1791 марта 21, апрѣля 29 и мая 8.
	4-й »	940 р. 91 к.	
1788.			
	5-й »	949 р. 40 к.	
	6-й »	959 р. 71 к.	} Итого въ типог. московск. университ. 42,835 р. 62 к.
Въ типографіи горна- го училища:			
1786.			
Аглинской исторіи,			
1-й томъ	932 р. 13 к.		1786 октября 19.
2-й »	998 р. 20 к.		— декабря 5.
1788.			
3-й »	1034 р. 93 к.		1788 июня 17.
Французской исторіи,			
1-й и 2-й томъ	1870 р. 30 к.		— декабря 29.
3-й »	1006 р. 95 к.		— ноября 29.
1789.			
Лермейстера или на- ставника, 1-й части	722 р. 20 к.		1789 ноября 6.
1790.			
2-й »	636 р. 22 ¹ / ₂ к.		1790 февраля 25.
3-й и 4-й »	2510 р. 1 ³ / ₄ к.		— декабря 24.
1791.			
5-й »	531 р. 16 ³ / ₄ к.		1791 января 17.

6-й и на гравировку досокъ . . .	3094 р. 31 ¹ / ₄ к.	— марта 11.
7, 8 и 9-й . . .	2219 р. 53 к.	— июля 16.
1790.		
Алжорана, 1-я книга	994 р. 47 ¹ / ₂ к.	1790 августа 7.
1791.		
2-я . . .	808 р. 50 к.	1791 июля 16.
1790.		
Исторія турецкой,		
1-го тома	116 р. 68 к.	1790 августа 7.
2-го »	1838 р. 32 ¹ / ₂ к.	— декабря 7.
1791.		
3-го »	887 р. 90 к.	} 1791 января 17.
4-го »	938 р. 36 ¹ / ₄ к.	
Житіа философа Кон- фуція, 1 книга съ портретомъ . . .	1361 р. 73 ¹ / ₂ к.	— —

Итого въ типогра-
фію горнаго училища
23,501 р. 93¹/₂ к.

А всего въ типо-
графіи московскаго
университета и гор-
наго училища . . . 66,357 р. 55¹/₂ к.

Въ оной же типогра-
фіи горнаго училища
сего 1792 года:

Наставника 10 части	752 р. 45 к.	} Платомъ снхъ денегъ оставленъ по силѣ именнаго Ея Импера- торскаго Величества указа, писаннаго и подписаннаго собст- венною Ея Величества рукою сего 1792 года февраля 27 дня (*).
Географическаго сло- варя, 1-й части . . .	726 р. 71 ¹ / ₄ к.	
2-й » . . .	822 р. 85 к.	
3-й » . . .	785 р. 52 ¹ / ₂ к.	
4-й » . . .	616 р. 50 к.	
5-й » . . .	607 р. 20 к.	
	4311 р. 23 ³ / ₄ к.	

(*). Книги, означенныя въ этой ведомости, указаны въ словарѣ Евгения, од-
нако не все; нѣзъ пропущены исторія французская (переводъ сочиненія аббата
Ивлота, означенъ въ «Росписіи» Смирдина подъ № 3147) и англійская (того же
автора, у Смирдина подъ № 3179), житію Конфуція (у Смирд. № 3423), пол-

Въ типографіи Императорской академіи наукъ, печатается книга подъ заглавіемъ:

Книга Оттоманской имперіи.

Оная печатается по указу изустно объявленному директору сей академіи, госпожѣ статсъ-дамѣ княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, чрезъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гавріила Романовича Державина.

ная картина Оттоманской имперіи (у Смирд. № 3587) и Записки о Китайцахъ (у Смирд. № 3584). «Роспись» Смирдина еще указываетъ на комедію Веревкина: «Точь въ точь» (Спб. 1785 г.), и на переведенный имъ «Хозяйственной деревенскій календарь» (М. 1794 г.).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	стр.
Матеріалы для характеристики Карамзина, какъ практическаго философа. <i>И. П. Лыжина</i>	3
Смоленская легенда о св. Меркуріи. <i>Θ. И. Буслаева</i>	13
Последнее мнѣніе Шафарика о Глаголицѣ. <i>И. П. А. Е. Викторова</i>	67

II. МАТЕРІАЛЫ.

Сказаніе о созданіи великія Божія церкви св. Софіи въ Константинополѣ. Съ предисловіемъ <i>К. К. Герца</i> и <i>Θ. И. Буслаева</i>	3
Русскіе нѣтерлюдіи первой половины XVIII вѣка. Съ предисловіемъ <i>И. С. Тихомирова</i>	35
Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ	61
Прѣніе литовскаго протоіона Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Ілією и справщикомъ Григоріемъ по поводу исправленія, составленнаго Лаврентіемъ Катхихизиса	80
Сказка объ Урусланѣ Залазаревичѣ. По рукописи XVII вѣка, сообщенной <i>В. М. Ундольскимъ</i>	100

III. СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

Придворныя проповѣди въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. <i>И. А. Попова</i>	1
Повѣсть града Іерусалима. <i>Θ. И. Буслаева</i>	34
<i>Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Herausgegeben von Dr. Lazarus und Dr. Steinthal (1859 № 1).</i> <i>А. Л. Дювернуа</i>	44
Сказка о милосердомъ купцѣ	61

	стр.
Стихъ о книгѣ голубиной	64
Повѣсть о Теодорѣ жидовинѣ	69
Разговоръ о дѣтяхъ Адамовыхъ	72
Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражд- данственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. Сочиненіе Щапова. <i>И. С. Некрасова</i>	73
Повѣсть о чудесѣ Пречистыя Богородицы. о градѣ Муромѣ и о епископѣ его, како приде на Рязань	97
Русская легенда XVII вѣка о образѣ Богородицы	99
Сказаніе о пидѣйскомъ царствѣ	103
Примѣчаніе Ломоносова на сказанную о Сумароковѣ фразу: <i>Quand un tel parallèle désigne deux génies créa- teurs.</i>	105
Отрывокъ изъ письма племянника П. П. Повикова къ А. П. Тургеневу	106
Письмо П. П. Повикова.	107
Біографическія замѣтки о русскихъ писателяхъ XVIII вѣка (М. П. Веревкинъ)	108

